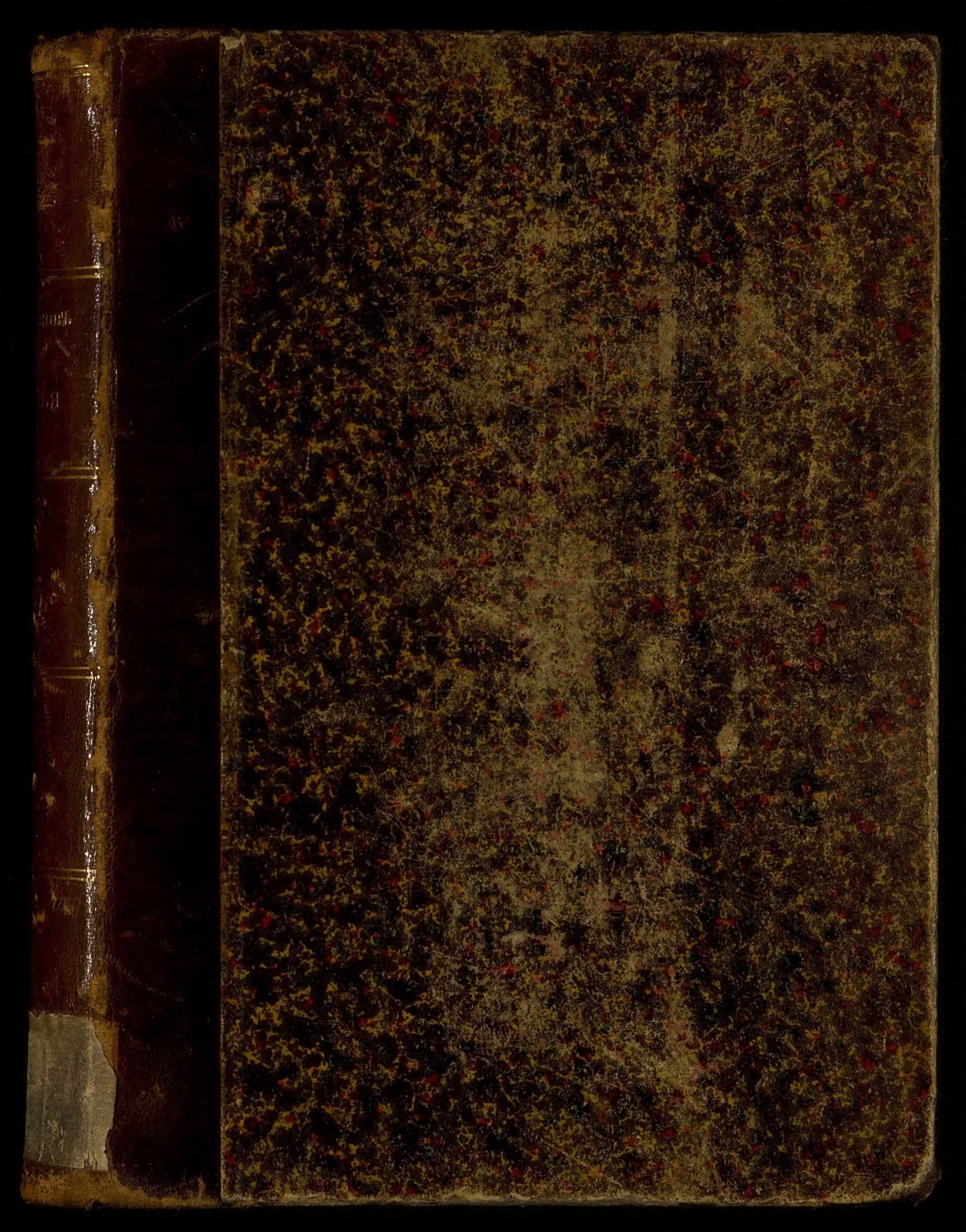
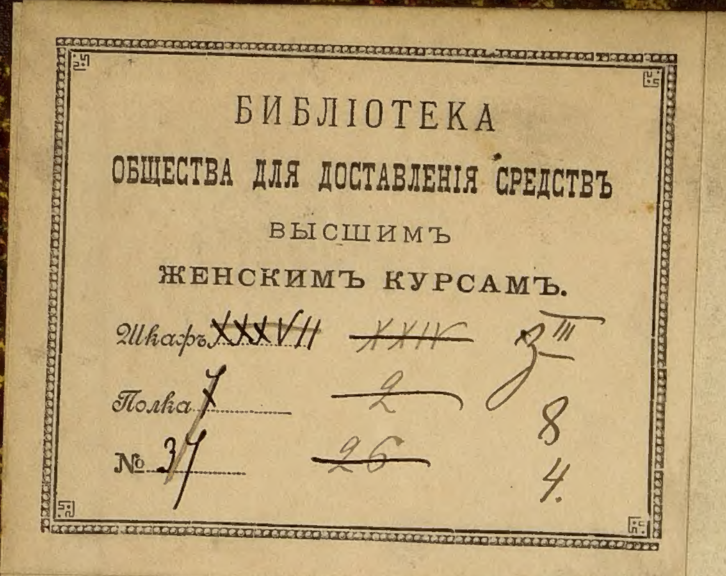

П. В. АННЕНКОВЪ И ЕГО ДРУЗЬЯ

I

П. В. АННЕНКОВЪ

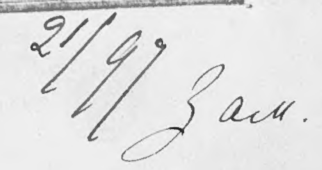
и

ЕГО ДРУЗЬЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ И ПЕРЕПИСКА 1835—1885 ГОДОВЪ

I

Идеалисты тридцатыхъ годовъ.—Записка о Н. П. Огаревѣ.—Письма изъ заграницы (1841—1843).—Парижскія письма (1846—1847).—Письмо изъ Кіева (1862).—Къ исторіи работъ надъ Пушкинымъ.—Письма къ П. В. Анненкову (1842—1868).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1892

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

Павелъ Васильевичъ Анненковъ принадлежитъ къ числу видныхъ представителей литературнаго поколѣнія сороковыхъ годовъ. Почти со всѣми писателями своего времени онъ былъ въ сношеніяхъ, а со многими, преимущественно изъ кружка западниковъ, — въ болѣе или менѣе тѣсной связи. Сознавая важное значеніе этого литературнаго поколѣнія въ умственномъ развитіи нашего общества, онъ давно сталъ собирать біографическіе матеріалы о писателяхъ, выступившихъ на литературное поприще въ тридцатыхъ годахъ и особенно развившихъ свою дѣятельность въ слѣдующее десятилѣтіе. Собственныя воспоминанія Павла Васильевича и его переписка со своими современниками служили ему важнымъ къ тому пособіемъ. Труды П. В. Анненкова по этой части печатались въ свое время въ періодическихъ изданіяхъ, а впослѣдствіи большая ихъ часть вошла въ три выпуска изданнаго имъ сборника: Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. С.-Пб. 1877—1881. Въ 1881 и слѣдующихъ годахъ въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ появилось еще нѣсколько статей П. В. Анненкова въ томъ же родѣ.

П. В. Анненковъ скончался въ Дрезденѣ 8-го марта 1887 года, на семьдесятъ-шестомъ году (онъ родился въ Москвѣ въ 1811 году). Послѣ него остался значительный домашній архивъ, въ которомъ хранятся богатые матеріалы для исторіи нашего литературнаго движенія за послѣдніе полвѣка. Наслѣдники покойнаго писателя предположили извлечь изъ этого источника все то, что въ настоящее время можетъ быть обнародовано въ печати, присоединивъ къ этимъ матеріаламъ и тѣ статьи Павла Васильевича, которыя съ 1841 года появлялись на страницахъ періодическихъ изданій, но не были включены въ „Воспоминанія и критическіе очерки“. Таково происхожденіе настоящаго посмертнаго сборника, которому дано названіе „П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ“.

Въ составъ перваго тома настоящаго изданія входятъ слѣдующіе статьи и матеріалы:

1) „Идеалисты тридцатыхъ годовъ", біографическій этюдъ, написанный П. В. Анненковымъ на основаніи пріобрѣтенныхъ имъ писемъ А. И. Герцена и Н. П. Огарева изъ тридцатыхъ годовъ и собственныхъ его воспоминаній, относящихся къ болѣе позднему времени; этюдъ этотъ былъ первоначально напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы" 1883 года.

2) „Записка о Н. П. Огаревѣ", излагающая личныя воспоминанія П. В. Анненкова объ Огаревѣ; этимъ черновымъ наброскомъ, составленнымъ въ 1877 году, П. В. Анненковъ воспользовался отчасти для предшествующей статьи, но сама по себѣ записка не была до сихъ поръ напечатана.

3) „Письма изъ-за границы", журнальныя корреспонденціи, адресованныя къ В. Г. Бѣлинскому и печатавшіяся въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1841—1843 годовъ. Независимо отъ ихъ значенія для біографіи автора, письма эти живо изображаютъ тѣ интересы, которые въ сороковыхъ годахъ занимали вниманіе образованныхъ русскихъ путешественниковъ въ Западной Европѣ.

4) „Парижскія письма", адресованныя въ редакцію „Современника" И. И. Панаева и Н. А. Некрасова съ конца 1846 года по начало 1848 и имѣющія такое же значеніе, какъ „Письма изъ-за границы". О томъ, какое вниманіе возбуждали они въ свое время, сохранились любопытныя свидѣтельства въ печатаемыхъ ниже письмахъ Н. В. Гоголя, В. П. Боткина и В. Г. Бѣлинскаго къ П. В. Анненкову.

5) „Письмо изъ Кіева", корреспонденція, напечатанная П. В. Анненковымъ въ „Современной Лѣтописи", которая прилагалась къ „Русскому Вѣстнику" въ 1862 году.

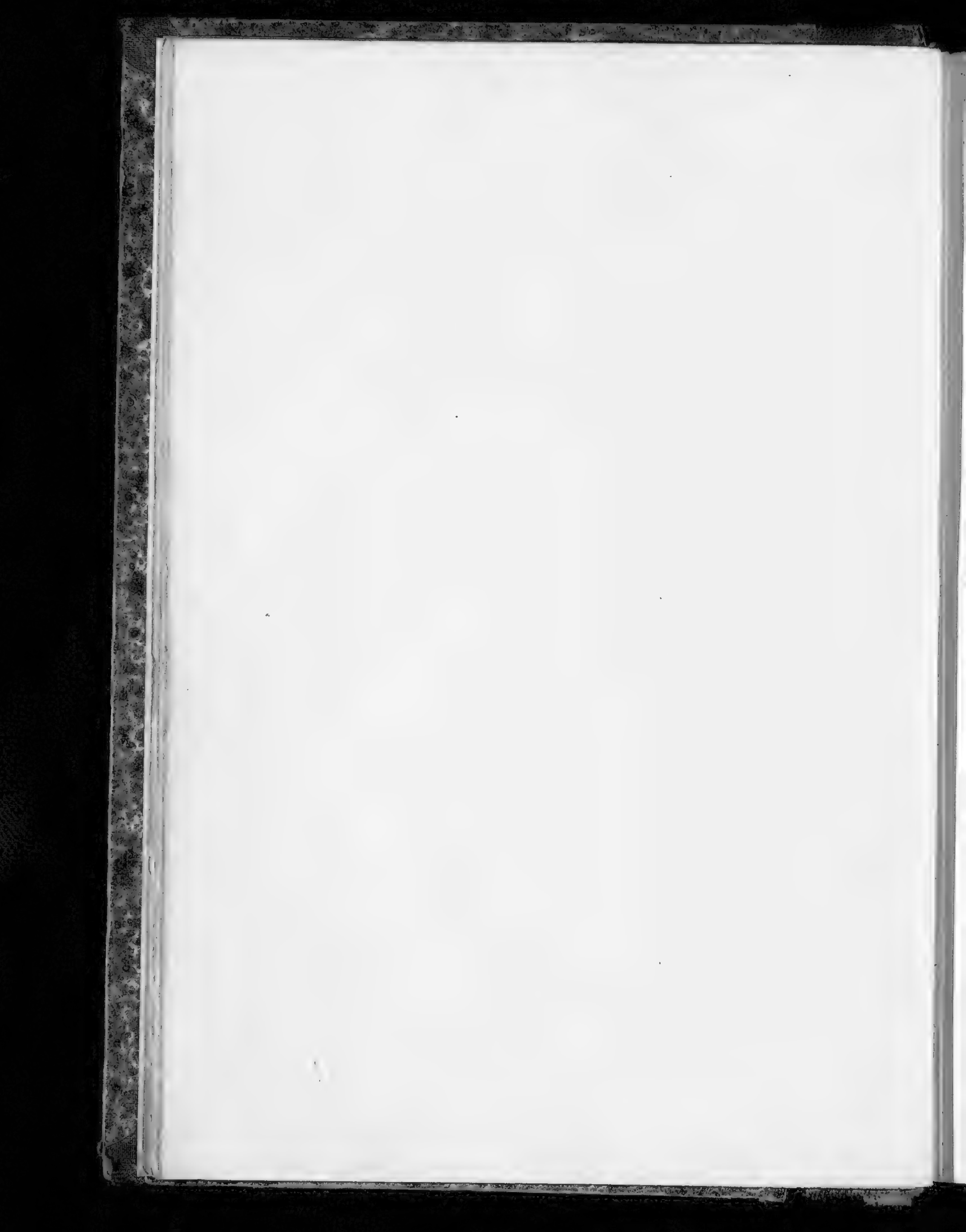
6) „Къ исторіи работъ надъ Пушкинымъ". Какъ извѣстно, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ П. В. Анненковъ посвятилъ себя работамъ надъ великимъ русскимъ поэтомъ, и результатомъ ихъ явились составленные имъ „Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина" и изданіе его сочиненій, вышедшіе въ 1855—1857 годахъ. „Матеріалы" были впослѣдствіи перепечатаны отдѣльною книгой,—самое же изданіе произведеній Пушкина, приготовленное П. В. Анненковымъ, давно вышло изъ продажи. Въ виду того, въ настоящемъ сборникѣ перепечатаны объявленіе и предисловія, предпосланныя этому изданію, и тутъ же помѣщены двѣ статьи П. В. Анненкова, относящіяся къ нему: а) „Любопытная тяжба", излагающая тѣ затрудненія, какія встрѣтило въ 1854 году это предпріятіе, и б) составленная самимъ

Павломъ Васильевичемъ защита его редакціоннаго труда отъ нападокъ, которымъ онъ подвергся отъ одного изъ позднѣйшихъ издателей Пушкина. Обѣ эти статьи появились въ „Вѣстникѣ Европы": первая—въ 1881, а вторая—въ 1882 году. Дополненіемъ къ нимъ и вообще къ другимъ работамъ П. В. Анненкова о Пушкинѣ служитъ статья о литературныхъ проектахъ поэта, о которыхъ П. В. Анненковъ не имѣлъ возможности упомянуть при изданіи его сочиненій; эта статья появилась первоначально въ „Вѣстникѣ Европы" 1881 года.

7) „Письма къ П. В. Анненкову", относящіяся преимущественно къ сороковымъ и пятидесятымъ годамъ и писанныя тѣми лицами, съ которыми ранѣе другихъ Павелъ Васильевичъ завязалъ литературныя сношенія. Нѣкоторыя, весьма немногія изъ этихъ писемъ были напечатаны самимъ П. В. Анненковымъ въ его статьяхъ, вошедшихъ въ „Воспоминанія и критическіе очерки". Теперь представилась возможность обнародовать адресованныя къ нему письма почти въ полномъ составѣ, такъ, какъ они были подобраны самимъ П. В. Анненковымъ. Высокій интересъ этого историко-литературнаго матеріала не можетъ ускользнуть отъ вниманія читателей. Въ дополненіе къ этимъ письмамъ напечатаны: воспоминаніе П. В. Анненкова о его послѣдней встрѣчѣ съ Гоголемъ, извлеченное изъ памятныхъ замѣтокъ Павла Васильевича, которыя еще не могутъ быть преданы печати, и написанный имъ некрологъ В. П. Боткина, появившійся первоначально въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1868 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИДЕАЛИСТЫ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

Біографическій этюдъ.

I.

Справедливо замѣчено было кѣмъ-то, что первые, молодые идеалы писателей столь же важны въ біографическомъ отношеніи, какъ и позднѣйшіе идеалы, на которыхъ основана ихъ извѣстность. Можно дополнить это замѣчаніе тѣмъ соображеніемъ, что предполагаемая имъ смѣна идеаловъ поучительна и важна только при разборѣ и изслѣдованіи обстоятельствъ, подготовившихъ и опредѣлившихъ ее. Безъ этого поясненія измѣненіе идеаловъ представляетъ не болѣе, какъ внѣшнюю картину роста и развитія живыхъ единицъ, которая происходитъ ежедневно и во всемъ органическомъ царствѣ, не обращая на себя особеннаго вниманія людей, привычныхъ къ явленію. Въ такомъ изслѣдованіи и поясненіи причинъ, порождающихъ видоизмѣненія мысли и созерцаній, всего болѣе нуждается однакоже дѣятельность писателей, о которыхъ собираемся здѣсь говорить, именно, жизненная и литературная дѣятельность давно покойнаго А. И. Герцена и тоже покойнаго Н. П. Огарева.

Съ именами этихъ писателей публицистика наша обращалась чрезвычайно осторожно до самаго послѣдняго времени. Въ теченіе многихъ годовъ она обозначала ихъ или начальными буквами ихъ фамилій, или прозвищами, въ родѣ Саша, Никъ, Искандеръ. Примѣръ послѣдняго псевдонима

былъ данъ самимъ авторомъ, Герценомъ, который еще въ періодъ своего пребыванія въ Россіи сдѣлалъ изъ него какъ бы второе имя для себя и скрывался за нимъ, никого, впрочемъ, не обманывая и не дѣлая изъ него загадки ни для кого. Съ 1848 года пропадаетъ и это прозвище въ нашей литературѣ и критикѣ, а о разборѣ направленія писателя, который скрывался подъ прозвищемъ, по существу, содержанію и формѣ и говорить нечего.

Надо прибавить однако, что примѣненіе, въ нѣкоторомъ родѣ, правилъ осаднаго положенія къ двумъ именамъ писателей, и въ особенности къ одному изъ нихъ, не смотря на безуспѣшность результатовъ, имѣло еще въ то время смыслъ, какъ противодѣйствіе политической пропагандѣ, предпринятой ими, и какъ огражденіе поверхностныхъ умовъ, столь падкихъ у насъ на платоническое сочувствіе къ ней. Но теперь, когда несостоятельность пропаганды обнаружилась вполнѣ, и сама она сдѣлалась уже достояніемъ исторіи,—наступила, кажется, пора вывести упомянутыя имена изъ того рода монастырскаго католическаго in pace, куда они загнаны были прежде. Пора возвратить писателей, носившихъ эти имена, къ общему положенію и предоставить свободному критическому обсужденію ихъ прошлую дѣятельность. Можно быть увѣреннымъ, что оно исполнитъ свою задачу удовлетворительно, безъ послабленія къ слабымъ сторонамъ и идеямъ ихъ, безъ преувеличенія того, что̀ найдется у нихъ существеннаго и замѣчательнаго въ художественномъ и нравственномъ отношеніи.

Можетъ быть, отрывки изъ ранней переписки Герцена и Огарева съ друзьями, которую здѣсь предлагаемъ читателямъ, сопровождая необходимыми объясненіями, помогутъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, начать эту желанную оцѣнку съ нужнымъ спокойствіемъ.

Во всякомъ случаѣ, исторія ихъ развитія, ими самими разсказанная, несомнѣнно должна привести къ упраздненію тѣхъ представленій объ ихъ нравственной физіономіи, которыя были составлены для нихъ врагами и имѣютъ еще ходъ между большинствомъ публики, какъ настоящіе, по-

длинные ихъ образы. Обнародованіе выдержекъ изъ переписки разобьетъ, полагаемъ, то подобіе индійскаго идола, сохраняющаго на вѣчныя времена одно и то же тупое выраженіе, разъ ему приписанное, съ которымъ соединено еще въ воображеніи многихъ читателей представленіе Герцена, какъ личности. Никакого застывшаго навсегда выраженія злобы не оказывается въ тѣхъ чертахъ его физіономіи, какія даетъ переписка, да оно и вообще не могло быть его принадлежностью. Самая подвижность его природы и способность принимать впечатлѣнія съ разныхъ сторонъ и отъ разныхъ фактовъ и явленій жизни уже мѣшали окаменѣлости его ума въ одномъ направленіи, а сообщаемая переписка, вдобавокъ, приводитъ еще весьма тонкія черты его душевнаго міра, которыя, конечно, должны существенно измѣнить все, чтò слыветъ у насъ за его портреты и за вѣрныя характеристики его моральнаго содержанія. То же самое слѣдуетъ сказать и по отношенію къ Огареву. Всѣми признанная и распрославленная слабость его характера не мѣшала ему упорно настаивать на принятыхъ рѣшеніяхъ и достигать своихъ цѣлей, какъ оказывается изъ переписки. По ея свидѣтельству, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ безсильныхъ людей, которые способны управлять весьма крупными характерами, надѣленными въ значительной степени волей и рѣшимостію, чтò доказывается и несомнѣннымъ его вліяніемъ на своего друга Герцена. Какъ многіе изъ этого типа слабыхъ натуръ, одаренныхъ качествами обаятельной личности, онъ былъ полнымъ господиномъ не только самого себя, но весьма часто и тѣхъ, кто вступалъ съ нимъ въ близкія сношенія.

II.

Переписка Герцена и Огарева съ ихъ друзьями началась съ 1835 года, то-есть, съ той поры, когда надъ ними разразилась неожиданная гроза, и они высланы были изъ Москвы, стало быть, имѣетъ за собой почти пятидесятилѣтнюю давность. Причина катастрофы имѣетъ отношеніе къ оргіи, устроенной выпускными студентами Московскаго уни-

верситета 1834 года, праздновавшими окончаніе курса и полученіе своихъ дипломовъ. Тутъ распѣвались между прочимъ довольно неприличные политическіе памфлеты и производились другія безчинства, сопровождающія обыкновенно оргіи. Ни Герценъ, ни Огаревъ не были приглашены на пиръ и въ немъ не участвовали, не имѣя для этого и поводовъ. Герценъ кончилъ курсъ еще въ прошломъ 1833 году, а Огаревъ и вовсе не состоялъ въ числѣ выпускныхъ студентовъ. Можетъ быть, оргія эта и потухла бы безслѣдно въ четырехъ стѣнахъ, гдѣ происходила, какъ многія другія, ей подобныя, если бы не нашелся предатель въ числѣ пирующихъ, который предложилъ повторить въ его собственной квартирѣ и на его счетъ всѣ ея подробности еще разъ. Молодежь необдуманно согласилась на предложеніе и превратила такимъ образомъ легкомысленный поступокъ въ нѣчто похожее на преднамѣренную манифестацію. Всѣ участники вечера были, разумѣется, забраны и понесли различныя кары.

Какимъ образомъ наши пріятели могли быть привлечены къ дѣлу, въ которомъ не принимали никакого участія? Это объясняется растяжимостью политическихъ процессовъ и свойствомъ ихъ захватывать, ради полноты, сферы и идеи, лежащія по сосѣдству. Время было тогда довольно смутное, и надо сказать, что репутація полнаго умственнаго и общественнаго спокойствія, составленная имъ впослѣдствіи, не вполнѣ согласуется съ существующими фактами. Начиная съ холерныхъ смутъ 1831 года, волновавшихъ какъ самый Петербургъ, такъ и добрую половину Россіи, и кончая московскими пожарами и поджогами 1834 года, напугавшими обитателей столицы, все свидѣтельствовало о тревожномъ состояніи умовъ даже въ народныхъ массахъ. Частыя арестаціи людей въ стѣнахъ университета и въ арміи по подозрѣнію въ принадлежности къ польской интригѣ тоже не говорили въ пользу благополучнаго состоянія общества, а вдобавокъ нельзя было скрывать отъ себя, что политическія и экономическія идеи, возникшія въ Европѣ послѣ парижскаго переворота 1830 года, перешли уже нашу

границу и стали занимать умы по сю сторону Нѣмана и Вислы. Все это повело къ тому, что внутреннія реформы, предполагавшіяся вначалѣ и казавшіяся столь вѣрными и неизбѣжными, что ихъ ожидали съ часу на часъ (см. въ перепискѣ А. С. Пушкина толки по поводу ихъ), были на время отложены и уступили мѣсто одному требованію порядка и обезпеченія правильнаго хода дѣлъ по дѣйствующимъ уставамъ и образцамъ. Бдительность тайной и явной полиціи возрасла по мѣрѣ задачъ, возникавшихъ передъ нею, и обратилась на Огарева, у котораго, по слухамъ, въ нижнемъ этажѣ его родового дома, у Никитскихъ воротъ, въ красной его комнаткѣ съ позолотой собиралась молодежь для какого-то секретнаго дѣла. На помощь полиціи пришла невѣдомая, говорили, даже родственная рука, которая отперла письменный столъ Огарева въ отсутствіе хозяина, разобрала его бумаги, корреспонденцію, замѣтки и сообщила о подозрительномъ характерѣ своей находки кому слѣдуетъ [1]).

Такимъ образомъ Огаревъ былъ уже заподозрѣнъ прежде злополучной оргіи, что̀ и объясняетъ арестованіе его, вмѣстѣ съ бумагами, на другой же день послѣ захвата соучастниковъ нелѣпаго пира. И дѣйствительно, слѣдователи могли придти въ ужасъ отъ того, что̀ они нашли въ бумагахъ Огарева. Это былъ обмѣнъ мыслей между многими молодыми лицами его круга по поводу процвѣтавшаго еще тогда ученія сенъ-симонистовъ! Еще на студенческой скамьѣ одна часть молодежи, искавшей пищи для пробужденной своей мысли, пристроилась къ этому ученію, между тѣмъ какъ другая такая же склонялась къ занятію нѣмецкою философіей. Система Сенъ-Симона отвѣчала всѣмъ инстинктамъ и наклонностямъ Огарева и его друзей. Вопервыхъ, это была

---

[1]) Положительныхъ доказательствъ, подтверждающихъ фактъ, не имѣется, но въ вѣрности его убѣждены были тогда всѣ товарищи Огарева, приводя для установленія его, кромѣ извѣстій, полученныхъ стороной, еще и то соображеніе, что если бы Огаревъ былъ осужденъ какъ политическій преступникъ, все громадное состояніе его больного отца переходило подъ опеку родственниковъ или даже въ полное ихъ распоряженіе.

въ одно время и готовая религія, съ установленною уже іерархіей, и соціальная пропаганда, отвѣчающая на мечтанія о внезапномъ облагодѣтельствованіи рода человѣческаго, которыя всегда такъ дороги молодымъ умамъ. Вовторыхъ, она удовлетворяла безобиднымъ образомъ ихъ наклонности къ протесту и оппозиціи. Можно себѣ представить недоумѣніе людей, пересматривавшихъ массу полученныхъ документовъ, когда они нашли въ ней самые индифферентные, какъ и слѣдовало ожидать отъ послѣдователей новой секты, отзывы объ историческихъ порядкахъ не только своей родины, но и всей Европы. Это показалось грандіознымъ анархическимъ замысломъ. За прежде произведеннымъ арестомъ Огарева (25-го іюня 1834 года), послѣдовали, по мѣрѣ разбора его бумагъ, черезъ мѣсяцъ, Герцена, а потомъ Сатина и другихъ, участвовавшихъ въ обсужденіи теоріи. Однакожъ одинъ разборъ утопической системы или одно даже сочувственное отношеніе къ ея положеніямъ не могли еще составить политическаго преступленія. Необходимо было отыскать, что̀ скрывалось за выборомъ такой превратной доктрины для постоянныхъ бесѣдъ. Двѣ коммиссіи, одна за другою, работали, чтобы обнаружить положительныя злыя намѣренія подсудимыхъ—и безуспѣшно, потому что таковыхъ вовсе и не было. Ничего похожаго на вредный замыселъ, на скопище съ опредѣленной политической цѣлію, на какое-либо рѣшеніе, принятое въ противность дѣйствующему законодательству! Оказывался только на-лицо либеральный образъ мыслей, хотя и не подходящій подъ кару закона, но не принадлежащій къ разряду надежныхъ и благонамѣренныхъ. Но и этого было довольно. Послѣдняя коммиссія не сдѣлала уголовнаго обвиненія изъ занятія системой Сенъ-Симона, какъ могла бы, а, опираясь на пріятельскія сношенія съ нѣкоторыми лицами іюньской оргіи, обвинила ихъ только въ тайномъ единомысліи съ ними. Дѣло было рѣшено. Окончательный приговоръ разослалъ подсудимыхъ въ разныя губерніи. Огаревъ пострадалъ при этомъ всѣхъ менѣе. Изъ уваженія къ престарѣлому отцу его онъ сосланъ былъ на жительство къ нему въ Пензу. Герценъ отправленъ на

службу въ Пермь, гдѣ пробылъ очень недолго, и почти тотчасъ по пріѣздѣ переведенъ въ Вятку. Н. Сатинъ очутился въ Симбирскѣ, откуда отпущенъ за болѣзнію только въ 1837 году.

Чрезмѣрно строгія наказанія юношескихъ увлеченій и ошибокъ, не имѣющихъ характера явныхъ преступленій, представляютъ одну невыгоду: они даютъ осужденнымъ чрезвычайно высокое понятіе о самихъ себѣ. Скамья подсудимыхъ развиваетъ своего рода честолюбіе: многіе сходили съ нея съ бо̀льшимъ уваженіемъ къ самимъ себѣ, чѣмъ когда садились на нее въ качествѣ обвиняемыхъ. Конечно, ничего подобнаго не случилось съ Герценомъ и Огаревымъ. Они постоянно считали большимъ несчастіемъ для себя все съ ними происшедшее, но все-таки почетъ, имъ оказанный преслѣдованіемъ, не прошелъ и для нихъ безслѣдно. Давно было замѣчено, что есть своего рода наслажденіе понести наказаніе не въ мѣру своей вины. У людей въ такомъ положеніи настоящая вина, если бы она и существовала у нихъ дѣйствительно, скоро забывается, а видится имъ только напраслина, надъ ними учиненная, которую они и носятъ торжественно на показъ. Нельзя сказать, чтобы Герценъ и Огаревъ вовсе свободны были, особенно первый, отъ гордости привилегированнымъ положеніемъ жертвы. Она проявляется и въ запискахъ его «Былое и Думы», которыя должны быть признаны одною изъ самыхъ живыхъ и занимательныхъ книгъ послѣдняго тридцатилѣтія (появились въ 1852 году).

III.

Какимъ образомъ отразился на душѣ Герцена и Огарева строгій приговоръ, ихъ поразившій? Сдѣлались ли они ненавистниками общества и озлобленными врагами всѣхъ его порядковъ? «Записки» Герцена говорятъ, что они разъѣхались въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Иного и не могло быть, если принять въ соображеніе, что приговоръ разрушилъ заранѣе всю ихъ будущность; но записки умал-

чиваютъ о другой сторонѣ психическаго ихъ состоянія. Рядомъ со свидѣтельствомъ «Записокъ» существуютъ еще несомнѣнные документы, показывающіе, что вмѣстѣ съ ропотомъ и протестомъ, которые дѣйствительно вырвались на первыхъ порахъ у воображаемыхъ преступниковъ, въ душѣ ихъ тотчасъ же возникла мысль о необходимости помириться съ своимъ положеніемъ, возвыситься надъ непріятной случайностью и найти выходъ изъ нея въ устройствѣ своего нравственнаго міра, въ созданіи себѣ цѣлей и занятій, достойныхъ разумнаго существованія. Все это оказывается изъ интимной, задушевной переписки сосланныхъ, которую начинаемъ съ разоблаченій Герцена.

Едва коснувшись, какъ уже сказали, Перми, онъ тотчасъ же былъ переведенъ въ Вятку, па службу къ губернатору Тюфяеву, которому между прочимъ составилъ особое оригинальное имя въ нашей литературѣ. Вотъ отрывки изъ первыхъ двухъ его писемъ съ мѣста водворенія:

«Вопросъ начинаетъ разрѣшаться: ѣхать и не служить. Я много узналъ практически: я служу въ самомъ дѣлѣ. Не служить, сказалъ я—не потому, чтобъ я не могъ служить; я выучился быть подчиненнымъ, я принесъ огромную жертву обстоятельствамъ и вопросу. Повиновеніе, покорность и исполненіе — болѣе ничего. Но внутри кричитъ голосъ: ты утратилъ твою душу—и я содрогнулся. Несчастія, горести, весь этотъ гнетъ — ничего передъ службой... Стыдъ тому, кого душа устрашится несчастій — сладки и они; ты говаривалъ, что въ нихъ своя поэзія, — и правъ. Бываютъ минуты, въ которыя досада беретъ верхъ, въ которыя не можешь плюнуть въ глаза обстоятельствамъ и отвернуться отъ нихъ. Но за то другія минуты восторга, сливаясь съ перенесенными бѣдствіями, влекутъ въ тотъ міръ фантазіи, гдѣ широко и разгульно мечтать, гдѣ воля полная страстямъ...

«Изъ всѣхъ писемъ — одно заключеніе: «ссылка хуже тюрьмы». Это очень справедливо — какая-то ничтожность, земляность покрыла мою душу здѣсь. Для занятій почти нѣтъ времени — цѣлое утро въ канцеляріи, а послѣобѣда,

по большей части, пропадаетъ: les devoirs de la société маленькаго города обязываютъ всякаго дѣлать глупости. Сначала я распутничалъ, но остановился, вспомнивъ, что я обязанъ беречь свою душу для другихъ ощущеній, и еще болѣе увидѣлъ пустоту этихъ ложныхъ, искусственныхъ чувствъ, стремясь къ настоящимъ.

«Пріѣздъ сюда Витберга есть для меня вещь важная; онъ понимаетъ всякій восторгъ, цѣнитъ всякое чувство, онъ артистъ въ душѣ, артистъ не zum Zeitvertreib, а потому что онъ не могъ бы быть не артистомъ. Въ его головѣ родилась мысль высокая—сбыточная или нѣтъ—что̀ за дѣло? Мысль эта обвила все его существованіе, была сердцемъ его жизни—и не удалась. Пусть другіе назовутъ его сумасшедшимъ; я думаю, что онъ великій человѣкъ среди мелочного времени.

«Состояніе О* (Огарева) худо и очень. Я, по крайней мѣрѣ, когда отдѣлался по службѣ,—воленъ. Но этотъ маленькій, безпрерывный гнетъ дома страшитъ. Его хотѣлъ бы я видѣть больше всего на свѣтѣ, ибо все-таки люблю его болѣе всего, люблю просто, какъ его, со всѣми недостатками: въ его душѣ нѣтъ уголка, гдѣ бы не было симпатіи съ моей душой; мы сдѣланы изъ одной массы, но въ разныхъ формахъ, съ разной кристаллизаціею.

«Но какъ бы то ни было, ты имѣешь право спросить: что̀ же я дѣлаю? Единственная польза (которую я пріобрѣлъ), что ближе узналъ нѣкоторыя части законовѣдѣнія и самую Русь. Опытъ дѣло важное: если писаннаго не вырубишь топоромъ, то полученнаго опытомъ не выжжешь огнемъ.

«... Я вамъ повторялъ много разъ, что 1834 годъ окончилъ наши Lehrjahre... Да, они кончены—времена безотчетной мечты и юношества. Но der Bestandtheil нашего бытія остается цѣлъ и невредимъ. Любовь—высокое слово, гармонія созданія требуетъ ея; безъ нея нѣтъ жизни и быть не можетъ... А. Герценъ. 1835 г. ноября 22-го».

Прежде чѣмъ перейти ко второму отрывку, необходимо сказать нѣсколько словъ въ поясненіе перваго, теперь приведеннаго. Нѣкоторая туманность и спутанность его начала

объясняется, по нашему мнѣнію, осторожностью въ виду тогдашняго состоянія провинціальной почты и ненадежностью даже такъ-называемыхъ вѣрныхъ оказій. Вопросъ о томъ, будетъ ли Герценъ служить дѣйствительно или только числиться на службѣ, занималъ его самого и его друзей еще при отъѣздѣ изъ Москвы [1]). Одинъ изъ нихъ, любившій отличаться въ средѣ товарищей противорѣчіями ихъ вкусамъ, Н. И. Сазоновъ, пророчилъ Герцену, что изъ него выйдетъ лихой чиновникъ; но пророчество не сбылось. Вопросъ разрѣшился очень просто: по распоряженію ближайшаго начальства Герценъ принужденъ былъ отдаться тому роду кажущихся занятій, которыя графъ Л. Н. Толстой такъ мѣтко называетъ «обязательной праздностью». Въ 9 часовъ утра Герценъ являлся въ канцелярію губернатора Тюфяева и просиживалъ въ ней до 2 часовъ, повторяя то же вечеромъ отъ 5 до 8 часовъ, убивая все это время въ пустякахъ: это и значило служить. Въ городѣ у него было одно утѣшеніе— общество какой-то умной, красивой и образованной дамы, при старомъ и больномъ мужѣ (во второй части «Былого и Думъ» разсказывается эпизодъ сношеній автора съ одной вятской дамой, скрытой имъ подъ именемъ Р*: эпизодъ оставляетъ трогательное и грустное впечатлѣніе). Вторымъ любимымъ собесѣдникомъ его былъ геніальный, но неудачный строитель храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ, архитекторъ Витбергъ, погубленный фантазіей и тѣмъ, что, подавленный своею идеей, не хотѣлъ знать препятствія и примѣняться къ людямъ и къ условіямъ своего времени. Герценъ встрѣтилъ его въ Перми водвореннымъ тамъ на жительство и тотчасъ же внезапно и страстно въ него влюбился. Когда Витбергъ, вслѣдъ почти за Герценомъ, высланъ былъ въ Вятку, послѣдній принялъ его въ свою собственную квартиру. Дни и ночи проходили у нихъ въ восторженныхъ разговорахъ о торжествѣ всего пошлаго и рутиннаго на землѣ и о неугасающихъ надеждахъ, какія должны жить въ груди каждаго

---

[1]) Подчеркнутыя мѣста въ письмѣ означаютъ слова самого Герцена при этихъ толкахъ: «ѣхать, но не служить».

истиннаго художника, не имѣющаго права отчаяваться въ своемъ воскресеніи и возстановленіи. Когда до московскихъ пріятелей дошло извѣстіе о совмѣстномъ жительствѣ Герцена и Витберга, осторожные друзья, какъ явствуетъ изъ переписки, поставляли обстоятельство это на видъ сосланному товарищу, боясь, чтобы оно не было принято за косвенную протестацію мнѣніямъ и рѣшеніямъ правительства. Относительно восторженнаго отзыва Герцена о другѣ дѣтства, Огаревѣ, замѣчательно, что тѣ же самыя слова онъ повторялъ и на склонѣ своихъ дней, не измѣняя ихъ ни на іоту. Оба пріятеля и по духу вполнѣ оправдываютъ названіе «близнецовъ», которое имъ давали многіе еще при жизни ихъ. Вотъ второй отрывокъ:

«Слава Богу, опять случай поговорить съ тобою... Не думай, чтобы я былъ грустенъ элегически... Я здѣсь потѣшаю публику пасквилями и эпиграммами; но замѣтилъ ли ты, что улыбка Гейне скрываетъ печаль: улыбка губъ, а не сердца. Сердцемъ я не могу быть веселъ, не отъ тоски по Москвѣ—Богъ съ нею! но потому, что моя будущность завѣшена еще мрачнѣйшимъ облакомъ, потому что часто скептическая мысль проникаетъ въ мою грудь и громко кричитъ: ты ничего не сдѣлаешь, умрешь съ своимъ стремленіемъ, Донъ-Кишотомъ sui generis, и пригодишься только для тѣни въ какомъ-нибудь романѣ, ибо «les existences manquées, les génies morts en herbe»—въ модѣ. Вотъ что̀ страшитъ меня, вотъ что̀ тяготитъ мою грудь.

«Что за пошлость провинціальная жизнь! Когда Богъ сжалится надъ этой толпой, которая столь же далека отъ человѣка, сколько отъ птицы! Истинно ужасно видѣть, какъ мелочи, вздоры, сплетни поглощаютъ всю жизнь и иногда существа, которыя при иныхъ обстоятельствахъ были бы людьми,—и быть обязану брать участіе во всемъ этомъ!

«Скоро новый годъ. Другъ, въ 12 часовъ вспомнитъ васъ Герценъ и за васъ выпьетъ большой стаканъ вина,—пусть вздрогнутъ сердца ваши, пусть слеза разлуки и слеза радости канутъ въ клико!

«Я посылаю въ Москву двѣ статьи: 1) Гофманное[1]) и 2) объ Вяткѣ, при письмѣ къ Полевому—куда онъ хочетъ— пусть помѣститъ или велитъ помѣстить. Возьми послѣднюю и замѣть тамъ все сказанное о вотякахъ: я эту мысль разовью гораздо подробнѣе, но еще не имѣю матеріаловъ.

«Читалъ ли ты въ «М. Наблюдателѣ» статью «Себастіанъ Бахъ»? Что за прелесть! Она сильно подѣйствовала на меня.

«Возвращаю тебѣ томъ Ж. П. (Жана-Поля Рихтера). Нѣтъ, я въ немъ не нашелъ того, чего искалъ. Много поэзіи, много фантазіи, но все это въ какой-то массѣ, безъ свѣта, безъ устройства, и боюсь сказать—натяжка. Почему ты не сообщаешь ничего о новыхъ книгахъ иностранныхъ? Я, можетъ быть, и выписалъ бы кое-что, но не имѣю понятія. Напримѣръ, каковы новыя драмы Hugo, его книга «Chants du Crépuscule». Здѣсь есть русскія книги, но иностранныхъ— нигдѣ, а русскія книги всего менѣе годятся для чтенія... Напиши еще мнѣ какія-нибудь подробности о нынѣшнихъ литературныхъ партіяхъ... Прощай. А. Герценъ».

Такъ вотъ какому порядку идей отдавался Герценъ въ своемъ изгнаніи, а совсѣмъ не наслажденіямъ протеста и оппозиціи. Если онъ и дѣлалъ что-либо похожее на отрицаніе заведенныхъ порядковъ, то единственно своей особой, тѣмъ, что жилъ между новыхъ людей со своимъ саркастическимъ умомъ, со своей живой природой и съ обычнымъ прямымъ своимъ словомъ. Губернаторъ, какъ опытный начальникъ, замѣтилъ это первый и не возлюбилъ своего подчиненнаго. Тюфяевъ скоро распозналъ, что канцелярскій гнетъ и всѣ официальныя требованія провинціальной администраціи не сломятъ насланнаго къ нему молодого чиновника, имѣющаго свои планы и задачи въ головѣ. Чиновникъ составлялъ диспаратъ въ обществѣ. Отъ него слѣдовало освободиться. Чѣмъ

---

[1]) Такимъ ироническимъ прозвищемъ Герценъ означаетъ свою пламенную статью о Гофманѣ, помѣщенную въ «Телескопѣ» 1836 года. «Московскій Телеграфъ» Полевого былъ уже тогда запрещенъ, но издатель его приглашался изъ Петербурга редактировать множество предполагавшихся тамъ журнальныхъ органовъ. Далѣе Герценъ упоминаетъ о замѣчательной монографіи князя В. Одоевскаго: «Себастіанъ Бахъ».

болѣе шло время, тѣмъ дѣло становилось хуже. Въ числѣ служебныхъ обязанностей края находились еще обѣды у губернатора по его выбору и назначенію. Тутъ онъ разбиралъ своихъ гостей на основаніи большей или меньшей гибкости и уклончивости ихъ поведенія въ отношеніи хозяина, на основаніи льстивости ихъ отвѣтовъ, осторожности и робости въ возраженіяхъ и классифицировалъ ихъ на тайныхъ своихъ скрижаляхъ для послѣдующихъ распоряженій. Къ такимъ обѣдамъ сталъ приглашаться и Герценъ, можетъ быть, за репутацію образованности, которою пользовался и которой не доставало самому амфитріону. При этомъ, однакоже, оказалось, что независимость ума, эпиграмматическая образность рѣчи, отличавшія Герцена, когда онъ чувствовалъ себя освобожденнымъ отъ офиціальныхъ узъ, производили впечатлѣніе, совершенно противоположное тому, какое онѣ обыкновенно зарождали въ слушателяхъ. Бойкій чиновникъ нарушалъ всѣ поставленные и утвержденные обычаемъ образцы служебнаго люда. Нѣтъ сомнѣнія, что губернаторъ, привыкшій къ безотчетному самовластію на своемъ посту и искушенный въ наукѣ отыскивать благовидные поводы для самаго лютаго произвола, чему научился еще по прежней службѣ у графа Аракчеева, сумѣлъ бы, такъ или иначе, удалить Герцена подалѣе отъ себя. Планамъ его, однакоже, помѣшали два неожиданныя обстоятельства, о которыхъ будемъ говорить сейчасъ же.

IV.

Друзья Герцена въ Москвѣ, конечно, задавали ему не праздный вопросъ, когда спрашивали: что̀ онъ дѣлаетъ? Зная его подвижный, пытливый, безпокойный, такъ сказать, умъ, нельзя было себѣ и представить, чтобы онъ могъ замереть или отказаться отъ работы, подавленный служебнымъ поприщемъ или практическими цѣлями, къ которымъ выказывалъ на словахъ большое сочувствіе, или даже какою-либо мимолетною страстію. Герценъ отвѣчалъ имъ, какъ видѣли, извѣстіемъ о посылкѣ къ Н. А. Полевому двухъ статей (одной,

о Вяткѣ, еще и не конченной), которыя, если и дошли по адресу, то врядъ ли употреблены были въ дѣло этимъ коммиссіонеромъ, сильно озабоченнымъ тогда устройствомъ собственной своей участи. Мы, по крайней мѣрѣ, не имѣемъ свѣдѣній о томъ, достигла ли одна изъ нихъ печатнаго станка. Но Герценъ еще и не все высказывалъ друзьямъ: въ портфеляхъ его было заготовлено множество статей, плановъ, начатковъ, даже драматическихъ сценъ, и притомъ въ стихахъ, о чемъ онъ покамѣсть умалчивалъ. Все это довольно важно для его біографіи—вопервыхъ, какъ указаніе на пожирающую дѣятельность его воображенія, на неустанный трудъ мысли, сопровождавшій его до гроба и не прерывавшійся при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ жизни, а вовторыхъ, какъ краткое изложеніе идей, занимавшихъ его умъ въ то время и встрѣчавшихъ одобреніе у друзей его. Къ сожалѣнію, документъ, который заключаетъ въ себѣ эти разоблаченія и который приводимъ ниже, ограничивается сообщеніемъ заглавія статей, но не даетъ никакихъ свѣдѣній объ участи, ихъ постигшей. Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы какая-либо изъ нихъ втихомолку пробралась въ русскую печать и тамъ заглохла съ теченіемъ времени; вѣрнѣе, что онѣ разбросаны самимъ Герценомъ по разнымъ городамъ, гдѣ онъ перебывалъ, отъ Вятки до Лондона, или спятъ въ его оставшихся бумагахъ, или хранятся, какъ рѣдкость, въ частныхъ рукахъ. Со всѣмъ тѣмъ, на основаніи однихъ заглавій и короткихъ къ нимъ примѣчаній Герцена есть возможность придти къ несомнѣнному заключенію объ общемъ характерѣ статей. Лирическій тонъ, когда дѣло шло о реальныхъ предметахъ, и философски-мистическій, когда рѣчь касалась явленій научнаго міра, должны были составлять ихъ отличіе. Выборъ сюжетовъ и героевъ для разсказовъ тоже замѣчательный: первые всегда почти представляютъ колоссальное обобщеніе абстрактной мысли, а вторые изображаютъ преимущественно людей, загубившихъ свою жизнь на службѣ, какой-либо идеѣ. Предчувствіе темъ и мотивовъ, которые будутъ занимать слѣдующій литературный періодъ 40-хъ годовъ, въ нихъ уже сказывается ясно. Приводимъ документъ.

«Имѣю ли я къ вамъ довѣріе», пишетъ Герценъ,—«вы видѣли изъ прошлой грамоты моей; она очень кстати пришла, чтобы убѣдить васъ въ несправедливости. И потому о статьѣ и о прочемъ taceamus (помолчимъ)! [1]) Что̀ могу я прислать для печати?

«1-е) «Встрѣчи»: это три статьи, изъ коихъ одна вамъ извѣстна—«Германскій Путешественникъ» (поправленный) и двѣ другія: «Человѣкъ въ венгеркѣ», въ коемъ описана моя встрѣча въ Перми съ однимъ весьма несчастнымъ и весьма сильнымъ человѣкомъ; третья—«Шведъ» (Мысль и Откровеніе).

«2-е) «Письма о Казани, Перми и Вяткѣ». Могу прислать первыя, но поелику мнѣ предстоитъ теперь путешествіе по губерніи, то статья о Вятской губерніи должна пополниться.

«3-е) «Легенда», которую я исправилъ, но которую я не напечатаю, а съ предисловіемъ ея не напечатаютъ.

«Наконецъ, 4-е) первыя четыре главы моей повѣсти: «Тамъ!» Объ ней потолкуемъ. Мм. гг.! Основная мысль этой повѣсти—мысль религіозная, та самая, которая начинаетъ просвѣчивать въ статьѣ «Шведъ», даже лицо самого шведа должно явиться въ повѣсти. Но дѣло вотъ въ чемъ: Можно ли въ формѣ повѣсти перемѣшать науку, каррикатуру, философію, религію, жизнь реальную, мистицизмъ? Можно ли середь пошлыхъ фигуръ des Alltaglebens поставить формулу алхимическую, середь страстей теллурическихъ — простите выраженіе — показать путь туда? Какъ вы думаете? Примѣръ хотя не нуженъ, но приведу Вил. Мейстера «Lehrjahre» и «Wanderjahre»: тамъ даже технологія! А чего нѣтъ у Данта? Можетъ, найдутся особы, которыя не станутъ читать мысли, а однѣ сцены,—пусть же самыя сцены ведутъ къ этимъ мыслямъ; а впрочемъ, кто не хочетъ читать, тотъ пусть идетъ обѣдать или спать, ибо

---

[1]) Вѣроятно, Герценъ упрекаетъ друзей въ несправедливости за укоръ въ оптимизмѣ, какой они дѣлали ему, надо полагать, по поводу статьи о вотякахъ, которую онъ имъ самъ рекомендовалъ. Объяснительной и откровенной грамоты, здѣсь упоминаемой, въ перепискѣ не находится.

для того вѣрно лучше ѣсть, ибо тутъ портится желудокъ, а при чтеніи—глаза.

«Отъ Вадима Пассека получилъ письмо съ требованіемъ статей для будущаго журнала. Отвѣчалъ ни то, ни сё,—однако попользовался случаемъ обругать «Путевыя записки» въ лицо.

«Теперь буду ждать отвѣта на это письмо и прежде не пришлю ни строки, покуда не получу, — но пожалуйста писать обстоятельно, писать можно теперь [1]). Пусть «путешественникъ» хоть диктуетъ свое мнѣніе, а ты пиши, зная его лѣнь и отвращеніе отъ пера.

«Однако даромъ я не работникъ. Требую отъ васъ достать мнѣ 1) Шведенборга — духовидѣнія; 2) Ешемазера о магнетизмѣ, и все, что можете, объ алхиміи, адептахъ, Парацельсѣ, неоплатоникахъ временъ Аполлонія Тіанскаго. Прошу и умоляю. А впрочемъ, soit dit en parenthèses, вы не исполните рѣшительно моихъ требъ.

«Кромѣ литературы, которой я совсѣмъ не занимаюсь [2]), у меня дѣла вволю; я оправдалъ пророчество «путешественника» и сдѣлался лихой чиновникъ. F... bleu! Въ другой разъ сообщу болѣе о расширеніи моихъ практическихъ свѣдѣній, въ слѣдствіе которыхъ многое перемѣнилось и въ теоріи.

«Ну, прощайте; да когда же судьба... броситъ меня опять въ Москву? Душа больна, да я и засалилъ ее какъ-то: нѣтъ юности, утратилъ ее, и можетъ быть, чортъ знаетъ, что было бы изъ меня, если бы Провидѣніе не отдало въ волю ангелу. Adieu. Весь вашъ А. Герценъ.

«Что же Огаревъ?

«Можетъ быть, я даже и всѣ «Встрѣчи» помѣщу въ повѣсть. Ваше мнѣніе, ваше мнѣніе!»

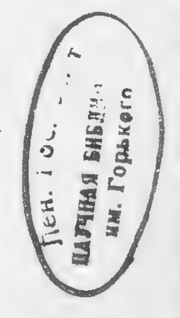
---

[1]) Фраза свидѣтельствуетъ, что положеніе Герцена измѣнилось къ лучшему, какъ и дѣйствительно было, о чемъ ниже.

[2]) Можно было бы въ текстѣ поставить восклицательный знакъ передъ этимъ заявленіемъ, довольно неожиданнымъ послѣ всего того, что говорилось въ письмѣ прежде.

Ограничимся немногими поясненіями, какія еще возможны при недостаткѣ положительныхъ фактовъ, и начинаемъ съ перваго произведенія, возвѣщеннаго этимъ документомъ: «Встрѣчи». Прежде всего тутъ встрѣчается извѣстіе о разсказѣ «Германскій Путешественникъ», который имѣлъ въ виду извѣстнаго въ нашей литературѣ этнографа Вадима Пассека, товарища по университету Герцена и очень любимаго какъ имъ самимъ, такъ и кругомъ его.

Добродушіе и мечтательность В. В. Пассека часто служили предметомъ шутокъ для его друзей. Прозваніе «Германскій Путешественникъ» онъ получилъ послѣ своей книги «Путевыя записки Вадима» (1834 г.), хотя въ ней не было ничего германскаго, а указывала она на важность путешествій по Россіи для пониманія ея исторіи. Но между товарищами онъ долго носилъ прозвище «Ritter aus Tambow», данное ему за склонность къ статистическимъ и этнографическимъ изслѣдованіямъ, напоминавшимъ знаменитаго нѣмецкаго ученаго Карла Риттера. По связи понятій ему дали уже въ шутку и германскую національность. Книга Пассека произвела странное впечатлѣніе на друзей. Они усмотрѣли въ ней отреченіе автора отъ недавняго своего прошлаго, отъ связей съ товарищами, въ дѣлѣ которыхъ онъ тоже былъ замѣшанъ и только благодаря отсутствію своему изъ Москвы избавился отъ ихъ участи — ареста и ссылки. Молодымъ критикамъ его показалось на основаніи его восторженныхъ отношеній къ былому Руси и къ ея исторіи, что онъ перешелъ въ лагерь служебнаго патріотизма, прикрываясь только фантастическими изслѣдованіями, будто бы научнаго свойства. На первыхъ порахъ Герценъ очень неблагожелательно отнесся къ старому другу. Онъ завязалъ съ нимъ переписку въ 1835 году, и мы видѣли, какъ онъ поспѣшилъ обругать «Путевыя Записки», а въ слѣдующемъ 1836 еще было хуже. У Герцена вырвалось даже восклицаніе: «Вадимъ продолжаетъ писать — «se offendendo»; я радъ: ренегатамъ нѣтъ успѣха!» По всѣмъ вѣроятіямъ, въ этотъ промежутокъ времени и исправлена юмористическая статья «Германскій Путешественникъ», написанная еще

прежде. Нѣтъ сомнѣнія, что это была одна сплошная шутка надъ страстію къ рискованнымъ сближеніямъ и ослѣпляющимъ выводамъ изъ нихъ, какою В. В. Пассекъ отличался вмѣстѣ съ восторженнымъ тономъ изложенія своихъ взглядовъ. Мы не имѣемъ никакого понятія объ этой утерянной статьѣ, но можемъ судить о ней по образцамъ шутокъ, какими Герценъ привѣтствовалъ Пассека наканунѣ появленія его «Очерковъ Россіи» въ 1837 году: «Что Вадимъ издаетъ ли свои «Очерки»? Я для него собираю чертежи всевозможныхъ трубокъ курительныхъ черемисъ, чувашъ, вотяковъ и пріобрѣлъ покупкою два замка, одинъ Ломковской волости, а другой Шурбишнинальской. Изъ этихъ двухъ національностей очень легко будетъ ему объяснить—почему въ Вятской губерніи нѣтъ помѣщичьяго права, и почему здѣсь въ августѣ мѣсяцѣ — морозы. Ежели пробуду здѣсь долго, то еще привезу ему образцы бородъ здѣшнихъ мужиковъ для раскрытія соотношеній между бородою вятчанъ и каменнымъ углемъ, который здѣсь найденъ. Il a du talent: все это найдетъ, но врядъ ли найдетъ читателей. Это дѣло реальное — fi donc!» Въ дѣлахъ реальныхъ не очень былъ искусенъ и самъ критикъ. Огаревъ раздѣлялъ воззрѣнія своего друга. Онъ наотрѣзъ отказалъ въ помощи Пассеку, когда тотъ просилъ 3,000 или 4,000 руб. на изданіе своего сборника «Очерки», мотивируя отказъ и неимѣніемъ этой суммы въ наличности, и такимъ приговоромъ: «Добра отъ В* не чаю и потому не могу и не хочу дать». Все это недоразумѣніе продолжалось сравнительно недолго. Когда оба друга явились опять въ Москву въ 1839 году, уже было ясно, что тайна влюбчивости Пассека въ прошлыя судьбы Россіи и перемѣна его направленія произошли отъ искренней любви къ народу, отъ жажды найти себѣ дѣло, которое могло бы поднять духъ общества и успокоить его собственныя безпокойныя исканія опорной точки для мысли. Печальная, преждевременная кончина Пассека въ 1841 году оставила самыя трогательныя воспоминанія о немъ въ душѣ всѣхъ его знавшихъ людей.

Второй замышленный или исполненный разсказъ но-

сить заглавіе «Человѣкъ въ венгеркѣ» и почти несомнѣнно долженъ былъ передавать обликъ того самаго поляка, котораго Герценъ встрѣтилъ, по свидѣтельству своей книги «Былое и думы», въ Перми, и который, при мрачномъ политическомъ фанатизмѣ, поразилъ его стоицизмомъ характера и достоинствомъ своего поведенія. Что касается до третьяго разсказа «Шведъ», мы убѣждены, что онъ олицетворялъ упомянутаго уже друга Герцена—постоянно искренняго и дѣтски неразсчетливаго Витберга. Замыселъ повѣсти, какъ оказывается изъ намековъ, существующихъ въ документѣ, былъ очень широкъ. Герценъ хотѣлъ собрать вокругъ своего шведа много теозофскихъ, супернатуральныхъ, фантастическихъ ученій, трактаты о которыхъ выписывалъ изъ Москвы, и сдѣлать того же шведа представителемъ между ними идеи о примиреніи свободной критической мысли съ Откровеніемъ. По этому плану очеркъ «Шведъ» уже перерождался въ цѣлую повѣсть или романъ, гдѣ герой его присужденъ былъ уже вращаться посреди множества будничныхъ, вседневныхъ, комическихъ или патетическихъ сценъ, да принять въ себя и всѣ разсказы о «Встрѣчахъ»; нельзя удержаться отъ мысли, что въ этомъ видѣ, за исключеніемъ, разумѣется, картинъ русскаго общественнаго быта, романъ могъ имѣть нѣкоторое сходство съ Флоберовскимъ, современнымъ намъ, произведеніемъ «Искушеніе св. Антонія» съ тою только капитальною разностью между ними, что религіозный индифферентизмъ Флобера замѣнился бы здѣсь проповѣдью о томъ, что въ искусствѣ находится прямая оцѣнка вѣрованій... Всемірный энциклопедическій романъ этотъ долженъ былъ называться «Тамъ!» Такъ вотъ съ чего начиналъ Герценъ, будущій авторъ статей «О диллетантизмѣ въ наукѣ», «Объ изученіи природы», «Записокъ доктора Крупова» и множества другихъ произведеній совершенно противоположнаго характера съ тѣми, которыя здѣсь разбираемъ! Это, между прочимъ, можетъ служить предостереженіемъ для бойкихъ критиковъ, расположенныхъ предсказывать всю будущность писателей по однимъ образцамъ, вышедшимъ изъ-подъ пера ихъ въ пору броженія мыслей

и напора впечатлѣній, обыкновенно раздирающихъ еще не окрѣпшее сознаніе.

О статьѣ, носящей заглавіе «Легенда», мы не имѣемъ въ самомъ документѣ никакого намека на содержаніе ея.

Прибавимъ къ этому разбору нашего документа, что онъ далеко не исчерпываетъ всего написаннаго и задуманнаго Герценомъ въ годину его вятскихъ и владимірскихъ кочевокъ. Планы роились въ его головѣ и смѣнялись одни другими, да и то, чтò уже было положено на бумагу и послано въ Москву съ цѣлью опубликованія, часто требовалось назадъ и подвергалось или передѣлкѣ, или даже уничтоженію. Въ одномъ письмѣ 1838 года (1-го марта) находятся слѣдующія строки: «Нѣтъ, все, чтò я писалъ, глупо. Сожгу все, кромѣ статьи архитектурной,—а она, можетъ быть, всѣхъ глупѣе, да въ ней есть хоть указанье на мысль широкую... Есть мысль хорошая для новой повѣсти, а какъ примешься писать—выйдетъ чортъ знаетъ что: пуншъ, въ которомъ и чай, и ромъ испорчены другъ другомъ, — ромъ не пьянитъ, а чай воняетъ, какъ человѣкъ съ похмѣлья. Ну-вотъ гдѣ талантъ, тамъ совсѣмъ не то»... Въ другой разъ, отвѣчая друзьямъ на упрекъ въ неисполненіи своихъ литературныхъ обѣщаній, Герценъ пишетъ: «А не. исполнилъ по нижеслѣдующимъ причинамъ: 1-е) ожидая отъ «папеньки» отвѣта, я вовсе не думалъ о статейкахъ [1]); я было взялся за «Вятскія письма», да такъ показались мнѣ плоски, что я чуть ихъ не сжегъ; 2-е) я написалъ новую повѣсть «Его превосходительство» и навѣрное не хуже, нежели «Тамъ» —только надо поправить; 3-е) статью объ архитектурѣ кончилъ, но не переписана по случаю грудной боли писца; 4-е) потому что я думалъ больше о новой повѣсти (еще): «Границы Ада съ Раемъ». Говорятъ, Нилъ способствовалъ плодородію женщинъ, но я начинаю думать, что Клязьма способствуетъ литерацкому плодоро-

---

[1]) Тогда между «папенькой» и сыномъ его шли переговоры о женитьбѣ послѣдняго на своей двоюродной (и тоже побочной) сестрѣ, красивой Натальѣ Александровнѣ, чтò вскорѣ и произошло.

дію; впрочемъ всѣ статьи у меня родятся per (NB. слово разобрано—почкованіемъ?). Единственный недостатокъ».

И многое другое открывается изъ дальнѣйшей переписки Герцена съ друзьями. Такъ, мы узнаемъ, что въ Москву посланы были, вмѣстѣ съ «Германскимъ Путешественникомъ», отрывки изъ повѣсти «Тамъ», да отрывки изъ новыхъ драматическихъ сценъ, въ стихахъ, подъ заглавіемъ «Лициній», который, между прочимъ, сталъ сильно занимать съ 1838 года воображеніе Герцена, заслонивъ собою всѣ другія его произведенія, и отодвинулъ назадъ и въ тѣнь ихъ обработку. Онъ извѣщаетъ друзей о новомъ чадѣ своей фантазіи еще простыми словами, но скоро будетъ говорить иначе: «При первой оказіи я пришлю тебѣ первую часть фантазіи: «Палингенезія». Я написалъ Сазонову [1]), что это драма. Нѣтъ, просто сцены изъ умирающаго Рима. Это первые стихи съ 1812 года [2]), мною писанные. Кажется, пятистопный ямбъ—дѣло человѣческое. Еще началъ я диссертацію о томъ, о семъ... 4-го октября» (1838). И это еще не все. При посылкѣ «Германскаго Путешественника» онъ вложилъ въ него, адресуя на имя одной изъ замѣчательныхъ женщинъ Москвы того времени, Екатерины Гавриловны Левашовой, новую статью и писалъ: «Статья, назначенная Левашовой, лежитъ въ «Германск. Путешеств.». Прочти ее сперва—c'est un rien, и ежели найдешь дурною, никакъ не отдавай. Этого рода статьи въ прозѣ кажутся натянутыми вездѣ, кромѣ у Ж.-П. Рихтера. Но неужели фантазія, сама въ себѣ хорошая, не можетъ существовать безъ ритма? Почему я посвятилъ эту статью Катеринѣ Гавриловнѣ? Въ память ея отзыва объ насъ, въ память ея чувства при чтеніи письма отъ Ога... (Огарева)! Право, не нужно видѣться, чтобъ знать». Можно догадываться, что поэтическая фантазія эта вышивала свободные узоры па фактахъ изъ дѣйствительной жизни Герцена, какъ подтвер-

[1]) Одному изъ кружка Герцена и пользовавшемуся репутаціею оригинальнаго ума, который онъ растерялъ въ двадцатипятилѣтнее почти пребываніе заграницей между партіями и раздѣляя ихъ эксцентрическіе планы и несбыточныя надежды.

[2]) То есть, съ года рожденія автора.

ждаетъ и самъ авторъ, объявляя ее (въ томъ же письмѣ) «введеніемъ во вторую часть Wahrheit und Dichtung». Значитъ, существовала еще у Герцена и первая часть такой же помѣси вымысла съ автобіографіею, какую представляетъ знаменитое произведеніе Гете [1]). По истинѣ можно удивляться этой массѣ плановъ и предначертаній, которые не давали успокоиться уму нашего автора и, вѣроятно, помѣшали полному осуществленію и окончательной обработкѣ всѣхъ ихъ.

Кстати сказать нѣсколько словъ о г-жѣ Левашовой, имя которой часто встрѣчается въ перепискѣ друзей Герцена. Екатерина Гавриловна была живымъ олицетвореніемъ типа превосходной русской женщины. Она душой чувствовала всякое страданіе и всякій благородный порывъ и шла на встрѣчу имъ, не разбирая, заслужено ли первое, и сходится ли второй съ условіями и требованіями свѣта. Можно сказать, что она, по инстинкту и никѣмъ не приглашаемая, сдѣлала задачей своей жизни—нравственно ухаживать за душевнобольными и ранеными, гдѣ бы ихъ ни находила, подобно тому, какъ впослѣдствіи другія русскія женщины ухаживали за матеріально ранеными на войнѣ. Покойный П. Я. Чаадаевъ, бывшій тоже въ числѣ ея друзей, весьма мѣтко опредѣлилъ сущность ея характера, сказавъ (цитату беремъ изъ «Былого и Думъ»): «Она изошла любовью». Много такихъ женщинъ прошло и проходитъ по Русской землѣ безслѣдно, и надо считать счастіемъ, когда представляется случай упомянуть имя хотя одной изъ нихъ.

Возвращаемся къ «Лицинію» [2]). Еще многое остается сказать довольно характернаго по поводу его, и прежде всего

---

[1]) Мы имѣемъ основаніе думать, что фантазія, доброю частію своею, воспроизведена въ статьѣ «Записки одного молодого человѣка», напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840—1841 годовъ.

[2]) Кстати, приглашаемъ библіографовъ навести справки въ журналѣ «Московскій Наблюдатель» 1839 года о «Лициніѣ», такъ какъ въ одномъ письмѣ Герцена къ другу въ Москвѣ, отъ того же года, есть указаніе слѣдующаго рода: «Буде есть охота, то имѣете право печатать въ «Наблюдателѣ» отрывокъ изъ «Лицинія»... даже дозв яю сдѣлать маленькія поправки въ стихахъ, но никакъ не въ смыслѣ»

упомянуть, что работа за нимъ внезапно перебивается другою, о которой Герценъ извѣщалъ друзей такимъ образомъ:

«У меня бродитъ въ головѣ новая поэма «Даніилъ въ Вавилонѣ». Досадно очень, что, кромѣ Библіи и Геерена «Ideen über etc.», у меня ничего нѣтъ о семитическихъ народахъ, а Гееренъ человѣкъ хорошій и умный, да не поэтъ и не философъ. Впрочемъ, Библія это неисчерпаемый источникъ (изъ него можно даже брать такія нелѣпости, какъ «Хеверь» Соколовскаго). Читалъ ли ты когда-нибудь пророчество Іезекіиля, гдѣ онъ говоритъ о Тирѣ и Сидонѣ? 16 марта 1839 г.»

Ясно, что идея о поэмѣ «Даніилъ» —и вѣроятно, тоже въ стихахъ—навѣяна была Герцену чтеніемъ Библіи и казалась обольстительною ради возможности примѣненій къ современности, которую она представляла, но идея была мимолетная и не пустила корней. Не то случилось съ «Лициніемъ»: за него авторъ крѣпко держался. Не прошло пяти мѣсяцевъ послѣ перваго извѣстія о существованіи поэмы, когда, прослышавъ о критическихъ замѣткахъ друзей, прочитавшихъ только отрывки изъ нея, Герценъ принялся горячо за защиту своего произведенія:

«Ты какъ-то уже давно побранилъ моего «Лицинія» и былъ не вовсе правъ. Вопервыхъ, тутъ два элемента—самъ Лициній и Римъ. Лициній—типъ, такъ онъ и пожертвованъ идеѣ. Но заговоръ Латерана взятъ мною цѣликомъ изъ Тацита. Почему же ты говоришь, что всѣ лица—слѣпыя орудія моей arrière-pensée? Впрочемъ этотъ заговоръ представленъ дурно: думаю его исправить, а потомъ приняться и за вторую часть. Тутъ я хочу коснуться до заповѣднѣйшихъ вопросовъ быта общественнаго: съ одной стороны—идеалъ христіанства, съ другой—фактъ Рима... Да вотъ еще: не знаешь ли ты очень хорошаго перевода Библіи на французскомъ языкѣ или нѣмецкомъ, изъ новыхъ, и не можешь ли прислать? Славянскій языкъ теменъ мѣстами, да и на филологію Мартина Лютера я не надѣюсь. Я читаю теперь съ восторгомъ «Иліаду» (Гнѣдича),—вотъ истинный сынъ природы, тутъ человѣкъ кажется во всей естественной наготѣ. Представь себѣ, что я прожилъ

26 лѣтъ и читаю теперь въ первый разъ «Иліаду»! Мы всѣ учились чему-нибудь и какъ-нибудь... 16 марта 1839».

Лучшимъ добавленіемъ къ этому комментарію «Лициніи», стоившаго столькихъ заботъ его автору, должно служить признаніе послѣдняго въ книгѣ «Былое и Думы», бросающее яркій свѣтъ на все содержаніе поэмы. Тамъ онъ говоритъ: «Я въ 1838 году написалъ въ соціально-религіозномъ духѣ историческія сцены, которыя тогда принималъ за драмы. Въ однихъ я представлялъ борьбу древняго міра съ христіанствомъ: тутъ Павелъ, входя въ Римъ, воскрешалъ мертваго юношу къ новой жизни. Въ другихъ—борьбу офиціальной церкви съ квакерами и отъѣздъ Уильяма Пена въ Америку, въ новый свѣтъ» [1]). Благодаря этому разоблаченію, да еще и другому, въ III-мъ томѣ «Былого и Думъ», гдѣ разсказаны и самыя сцены его, мы можемъ сказать съ нѣкоторою достовѣрностью, что и «Лициній» представлялъ тоже попытку громадныхъ и рискованныхъ обобщеній, о которыхъ говорили прежде и которыя допускались въ надеждѣ извлечь изъ нихъ столь же громадные выводы, хотя тутъ, напримѣръ, сопоставленіе апостола Павла, воскрешающаго юношу, съ разсчетливымъ Уильямомъ Пеномъ, убѣгающимъ въ Америку для водворенія своей замкнутой въ себѣ, сектантской и торговой общины,—чуть-чуть не переходитъ въ комическій контрастъ. Такъ вотъ въ какомъ горнилѣ разнообразнѣйшихъ идей и разновидныхъ элементовъ (если припомнить всѣ начинанія Герцена) выработывался нашъ писатель; да мы думаемъ, что большинство наиболѣе уважаемыхъ авторовъ прошли, скрытно отъ глазъ современниковъ, черезъ такую же огненную пробу своего таланта и призванія. Жизненные пути обрѣтаются всегда тяжело и послѣ долгихъ скитаній по сторонамъ и по

---

[1]) Съ «Лициніемъ» связывается еще и довольно забавный анекдотъ. Когда уже въ 1841 году Герценъ отдалъ его на разсмотрѣніе Бѣлинскому, то получилъ отъ послѣдняго рукопись свою назадъ съ просьбой велѣть переписать стихи въ строчку, какъ прозу. «Тогда я и прочту твою вещь съ удовольствіемъ», говорилъ Бѣлинскій,—«чему мѣшаетъ теперь мысль, что это стихи». Нельзя было сказать болѣе уклончиво и вмѣстѣ болѣе ясно, что стихи Герцена никуда не годятся. (По разсказу самого Герцена).

безграничному полю предварительныхъ увлеченій, невѣрныхъ разсчетовъ и несостоятельныхъ замысловъ. Въ заключеніе скажемъ, что нѣкоторыя статьи изъ перечня ихъ, представленнаго документомъ и письмами Герцена, вошли частію въ составъ его «Записокъ» («Былое и Думы»), передѣланныя согласно новой точкѣ зрѣнія, на которой стоялъ авторъ, упрощенныя съ одной стороны, добавленныя и распространенныя съ другой. Такъ мы убѣждены, что архитектурная статья положена въ основаніе небольшой монографіи «Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ» («Былое и Думы», глава XVI); такъ еще разсказы, въ родѣ «Человѣкъ въ венгеркѣ» и «Шведъ», клочками воспроизведены тамъ же, а что касается до статьи «Письма о Казани, Перми и Вяткѣ», то основныя черты ея несомнѣнно проявляются въ разныхъ главахъ книги, и всего болѣе въ главѣ XV-й, разумѣется, получивъ тамъ окраску гораздо болѣе яркую, чѣмъ въ первоначальной редакціи.

Послѣднее предположеніе можетъ быть подтверждено и очень вѣскимъ доказательствомъ. Мы встрѣтили между бумагами Герцена письмо о томъ же предметѣ, изображающее именно его похожденія въ Казани, Перми и Вяткѣ и составляющее какъ бы програму будущихъ, обѣщанныхъ имъ этнографическихъ этюдовъ объ этихъ странахъ. Оно очень любопытно, какъ свидѣтельство о томъ, какъ смотрѣлъ тогда (1837) авторъ на отдаленный провинціальный уголъ, куда его забросила судьба, и на русскую жизнь вообще. Оно составляетъ нѣчто въ родѣ «встрѣчнаго иска» къ разсказамъ его книги 1852 года о тѣхъ же предметахъ и любителямъ сличеній и параллелей можетъ доставить нѣсколько поучительныхъ выводовъ. Вотъ оно:

V.

«Другъ!

. . . .

...«Вѣра только и осталась у меня; нѣтъ, я не сомнѣваюсь: это—испытаніе, не болѣе; но тяжело оно и очень. Главное, нѣтъ друга—гдѣ вы всѣ? Вы для меня не суще-

ствуете, я будто васъ видѣлъ когда-то во снѣ, а существенность — канцелярія, отсутствіе дѣятельности умственной и, хуже всего, отсутствіе поэзіи. Иногда воскресаютъ во мнѣ чувства и всѣ разомъ кипятъ. Вспоминаю одну минуту,—я тонулъ при слитіи Волги и Казанки, все было въ ужасѣ, все трепетало; но я тутъ въ первый разъ послѣ Москвы обрадовался, призвалъ свою вѣру и черезъ нѣсколько часовъ съ гордостью смотрѣлъ съ Казанскаго кремля на бурный потокъ, которому не было дано право погубить меня. Пермь—городъ ужасный, просценіумъ Сибири, холодный, какъ минералы его рудниковъ, но мнѣ было жаль его покинуть: я тамъ видѣлъ въ послѣдній разъ человѣка несчастнаго, убитаго обстоятельствами, но живого душою, сильною и возвышенною. Когда-нибудь, гдѣ-нибудь, воспоминая эту черную полосу жизни, вспомнимъ и его.

«И ты страдаешь, я знаю,—пусть этотъ огонь жжетъ тебя, за отсутствіемъ другого. Natura abhorret vacuum. Пустота всего хуже. Огонь, какой бы ни былъ, жизнь. А въ пустотѣ лопнутъ кровеносные сосуды. Но довольно элегіи, что-нибудь другое.

«Теперь я увидѣлъ хоть часть Россіи. Что же я замѣтилъ? Вопервыхъ: что управленіе губернское въ интегралѣ идетъ несравненно лучше, нежели я думалъ, и, находясь теперь въ центрѣ онаго, я могу судить о необъятныхъ трудахъ министерства внутреннихъ дѣлъ для матеріальнаго благосостоянія, и болѣе, прогрессивное начало, сообщаемое министерствомъ, гораздо выше понятій и требованій. Сколько журналовъ присылаютъ оттуда, сколько подтвержденій о составленіи библіотеки для чтенія, и кто же виноватъ, ежели журналы лежатъ неразрѣзанные до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь Герценъ вздумаетъ ихъ разрѣзать? Впрочемъ, по части образованія есть успѣхи. Вятская губернія есть нѣчто совсѣмъ въ сторонѣ, удаленное отъ всего; но и здѣсь заброшено тамъ-сямъ, немножко en doses homéopathiques, просвѣщеніе. Вотъ еще что: духовныя заведенія идутъ несравненно лучше; я здѣсь былъ на всѣхъ экзаменахъ. Въ семинаріи мало преподаютъ; но знаютъ то, что̀ преподаютъ

латынь знаетъ самый маленькій, преподаваніе философіи бѣдно, но богословіе въ объемѣ высшемъ, философскомъ. Преподаватели по большей части изъ Петербургской академіи и еще теперь все ученики времени библейскаго общества и Филарета. И тамъ духовенство доселѣ еще не лишилось своего истиннаго и высокаго призванія — просвѣщать; повторяю, жаль, что оно такъ недѣятельно.

«Заведеніе статистическихъ комитетовъ имѣетъ цѣль высокую и пользу существенную; но полный успѣхъ невозможенъ, ибо организація комитетовъ совершенно ошибочна, и нѣтъ возможности безъ всякихъ средствъ собрать эти свѣдѣнія, особенно въ такой губерніи, какъ, напримѣръ, Пермская. A propos: Пермь—страшная вещь! Императрица Екатерина однажды закладывала при Іосифѣ II городъ и положила первый камень. Іосифъ взялъ другой и сказалъ: «Et je met la dernière». Смыслъ обширный. Il n'y a pas de ville par ordre du jour. Пермь есть присутственное мѣсто + (плюсъ) нѣсколько домовъ + нѣсколько семействъ; но это не городъ губерніи, не центръ, не «sensorium commune» цѣлой губерніи, рѣшительное отсутствіе всякой жизни. Но тамъ есть уже «l'avant propos» Сибири,—а что такое Сибирь? Вотъ этой страны вы совсѣмъ не знаете.

«Я вдыхалъ въ себя ледяной воздухъ Уральскаго хребта; его дыханье холодно, но свѣжо и здорово. Знаете ли, что Сибирь есть совсѣмъ новая страна, Америка sui generis, именно потому, что она страна безъ аристократическаго происхожденія, страна—дочь казака-разбойника, не помнящаго родства, страна, въ которую являются люди обновленные, закрывающіе глаза на всю прошедшую жизнь, которая для нихъ представляетъ черную тюрьму, цѣпи, долгую дорогу, а нерѣдко и кнутъ? Здѣсь всѣ сосланные и всѣ равны. Въ канцеляріи какого-нибудь тобольскаго присутственнаго мѣста вы увидите столоначальникомъ прикащика, сосланнаго за воровство, и у него писцомъ бывшаго надворнаго совѣтника, сосланнаго за фальшивый указъ, поляка адъютанта Ромарино, и какого-нибудь человѣка 14 декабря. Въ обществѣ тамъ та же смѣсь; тамъ никто не пренебрегаетъ ссыль-

нымъ, потому что не пренебрегаютъ или собою, или своимъ отцомъ. А малочисленность способныхъ людей заставляетъ такимъ образомъ учреждать канцелярію. Тамъ весело, тамъ есть просвѣщеніе, и главное дѣло—свѣжесть, новость. Все, получившее осѣдлость въ новое время, имѣетъ прогрессивное начало—Пруссія.

«Сосланныхъ вездѣ много; нѣтъ уѣзднаго города въ Пермской губерніи и въ Вятской, гдѣ бы не было нѣсколько поляковъ и часть грузиновъ и русскихъ. Быть подъ надзоромъ не есть очень худое состояніе, но и отнюдь не веселое. Оно похоже на состояніе жены у ревниваго мужа. «Сюда, сударыня, не смотрите, сюда не ходите; на кого вы вчера, сударыня, смотрѣли, съ кѣмъ танцовали?» и т. д.

«Но что же далѣе? Когда-нибудь кончится Вятка, кончится подъ надзоромъ? «Voilà la question». Опять semper in idem, можно ли служить? Если можно—то должно, ежели нѣтъ — то уложить чемоданъ и viaggiare, а не пустятъ—тогда что̀ дѣлать? Разумѣется, остаться — но литература, охъ литература, охъ литература!

«Да, кстати, я въ Данте нашелъ вещь важную и дивную, новое доказательство его величія и силы; прошу покорнѣйше, гг. путешественники, прочтите въ «Del Purgatorio canto XXV» о зарожденіи человѣка. Это «le dernier mot» нынѣшней философіи, зоогнозіи, это мнѣніе Жоффруа Сентъ-Илера, вполнѣ и еще полнѣе, ибо онъ распространилъ его и въ растительное царство, и когда же, Боже мой, когда же? во время Данта!»

Живой умъ и острота наблюденія сказываются и въ этомъ консервативномъ письмѣ, съ оттѣнкомъ романтическаго суевѣрія: оно передаетъ вѣрно и осязательно, такъ сказать, первое впечатлѣніе, произведенное на Герцена новымъ краемъ. Спустя двадцать лѣтъ онъ уже иначе судилъ о немъ, иначе представлялъ себѣ чувства, возбужденныя первымъ посѣщеніемъ его; тутъ уже прошла рефлексія, и на первомъ планѣ являются выводы горькаго жизненнаго опыта, результаты многихъ соображеній и тщательной провѣрки прежнихъ мыслей и ощущеній своихъ. Прямому, не-

посредственному чувству уже нѣтъ мѣста. Кто прочелъ разсказъ о пермскомъ и вятскомъ путешествіи Герцена въ книгѣ «Былое и думы», тому были бы безполезны указанія на разницу въ тонѣ и оцѣнкѣ однихъ и тѣхъ же предметовъ между первоначальною редакціей статьи и позднѣйшимъ развитіемъ, полученнымъ ею. Извѣстно, что Герценъ иронически отзывается въ своей книгѣ и о предписаніи издавать губернскія вѣдомости съ литературнымъ отдѣломъ при канцеляріяхъ губернаторовъ и съ авторами по распоряженію начальства, ибо добровольныхъ не оказывалось на-лицо, и о статистическихъ комитетахъ, тогда же проектированныхъ и существовавшихъ безъ персонала способныхъ людей и съ матеріалами изъ рапортовъ низшихъ полицейскихъ служителей, и о многомъ другомъ, что Герценъ junior считалъ въ письмѣ хорошими задатками для будущаго развитія провинцій. Невольно приходится сказать, что оба они были правы, каждый въ свое время. Позднѣйшія «Записки» вообще рѣдко представляютъ предметы въ томъ свѣтѣ, который ихъ окружалъ при первой встрѣчѣ съ ними разсказчика, и еще рѣже передаютъ въ надлежащей точности внезапныя ощущенія, порожденныя на первыхъ порахъ непосредственнымъ соприкосновеніемъ съ явленіями жизни. Всѣ воспоминанія «Записокъ» уже обдуманы, приноровлены къ той или другой задачѣ и носятъ на себѣ слѣды зрѣлости мысли, замѣняющей въ нихъ свѣжесть впечатлѣній, развязность и откровенность слова, свойственныя молодости. Никто, полагаемъ, не будетъ отрицать, что документъ, сохраняющій, такъ сказать, горячіе слѣды первоначальнаго настроенія, можетъ имѣть свою поучительную сторону при сравненіи съ перемѣнами, которымъ онъ подвергся, когда долгій опытъ и критическая мысль приступили къ его повѣркѣ и поправкѣ.

VI.

Возвращаемся опять къ исторіи вятскаго «сидѣнья» Герцена: оно дѣйствительно походило на положеніе осаднаго человѣка, который свободно могъ двигаться, но только въ

границахъ крѣпости и по указаннымъ дорогамъ. Какъ ни старался Герценъ принизить свой духъ въ уровень съ обстоятельствами, какъ ни обманывалъ себя мыслію, что провинціальное общество есть нравственный организмъ, которому служить и сочувствовать не стыдно, но иллюзіи разлетались иногда передъ суровой дѣйствительностью, и болѣзненный стонъ вылеталъ изъ груди его. Такъ, въ сентябрѣ 1836 года онъ начинаетъ одно изъ своихъ писемъ, словами: «О, дайте, дайте отдохнуть на груди друзей. Душа моя вся избита этимъ холодомъ постороннихъ. Что за дрянная жизнь практическая, что за кандалы всякому порыву, всякому чувству?..» Черезъ полгода (1-го марта 1837 года) онъ еще точнѣе выражаетъ тоску неудовлетворенныхъ стремленій, которыя разъѣдали его существованіе: «Не смотря на всѣ мои бравады, я въ полной мѣрѣ цѣню, что такое ссылка. Еще можно предпочесть тѣ страданія, которыя жгутъ и рѣжутъ, а это нѣмое, глупое состояніе — отвратительно. Душа полная рвется, рвется къ ней [1]), къ морю, къ природѣ и поэзіи, а тутъ — канцелярія гражданскаго губернатора! Да это хуже Мефистофеля въ «Фаустѣ» [2])... Воля, воля! Я бы поклонъ въ поясъ всѣмъ вамъ и съ нею бѣжалъ бы туда, гдѣ океанъ, скалы и нѣтъ людей, или ежели есть, то разбойники и контрабандисты, люди безъ маскараднаго платья, какъ есть, съ ножемъ и обманомъ... Да гдѣ же это море?..» Когда нападали на него эти минуты отчаянія, граничившаго почти съ горячечнымъ бредомъ, какъ видѣли, — онъ искалъ отъ нихъ спасенья въ изобрѣтеніи всеразрѣшающихъ теорій, въ представленіи міра, какъ юдоли испытаній, предопредѣленныхъ отъ вѣка. Въ упомянутомъ сентябрьскомъ письмѣ читаемъ еще такія строки: «Да, всѣ теоріи о человѣчествѣ вздоръ. Человѣчество есть падшій ангелъ. Откровеніе намъ высказало это, а мы хотѣли сами собою дойти

---

[1]) Къ той особѣ, которой суждено было раздѣлять жизнь и судьбу Герцена впослѣдствіи.

[2]) То есть, коварныхъ насмѣшекъ Мефистофеля. Языкъ и правописаніе въ письмахъ Герцена не совсѣмъ правильны. Послѣднее здѣсь поправлено.

до формулы бытія его и дошли до нелѣпости (эклектизмъ). Всѣ понимавшіе вѣрили въ потерянный рай: Вико, Паскаль»... И вслѣдъ затѣмъ Герценъ развиваетъ теорію, по которой міръ отданъ двумъ теченіямъ, отравляющимъ нашу жизнь своею борьбой: «Эгоизмъ — это тяготѣніе, это мракъ, контрактивность, прямое наслѣдіе Люцифера; любовь—это свѣтъ, расширеніе, прямое наслѣдіе Бога»... На основаніи этой нѣсколько туманной теоріи, имѣющей несомнѣнную связь съ извѣстною, первою критическою статьей Бѣлинскаго («Элегія въ прозѣ») — любовь и ея видоизмѣненіе, дружба, стремятся выступить изъ земной сферы по направленію къ Божеству, тогда какъ эгоизмъ тяготѣетъ къ преисподней, къ центру нашего шара, гдѣ и Дантъ помѣщаетъ свой адъ и жилище пороковъ. У Герцена есть торжественные гимны и восторженные диѳирамбы въ честь и по адресу двухъ живыхъ личностей, олицетворявшихъ для него эти спасающіе элементы. «Дружба» является ему въ образѣ Огарева, «Любовь»—въ образѣ будущей невѣсты и жены его. Онъ крѣпко хранитъ въ памяти минуты, когда таинственная связь, ихъ соединяющая, сказалась ясно въ ихъ собственномъ сознаніи: «Лѣто 1826 года и Воробьевы горы» — для Огарева; 9-го апрѣля 1835 года, Крутицкія казармы—для молодой родственницы. Замѣчательно, что о послѣдней привязанности онъ, въ первое время пребыванія въ Вяткѣ, вовсе не упоминаетъ. Мы знаемъ, что тамъ онъ нашелъ даже существо, совершенно оковавшее его вниманіе и къ которому онъ относился болѣе чѣмъ симпатически, но когда порвалась съ нимъ связь, то наступившее одиночество, недовольство собою и ужасъ отъ безполезно потраченной молодости перекинули его опять къ прежнему образу дѣвушки, выказавшей ему столько сочувствія въ московскую катастрофу. Онъ влюбился въ нее во второй разъ и съ помощью воспоминаній, психическаго анализа, сильной мозговой работы дошелъ до обожанія образа. Онъ объявлялъ будущую свою невѣсту и жену ангеломъ, посланнымъ для его спасенія, возстановителемъ чистоты души и сердца его, половиной своего бытія и давалъ ей преимущество передъ Теклой

Шиллера, передъ Беатриче Данта и всѣми творческими образами старой и новой поэзіи.

Между тѣмъ вятскій искусъ Герцена приходилъ къ концу и былъ упраздненъ почти также неожиданно, какъ и зародился; но прежде молодой чиновникъ еще пережилъ грозившую ему опасность быть засланнымъ еще далѣе, въ въ какой-либо заштатный городъ губерніи. Того хотѣлъ губернаторъ. Не извѣстно, какія причины приводилъ онъ для оправданія подобной мѣры: ни малѣйшей вины за Герценомъ не было, кромѣ развѣ той, что отъ него вѣяло презрѣніемъ къ тупому насилію, даже когда онъ молчалъ и бездѣйствовалъ, но и одной этой причины, развивъ ее приличнымъ образомъ, достаточно было, чтобы погубить Герцена окончательно. Спасителемъ его на этотъ разъ оказался жандармскій штабъ-офицеръ, который отказалъ въ своемъ содѣйствіи на планъ дальнѣйшей высылки паціента, находя, что самый планъ есть продуктъ личнаго, безосновательнаго раздраженія. Въ «Запискахъ» Герцена («Былое и Думы»), къ удивленію, вовсе не упоминается объ этой важной услугѣ, оказанной ихъ автору учрежденіемъ, не погрѣшавшимъ вообще излишнею снисходительностью къ политическимъ преступникамъ; но пробѣлъ «Записокъ» пополняется достаточно письмами. Въ одномъ изъ нихъ (17-го сентября 1837 года) есть мѣсто, въ которомъ Герценъ позволилъ себѣ вылить всю долго сдерживаемую злобу на своего притѣснителя, не стѣсняясь уже никакими посторонними сооображеніями: «Что я вынесъ въ продолженіе 9 мѣсяцевъ губернаторства Тюфяева, — этого, братъ, и сказать нельзя. Но я молчалъ, не жаловался, не испрашивалъ участія: я и это принялъ за испытаніе, за главу воспитанія Провидѣніемъ. Представь себѣ этого «Калибана-гіену», который инстинктомъ понялъ, что я его ненавижу, и который всею гнусностью своею хотѣлъ задушить меня, и что же? Тутъ, въ этомъ гадкомъ положеніи, явился оплотъ, гдѣ я не ожидалъ, явилась защита совсѣмъ нежданная! Жандармскій штабъ-офицеръ всею властью своей остановилъ того (sic), и ударъ прошелъ мимо, ограничась обидами и униженіями»...

Обиды и униженія въ свою очередь скоро уступили мѣсто другимъ пріемамъ обращенія—заискиванію и любезности. Еще прежде случались приливы начальнической нѣжности, какъ, напримѣръ, по поводу неожиданнаго вопроса, заданнаго канцеляріи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Губернаторъ получилъ изъ Петербурга призывъ высказать свое мнѣніе о статистическихъ комитетахъ, проектируемыхъ для всѣхъ областей имперіи, о матеріяхъ, какія по условіямъ края могли бы составить предметъ особаго изученія новаго учрежденія, а также о людяхъ, которыхъ можно было бы пригласить къ участію въ его трудахъ. Канцелярія затруднялась отвѣчать на запросъ, не имѣя для этого предварительнаго образца и утвержденной формулы, и обратилась за совѣтомъ къ кандидату Московскаго университета, который находился въ ея распоряженіи. Герценъ написалъ, что̀ умѣлъ и успѣлъ узнать, прибавивъ соображеніе, что нельзя ожидать отъ мѣры немедленнаго успѣха, но что въ будущемъ она принесетъ тѣ плоды, какихъ ожидаетъ отъ нея правительство. Губернаторъ былъ изумленъ ловкостью отписки и принялъ «бумажку» Герцена съ удовольствіемъ. Вскорѣ оказалась еще бо̀льшая нужда въ способномъ чиновникѣ. Обстоятельства складывались въ пользу Герцена и вынуждали обходиться съ нимъ бережно. Получено было предписаніе о составленіи въ Вяткѣ выставки туземныхъ произведеній и образцовъ естественныхъ богатствъ края по тремъ царствамъ природы, которая имѣла быть представлена въ свое время Государю Наслѣднику (императору Александру II), тогда путешествовавшему по Россіи. Задача выходила совершенно изъ рамки служебныхъ обязанностей администраціи, которая полагала, что она призвана была управлять краемъ, а совсѣмъ не для того, чтобы изучать край или знать его средства, да еще по всѣмъ царствамъ природы. Герценъ снова былъ призванъ на помощь и тѣмъ охотнѣе принялъ на себя работу образованія выставки, что она освобождала его отъ безсмысленныхъ скитаній въ канцелярію. Ему предоставлена была льгота заниматься у себя дома, хотя правитель дѣлъ канцеляріи все-таки просилъ его, въ видѣ одолженія и для примѣра другимъ, являться въ

присутственное мѣсто, пожалуй, на нѣсколько минутъ, но каждодневно. Герценъ не только отдѣлался и отъ этого условія, но воспользовался новымъ своимъ положеніемъ еще и для того, чтобы обозрѣть часть губерніи и получить дозволеніе на ученый вояжъ. Между тѣмъ, при извѣстіи о скоромъ прибытіи высокаго гостя, губернаторъ потерялъ голову и надѣлалъ множество глупостей. Онъ вздумалъ, съ согласія духовенства, отмѣнять церковные народные праздники и относить ихъ на 22-е число, когда долженъ явиться въ край Наслѣдникъ и быть ихъ свидѣтелемъ, приказалъ выломать полы въ какомъ-то убогомъ частномъ домѣ и починить ими обветшавшій тротуаръ передъ домомъ, засадилъ въ сумасшедшее отдѣленіе городской больницы купца, протестовавшаго противъ его распоряженій, и проч. Все это принималось въ началѣ его карьеры, какъ онъ хорошо помнилъ, за признаки усердія и начальнической распорядительности; но высокій путешественникъ, узнавшій о продѣлкахъ «хозяина губерніи» (какъ тогда называли губернаторовъ), тотчасъ какъ ступилъ на его территорію, былъ очень недоволенъ ими. Онъ принялъ Тюфяева холодно. При посѣщеніи выставки, В. А. Жуковскій и К. И. Арсеньевъ, сопровождавшіе Наслѣдника и ничего не понявшіе въ объясненіяхъ губернатора, просили чиновника, завѣдывавшаго устройствомъ выставки, сообщить имъ свой взглядъ на бытовое и экономическое значеніе выставленныхъ предметовъ. Они были изумлены толковою рѣчью Герцена, дѣльностью замѣтокъ, обнаруживавшею недюжинное образованіе, и спокойнымъ тономъ изложенія. Заинтересованные такимъ явленіемъ, встрѣченнымъ неожиданно на отдаленномъ краю имперіи, они, уже по отъѣздѣ Наслѣдника, разспросили молодого человѣка объ обстоятельствахъ, закинувшихъ его въ такую глушь, навели о немъ справки и обѣщали все свое вліяніе и содѣйствіе для облегченія его участи. Таковъ общій смыслъ герценовскаго разсказа. Самъ онъ сообщалъ тогда же друзьямъ своимъ, что отнынѣ они могутъ свободно, но, конечно, благоразумно сноситься съ нимъ прямо по почтѣ.

Прошло однакоже три недѣли, и никакихъ признаковъ

перемѣны къ лучшему въ его гражданскомъ положеніи не произошло. Грустно опустилъ голову изгнанникъ и сталъ сомнѣваться въ исполнимости полученныхъ обѣщаній и думать о тщетѣ своихъ надеждъ. «Всѣ эти надежды», писалъ онъ,— «похожи на китайскія тѣни: вотъ свѣтлое пятно увеличивается, черты лица образуются, ближе, ближе — ты хочешь обнять—и все еще темнѣе, и нѣтъ даже свѣтлаго пятна». Правда, за это время сошла съ горизонта главная зловѣщая туча: полученъ былъ указъ, увольняющій Тюфяева въ чистую отставку, и на его мѣсто явился уже новый, умный, просвѣщенный человѣкъ, какъ замѣчаетъ Герценъ, извѣщая друзей объ этой перемѣнѣ. «Мнѣ теперь очень хорошо», говоритъ онъ,—«я свободнѣе вздохнулъ съ его пріѣзда». Но самъ Герценъ все еще стоялъ на старомъ мѣстѣ, сгорая жаждой оторваться отъ почвы, къ которой былъ прикованъ. Онъ и дождался своего дня. Можно себѣ представить минуту его восторга при полученіи извѣстія, что онъ переводится изъ Вятки почти къ преддверію Москвы, во Владиміръ-на-Клязьмѣ. Благородные собесѣдники его на вятской выставкѣ вполнѣ исполнили свое обѣщаніе, и не отъ нихъ зависѣло снять вовсе опалу съ Герцена, но тому помѣшало соображеніе, что полное освобожденіе его было бы несправедливостію по отношенію къ остающимся еще въ ссылкѣ товарищамъ его несчастія.

По Рождеству 1837 года Герценъ и отправился въ путь. Онъ оставлялъ въ Вяткѣ много друзей и уносилъ съ собою тотъ же образъ мыслей, который ознаменовалъ все его пребываніе въ древнемъ Хлыновѣ (Вяткѣ). Послѣднее письмо его оттуда (10-го сентября), изъ котораго мы уже приводили выдержки, повторяетъ мысль о выгодѣ практическаго знакомства съ провинціальною жизнію, не смотря на ея недостатки, пустоту и пошлость, которые еще такъ недавно приводили его въ ужасъ. Онъ сохраняетъ убѣжденіе, что благодаря одному изученію этой жизни онъ сдѣлался болѣе дѣльнымъ человѣкомъ, чѣмъ прежде. Перечисливъ свои удачныя и неудачныя похожденія въ средѣ ея, Герценъ прибавляетъ: «А все это вмѣстѣ оставляетъ на душѣ разные слои, и хотя они пере-

мѣшаны съ грязью, но душа выплавляетъ изъ нихъ сумму опытовъ, итогъ критическихъ замѣтокъ и мечтаній, дѣловыхъ бумагъ и фантастическихъ образовъ,—а отъ этого дѣлаешься многостороннѣе, прилагаемѣе. Польза очевидная. Вы, messieurs, не знаете Россіи, живши въ ея центрѣ; я узналъ многое о ней, живучи въ Вяткѣ. Большая часть вашихъ синтетическихъ мыслей основаны на книгахъ; у меня ихъ мало, но я ихъ утвердилъ на самомъ совершающемся дѣлѣ, на фактахъ юридическихъ. Вадимъ этимъ обидится, но дѣлать нечего: я не могу изъ одного ограниченія человѣка мѣстомъ и временемъ выводить Пандекты Юстиніана, такъ, какъ не могу изъ борьбы Ольговичей и Мономаховичей выводить учрежденіе магистратовъ»... Онъ еще продолжаетъ въ томъ же тонѣ свои беззлобивыя шутки, которыя имѣли въ виду столько же В. В. Пассека, какъ патентованнаго производителя смѣлыхъ гипотезъ, такъ и всю московскую братью, любившую вѣрить своимъ идеямъ о предметахъ, выведенныхъ a priori, что̀ Герценъ называлъ пріятельскими синтезисами.

Новый 1838 годъ Герценъ праздновалъ на дорогѣ. Черезъ день-другой онъ достигаетъ мѣста своего назначенія, и первымъ посѣтителемъ его въ комнаткѣ владимірской гостинницы, гдѣ остановился, былъ сельскій староста одного изъ имѣній отца, прослышавшій о скоромъ его пріѣздѣ и прибывшій съ поклономъ, поздравленіемъ и съ хлѣбомъ-солью: значитъ, характерные признаки родины были на-лицо. Герценъ бросился на шею любезнаго вѣстника и разцѣловалъ его.

VII.

Что̀ же дѣлалъ Огаревъ во все это время?

Съ первой же оказіей московскіе друзья его узнали, что, прибывъ въ Пензу, онъ засѣлъ за громадный трудъ, за созданіе системы, объясняющей происхожденіе вселенной изъ сочетанія матеріи и идеи и указывающей математически точно законы, по которымъ развивалось человѣчество съ самаго своего появленія на землѣ. Для исполненія подобной задачи

потребовалась, разумѣется, масса разнообразнѣйшихъ книгъ, начиная съ «Histoire de la philosophie allemande» par Barchou de Penhoën (этого перваго нашего посредника по знакомству съ Гегелемъ) и кончая «Bible» traduite par Cohen; «Anatomie comparée» par Bichat; Kieser, «System der Medicin»; Oken, «Naturphilosophie»; Schelling, «Theorie des transcendentalen Idealismus», и проч. и проч. Весь этотъ матеріалъ труда, безпрестанно пополняемый новыми требованіями, выписывался Огаревымъ изъ Москвы, но, не смотря на все его богатство, система, какъ и слѣдовало ожидать, никогда не была завершена вполнѣ, хотя начальные ея отдѣлы и пересылались аккуратно къ друзьямъ на пересмотръ. Мы имѣемъ въ рукахъ только любопытный планъ ея и познакомимъ читателей съ почти неосязаемымъ, отвлеченнымъ его характеромъ: умственная жизнь у насъ обыкновенно начиналась съ теозофскихъ и философскихъ сумерекъ.

Но существованіе Огарева отравлялось противодѣйствіемъ его вкусамъ и стремленіямъ, какое онъ встрѣтилъ у себя въ семьѣ, гдѣ съ ужасомъ смотрѣли на его занятія, полагая, что они приравниваютъ наслѣдника богатаго дома къ разночинцамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что обстановка пензенскаго ссыльнаго была несравненно благопріятнѣе, чѣмъ, напримѣръ, у вятскаго сотоварища его,—и со всѣмъ тѣмъ послѣдній имѣлъ право сказать, какъ уже знаемъ: «Состояніе Огарева худо, и очень. Я по крайней мѣрѣ, когда отдѣлался по службѣ,—воленъ. Но этотъ маленькій, безпрерывный гнетъ дома—страшенъ». И дѣйствительно, гнетъ здѣсь выходитъ не изъ глухой ненависти случайнаго тирана, злобно пользующагося своимъ временнымъ полномочіемъ, но изъ добродушнаго и любящаго сердца, что̀ дѣлало его, можетъ быть, еще болѣе тяжелымъ, такъ какъ онъ отымалъ силы бороться съ людьми на чистоту. Отецъ Огарева, семь лѣтъ страдавшій послѣдствіями апоплексіи и видимо приближавшійся къ гробу, былъ окруженъ ареопагомъ родственниковъ и высокопоставленныхъ лицъ туземной аристократіи, которые всѣ смотрѣли на уединенныя занятія сына, какъ на продолженіе агитаторской мысли, возникшей у него еще въ Москвѣ. Мудрено ли было склонить

старика, трепетавшаго за будущность сына, къ мысли, что единственное средство спасти молодого человѣка отъ гибельной серьезности состояло въ томъ, чтобъ отнять у него время и вытолкнуть на арену свѣта, гдѣ бы онъ могъ упражняться въ безустанномъ ристаніи по ней, на подобіе своихъ сверстниковъ и своихъ старшихъ. Притѣсненіе вылилось тутъ въ формѣ приглашенія не отставать отъ провинціальнаго міра и веселиться вмѣстѣ съ нимъ. Огаревъ повиновался изъ снисхожденія къ отцу и выразилъ однажды въ письмѣ къ Герцену мотивы своего послушанія очень теплымъ словомъ: «Я не высвободился изъ-подъ опеки родительской... Но поди сюда самъ и взгляни на этого старика, семь лѣтъ влачащаго жалкое, болѣзненное существованіе... И если бы я вздумалъ освободиться изъ-подъ опеки его любви—не забудь: любви—то ты скажешь мнѣ: безсовѣстный!..» Итакъ, онъ ѣздилъ на балы, дѣлалъ визиты, опредѣлился въ «статистическій кабинетъ» на службу (такое же пристанище дѣловой праздности для молодежи, какъ и знаменитый нѣкогда московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ), даже волочился и влюблялся... Онъ отомщаетъ за свое полуневольное, полудобровольное паденіе жалобами передъ друзьями на свое нравственное ничтожество, на лицемѣріе, пошлость и корысть, встрѣченныя имъ въ обществѣ, на безобразную сущность большей части своихъ знакомыхъ — мужчинъ и женщинъ, которые разыгрываютъ передъ нимъ комедію фальшивыхъ чувствъ и фальшивыхъ прелестей. Нѣтъ надобности знакомить читателя съ этой іереміадой, которая не оригинальна и только повторяетъ общія мѣста всѣхъ бывшихъ и будущихъ моралистовъ, громившихъ или еще имѣющихъ громить коварство и заблужденія свѣта. Гораздо важнѣе для характеристики Огарева то, что онъ не подавалъ голоса и тогда, когда нить дрянныхъ разчетовъ и побужденій вилась около умирающаго богача-отца, и находились люди, надѣявшіеся воспользоваться минутами его слабости. Онъ стыдился чужихъ безсовѣстныхъ интригъ, считалъ позоромъ для себя раскрывать ихъ и довольствовался въ интимной бесѣдѣ съ друзьями восклицаніями, въ родѣ: что за низость!.. Онъ также на половину промолчалъ и тогда,

когда старикъ-отецъ сдѣлалъ распоряженіе о покрытіи его расходовъ дворецкимъ, который будетъ вести и счетъ имъ. Онъ оправдывается передъ друзьями въ цѣлесообразности сего распоряженія: «Еще горе, что денежныя обстоятельства меня смущаютъ; отецъ хочетъ, чтобъ я бралъ на все, что̀ нужно, изъ расходныхъ денегъ (у дворецкаго!!!), а самъ въ рукахъ имѣлъ бы нуль. Чортъ знаетъ, я пересталъ быть мотомъ съ тѣхъ поръ, какъ пекусь о чистотѣ души, но мнѣ досадно только то, что, имѣя всѣ способы тратить на вздоръ (который называютъ дѣломъ), не имѣю копѣйки подать нуждающемуся въ ней. Я разъ говорилъ, но теперь уже молчу, не спорю; пусть же исполнится моя преданность къ больному старику; хвали или брани, а мнѣ опять кажется, что я дѣлаю такъ»...

Возвратимся однако же отъ домашнихъ дѣлъ Огарева къ плану новосозидаемой имъ науки «міровѣдѣнія». Планъ находится въ тѣхъ же письмахъ, гдѣ схоронены и семейныя тайны автора: глубокая, непроглядная метафизика идетъ тамъ объ руку съ наивной исповѣдью своего безсилія передъ домашнею бѣдой, которая смѣняется гордыми надеждами на себя въ будущемъ, а эти въ свою очередь уступаютъ мѣсто гиперболическимъ обѣщаніямъ дѣятельности и скромнымъ признаніямъ настоящей своей трудовой несостоятельности, что̀ все вмѣстѣ и составляетъ привлекательную физіономію этой корреспонденціи, правдивой и искренней по преимуществу.

«Благодарю, много благодарю васъ», пишетъ Огаревъ,— «друзья мои, за ваши посланія. Вы меня оживили. Я умиралъ, совсѣмъ умиралъ. Да и какъ не умереть? Знаешь ли, какъ тупѣетъ голова, когда цѣлый день вертишься въ кругу пошлыхъ мыслей... Моя душа здѣсь какъ въ погребѣ... О, Боже! Какъ я несчастливъ! По крайней мѣрѣ прежде я былъ силенъ, возвышенно спокоенъ душою, а теперь мелкія земныя страсти хотятъ убить во мнѣ моего бога! Но я не потерянъ: вы меня оживили. Я еще силенъ, я еще могу разорвать мои оковы или, какъ Сампсонъ, погибну подъ разрушающимся зданіемъ. Мое главное несчастіе, что живу съ

отцомъ, что у меня отняли волю трудиться... Вообрази себѣ, что у меня нѣсколько времени уже недостаетъ духу мыслить. Или система, о которой ты знаешь, слишкомъ высока, или я слишкомъ глупъ или слишкомъ слабъ: упалъ съ моего неба. Вообрази себѣ, что, развивъ абсолютъ до первоначальной матеріи, я сталъ какъ вкопаный. Ни съ мѣста! Вотъ, по крайней мѣрѣ, мысль о первоначальной матеріи.

«Абсолютное, существующее внѣ времени и мѣста, переходя въ послѣдовательность, то-есть, въ пространство и время, выражаетъ самого себя. Но оно есть бытіе и идея. Бытіе—начало непремѣняемости; идея—начало движенія (потому что, если помнишь, бытіе осуществляется въ мірѣ посредствомъ идеи). Также и первоначальная матерія должна имѣть начало непремѣняемости и начало движенія (immobilité et expansion). Матерія есть свѣтъ. Къ солнцу тяготѣютъ планеты, ergo начало тяготѣнія въ свѣтѣ, а оно-то и есть это начало непремѣняемости (consistance, immobilité), свѣтъ же (какъ намъ очевидно) есть начало движенія (expansion). Вотъ полное выраженіе абсолюта: immobilité et expansion разомъ. Но дальше не могу подвинуться, и это сознаніе собственнаго безсилія убійственно».

Языкъ философской тирады Огарева многимъ покажется темнымъ, но онъ былъ наслѣдіемъ, какъ и вся система, языка и ученій Океня и Шеллинга. Философы эти явились если не первыми (Лейбницъ, атомистическія теоріи), то главными современными представителями доктрины о разумной, мыслящей, одухотворенной матеріи, которой они старались дать и форму положительной науки. Слѣдуя за ними, Огаревъ тоже раздѣлилъ первоначальную матерію (бытіе) на составные ея элементы—на сущность, которая выражается ея косностью, на идею, которая представляетъ въ ней движеніе; а потомъ довольно произвольнымъ діалектическимъ процессомъ, гдѣ въ числѣ аргументовъ является, какъ видѣли, даже и солнце, соединилъ оба элемента и получилъ искомый абсолютъ, то-есть, непремѣняемость и движеніе разомъ. Мы бы и не стали такъ долго останавливаться на этой игрѣ отвлеченностями, которою занимался молодой пензенскій философъ

въ своемъ уединеніи, если бы она не имѣла для насъ еще и другого значенія. Умственное наше развитіе,—па оборотъ съ тѣмъ, что происходило на Западѣ,—почти всегда начиналось съ самыхъ отдаленныхъ задачъ и постоянно указывало истинныя точки дѣятельности далеко за предѣлами окружающаго насъ міра: мы не считали себя достойными приступить къ рѣшенію какихъ-либо вопросовъ жизни, прежде чѣмъ не узнаемъ первую причину всѣхъ явленій. Многіе изъ лучшихъ умовъ во всѣ эпохи просиживали у насъ цѣлый вѣкъ, сложа руки, ожидая отвѣтовъ на свои запросы и критически относясь къ тѣмъ, которые получили. Правда, что когда являлись люди, разрывавшіе очарованный кругъ абстракцій и выходившіе на свѣтъ къ простому, насущному дѣлу, они уже поражали многосторонностію своей мысли, окрѣпшей именно въ борьбѣ съ обманчивыми призраками и мечтаніями. Какъ Герценъ, такъ и Огаревъ, обрѣтались еще въ стадіи поисковъ за волшебнымъ словомъ, отверзающимъ всѣ двери знанія, безъ опыта и наблюденія, хотя они уже и говорили о послѣднихъ. Если Огаревъ, какъ видѣли, опредѣливъ свой абсолютъ, не зналъ, куда идти далѣе, то это было понятно. Ему слѣдовало теперь построить мостъ, по которому «мыслимая», воображаемая матерія его могла бы перейти на другой берегъ для того, чтобы предаться реальной работѣ и осуществить на землѣ такія конкретныя явленія, какъ гражданское общество, судьбы человѣчества въ исторіи, законы нравственности, экономическое и религіозное развитіе народовъ, и проч., и проч.

Огаревъ и построилъ такой мостъ во второй трети системы, которую вслѣдъ за первою третью послалъ па оцѣнку и приговоръ друзей. Если же горячность автора въ развитіи системы показывала, что онъ придаетъ ей значеніе важнаго жизненнаго подвига, то и серьезность, съ которою друзья принялись за роль критиковъ, не менѣе того свидѣтельствовала, что на философскія упражненія товарища они смотрѣли какъ на дѣло, заслуживающее полнаго вниманія. Все это было въ духѣ времени. Между прочимъ пріятели довольно мѣтко подмѣчали одинъ слабый пунктъ системы, допуская

даже и всѣ прелиминарныя положенія, на которыхъ она основывалась. Появленіе человѣка на землѣ, съ даромъ сознанія и самопознанія, ставитъ противъ природы (бытія) другую силу, ей равную, и образуетъ двойственность силъ, разрушающую обѣщанное единство системы. Огаревъ отвѣчалъ еще болѣе чудовищными гипотезами, чѣмъ всѣ прежде имъ допущенныя:

«...Теперь о моей системѣ; ты ее не такъ понялъ. Я говорилъ, что абсолютное бытіе выразило идею самого себя во вселенной разомъ (внѣ времени). И всѣ идеи, въ той идеѣ заключенныя, воплощались въ соотвѣтственныхъ формахъ во вселенной. Въ человѣкѣ выразилась идея самосознанія. Прочти, что̀ я пишу объ этомъ къ нему (Герцену).

«Фазы міозданія — сущность; идея и осуществленіе выражаются вдругъ и въ природѣ, и въ человѣкѣ. Тутъ и спорить не о чемъ; но изъ того, что я сказалъ, что природа есть предыдущее человѣка, не могъ ты заключитъ, что она должна была уничтожиться, какъ скоро явится человѣкъ.

«Что̀ же дѣлать, что̀ дѣлать, что человѣкъ есть произведеніе земли; я прямо увѣренъ, что мой организмъ не есть произведеніе ни солнца, ни луны, ни Юпитера, ни Меркурія, ни даже этого воздушнаго пространства, которое мы называемъ небомъ; я увѣренъ, что онъ есть форма совершеннѣйшая на землѣ и выражающая идею самосознанія, одну изъ божественныхъ идей. Еще я съ нѣкоторыхъ поръ, слѣдуя моей системѣ, увѣрился въ безсмертіи души, о чемъ напишу подробно. Теперь не расположенъ. Нисколько я не полагаю разумѣнія результатомъ организма, а организмъ результатомъ идеи, къ которой относится какъ форма. Однимъ словомъ, ты не замѣтилъ въ моей системѣ, что ряду идей соотвѣтствуетъ рядъ формъ,—а это въ ней довольно важно»...

Нельзя не подивиться обилію безсодержательныхъ представленій, какими обладало воображеніе Огарева, и пріобрѣтенной способности его складывать ихъ въ узоры, пригоняя цвѣтъ къ цвѣту. Первородная матерія съ присущею ей идеей-матерью распадается на множество побочныхъ идей, которыя всѣ обладаютъ, какъ и родоначальница ихъ, способностью

творчества и находятъ для него соотвѣтственныя формы во вселенной, заготовленныя, вѣроятно, тою же попечительною матерью еще до начала вѣковъ. Начинается картина, представляющая длинную, нескончаемую цѣпь воплощенія идей, приносящихъ съ собою и всѣ нужные имъ организмы. Кажется, далѣе идти было не возможно, но Огаревъ нашелъ еще тропинку для своихъ умозаключеній. По его ученію, всѣ физіологическія и психическія явленія въ человѣкѣ могутъ быть зачислены тоже въ категорію идейныхъ воплощеній, да изъ послѣднихъ даже поясняется возникновеніе вѣры въ безсмертіе души! Заблужденія автора и снисходительность къ его заблужденіямъ друзей-критиковъ были бы вовсе непостижимы, если бы для нихъ не существовало оправданія. Обаяніе системы заключалось для всѣхъ, которые ее знали, и для ея автора въ безграничной свободѣ мысли, которая пробовала себя, на первыхъ порахъ, въ области неимовѣрныхъ абстракцій!

Замѣчательна въ біографическомъ отношеніи и приписка, которою сопровождалъ Огаревъ отсылку этой второй части своего труда въ Москву. Она гласитъ: «Я чувствую самъ, что еще всюду вкрадываются несообразности и противорѣчія; но что̀ же дѣлать? Теперь еще не въ силахъ совершенно выработать все, что̀ хочется; но никакая неудача не остановитъ меня. Обнять весь этотъ міръ знанія, провидѣть начало и результаты идей и потомъ съ твердостію и силою вступить на поприще практической дѣятельности— вотъ цѣль моя! Суди, какъ хочешь, а я увѣренъ, что думаю такъ»... Оказывается, что, подобно другу своему Герцену, онъ думалъ о практической дѣятельности, о трудовой жизни для людей и промежъ людей въ самомъ пылу горячей работы за облицованіемъ своихъ абсолютовъ, но ему было тяжелѣе выступить на новую арену, чѣмъ Герцену. Напрасно онъ называетъ себя, съ добродушнымъ хвастовствомъ, совершенно невиннымъ въ его устахъ, «Сампсономъ, разрывающимъ цѣпи», напрасно говоритъ о своихъ силахъ и призываетъ минуты, когда будетъ въ состояніи обнаружить свою способность на борьбу и подвижничество,—онъ остается постоянно

человѣкомъ, указывающимъ нужду тѣхъ или другихъ рѣшеній, понимающимъ неотложныя задачи времени, отгадывающимъ даже, по инстинкту, вопросы, еще никѣмъ не тронутые, и нерѣдко изумлявшимъ проблесками мысли, опередившей свое время, но лишеннымъ способности обращать въ дѣло свои собственные взгляды и убѣжденія. Онъ оказывался полнымъ неудачникомъ во всемъ, что̀ ни предпринималъ. Это была избранная натура, созданная на то, чтобъ на нее любовались и съ нея брали примѣръ, но не привлекали къ черновой работѣ, требуемой жизнію.

Сама система его, которой онъ такъ величался, чуть-чуть не возлагая на нее надежды на свое безсмертіе, была еще ничѣмъ инымъ, какъ вспышкой, зароненною въ его душу прилежнымъ чтеніемъ философскихъ сочиненій. Онъ принялъ искру, долетѣвшую до него съ чужого очага, за проявленіе собственной мысли и сталъ подводить обширный теоретическій фундаментъ подъ гипотезы, навѣянныя ей со стороны. Онъ принялся за свою тяжелую работу съ усердіемъ и усиліями баснословнаго Сизифа, но и то, и другое скоро истощились. Гипотезы росли не по днямъ, а по часамъ, множились съ ужасающею скоростію и быстротою; подмостки и опоры, которыя заготовлялъ имъ авторъ, безпрестанно оказывались недостаточными, требовали новыхъ пристроекъ. Измученный Огаревъ прибѣгъ къ обыкновенному средству отдѣлываться отъ трудныхъ задачъ, положенныхъ себѣ первымъ увлеченіемъ: онъ бросилъ все дѣло въ развалинахъ и уже никогда не оглядывался болѣе на ямы и рытвины, оставленныя имъ за собою на почвѣ трактата. Покамѣсть онъ былъ еще далекъ отъ полнаго сознанія своего безсилія, хотя и говорилъ о немъ. Онъ возвѣщаетъ о скоромъ появленіи третьяго и четвертаго отдѣла системы, распространяется въ комментаріяхъ о томъ, что̀ они должны будутъ содержать въ себѣ, но намъ нѣтъ уже надобности ходить опять по темнымъ корридорамъ его философскаго лабиринта послѣ того, какъ ознакомились съ ихъ расположеніемъ. Достаточно упомянуть, что теперь онъ также легко и свободно нашелъ законъ тройственности во вселенной, какъ прежде открылъ законъ

одновременнаго дѣйствія косности и движенія въ матеріи. «Когда я раскрою вамъ», пишетъ онъ,—«законъ тройственности—сущность, идея, осуществленіе въ жизни человѣчества,—когда я покажу вамъ человѣчество прежде колоссальное, какъ вселенная, которую оно боготворитъ, потомъ выводящее изъ себя свою собственную идею; когда я покажу вамъ въ каждой отдѣльной эпохѣ, въ каждомъ годѣ, въ каждомъ моментѣ (!)... этихъ двухъ отдѣловъ (древности и христіанства) тотъ же законъ тройственности,—тогда я положу вопросъ будущности, тогда я скажу вамъ задачу, разгадкѣ которой посвящаю себя словомъ и дѣломъ». Никакой разгадки вопроса будущности не послѣдовало, да и самъ Огаревъ никогда не посвящалъ себя всецѣло его разрѣшенію.

Гораздо вѣрнѣе передаетъ намъ физіономію Огарева слѣдующая тирада изъ его прозрѣній въ будущность, которою мы и заключаемъ нашъ разборъ его занятій. Тирада лучше соотвѣтствуетъ, чѣмъ философскія упражненія, понятію о бывшемъ сенъ-симонистѣ, за ученіе котораго онъ собственно и пострадалъ:

«Теперь я намекну только на задачу общественной организаціи: сохранить при высочайшемъ развитіи общественности полную свободу индивидуальную. Да, это задача для жизни рода человѣческаго — чѣмъ ближе къ разрѣшенію, тѣмъ ближе къ совершенству. Эту задачу пусть разрѣшаетъ человѣчество, какъ скоро сброситъ ветхую епанчу свою. Да, человѣкъ долженъ по своей волѣ двигаться въ кругу братій. До тѣхъ поръ, пока есть преграда развитію моей индивидуальной воли, до тѣхъ поръ у меня нѣтъ братьевъ—есть враги, — до тѣхъ поръ нѣтъ гармоніи и любви, но борьба моего эгоизма съ эгоизмомъ другихъ. Сочетать эгоизмъ съ самопожертвованіемъ — вотъ въ чемъ дѣло, вотъ къ чему должно стремиться общественное устройство. Эту задачу я вамъ выведу исторически—и также приближенное рѣшеніе оной въ третьей или четвертой тетради очерковъ, которую постараюсь доставить... черезъ мѣсяцъ»...

Но и эта горячая тирада опять была произведеніемъ

минуты, лучезарнымъ, но мимолетнымъ впечатлѣніемъ, пробѣжавшимъ въ мозгу автора. Рядомъ съ нею, въ перепискѣ Огарева красуется еще бездна такихъ же горячихъ тирадъ, трактующихъ совсѣмъ о другомъ строѣ идей, о необходимости и мудрости самозабвенія, слѣпой вѣры, отсѣченія своей воли и абсолютнаго смиренія въ виду истинъ, добытыхъ религіознымъ чувствомъ. Какъ тирада, такъ и вся система, разобранная нами, были произведеніемъ благороднаго характера и ума, но силы и значенія обязательной доктрины не имѣли ни для него самого, ни для друзей его.

VIII.

Ошибся бы тотъ, кто принялъ бы Огарева, на основаніи его филиппикъ противъ пошлостей свѣта и его философскихъ трудовъ, за нелюдима, способнаго довольствоваться самимъ собою и не нуждающагося въ обществѣ. Напротивъ, онъ искалъ людей и пришелъ въ негодованіе, когда друзья, тоже обманутые его сатирами на пензенское общество, заподозрѣли въ немъ мизантропа. Мизантропія—это отчаяніе, безнадежность, а онъ, выражаясь его словами, полонъ вѣры въ человѣчество, въ самого себя, въ свое призваніе. Заявляя громогласно свои симпатіи вообще къ человѣчеству, Огаревъ отлично уживался съ тѣмъ самымъ свѣтомъ, на который падали его безпощадные удары. Онъ не любилъ въ свѣтѣ его страсть къ шуму, его безцѣльную суету, выставку богатствъ и ухищреній роскоши, а также и его тщеславіе, выроставшее у многихъ до симптомовъ душевной болѣзни; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ искусствомъ находить для себя уютные уголки посреди многолюдства и царствовать тамъ въ силу одной симпатической своей природы. Огаревъ не отличался ни особеннымъ даромъ слова, ни эпиграмматическою мѣткостію замѣтокъ, ни веселостію, качествами, которыми сотоварищъ его Герценъ надѣленъ былъ въ такой высокой степени.

По свидѣтельству одной умной дамы, Огаревъ прослылъ даже, при своемъ появленіи на аренѣ пензенскаго high-lif'а,

за ограниченнаго человѣка. Она писала (переводимъ съ французскаго): «Тотчасъ по пріѣздѣ въ Пензу я принялась разспрашивать весь міръ объ Огаревѣ, съ которымъ такъ хотѣла познакомиться, и получила въ отвѣтъ со всѣхъ сторонъ: это дурачокъ (une bête), замѣчательный только своимъ богатствомъ. Можете себѣ представить, какъ я была изумлена. Наконецъ, не далѣе какъ вчера я встрѣтила его на балѣ у Ахлебининыхъ; онъ былъ молчаливъ, улыбался и имѣлъ важный и холодный видъ. Мнѣ хотѣлось обнять его за васъ и за себя, но въ самой средѣ моего увлеченія ухо мое было оскорблено массой эпиграммъ въ прозѣ на его счетъ, и притомъ самыхъ пошлыхъ эпиграммъ, которыя скорѣе позорили тѣхъ, кто ихъ произносилъ, чѣмъ его»[1]). Провинціальный міръ былъ обманутъ новымъ своимъ гостемъ: ожидали увидать въ немъ блестящаго москвича, увѣнчаннаго еще ореоломъ преслѣдованія, и встрѣтили сосредоточеннаго въ себѣ, задумчиваго и наблюдательнаго юношу съ простою рѣчью, безъ пикантной закваски, безъ points, traits и другихъ прикрасъ, которыя можно разносить по сторонамъ. Распущенное провинціальное общество тотчасъ угадало въ немъ своего врага...

Но въ томъ же обществѣ нашлись и круги, иначе настроенные и которые скоро поняли, какого труда стоило этому скромному молодому человѣку справляться съ врожденною пылкостью молодости и воображенія, и которые оцѣнили его усилія покорять свирѣпыя физическія страсти идеѣ чистаго, безукоризненнаго служенія наукѣ и человѣчеству. Изъ этой работы надъ собою онъ сдѣлалъ тогда задачу жизни, собиравшую вокругъ него много разрозненныхъ привязанностей и симпатій.

Каждое лѣто отецъ Огарева уѣзжалъ въ свою пензенскую деревню, село Акшино, близъ Саранска, населенную множествомъ воспоминаній и для Огарева-сына, который въ ней родился и провелъ свое дѣтство. Въ первый разъ, какъ старый помѣщикъ увозилъ въ это любимое лѣтнее свое

---

[1]) Изъ письма Н. Сатина.

убѣжище уже взрослаго сына-изгнанника, онъ, какъ попечительный отецъ, позаботился и о доставленіи ему развлеченій въ деревнѣ, пригласивъ нѣкоторыхъ молодыхъ родственниковъ ихъ семьи раздѣлить его уединеніе и принять еще другія мѣры противъ его ипохондріи. Все это дѣлалось, какъ подозрѣвалъ Огаревъ-сынъ, согласно принятой системѣ: «изъ любви ко мнѣ и изъ желанія мнѣ добра», писалъ онъ,—«и для того, чтобы освободить мою голову отъ міра идей и изгнать изъ нея всякое подобіе серьезной мысли». Легкія связи, подготовленныя съ тою же цѣлью, конечно, были пренебрежены молодымъ философомъ, но за то онъ дважды влюблялся въ кузинъ, и въ послѣдній разъ даже очень серьезно, но онъ пытается подавить свое чувство тотчасъ, какъ только сознаъ его въ себѣ. «Эта дѣвушка», извѣщаетъ онъ, — «соединяетъ въ себѣ Луизу и Гретхенъ, черный, огненный, восточный типъ», и тутъ же прибавляетъ: «но я не долженъ предаваться любви: моя любовь посвящена высшей, универсальной «Любви», въ основѣ которой нѣтъ эгоистическаго чувства наслажденія; я принесу мою настоящую любовь въ жертву на алтарь всемірнаго чувства». Зароки эти однакоже ни къ чему не повели; онъ волнуется, сердится на себя, но отдѣлаться отъ влеченій сердца не можетъ, какъ это видно изъ послѣдующихъ его писемъ, отрывки изъ которыхъ здѣсь приводимъ въ доказательство, что подъ составною физіономіей философа и моралиста таились у Огарева страсти и органическія бури, сопровождающія каждую молодость и раздирающія, какъ и съ нимъ было, маску мудреца, наложенную на себя ради постороннихъ соображеній:

«Ты еще не зналъ во мнѣ одного необычайнаго достоинства — ужасной влюбчивости. Такъ вообрази же, что послѣ того, какъ писалъ къ тебѣ, что влюбленъ, я вполнѣ увѣрился, что Дульцинея моя глупа, какъ пробка, — и баста. Потомъ я имѣлъ удовольствіе влюбиться безъ ума въ одну изъ дѣвъ, о которыхъ я тебѣ и писалъ,— и наслаждаюсь. Но знаешь ли, что это въ самомъ дѣлѣ любовь! Чѣмъ это кончится—Богъ вѣсть, но только это прибавка новыхъ тер-

заній къ прежнимъ. Какъ глупо!» Затѣмъ онъ обращается къ самому себѣ и подымаетъ опять тему объ эгоизмѣ, отъ котораго такъ силился освободиться:

«Я часто думаю: неужели и я могу имѣть страсть индивидуальную, не основанную на самоотверженіи и на жизни универсальной? Неужели и я эгоистъ? Я и въ самомъ дѣлѣ эгоистъ. Другъ, другъ!.. Зачѣмъ же я становлюсь тѣмъ, чѣмъ мнѣ быть не хочется? Сколько контрастовъ, борющихся во мнѣ! Добродѣтель и преступленіе, умъ и матерія, богъ и скотъ сталкиваются, раздираютъ... Мученье!»

Всѣ эти мученія кончились однако же, когда появилась особа, будущая жена Огарева, которая поняла, что всѣ его опасенія за нравственную чистоту свою суть только признаки нерѣшимости испробовать жизнь на дѣлѣ, и связала его судьбу со своею собственною; но объ этомъ послѣ.

Покамѣсть Огаревъ не уступалъ Герцену въ обширности плановъ и замысловъ для будущаго, предполагаемаго устроенія и упроченія какъ своей литературной, такъ и общественной дѣятельности. Подобно вятскому сотоварищу своему, и онъ томился ссылкой, хотя она далеко не такъ тяготѣла на его плечахъ, какъ у жертвы Тюфяева, которая поминутно могла ожидать новыхъ и не заслуженныхъ политическихъ бѣдствій. Здѣсь, напротивъ, начальство берегло Огарева, прозрѣвая въ немъ большую полезность для провинціи въ его качествѣ готоваго выгоднаго жениха для бѣдныхъ дѣвушекъ, не имѣющихъ средствъ являться въ столицы и дѣлать тамъ завоеванія. Оно — начальство — еще и само имѣло на него виды въ этомъ смыслѣ и льстило его надеждами скораго освобожденія и обѣщаніемъ своего ходатайства къ ускоренію развязки. Почти съ первыхъ же дней прибытія въ Пензу Огаревъ уже сталъ мечтать о поѣздкѣ въ Петербургъ, въ Москву, о свиданіи съ друзьями, но время шло, а признаковъ поворота въ его судьбѣ ни откуда не показывалось; онъ потерялъ и послѣдній лучъ надежды, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что на вопросъ симбирскихъ властей по поводу домогательствъ Сатина о до-

зволенія отлучиться съ мѣста жительства для пользованія минеральными водами полученъ былъ отвѣтъ: «Впредь не смѣть и дѣлать такихъ представленій». По этому поводу Огаревъ сдѣлалъ любопытную замѣтку: «Я не тужу за себя, мнѣ не нужно отсюда уѣзжать, и многое меня здѣсь привязываетъ, но ихъ (товарищей несчастія) жалко; я знаю, что у нихъ нѣтъ столько матерій для жизни души, какъ у меня; я въ этомъ случаѣ что-то индійское!» Не смотря однакоже на это предполагаемое индійское обиліе матеріи въ его организмѣ, Огаревъ ужасался мысли окоченѣть въ провинціи, какъ еще ни была она сравнительно легка для него, и возымѣлъ намѣреніе проситься на службу, на Кавказъ, при чемъ тотчасъ же снабдилъ вспышку свою и маленькою оправдательною теоріей, тоже весьма любопытною: «Мечта о Кавказѣ меня не покидаетъ. Война—лучшій выходъ. Разумно, я чувствую, никогда не выйду, да и скучно что-то искать разумнаго выхода, если онъ самъ не приходитъ. Наука и практическая дѣятельность не даются мнѣ. Дѣятельность безпутная лучше выведетъ на путь. Да вѣдь оно какъ-то и хорошо—шумная битва да шумный бивакъ!.. А за жизнь мою ручается что-то, что̀ выше меня. Я въ свою будущность вѣрю, потому что все же умѣлъ стать духомъ выше своей личности»... Конечно, это былъ крикъ нестерпимой боли — ибо представить себѣ автора системы міровѣдѣнія въ образѣ браваго кавказскаго офицера нѣтъ никакой возможности.

Многое и другое представляетъ затрудненія для пониманія этой своеобразной личности, если упустить изъ вида склонность ея отдаваться первымъ впечатлѣніямъ и немедленно ставить ихъ цѣлью своей жизни. Безъ этого предварительнаго соображенія нельзя дать себѣ отчета, напримѣръ, въ громадныхъ размѣрахъ, какіе принимаютъ у Огарева всѣ планы будущей литературной дѣятельности его, и въ колоссальной самонадѣянности, съ какою онъ говоритъ о грядущихъ трудахъ своихъ. «Дайте мнѣ дѣйствія», восклицаетъ онъ,—«дайте желаемый кругъ дѣйствія! Я чувствую въ себѣ силу неограниченную. Нѣтъ, еще есть Вѣра, и я пойду да-

леко. Если бы я былъ съ вами, друзья, или тамъ, гдѣ движутся языцы!.. Но я буду, непремѣнно буду; мой fatum написанъ рукой Бога на пути вселенной: онъ неизмѣненъ»... Легкость, съ которою и онъ, и Герценъ постоянно призывали само Провидѣніе на вмѣшательство въ ихъ дѣла, какъ бы въ видѣ своего довѣреннаго и уполномоченнаго лица, всего лучше объясняетъ восторженное состояніе какъ ихъ самихъ, такъ и вообще той эпохи. Черта эта была у нихъ общая со многими сверстниками изъ другихъ лагерей. Станкевичъ, Грановскій, В. Боткинъ, Бѣлинскій, также точно, какъ К. Аксаковъ и др., одинаково считали себя орудіями высшихъ силъ и тщились содержать себя въ надлежащей чистотѣ, приличной избранникамъ Промысла. Вся интеллигентная молодежь конца тридцатыхъ годовъ составляла какое-то подобіе не сформировавшейся, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно существовавшей общины, которая вѣровала въ свое призваніе обновить міръ дѣломъ и словомъ и была не ниже по своему моральному содержанію всѣхъ позднѣйшихъ новохристіанскихъ общинъ, являвшихся подъ разными наименованіями: Божіихъ людей, Послѣднихъ святыхъ и проч. Изъ этой энтузіастической общины нашей, не имѣвшей, повторяемъ, фактическаго бытія, и члены которой узнавали другъ друга только по одинаковости настроенія, вышла бо́льшая часть людей сороковыхъ годовъ, которые разошлись потомъ по разнымъ дорогамъ и открыли эру новыхъ идеаловъ. Въ процессѣ переформированія ихъ, дополненія и измѣненія старыхъ убѣжденій прежніе единомышленники уже часто сталкивались враждебно, но безстрастный наблюдатель легко распознаетъ на этихъ борцахъ печать одного, общаго происхожденія, въ какія бы положенія они ни становились другъ къ другу.

Но время явиться къ друзьямъ или туда, гдѣ движутся языцы, по его выраженію, было еще далеко отъ Огарева. Въ ожиданіи его онъ посылалъ стихи и небольшія статейки въ забытые теперь журналы, какъ «Сынъ Отечества» Н. Полевого, напримѣръ, да строилъ неустанно свою «Систему». Это былъ капитальный трудъ его; но рядомъ съ нимъ росли

планы и другихъ работъ, испытывая неизмѣнно одну и ту же участь. На половинѣ дороги усердіе и воображеніе автора истощались, перебиваемыя новыми впечатлѣніями и задачами, которыя требовали и новыхъ формъ. Огаревъ принялся за трактатъ «О воспитаніи» и говорилъ о немъ съ одушевленіемъ; но прошло немного времени, и усталость автора обнаружилась довольно ясно: «Статью о воспитаніи не могу теперь доставить, ибо чѣмъ больше пишу ее, тѣмъ она плодовитѣе и пишется, и такъ скоро отдѣлана быть не можетъ; съ первой оказіей она доставится».

Но оказіи вовсе и не приходило. Не извѣстно, вмѣстѣ ли съ трактатомъ, или послѣ него, въ видѣ способа отдохновенія, появилась у Огарева мысль о романѣ: «Хочу писать сказку или быль, какъ порядочный человѣкъ гибнетъ въ провинціи; достанется же и почтенному родству моему (хотя и высокому), но которое намъ обоимъ надѣлало кучу гнусныхъ непріятностей, желая овладѣть нашей волею»... Для пониманія послѣднихъ словъ слѣдуетъ замѣтить, что женитьба Огарева (въ 1838 году) на родственницѣ губернатора Панчулидзева, о чемъ будемъ еще говорить, ослабила надзоръ за употребленіемъ, какое дѣлаетъ ссыльный изъ своего времени, а смерть отца въ томъ же году удалила и другихъ вліятельныхъ цензоровъ его поведенія. Въ видѣ вѣнчальнаго подарка онъ даже былъ представленъ къ чину, а затѣмъ еще получилъ право, съ согласія губернатора, отлучаться изъ губерніи, но не касаться столицъ и нѣкоторыхъ другихъ важнѣйшихъ городовъ имперіи. Онъ не замедлилъ воспользоваться дозволеніемъ. Всѣ кабинетныя работы и планы работъ у Огарева приходятся къ этой эпохѣ общаго замиренія, за исключеніемъ, впрочемъ, «Системы», съ которою никогда не разставался. О романѣ Огарева мы не имѣемъ никакого понятія, но за то о драмѣ, затѣянной еще прежде и чуть ли не по одинаковому плану съ романомъ, можемъ сообщить нѣсколько подробностей. Огаревъ извѣщалъ друзей о зарожденіи ея слѣдующими словами: «Я пишу драму, которой первый актъ конченъ. Я имъ еще не слишкомъ доволенъ; многое не довольно ясно, не рѣзко высказано. Есть мѣста, гдѣ слишкомъ

много словъ, чего я терпѣть не могу. Потому вамъ пришлю только, когда кончу и буду самъ хотя немного доволенъ. Статью о воспитаніи моя лѣнь превозможетъ тамъ[1]). Я слишкомъ много предположилъ трудовъ, чтобы ихъ тамъ исполнить, и потому едва ли что̀ сдѣлается, кромѣ драмы. Addio, carissime».

Но и драма не исполнилась—по предвидѣннымъ и не предвидѣннымъ обстоятельствамъ. Она носила заглавіе «Художникъ» (Der Künstler) и принадлежала къ числу тѣхъ романтическихъ произведеній, гдѣ художники, поэты, геніальные юноши всѣхъ родовъ бичуютъ общество, подъ покровомъ котораго сами возникли, и требуютъ отъ него не только признанія ихъ заслугъ, но славы, власти и раболѣпства передъ собою. Нельзя не подивиться живучести этой темы въ нашей литературѣ. Гораздо позднѣе Гоголя она еще питала молодые умы авторовъ, очень часто съ нея и начинавшихъ свою дѣятельность, а съ болѣе возмужалыми умами пробралась и въ производительность сороковыхъ годовъ, гдѣ красовалась драмами и романами самаго выспренняго, напряженнаго паѳоса. Огаревъ тоже не устоялъ противъ искушенія высказать подъ чужимъ именемъ свои собственные помыслы, но у него выборъ темы произведенъ былъ не одною разгоряченною головой, а еще и наболѣвшимъ сердцемъ. Вотъ что̀ онъ говоритъ въ раннемъ нѣмецкомъ письмѣ къ пріятелю, 1836 года, изъ котораго мы уже представляли выдержки: «Я хочу писать драму «Художникъ» (Der Künstler) и разоблачить въ ней будущность искусства. Ты догадываешься объ основаніяхъ, на которыхъ она должна держаться. Но мой «Художникъ» еще преслѣдуемъ роковыми призраками: сомнѣніемъ, которое граничитъ съ отчаяніемъ. Форма драмы будетъ

---

[1]) Всѣ эти тамъ относятся къ вояжу на кавказскія минеральныя воды, куда Огаревъ, пользуясь дозволеніемъ, спѣшилъ отправиться въ 1838 году. Письма нашего автора постоянно безъ числовыхъ помѣтокъ, и хронологическій ихъ порядокъ можетъ основываться поэтому единственно на догадкахъ. На Кавказѣ Огаревъ получилъ извѣстіе о послѣднемъ роковомъ апоплексическомъ ударѣ, который поразилъ отца, и, не докончивъ лѣченія, поскакалъ къ нему, оставивъ жену на водахъ.

оригинальна. Мой художникъ—энциклопедистъ: поэзія, музыка, живопись участвовали въ его образованіи. Конецъ—сумасшествіе. О, Боже! Неужто и со мной можетъ то же случиться, что и съ моимъ художникомъ. Другъ! Я глубоко палъ здѣсь, духовныя мои силы ослабѣли, я пустъ, я страшно пустъ. А какъ преисполненъ я былъ духомъ мужества во дни моего ареста»...

Возвратившись спѣшно изъ своего путешествія на Кавказъ въ Акшино, гдѣ онъ уже не засталъ въ живыхъ своего отца, Огаревъ явился и въ Пензу. Здѣсь въ уединеніи, которое теперь наступило для него, онъ дѣлаетъ перечень всего предпринятаго имъ доселѣ. Это, такъ сказать, эпитафія, надгробная надпись любимыхъ многочисленныхъ его проектовъ, которую здѣсь и приводимъ: «Я хотѣлъ кое-что послать тебѣ для печатанья, но теперь дома нѣтъ, у Х. (Ховриной) въ деревнѣ, ergo до другого раза—приготовлю побольше. Пишу романъ, драму, повѣсть, систему міра, прокламаціи къ моимъ подданнымъ, разныя глупости въ канцеляріи, и отъ этой многосложности ничто не подвигается, и вездѣ ѣзжу на любимомъ конькѣ, на предисловіи... Прощай, братъ». Изо всѣхъ предметовъ, осужденныхъ имъ самимъ на забвеніе, всего болѣе жалко прокламацій къ подданнымъ. Любопытно было бы знать, какимъ языкомъ говорилъ съ ними въ эпоху крѣпостного быта молодой натуръ-философъ и христіански-радикальный мыслитель. По замѣчательно широкому плану освобожденія одной части своего имѣнія, введенному имъ позднѣе въ исполненіе, и по всегдашнимъ восторженнымъ отзывамъ его о русскомъ народѣ можно думать, что рѣчь составляла диспаратъ въ то странное время, когда всѣ уже предвидѣли неизбѣжную гибель крѣпостничества и всѣ съ отчаяніемъ держались за него.

IX.

Огаревъ имѣлъ большое преимущество передъ Герценомъ въ томъ, что былъ поэтъ и страстный музыкантъ. Это позволяло ему находить, въ случаѣ бѣдъ, лишнее пристанище и

утѣшеніе для себя. Правда, и Герценъ, какъ знаемъ, писалъ стихи, но у него это было просто упражненіемъ. «Кажется, пятистопный ямбъ», говорилъ онъ,—«дѣло человѣческое», и онъ составлялъ ямбы, какъ ученики разрѣшаютъ математическія задачи, не чувствуя нисколько призванія къ математикѣ. Совсѣмъ другое значеніе имѣли для Огарева поэзія и служеніе музамъ. Для него это были живыя божества, и каждодневная бесѣда съ ними сдѣлалась потребностью его души. Онъ говорилъ съ ними преимущественно о самомъ себѣ; онъ стоялъ передъ ними въ роли исповѣдника, припоминая каждую свою мысль, растравляя раны своего сердца, обнаруживая потрясенія и разрушенія, произведенныя въ его нравственномъ существѣ событіями внѣшняго міра и собственною мыслью. Участія отъ невидимыхъ божествъ своихъ онъ не ждалъ; ему нужно было только высказаться передъ ними. Но это былъ поэтъ не первыхъ, непосредственныхъ ощущеній, а ощущеній, оставшихся послѣ мозговой провѣрки ихъ; поэтъ рефлектирующій, по философскому выраженію, Огаревъ поэтизировалъ не столько явленія, сколько свои размышленія о нихъ. Самая фактура даже наиболѣе удачныхъ его произведеній подтверждаетъ это мнѣніе. Въ стихѣ его не видно той крѣпости нервъ и мышцъ, смѣемъ выразиться, которая должна отличать выраженіе страстныхъ аффектовъ вообще для того, чтобы они успѣли сообщиться читателю; стихъ его страдаетъ растянутостью, ожирѣніемъ, такъ сказать, что̀ даетъ ему болѣзненный видъ; рядомъ съ истиннымъ одушевленіемъ тутъ идутъ избитыя общія мѣста, назначенныя видимо отвѣчать только на предшествующія риѳмы, и послѣ долгихъ реторическихъ подступовъ внезапно является свѣтлый полетъ фантазіи, превосходная поэтическая картина... Все вмѣстѣ оставляетъ читателя въ недоумѣніи, раздѣляя его впечатлѣніе и мѣшая ему отдаться вполнѣ своему автору. Много написалъ и напечаталъ своихъ стиховъ за это время нашъ поэтъ, и между ними есть очень цѣнные, какъ, напримѣръ, «Моя лампада», гдѣ онъ непосредственно касается домашняго, простого явленія. Мы желали бы спасти отъ забвенія, которое вообще наступило для поэтическихъ произ-

веденій Огарева, это стихотвореніе всего болѣе потому, что оно содержитъ біографическій матеріалъ и хорошо передаетъ созерцательную природу автора и мягкое его настроеніе. Приводимъ его, не смотря на длинноту:

МОЯ ЛАМПАДА.

Я помню свѣтъ лампады томной
Передъ иконою святой:
Онъ озарялъ мой уголъ скромный
И мой младенческій покой;
Тутъ няня старая крестилась
Передъ грядущимъ тихимъ сномъ
И въ землю съ шопотомъ молилась,
И спать ложилася потомъ.
Спокойны были наши ночи,
Спокойны были наши сны.
И не бывали наши очи
Тоской души растворены.
Тогда съ младенчества порою
Сдружилась старость—и они
Шли беззаботною стопою,
Въ дорогѣ жизнью сведены.
Но няни нѣтъ! Давно зарыта
Она въ могилѣ подъ крестомъ,
И дѣтство мирное забыто,
И стало все неяснымъ сномъ.

Другой я помню блескъ лампады,—
Онъ укоризненно свѣтилъ
Мнѣ въ отуманенные взгляды
И, мнилось, будто говорилъ:
«Мнѣ данъ среди предназначеній
«Удѣлъ быть тайныхъ думъ,
«Иль скорби сердца, иль видѣній,
«Мечтой навѣянныхъ на умъ;
«А ты, разврата сынъ ничтожный,
«Удѣлъ прекрасный измѣнилъ
«И тихій лучъ рукой безбожной
«Въ самозабвеньи засвѣтилъ
«Предъ строемъ буйныхъ безначалій,
«Передъ грозой страстей земныхъ,
«При звукахъ шумныхъ вакханалій
«Или лобзаній покупныхъ!...»
И часто видѣлъ лучъ денницы,
Какъ были раннею порой
Овлажены мои рѣсницы
Святой раскаянья слезой.

Когда же снова лучъ лампады
Въ ночи безсонной мнѣ сіялъ,
Онъ, какъ страдалецъ, безъ отрады
Огнемъ тоскующимъ дрожалъ
Или, какъ ангелъ сожалѣнья,
Горя участіемъ живымъ,
Души несноснаго волненья
Бывалъ свидѣтелемъ нѣмымъ.
Тогда таинственной тоскою
Сжималось сердце—я страдалъ,
И надъ усталой головою
Сомнѣнья демонъ пролеталъ.

Теперь лампады лучъ завѣтный
Мнѣ тихо свѣтитъ въ часъ ночной
И смотритъ съ радостью привѣтной
На поцѣлуй любви святой,
На взоръ, исполненный душою,
И на склоненную ко мнѣ,
Съ улыбкой ясною покоя,
Головку въ мирномъ полуснѣ,
И душу радость наполняетъ,—
Слеза дрожитъ въ глазахъ моихъ,
И тихій ангелъ навѣваетъ
Рядъ сновидѣній неземныхъ.

Не менѣе, если не болѣе, упивался Огаревъ и музыкой. Симфоническая и квартетная музыка были его страстью, хотя для итальянскихъ, русскихъ, нѣмецкихъ мелодій онъ держалъ неотлучно при себѣ гитару и фортепьяно. Симфоническая музыка вообще пробуждаетъ ощущенія безъ отношенія къ дѣйствительности, затрогиваетъ психическія склонности человѣка, которыя безъ нея лежали бы долго въ усыпленіи, порождаетъ цѣлый строй мыслей, не имѣющихъ корней въ реальномъ мірѣ, а потому и пропадающихъ въ одномъ чувствѣ наслажденія. Такая музыка отвѣчала внутреннему міру Огарева какъ нельзя болѣе, особенно если вспомнимъ, что даже метафизическія, абстрактныя темы не были ей вовсе чужды. Мы нисколько не были удивлены, узнавъ изъ переписки Огарева, что онъ въ это же время занимался, по порученію извѣстнаго московскаго композитора Гебеля, изготовленіемъ либретто къ ораторіи его, которая должна была носить названіе «Гармонія міровъ» (Harmonie der Welten), съ соотвѣтствующимъ названію содержаніемъ.

И все это происходило еще въ пылу обширнаго, громаднаго чтенія, какое только можно себѣ представить. Любопытство и жажда расширить кругъ своихъ познаній, общія ему со всѣми его сверстниками, достигали поразительныхъ размѣровъ. Дѣло и серьезныя работы находились тутъ въ обратной пропорціи съ матеріалами, которые для нихъ собирались. Мы ужь говорили о массѣ книгъ, какая потребовалась для одной «Системы»; но масса еще увеличивалась романами, различными монографіями, всевозможными историческими трактатами и новинками французской и нѣмецкой литературъ, а съ 1838 года и съ полученіемъ наслѣдства добавлялась сочиненіями по медицинѣ, естествознанію, точнымъ наукамъ, которыя вошли въ кругъ изслѣдованій Огарева, сдѣлавшагося хозяиномъ и землевладѣльцемъ. Сколько напоминовеній встрѣчается въ его отпискахъ къ друзьямъ о высылкѣ одной «Kieser's Tellurismus», а однажды онъ пришелъ и въ негодованіе: «Я на васъ сердитъ; зачѣмъ не прислали книгъ, которыхъ спрашивалъ, а именно: Курсъ анатоміи. Знаете ли, что отъ такихъ упущеній рвется нить соображеній? Я учусь систематически: энциклопедическое знаніе, съ особенной (моей) точки зрѣнія разсматриваемое,— вотъ моя цѣль!.. Теперь меня занимаетъ человѣкъ, какъ существо, дающее болѣе объясненій на все окружающее, и потому очень вы дурно сдѣлали, что не прислали Анатоміи; я хочу посмотрѣть это тѣло, чтобы повѣрить нѣкоторыя предчувствія о жизни и смерти. Я читаю Ганемана, я убѣжденъ въ дѣйствительности гомеопатіи; я буду лѣчить. Въ деревнѣ врачъ, въ особенности гомеопатическій,—ангелъ для страждущихъ»... Съ энциклопедическимъ образованіемъ, которому онъ предался послѣ смерти отца, стали рости въ ширь и высь его планы и предначертанія практическаго свойства. Онъ не только собирался сдѣлаться деревенскимъ врачомъ, но и сельскимъ учителемъ: «Я изобрѣлъ», восклицаетъ онъ,—«методу обученія въ народныхъ училищахъ; пришли мнѣ что-нибудь о ланкастерской методѣ, чтобы посмотрѣть сходство, разницу, а можетъ, и тождество съ моею». Имъ овладѣваетъ честолюбіе разрѣшать самолично вопросы также точно науки,

какъ и жизни, разрѣшенные до него другими дѣятелями. Для провѣрки химическихъ и физическихъ опытовъ, прежде произведенныхъ спеціалистами по этой части, Огаревъ устраиваетъ въ деревнѣ свою собственную лабораторію и тотчасъ же задаетъ себѣ и другу, которому пишетъ, задачу опредѣленія вѣскости электричества. «Здѣсь я занимаюсь», пишетъ онъ,—«по немногу чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь и, не смотря на вообще приписываемую мнѣ «innere Fülle», не могу продолжительно заниматься. Иногда меня привлекаетъ законодательство: я кое-что написалъ на этотъ счетъ, но все еще не полно, многое ошибочно, но вообще, мнѣ кажется, есть довольно удачное примѣненіе къ мѣсту. Иногда бросаюсь въ естественныя науки и теперь придумалъ способъ узнать вѣсъ электричества, который, мнѣ кажется, проще способа графа Ходкевича, но я еще опыта не производилъ. Вотъ способъ. Въ стеклянную трубку, запаянную снизу, налить немного ртути и разогрѣвать такъ, чтобы ртуть поднималась и, выходя по немногу, выгоняла бы воздухъ. Когда можно увидѣть, что при охлажденіи ея останется очень мало, то трубку закупорить, и въ ней получится немного ртути въ безвоздушномъ пространствѣ. Въ пробку продѣть мѣдную проволоку, засмолить кругомъ, проволоку обвить шолкомъ, но конецъ пробки долженъ служить проводникомъ электричества. Этотъ снарядъ взвѣсить на чувствительныхъ вѣскахъ и потомъ заряжать посредствомъ электрической машины—и наблюдать разницу въ вѣсѣ. Попробуй, произведи этотъ опытъ; я произведу его здѣсь, и посмотримъ—каковы будутъ результаты». Такъ тѣшился Огаревъ, переходя, по собственному сознанію, отъ законодательства къ электричеству, а отъ нихъ къ маленькимъ стишкамъ, тутъ же и приложеннымъ. Мы не говоримъ уже о планѣ созданія фабрики, которая освободитъ крестьянъ отъ платежа барскихъ и государственныхъ повинностей, и о многихъ другихъ предположеніяхъ. Научные и дѣловые проекты Огарева имѣли одинаковую участь съ его литературными проектами: далѣе предисловія они не шли, и притомъ были съ родни тому фантастическому проекту, который возникъ въ умѣ нашего

поэта еще въ Москвѣ, до ссылки, въ чаду одной дружеской пирушки, и о которомъ онъ вспоминаетъ теперь съ улыбкой въ слѣдующихъ словахъ: «Помнишь ли, какъ мы проводили утро, когда я хотѣлъ ѣхать въ Берлинъ, издавать журналъ съ покойнымъ Гегелемъ? Помнишь ли наше путешествіе въ Черную Грязь? Что за странное разгулье, въ которомъ, однако, было столько благороднаго! Не забывай еще всѣхъ попытокъ благородныхъ душъ любить все истинное и прекрасное, не забывай трудовъ ума, словомъ—не забывай все, что̀ было хорошо. Теперь мы врозь. Но я чувствую, что мы лучше. Теперь, когда мы свидимся, мы найдемъ другъ въ другѣ смиреніе, терпѣніе и вѣру, найдемъ болѣе опыта въ жизни и болѣе чистоты въ нравахъ»... На этомъ и кончается описаніе нравственныхъ интересовъ, преслѣдуемыхъ Огаревымъ въ годину политической его ссылки, которое вышло болѣе подробно, чѣмъ мы предполагали, но которое оправдывается цѣлію познакомить читателя съ типомъ молодежи, возникшимъ къ концу тридцатыхъ годовъ и уже часто встрѣчавшимся тогда въ обѣихъ столицахъ и въ провинціи.

X.

Бѣдная родственница пензенскаго губернатора Панчулидзева, извѣстнаго тѣмъ, что онъ много лѣтъ безмятежно управлялъ одною и тою же губерніей, благодаря только потворству всяческимъ злоупотребленіямъ, когда они прикрывались покорнымъ видомъ и лестью,—Марья Львовна Милославская, впослѣдствіи Огарева, росла и воспитывалась въ богатомъ домѣ, обѣднѣвшемъ по «непредвидѣннымъ обстоятельствамъ». Съ молоду она отличалась, по собственному ея признанію, рѣшительнымъ и взбалмошнымъ характеромъ. Очутившись со скудными средствами и въ зависимости отъ постороннихъ лицъ, она устраняла поползновенія общества смотрѣть на нее свысока горделивымъ и презрительнымъ обращеніемъ съ людьми, рѣзкимъ и черезчуръ иногда откровеннымъ словомъ. До самаго замужества она слыла за то, что̀ на

свѣтскомъ языкѣ называется «personne fantasque», за фантастическую, невмѣняемую особу. Но у нея было одно важное преимущество передъ сверстницами. Поставленная въ необходимость самой думать о себѣ, разчитывать, для составленія карьеры, на собственныя силы и средства, она была гораздо лучше вооружена, чѣмъ ея подруги, пріобрѣла раннюю способность догадываться о предметахъ, если не понимать ихъ, и сосредоточиваться въ своихъ желаніяхъ для вѣрнаго достиженія своихъ цѣлей. Огаревъ рано замѣтилъ оригинальную дѣвушку, скоро сблизился съ нею и покончилъ тѣмъ, что женился на ней, совсѣмъ и не предчувствуя, что ей предназначено было разрушить всѣ его планы и идеалы трудовой, художнической и учено-дѣятельной жизни.

Въ маѣ 1838 года Огаревъ извѣщалъ друзей неожиданно и довольно торжественно о совершенномъ имъ бракѣ. Онъ пишетъ:

«Я женатъ съ 26 апрѣля—женатъ и счастливъ. Ты писалъ мнѣ, что глаза женщины чаруютъ, и предписывалъ быть осторожнымъ; но я не ошибся въ моемъ выборѣ. Провидѣніе свело насъ, а встрѣтившись, мы не могли не полюбить другъ друга. Да, другъ, другой жены я не могъ бы выбрать и съ другой не могъ бы быть счастливъ, а теперь я счастливъ, совершенно счастливъ. Если при полученіи извѣстія о моей женитьбѣ заронилась въ твою голову мысль сомнѣнія въ твердости твоего друга, то кайся и проси у Бога прощенья; ты меня довольно знаешь, чтобъ не сомнѣваться. И вѣрь, что жена моя никогда не совратитъ меня съ пути свыше предназначеннаго—напротивъ, ея любовь очистила мою душу отъ всего порочнаго.... Я имѣлъ всегда въ виду жить полною жизнью, развить силу душевную во всѣхъ направленіяхъ, и теперь чувствую, что достиженіе идеала моего—не невозможность. Какъ богата, какъ роскошна во всемъ, что̀ въ мірѣ называ̀ютъ прекраснымъ и высокимъ, будетъ жизнь. Мракъ слетѣлъ съ души моей, отчаяніе смѣнилось вѣрою,—только въ такомъ расположеніи духа можно идти впередъ—и что виною этому? любовь! Да, безъ нея пустота провинціи поглотила бы всего меня, и я не былъ бы

ни на что способенъ. Радуйся, другъ, и благодари мою Марію за мое спасеніе!»..

Въ такомъ тонѣ Огаревъ еще долго писалъ о своемъ семейномъ благополучіи друзьямъ и близкимъ.

Молодая жена, на первыхъ порахъ, горячо и искренно полюбила своего философа-мужа, который открылъ ей такую блестящую дорогу въ жизнь. Будучи очень умною женщиной, въ чемъ соглашались и позднѣйшіе ожесточенные враги ея, она сразу вошла въ роль надежной спутницы безпечнаго поэта и постаралась освоиться съ его привычками ума, съ его наклонностями, съ его образомъ представленія своихъ обязанностей. Она окружила отца Огарева, напримѣръ, такими попеченіями и ласками, которыя подчинили умирающаго старика совершенно ея волѣ, хотя, желая сохранить до смерти характеръ владыки семьи и своего достоянія, онъ назначилъ довольно скудное содержаніе замужней четѣ (4000 р. въ годъ), предоставивъ себѣ дальнѣйшія распоряженія объ устройствѣ ея судьбы. Работа мысли, какую она пережила до замужества скрытно отъ всѣхъ глазъ, помогла ей распознать идеалы и стремленія своего мужа и подчинить имъ свои природные инстинкты и влеченія къ блеску, шуму, волненіямъ и наслажденіямъ свѣтской жизни. Она превратилась—и притомъ очень искренне, какъ полагаемъ,—на все время медоваго мѣсяца въ скромную женщину, помышляющую только объ удовольствіяхъ искусства и поэзіи, о пріобрѣтеніи тихихъ симпатій кругомъ себя, о развитіи культа дружбы, безгранично царствовавшаго тогда между товарищами Огарева. Прочитавъ въ письмахъ къ нему, что озабоченные друзья предостерегали его отъ увлеченій и смотрѣли на его женидьбу какъ на западню, въ которой могутъ погибнуть всѣ его начинанія, вмѣстѣ съ надеждами на свободную и счастливую жизнь,—Марья Львовна приняла тотчасъ же мѣры, чтобы уничтожить всѣ эти опасенія. Въ первомъ же, рекомендательномъ письмѣ къ главному скептику относительно будущности женатаго Огарева и лучшему его другу, Герцену, Марья Львовна кратко излагаетъ свою біографію и свои нынѣшнія вѣрованія, свое «pro-

fession de foi». Письмо это замѣчательно и въ психологическомъ отношеніи: въ немъ столько же неподдѣльнаго добродушія, сколько и искуснаго подбора чувствъ и мыслей, на успѣхъ которыхъ можно было разчитывать. Оно начинается слѣдующею нѣмецкою фразой: «Wäre ich noch hübsch, dann wäre es Trug, dann wäre es noch Gefahr, aber hässlich ist ihres Freundes Gattin. Sind Sie ruhiger, Freund?..» (Будь я красива — тогда могъ бы быть обманъ, могла бы быть опасность, но жена вашего друга безобразна... Не успокоитъ ли это васъ, другъ?..) Сверху этихъ строкъ рукой Огарева написано: «Es ist nicht wahr was hier deutsch geschrieben ist» (Все, что здѣсь написано по нѣмецки, несправедливо).

Затѣмъ идетъ русскій текстъ письма, который видимо затруднялъ его автора: «Что же могло свести и связать насъ? Онъ былъ дикъ, я съ мужчиной всегда горда. Почти нечаянно вырвавшіяся истины. Правда, Любовь, Вѣра, самоотверженіе, вѣчность были стихіи, въ коихъ я жила съ тѣхъ поръ, что люди и привычка стали задувать во мнѣ огонь воображенія и охлаждать несносную рѣзвость. Но простодушіе во мнѣ осталось, и оно, и сердце доброе и неутомимое (sic) — одни качества или пороки (каждый постигаетъ по своему) — принесены мною общему другу въ приданое; прибавьте еще любовь безпредѣльную. Вмѣсто того, чтобъ нахмуриться, читая ваше письмо, не нарадуюсь, что Н. (Николай) нашелъ помощниковъ (sic) и друзей истинныхъ».

Какъ бы не справившись съ мудренымъ языкомъ, авторъ мгновенно переходитъ къ французскому діалекту и уже свободно развиваетъ на немъ ту же самую тему, добавляя ее еще и политическими намеками. Прилагаемъ продолженіе это въ переводѣ:

«Выходя замужъ, я понимала, какая мнѣ предстоитъ будущность; но когда однажды постигнешь эту чистую душу, которая только и радуется, что радостями ближняго, то вами овладѣваетъ любовь, и чувствуешь въ себѣ способности врачевать ея тоску. Я вообще нетерпѣливаго характера, а нынѣ я соперничаю съ нимъ въ терпѣніи и ухаживаніи за его

отцомъ, получая въ видѣ награды наслажденіе плакать вмѣстѣ съ нимъ и цѣловать его ноги, какъ свидѣтельство моего удивленія. Нужно ли мнѣ говорить вамъ, что другъ вашъ—одинъ изъ самыхъ усердныхъ учениковъ и послѣдователей Христа? Успокойтесь же на счетъ его спутницы, которая нисколько не тщеславна, не легкомысленна, любитъ добродѣтель для нея самой, уважаетъ ваши характеры, господа, и не уступитъ вамъ никогда въ твердости, добротѣ, человѣколюбіи. Каждый вечеръ я молюсь за васъ всѣхъ и призываю на васъ благословеніе Божіе, чтобы оно поддержало васъ на правомъ пути, сохранило Огареву друзей его, а страждущему человѣчеству—его пособниковъ. Я родилась въ роскоши, сведена была обстоятельствами на скудное состояніе въ послѣднее время и съ давнихъ поръ жила сиротой: все это позволило мнѣ очень рано опредѣлять цѣнность людей и вещей. Вотъ почему я была въ состояніи скоро угадать моего друга и теперь принадлежу вамъ. Жизнь для меня привлекательна только съ этой точки зрѣнія,—все прочее есть ничто. Если я васъ нѣсколько успокоила, то письмо мое было не напрасно. Еще одно слово. О* принадлежитъ великому дѣлу (à la bonne cause) еще болѣе, чѣмъ мнѣ, а своимъ друзьямъ столько же, сколько и своей возлюбленной. Послѣ всего этого не протянете ли вы мнѣ свою руку?..»

Герценъ дѣйствительно протянулъ ей эту руку. При этомъ мы опять встрѣчаемся съ особенностями, характеризующими позднія записки и воспоминанія. Въ «Быломъ и Думахъ» Герценъ разсказываетъ, что при первой встрѣчѣ съ Огаревой (о чемъ будемъ сейчасъ говорить), онъ непріятно былъ пораженъ рѣзкимъ, металлическимъ ея голосомъ, который находился въ дисгармоніи съ ея рѣчами и заставлялъ думать о настоящихъ основахъ ея характера. Замѣтка, по нашему мнѣнію, обязана своимъ происхожденіемъ тоже воспоминаніямъ, уже провѣреннымъ и дополненнымъ всѣми послѣдующими соображеніями, какихъ не могло быть сначала, и нисколько не выражаетъ перваго впечатлѣнія. Первое, непосредственное впечатлѣніе было у Герцена одинаково со всѣми знакомыми молодой женщины, и также точно

возносило ее на громадный пьедесталъ, въ чемъ можно убѣдиться по слѣдующей выдержкѣ изъ отчета Герцена о свиданіи съ нею, написаннаго московскому другу, такъ сказать, въ пылу минуты: «И она не совсѣмъ такова, какъ ты говорилъ; по твоимъ разсказамъ я только зналъ, что она умна, а теперь я увидѣлъ въ ней тьму сердца, душу, раскрытую симпатіямъ высокимъ и обширнымъ. Она достойна его»... Это и было именно настоящимъ выраженіемъ чувства и мнѣнія о личности, обаявшей всѣхъ безъ исключеній сначала.

Мы уже сказали, что вскорѣ послѣ свадьбы, именно по лѣту 1838 года, Огаревъ уѣхалъ съ женой на югъ Россіи для лѣченія. Тамъ онъ получилъ два одинаково неожиданныхъ извѣстія: одно, какъ уже знаемъ, о послѣднемъ апоплексическомъ ударѣ, постигшемъ отца, а другое—о женитьбѣ самого Ал. Ив. Герцена, хранившаго дотолѣ глубокое молчаніе о тайнѣ своей любви. На этомъ послѣднемъ извѣстіи теперь и остановимся.

Въ «Запискахъ» Герцена («Былое и Думы») мы имѣемъ вѣрное изображеніе рѣшимости и рыцарской отваги, съ которымъ онъ добылъ предметъ страсти—свою двоюродную сестру по крови и чужую ему по гражданскимъ опредѣленіямъ. Наталья Александровна Герценъ была побочною дочерью старшаго брата Яковлевыхъ, Александра, подобно тому, какъ Герценъ самъ былъ побочнымъ сыномъ второго брата, Ивана Алексѣевича. Отецъ Натальи Александровны изъ всѣхъ своихъ незаконныхъ дѣтей усыновилъ только одного («химика» «Записокъ»), предоставивъ остальныхъ собственной ихъ участи и попеченіямъ усыновленнаго счастливца, который довольно долго и скрывалъ безправныхъ братьевъ и сестеръ въ одной изъ своихъ деревень, не скупясь, впрочемъ, на приличное содержаніе ихъ. Впослѣдствіи Наталья Александровна попала въ домъ побочной тетки, княгини Хованской, которой полюбилась: тутъ она и получила первоначальное воспитаніе въ видѣ поправки несправедливости, ей оказанной отцомъ, но съ требованіемъ, въ замѣнъ, безконечной благодарности и безконечнаго повиновенія благодѣтельницѣ своей. Изъ этого

дома, плохо охраняемаго крѣпостными, которые еще вдобавокъ и любили барышню, Герценъ и извлекъ свою невѣсту послѣ того, какъ она отказалась отъ предлагаемаго ей брака съ чиновнымъ лицомъ и съ хорошимъ приданымъ. Онъ два раза тайкомъ пріѣзжалъ изъ Владиміра въ Москву, рискуя попасть подъ судъ за самовольныя отлучки, пробрался въ домъ княгини-покровительницы, сговорился съ невѣстой о побѣгѣ, на-скоро занялъ деньги, выправилъ всѣ нужные документы, преодолѣлъ всѣ кляузы и помѣхи и съ помощію одного испытаннаго московскаго друга увезъ свою добычу во Владиміръ, гдѣ и женился. Свадьба произошла 9-го мая 1838 года, стало быть, черезъ полтора мѣсяца послѣ свадьбы Огарева. Надо сказать, что не менѣе мужества и энергіи выказала во всемъ этомъ романѣ и молодая бѣглянка, смѣло пустившаяся въ дорогу—въ одномъ утреннемъ капотѣ, съ однимъ узелкомъ въ рукахъ и въ шали, которую ей прислала на этотъ случай, совсѣмъ и не знавшая ея и лежавшая уже тогда на смертномъ одрѣ, превосходная Екатерина Гавриловна Левашова.

Владимірская новобрачная не походила вовсе на новобрачную пензенскую, хотя онѣ и называли другъ друга сестрами сначала. Монастырская, почти затворническая жизнь Натальи Александровны въ домѣ благодѣтельницы наполнила ея умъ и сердце мечтами героическаго характера. Она иначе и не представляла себѣ существованія, какъ безпрерывнымъ рядомъ подвиговъ любви, какъ цѣпью высокихъ, не устающихъ и не ослабѣвающихъ чувствъ. Изъ того же романтическаго созерцанія выходила и строгость ея требованій отъ людей, которые цѣнились не по ихъ трудамъ или характерамъ, а по количеству исключительныхъ доблестей—самоотверженія, преданности, страсти, какими обладали или, казалось, находились въ обладаніи. Она сама развивала въ себѣ всѣ нужныя добродѣтели для защиты изящныхъ явленій въ ея смыслѣ, и между прочимъ силу воли и характера, поразительныхъ въ этомъ мягкомъ, нѣжномъ существѣ, никогда не возвышавшемъ голоса и проходившемъ черезъ жизнь едва слышными шагами. Но сила воли и характера всегда под-

вержены опасности переродиться въ деспотическія замашки, особенно тяжелыя, если въ основѣ ихъ лежатъ еще благородныя побужденія. Между тѣмъ, подвижная натура Герцена требовала простора и не могла ограничиться однимъ поклоненіемъ великодушнымъ порывамъ, долгу и поэтическимъ фантазіямъ, какъ бы они высоки ни были. Пытливый, безпокойный умъ его никогда не давалъ ему покоя и толкалъ его на личное участіе въ любомъ дѣлѣ, какое проходило у него подъ глазами. При этомъ неизбѣжно было мараться съ толпой и приносить съ собою ея страсти и споры. Часто, послѣ борьбы и приключеній своихъ на аренѣ жизни, онъ забывалъ просить извиненія за грѣхъ добровольнаго отсутствія своего изъ-подъ семейнаго крова у той, которая украшала его золотыми снами и мечтаніями, а эта оплошность наносила тяжелыя раны ея сердцу. Не далѣе, какъ черезъ два года, во вторую свою новгородскую ссылку (1841 г.), Герценъ подмѣтилъ нѣмыя, горькія слезы у жены, вызванныя работой странной мысли, поселившейся въ ея головѣ и шептавшей ей, что она не имѣетъ средствъ отвѣчать на всѣ моральныя потребности мужа. Герценъ подвелъ въ своихъ «Запискахъ» всѣ эти симптомы больного воображенія подъ одну рубрику «Grübeleien» (мнительности), относя ихъ къ результатамъ прошлой жизни, пріучившей молодую женщину къ горю и ежечаснымъ опасеніямъ, съ которыми она уже не могла разстаться и въ счастіи. Но психическая причина ихъ, кажется, лежала глубже: она находилась въ мечтаніяхъ о такомъ союзѣ сердецъ, въ которомъ пропадало бы всякое раздѣленіе личностей и стали бы немыслимы и невозможны одиночныя ихъ побужденія и проявленія. Отъ одной этой претензіи могла бы разрушиться самая надежная связь, если бы здѣсь не ограждали ея необычайныя попеченія мужа и дорогія воспоминанія, соединенныя съ бракомъ у обоихъ участниковъ его. Позднѣе, по переѣздѣ въ Москву въ 1842 году, когда Герцену открылся еще большій просторъ для свободнаго проявленія своей общежительной натуры, пароксизмы мнительности стали нападать еще чаще на его супругу. Одного пустого увлеченія Герцена, почти столь же мгно-

веннаго, какъ внезапный, нервный сонъ посреди дня, одной случайной встрѣчи съ интересною личностью достаточно было, чтобы составить несчастіе Натальѣ Александровнѣ и погрузить ее въ мрачное отчаяніе. Она потеряла вѣру въ свою будущность, въ обаяніе и власть, которыя имѣла надъ любимымъ человѣкомъ, въ свое призваніе сдѣлаться его видимымъ «провидѣніемъ» на землѣ, не смотря на тысячи доказательствъ неизмѣнной страсти и привязанности съ его стороны. Долго потомъ Герценъ силился уврачевать ея душевныя раны, но вовсе излѣчить ихъ не успѣлъ,—съ ними она уѣхала и за границу въ 1847 году, гдѣ и стала искать развлеченій отъ боли, которую все еще чувствовала на душѣ по милости ихъ. Надо прибавить, что она сохранила тихую свою улыбку, грацію и изящество всего существа своего до послѣдняго дня жизни (умерла въ 1852 году) и осталась идоломъ своего мужа и послѣ смерти, не смотря на потрясенія, внесенныя въ его жизнь. Нѣкоторыя подробности о заграничной жизни находятся въ статьѣ «Замѣчательное десятилѣтіе» [1]).

Между тѣмъ, возвратившись съ Кавказа и сдѣлавшись, за смертію отца, полнымъ хозяиномъ своихъ имѣній, Огаревъ еще сильнѣе сталъ помышлять о снятіи съ него опеки и переѣздѣ въ Москву. Онъ поднялъ на ноги не только мѣстныхъ начальниковъ, но знакомыхъ и родню въ Петербургѣ, да и самъ писалъ о томъ графу Бенкендорфу. Отвѣта не приходило. Тогда рѣшено было послать ходатаемъ въ Петербургъ саму Марью Львовну Огареву, но прежде ей слѣдовало еще, по ея настоянію, побывать въ Москвѣ для совѣта съ докторами послѣ неожиданно прерваннаго ея лѣченія на Кавказѣ. Спутницей и покровительницей ея въ большомъ и незнакомомъ городѣ вызвалась быть тоже пензенская помѣщица и другъ ихъ дома, Марья Дмитріевна Ховрина, сестра генерала Лужина, бывшаго впослѣдствіи оберъ-полицiймейстеромъ въ Москвѣ. «Она шепнетъ мнѣ при

---

[1]) Напечатана въ книгѣ «Воспоминанія и критическіе очерки», ч. III. С.-Пб. 1881.

случаѣ», замѣтила г-жа Огарева въ одномъ письмѣ своемъ,— «на ухо то, что̀ называется свѣтскимъ преступленіемъ». М. Д. Ховрина имѣла славу женщины большого свѣта, охотно отворявшей двери своей гостинной для замѣчательныхъ людей времени, какой бы репутаціей они ни пользовались въ другихъ кругахъ общества, въ чемъ и походила на Е. Г. Левашову. Вообще, Москва того времени сохраняла еще много женскихъ личностей, думавшихъ о началахъ разумной жизни въ обществѣ и вліявшихъ не только на окружающихъ, но по своимъ связямъ и на круги въ провинціи [1]). Марья Львовна Огарева не очень заботилась о предостереженіяхъ своей спутницы; она успѣла завязать знакомства въ неизвѣстномъ городѣ и бросить жадный и любопытный взглядъ на соблазны и искушенія, которые онъ представляетъ. Старые, заснувшіе было инстинкты пробудились въ ней, и воскресли ея давнія мечтанія о независимой жизни, на всей своей волѣ, безъ обязанностей, общественныхъ и семейныхъ путъ. Съ этими свѣжими впечатлѣніями своей поѣздки она и возвратилась назадъ въ скромный домъ мужа. Такъ прошелъ 1838 годъ и наступилъ 1839.

Въ мартѣ этого 1839 года Огаревъ наконецъ привелъ въ исполненіе давнюю свою мечту посѣтить друга дѣтства и юношества на мѣстѣ его пребыванія во Владимірѣ, рекомендовать ему жену, которой тотъ еще не зналъ, и наконецъ обмѣняться мыслями и ощущеніями съ человѣкомъ, съ которымъ годы тому назадъ онъ попрощался на порогѣ полицмейстерской канцеляріи и съ тѣхъ поръ болѣе не встрѣчался...

Свиданіе обоихъ друзей и ихъ женъ произошло 17-го марта 1839 года и было послѣднимъ актомъ той внутренней, интимной драмы, которую трое изъ нихъ развивали порознь, но слѣдуя одной общей программѣ. Восторженное душевное

---

[1]) Кстати замѣтить, что большая часть героинь старыхъ романовъ И. С. Тургенева, вплоть и включительно до романа «Наканунѣ», принадлежатъ по духу къ этому циклу развитыхъ и благородныхъ женщинъ Москвы, хотя и явились на канунѣ его исчезновенія съ общественнаго горизонта вслѣдствіе разныхъ политическихъ теченій.

состояніе достигло на этомъ свиданіи своего апогея и истощило все свое содержаніе. Радость, охватившая друзей, перешла въ религіозный экстазъ. Всѣ четверо были молоды, счастливы и, не смотря на опальное свое положеніе, исполнены надеждъ на себя, на будущее свое, на предстоящую имъ дорогу въ жизни. Они искали, куда излить избытокъ своихъ ощущеній. По предложенію Огарева, они пали ницъ всѣ четверо передъ распятіемъ, принося благодарныя молитвы, и потомъ въ слезахъ расцѣловались другъ съ другомъ. Огаревъ написалъ гимнъ Провидѣнію, растворившему ихъ сердца въ лучшія минуты ихъ жизни для полнаго признанія неисчислимыхъ его благодѣяній. Герценъ извѣщалъ друзей въ Москвѣ о событіи такими знаменательными словами:

«Ну, братъ—ежели бы жизнь моя не имѣла никакой цѣли, кромѣ индивидуальной, знаешь ли, что̀ бы я сдѣлалъ 18 марта? Принялъ бы ложку синильной кислоты... Относительно къ себѣ «я все земное совершилъ».

«Только еще и оставалось мнѣ, послѣ Наташи, желать—и оно сбылось, и какъ сбылось? Четырехдневное, свѣтлое, ясное, святое свиданіе.

«Мы инстинктуально всѣ четверо бросились передъ распятіемъ, и горячія молитвы лились изъ устъ. Что за дивный, что за высокій Огаревъ!... Зачѣмъ ты не могъ взглянуть на эту группу, которая обратилась къ небу не съ упрекомъ, не съ просьбой, а съ гимномъ, съ осанной! 21 марта».

Огаревъ, какъ видно изъ письма, пробылъ четыре дня во Владимірѣ и при себѣ отправилъ жену въ Петербургъ хлопотать лично о снятіи надзора, которое заставляло такъ долго ждать себя, не смотря на мѣры, принятыя паціентами для ускоренія его. Еще на канунѣ самаго пріѣзда Огарева Герценъ писалъ по оказіи (отъ 16-го марта 1839 года):

«Это письмо отправляется по оказіи, потому и начну его съ грустнаго сообщенія. Отвѣтъ изъ Петербурга пришелъ. Графъ Бенк. пишетъ министру внутреннихъ дѣлъ, что онъ не находитъ удобнымъ ходатайствовать о снятіи

надзора—ergo по крайней мѣрѣ еще годъ во Владимірѣ, ибо до года губернаторъ не въ правѣ представлять, а Богъ вѣсть, будетъ ли удобное время черезъ годъ. Жить мнѣ здѣсь хорошо—не спорю, но за что же это шестилѣтнее гоненіе (съ 1834 по 1840 годъ)? Надо теперь запастись на годъ дровами, огурцами, идеями и книгами. Первые три пункта я беру на себя, а въ третьемъ и твоя доля»...

Порученіе, возлагаемое на М. Л. Огареву, было теперь послѣднею надеждою ссыльныхъ и увѣнчалось, къ изумленію ихъ, полнѣйшимъ и быстрымъ успѣхомъ. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ съ отъѣзда М. Л. Огаревой, какъ мужъ ея получилъ дозволеніе на свободное пребываніе въ столицахъ и вездѣ, гдѣ пожелаетъ, чѣмъ и воспользовался, переѣхавъ тотчасъ же въ Москву. Родовой домъ его на Никитской былъ уже проданъ, и онъ поселился у Петровскаго парка. Точно такое же дозволеніе, нѣсколько позднѣе, получено было и Герценомъ, такъ что въ концѣ 1839 года мы уже видимъ его на короткое время въ Петербургѣ, а затѣмъ, и тоже не надолго, въ родномъ его городѣ, Москвѣ. Эпопея ихъ изгнаннической жизни кончилась также внезапно, какъ и началась. Только путешествіе Марьи Львовны Огаревой въ Петербургъ не обошлось ей даромъ: она возвратилась изъ него перерожденная и не похожая на ту, которая чертила заявленія безграничной преданности мужу и семейному очагу и принимала дѣятельное участіе во владимірскомъ свиданіи.

Къ промежутку между владимірскимъ свиданіемъ и возвращеніемъ въ Москву Огарева относится, по всѣмъ вѣроятіямъ, и освобожденіе громаднаго села Бѣлоомуты, ему принадлежавшаго, отъ крѣпостной зависимости. Освобожденіе этого села, стоявшаго на рѣкѣ Окѣ, украшеннаго 4 церквами, владѣвшаго великолѣпными поемными лугами, 10,000 десятинами строевого лѣса и обширными рыбными ловлями, замѣчательно по грандіозности своего плана и по ничтожности результатовъ, отъ него полученныхъ. Огаревъ, оставшись одинъ за отбытіемъ жены, прямо изъ Владиміра и проѣхалъ въ Бѣлоомуты, пригласивъ къ себѣ въ помощ-

ники для задуманнаго имъ предпріятія одного изъ московскихъ друзей. Мы не имѣемъ офиціальныхъ документовъ о произведенной ими реформѣ, но можемъ сообщить нѣкоторыя ея подробности по слухамъ и воспоминаніямъ современниковъ. Богатые крестьяне этого села служили въ званіи управляющихъ, распорядителей и въ другихъ высшихъ должностяхъ при откупахъ, и если сами не дѣлались прямо откупщиками, то единственно по милости ограниченій крѣпостнаго права. Многіе изъ нихъ являлись къ старому помѣщику съ просьбой о свободѣ и предложеніемъ значительныхъ выкуповъ. Одинъ изъ нихъ почти на канунѣ его смерти предлагалъ за себя 100,000 руб. сер., но старый баринъ, довольствовавшійся очень скромнымъ оброкомъ съ своихъ крестьянъ и поощрявшій всячески ихъ страсть къ наживѣ, не хотѣлъ и слышать о выкупахъ, гордясь тѣмъ, что въ числѣ его подданныхъ есть чуть не милліонеры. Молодой, унаслѣдовавшій его имѣнія баринъ тоже не благоволилъ къ отдѣльнымъ выкупамъ, но по другимъ причинамъ. Онъ отказалъ тремъ домовладѣльцамъ, явившимся къ нему тотчасъ послѣ смерти его отца съ 250,000 р. въ видѣ вознагражденія за свое освобожденіе, и требовалъ, чтобы все село, въ полномъ его составѣ, приступило къ выкупу и равномѣрно воспользовалось его выгодами. На этомъ условіи и состоялась сдѣлка, принесшая Огареву сравнительно ничтожную сумму, если принять въ соображеніе цѣнность уступленныхъ имъ угодій, да и то не вполнѣ выплаченную (говорили—тысячъ 400). Часть этой суммы пошла на устройство писчебумажной фабрики въ одной изъ пензенскихъ деревень Огарева, а другая скоро разошлась и исчезла въ его собственныхъ рукахъ. Но при свершеніи акта освобожденія упущено было изъ вида мужицко-олигархическое устройство бѣлоомутовской общины. Богачи въ ней и прежде уплачивали государственныя и барскія повинности за земли и угодья неимущихъ, распоряжаясь послѣдними на правахъ второго поддѣльнаго вотчиннаго права, а теперь, когда выкупъ палъ преимущественно на тѣхъ же богачей, остальное населеніе, не уча-

ствовавшее въ немъ, оказалось ихъ неоплатнымъ должникомъ и поступило къ нимъ въ кабалу. Дѣло еще запуталось тѣмъ, что при утвержденіи акта освобожденія правительство, изъ видовъ сбереженія отъ хищническаго хозяйства цѣнныхъ въ государственномъ смыслѣ угодій, отписало нѣкоторыя изъ нихъ къ вѣдомству государственныхъ имуществъ. Положеніе о крестьянахъ 1861 года нашло много работы въ этой, по видимому, автономной общинѣ при опредѣленіи ея собственности и правъ каждаго ея члена. Когда особый чиновникъ межевого департамента, прибывшій на мѣсто для окончательной разверстки земель, въ томъ же 1861 году, между государственными имуществами и собственниками села, сказалъ старикамъ Бѣлоомута, его окружавшимъ: «Видите ли, какая еще благодать остается вамъ по милости помѣщика, отдавшаго вамъ все это за безцѣнокъ, а онъ теперь очень нуждается,—что бы вамъ собрать тысячъ сто и послать къ нему»,—то старики задумчиво отвѣчали: «точно, надо бы», да на томъ и остановились. И они были правы. Какая имъ была нужда поправлять неразсчетливость и промахи бывшаго своего хозяина? Да Огаревъ ничего подобнаго и не ожидалъ. Съ самаго начала онъ радовался своему подвигу, зная, что онъ далеко не окупается полученными имъ деньгами, да собирался приложить и къ другимъ менѣе богатымъ деревнямъ своимъ такую же систему освобожденія, хотя и на иныхъ началахъ. Здѣсь, на основаніи модной тогда экономической теоріи, проповѣдывавшей о благодѣяніяхъ фабрикъ для сельскаго населенія, онъ хотѣлъ учреждать, по мѣрѣ силъ и примѣняясь къ требованіямъ разныхъ округовъ, фабрики на вольномъ трудѣ, которыя дали бы крестьянину возможность находить всегда заработокъ, готовый отвѣтъ на свои нужды, освободить отъ принудительной работы и снять съ него бремя податей и повинностей. «Какъ я люблю этотъ народъ», писалъ онъ въ это время,—«какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы они почитали меня за друга, который имъ желаетъ добра и сдѣлаетъ его. Можетъ быть, со временемъ, устроивши фабрику, я похлопочу о «комитетѣ поощренія

фабрикъ и заводовъ». Вотъ новые прожекты—не знаю, понравятся ли, но я ихъ вижу теперь сквозь призму энтузіазма. Скажи мнѣ еще разъ: могъ ли я понравиться крестьянамъ? достигъ ли я своей цѣли? видятъ ли во мнѣ доброжелателя? Кто мнѣ скажетъ—да! то я радуюсь, какъ ребенокъ».

XI.

Появленіе Герцена и Огарева въ Москвѣ ознаменовалось переломомъ въ ихъ умственномъ направленіи и постепенною гибелью юношескихъ иллюзій, которыми они такъ долго питались въ провинціи. Едва успѣли они осмотрѣться на новыхъ мѣстахъ жительства, какъ послѣ шумныхъ встрѣчъ, овацій и радостныхъ бесѣдъ съ друзьями приступили къ переработкѣ прежнихъ идеаловъ, къ критической повѣркѣ ихъ и нашли къ нимъ ограниченія и дополненія, которыя измѣнили первоначальную ихъ физіономію до неузнаваемости.

Какіе же новые факторы, какіе нравственные элементы, находившіеся дотолѣ въ пренебреженіи, предъявили теперь права на ихъ вниманіе и оказались столь сильными и столь требовательными, что мало по малу разорвали сложную цѣпь убѣжденій, многолѣтній и окрѣпшій строй ихъ мыслей? Попытку разрѣшенія вопроса мы старались представить и прежде въ біографическомъ опытѣ нашемъ: «Замѣчательное десятилѣтіе», къ которому и отсылаемъ читателя. Вопросъ собственно сводится на вліяніе возникавшихъ тогда философскихъ и историческихъ ученій въ культурномъ обществѣ нашемъ. Двѣ силы преимущественно участвовали въ дѣлѣ снятія безпочвенныхъ, отвлеченныхъ, воображаемыхъ идеаловъ у обоихъ друзей и въ упраздненіи излюбленныхъ ими началъ и убѣжденій. Первое мѣсто занимаетъ тутъ, конечно, гегелевская система, понятая исключительно какъ отрицаніе всего, что не подходитъ подъ логическое опредѣленіе, а второе безспорно принадлежитъ антиподу ея — ученію славянофиловъ о великости безотчетнаго народнаго творчества

какъ въ созданіи политической исторіи, такъ и формъ общежитія. Слѣдовало разобраться между ними. Оба ученія, не смотря на свою противоположность или, можетъ быть, вслѣдствіе своей противоположности, окрѣпли и развились почти одновременно; но друзья наши не видали ни ихъ начала, ни ихъ первыхъ ходовъ, избывая свою ссылку вдали отъ города и отъ университета, гдѣ ученія пустили корни.

Съ перваго уже приступа къ изученію новыхъ теченій мысли, оказавшихся въ обществѣ, для Герцена стала ясна несостоятельность самонадѣянныхъ, ложно величественныхъ, одиноко высящихся метафизическихъ построекъ и всѣхъ разъясненій и оправданій, которыя для нихъ были заготовлены. Съ ними нельзя было стоять въ уровень ни съ однимъ ученіемъ, и они не давали мѣрки для ихъ провѣрки. Не нужно было и устранять ихъ: старыя созерцанія, не питаемыя болѣе искусственными способами, потухли сами собою, отпали, не причиняя боли, не возбуждая сожалѣнія, безъ трогательныхъ прощаній и торжественныхъ проводовъ. Иначе было съ Огаревымъ: онъ покидалъ старыя одежды свои нехотя и съ сожалѣніемъ,—но это зависѣло уже отъ психической разницы въ характерахъ друзей.

Герценъ былъ совершенно лишенъ дара прощенія и забвенія, которымъ обладалъ въ такой сильной степени другъ его Огаревъ. Горечь ссылки легла тяжелымъ камнемъ на его сердце и вовсе никогда его не покидала. При небольшомъ вниманіи легко распознать ея примѣсь въ выраженіи самыхъ возвышенныхъ, миролюбивыхъ чувствъ, какія онъ посылалъ друзьямъ въ видѣ бюллетеней о состояніи своего нравственнаго здоровья. Долго сберегалъ онъ и воспоминанія о тщетныхъ усиліяхъ освободиться отъ путъ, мѣшавшихъ его движеніямъ, о долгихъ дняхъ и часахъ ожиданія конца своего искуса. Печальное наслѣдство, полученное имъ въ годы испытаній, онъ не растратилъ въ болѣе свѣтлыя эпохи жизни, а напротивъ, тогда-то еще и пріумножилъ его, оправдывая старое замѣчаніе, что жизненныя бѣды и непріятности чувствуются человѣкомъ, можетъ быть, еще сильнѣе по минованіи ихъ, чѣмъ въ самую пору ихъ существо-

ванія. Горькія воспоминанія эти онъ бережно донесъ до 1852—1854 годовъ, когда положилъ ихъ на бумагу за границей. Примѣръ человѣка, ничего не забывающаго въ жизни, казался ему всегда немаловажнымъ оружіемъ для политическаго развитія общества. Онъ расположенъ былъ прощать даже преувеличенія, по часту встрѣчающіяся въ разсказахъ людей, которые считаютъ себя глубоко оскорбленными. Нельзя сомнѣваться, что досада на обстоятельства, сложившіяся такъ непріязненно противъ него, помогла ему, еще до прибытія въ Москву, очнуться отъ блаженнаго сна, въ которомъ онъ находился, частію и подъ магнетическимъ вліяніемъ своего обычнаго медіума Огарева. Онъ стыдился послѣ обнаруженной имъ нѣкогда слабости и не упомянулъ ни однимъ словомъ въ своихъ «Запискахъ» объ особенномъ нервномъ состояніи, какое пережилъ въ провинціи. За то теперь онъ уже съ удвоенною энергіей негодованія встрѣчалъ всѣ явленія, въ которыхъ могъ распознать признаки только что покинутаго имъ направленія. Вотъ почему и В. Г. Бѣлинскому пришлось еще въ 1839 году испытать силу его гнѣва и упрековъ, когда критикъ нашъ, на очень короткое время впрочемъ, поддался искушенію дать философско-мистическую подкладку явленіямъ текущей русской жизни. Отрезвленіе Герцена шло изумительно быстро и врядъ ли не началось еще во Владимірѣ, и притомъ тотчасъ же послѣ мистическаго свиданія съ другомъ, описаннаго выше. Онъ скоро уставалъ въ однообразіи торжественныхъ нотъ и спѣшилъ убѣжать отъ нихъ. Вдобавокъ, при первомъ соприкосновеніи съ центрами культурной нашей жизни, Москвой и Петербургомъ, ему сразу сдѣлалось ясно, что подъ покровомъ того же самаго направленія, какому и онъ служилъ, только въ менѣе обработанномъ и въ менѣе опоэтизированномъ видѣ, живутъ всѣ тѣ очень малоутѣшительныя явленія русскаго міра, которыя такъ возмущали его. Между тѣмъ неожиданный случай, опрокинувшій всѣ его начинанія въ Петербургѣ, окончательно укрѣпилъ въ немъ мнѣніе, что, кромѣ критическихъ отношеній къ обществу, никакого другого дѣла человѣку въ его поло-

женіи и не предстоитъ. Тогдашняя русская жизнь какъ бы сама приняла на себя трудъ освободить его окончательно ото всего женственнаго, добродушнаго и мечтательнаго.

Лѣтомъ 1840 года Герценъ переселился со всею семьей въ Петербургъ, гдѣ уже на короткое время былъ, какъ уже знаемъ, и въ послѣднихъ числахъ декабря прошлаго года. Тогда онъ представлялся, между прочимъ, и министру внутреннихъ дѣлъ графу А. Г. Строганову, который предложилъ ему мѣсто въ своей канцеляріи. Дѣло шло о томъ, чтобы съ полученіемъ чина 8-го класса, который ему слѣдовалъ, сдѣлаться потомственнымъ дворяниномъ и полноправнымъ гражданиномъ, чего страстно желалъ отецъ Герцена, и что̀ въ тогдашнемъ положеніи общества дѣйствительно было совсѣмъ не маловажнымъ дѣломъ. Не прошло и года столичной жизни, какъ молодой Герценъ совершенно неожиданно и, такъ сказать, невзначай опять сдѣлался преступникомъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Москву онъ повторилъ общій слухъ, ходившій тогда по городу и передававшійся знакомыми другъ другу чуть не на всѣхъ перекресткахъ, о какомъ-то убійствѣ, будто бы совершенномъ полицейскимъ солдатомъ. Никто не былъ потревоженъ за этотъ слухъ въ городѣ, но слово, перехваченное въ письмѣ у Герцена, получило особое значеніе. Въ немъ усмотрѣли злорадное распространеніе новости, бросающей тѣнь на администрацію. Подъ первымъ впечатлѣніемъ гнѣва ему пригрозили даже обратнымъ путешествіемъ въ Вятку, но болѣе хладнокровное изслѣдованіе дѣла и заступничество министра графа Строганова измѣнили намѣренія администраціи относительно вѣтренаго корреспондента. Оставить однакоже въ Петербургѣ лицо, уличенное въ пропагандѣ дурныхъ слуховъ, тоже не было возможности. Герцену предложили для ссылки на выборъ два города—Новгородъ или Тверь, соглашаясь водворить его тамъ, гдѣ ему покажется удобнѣе. По совѣту министра онъ выбралъ Новгородъ. Спѣшимъ сказать, что трудно найти другой примѣръ административной высылки, сопровождаемой такою вѣжливостію, такимъ благорасположеніемъ къ паціенту, какъ это было въ настоящемъ слу-

чаѣ. Она производилась будто нехотя, будто съ сожалѣніемъ о томъ, что принуждены были прибѣгнуть къ этой мѣрѣ. Кромѣ позволенія оставаться въ городѣ, сколько нужно было Герцену, отъѣздъ его сопровождался еще и важными служебными отличіями. Ему предоставлено было мѣсто совѣтника губернскаго правленія въ Новгородѣ изъ множества кандидатовъ, добивавшихся его, то-есть, Герценъ попадалъ въ правительственные члены той области, куда ссылался на жительство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ получалъ и чинъ коллежскаго ассесора, открывавшій, по тогдашнимъ порядкамъ, блестящую карьеру для честолюбцевъ. Казалось, что административная кара, являющаяся въ такомъ видѣ и съ такимъ явнымъ характеромъ временной и краткосрочной мѣры, должна была бы потерять для него добрую часть своей ядовитости и угнетающей силы. Вѣдь первая московская ссылка, несравненно болѣе грозная, не оставлявшая никакихъ надеждъ, а на оборотъ предвѣщавшая несравненно еще худшія послѣдствія въ будущемъ, нашла же въ немъ человѣка, готоваго переносить удары судьбы съ твердостью и достоинствомъ. Здѣсь произошло нѣчто совсѣмъ иное: не было и помина о вознесеніи благодарственныхъ гимновъ карающей судьбѣ, ни малѣйшаго поползновенія обновить теорію о пользѣ страданій!.. Герценъ не могъ одолѣть тупого отчаянія, которое овладѣло имъ противъ его воли. Правда, существовали еще и семейныя причины для такого нравственнаго состоянія. При самомъ началѣ этого дѣла жена его, Наталья Александровна, была напугана появленіемъ въ ихъ квартирѣ жандармскаго офицера, приглашавшаго хозяина для объясненія въ III-е отдѣленіе. Послѣдствіемъ испуга были преждевременные роды ея и продолжительная болѣзнь затѣмъ. Но главная основа нравственныхъ страданій Герцена заключалась не въ этомъ случаѣ, какъ онъ еще ни былъ прискорбенъ самъ по себѣ, а въ отсутствіи какой-либо возможности разъяснить мыслію свершившійся фактъ, понять причину и смыслъ его появленія. Приходилось думать, что существованіе жертвы, имъ пораженной, сдѣлалось игралищемъ въ рукахъ какихъ-то неизвѣстныхъ ей силъ, и что

одного ничтожнаго обстоятельства совершенно достаточно на семъ свѣтѣ или для возвышенія человѣка не въ мѣру подъятыхъ трудовъ, или для приниженія его не въ мѣру вины и проступка. Когда онъ изложилъ друзьямъ своимъ въ Москвѣ горькія чувства, обуревавшія его на канунѣ почетной ссылки, ему предстоящей, то Огаревъ, вѣроятно, по старой памяти, предложилъ ему въ утѣшеніе совѣтъ считать все происшедшее «частнымъ случаемъ» и предаться покорному самоотреченью — резигнаціи (résignation). Хотя поворотъ въ общемъ настроеніи друзей коснулся и Огарева, но онъ всегда отставалъ отъ товарища. На этотъ разъ Герценъ отвѣчалъ своему постоянному наставнику строгимъ и гнѣвнымъ письмомъ, которое приводимъ ниже. Герценъ является въ немъ новымъ человѣкомъ и видимо стоитъ уже на рубежѣ второго періода своего развитія:

«1841 г. 11-го февраля. С.-Петербургъ.

«Ты, Огаревъ, проповѣдуешь резигнацію, но въ томъ случаѣ, въ которомъ ты ее проповѣдуешь мнѣ, она нейдетъ, даже я думаю, что именно и бѣда-то вся, что ея слишкомъ много. Я понимаю, что человѣкъ, одержимый чахоткой, былъ бы жалокъ со своими упреками и гнѣвами на судьбу; понимаю, что человѣкъ, у котораго потонулъ корабль со всѣмъ имуществомъ его, благороденъ, перенося просто то, что̀ внѣ сферы разума и его воли, но резигнаціи, когда бьютъ въ рожу, я не понимаю, и люблю свой гнѣвъ столько же, сколько ты свой покой. «Частный случай!» Конечно, все, что̀ случается не съ цѣлымъ племенемъ, можно назвать частнымъ случаемъ, но я думаю, есть повыше точка зрѣнія... Ежели ты написалъ, что это — «частный случай», мнѣ въ утѣшеніе, то спасибо; если же ты не шутя такъ думаешь, то это одно изъ проявленій той ложной монашеской пассивности, которая, по моему мнѣнію, твой Тифонъ, твой злой духъ. Христіане истинные могли смотрѣть равнодушно на все, что съ ними дѣлали; для нихъ жизнь была дурная станція по дорогѣ въ царство Божіе, гдѣ наградятся труды. Мы на жизнь не такъ смотримъ, мы слишкомъ шатки въ вѣрѣ,

въ насъ будетъ слабостью, что̀ у нихъ сила. Въ этомъ отношеніи намъ можетъ скорѣе идетъ гордый, непреклонный стоицизмъ, нежели кроткое прощеніе дѣйствительности, индульгенція всѣмъ пакостямъ ея... С. говоритъ, что между прочимъ у тебя бродитъ намѣреніе пожить здѣсь годъ-другой. По моему (какъ я уже говорилъ въ 1839 году), это просто безуміе и, какъ всякое безуміе, не имѣетъ ни малѣйшаго оправданія въ самомъ себѣ. Служить ты неспособенъ, да и гдѣ съ твоимъ рангомъ? Прожить все свое достояніе самымъ глупымъ образомъ chemin faisant къ камеръ-юнкерству—разсуди самъ! Пожить весело—низкая цѣль, да и притомъ я не думаю, чтобы ты сумѣлъ здѣсь веселиться; собственно жить сюда никто не ѣздитъ... Удостовѣрь меня, что планъ этотъ исчезъ. Да и что теперь можетъ быть лучше: пять лѣтъ путешествія! А я, остающійся, со стѣсненнымъ сердцемъ, но съ полною любовью друга и брата благословляю васъ на благодатныя пять лѣтъ. Поѣзжайте, поѣзжайте!

«Omni casu 1-го января 1845 года мы встрѣчаемся въ Женевѣ, то-есть, каждый съ своей стороны пусть сдѣлаетъ все отъ него зависящее: à l'impossible nul n'est tenu. Давай руку... И съ этой-то надеждой я поѣду въ Новгородъ. «Не бейся, сердце—погоди». Все заключено да будетъ внутри. О, Лютеръ говаривалъ: «въ гнѣвѣ чувствую я всю мощь бытія моего». Ненависть—superexaltatio любви. Планы, проекты литературно-жизненные разскажетъ С* [1]: 1) Продолжать изучать Гегеля и нѣмцевъ. 2) Диссертація о Петровскомъ переворотѣ—тезисы пришлю. 3) Опытъ дѣтской книжки приготовительной для изученія всеобщей исторіи. Я радуюсь, что цѣли ограничены: пора перестать блуждать по морю по океану! Скоро наступитъ тридцатый годъ—не правда ли при этомъ морозъ деретъ по кожѣ: «много собрали, да мало напряли»?

«Ты любишь «эту землю». Понятно. И я любилъ Москву,

---

[1]) Этотъ часто упоминаемый С* есть товарищъ ихъ по ссылкѣ, Н. М. Сатинъ. Онъ еще ранѣе ихъ, въ 1837 году, по тяжкой болѣзни своей получилъ дозволеніе проживать въ разныхъ губерніяхъ и городахъ. Въ началѣ 1842 года онъ уѣхалъ лѣчиться за границу.

а жилъ въ Перми, Вяткѣ, не переставая ее любить, и жилъ годъ въ Петербургѣ, да ѣду въ Новгородъ! Попробуемъ полюбить земной шаръ—оно лучше. Куда ни поѣзжай тогда, все будешь въ любимомъ мѣстѣ.

«С* говоритъ, что ты, кажется, сжегъ мои письма. Это скверно, лучше бы сжегъ дюймъ мизинца на лѣвой рукѣ у меня. Наши письма—важнѣйшій документъ развитія; въ нихъ, время отъ времени, отражаются всѣ модуляціи, отзываются всѣ впечатлѣнія на душу. Ну, какъ же можно жечь такія вещи?»

Рѣшительный тонъ этого документа, въ которомъ авторъ заранѣе отказывается отъ надеждъ и утѣшеній во всѣхъ ихъ видахъ, за исключеніемъ надежды начать съ 1845 года иную, новую жизнь за границей, не помѣшалъ ему однакоже искать и скоро найти на родинѣ задачи, способныя занять серьезный умъ и облегчить сердце. Не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ своего письма, Герценъ былъ уже спокоенъ и обнаруживалъ намѣренія, далекія отъ тупого отчаянія, которое подсказывало ему зловѣщій крикъ: «спасайся, кто можетъ». Въ немъ совершился новый психическій поворотъ, новая эволюція мысли, которые съ разу возвратили ему прежнюю бодрость. Онъ пріобрѣлъ основы для дѣятельности и почувствовалъ родъ признательности къ несчастному событію, открывшему ему глаза на то, къ чему ему слѣдовало стремиться, чему посвятить свои труды въ будущемъ. Нѣчто подобное случилось съ нимъ и въ первую московскую ссылку; онъ и тогда радовался полученному удару, но теперь были уже совершенно другія основанія для его настроенія. Тогда онъ примирялся съ невзгодой, проповѣдуя великія силы утѣшенія, заключающіяся въ разумной покорности судьбѣ; теперь онъ примирялся съ подобнаго же рода невзгодой, рѣшаясь на борьбу, которую она именно ему и указывала. Отъ возбужденнаго состоянія, которымъ проникнуто февральское его письмо, онъ перешелъ, ни мало не противорѣча самому себѣ, къ холодной оцѣнкѣ явленія, выбросившаго его изъ колеи предначертаннаго для себя существованія. Въ февралѣ 1840 года онъ роптал и жаловался, потому что фактъ, по-

давившій его своею тяжестью, казался ему логически необъяснимымъ; въ мартѣ 1841 онъ уже не роптал и не жаловался, потому что фактъ былъ уясненъ, поставленъ на свое мѣсто въ ряду явленій того времени и говорилъ самъ за себя, не требуя дальнѣйшихъ толкованій. Въ это же время Герценъ опять близко сошелся съ Бѣлинскимъ послѣ довольно долгой размолвки, произведенной оптимистскими воззрѣніями послѣдняго. Они оба признали теперь, что обычный порядокъ вещей нисколько не нарушался случаемъ съ Герценомъ, что на оборотъ самый случай былъ естественнымъ, законнымъ и нормальнымъ порожденіемъ этого порядка. Письмо Герцена, отъ 2-го марта, въ немногихъ, но мягкихъ полуфразахъ и намекахъ повторяетъ все здѣсь сказанное:

«2 марта. «Человѣкъ удивительно устроенъ», говаривалъ Наполеонъ, а до него, воображаю, Киръ, Камбизъ etc., etc. Въ самомъ дѣлѣ, я начинаю ощущать пользу контузіи № 2. Я было затерялся (по примѣру XIX вѣка) въ сферѣ мышленія, а теперь снова сталъ дѣйствующимъ и живымъ до ногтей. Самая злоба моя возстановила меня во всей практической доблести, и что̀ забавно—на самой этой точкѣ мы встрѣтились съ Виссаріономъ (Бѣлинскимъ) и сдѣлались партизанами другъ друга. Никогда живѣе я не чувствовалъ необходимости перехода—нѣтъ!—развитія въ жизнь философіи. И ни малѣйшей апатіи отъ удара (который неизмѣримо силенъ и только самою безвыходностью даетъ выходъ)! Торжественнѣе полнаго безсилія нельзя видѣть: полное отрицаніе въ себѣ малѣйшихъ правъ. Да, въ этомъ отрицаніи «ist eine grosse Satzung» (есть важное опредѣленіе). Это не игра словъ: положеніе, что я н ѣ ч т о, что во мнѣ есть сила, ентелехія...»

Дальнѣйшее продолженіе письма бросаетъ яркій свѣтъ на мѣру, принятую относительно Герцена, и которая, какъ уже сказали, не имѣя вида ожесточеннаго преслѣдованія, отличалась характеромъ келейной расправы, что̀ именно и составляло ея наиболѣе тяжелую сторону. Любопытно, что совѣтъ, данный имъ Огареву отправиться въ пятилѣтнее заграничное путешествіе, и обѣщаніе послѣдовать за нимъ

приняты были послѣднимъ, какъ присужденіе его и самого себя на многолѣтнее бездѣйствіе; противъ такого толкованія своихъ словъ Герценъ возсталъ съ негодованіемъ. Огаревъ дѣйствительно въ томъ же 1841 году взялъ паспортъ за границу, но только на шесть мѣсяцевъ. Затѣмъ, изъ того же продолженія узнаемъ, что ссылка Герцена опредѣлена была заранѣе, по соглашенію начальства, въ одинъ годъ, послѣ котораго и съ повышеніемъ чина ему уже обѣщано было мѣсто вице-губернатора. Оба графа Строгановы—Александръ и Сергѣй Григорьевичи—открыто заявили себя покровителями молодого чиновника, признавая въ немъ недюжинныя способности, энергію и благородство направленія и желая сохранить его для коронной службы, но въ этомъ они ошибались. Служба не входила въ виды Герцена, и рано или поздно, но онъ обманулъ бы ожиданія своихъ покровителей. Вотъ это продолженіе:

«3 марта. Я поручилъ: 1-е) растолковать вамъ, что я разумѣю и какъ я разумѣю отъѣздъ... Вы не поняли меня. Никто не говорилъ о праздной жизни—да и могъ ли я, весь сотканный изъ дѣятельности, рѣшиться жить сложа руки? Авось либо онъ передастъ вамъ ясно. Бѣлинскій безъ восхищенія не можетъ говорить о моемъ желаніи — онъ его схватилъ именно съ той точки, какъ я хотѣлъ. A propos, не странно ли, что онъ сдѣлался моимъ партизаномъ? Я здѣсь пріобрѣлъ нѣкоторый голосъ—и оттого мнѣ жаль покидать Петербургъ. Разумѣется, неумѣстность года въ Новгородѣ абсолютна. Хоть бы въ даль (теплую) куда, а то въ Новгородъ. Впрочемъ, я постараюсь черезъ годъ уѣхать хоть въ Крымъ. Теперь нельзя, потому что того хочетъ Строгановъ [1]), а ему (равно и вашему Строганову [2])) я долженъ засвидѣтельствовать искреннѣйшее спасибо. Мнѣ слѣдственно ими же предстоитъ и выходъ. С* разскажетъ тебѣ о запискѣ Сергѣя Григорьевича—весьма гуманной. Дѣло

---

[1]) Александръ Григорьевичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, попечитель Московскаго университета.

въ томъ, что мы разно понимаемъ дѣло. Строгановы думаютъ, что сущность въ службѣ, и потому опредѣляютъ совѣтникомъ, чтобы перевести въ вице-губернаторы, когда получу чинъ надворнаго совѣтника,—а у меня ужь это не входитъ въ разсчетъ. А смѣшно: я выигралъ по службѣ—проигрышемъ... Впрочемъ, и службы не брошу теперь, да только не хотѣлось бы жить въ мерзкомъ климатѣ.

«А прежде 1 мая не уѣду. Министръ и не думаетъ торопить меня. А до тѣхъ поръ Наташа хорошенько оправится, и дороги будутъ пратикабельнѣе. Стало, увидимся. Остановись въ «Hôtel de Paris» на Малой Морской, возлѣ Невск. Просп. Это отъ меня не болѣе 50 шаговъ. Итакъ, мы вмѣстѣ увидимъ море. *Я* тебѣ покажу его: это одно изъ моихъ мечтаній»...

И онъ дѣйствительно дождался Огарева съ женой его, показалъ имъ море, вѣроятно, съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ Пушкинъ въ Одессѣ 1824 года смотрѣлъ на него, помышляя о дальнихъ странахъ, которыя оно омываетъ; наконецъ, проводилъ обоихъ супруговъ за границу и затѣмъ самъ явился къ 1-му іюля 1841 года къ мѣсту своего назначенія, въ Новгородъ.

XII.

Здѣсь и открылось ему то запущенное годами поле администраціи, которое онъ призванъ былъ подготовить для высшей культуры. По крайней мѣрѣ такъ онъ понялъ самъ свою задачу, впадая при этомъ въ ошибку, свойственную всѣмъ утопистамъ канцелярій и правленій прошлымъ и наличнымъ. Герценъ принялся за работу именно не какъ чиновникъ, а какъ посторонній человѣкъ, имѣющій свои цѣли и торопящійся обнаружить свои честныя идеи. Онъ оказался съ перваго же раза не въ ладахъ съ губернаторомъ, который былъ похожъ на всѣхъ своихъ товарищей, требовалъ неукоснительно внѣшнихъ знаковъ уваженія и держался правила не обращать вниманія на мнѣнія своихъ «совѣтниковъ»; это былъ военный человѣкъ, не одобрявшій системы коллегіальнаго

управленія. Съ нимъ, однако же, отлично уживались всѣ тѣ, которые, поддѣлываясь подъ образъ мыслей и взгляды его, проводили свои рѣшенія, прикрываясь только его авторитетомъ; но на такія продѣлки для достиженія благихъ цѣлей своихъ Герценъ не былъ подготовленъ, да онѣ бы и не удались ему: онъ нажилъ себѣ враговъ почти во всѣхъ товарищахъ-совѣтникахъ, скоро почувствовавшихъ, что имѣютъ дѣло съ безпокойнымъ и опаснымъ нововводителемъ. Къ тому же, на долю Герцена досталось управленіе наиболѣе раздражающимъ отдѣленіемъ (II-мъ), гдѣ сосредоточивались дѣла по такъ-называемому благочинію: о ссыльныхъ, о раскольникахъ, о крестьянахъ, жалующихся на помѣщиковъ, и обратно, о крѣпостныхъ людяхъ, отыскивающихъ свободу, etc. etc. Понятно, что мыслитель и либеральный человѣкъ осужденъ былъ при этомъ встрѣчаться ежедневно съ положительнымъ, суровымъ законодательствомъ тѣхъ временъ и отступать передъ нимъ; попытка растолковать его въ болѣе мягкомъ смыслѣ почти всегда не удавалась: Герценъ всякій разъ покидалъ присутствіе чуть не больной. Гуманистъ и философъ въ чиновничьемъ мундирѣ, онъ страдалъ несовершенствами администраціи и считалъ себя отвѣтственнымъ за то, что̀ она допускала, и за то, чего она не допускала. Въ этомъ именно и заключалась драматическая коллизія. Люди со своими особыми взглядами на гражданскія права и обязанности, попадающіе на службу, не ограничиваются одною борьбой съ явными злоупотребленіями, — они затрогиваютъ обыкновенно и порядки, которые привели къ злоупотребленіямъ, умножая такимъ образомъ свои заботы и плодя ненависти кругомъ себя. Враги всѣхъ такихъ выскочекъ, какъ Герценъ, оказывались постоянно правыми передъ нимъ, скрываясь за непроницаемымъ щитомъ дѣйствовавшаго тогда положительнаго законодательства, но они не ограничивались однимъ этимъ преимуществомъ, а посылали ему вызовы и съ другихъ сторонъ. Извѣстно, что тогда существовала многочисленная категорія людей, не имѣвшая правъ, не прикрытая закономъ и находившаяся въ полной зависимости отъ администраціи. Тутъ Герценъ встрѣчался съ такими образцами равнодушныхъ отношеній къ человѣческимъ

нуждамъ и страданіямъ, что ему предстояло или бѣжать съ поля битвы, закрывъ глаза, или начать борьбу, и на этотъ разъ совсѣмъ не на юридической почвѣ, которой вовсе и не было, а борьбу съ обычаями, правами, понятіями и воспитаніемъ людей. Съ перваго же приступа къ ней онъ увидѣлъ всю безконечность и всю безплодность ея, такъ какъ примѣры нравственной жестокости какъ бы преднамѣренно умножались на его глазахъ по мѣрѣ того, какъ онъ все болѣе ратовалъ противъ нихъ. Разстроенный физически и усталый до изнеможенія, онъ ждалъ случая отдѣлаться отъ должности, гдѣ не приносилъ никакой пользы. Случай представился скоро въ формѣ грубаго отказа одной бѣдной женщинѣ, добивавшейся какого-то дозволенія у губернатора, и не выходилъ изъ ряда обычныхъ, урядныхъ явленій мѣстной жизни; но нервы Герцена были потрясены, и онъ тотчасъ послѣ того подалъ просьбу объ отставкѣ, пробывъ не болѣе полугода членомъ губернскаго правленія.

Отставка его скоро вышла изъ сената, но вмѣстѣ съ нею графъ Бенкендорфъ предписывалъ губернатору удержать Герцена по прежнему въ Новгородѣ, но уже въ качествѣ простого, поднадзорнаго ссыльнаго. Ошеломленный этимъ новымъ распоряженіемъ, Герценъ снова принялся за хлопоты по переводу въ Москву, за письма къ генералу Дубельту, за отысканіе вліятельныхъ адвокатовъ въ Петербургѣ, которыхъ и нашелъ въ лицѣ покойнаго графа М. Ю. Вьельгорскаго и другихъ, и успѣлъ по лѣту 1842 года отдѣлаться и отъ этой напасти. Онъ получилъ тогда извѣстіе, что по предстательству покойной императрицы Александры Ѳедоровны, тронутой письмомъ къ ней жены Герцена Натальи Александровны, ему, Герцену, дозволяется сопровождать больную свою супругу въ Москву. Графъ Бенкендорфъ прибавлялъ отъ себя, что вмѣстѣ съ запрещеніемъ въѣзда въ Петербургъ полицейскій надзоръ за нимъ будетъ учрежденъ и въ Москвѣ.

Герценъ не мѣшкалъ сборами. Ровно черезъ годъ съ небольшимъ послѣ появленія своего на берегахъ Волхова онъ выѣзжалъ изъ Новгорода, унося съ собою новое настроеніе, ростъ и развитіе котораго заслуживаютъ вниманія.

Не смотря на треволненія служебной и общественной жизни своей въ Петербургѣ и Новгородѣ, Герценъ именно посреди мѣняющихся ея красокъ и положилъ начало тому развитію, которое докончилъ уже въ Москвѣ. Любопытно прослѣдить его первые шаги на пути, доставившемъ ему общую и почетную извѣстность въ нашей литературѣ. Мы видѣли, что на канунѣ отъѣзда въ Новгородъ онъ сознательно отказался отъ громадныхъ замысловъ, необъятныхъ художественныхъ темъ, къ которымъ такъ недавно еще лежало его сердце знаменательными словами: «Я радуюсь, что цѣли (у меня) ограничены: пора перестать блуждать по морю по океану». Онъ тогда же намѣтилъ и самыя цѣли: 1) изученіе Гегеля и нѣмцевъ, 2) диссертацію о Петровскомъ переворотѣ, 3) составленіе книжки о всеобщей исторіи для дѣтей. Для послѣдняго труда не доставало ему въ провинціи пособій, документовъ, справокъ, оказавшихся еще болѣе необходимыми въ дѣтскомъ курсѣ, чѣмъ при составленіи какого-либо многомысленнаго трактата. Трудъ былъ заброшенъ. Изученіе нѣмецкой философіи продолжалось безпрерывно, но съ тѣмъ скептическимъ оттѣнкомъ, съ тою подозрительностью относительно настоящаго смысла гегелевской системы, которая отличала Герцена отъ всѣхъ толкователей знаменитаго философа на нашей почвѣ. По свидѣтельству многихъ его писемъ и особенно его «Дневника», обнимающаго время съ 25-го марта 1842 по 29-е октября 1845 года включительно и напечатаннаго въ женевскомъ собраніи его сочиненій (1875 г.), толкованія Герцена отличались, при глубокомъ уваженіи къ основателю ученія, весьма оригинальнымъ способомъ его пониманія. По Герцену, Гегель взрылъ почву подъ общественнымъ, частію еще средневѣковымъ строемъ европейской жизни, но боялся наложить руки на само зданіе, выстроенное ею на рыхлой почвѣ, изъ жалости къ красивой его постройкѣ, на которую указывалъ и своимъ послѣдователямъ, терпѣливо ожидая, что оно рухнетъ само собою по милости логически и діалектически подкопаннаго имъ, Гегелемъ, фундамента. Вообще «Дневникъ» этотъ содержитъ тайную исторію нарожденія и наростанія его созерцанія и образа мыслей, и

поэтому весьма любопытенъ. Что касается до диссертаціи о Петровскомъ переворотѣ, то происхожденіе и судьба ея гораздо сложнѣе. Собственно она никогда не была написана, разрѣшившись остроумною статейкой «Москва и Петербургъ» (1842 г.), которая не могла попасть въ нашу печать и появилась на свѣтъ, въ видѣ привѣса къ забавному разсказу «Станція Едрово», только уже въ 1846 году (Московскій Городской Листокъ 1846 года), и то передѣланная и частію ослабленная. Но мысли, положенія, тезисы, какъ называетъ ихъ авторъ, которые должны были войти въ составъ диссертаціи, не вовсе пропали: они вошли въ плоть и кровь Герцена, составили сущность его взглядовъ на прошлое и настоящее Россіи и окрасили позднѣйшую его политическую исповѣдь—знаменитую статью: «Съ того берега».

При самомъ началѣ этого не исполненнаго труда Герценъ извѣщалъ друзей о своемъ намѣреніи заняться имъ такими словами:

«С.-Петербургъ. 1 марта 1841 г. Я намѣренъ писать письма о Петровскомъ періодѣ и для этого обзавелся Голиковымъ, разумѣется, не Полевовскимъ, а настоящимъ. Разумѣется также, что я беру предметъ не съ чисто исторической стороны. Нами заключается Петровское время. Мы, выходящіе изъ національности въ чисто европейскую форму и сущность, заканчиваемъ великое дѣло очеловѣченія Руси. Но послѣ нашего времени начнется періодъ органическаго, субстанціальнаго развитія, и притомъ чисто человѣческаго, для Руси. Тогда ея роль будетъ не отрицательная въ Европѣ (преграда Наполеону, напримѣръ), а положительная. Положеніе Россіи относительно Европы странно—une fausse position, но оно лежало въ идеѣ Петровской революціи, и вся крутость и скорбность ея были необходимы. Этими скорбями выкупается десятивѣковое отчужденіе отъ человѣчества и проч.».

Не смотря на ухищренный философскій языкъ, который профессоръ математики и очень зоркій литературный критикъ, покойный Д. М. Перевощиковъ, такъ забавно называлъ «птичьимъ языкомъ»,—мысль Герцена въ этомъ письмѣ выступаетъ довольно ясно. Періодъ преобразованія Россіи въ европей-

ское государство, потребовавшій столько неистовыхъ и кровавыхъ мѣръ приходитъ къ концу и, по убѣжденію Герцена, долженъ смѣниться для нея положительною ролью европейски-національной державы, въ которой она и предстанетъ міру со временемъ. Этою мыслью онъ уже въ 1841 году доставлялъ себѣ возможность сговориться съ партіей славянофиловъ и вступить въ особыя, оригинальныя отношенія къ ней, которыя дѣйствительно создалъ впослѣдствіи и которымъ не измѣнялъ уже до конца жизни. Онъ издѣвался надъ нею и любилъ ее; ужасался приложеній, какія она дѣлаетъ изъ своихъ началъ, и отстаивалъ значеніе и смыслъ этихъ началъ; боролся страстно съ ея нападками, иногда пасквилями на культурныхъ людей и въ то же время говорилъ: «Западная, либеральная партія тогда только получитъ силу и народную поддержку, когда овладѣетъ темами славянофиловъ». Еще въ томъ же 1841 году онъ разражался такою юмористическою характеристикой на счетъ «славянъ», съ которыми только что познакомился проѣздомъ черезъ Москву годъ тому назадъ:

«Въ Москвѣ я все время ратовалъ съ славянобѣсіемъ, и не смотря на все, ей-Богу люди тамъ лучше, у нихъ есть интересы, изъ-за которыхъ они рады дни спорить, (exempli gratia) Вельтманъ, доказывая, что родъ человѣческій, послѣ раздѣленія Римской имперіи, одной долей сошелъ съ ума — именно европейскою, а другою въ умъ вошелъ—именно Византіей, а потомъ Русью. Если бы татары не повредили, а потомъ Москва, а потомъ Петръ, то и не то бы было. А Европу за безуміе наказалъ Богъ всякими плевелами—французскою болѣзнію и французскою революціей... и проч.».

Письмо было написано изъ Новгорода къ Бѣлинскому въ Петербургъ, и сарказмы его не помѣшали Герцену уже въ слѣдующемъ году упрекать изъ Москвы, какъ Бѣлинскаго, такъ и всю петербургскую печать, въ односторонности по отношенію къ выдающимся людямъ осмѣянной партіи, въ недостаткѣ гуманности, въ отсутствіи желанія смотрѣть на вещи съ дѣйствительной точки зрѣнія и въ смѣшеніи именъ, по которому принижаются наравнѣ съ другими

и такія почетныя имена, какъ Константинъ Аксаковъ, братья Кирѣевскіе, Юрій Самаринъ и др. Во избѣжаніе недоразумѣній Герценъ часто прибавлялъ къ своимъ дружескимъ выговорамъ замѣчаніе: «славянофила изъ меня также трудно сдѣлать, какъ и славянофоба», но оговорка была лишняя. Всѣ знали, что защита тогдашней народной нашей партіи была у него только игрой на поверхности опредѣлившагося уже строя мыслей и не могла измѣнить его сущности, той сущности, которую онъ самъ выразилъ однажды такъ, говоря о проповѣди примиренія, поднятой Бѣлинскимъ: «Я нахожу одно примиреніе — полнѣйшую вражду (кристализація: не кристализируется; употребленіе: никогда не употребляется [1])). Много мечтаній утратилось: я не жалѣю ихъ. Это послѣдніе лепестки вѣнчика:—въ періодъ плодотворенія они должны спасть. Истина не въ нихъ, а въ плодѣ. Не скажу, чтобы вмѣстѣ съ мечтами отлетѣли и надежды,—о, нѣтъ, нѣтъ и 1000 разъ нѣтъ! Напротивъ, въ жизнь мою я не чувствовалъ яснѣе Галилеевскаго: e pur se muove. Скорбь родовъ нисколько не похожа на скорбь агоніи. А умираютъ и родившіеся. (Тогда) блаженный мужъ отходитъ отъ совѣта нечестивыхъ... Онъ идетъ съ своей вѣрой, съ своей любовью, съ надеждой и, какъ упрекъ, садится вдали—и скорбитъ».

Это было уже далеко отъ отчаянія, помрачавшаго его умъ въ началѣ изображаемаго періода. Съ такою программой будущаго и съ такимъ установившимся образомъ мыслей обновленный Герценъ и явился въ Москву 13-го іюля 1842 года.

XIII.

Практическое воспитаніе Огарева шло инымъ путемъ.

Онъ выѣхалъ съ женой лѣтомъ 1841 года, какъ уже видѣли, за границу. Все время пребыванія въ Петербургѣ онъ при-

---

[1]) Это были извѣстные афоризмы, ставшіе притчей, изъ лекцій стариннаго московскаго профессора естественной исторіи, кажется, Двигубскаго.

надлежалъ болѣе роднымъ своимъ и ихъ знакомымъ, чѣмъ Герцену. Послѣдній едва успѣлъ свезти его въ Петергофъ и показать ему, и то полусонному и разсѣянному, морской заливъ. Само разставаніе друзей носило особенный, чуть не стоическій характеръ. Они вышли на Неву, миновали дворецъ, обнялись на набережной въ виду крѣпости, и затѣмъ каждый пошелъ своей дорогой. Да и къ чему тутъ были проводы?.. Огаревъ уѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ и, дѣйствительно, къ половинѣ слѣдующаго 1842 года находился опять въ Петербургѣ и Новгородѣ. Но, къ удивленію всѣхъ, его знавшихъ, или въ оправданіе ихъ предчувствій, онъ явился назадъ одинъ. Жена его уѣхала въ Италію въ сопровожденіи одного молодого русскаго художника и тамъ осталась. Это было предвѣстіе близкаго разрыва, который однакожь осуществился довольно поздно, только въ 1844 году. Огаревъ любилъ жену и въ то время, когда она освободилась уже отъ нравственныхъ прикрасъ, которыя породили любовь. Онъ ждалъ, чтобы въ немъ самомъ потухла последняя искра привязанности, и только тогда отошелъ отъ избранной имъ женщины, когда почувствовалъ, что она успѣла расхитить все, что находилось въ его сердцѣ. Въ послѣднихъ числахъ мая 1842 года онъ навѣстилъ Герцена и пробылъ у него одиннадцать дней. Тогда-то въ изліяніи дружескихъ бесѣдъ и посреди нескончаемаго пира, ознаменовавшаго ихъ встрѣчу, Огаревъ выразилъ намѣреніе разорвать связь, не имѣющую болѣе смысла, и передалъ исторію бѣгства своей жены. По свидѣтельству Герцена, онъ былъ спокоенъ и веселъ и уѣзжалъ опять за границу, чтобъ окончательно рѣшить дѣло съ женой, которое въ настоящемъ своемъ положеніи составляло несчастіе ихъ обоихъ; но рѣшеніе послѣдовало не скоро, какъ сказали.

Не стоило бы продолжать разсказъ объ этой семейной катастрофѣ, если бы съ нею не связывалась исторія крушенія цѣлаго плана жизни и цѣлой группы надеждъ и замысловъ, составленныхъ Огаревымъ для своего существованія и разрушенныхъ тою самою рукой, на которую онъ разсчитывалъ для ихъ поддержки и укрѣпленія.

Марья Львовна Огарева принадлежала къ тому типу русскихъ женщинъ, тогда еще очень многочисленному, которыя никогда не умѣли разобраться въ своихъ чувствахъ. По различнымъ и противоположнымъ отзывамъ о ней ея современниковъ уже можно заключить, что она представляла изъ себя амальгаму возвышенныхъ стремленій и пустыхъ наклонностей, чередовавшихся въ ея душѣ съ необычайною быстротой. Догадка эта подтверждается всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ изъ ея жизни. Жизнь эта протекла у нея въ безпрестанныхъ переходахъ изъ строгихъ воззрѣній на свое призваніе къ позорнымъ паденіямъ, большею частію еще и неожиданнымъ. Она не оставила послѣ себя никакихъ привязанностей, хотя и не скупилась на жертвы для ихъ пріобрѣтенія. Иначе и не могло быть по условіямъ ея ума и природы. Въ пылу благородныхъ увлеченій она мечтала о прелести беззавѣтнаго существованія и, спускаясь въ низшіе порядки жизни, призывала утерянный рай высшихъ идеальныхъ стремленій; философская пропаганда, утопическія и радикальныя мнѣнія, которыхъ она сдѣлалась обязательною слушательницей и свидѣтельницей по выходѣ замужъ, окончательно сбили ее съ толка. Она пріобрѣла отъ нихъ привычку смѣшивать влеченія страстей и врожденныхъ инстинктовъ съ основами морали и принципами независимаго мышленія.

Сущность ея характера однакожь была не очень сложна: основнымъ тономъ его было врожденное влеченіе къ шуму, приключеніямъ, чувственнымъ наслажденіямъ и умственному раздраженію, которое было только видоизмѣненіемъ ихъ. Съ такими задатками, попавъ въ соприкосновеніе съ требованіями семейнаго идеализма, она искала способовъ пристроиться къ нему наилучшимъ образомъ и успѣла въ этомъ, благодаря очень гибкому и бойкому уму своему и искренней привязанности къ мужу, котораго несомнѣнно тогда любила не за одно богатство, но и за душу его. Усталость явилась скоро. Уже въ первую одиночную свою поѣздку въ Москву для лѣченія, состоявшуюся вскорѣ послѣ тѣхъ изліяній чувства, какія мы видѣли въ вышеприведенномъ ея

письмѣ къ Герцену, Огарева искала вознагражденій за долгое пребываніе свое въ одномъ поэтическомъ настроеніи и пробовала почву для новой и болѣе просторной жизни. Вторая и тоже одиночная поѣздка ея въ Петербургъ за освобожденіемъ мужа и тотчасъ послѣ знаменитаго владимірскаго свиданія имѣла еще бо̀льшія послѣдствія. Она уѣзжала изъ Владиміра, унося съ собою еще теплыя воспоминанія о сценахъ, тамъ происходившихъ, и совершенно позабыла о нихъ, какъ только перешла черезъ нѣсколько петербургскихъ салоновъ и увидала, какъ легко, свободно и беззаботно наслаждаются тамъ плодами цивилизаціи, науки, искусства. Чего недоставало ей, чтобы жить посреди такой же обстановки и собирать вокругъ себя счастливыя и довольныя лица? Она была богата, носила старое дворянское имя, обладала недюжиннымъ умомъ, изощреннымъ вкусомъ и всѣми другими условіями свѣтскаго успѣха, выдающейся общественной роли. Вмѣсто того она осуждена на полумонашескую жизнь съ вѣчною провѣркой самое себя, которая требуется скромностію семейнаго очага, съ постояннымъ надзоромъ за собою какихъ-то невидимыхъ, неосязаемыхъ принциповъ, на неприглядную участь пройти жизненный путь объ руку съ вѣчнымъ студентомъ, не просыпающимся отъ видѣній, и вторить вмѣстѣ съ нимъ гулу задорныхъ утопій его пріятелей. Она возненавидѣла свое положеніе. Мысль вырвать Огарева изъ среды, въ которой онъ находился, и перенести его на арену большого свѣта, гдѣ такъ облегчается трудъ существованія, засѣла крѣпко въ ея головѣ. Съ нею явилась она и въ Москву, когда въ 1839 году чета наша получила дозволеніе поселиться въ столицѣ.

Здѣсь при первыхъ же проявленіяхъ своей мысли Марья Львовна встрѣтила болѣе сильную оппозицію, чѣмъ ожидала, въ друзьяхъ Огарева, подозрительно и косо смотрѣвшихъ на затаенныя цѣли молодой женщины. Кругъ одинаково настроенныхъ людей составлялъ плотную стѣну около Огарева. Онъ дышалъ вмѣстѣ съ ними атмосферой идей, которой нигдѣ не находилъ болѣе и безъ которой существовать не могъ. Не легкое дѣло было разрушить очарованіе круга,

но за это дѣло Марья Львовна принялась рѣшительно, хотя и исподволь, увлекая Огарева въ общество, гдѣ бы онъ могъ забыть о гнѣздѣ, хранившемъ лучшую часть его духовнаго бытія. Огаревъ слѣдовалъ за нею безъ сопротивленія, не усматривая большого преступленія въ томъ, что молодая женщина жаждетъ свѣта и простора и ищетъ ихъ тамъ, гдѣ думаетъ ихъ встрѣтить навѣрное. Но друзья угадали намѣренія и характеръ его руководительницы и прозрѣли порчу всей его жизни, если онъ слѣпо отдастся во власть ея. Сама собою возникла глухая, но ожесточенная борьба между обоими лагерями и направленіями. Споръ сводился въ сущности на вопросъ объ обладаніи Огаревымъ, и надо сказать, что Марья Львовна защищала свое достояніе и своего мужа съ ожесточеніемъ и свирѣпостью львицы, отвѣчая оскорбленіями на оскорбленія, отражая удары ударами же и скрываясь отъ дѣльныхъ обвиненій и упрековъ за ироніей и холоднымъ презрѣніемъ, которыми мастерски владѣла и которыми обманывала мужа. Не менѣе раздраженія выказали и защитники самостоятельности Огарева, находившіе въ эксцентричности многихъ поступковъ пустой женщины, въ частомъ легкомысліи ея поведенія поводы объявлять ее виновницей всей смуты. Впрочемъ, какъ часто случается въ столкновеніяхъ людей, дѣйствія и побужденія обѣихъ сторонъ смѣшивались въ одну кучу, а охотниковъ разобрать ихъ по существу не находилось. Все шло у враговъ Огаревой за свидѣтельство ея испорченности, рискованная мысль принималась за тайный развратъ, дѣтская шалость за порокъ и проч. Около двухъ лѣтъ длилась эта борьба, свидѣтельствуя о безсиліи воли у главнаго ея предмета—Огарева. Во все это время онъ искалъ случая примирить обѣ стороны, равно ему дорогія, и не нашелъ его. Отчаявшись въ возможности отыскать нейтральную почву, на которой могли бы сойтись враги, онъ подумывалъ, какъ видѣли, о переѣздѣ въ Петербургъ и наконецъ прибѣгъ къ заграничному вояжу, какъ къ единственному спасенію своему. При отъѣздѣ нашей четы въ 1841 году изъ Петербурга за море Марья Львовна еще разъ обнаружила передъ Гер-

ценомъ, бывшимъ однимъ изъ отъявленныхъ ея враговъ, способность отзываться (и каждый разъ искренно, по нашему убѣжденію) на любую ноту человѣческаго сердца. Герценъ попрощался съ нею (въ новгородскомъ письмѣ къ московскимъ пріятелямъ отъ 23-го іюля 1841 года) такимъ отзывомъ, хотя и ироническимъ по формѣ, но за которымъ, какъ у него часто бывало, свѣтится все-таки истинное его чувство:

«Я забылъ тебѣ сообщить, что передъ отъѣздомъ Огарева я снова помирился съ Марьей Львовной. Мы право много передъ ней виноваты: въ ней есть такія достоинства— mais des достоинства! Она зап.» (NB. начинавшаяся фраза «она заплакала» вычеркнута авторомъ, и вмѣсто нея поставлено просто восклицаніе: «Почтеннѣйшая женщина!..»)

Чтò случилось съ ней за границей—мы не знаемъ. Извѣстно только, что когда, послѣ лѣченія въ Карлсбадѣ и Теплицѣ, Огаревъ направился въ обратный путь, Марья Львовна, подъ предлогомъ болѣзни, уѣхала въ Римъ и Неаполь, и не одна, какъ гласила легенда, на этотъ разъ достовѣрная.

Во вторую свою поѣздку за границу, которая очень близко слѣдовала за первою, Огаревъ, вѣроятно, убѣдился, что пребываніе его супруги въ Италіи равнялось добровольному отреченію отъ узъ, связывавшихъ ихъ обоихъ, что ей надо предоставить время для отрезвленія отъ всѣхъ обаяній волшебной страны, гдѣ она посвящена была также точно въ тайны художническихъ мастерскихъ, какъ и въ способы туземнаго пониманія жизни, замѣнившіе для нея прежніе свѣтскіе идеалы. Разсчетъ Огарева былъ вѣренъ. Отрезвленіе шло у Марьи Львовны всегда рядомъ съ увлеченіемъ. Она поспѣшила на встрѣчу къ нему въ Германію, заслышавъ о его пріѣздѣ.

Одинъ изъ общихъ ихъ друзей, весьма благорасположенный къ г-жѣ Огаревой и лежавшій тогда въ тяжелой болѣзни на островѣ Искіи, упомянутый уже Н. М. Сатинъ давалъ такую оцѣнку личности Марьи Львовны въ своемъ письмѣ отъ 1842 года, посланномъ изъ Неаполя 18-го іюля стараго стиля: «Чтò сказать тебѣ на твои обвиненія противъ

М. Л.? Всѣ они справедливы, и самъ я ихъ повторялъ много разъ, но все-таки я имѣю къ ней состраданіе и повторяю, что Огаревъ поступилъ бы неблагородно, бросивъ ее. Она дурна, но кто виноватъ въ этомъ? Отчасти она, но гораздо болѣе судьба, бросившая ее въ эту колею, а не въ другую. Это не фатализмъ à la turque, и ты напрасно будешь противопоставлять ему волю человѣка. Самая эта воля не есть нѣчто врожденное, опредѣленное, но развивается и получаетъ направленіе воспитаніемъ, обстоятельствами и условливается организаціею. Огаревъ по неволѣ виноватъ въ одномъ—въ своей слабости. Онъ никогда не могъ бы передѣлать натуры своей жены, но могъ бы остановить ея дурныя наклонности. Ну, да что̀ дѣлать, онъ слабъ? А потому для него выходъ невозможенъ, и страданія неизбѣжны»...

Пророчество сбылось только на половину: послѣдняя его часть дѣйствительно исполнилась, Огаревъ много страдалъ, но выходъ все-таки былъ найденъ.

Тотъ же самый корреспондентъ, еще не вполнѣ изцѣленный, переѣхалъ въ Германію и былъ свидѣтелемъ встрѣчи Огарева съ женой въ Майнцѣ на Рейнѣ, гдѣ она ждала его. Произошло объясненіе между ними, и свидѣтель прибавляетъ, что онъ измучился въ теченіе двухъ недѣль, пока оно длилось. Сурово оттолкнутая и оскорбленная на первыхъ порахъ раздраженнымъ мужемъ, Марья Львовна обнаружила гордость женщины, грубо призванной къ отвѣту въ то время, какъ она пришла съ сознаніемъ своей опрометчивости и раскаяніемъ. Далѣе разсказчикъ повѣствуетъ, что вскорѣ роли перемѣнились: изъ подсудимой Марья Львовна сдѣлалась рѣшительницей участи Огарева, что послѣдній искалъ сдѣлки, примиренія, унижался, льстилъ, прибѣгалъ къ хитростямъ—и получилъ отпущеніе. Теперь—поясняетъ разсказчикъ—«они связаны тѣснѣе, нежели когда-нибудь, и не любовью, а обстоятельствами». Онъ проводилъ ихъ до Страсбурга по дорогѣ въ Италію и разстался съ своимъ другомъ, совершенно сбитый съ толку поведеніемъ его и не понимая причинъ, заставлявшихъ его дѣйствовать такъ странно и непослѣдовательно во всей этой исторіи. Разгадку

своихъ недоумѣній онъ получилъ съ первою остановкой Огарева въ Цюрихѣ. Онъ писалъ ему оттуда (октябрь 1842 года):

«Измученный пошлостью моего поведенія, съ ненавистью въ душѣ, я ѣхалъ и пріѣхалъ сюда... Зачѣмъ я унижался подъ конецъ? Затѣмъ, что я видѣлъ въ этомъ возстановленіе и спасеніе отъ всѣхъ преслѣдованій женщины, которую я глубоко оскорбилъ... Но битва не кончена. Во мнѣ разрушенъ цѣлый міръ, къ которому я былъ привязанъ... Всѣ униженія, которыя я понесъ, лежатъ на сердцѣ... Въ призваніи художника я не отчаялся; остальное все погибло. Ширь жизни, жажда наслажденій и блаженства будутъ тщетны, свято затаены... Мой путь уныль, но я буду силенъ...»

Комментируя эту записку друга передъ московскими пріятелями, корреспондентъ прибавляетъ отъ себя:

«Марья Львовна съ своей стороны пишетъ ко мнѣ, что она поняла теперь совершенно свои отношенія къ мужу и клянется, что она измѣнится и никогда не стѣснитъ его ни словомъ, ни дѣломъ... Чѣмъ все это кончится—Богъ знаетъ! Одно только вѣрно, что Огаревъ теперь страдаетъ такъ, какъ никогда еще не страдалъ. Теперь обѣщается быть сильнымъ... Дай-то Богъ! А онъ можетъ быть силенъ. Въ самомъ этомъ униженіи, перенесенномъ имъ добровольно для возстановленія женщины, онъ явилъ силу огромную, но только не кстати употребленную. Ганау, 26-го октября» (1842 года).

Итакъ, желаніе спасти нѣкогда любимую имъ женщину отъ дурной славы, какъ покинутой и презрѣнной жены, было единственнымъ поводомъ самоотверженной покорности Огарева. Друзья его въ Москвѣ не были однако же нисколько умилены его поступкомъ, въ которомъ усматривали только руку коварной женщины, привыкшей играть на благородныхъ чувствахъ мужа, какъ на знакомомъ инструментѣ, и особенно вознегодовали, когда узнали, что поступокъ свой Огаревъ сопровождалъ еще выдачей женѣ векселя въ тридцать тысячъ рублей и назначеніемъ ей ежегоднаго содержанія. Никто не хотѣлъ признать, что такимъ образомъ Огаревъ возвратилъ

свободу дѣйствій себѣ и спутницѣ своей и открылъ для нея возможность равноправныхъ отношеній съ нимъ безъ любви и обязанностей. О возстановленіи сердечныхъ привязанностей тутъ не было и помина. Самъ Огаревъ не обманывался на этотъ счетъ: «битва не кончена», замѣчаетъ онъ, говоря о своихъ уступкахъ женѣ. Все дѣло заключалось для него въ томъ, чтобы закончить борьбу наиболѣе благороднымъ, великодушнымъ способомъ. Обѣ стороны широко воспользовались свободой, какую взаимно предоставили себѣ, и довѣренное ихъ лицо, тотъ же корреспондентъ, у котораго мы брали уже столько цитатъ и свидѣтельствъ, весьма доволенъ душевнымъ состояніемъ Огарева. «Послѣднія письма его», говоритъ онъ,—«полны теплоты и спокойствія. Нѣтъ, онъ не погибъ; но я на минуту ошибся въ немъ, полагая его падшимъ, — и мнѣ это больно! Онъ ясно опредѣлилъ свои отношенія къ Марьѣ Львовнѣ, и эти отношенія основаны теперь на общественныхъ приличіяхъ и частію на взаимной привычкѣ и на нѣкотораго рода обязанностяхъ. Что касается до послѣднихъ, какъ вамъ объяснить ихъ? Вы оба этого не поймете, ибо слишкомъ возстановлены противъ нея... Имѣй она свое состояніе—многія препятствія были бы устранены; но теперь, пріучивъ ее къ роскоши, Огаревъ не можетъ оставить ее безъ возможности удовлетворять своимъ прихотямъ, она же на столько-то благородна и горда, чтобы не принять денегъ отъ человѣка, который ее отталкиваетъ. Въ нравственномъ отношеніи онъ не только полезенъ ей, но даже необходимъ: эта женщина совершенно одна, она не умѣла привязать къ себѣ ни одного существа, и право, она страдаетъ. Она сама виновата. Такъ! Я тоже самъ виноватъ, что боленъ,—однако, это не причина, чтобы вы не пожалѣли о моей болѣзни и не облегчили бы ея, если бы могли. Нѣтъ, нѣтъ, господа, вы рѣшительно не понимаете, какъ тяжело быть жестокимъ, особенно такому человѣку, какъ Огаревъ... (6-го декабря 1842 года. Ганау)». По смыслу этого письма оказывается, что въ тотъ родъ modus vivendi, какой нашли для себя супруги, входила и возможность ихъ совмѣстнаго жительства на правахъ ихъ полюбовнаго или срочнаго согла-

шенія. Корреспондентъ нашъ умалчиваетъ о лживости подобныхъ отношеній, которыя не могли долго продолжаться, и не проговаривается ни однимъ словомъ о другомъ важномъ обстоятельствѣ, касающемся Огарева.

Съ потерей жены рушился для него цѣлый міръ опредѣленныхъ цѣлей въ будущемъ и упразднились всѣ приготовленія къ трудовой жизни, всѣ обѣщанія и зароки, данные себѣ на мужественное прохожденіе земного поприща подъ недремлющимъ взоромъ Провидѣнія. Вокругъ него образовалась пустота, которую приходилось теперь наполнять чѣмъ ни попало, лишь бы освободиться отъ гнетущаго чувства ея существованія. Съ самыхъ первыхъ признаковъ неминуемаго семейнаго переворота, показавшихся еще въ первое его заграничное путешествіе, онъ уже потерялъ власть надъ собою, погрузился въ вихрь разсѣяній, увлеченій, излишествъ. Таверны и локанды Италіи, зàмки и сады по Рейну, бульвары и балы Парижа попеременно видѣли его усилія заглушить духовное сиротство свое въ безконечномъ шумѣ пировъ и праздниковъ, къ которымъ съ тѣхъ поръ онъ и сдѣлалъ привычку, длившуюся очень долго. Со всѣмъ тѣмъ, жить вовсе безъ идеальныхъ стремленій онъ уже не могъ, и тогда являлись неожиданныя и скоро проходящія усилія создать для себя во что бы то ни стало серьезныя задачи въ жизни. Такъ, проживая во Флоренціи (конецъ 1842 года), онъ отдался страсти къ искусству, на чтò намекаетъ и одна горделивая фраза уже приведеннаго выше письма его: «Въ призваніи художника я не отчаялся; — остальное все погибло» [1]). За все это время онъ находился въ экстазѣ передъ Италіей, ея школами живописи, принялся даже за уроки рисованія, чтобы лучше понимать величіе ея произведеній, и снабжалъ Герцена подробными отчетами о своихъ занятіяхъ, которые тотъ даже и не сообщалъ другимъ пріятелямъ, называя ихъ трактатами объ искусствѣ.

---

[1]) Въ ноябрѣ 1842 года Огаревъ жилъ во Флоренціи, затѣмъ прибылъ въ Римъ и дѣлалъ планы посѣтить Неаполь и Сицилію и по веснѣ 1843 года прибыть на Рейнъ съ тѣмъ, чтобъ оттуда пробраться въ Парижъ на зиму.

Позднѣе, и уже въ Берлинѣ, Огаревъ позабылъ о художническомъ призваніи и погрузился весь въ естественныя науки, начинавшія тогда цвѣсти на руинахъ нѣмецкой философіи и рядомъ съ соціальнымъ движеніемъ Германіи. Онъ отстаивалъ передъ сомнѣвающимися друзьями свое намѣреніе отдаться естествознанію безповоротно. Пока въ Москвѣ еще разсуждали о всѣхъ этихъ предпріятіяхъ, туда пришло извѣстіе, что Марья Львовна, пріѣхавъ въ Берлинъ, собирается подарить Огареву ребенка. Изумленіе было общее. Герценъ просто воскликнулъ, сообщая о новости въ Петербургъ:

«10 октября 1844 года. Марья Львовна скоро подаритъ Огареву наслѣдника, привезеннаго изъ Италіи, и le bon mari преміей за такое усердіе признаетъ его и, вѣроятно, отдастъ имѣніе. Для чего это?.. Всякая вѣсть о немъ меня глубоко огорчаетъ и разстроиваетъ. Да когда же предѣлъ этимъ гнусностямъ ихъ семейной жизни?»

Предѣлъ скоро явился. Ребенокъ родился мертвымъ, и Огаревъ оповѣщалъ друзей объ этомъ обстоятельствѣ такими словами: «17-го октября. Берлинъ. Мое намѣреніе быть отцомъ рушилось... Родился недоносокъ, мертвый ребенокъ, съ такой жалобной физіономіей, что я до сихъ поръ забыть не могу. Сегодня уже 8 дней. Жена здорова. Странная діалектика судьбы—мѣняетъ жизни, разрушаетъ возможности нравственнаго прогресса, etc... Но ты самъ все это знаешь, и знаешь, какъ много надо внутренней силы, чтобы становиться выше случайностей»...

Между тѣмъ погибшій младенецъ составилъ послѣдній актъ этой семейной драмы. Супруги разъѣхались, и навсегда. По всѣмъ вѣроятіямъ, Марья Львовна потеряла надежду возстановить свое старое, вліятельное положеніе—въ виду возрастающей холодности мужа и поторопилась кончить съ безполезными усиліями связать порвавшіяся нити нѣкогда живыхъ отношеній. Въ половинѣ декабря 1844 года она покинула мужа и болѣе уже не встрѣчалась съ нимъ. Огаревъ передавалъ событіе очень просто:

«Marie на дняхъ уѣхала. Позволь уже не говорить объ

этой печальной комедіи. Развязка была суха: для меня прискорбна, для нея мучительна. Я ожидалъ лучшаго. Но я и самъ не выдержалъ и не могу считать себя правымъ: равнодушіе доходило во мнѣ до эгоизма. Я не предполагалъ въ себѣ такого холода и недоволенъ имъ. Впрочемъ, все обошлось по наружности спокойно; только внутренно я недоволенъ, самимъ собой недоволенъ. Но едва ли могло быть иначе. Я бы зналъ это напередъ, если бы умѣлъ откровенно измѣрить въ себѣ, на сколько температура ниже 0. Затѣмъ конецъ ложнымъ отношеніямъ».

Такъ завершилась связь, отъ которой Огаревъ ожидалъ неисчислимыхъ благъ для сердца, ума и воображенія. Бѣдная женщина, обманувшая эти ожиданія, умерла въ Парижѣ, въ крайней бѣдности, въ 1853 или 1854 году: средства ея существованія, по разстроенному состоянію дѣлъ Огарева, значительно сократились, а подъ конецъ и совсѣмъ изсякли.

Огаревъ пробылъ еще болѣе года за границей послѣ окончательнаго разрыва съ женою и посвятилъ это время на то, чтобы явиться въ Россію съ новою физіономіей, убить въ себѣ стараго романическаго человѣка, выйти черезъ науку къ реальной жизни и дѣятельности, убѣжать, какъ самъ говорилъ, «aus Blauen hinaus» (вонъ изъ мечты) и показаться на родинѣ преобразованною и опредѣлившеюся личностью. Въ 1846 году онъ вернулся домой дѣйствительно въ новомъ видѣ, хотя и не въ томъ, за которымъ гнался, но давшемъ ему особенное типическое выраженіе, которое онъ и сохранилъ уже до конца жизни (1877 г.), и которое должно считаться истиннымъ разоблаченіемъ его нравственной природы, какъ она выработалась теченіемъ и перипетіями его бурной жизни, изложенными здѣсь приблизительно.

Герценъ былъ правъ, когда говорилъ, что жизненнымъ дѣломъ Огарева было созданіе той личности, какую онъ представлялъ изъ себя. Когда онъ появился наконецъ въ Москвѣ, окружающіе узнали въ немъ прежняго добродушнаго, глубоко сердечнаго человѣка, но уже безъ всякихъ задержекъ со стороны какого-либо ученаго предразсудка или нажитаго принципа, какъ прежде. Опасались, что со свободой отъ

путъ, связававшихъ нѣкогда его умъ и совѣсть, онъ утеряетъ возвышенное настроеніе духа и тотъ паоосъ души, которые его всегда отличали, но они остались при немъ, только Огаревъ утихъ и загорался медленнѣе, не вѣруя болѣе въ правоту вдохновенныхъ вспышекъ и внезапныхъ движеній сердца. Мѣсто ихъ заступила теперь какая-то печальная вдумчивость въ явленія жизни и ожиданіе поученій и откровеній только отъ страдающихъ умовъ, отъ болѣющихъ сердецъ, въ присутствіи которыхъ онъ всегда и оживлялся. Онъ сдѣлался по плечу каждому человѣку, какъ самому простому, такъ и самому развитому, потому что одинаково вѣрно понималъ ихъ духовныя нужды и входилъ въ цѣпь ихъ мыслей и представленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пріобрѣлъ рѣдкое хладнокровіе сужденія, не покидавшее его уже во всю остальную жизнь: всякій фактъ и случай, являвшійся въ свою очередь какъ логическое слѣдствіе цѣлаго предшествующаго жизненнаго процесса, признавался имъ законнымъ, получалъ его согласіе и поддержку, хотя бы самъ по себѣ не имѣлъ претензіи на очевидный моральный характеръ и способенъ былъ бы даже возбуждать къ себѣ непріязнь и осужденіе. Ту же самую мѣрку прилагалъ онъ и къ себѣ лично. Совершенно ясно и спокойно смотрѣлъ онъ на приближеніе старости, на умножающіеся припадки злой своей болѣзни, на грозящее ему разореніе, на всю свою потерянную, испорченную жизнь— и ни о чемъ не сожалѣлъ, ни въ чемъ не раскаявался. И о чемъ было жалѣть? Общія, горячія симпатіи встрѣчали его всюду, гдѣ онъ ни являлся за все время его послѣдняго пребыванія въ Россіи. Въ семействѣ Герцена и Тучковыхъ образовалось даже нѣчто въ родѣ огаревскаго культа за даръ, которымъ отличался герой его открывать въ самыхъ глубокихъ тайникахъ человѣческаго сердца скрытные желанія, влеченія и помыслы, поощрять ихъ и выводить на свѣтъ, къ жизни и свободѣ. Само божество и не подозрѣвало о существованіи такого культа и часто погибало, вдали отъ воздвигнутыхъ ему алтарей, въ какой-либо трущобѣ матеріальной и духовной нищеты, къ ужасу и негодованію своихъ поклонниковъ. Но тревоги и опасенія ихъ были напрасны: по

изяществу нравственной своей природы Огаревъ выходилъ чистымъ изъ всѣхъ положеній; онъ не могъ уже замараться ни въ какой грязи, и брызги мутныхъ житейскихъ волнъ стекали съ него, не оставляя никакихъ слѣдовъ. Здѣсь мы покидаемъ его, потому что дальнѣйшая жизнь и дѣятельность его сперва дома, а потомъ за границей съ 1856 года не входятъ въ планъ этого этюда, но разстаться съ нимъ мы не можемъ, не сообщивъ одного замѣчательнаго его письма, гдѣ съ рѣдкою ясностью и убѣдительностью онъ передаетъ идею, которая всегда лежала въ основѣ его существованія, а теперь, къ концу изображаемаго нами періода, сдѣлалась преобладающею и составила неотъемлемую часть его физіономіи. Письмо это (безъ означенія года) писано, по всѣмъ признакамъ, позднѣе семейной катастрофы:

«Франкфуртъ на Майнѣ. 15 февраля. Ты говоришь, что для истины не нужно скорби. Какъ ты врешь, баронъ![1]) Какъ ты говоришь противъ себя! И что тебѣ за радость увѣрять себя, что ты чрезвычайно спокоенъ, счастливъ и доволенъ— и примиренъ, когда очень хорошо знаешь, что лжешь, и что ты внутренно страдаешь! Страдаешь уже тѣмъ, что истину, которую носишь въ себѣ, не можешь напечатлѣть вокругъ себя, и что самъ не можешь жить адекватно истинѣ, которую въ себѣ носишь. Это еще очень немного, что ты понялъ истину и сталъ очень доволенъ. Теорія весьма мало удовлетворяетъ и, не переходя въ кровь и плоть, то-есть, въ практику, въ твою личную жизнь,—сводится на новую абстракцію, за которую я и копѣйки не дамъ. Если негація—путь ума къ истинѣ, то скорбь—путь сердца къ истинѣ. Кто не шелъ этимъ послѣднимъ путемъ, тотъ никуда не придетъ. Юноша сказалъ Христу: «Я хочу слѣдовать за Тобою». «Раздай имѣніе нищимъ», сказалъ Христосъ,—«и ступай за Мной». Юноша не роздалъ имѣнія нищимъ и не пошелъ за Христомъ. Что̀ это значитъ? Что скорбь объ истинѣ была не довольна сильна въ его сердцѣ, чтобъ рѣшить его на поступокъ. А если бы

---

[1]) Шуточное прозваніе лица, къ которому адресовано письмо, и которое нисколько не отличалось баронскими, аристократическими наклонностями и вкусами.

скорбь эта была ему невыносима, съ какой бы радостью онъ роздалъ все и пошелъ бы за Христомъ! Какъ же скорбь не есть путь къ истинѣ? Да и зачѣмъ тебѣ истина, если ты не скорбишь во лжи? Кровью сердца покупается истина, баронъ. Не противорѣчь, потому что лгать станешь. Чтò сдѣлаетъ тотъ, кто насквозь прочувствуетъ всю скорбь наслѣдняго достоянія, а не труда? Онъ пойдетъ въ пролетаріи, баронъ. Замотай это слово себѣ на память, потому что я не шучу. А чтò жь вѣра безъ страданія? Чтò теорія безъ скорби? Чтò принципъ при неадекватности жизни съ этимъ принципомъ? Пуфъ, просто puff! Играніе своими умственными способностями! Внутренняя ложь или равнодушіе! Пустое самолюбіе — истина, пріобрѣтенная не путемъ скорби. Склони свою гордую голову, баронъ, передъ великимъ чувствомъ скорби и уважь въ ней толчокъ, который бросаетъ тебя въ міръ правды, безъ разсчетовъ самолюбія, заднихъ мыслей на... Да чтò тебѣ говорить объ этомъ? Ты самъ знаешь,—только что ты набросилъ на себя упрямство... Жить въ истинѣ—дѣло другого рода; жить въ истинѣ—блаженство! Да вѣдь мы живемъ въ истинѣ только какъ теоріи, то-есть, не живемъ въ истинѣ, а думаемъ о ней, знаемъ, что есть она на свѣтѣ, чувствуемъ скорбь, что не можемъ жить адекватно съ ней,—но не всегда довольно чувствуемъ, и недостатокъ скорби есть недостаточное проникновеніе себя истиной. Мораль, братецъ, мораль! Да, — это слово не puff. Не одна мысль, вся жизнь должна быть въ истинѣ. И потому не ругай меня за скорбь. И не думай также, чтобъ я мораль смѣшивалъ съ асцетизмомъ. Пьетизмъ мнѣ совершенно чуждъ. Но я требую отъ себя поступковъ, полнаго чистосердечія съ самимъ собою и съ людьми, требую дѣлать свою жизнь «in der Wahrheit» и рѣшаюсь оторваться ото всего, чтò меня давитъ, чтò есть ложь, отъ чего я задыхаюсь,—и глубоко уважаю путь къ истинѣ посредствомъ скорби... Я не каюсь въ прошломъ — это не жвачка, чтò теперь во мнѣ совершается, но я схватываю минуту разсвѣта и рѣшаюсь идти въ путь при свѣтѣ дневномъ, зная, что тогда всѣ пути ясны, сколько ни были бы трудны. Dixi!»

XIV.

Пока Огаревъ, на подобіе степной или горной рѣки, борющейся на каждомъ шагу съ естественными преградами и помѣхами, еще искалъ своего русла, Герценъ уже съ 1842 года твердо шелъ отъ успѣха къ успѣху, какъ въ литературной дѣятельности, такъ и въ дѣлѣ самообразованія и устройства своего внутренняго міра. При концѣ служебной новгородской карьеры онъ началъ свой «Дневникъ», о которомъ уже говорили, и продолжалъ его $3^1/_2$ года сряду. Повторяемъ, что «Дневникъ» этотъ представляетъ важный біографическій матеріалъ. Изъ него видно, какъ все болѣе расширялся объемъ его мысли, захватывая новыя пространства, переходя отъ разбора философскихъ темъ къ этюдамъ реальныхъ явленій, отъ вопросовъ литературы и искусства къ наблюденію живыхъ людей и характеровъ, отъ оцѣнки бытовыхъ, общественныхъ фактовъ къ изложенію своихъ мнѣній о причинахъ ихъ появленія и проч.

Рядомъ съ «Дневникомъ» начались и большія работы Герцена, продолжавшіяся и въ Москвѣ и встрѣченныя при ихъ появленіи болѣе чѣмъ привѣтливо въ обѣихъ нашихъ столицахъ, какъ онъ самъ замѣчаетъ. Первою напечатанною статьей изъ этого періода его дѣятельности, обратившею на себя общее вниманіе, должна считаться статья: «По поводу одной драмы»—отчетъ о переводной драмѣ гг. Арно и Фурнье «Восемь лѣтъ старше» (1843 года). Появленіе второй: «Диллетантизмъ въ наукѣ», съ ея тремя подраздѣленіями и съ дополнительною статьей: «Буддизмъ въ наукѣ» (1843—1844 годовъ), возбудило множество толковъ и установило писательскую репутацію Герцена. За ними и въ то же время стали появляться и повѣсти его, изъ которыхъ нѣкоторыя (разсказъ: «Трензинскій» [1])) уже содержали черты и пріемы будущаго автора знаменитыхъ «Кто виноватъ?» и

---

[1]) Разсказъ о Трензинскомъ находится въ статьѣ еще 1840—1841 годовъ: «Записки одного молодого человѣка» (Отечественныя Записки 1841 г., № 1) и обратилъ тогда же на себя вниманіе какъ искусная характеристика психически любопытнаго субъекта.

«Записокъ доктора Крупова». Вообще, онъ добился очень скоро признанія за собою качествъ цѣпкаго, анализирующаго ума. Между новою его дѣятельностью и старою, изобрѣтавшею для себя колоссальныя темы, безъ отношенія къ насущной дѣйствительности или съ натянутыми къ ней отношеніями, лежала уже цѣлая пропасть. Предоставляемъ будущему біографу Герцена трудъ прослѣдить послѣднее его направленіе до крайнихъ его границъ, а сами переходимъ къ другому и тоже любопытному вопросу.

Что̀ же представляла изъ себя, въ психическомъ смыслѣ, сама личность Герцена въ эту эпоху перерожденія ея таланта и окончательнаго ея развитія?

Нравственная его физіономія отлично опредѣляется критическимъ и полемическимъ настроеніемъ его мысли, не чуждавшейся и памфлета. Герценъ является неутомимымъ слѣдователемъ по части пороковъ мышленія, промаховъ развитія, несообразностей дѣйствій съ ихъ поводами. Полемическая идея окрашиваетъ точно также его ученыя статьи, какъ и повѣсти, являвшіяся въ промежуткахъ между ними, какъ самый его слогъ и способы выражаться вообще. Научные и художественные элементы его произведеній, при всемъ ихъ достоинствѣ, не составляютъ для него первой и важнѣйшей заботы. Они постоянно употребляются имъ какъ вѣрные союзники, но не составляютъ главной силы, ядра его арміи въ борьбѣ съ заблужденіями и предразсудками. Не на нихъ возлагаетъ онъ надежды на успѣхъ той или другой выбранной имъ, художнической или научной темы, а на яркость публицистической мысли, положенной въ ея основу. Разбудить общество, поднять его сознаніе на извѣстную опредѣленную высоту, вотъ что̀ составляло его цѣль, а совсѣмъ не откровенія въ области метафизики или творчества. Слѣдуетъ однакоже сказать, что въ томъ соединеніи съ наукой и искусствомъ, въ какомъ являлась на свѣтъ его публицистическая дѣятельность, она уже была весьма серьезнымъ дѣломъ и чрезвычайно быстро, благодаря именно этому соединенію, пріобрѣла ему большую извѣстность, горячія симпатіи и немаловажное вліяніе.

Для всѣхъ знавшихъ Герцена не покажется новостью, если скажемъ, что это былъ очень осмотрительный, очень осторожный, въ нравственномъ смыслѣ, человѣкъ. Не то, чтобы онъ разсчитывалъ свои поступки по указанію господствующихъ мнѣній въ обществѣ или сообразовался съ мѣрками поведенія, предписываемыми дряхлыми обычаями и обветшалыми представленіями житейскихъ обязанностей, нѣтъ! Всѣ эти условія фальшивой порядочности онъ нарушалъ не разъ и даже считалъ нарушеніе ихъ признакомъ независимаго характера. Подозрительность и оглядка, свойственныя ему, имѣли другого рода основанія. Онъ инстинктивно чувствовалъ приближеніе порока и нравственнаго безобразія, подъ какою бы формой они ни являлись, и отталкивалъ ихъ отъ себя, какія бы доказательства о прямомъ своемъ происхожденіи отъ либеральной доктрины они ни представляли. Грубость въ словѣ, какъ и въ поступкѣ, одинаково возмущала его и въ явленіяхъ чистаго произвола, и въ дѣйствіяхъ благонамѣренной оппозиціи; ему противно было своеволіе также точно въ нравахъ, какъ и въ мысляхъ. Идеалистическое воспитаніе, полученное въ первыхъ годахъ молодости, не пропало у него даромъ: оно оставило ему брезгливость къ нечистому оружію, къ ухищреннымъ способамъ вредить непріятелю; брезгливость эта впослѣдствіи принесла ему много огорченій и много враговъ. Его нельзя было увлечь ни на какое рѣшеніе, противное гуманнымъ основамъ его мысли, хотя бы такое рѣшеніе вызывалось назойливымъ или дикимъ образомъ дѣйствій самого противника. Онъ думалъ, что свободныя начала налагаютъ обязанности выше тѣхъ, которыми руководствуются люди животныхъ страстей и инстинктовъ. Вотъ почему онъ постоянно предавалъ осмѣянію литературныхъ и политическихъ рубакъ, которые представлялись ему съ планами крошить все вокругъ себя.

При необычайно пылкой, легко воспламеняющейся природѣ своей, которая подчинялась еще весьма сильно развитому воображенію и бросала его съ силой неудержимаго потока всюду, гдѣ оказывалось движеніе или свѣтилось объ-

щаніе новаго, еще не испытаннаго опыта,—понятно, что онъ дѣлалъ нерѣдко промахи какъ въ частной, такъ и въ политической жизни. Онъ старался обмануть свѣтъ надменнымъ и пренебрежительнымъ отношеніемъ къ упрекамъ, которые порождали всѣ такія ошибки, но самого себя онъ обмануть не могъ. Мы, конечно, не знаемъ тайнъ его душевнаго состоянія, но что оно не было особенно радостно и спокойно, это доказывается многими глубоко грустными и трогательными признаніями въ его сочиненіяхъ. Веселость, юморъ, фосфорическій блескъ, разлитые на ихъ поверхности, не вполнѣ заслоняютъ ту пучину горя, разочарованій, недовольства жизнію и самимъ собою, которая существовала за ними въ душѣ автора и давала иногда знать о себѣ жалобами, неожиданными разоблаченіями. Всегдашнее противорѣчіе между прямымъ моральнымъ созерцаніемъ, усвоеннымъ съ молодости, и основами нравственности, подсказываемыми для своего оправданія соображеніями по поводу случаевъ и обстоятельствъ, составляло тотъ пыточный станокъ, на которомъ Герценъ томился много лѣтъ. Нужно ли говорить, что этимъ положеніемъ между двумя мірами, этими связями съ двумя разными созерцаніями Герценъ и пробуждаетъ наши симпатіи, отражая на себѣ волненія и колебанія современности съ ея порывами къ далекому будущему и съ ея привязанностями къ родному и поэтическому въ прошломъ? У него не было и тѣни прямолинейности въ характерѣ, которой завидовалъ. Онъ робѣлъ и смирялся передъ людьми, которые, довѣряясь одной излюбленной ими идеѣ, слѣдуютъ за нею, закрывъ глаза на весь остальной міръ представленій и убѣжденій и духовныхъ нуждъ человѣчества. Люди этого закала грубо оттолкнули отъ себя Герцена, когда въ концѣ своего поприща онъ хотѣлъ съ ними сблизиться, полагая, что между ними можетъ установиться общность цѣлей и воззрѣній. И они были, по своему, правы: многосторонность Герцена, его развитіе, его образованность и его даровитость были имъ не нужны; они мѣшали, а не помогали имъ.

Да, они мѣшали еще ему самому, не позволяя остано-

виться съ самодовольствомъ ни на какомъ фазисѣ его развитія, не давая успокоиться ни на какомъ трудѣ, хотя бы и увѣнчанномъ успѣхомъ, возмущая постоянно довѣріе къ себѣ и побуждая его искать усиленно пятенъ и погрѣшностей въ своей природѣ. Идеалы существованія поставлены были имъ далеко впереди, а на пути къ нимъ критическія его способности работали неустанно, заставляя иногда относиться къ ничтожнымъ подробностямъ жизни, къ самому себѣ и другимъ почти съ оттѣнкомъ диффамаціи. Есть одно письмо его къ Т. Н. Грановскому, гдѣ эти качества проявляются съ особенною силою. Приводимъ его здѣсь; въ немъ онъ защищается отъ обвиненій въ сухости сердца и признаётъ, что эгоизмъ составляетъ принципъ его существованія: противорѣчіе очень обыкновенное у развитыхъ и рефлектирующихъ людей той эпохи.

«19 іюля (1844 года). Село Покровское... Правда ли это, что въ духѣ человѣческомъ ничего не пропадаетъ, что̀ кануло въ него, а хранится какъ на морскомъ днѣ. Нѣтъ и да! Только то хранится, что̀ ядовито и жестоко, а прекрасное, вдохновенное и полное широкаго покоя—какъ эѳирное масло, улетаетъ, оставляя неопредѣленное благоуханіе... Почему ты думаешь, что я не понимаю этой стороны жизни? Это заставляетъ меня подозрѣвать, что ты односторонне понялъ мой характеръ. Я знаю, что натура моя болѣе дѣятельная, нежели созерцательная, что во мнѣ нѣтъ того глубокаго и всегдашняго раздумья поэтическихъ натуръ. Но пониманьемъ и симпатіей я не обиженъ; нѣтъ истиннаго чувства, которое я не оцѣнилъ бы свято...

«Я вѣрилъ, всею душой вѣрилъ въ себя и въ Огарева. Его семейная исторія лишила меня этой вѣры. Я люблю его, но вся моя вѣра въ индивидуальности сильно потряслась. Я съ проніей взглянулъ на жизнь, но этимъ не кончилось: мнѣ надо было смириться самому, и я имѣлъ случай видѣть себя ничтожнымъ, безхарактернымъ, слабымъ. Да, я смотрѣлъ на себя безъ уваженія много разъ. Я не говорилъ вамъ этого, вы ни разу не нашли настоящаго отвѣта, а это моя сторона der Gemüthlichkeit (добродушія)...

«На меня грусть самая тяжелая, самая разъѣдающая находитъ минутами, — потомъ солнечный свѣтъ, дружеское слово, слово любви, одно появленіе Сашки (пятилѣтняго сына Герцена), и грусть проходитъ! Но той вѣры въ себя, но того вдохновеннаго настроенія, съ которымъ входилъ въ жизнь,—ихъ нѣтъ! Я почти никогда не плàчу—и не знаю, что такое облегчительныя слезы; когда мнѣ случалось плакать, мнѣ казалось, что все существо мое истаеваетъ. А когда къ этимъ домашнимъ дѣламъ души прибавишь среду, «умштенды», какъ говаривалъ одинъ старикъ,—киріе елейсонъ!

«Ты чище, юнѣе, благороднѣе меня, но я тебѣ не завидую. Знаешь, чѣмъ утверждаютъ плотину? Грязью; она вяжетъ, и вода какъ хочешь плещи. Да, это не manière de dire, не фраза, а въ самомъ дѣлѣ такъ. Я увѣренъ, что на столько пріобрѣлъ эгоизма, что я крѣпче тебя,—а я не родился эгоистомъ. Жизнь, mon signore, жизнь!

«Но я завидую тебѣ въ другомъ, завидую много. Ты именно тотъ человѣкъ, который можетъ безконечно счастливою сдѣлать женщину. Храните ваше счастіе. Боже васъ оборони, чтобы пылинка сѣла на него! Знаете ли, что такое пылинка? Иной разъ это яйцо червяка, а червякъ—это гомеопатическій «boa constrictor». Душа Нат. (Натальи Александровны Герценъ), предъ которою охотно склоняюсь, въ образѣ которой осталось все, чтò осталось святого для меня, слишкомъ нѣжна, слишкомъ полна раздумьемъ, наконецъ слишкомъ ясно видитъ она и понимаетъ меня и жизнь, чтобы отдаваться безотчетно... Это тяжело, и знать, что такъ и быть должно,—очень тяжело... Прощай. Не отвѣчай на это письмо ни слова — не нужно... Да и не рви его».

Заканчиваемъ этимъ актомъ неумѣреннаго самообвиненія нашъ разборъ личности Герцена. По моральному своему смыслу документъ говоритъ въ ея пользу болѣе, чѣмъ мы могли бы то сдѣлать.

Баденъ.—Февраль 1883 года.

ЗАПИСКА О Н. П. ОГАРЕВѢ [1].

Молодость Огарева менѣе извѣстна, чѣмъ послѣдующая его жизнь въ Петербургѣ и за границей. Въ 1831 году его застаётъ Н. Х. Кетчеръ въ Московскомъ университетѣ вольнымъ слушателемъ, откуда его выключаютъ чуть ли не въ томъ же самомъ году и ссылаютъ на жительство къ отцу, въ Пензу, за исторію съ профессоромъ Маловымъ, котораго студенты выгоняютъ изъ класса, а потомъ изъ зданія университета. Это былъ невѣжа и невѣжда. Огаревъ принимаетъ на себя отвѣтственность за расправу съ нимъ. Одновременно съ этою ссылкой разыгрывается въ Москвѣ загадочное дѣло съ отставнымъ офицеромъ Сунгуровымъ, женившимся на крестьянской дочери, вступившимъ въ связь съ польскою эмиграціей 1831 года, но, къ удивленію, донесшимъ на своихъ друзей, когда тѣ добыли фальшивые паспорты и хотѣли бѣжать изъ Москвы. По важности доноса, его задержали вмѣстѣ съ поляками, но тутъ, вѣроятно, по чувству мести, обычный его собесѣдникъ, студентъ Полонскій, сообщилъ полиціи о цѣломъ обществѣ революціонеровъ, то-есть, тогдашнихъ либеральныхъ болтуновъ, которое будто бы создано Сунгуровымъ. Тогда его, вмѣстѣ съ другомъ его, тоже офицеромъ, Гуровымъ, подвергли слѣдствію, а дальнѣйшія розысканія имѣли послѣдствіемъ арестацію студентовъ: пастор-

[1] Черновой набросокъ, написанный П. В. Анненковымъ вскорѣ по смерти Н. П. Огарева въ 1877 году, послужившій матеріаломъ для предшествующей статьи.

скаго сына Кольрейфа, Кноблоха, Антоновича, Костенецкаго и другихъ. Всѣхъ разжаловали въ солдаты, но Гуровъ и Сунгуровъ убѣжали изъ острога, чтобы пробраться за границу. Перваго поймали и прогнали сквозь строй, второй не находился. Принялись за отца Сунгурова по женѣ, богатаго мужика, и вымучили у него розгами и другими средствами показаніе, что Сунгуровъ скрывается въ ближайшемъ лѣсу. Онъ проводилъ жандармовъ къ мѣсту укрывательства, подалъ сигналъ,—Сунгуровъ явился, но, увидавъ жандармовъ, мгновенно перерѣзалъ себѣ горло.

Время послѣ польской революціи наступило тяжелое. Подозрительность полиціи и расположеніе публики пользоваться для корыстныхъ цѣлей страхами ея были безмѣрныя. Огаревъ тотчасъ же опять и попался, какъ возвратился въ Москву. Разыгралось извѣстное дѣло объ университетскихъ кандидатахъ, собравшихся праздновать свои дипломы, разбившихъ при этомъ бюстъ... и пропѣвшихъ пѣсенку Соколовскаго. Одинъ изъ участниковъ пира, кандидатъ Скорядко, сдѣлавшійся потомъ просто полицейскимъ агентомъ, догадался, что изъ пира можно бы сдѣлать хорошую аферу. Онъ возымѣлъ мысль пригласить товарищей къ себѣ на повтореніе праздника, съ соблюденіемъ всѣхъ его подробностей, на что̀ они и согласились—и были арестованы in corpore на квартирѣ Скорядко. Замѣчательно, что ни Герценъ, ни Огаревъ не были ни на одномъ изъ двухъ этихъ праздниковъ, но привлечены были къ суду именно по поводу ихъ. Разсказывали, хотя и безъ доказательствъ, что N. составилъ планъ завладѣть легально всѣмъ громаднымъ состояніемъ Огарева. Отецъ его, разбитый параличемъ, стоялъ одною ногой въ гробу, а если бы сынъ, молодой Огаревъ, лишенъ былъ правъ состоянія, наслѣдство переходило къ N. Планъ этотъ такъ мелодраматически коваренъ, что трудно вѣрится въ его существованіе; однакожь то достовѣрно, что N. все сдѣлалъ, чтобъ погубить Огарева. Въ отсутствіе послѣдняго изъ Москвы N. самъ прибылъ въ столицу и остановился, какъ всегда, на квартирѣ родственника, затѣмъ перерылъ всѣ его бумаги, отперъ письменный столъ, подобралъ всѣ письма,

бумажки, сообщенія друзей хозяина, даже такіе клочки его собственныхъ замѣтокъ и замѣтокъ его близкихъ, о которыхъ Огаревъ уже не могъ дать себѣ и отчета, и все это добро N. представилъ по начальству. Это было добавленіемъ процесса о пирующихъ, да съ нимъ и было связано подъ конецъ. Бумажки Огарева разрослись въ уголовное дѣло и повлекли захватъ Герцена, Сатина, купца Лахтина и проч. Изъ уваженія къ отцу Огарева, Николая Платоновича сослали опять въ Пензу, между тѣмъ какъ другіе поплатились ссылками въ Вятку и въ города, имъ совершенно чуждые.

Какъ доказательство, что времена смутъ въ Россіи начались не въ 1862 году только, какъ обыкновенно пишутъ, можно привести извѣстіе о громадныхъ пожарахъ и обществѣ зажигателей, приведшихъ столицу въ ужасъ около того же времени. Приказано было отыскать во что бы то ни стало виновныхъ, ихъ и отыскали по базарамъ и кабакамъ, тотчасъ же кнутовали, заклеймили и въ каторгу сослали, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ напали на настоящую шайку зажигателей, съ которою сдѣлали то же самое, и тѣмъ все покончили. Сатинъ разсказывалъ, что, лежа на Съѣзжей въ тифѣ, онъ слышалъ, какъ Цинскій, оберъ-полицеймейстеръ, каждую ночь пріѣзжалъ на Съѣзжую и допрашивалъ за перегородкой подозрѣваемыхъ въ поджогахъ особеннымъ маперомъ...

Въ Пензѣ Огаревъ потерялъ отца, сдѣлался обладателемъ перваго имѣнія въ Россіи, села Бѣлоомута на Окѣ, и женился на племянницѣ губернатора Панчулидзева, бѣдной дѣвушкѣ, развращенной и распутной по натурѣ. Таково было вступленіе Огарева въ свѣтъ.

Ко времени пребыванія въ Пензѣ относятся и первыя мысли Огарева объ освобожденіи знаменитаго села, доставшагося ему въ наслѣдство. Бѣлоомутъ имѣлъ четыре церкви, рыбныя ловли на Окѣ, неизмѣримые поемные луга и 10.000 десятинъ строеваго лѣса: нѣчто колоссальное, какъ частное имѣніе. Старый баринъ, предоставившій все это во владѣніе крестьянъ за извѣстный и очень снисходительный

оброкъ, не хотѣлъ и слышать о выпускѣ кого-нибудь изъ своихъ благоденствовавшихъ крѣпостныхъ на волю, хотя почти на канунѣ его смерти одно семейство предлагало ему, говорятъ, только за себя 100.000 р. асс. Крестьяне большею частію состояли въ управителяхъ при откупахъ, и только крѣпостное право мѣшало имъ сдѣлаться самимъ откупщиками. Вотъ почему и къ молодому Огареву тотчасъ же явились три домохозяина съ предложеніемъ за себя 250.000 руб. асс. И молодой Огаревъ отказалъ, но на другихъ основаніяхъ, чѣмъ старый. Онъ требовалъ, чтобы всѣ выкупились, а богачи-магнаты участвовали въ общей покупной цѣнѣ. Между тѣмъ все хозяйство Бѣлоомута было мужицко-олигархическое, съ обманнымъ видомъ самоуправленія. Такъ, обыватели ввели у себя нѣчто въ родѣ прогрессивнаго налога на доходы: всѣ казенныя и барскія повинности разложены были на богачей, которые платили по 100 р., по 50 р., по 150 р., смотря по состоянію, а бѣдные ничего не платили за свои угодья, или платили очень мало. Молодой помѣщикъ не досмотрѣлъ только, что бѣдные именно вслѣдствіе этого распредѣленія налоговъ находились въ полной зависимости отъ крупныхъ плательщиковъ, привыкли имъ служить и считать ихъ прирожденными своими господами и довольствоваться тѣмъ, что̀ послѣ нихъ остается или что̀ они дадутъ. Когда состоялся крестьянскій выкупъ за ничтожную сумму 500.000 руб. асс. (дѣло шло о три раза милліонномъ имуществѣ), то разница между тѣми, которые внесли свою долю, и тѣми, которые никакой доли не вносили, оказалась еще рѣзче и отдала послѣднихъ въ руки могущественныхъ кулаковъ, сдѣлавшихся безграничными хозяевами громаднаго имѣнія. Вотъ почему побочный братъ Огарева, рожденный отъ крестьянки, никогда не могъ помириться со своимъ вельможнымъ родственникомъ, не смотря на всѣ благодѣянія послѣдняго, и ненавидѣлъ его. «Зачѣмъ барченокъ этотъ», размышлялъ онъ, — «не взялъ съ богачей два, три, пять милліоновъ за свободу, которой они только и добивались, и не предоставилъ потомъ даромъ всему люду земли и угодья, освобожденныя отъ піявокъ и

эксплуататоровъ?» Какъ бы то ни было, но 500 тысячъ рублей скоро вышли изъ рукъ Огарева, большинство крестьянъ не освободилось, а тутъ еще вмѣшалось министерство имуществъ и отобрало, подъ предлогомъ государственной пользы, нѣкоторыя оброчныя статьи въ свое вѣдѣніе, переименовавъ и самыхъ крестьянъ въ государственные. Словомъ, вся операція закончилась абсурдомъ, и эманципація 1861 года, которой, по видимому, нечего было и дѣлать въ Бѣлоомутѣ, принесла и Бѣлоомуту свою долю освобожденія. Нынѣшній директоръ межеваго департамента, извѣстный Ржевскій, занимавшійся разграниченіемъ земель между «имуществами» и собственниками знаменитаго села, указывая послѣднимъ на то безмѣрное богатство, которое пріобрѣли они за безцѣнокъ, и которымъ они еще пользуются, не смотря на отрѣзки, прибавилъ: «А вотъ помѣщикъ, подарившій вамъ всю эту благодать,—теперь нищій, безъ куска хлѣба. Что бы вамъ собрать тысячъ 100 и послать ему». «Надо бы, надо бы», отвѣчали задумчиво богачи, да такъ ничего и не надумали.

Послѣ всего этого началась для Огарева долгая жизнь празднествъ, мечтаній, толковъ, всего обычнаго времепрепровожденія русскихъ той эпохи, въ Москвѣ и за границей. Онъ скоро разошелся съ женой, у которой большой городъ, куда она попадала, и шумный говоръ либеральной молодежи развили прежде всего сластолюбіе и животныя страсти. Огаревъ предоставилъ ей часть доходовъ съ единственнаго оставшагося у него еще имѣнія въ 500 душъ (Пензенской губерніи) и обѣщалъ даже, на первыхъ порахъ, составить ей капиталъ по продажѣ имѣнія. Когда, около 1848 года, конечное разореніе Огарева и запутанность всѣхъ его дѣлъ остановили правильную выдачу пенсіона, котораго никогда не было и достаточно для ненасытныхъ апетитовъ почтенной дамы, то она впала въ нищету посреди такъ знакомаго и такъ любимаго ею Парижа. Тогда пріятельница ея и почти ея двойникъ по вкусамъ и характеру NN. внушила ей мысль, что она имѣетъ право на имѣніе Огарева, и заставила ее формальнымъ актомъ передать себѣ всѣ эти права,

а сама снадбила бѣднаго еще поэта Некрасова довѣренностію на веденіе всего дѣла, и онъ горячо принялся за него, обольщенный мыслію сдѣлаться довольно крупнымъ землевладѣльцемъ или, по крайней мѣрѣ, порядочнымъ капиталистомъ по милости одной только счастливой аферы. Приманка была слишкомъ сильна, и благодаря ей, Некрасовъ очутился въ распрѣ и въ неблаговидномъ столкновеніи съ друзьями Огарева, возмущенными всею этою затѣей. Когда, въ 1849 году, при содѣйствіи Грановскаго, Н. А. Тучкова и другихъ, предпринята была ликвидація дѣлъ Огарева и уплата его долговъ, спорное имѣніе отошло къ Н. М. Сатину, взявшему на себя и уплату всѣхъ обязательствъ, на немъ лежавшихъ. Некрасовъ выказалъ много печальной изворотливости, настойчивости и изобрѣтательности, чтобы добиться своей цѣли — дароваго захвата имѣнія, и разъ сказалъ въ глаза Грановскому: «Вы пріобрѣли такую репутацію честности, что можете безвредно для себя сдѣлать три, четыре подлости». Не смотря однакожь на все развитіе адвокатскаго таланта у Некрасова, дѣло не имѣло за себя не только легальнаго основанія, но и приличнаго повода, а потому и сорвалось, окончательно замаравъ доброе имя поэта и, вѣроятно, наполнивъ его душу угрызеніями совѣсти. Г-жѣ Огаревой былъ выданъ капиталъ по размѣру средствъ, оставшихся у мужа ея послѣ ликвидаціи.

Все это происходило уже послѣ 1846 года и кончилось въ 1852, когда Огаревъ оставилъ за собою только бумажную фабрику въ Пензенской губерніи, надѣясь одною ею возвратить себѣ все утерянное и прожитое. Фабрика сгорѣла въ 1855 году, чѣмъ и спасла заводчика отъ новыхъ долговъ, уже переростaвшихъ все ея производство. До тѣхъ же поръ, то-есть, до эпохи его возвращенія изъ-за границы въ 1846 году и начала подвода итоговъ жизни, о которомъ говоримъ, Огаревъ принадлежалъ друзьямъ въ Москвѣ, Герцену и его кругу, семейству Тучковыхъ въ Пензѣ, глава котораго, Николай Алексѣевичъ Тучковъ, и управлялъ его имѣніемъ въ отсутствіе его, наконецъ — поэзіи, философіи, ежедневной тратѣ кошелька, въ которомъ всѣ черпали, какъ въ своемъ,

и здоровья, котораго тоже не берегли мимолетныя связи, имъ устраиваемыя, и думалъ, что истощить обоихъ не предстоитъ опасности и въ самомъ дальнемъ будущемъ.

Между тѣмъ, посреди всего этого угара, всѣхъ этихъ излишествъ, легкомысленнаго поведенія и болѣе чѣмъ празднаго, гибельнаго образа жизни онъ стоялъ, по признанію всѣхъ современниковъ его, въ удивительномъ свѣтѣ и распространялъ вокругъ себя обаяніе, отъ котораго никакой порядочный человѣкъ защититься не могъ. Что̀ бы онъ ни творилъ, что̀ бы съ нимъ ни творили, гдѣ бы онъ ни очутился, и въ какомъ бы омутѣ не открывали его подъ-часъ,— чистота характера, благородство мысли, особенный свободный и гуманный взглядъ на міръ, даже и на любой позорный міръ, дѣлали его человѣкомъ, котораго ничѣмъ замарать нельзя, ничѣмъ унизить, развратить или испортить: онъ былъ все тотъ же смѣлый (по мысли) Огаревъ, все тотъ же кроткій, спокойный и благожелательный Огаревъ. Никогда не становился онъ порочeнъ, распутенъ, возмутителенъ— отдаваясь сполна тѣмъ элементамъ, которые обыкновенно приводятъ къ такимъ результатамъ. Натура романтика и истиннаго поэта составляла броню для его души, и пробить ее не въ силахъ были никакіе дѣйствія, увлеченія, капризы и безумства. Замѣчательно, что онъ производилъ на самые низменные по развитію слои общества точно то же впечатлѣніе, какъ и на самые высшіе и далеко ушедшіе въ культурѣ. Сосредоточенный, молчаливый, неспособный особенно къ продолжительному ораторству, онъ говорилъ мало, неловко, спутанно, болѣе афористически, чѣмъ съ діалектическою послѣдовательностію, но за словомъ его свѣтилась всегда или великодушная идея, или мѣткая догадка, или неожиданная правда, а это понимали хорошо, какъ умные, такъ и неумные люди. Отсюда и безграничныя симпатіи, которыя его окружали въ такомъ обиліи всю жизнь.

Между прочимъ, онъ имѣлъ неоспоримое и очень сильное вліяніе на Герцена. Тайна его вліянія на людей объясняется еще и другими причинами и условіями, кромѣ упомянутыхъ выше. Огаревъ не былъ въ сущности натурой

дѣятельною, человѣкомъ откровенной публичной борьбы, а когда сдѣлался имъ по нуждѣ, въ эпоху своей эмиграціи, то спутался и утерялъ родовыя черты своей физіономіи, не замѣнивъ ихъ другими, лучшими, но это былъ характеръ по преимуществу созерцательный и идеальнаго настроенія. Созерцательность и идеализмъ его питались однакожъ совсѣмъ не мечтами и абстракціями: онъ доходилъ съ помощію ихъ до такой свободы представленія жизни, до такого радикально-свободнаго пониманія ея условій, требованій и ея порядковъ, до такого отрицанія основъ и положеній, считающихся необходимыми для существованія общества и поддержанія цивилизаціи, что изумлялъ самыхъ отважныхъ политическихъ и соціальныхъ критиковъ своего времени. Въ этомъ двойномъ качествѣ—романтика, сердечнаго, теплаго, задушевнаго человѣка и зоркаго безпощаднаго разцѣнщика явленій нравственныхъ и историческихъ—онъ обладалъ силой поражать воображеніе окружающихъ и привязывать ихъ къ себѣ даже и тогда, когда они съ нимъ боролись. Апогеемъ его вліянія на свой кружокъ должно считать періодъ, когда онъ явился изъ-за границы въ 1846 году въ Москву и вплоть до того дня (въ 1856 году), когда навсегда покинулъ Россію, то-есть, около десяти лѣтъ. Въ этотъ періодъ въ семействѣ Герцена и въ семействѣ Тучковыхъ, жившихъ постоянно въ пензенскомъ имѣніи своемъ, куда Огаревъ часто являлся, создалось нѣчто въ родѣ культа огаревскаго, о которомъ само божество и не догадывалось, продолжая жить по влеченьямъ своей природы и вызывая подъ-часъ негодованіе у своихъ поклонниковъ.

Въ тотъ же періодъ, именно въ пятидесятыхъ годахъ, произошло и послѣднее столкновеніе Огарева съ правительствомъ. Поводомъ къ нему былъ доносъ изъ Пензы, обвинявшій Огарева не только въ либерализмѣ, но и въ прямомъ примѣненіи комунистическихъ и фаланстерныхъ началъ въ семействѣ Тучковыхъ, при чемъ указано было въ доказательство на свободную любовную связь Огарева... и на общность имѣній, ими устроенную. Къ дѣлу примѣшали еще и невиннаго помѣщика И. В. Селиванова, будто бы сочув-

ствовавшаго идеямъ этой небывалой комуны, и Сатина, будто бы имѣвшаго въ ней тоже свою роль, и всѣхъ ихъ, вмѣстѣ съ старикомъ Тучковымъ и Огаревымъ, вытребовали въ Петербургъ для объясненій. Нелѣпость обвиненія была слишкомъ очевидна, а потому ихъ скоро и выпустили, но преступный либерализмъ, хотя и не проявившійся въ дѣйствіи, все-таки требовалъ наставленія, которое они получили. Отпуская ихъ, шефъ жандармовъ графъ Орловъ замѣтилъ покорный видъ Селиванова, между тѣмъ какъ его сотоварищи держали себя очень смѣло и гордо, особенно аристократическій Тучковъ, имѣвшій связи, и прибавилъ къ наставленію: «Вотъ вы, господинъ Селивановъ, еще ни разу не подняли глазъ на меня: я заключаю изъ этого, что у васъ совѣсть не чиста». Плохой былъ угадчикъ и психологъ графъ Орловъ!

Послѣдній эмиграціонный отдѣлъ жизни Огарева извѣстенъ и свѣжъ въ воспоминаніяхъ современниковъ. Передъ отъѣздомъ изъ Россіи Огаревъ женился на Н. А. Тучковой, такъ какъ первая и пресловутая его супруга скончалась въ Парижѣ. Свадьба происходила по всѣмъ обрядамъ въ церкви Артиллерійскаго собора въ Петербургѣ и удовлетворила семейство Тучковыхъ...

Какъ мало былъ способенъ Огаревъ на дѣятельную революціонную пропаганду, свидѣтельствуетъ журналъ «Вѣче», который онъ сталъ издавать въ Лондонѣ. Подъ предлогомъ возбужденія старообрядцевъ нашихъ къ отпору притѣсняющимъ ихъ властямъ, онъ притворился ихъ соумышленникомъ, правовѣрующимъ и защитникомъ ихъ догматовъ и представилъ такимъ образомъ изъ листка своего образецъ лицемѣрія и придуманной фальши, которыми возбудилъ негодованіе и тѣхъ, кого защищалъ. Но въ частной жизни онъ былъ все тотъ же романтическій, тихій и мечтательный поэтъ, съ примѣсью нивелирующаго взгляда на организацію обществъ, на ихъ философію, вѣрованія и идеалы. Онъ по прежнему нисколько не боялся послѣднихъ мѣръ, послѣднихъ шаговъ въ принятомъ направленіи, и не потому, какъ это у многихъ случалось, что ему нечего было терять на свѣтѣ, а потому, что они казались ему совершенно есте-

ственны, какъ выводъ изъ данной темы. Бо̀льшая часть ошибочныхъ, несвоевременныхъ декретовъ Герцена, за которые онъ поплатился популярностію на родинѣ, состоялась подъ вліяніемъ Огарева, ему обязана происхожденіемъ. Герценъ не лишенъ былъ чувства осторожности, способности къ разсчету и практическому соображенію нуждъ и пользъ текущей минуты, чего совсѣмъ не зналъ его другъ, жившій въ уединенной области радикальнаго мышленія. Такъ, между прочимъ, по настоянію Огарева, капиталъ, оставленный друзьямъ какимъ-то проѣзжимъ на дѣло революціи въ Россіи, былъ выданъ сполна Бакунину и Нечаеву, чему Герценъ долго сопротивлялся, не вѣря въ достоинство и практичность плана, ими составленнаго. Извѣстно, что̀ это былъ за планъ, и куда ушелъ выданный капиталъ. Вопросъ объ успѣхѣ или неуспѣхѣ предпріятія, о серьезности или взбалмошности его, о моральныхъ его свойствахъ не составлялъ существеннаго дѣла въ глазахъ Огарева; если стеченіе обстоятельствъ ставило на очередь какую-либо новую, хотя бы и безумную, попытку, попытка эта имѣла право на ходъ, на помощь и на жертвы... Часто бывали слезы на глазахъ и въ стихахъ его, но онъ никогда не плакалъ, такъ сказать, мозгомъ и головой.

Въ послѣдніе, предсмертные годы свои онъ сошелся съ какою-то шотландкой, г-жей Сусерландъ (Southerland), старою вдовой, уже имѣвшею сына (теперь гувернера въ какомъ-то русскомъ семействѣ въ Варшавѣ), которая полюбила его и сдѣлалась его нянькой, любовницей и сестрой милосердія. На ея рукахъ онъ и умеръ въ Гриничѣ отъ слѣдствій паденія въ припадкѣ падучей болѣзни, которою съ дѣтства страдалъ, и перелома спинной кости. За два года до того онъ уже былъ дряхлый старикъ, съ медленною рѣчью, мерцающими воспоминаніями въ головѣ и все-таки спокойный и равнодушный къ лишеніямъ, какія теперь для него наступили. Онъ не о чемъ не сожалѣлъ, ни въ чемъ не раскаявался и скудно жилъ пенсіей, которую производила ему фамилія Герценъ, да временными пособіями отъ сестры. Онъ добродушно подсмѣивался только надъ своею негод-

ностію къ чему бы то ни было и надъ формой, какую принялъ конецъ его жизни.

Многое въ этомъ разсказѣ подлежитъ повѣркѣ относительно подробностей, и особенно хронологической цѣпи событій, такъ какъ онъ есть воспроизведеніе того, что̀ было слышно, что̀ говорилось въ оно время, чему вѣрили, какъ несомнѣнному факту, но что̀ при дѣльномъ, тщательномъ пересмотрѣ можетъ еще подлежать поправленію, измѣненію и дополненію. За одно только можно, кажется мнѣ, ручаться въ этомъ разсказѣ, именно за вѣрность основнаго тона и сужденія о жизни и характерѣ умершаго поэта.

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

(1840—1843).

I.

Гамбургъ. 12-го ноября 1840 года.

Въ три часа ночи снялись мы съ якоря, отъѣхали восемь верстъ или нѣмецкую милю и остановились; насъ захватилъ туманъ и прикрылъ словно матовымъ, стеклянным колпакомъ. Цѣлое воскресенье простояли мы на якорѣ; кругомъ какая-то бѣлесоватая мгла, и точно зашили насъ въ мѣшокъ и кинули въ море, какъ невѣрную ханымъ. Мы начинали приходить уже въ отчаяніе и, какъ матросы Христофора Коломба, въ безумномъ ропотѣ, хотѣли посягнуть на особу капитана Босса, который въ огромныхъ медвѣжьихъ сапогахъ, съ сигаркой во рту, стоялъ почти весь день у компаса, какъ вдругъ въ понедѣльникъ, часа въ два утра, пріятное колыханіе въ моемъ гробикѣ возвѣстило мнѣ, что мы тронулись. Я выбѣжалъ на палубу: море было тихо, да ненадолго. Со вторника на среду въ ночь вѣтеръ началъ крѣпчать, крѣпчать, пароходъ заскрипѣлъ, сталъ качаться изъ стороны въ сторону, а съ нимъ вмѣстѣ и мой мозгъ, и вся моя внутренность. Почти на корточкахъ притащился къ трубѣ; тамъ уже лежалъ Катковъ, и мы, упираясь головами, пролежали такъ до глубокой ночи, не говоря, не думая, а слѣдовательно, и не кушая... Гнусное положеніе! А между

тѣмъ пароходъ то подымался, то уходилъ въ волны: нѣсколько разъ бѣлоголовая волна, какъ тѣнь Сумбеки (въ балетѣ того же имени), выростала передъ нами и, опрокидываясь, обливала пѣной палубу и насъ: однакожъ, чистоплотный капитанъ Боссъ на этотъ случай поставилъ матроса съ метлою и велѣлъ сгонять безъ пощады всякую потаскушку такого рода. Наконецъ, въ четвергъ прояснилось, утихло, успокоилось, и въ 8 часовъ мы прибыли въ Травемюнде.

Прежде, чѣмъ стану описывать впечатлѣніе, произведенное на меня первымъ мѣстечкомъ Германіи, скажу, что въ ночь съ середы на четвергъ я очнулся по случаю уменьшившейся качки осмотрѣлся кругомъ и вдали увидѣлъ яркую, огненную точку. Самымъ скверпымъ нѣмецкимъ языкомъ, какой только можетъ существовать, спросилъ я у матроса: «Что это за маякъ?» «Es ist», отвѣчалъ онъ мнѣ, — «шведскій островъ Борнгольмъ». Не повѣрите, какъ живо представилась мнѣ комната, въ которой читалъ я сидя за столомъ, измараннымъ чернилами и изрѣзаннымъ перочинными ножичками, длинную книгу подъ заглавіемъ «Сочиненія Карамзина». Я тутъ все вспомнилъ, до послѣдней подробности: и дѣвушку, и страдальца, и стихи, и фразу: «Я стоялъ на палубѣ, прислонясь къ мачтѣ; слеза катилась по щекѣ—вѣтеръ снесъ ее въ море», и все, все... Мнѣ еще кажется до сихъ поръ обманомъ со стороны географіи и исторіи, утверждающихъ, будто Борнгольмъ принадлежитъ какой-то другой сторонѣ, а не Россіи. Ну, да это въ сторону!.. Травемюнде! Травемюнде! Захвативъ чемоданы, бросились мы на берегъ. Я смотрѣлъ, вытращивъ глаза, на эти домики, прижавшіеся другъ къ другу такъ плотно, какъ стадо оленей въ Сибири, захваченное сорокаградуснымъ морозомъ, и вытянувшіеся, какъ піявка, изъ которой выжимаютъ кровь. Не смотря на глухую ночь и позднее время, мы пошли осматривать мѣстечко въ сопровожденіи одного нѣмца и одного француза, нашихъ товарищей по пароходу. Въ 12 часовъ были мы уже на ночлегѣ въ Hôtel de Russie, но заснули только въ 2, болтая обо всѣхъ васъ. Въ 7 часовъ утра стоялъ уже у крыльца штульвагенъ съ почтальономъ въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, съ красными

и бѣлыми снурками по синему мундиру и рожкомъ. Мы сѣли и покатились въ Любекъ. Тутъ проѣхали мы мимо часоваго изъ милиціи... Что за пышная фигура! Я по глазамъ и по всему выраженію лица узналъ тотчасъ, что онъ отецъ многочисленнаго семейства и еще три четверти ночи провелъ въ объятіяхъ доброй своей женушки, подъ двумя пуховиками. Вообразите маленькое существо съ кривыми ногами, которыя такъ не привыкли къ узкимъ панталонамъ, что непремѣнно должны ныть и тосковать; маленькій, сплюснутый киверъ на огромной тевтонской головѣ и страшное ружье, на которое онъ посматривалъ съ недовѣрчивостію... За часовымъ открылись намъ поля, раздѣленныя кустарникомъ на многочисленные участки; рѣка Траве, которая нѣсколько времени бѣжала за нами, но потомъ, вѣроятно, наскучивъ нашими веселыми лицами, поворотила и скрылась куда-то; крестьянки въ фартучкахъ, въ соломенныхъ шляпкахъ и съ коромыслами на плечахъ; краснощекіе граждане въ огромныхъ телегахъ, заваленныхъ мѣшками съ хлѣбомъ; фермы и деревни по всѣмъ сторонамъ, и всюду на улицахъ, землѣ, строеніяхъ, камняхъ, людяхъ выраженіе благосостоянія и довольства, которыя въ единый моментъ пояснили мнѣ «Германа и Доротею» Гете и дѣйствительность этого поэтическаго произведенія. Такъ въѣхали мы въ Любекъ.

Любекъ поразилъ и очаровалъ насъ. Мы переѣхали не только Балтійское море, но переѣхали прямо въ Европу среднихъ вѣковъ. За исключеніемъ стѣнъ, разрушенныхъ Наполеономъ, городъ остался такимъ, какъ засталъ его Лютеръ. Поразительны эти узкія улицы, эти огромные дома, страдающіе чахоткой, дома въ семь и восемь этажей, съ готическими фасадами, выступами, балконами, завитками, и все такъ тѣсно, такъ сжато, что скрываетъ свѣтъ Божій, и кажется, идешь не по улицѣ, а по ущелью, образовавшемуся отъ раздвоенія огромной скалы. Мы остановились въ Штатъ-Гамбургѣ для того только, чтобъ съѣсть дюжину-другую устрицъ, и тотчасъ же отправились въ каѳедральную церковь Домъ-Кирхе. Здѣсь видѣли мы перлъ Любека, которымъ онъ гордится и кокетничаетъ передъ путешественниками. Это

картина Іоанна Гемлинга, одного изъ учениковъ Дюрера, изображающая на трехъ раскрывающихся доскахъ «Несеніе Креста», «Смерть Спасителя» и «Вознесеніе». О, какое важное дѣло было искусство для этихъ благочестивыхъ мастеровъ среднихъ вѣковъ! Трудно себѣ вообразить, до какихъ мелочныхъ подробностей доходили они, какъ вникали они въ самомалѣйшую часть цѣлаго, и какъ съ равнымъ тщаніемъ и съ равною любовью отдѣлывали послѣднюю шашечку креста на башнѣ церкви и главный алтарь ея. Вотъ и Гемлингъ на образѣ святого выработываетъ каждую кисточку его ризы, каждый алмазикъ и украшеньице, всякій волосокъ въ бородѣ Каіафы, рѣжетъ глаза своею оконченностію, и наконецъ, труженикъ-живописецъ доходитъ до того, что группу кидающихъ жребій объ одеждѣ Христа отражаетъ цѣликомъ въ латахъ близъ стоящаго воина. Еще болѣе подтверждается эта мысль о важности священнаго искусства въ тѣ времена необыкновенною религіозностью самихъ изображеній. Тутъ всѣ плачутъ: женщины, ломающія руки у подножія креста, поразительно страдаютъ; сами исполнители казни взираютъ на Божественнаго Страдальца съ соболѣзнованіемъ, и Каіафа даже задумчивъ и печаленъ! Въ довершеніе всего, на картинѣ «Несеніе Креста» самъ художникъ въ своемъ національномъ костюмѣ изобразилъ себя. Чудо, какая картина! Мы едва оторвались отъ нея. И вотъ Овербекъ, проживающій, какъ говорятъ, теперь въ Римѣ, хотѣлъ забыть всѣ успѣхи живописи, обратиться къ этой мозаичности, такъ сказать, объявить себя не знающимъ перспективы, лишь бы произвесть столь же простое, теплое, поразительное. Надобно было необычайное усиліе, чтобъ сдѣлаться младенцемъ въ душѣ, и дѣйствительно, онъ употребилъ пятнадцать лѣтъ, чтобъ произвести картину «Вшествіе Христа въ Іерусалимъ», которая стоитъ въ другой церкви Любека, Маріенъ-Кирхе, и считается вторымъ перломъ города. Выраженіе лица Спасителя удивительно: такое спокойствіе, такая глубокая дума и такая скорбь! Разнообразіе ощущеній на лицахъ, составляющихъ толпу, поразительно. Въ любекскихъ церквахъ меня еще поразило соединеніе самыхъ строгихъ предметовъ съ самымъ

безграничнымъ, свободнымъ юморомъ; объ этомъ я слыхалъ,—теперь увидѣлъ своими глазами.

Наконецъ, отправились мы въ ратгаузъ и въ большой залѣ видѣли покойныя софы для членовъ магистрата, и у каждой софы по чистой плевальницѣ. По стѣнамъ развѣшены десять аллегорическихъ картинъ, вѣроятно, придуманныхъ самимъ магистратомъ, ибо еще ни одинъ земнорожденный, какъ отдѣльное лицо, не могъ бы снесть на плечахъ такой огромной ноши поэзіи и воображенія. Тутъ ключи изображаютъ молчаніе, дѣти—скромность, зеркала—осмотрительность, женщины—твердость духа, мужчины—цѣломудріе, собаки—коварство, и проч. и проч. Вечеромъ пошли мы гулять съ Катковымъ кругомъ города по валу—прежде бывшимъ укрѣпленіямъ, обратившимся въ сады; видѣли бѣдный памятникъ мяснику Пралю, разстрѣлянному въ 1813 году за смѣлыя слова, «für ein kühnes Wort», какъ сказалъ намъ мимо проходившій бѣднякъ нѣмецъ. Во время пребыванія французовъ онъ обмолвился замѣчаніемъ, что не худо бы «выгнать французовъ», и былъ безъ суда разстрѣлянъ.

Луна ярко горѣла на небѣ (когда вошли мы въ городъ Holsten-Thor), освѣщая огромныя башни этихъ воротъ, соединенныя переходами (единственный остатокъ прежде бывшихъ стѣнъ), и отражаясь въ Траве, бѣгущей въ этомъ мѣстѣ между рядомъ спершихся домовъ, изъ коихъ многіе уже наклонились, а многіе стоятъ съ пустыми стеклами—они, слышавшіе звучаніе рыцарскихъ шпоръ, звонъ палаша по каменному полу и крики чудныхъ оргій. Ужь мы мечтали, мечтали съ Катковымъ, стоя на мосту, откуда виднѣлись и позолоченная мѣсяцемъ рѣка, и посеребренныя окна Holsten-Thor... На другой день, рано утромъ, сѣли мы въ колясочку и отправились въ Гамбургъ, бесѣдуя съ любовью о старомъ Любекѣ, который пользуется, какъ въ Германіи, такъ и въ Россіи, репутаціей самаго скучнаго города весьма неосновательно.

Вотъ дорога такъ ужь скучна, нечего сказать: черезъ каждую милю кучеръ въѣзжалъ на постоялый дворъ, покрывалъ попоной лошадей и давалъ имъ по клочку сѣна; потомъ

отворялъ дверцы колясочки и говорилъ самымъ спокойнымъ голосомъ: «Погуляйте, покуда лошади перекусятъ». Шестьдесятъ верстъ ѣхали мы ровно 12 часовъ. У воротъ Гамбурга Stein-Thor подошелъ къ намъ чиновникъ и, вынимая учтиво часы изъ боковаго кармана, поднесъ ихъ къ самымъ гла-замъ нашимъ. Я хотѣлъ поблагодарить его за такое вниманіе, какъ, отнявъ часы, онъ подставилъ чашку и повелительнымъ голосомъ произнесъ: «Шесть шиллинговъ». У другихъ воротъ та же исторія. Это, изволите видѣть, маленькій штрафъ за позднее вступленіе въ городъ: старый обычай! Но странно, что большая часть старыхъ обычаевъ уже истреблена, а для этого стараго обычая правительство поставило даже двѣ прекрасныя колонныя будочки.

Гамбургъ! До тѣхъ поръ, пока не наскучитъ путешествіе, я буду ставить предъ каждымъ городомъ восклицательные знаки. Итакъ — Гамбургъ! Что это за чудесный Альстеръ, два раза разлившійся озеромъ и, какъ поясомъ съ бриліантовою пряжкой, сжатый аллеями вала и мостомъ, связывающимъ ихъ! Что за чудесная Эльба, усѣянная пароходами и судами, когда смотришь на нее сверху изъ павильона! Городъ также тѣсенъ и узокъ, какъ Любекъ, но торговля, богатство совлекли уже съ него нѣсколько строгій, готическій видъ, и старые суровые дома изукрасились огромными зеркальными стеклами и великолѣпными магазинами. Не знаю, по той же ли причинѣ, или самая реакція противъ католицизма была здѣсь сильнѣе, или время и французы 1813 года грабили здѣсь дружнѣе,—только главныя церкви не сохранили въ себѣ отъ давно прошедшаго ничего, кромѣ наружнаго вида. Въ одной только Petri-Kirche съ чудеснымъ остроконечнымъ шпилемъ отвели мы душу портретами толстощекаго Лютера и холерика Меланхтона, да картиною Франка. Лучшая церковь, это, безъ сомнѣнія, Michaelis-Kirche, во вкусѣ Возрожденія. Мы залюбовались гармоніей во всѣхъ частяхъ и украшеніяхъ ея, вошли на самую вершину стройной башни, и весь Гамбургъ съ сосѣдкою своею Альтоной, городомъ, уже принадлежащимъ Даніи, представился намъ въ полной красѣ съ остроконеч-

ными черепичными кровлями, какъ толпа бояръ русскихъ въ стародавнихъ шапкахъ. Въ Гамбургѣ есть еще другой Гамбургъ: это задняя сторона улицъ, омываемая каналами у самой подошвы домовъ, куда стекаетъ нечистота и гдѣ на безчисленныхъ переходцахъ, балкончикахъ и выступцахъ развѣшано бѣлье сенаторовъ и пр. Кто не бывалъ въ Гамбургѣ, тотъ не можетъ понять, что̀ значитъ переулокъ, закоулокъ, нора, чердачекъ, дырочка. И вездѣ живутъ, и все это днемъ ходитъ, торгуетъ, проситъ милостыни, играетъ на улицѣ изъ Вебера и Моцарта и пропадаетъ ночью,—за то нельзя и представить себѣ, какое оглушительное движеніе, какая жизнь и суета днемъ.

Вчера были мы въ Stadt-театрѣ, лучшемъ изъ трехъ театровъ города. Концертъ давалъ знаменитый Листъ. Магистратъ повѣстилъ ему, что онъ не позволитъ ему положить ни одного лишняго шиллинга на мѣста противъ обыкновенной цѣны, а обыкновенныя цѣны слѣдующія: нумерованныя скамьи—2 марки 4 шиллинга (около трехъ рублей ассигн.), а партеръ—1 марка 12 шил. (два рубля съ небольшимъ). И согласился Листъ. Вотъ въ восемь часовъ вся небогатая зала театра наполнилась черными шляпами, подъ которыми находились музыкальныя головы нѣмцевъ. Сперва посидѣли тихо, какъ прилично воспитаннымъ людямъ, потомъ стали шушукать, потомъ стучать, наконецъ со всѣхъ сторонъ послышались крики: «Начинайте, начинайте!» Нѣсколько благоразумныхъ особъ хотѣли успокоить это нетерпѣніе шиканьемъ, въ которомъ ясно слышался упрекъ; противная сторона обидѣлась; начался шумъ. Вдругъ кто-то свиснулъ, и вся эта толпа вдругъ почувствовала неприличіе поступка и всеобщимъ шиканьемъ и криками «heraus» наказала шалуна. Наконецъ, поднялся занавѣсъ; всѣ скинули шляпы; сыгралась увертюра изъ «Эгмонта» Бетховена, и вотъ вышелъ небольшаго роста блѣдный молодой человѣкъ, съ длинными волосами. Публика захлопала, музыканты троекратно проиграли тушъ; онъ поклонился публикѣ и музыкантамъ и сѣлъ за фортепіано. Гуммеля концертъ исполнилъ онъ геніально; игра его невыразима; это соединеніе Тальберга

съ Фильдомъ, удивительнаго механизма съ самымъ страстнымъ выраженіемъ и самою увлекательною граціей. Потомъ сталъ онъ выбирать для импровизаціи темы, положенныя заранѣе въ урну, стоявшую въ залѣ: публика потребовала темъ изъ «Нормы», «Фигаро» Моцарта и «Лукреціи», и онъ игралъ, игралъ... Ему кричали, ревѣли,—онъ все игралъ и кончилъ страшнымъ, громовымъ чѣмъ-то, произведшимъ необыкновенный эффектъ.

Я вамъ не говорилъ о биржѣ, куда стекаются тысячи каждый день въ часъ, и Börsen-Halle, ллойдовой кофейнѣ Гамбурга. Тутъ всѣ газеты Европы, тутъ получаются всѣ книги, чѣмъ-нибудь пріобрѣвшія извѣстность, тутъ тотчасъ выставляется на черной доскѣ всякая новость, случившаяся въ какомъ-нибудь уголку Европы и по чему-либо примѣчательная. Я купилъ Гейне, который такъ расхватывается, что восемь частей его стоятъ уже семь червонцевъ. Когда я говорю объ этомъ съ кѣмъ-нибудь изъ платдейчеровъ, такъ онъ на меня всегда такъ смотритъ, какъ будто у него изо рту выскочила ящерица, и по глазамъ его вижу, что онъ разсчитываетъ, сколько въ этихъ деньгахъ стакановъ пива, билетовъ на представленіе «Фрелиха», обѣдовъ съ пуддингомъ и проч. Въ Гамбургѣ все чрезвычайно дешево: сюртучная пара съ жилетомъ, очень хорошая, 90 рублей, а за 120—превосходная. А у насъ въ Петербургѣ!..

Наконецъ, въ субботу 14-го ноября, а по вашему 2-го, выѣзжаемъ въ дилижансѣ въ Берлинъ, гдѣ и ждемъ вашихъ писемъ.

II.

Берлинъ. 10-го января 1841 года.

Съ первымъ дыханіемъ весны я буду въ Италіи. Я счастливъ, друзья! Въ Берлинѣ Катковъ хотѣлъ было засадить меня за книгу, да я вырвался и прямо побѣжалъ въ погребъ, гдѣ пьянствовалъ Гофманъ. Тамъ, подъ картиною, изображающею Гофмана въ ту минуту, какъ, устремивъ масляные глаза на Девріента, вынимаетъ онъ часы и напоми-

наетъ знаменитому пьяницѣ-трагику о времени идти въ театръ на работу, а Девріентъ, какъ школьникъ, почесываетъ въ головѣ и высоко поднимаетъ прощальный бокалъ,— тамъ усѣлся я и пилъ іоганнисбергъ. Тутъ я самъ профессоръ, и такой же геніальный по своей части, какъ Вердеръ, Готе и Ранке. Вообрази, что недавно одинъ путешествующій чудакъ (еще изъ ученыхъ!), выслушавъ нѣсколько лекцій въ Берлинѣ, сказалъ: «У меня потъ выступилъ отъ умныхъ вещей, которыя я здѣсь слышалъ» (здѣсь очень много смѣются надъ этимъ восклицаніемъ). Ну, если у ученаго выступилъ потъ, то у меня, профана, должна уже выступить кровь; а потому, сберегая благородную кровь фамиліи Анненковыхъ, я предался площадямъ, погребамъ, картиннымъ галереямъ, дворцамъ, музеумамъ, театрамъ, и т. п. Нѣмецкій языкъ дѣлается, сказать безъ скромности, очень ручнымъ и начинаетъ уже приходить ѣсть ко мнѣ изъ собственныхъ рукъ моихъ. Я почти также знаю по нѣмецки, какъ Фарнгагенъ по русски, потому что у Елагиныхъ видѣлъ я книжку «Отечественныхъ Записокъ», которая была въ рукахъ Фарнгагена, и въ которой онъ читалъ повѣсть Гребенки «Вѣрное лѣкарство»: первыя двѣ страницы порядочно помараны черточками подъ словами, ему незнакомыми. Всѣхъ отчаяннѣе черточекъ были тѣ, что̀ стояли подъ словами мозоль, морщина, стклянка и т. п. И потому я совѣтую Гребенкѣ больше не употреблять этихъ словъ.

Любо мнѣ было видѣть въ Берлинѣ студентскую серенаду. Студенты, восхищенные лекціями профессора, нанимаютъ музыкантовъ, приходятъ подъ окна учителя и послѣ увертюры поютъ пѣсни въ честь науки, университета и преподавателя. Такую серенаду давали при мнѣ профессору археологіи. Старикъ вышелъ на балконъ, всѣ скинули шапки; онъ благодарилъ за честь, примолвилъ, что вдохновеніе слушателей сообщается профессору, и что, можетъ быть, лучшія соображенія преподавателя зависятъ отъ этого взаимнаго энтузіазма. Вообще, университетъ поглощаетъ всю жизнь и всѣ толки лучшихъ головъ Берлина; а для нашей братьи, имѣющей несчастіе носить на плечахъ весьма посредствен-

ныя, существуетъ изрядненькій балетецъ. Гропіусъ за бездѣлицу построитъ вамъ цѣлую кучу фантастическихъ дворцовъ, а г-жа Тальйони (сестра нашей по мужу) пляшетъ посереди водопадовъ, бамбуковыхъ деревьевъ, солнечныхъ лучей и луннаго блеска. Танцы здѣсь состоятъ, по старой методѣ, въ преодолѣніи такихъ трудностей, что индійскій фокусникъ разинулъ бы ротъ отъ удивленія,—да еще въ неистовомъ метаніи ногъ на воздухѣ. Но Богъ съ ними! Скажу вамъ нѣчто лучшее, а именно нѣчто о великомъ актерѣ Германіи Зейдельманѣ. Я видѣлъ его въ роли Полоніуса и въ роли Мефистофеля въ Гётевомъ «Фаустѣ», который—сказать между прочимъ—отъ совершенной бездарности актера, игравшаго самого Фауста, отъ выпуска многихъ сценъ, отъ совлеченія лирическаго характера и отъ частыхъ перемѣнъ декорацій, сдѣлался на сценѣ весьма похожимъ на плохую бульварную парижскую мелодраму. Но Мефистофель!.. О, мнѣ ужасно хотѣлось бы дать вамъ понятіе о Зейдельманѣ въ этой роли. Кажется, у Боткина есть транспарантъ съ изображеніемъ Мефистофеля, по рисунку Ретча: ну, эта наружность Зейдельмана. Не возможно болѣе отдѣлиться отъ собственной личности; притомъ же, онъ еще создалъ какія-то особенныя ухватки, свидѣтельствовавшія о его чертовскомъ происхожденіи: такъ, онъ безпрестанно выправлялся, какъ будто испанская куртка помяла его крылья, ходилъ неровно и большими шагами, какъ будто копытцамъ его неловко въ узкихъ башмакахъ; страшная улыбка, не сходившая съ лица съ начала до конца пьесы, довершала различіе его отъ окружающихъ его людей. Но это только наружная отдѣлка роли; внутренняя еще совершеннѣе. Не смотря на видимую зависимость отъ Фауста, онъ господствовалъ надъ нимъ всею силою своего духа, а когда снизошелъ онъ до волокитства за старою вдовою, иронія была поразительна. Высокій комизмъ этой сцены онъ умѣрялъ страшнымъ вожделѣніемъ, съ какимъ смотрѣлъ и приближался къ Гретхенъ, сочетавая такимъ образомъ глубокое трагическое впечатлѣніе съ комическимъ. Изъ всего этого, вы еще ничего не поймете; но у меня Мефистофель, созданный Зей-

9*

дельманомъ, стоитъ до сихъ поръ за плечами. Говорятъ, что торжество его—«Наѳанъ Мудрый» Лессинга, но я не видалъ его въ этой роли. Что же касается до Полоніуса, который у насъ на сценѣ дурачится, словно желая вознаградить публику за обязательный приходъ ея на такую скучную драму, какъ «Гамлетъ», — то здѣсь дѣло совсѣмъ другого рода. Въ буфонской сценѣ съ королемъ онъ мастерски высказалъ иронію Шекспира на людей, которые мелкимъ умишкомъ своимъ хотятъ пояснить великія явленія, а интриги и пошлости свѣтскія считаютъ колоссальными происшествіями. Все сдѣлалось мнѣ яснымъ въ этомъ человѣкѣ послѣ Зейдельмана, и всѣ неровности, на которыя я прежде натыкался, пропали, какъ будто ихъ никогда и не бывало.

Не буду описывать вамъ столь извѣстныя прямыя и однообразныя улицы Берлина, а также и новѣйшія его зданія въ игрушечномъ родѣ: родъ архитектуры, доведенный здѣсь до совершенства, какъ то видно въ Wewer-Kirche, построенной на манеръ готическій, и въ музеумѣ Шинкеля...

III.

Вѣна. Февраль 1841 года.

Въ Потсдамѣ и Санъ-Суси я посѣтилъ прежнее жилье Фридриха Великаго и нынѣшнее—въ склепѣ гарнизонной церкви. Тутъ кистеръ показалъ мнѣ мѣсто, гдѣ стоялъ Наполеонъ въ задумчивости надъ гробомъ Великаго.

Съ Наполеономъ встрѣтился я еще въ Лейпцигѣ, когда, послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Берлинѣ, отправился туда въ дилижансѣ: я говорю о полѣ битвы, гдѣ я осмотрѣлъ три четвероугольные камня, одинъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Шварценбергъ началъ атаку, другой, гдѣ Наполеонъ стоялъ съ штабомъ своимъ, и третій на берегу Эльстера, гдѣ утонулъ Понятовскій. Ужъ возможно ли, чтобъ мой пріятель Катковъ пропустилъ знаменитый погребъ Ауэрбаха, откуда Фаустъ, по народному преданію, выѣхалъ на площадь съ помощью діавола, верхомъ на бочкѣ? Но у Каткова есть осо-

бенная манера осматривать погреба: онъ спрашиваетъ, напримѣръ, изъ котораго угла двинулся Фаустъ, садится въ этотъ уголъ, приказываетъ себѣ подать устрицъ и бутылку іоганнисберга, и когда то и другое прійдетъ къ концу, ему дѣйствительно кажется возможнымъ такое воздушное путешествіе; даже кажется, будто оно уже и свершается: только вмѣсто Фауста сидитъ на бочкѣ онъ, добрый товарищъ мой, и вотъ несется онъ мимо чудесной готической ратуши (такъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ разсказывалъ), и на балконѣ ея бургомистръ объявляетъ народу о побіеніи ганзеатическихъ купцовъ въ Новѣгородѣ, а между тѣмъ часы начинаютъ шумѣть, смерть бьетъ въ колоколъ, и всѣ фигурные горельефы на стѣнахъ домовъ начинаютъ подъ этотъ звукъ двигаться, рыцари шевелятъ мечами, дамы сбрасываютъ покрывала и проч. и проч. Товарищъ мой всегда бываетъ этимъ доволенъ. Черезъ два дня, по прекрасной желѣзной дорогѣ я отправился въ Дрезденъ, черезъ двѣ недѣли въ Прагу, а оттуда въ Вѣну, гдѣ я нахожусь теперь, ожидая только первыхъ ласточекъ, чтобъ ѣхать въ Венецію.

Что за счастливая землица Саксонія! Что за богатства почвы! Что за роскошь видовъ! Я ѣздилъ въ дурное время года, но засталъ еще Эльбу въ полной красѣ, текущую между горъ, усѣянныхъ деревьями, загородными домами, садами, колокольнями. Долина, въ которой стоитъ Дрезденъ, показалась мнѣ очаровательною, и какъ бранилъ я зиму, не позволявшую мнѣ ѣхать въ Саксонскую Швейцарію! Видѣлъ я ее, Рафаэлеву «Мадонну», «Мадонну» Мурильо, «Ночь» Кореджіо, «Спасителя съ монетой» Тиціана,—и надолго останутся со мною эти чудные лики. Не могу описать тебѣ теплаго чувства, исполнившаго меня, когда по выѣздѣ изъ дрезденской долины (на пути въ Прагу) поднялись мы на горы, и съ обѣихъ сторонъ открылись намъ лощины, поросшія лѣсомъ, деревни, разбросанныя промежду скалъ, и вдали верхушки Кёнигштейна въ туманѣ. Ты знаешь, какъ рѣдко видѣлъ я не только природу, но просто горизонтъ неба, и потому впечатлѣніе это было совершенно ново и какъ-то освѣжило меня. До сихъ поръ я только понималъ

условно все, что̀ можетъ заключаться усладительнаго во взглядѣ на землю: теперь понимаю иначе.

Прага, первый католическій городъ на пути моемъ, показалась мнѣ преддверіемъ въ Италію. Безчисленныя статуи святыхъ стоятъ на мосту, на площадяхъ, на перекресткахъ; каменныя мадонны возвышаются рѣшительно на каждомъ выступѣ, и даже простѣнки домовъ расписаны происшествіями изъ священной исторіи. Св. Непомукъ, покровитель Богеміи, оберегаетъ входы, выходы, дворы и службы. Бездна монастырей, и наконецъ, первая церковь свѣтлаго готическаго стиля (св. Вита, или иначе Dom-Kirche), со столбами, каменными кружевами и проч., которая въ не оконченныхъ частяхъ своихъ показываетъ, что въ головѣ архитектора была она совершенно полнымъ, правильнымъ, гармоническимъ созданіемъ. Тутъ также впервые ухо поражено славянскимъ говоромъ, и вообще Прага походитъ на Москву, какъ Москва могла быть до Петра. Съ высоты здѣшняго кремля, именуемаго Градчинъ, виденъ домъ Валенштейна, Вышгородъ, съ остатками замка кровожаднаго Либуши, и проч. Богемія играла нѣкогда добрую роль въ европейской исторіи.

Наконецъ я въ Вѣнѣ; но здѣсь совсѣмъ другая жизнь. Ты можешь здѣсь, сколько душѣ твоей угодно, наслушаться вальсовъ и галопадовъ Штрауса и Ланнера, приволокнуться за кѣмъ угодно, ибо женщины тутошнія прежде всей Европы эмансипировались, накупить очень хорошихъ вещей въ магазинахъ, заказать прекрасную коляску, потанцовать на публичныхъ балахъ, которыхъ здѣсь бездна, наконецъ даже прочесть русскую газету; но для всего этого у меня нѣтъ охоты. Къ счастію, нашелъ я здѣсь З—на, съ которымъ живу почти объ стѣну, и мы вдвоемъ стараемся перенесть тягость необычайныхъ здѣшнихъ удовольствій, ожидая весны, чтобъ ѣхать мнѣ въ Италію, ему во Франценсбадъ и въ Берлинъ.

IV.

Вѣна. Мартъ. 1841 года.

Прежде, чѣмъ буду описывать житье-бытье мое въ Вѣнѣ, скажу вамъ, что двѣ усладительныя недѣли провелъ я въ Саксоніи. Перлъ Германіи—это Саксонія! Массивный и мрачный Дрезденъ на берегу веселой Эльбы въ зелени (еще была зелень при мнѣ) горъ, садовъ и загородныхъ дачъ кажется старымъ каравансераемъ въ роскошной долинѣ: онъ таковъ и есть. Какъ только блеснетъ теплое солнышко на небѣ, все народонаселеніе его выходитъ изъ всѣхъ воротъ города и разсыпается по горамъ, пѣшкомъ, верхомъ на ослахъ и проч. Иностранцы и туземцы всѣ живутъ около столицы, а не въ ней. Туда пріѣзжаютъ перемѣнять рубашки, сдѣлать маленькій гальтъ и опять и опять подъ открытое небо. Зимой пріобрѣтаетъ онъ какой-то особенно строгій видъ, и этотъ оттѣнокъ уже лежалъ на немъ, когда я прибылъ; но Эльба все еще текла, горы все еще, хоть и тускло, а зеленѣли, и дилижансы въ Пильницъ и другія мѣста ходили порядкомъ-таки набитые. На зиму здѣсь всѣ запираются, да вмѣстѣ съ собою запираютъ и музеумы, галереи и кабинеты. Чтобъ повернуть на крюкахъ желѣзныя двери ихъ, надобно всякій разъ приготовить два или три талера, а если сообразить, что цѣлые дворцы обращены въ коллекціи, такъ тайны расходной моей книжки будутъ вамъ очень понятны. На искусство смотрятъ здѣсь строго и серьезно: это особенно замѣтно въ театрѣ, на который много дѣйствуетъ пребываніе въ городѣ Людвига Тика, вкусъ самого короля и пьесы принцессы Амаліи. Послѣднія разыгрываются превосходно, и отъ этого всѣ ихъ недостатки дѣлаются очень ясны и ощутительны. Наиболѣе страдаютъ онѣ неимѣніемъ вѣрнаго основанія, такъ что комическія сцены, иногда хорошохонько придуманныя, выходя изъ неестественнаго, а чаще ничтожнаго начала, кажутся неумѣстными. Конечно, Зейдельмана, о которомъ я уже писалъ вамъ, тутъ нѣтъ; но за то труппа какъ-то ровнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, и въ ис-

полненіи пьесъ особенно отличается общностью и литературностью: я не знаю, какое другое слово употребить, чтобъ объяснить вамъ эту тщательную критическую обстановку пьесъ и стараніе выполнять знаменитыя произведенія съ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣли на нихъ лучшіе германскіе критики. Это познакомило меня съ новымъ родомъ наслажденія, доселѣ мнѣ незнакомаго. Лучшіе актеры—бывшая петербургская актриса Баурeръ, Паули для высокаго комизма, и мужъ и жена Девріенты.

И не воображайте, чтобъ я вздумалъ описывать вамъ презнаменитую картинную галерею или такъ-называемый Зеленый Сводъ съ королевскими драгоцѣнностями. Вы хорошо понимаете, какъ слѣдуетъ говорить о нихъ. Развѣ только для одного Боткина упомяну о музеумѣ Менгса: это собраніе всѣхъ знаменитыхъ статуй, разбросанныхъ по дворцамъ и вилламъ Италіи, въ безподобнѣйшихъ копіяхъ. Тутъ Менелай, выносящій изъ битвы Патрокла; Лаокоонъ, сидящая Агриппина, Венера Медичейская, Венера родильница, Венера Каллипига, спящій геній и, еще лучше, спящій гермафродитъ. Когда я очутился въ этомъ музеумѣ, теплая кровь прилилась у меня къ головѣ и сердцу, закружилась первая, застучало ретивое. Что за красота! Что за роскошь! Что за наслажденіе! Если называютъ человѣка царемъ вселенной, то конечно, ужь не того, который ходитъ въ штанахъ и фуфайкѣ, и не того, у котораго сочинился горбъ отъ наклоненнаго положенія за письменнымъ столомъ, а вотъ этого, у котораго каждый мускулъ—прелесть, мощь и жизнь... Неосторожное соприкосновеніе съ нагою красотой сдѣлало меня почти сумасшедшимъ: цѣлую недѣлю казались мнѣ отвратительными рожи съ бакенбардами, шляпы съ отворотами и плащи съ полинялыми, плисовыми воротниками... Повторяю, я провелъ въ Дрезденѣ двѣ восхитительныя недѣли.

На австрійской границѣ насъ тщательно осмотрѣли, отыскивая всего болѣе книгъ и табаку. Послѣдній составляетъ монополію правительства. Съ нами ѣхалъ честный уроженецъ Гамбурга, который не позаботился засвидѣтельствовать

своего паспорта у австрійскаго посланника. Его вынули изъ кареты и объявили, что онъ долженъ возвратиться во-свояси. Нѣмецъ поблѣднѣлъ и чуть-чуть не упалъ въ обморокъ. Трепещущимъ голосомъ сталъ онъ увѣрять чиновниковъ, что у него тесть въ Вѣнѣ боленъ при смерти, да и родной его братъ умираетъ, да и лучшій его другъ, съ которымъ сидѣли они на одной скамьѣ въ школѣ, тоже не очень хорошо себя чувствуетъ, да и самъ онъ давно уже страдаетъ завалами и ѣдетъ совѣщаться съ вѣнскими докторами. Его пропустили до Праги, гдѣ онъ цѣлые дни бѣгалъ по канцеляріямъ, выхлопатывая позволеніе ѣхать далѣе, и кажется, выхлопоталъ.

Съ самаго Любека не встрѣчалъ я города, болѣе Праги наполненнаго легендами, преданіями и памятниками старины, потому что въ сѣверной Германіи реакція Лютера была такъ сильна, что уничтожила все это. Въ церквахъ я ничего не находилъ, кромѣ портретовъ протестантскихъ предигеровъ около алтарей, съ строгими лицами и съ книжками въ рукахъ. Здѣсь что̀ шагъ, то легенда. Вотъ мѣсто на мосту, съ котораго низверженъ былъ въ рѣку св. Непомукъ, покровитель Богеміи, обозначенное врѣзаннымъ въ камень крестомъ съ пятью звѣздами, и проходящіе снимаютъ шапки и благоговѣйно дотрогиваются до него. Вотъ окна дворца, откуда при началѣ Тридцатилѣтней войны выброшены были депутаты. Вотъ башня Делиборки; тамъ, подъ горой дворецъ и садъ Валенштейна, а вдали Вышгородъ, гдѣ жилъ Либуша; самая каѳедральная церковь св. Вита, первая церковь на пути моемъ, свѣтлаго, легкаго, прозрачнаго, такъ сказать, готизма, наполнена надгробными памятниками прежде бывшихъ Богемскихъ королей и другими остатками старины. Это объясняетъ, отъ чего чешское племя сдѣлалось теперь представителемъ славянизма въ Германіи, и стараніе писателей и ученыхъ Богеміи о сохраненіи народности и языка. Я весьма сожалѣю, что не былъ у Ганки: всѣхъ русскихъ принимаетъ онъ какъ родственникъ, даетъ имъ Краледворскую рукопись и беретъ съ нихъ обѣщаніе выучиться по чешски. До сихъ поръ мало еще

примѣровъ, чтобъ сдерживали слово. Кстати о славянизмѣ. Въ Вѣнѣ познакомился я съ профессоромъ Срезневскимъ. Человѣкъ этотъ совершаетъ подвигъ европейскій: отъ Балтійскаго моря и до Адріатическаго изучаетъ онъ славянскія племена, ихъ нарѣчія, обычаи, пѣсни, преданія, и большею частію пѣшкомъ, по деревнямъ и проселочнымъ дорогамъ. Теперь онъ въ Вѣнѣ доучивается по сербски и потомъ собирается обойти Иллирію, Далмацію и Черногорію. Особенную прелесть его составляетъ необычайная, германская любовь къ своему предмету. Онъ рѣшительно убѣжденъ, что славянскому племени предоставлено обновить Европу, и съ восторгомъ показывалъ намъ карты, говоря, какимъ образомъ соотчичи наши разлились отъ Помераніи до Венеціи. За двѣ станціи до Венеціи еще есть славяне, въ Австріи ихъ 18 милліоновъ, Турція почти вся состоитъ изъ нихъ, и по остроумнымъ его доказательствамъ, даже вся полоса Европы до Рейна принадлежала нѣкогда славянамъ. Онъ будетъ обладателемъ богатѣйшихъ фактовъ, съ помощію которыхъ и объяснится наконецъ наша народная физіономія.

О библіотекахъ скажу вамъ, что здѣсь одна только библіотека въ городѣ имѣетъ право давать книги для чтенія: всѣ прочія ограничены продажею, которая, разумѣется, не можетъ быть велика. О многихъ твореніяхъ, извѣстныхъ всей Германіи, и помину нѣтъ. Это очень легко объясняется совершеннымъ равнодушіемъ общества къ литературѣ и литераторамъ. Говорятъ, надворный совѣтникъ Грильпарцеръ много вредитъ службѣ своей страстью писать трагедіи. На Анастасія Грюна (графа Ауерсперга даже смотрятъ пугливымъ окомъ. Всякій, напечатавъ статьи въ заграничной нѣмецкой газетѣ безъ предварительной цензуры, платитъ 100 червонцевъ (1000 рублей), кромѣ другихъ могущихъ быть оштрафованій. Впрочемъ, всѣ эти вещи и разныя другія требованія здѣсь должны откинуться въ сторону, ибо въ Вѣнѣ живется совсѣмъ инаково, чѣмъ въ остальной Германіи. Чудно хорошо живется въ Вѣнѣ! Въ католическихъ государствахъ Германіи нѣтъ того, что называется maisons de joie; отъ этого образовались здѣсь два класса женщинъ: для одного изъ нихъ (pour les femmes

galantes) во всѣхъ концахъ города даются публичные балы подъ всевозможными наименованіями; для нихъ играють оркестры Страуса, Ланнера, Морелли и др.; для нихъ отдѣлываются великолѣпныя мраморныя залы; для нихъ на всѣхъ перекресткахъ приклеиваются чудовищно гигантскія афишки, съ извѣщеніемъ о рококо-балѣ въ Сперлѣ, о сувениръ-балѣ въ Бирнѣ, о флора-балѣ въ Элизіумѣ. Не буду описывать вамъ всѣхъ этихъ залъ и баловъ, на которыхъ даже можете быть въ сюртукѣ, платя бездѣльную сумму за входъ: довольно сказать, что вы очутитесь вдругъ въ центрѣ интриги, волокитствъ, значительныхъ взглядовъ, краснорѣчивыхъ улыбокъ, ревностей, притираній и пр. и пр. Свобода нравовъ въ высшемъ избранномъ кругу тоже не подлежитъ сомнѣнію, и бѣдная Италія совершенно понапрасну несетъ упрекъ въ безнравственности и необузданности страстей: любовныя сплетни и происшествія составляютъ насущный интересъ всѣхъ головъ, цѣль существованія многихъ, и если вы прибавите къ этому великолѣпіе аксессуаровъ, утонченныя формы обращенія, пышность магазиновъ, экипажей, костюмовъ, движеніе, которое сообщается отъ необходимости искательства, то поймете, что все это можетъ имѣть жизнь и прелесть.

Репутація Вѣны, какъ музыкальнаго города, вся лежитъ на плечахъ Ланнера и Страуса и на безчисленныхъ ихъ вальсахъ и галопадахъ. Опера же плоха; знаменитыя музыкальныя произведенія даются разъ въ годъ обществомъ любителей музыки. Въ комедіи отличаются Ларошъ и прелестная Нейманъ, и при новыхъ пьесахъ Бургъ-театръ посѣщается отборнымъ обществомъ: это поселяетъ какое-то особенное соревнованіе въ актерахъ, такъ что труппа дѣйствительно можетъ назваться хорошею, хоть недостатокъ понятій объ искусствѣ замѣтенъ и тутъ въ ломаніи и коверканіи образцовыхъ драматическихъ произведеній. Но не Бургъ или не императорско-королевскій театръ составляетъ физіономію Вѣны, а ея три народныхъ театра, гдѣ на народномъ нарѣчіи даются фарсы, мѣстныя пьесы, волшебныя представленія, гдѣ царствуетъ каламбуръ нечесанный, и гдѣ гомерическій хохотъ гремитъ постоянно съ семи часовъ вечера до

десяти включительно. Герой этихъ театровъ есть актеръ и писатель Нестрой. Пьеса его «Zu ebener Erde» извѣстна въ Петербургѣ. Мало-мало даже самый низкій классъ народа причастенъ этому вихрю удовольствій: въ кабакахъ даются Abendunterhaltungen; тутъ на столѣ, по концамъ коего стоятъ сальныя свѣчи, Пизарро машетъ руками, бьетъ себя въ грудь, а индіанка въ соломенной шляпкѣ съ краснымъ перомъ вынимаетъ красный платокъ и всплакиваетъ. Публика изъ извозчиковъ и носильщиковъ хлопаетъ въ ладоши и по окончаніи пьесы бросаетъ гроши въ жестяную тарелку Пизарро.

Такова Вѣна...

V.

Римъ. 28-го апрѣля 1841 года.

Вотъ я и въ Римѣ; а какъ сюда попалъ, сейчасъ увидите. 9-го марта выѣхалъ я изъ Вѣны по дорогѣ въ Тріестъ, и на другой день были мы уже въ Альпахъ. Этотъ отпрыскъ знаменитыхъ швейцарскихъ Альповъ имѣетъ счастіе заключать въ себѣ нѣсколько бѣдныхъ славянскихъ племенъ, которыя вотъ уже нѣсколько вѣковъ рѣшительно больше ничего не дѣлаютъ, какъ живутъ, да впрочемъ, судя по всеобщей бѣдности и по количеству нищихъ на дорогѣ, для нихъ, кажется, и это не бездѣлица. Мы проѣхали Стирію, Иллирію, оставивъ направо Каринтію, а налѣво Венгрію, съ другими славянскими провинціями. Тутъ впервые увидалъ я босую женскую ногу и сказалъ: «Ну, вотъ мы и дома! Этой вещи не случалось мнѣ видѣть съ самаго Мурома...» Также любовался я вліяніемъ, которое имѣетъ на физіономію этого племени Германія—съ одной стороны, Италія—съ другой. Въ первой половинѣ вы увидите славянина, флегматически запустившаго руки въ карманы штановъ и представляющаго такую антиславянскую фигуру, что, конечно, она должна привести въ отчаяніе всѣхъ нашихъ профессоровъ-славянофиловъ. Слыхано ли, чтобъ славянинъ запускалъ руки въ собственные свои карманы?.. Во второй

половинѣ, ближайшей къ Тріесту и Италіи, вы уже встрѣтите куртку, живописно брошенную на одно плечо, ленты на шляпѣ и въ петлицахъ и сильный жестъ. Такъ какъ вскорѣ показался и классическій очагъ, то мнѣ хотѣлось испытать, истину ли повѣствуютъ историки о томъ, что чужестранецъ, сѣвшій у очага, имѣетъ право на все въ домѣ. Я выбралъ для пробы краинку, чрезвычайно красиво одѣтую: юбка ея сходилась въ безчисленныхъ складкахъ назади, верхнее платье состояло изъ куртки, распахнутой спереди и вполнѣ открывавшей грудь. Бѣлый платокъ на головѣ и бѣлый передникъ довершали костюмъ. Вотъ я и сѣлъ у очага. Ничего не вышло! Врутъ историки.

Что касается до горъ, то суровая красота ихъ надолго останется у меня въ памяти; я потомъ переѣзжалъ Аппенины, но это садъ, какъ вы увидите послѣ, гдѣ волканическія скалы служатъ только рамой плодоноснымъ долинамъ, усѣяннымъ виноградниками, фруктовыми деревьями и орошаемымъ ручьями и рѣчками, которыя текутъ съ этихъ горъ въ Адріатику и въ Средиземное море въ безчисленномъ количествѣ. Здѣсь совсѣмъ не то: строго и мрачно смотрятъ на васъ горы; иногда подходятъ такъ близко, что, кажется, сдавятъ васъ; иногда образуютъ вокругъ васъ колоссальный амфитеатръ, и нѣсколько разъ говорилъ я: «Да какъ же мы выѣдемъ отсюда?» И всегда случалось, что у самаго предѣла вдругъ открывается дорога по скату горы, выводитъ въ новую смычку ихъ и открываетъ новыя сцѣпленія скалъ: это насладительно! Разрушенные за̀мки стоятъ на страшныхъ высотахъ вездѣ, гдѣ только есть крутой поворотъ дороги, ущелье, выѣздъ на долину: они походятъ на заставы и дѣйствительно, за̀мки были таможни среднихъ вѣковъ, гдѣ собиралась пошлина. Жаль только, что количество ея не было опредѣлено, и что всякій, получившій ударъ мечомъ плашмя, могъ имѣть свою таможню. Случалось такъ, что башня, зубчатая стѣна и донжонъ съ пустыми окнами по утру стоятъ прямо противъ тебя, въ полдень косо поглядываютъ на тебя съ боку, а вечеромъ долго, долго преслѣдуютъ во всю длину дороги... Даже и страшно сдѣлается, и

думаешь: да чего же хотятъ они отъ меня, Господи Боже?.. Несчастно то племя, которое нѣсколько вѣковъ жило подъ такимъ надзоромъ!

Умные люди говорятъ, что природа состоитъ изъ звуковъ; умные люди говорятъ правду: это особенно замѣтно въ горахъ. Ночью, когда остановишься, непремѣнно слышишь— гдѣ-нибудь катится водопадъ, гдѣ-нибудь шумитъ источникъ, или воетъ вѣтеръ, или что-нибудь да дѣлается. Меня приводило въ отчаяніе одно обстоятельство: мы были за четверть мили отъ Тріеста, но ни Тріеста, ни моря, которое тутъ значится по моей дорожной картѣ, и признаковъ не было. Все горы и горы, и вдругъ мы круто поворотили въ сторону: городъ, голубая Адріатика, противоположный берегъ Истріи и Далмаціи лежали подъ ногами нашими. Это было такъ неожиданно, что произвело на меня даже болѣзненное впечатлѣніе. Англичанинъ, ѣхавшій со мною, захлопалъ въ ладоши. Здѣсь часто случается, что самое сильное чувство приходитъ внезапно, не возвѣщенное ни «путеводителями», ни путешественниками.

Зигзагами стали мы спускаться съ горъ, и тутъ каждая точка въ пространствѣ, можно сказать, измѣняла ландшафтъ, выказывая его со всѣхъ возможныхъ сторонъ, при всѣхъ возможныхъ освѣщеніяхъ, почти такъ, какъ дѣлаетъ художникъ съ моделью; а по мѣрѣ того, какъ подвигались мы ближе къ Тріесту, свѣжій воздухъ горъ напоялся теплотою. Въѣхавъ въ городъ, мы были уже въ срединѣ полной, совершенной весны: чудо! Нынѣшній годъ не весна пришла ко мнѣ, а я нагналъ весну. Въ эту минуту, какъ пишу къ вамъ, весна уже осталась за мною: я перескочилъ черезъ нѣсколько страницъ календаря; понятно, что и поэтическое въ путешествіяхъ составляетъ именно это фантасмагорическое измѣненіе костюмовъ, нравовъ, языковъ и даже климатовъ передъ глазами вашими... Впрочемъ, полно съ описаніями природы...

Въ Тріестѣ я остановился въ томъ трактирѣ, гдѣ былъ зарѣзанъ Винкельманъ. У меня есть маленькія, практическія истины для домашняго обихода, въ числѣ которыхъ не

послѣднее мѣсто занимаютъ слѣдующія: смѣло останавливайся въ томъ трактирѣ, гдѣ былъ зарѣзанъ человѣкъ; нанимай всегда того извощика, который уже разъ опрокинулъ сѣдоковъ; изъ двухъ дорогъ выбирай всегда ту, гдѣ случилось несчастіе: это самая безопасная, и проч. Въ трактирѣ показываютъ софу, съ которой уже болѣе не всталъ великій антикварій, и комнату, гдѣ была постель слуги, весьма колесованнаго. Говорятъ, что причиною злодѣянія была столько же корысть, сколько и личное мщеніе за дурное обращеніе и угрозы. Памятникъ Винкельмана, въ сооруженіи котораго приняли участіе почти всѣ государи Италіи, стоитъ на кладбищѣ въ старомъ городѣ, на горѣ, рядомъ съ каѳедральною церковью, обращенною изъ языческаго храма, и гдѣ сохраняются еще четыре древнія колонны въ стѣнѣ башни и старый жертвенный камень за главнымъ алтаремъ. Кромѣ этого да римскихъ цифръ на шапкахъ австрійскихъ солдатъ, ничего примѣчательнаго изъ древностей не видалъ я. Гораздо лучше грязнаго, стараго города новый, чистый, расположившійся у самаго берега. Онъ объяснитъ вамъ лучше всякаго трактата, какимъ образомъ въ древнемъ мірѣ цивилизація, торговля и художества переходили изъ города въ городъ, изъ государства въ государство, изъ одной части свѣта въ другую. Вотъ стоитъ онъ на десять часовъ ѣзды по морю отъ Венеціи, имѣетъ, какъ портофранко, одинаковыя права съ нею, а между тѣмъ вся торговля Адріатическаго моря у него въ рукахъ, и покуда старые дворцы Венеціи падаютъ и разрушаются, здѣсь каждый годъ воздвигаются новые. Есть какое-то особенное удовольствіе видѣть въ такомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга жизнь потухающую и жизнь зарождающуюся! Жаль только, что по чисто практическимъ элементамъ своимъ, по характеру націи, которой принадлежитъ, никогда не будетъ имѣть Тріестъ той теплоты красокъ, того яркаго колорита и поэтическаго блеска, какіе Венеція сохраняетъ даже до сихъ поръ.

Въ Венецію прибылъ я на пароходѣ 14-го марта новаго стиля и всталъ ранехонько, вопервыхъ, для того, чтобы не

пропустить восхожденія солнца на морѣ, а вовторыхъ, чтобъ посмотрѣть, какъ станетъ выплывать изъ воды этотъ чудный городъ; но солнце на этотъ разъ всходило такъ туманно и обыкновенно, что я предпочитаю этому восхожденію таковое же въ балетѣ «Сильфида». Впрочемъ, оно и естественно: тамъ больше издержекъ. Городъ выказался удивительно. Сперва проѣхали мы островъ Лидо, гдѣ Байронъ держалъ верховыхъ лошадей и гулялъ по берегу моря; съ одного холма этого острова направо видна необозримая пелена Адріатики, налѣво Венеція, плавающая на поверхности воды, какъ мраморная лодка, по выраженію Пушкина. Потомъ мы вступили въ каналъ св. Марка, а черезъ нѣсколько минутъ, оставивъ вправо Санъ-Жоржіо съ церковью постройки Палладія, пароходъ нашъ остановился при входѣ въ Большой Каналъ, эту удивительную улицу Венеціи, гдѣ мраморныя лѣстницы готическихъ, мавританскихъ и временъ Возрожденія дворцовъ вѣчно обмываются волнами моря, мутными и зелеными въ канавахъ, какъ будто съ досады, что отвели ихъ отъ роднмаго, широкаго ложа. Съ борта парохода направо красовались передъ нами площадь св. Марка, ея соборъ въ византійско-арабскомъ вкусѣ, знаменитая колокольня, дворецъ дожей съ двойною колоннадой, темница, мостъ Вздоховъ и на первомъ планѣ двѣ гранитныя колонны, вывезенныя изъ Архипелага; адріатическій левъ блисталъ на одной, статуя св. Ѳеодора, попирающаго крокодила,—на другой. Гондольеры окружили насъ со всѣхъ сторонъ, съ черными своими лодочками, которыя летаютъ по водѣ такъ легко, какъ птицы. Я порывался на берегъ; но австрійскіе чиновники осматривали наши паспорты; наконецъ, всѣ формальности кончились, гондолы примчали насъ къ великолѣпной пристани Піацетты, и вотъ я очутился на площади св. Марка, которой, по признанію всѣхъ туристовъ, нѣтъ подобной въ Европѣ.

Вообразите нѣсколько продолговатый четвероугольникъ, вымощенный плитами, окруженный съ трехъ сторонъ великолѣпнѣйшею галереей (тутъ кофейни, лавки, магазины, въ верхнихъ этажахъ жили прежде прокураторы св. Марка

или чиновники республики), а съ четвертой замыкающійся соборомъ св. Марка. Его огромные, тяжелые куполы, его византійскія арки, украшенныя мозаиками, его порфировыя, яшмовыя и разноцвѣтныхъ мраморовъ колонны, четыре копя, вывезенные изъ Ипподрома константинопольскаго и блистающіе надъ фасадомъ, его мавританская терраса и готическіе спицы и украшенія,—все это составляетъ такое роскошное смѣшеніе всѣхъ вкусовъ, что, право, походитъ на волшебную сказку. Художники считаютъ эту церковь однимъ изъ чудесъ Европы; колокольня стоитъ на площади и нѣсколько въ сторонѣ, и площадь такимъ образомъ, особливо при яркомъ освѣщеніи кофеенъ, магазиновъ и лотковъ съ апельсинами и фруктами, кажется вамъ огромною, гигантскою залой, которой потолкомъ служитъ небо. Вторая площадь, извѣстная подъ уменьшительнымъ именемъ Піацетты, примыкаетъ къ первой и состоитъ изъ продолженія той же великолѣпной галереи, поворачивающей къ морю, изъ Дворца дожей, двухъ колоннъ, упомянутыхъ мною, передъ нимъ и темницами за нимъ. Темницы и дворецъ соединяются крытымъ мостомъ, какъ нашъ Эрмитажъ, и этотъ мостъ называется Ponte dei Sospiri (Мостъ вздоховъ). Сюда, на эти двѣ площади, слѣдуетъ присылать всѣхъ тѣхъ, которые страдаютъ отсутствіемъ энергіи, жизненнымъ застоемъ, такъ-сказать. Когда италіанское солнце ударитъ на всѣ эти фантастическія постройки, Боже мой, сколько тутъ огня, блеска, красокъ! Почти нестерпимо для сѣвернаго глаза, и въ этомъ отношеніи одинъ только Римъ можетъ сравниться съ Венеціей; но въ Римѣ это нѣжнѣе, и притомъ же, чтобъ вполнѣ понять игру свѣта и тѣни въ великолѣпныхъ его руинахъ, надо имѣть, что называется, художническую душу. Здѣсь это падаетъ на васъ почти съ силою какого-нибудь физическаго явленія—грома, дождя и проч. Ихъ нельзя не чувствовать. Прибавьте ко всему этому, что вѣчный праздникъ кипитъ на этихъ площадяхъ. Шумъ и движеніе въ сѣверныхъ городахъ не могутъ дать ни малѣйшаго понятія о крикѣ, говорѣ, пѣснѣ италіанца. Не правда ли: тамъ производитъ ихъ какой-нибудь посторонній, чисто матеріальный

двигатель, а если и бываетъ минута душевнаго веселія, такъ это вещь наносная, скоропреходящая. Здѣсь для этого только живутъ; веселіе постоянно, такъ постоянно, что всѣхъ обратило въ нищету. Кто-то сказалъ, что въ Венеціи работаютъ только одни присужденные къ галерамъ: это правда. Въ моральномъ отношеніи это дурно; но за то какая чудесная выходитъ площадь, какъ полна жизни, какъ музыкальна! Грѣшу я, можетъ быть, но мнѣ всегда пріятнѣе смотрѣть на человѣка, который веселится, чѣмъ на человѣка, который работаетъ. Таково первое впечатлѣніе отъ Венеціи, нѣсколько, какъ изволите видѣть, многословное.

Присматриваясь ближе, душа ваша начинаетъ настроиваться на байроновскій ладъ плача и рыданія: вы увидите, что окна великолѣпныхъ дворцовъ Большаго канала забиты досками, величественныя постройки Палладіо, Лонгена, Сансовино, принадлежавшія этимъ купцамъ-царямъ, обращены въ почты, трибуналы, полицію; на готическихъ балконахъ, на мраморныхъ каминахъ виситъ черное бѣлье нищеты, не имѣющей другаго пристанища, кромѣ опустѣлыхъ палатъ. Притомъ же, нѣмецкій элементъ, выгнавъ многое характерное, не могъ привить здѣсь ничего своего, кромѣ развѣ нѣкоторой регулярности въ правительственныхъ мѣрахъ, собственно отъ него одного зависѣвшей. Октавы Тасса, напримѣръ, баркаролы — пуфъ! Онѣ остались въ романахъ, операхъ да воспоминаніяхъ. Изрѣдка богатые англичане еще отыскиваютъ за деньги увядшіе цвѣтки эти; но пѣсня за деньги принадлежитъ статистикѣ, какъ промышленность, а не поэзіи, куда отнесена она, помнится, и г-мъ Рижскимъ. Да вотъ еще что̀: идти назадъ—въ Европѣ значитъ остановиться; здѣсь же это значитъ возвратиться Богъ знаетъ къ какому вѣку. Чудеса поминутно! Въ Феррарѣ, въ церкви св. Стефана, надписи обѣщаютъ 200 и 600 лѣтъ индульгенціи въ чистилищѣ за три патерностера въ извѣстномъ мѣстѣ храма, и проч. Одна старуха набрала такимъ образомъ 8700 лѣтъ прощенія; говорятъ, что отчаяніе ея при смерти отъ того, что не успѣла достигнуть круглаго числа десяти тысячъ, было очень трогательно.

Здѣсь на площадяхъ и въ часовняхъ выставляются картинки, гдѣ страннымъ образомъ участвуютъ лица, уважаемыя церковью, и особливо Мадонна: то является она служанкой у изголовья больной, призвавшей ее на помощь, то поддерживаетъ телегу, опрокинувшуюся на возницу, и проч. Когда я посѣщалъ церкви, гдѣ бронза конныхъ статуй надъ гробами почившихъ дожей (какъ напримѣръ, въ церквахъ Жіовани и Паоло, dei Frari), или одна часть драгоцѣннѣйшихъ камней (какъ напримѣръ, въ церкви dei Scalzi, построенной знаменитѣйшими фамиліями Венеціи), могли бы обогатить обнищавшихъ потомковъ ихъ, странствующихъ теперь по разнымъ государствамъ Европы,—когда, говорю, я посѣщалъ эти церкви, мнѣ думалось: «вѣрно есть что-нибудь для отвращенія глазъ венеціанцевъ отъ всегдашняго созерцанія ихъ упадка», и узналъ, что для этого есть театръ Фениче. Театръ въ Италіи рѣшительно есть политическая мѣра, какъ газета въ остальной Европѣ. Съ девяти часовъ вечера великолѣпная зала его наполняется народомъ: тутъ поетъ удивительный Ронкони, и тутъ же позволяется италіанцамъ проявить свое индивидуальное значеніе, а также вылить и накопленіе желчи, вредной для здоровья, въ свисткахъ, шумѣ и шиканьи при малѣйшей оплошности пѣвца, хотя два солдата съ ружьями и стоятъ по обѣимъ сторонамъ оркестра. Къ несчастію, при мнѣ жертвой дурнаго расположенія духа потомковъ лепантскихъ побѣдителей сдѣлался нашъ Ивановъ. Давали новую, весьма плохую оперу туземнаго композитора. Ронкони, привыкшій вывозить на плечахъ нищенскія произведенія новыхъ италіанскихъ композиторовъ, блисталъ на первомъ планѣ, развертывая передъ публикой, въ замѣнъ пустоты сочиненія, всю силу и гибкость своего голоса (баса). Ивановъ, съ небольшимъ, сладенькимъ голоскомъ, былъ имъ совершенно уничтоженъ, закрытъ. Бѣдный хотѣлъ подняться, сталъ форсировать, что называется, взялъ нѣсколько фальшивыхъ нотъ и былъ покрытъ шиканьемъ и свистомъ. Сложивъ руки на груди и опустивъ голову, онъ принялъ эту бурю съ такимъ выраженіемъ грусти и покорности, что мнѣ сдѣлалось больно

на душѣ... Вообще шиканье и свистки въ театрѣ мнѣ не нравятся: они дѣлаютъ изъ актера какого-то поденщика сотни пустыхъ головъ, собравшихся въ партерѣ, и совлекаютъ съ него совершенно достоинство артиста.

Не безызвѣстно вамъ, что на свѣтѣ есть венеціанская школа живописи, отличающаяся теплотою колорита, свѣтлостью созданія и драматическимъ элементомъ въ картинахъ. Всѣ церкви Венеціи наполнены ея произведеніями, которыя много терпятъ тамъ отъ сырости. Во Дворцѣ дожей она изобразила всѣхъ этихъ стариковъ въ мантіяхъ и шапкахъ остроконечныхъ, которые то стоятъ на колѣняхъ передъ изображеніемъ Мадоннъ, благословляющихъ ихъ, то коронуются прекрасною женщиной, называемою Венеціей, то принимаютъ посланниковъ, то сражаются,—такъ что весь этотъ дворецъ, покрытый сверху до низу картинами, есть не что иное, какъ длинный и нѣсколько утомительный панегирикъ бывшимъ властителямъ. Изъ этого слѣдуетъ исключить только удивительную «Вѣру» Тиціана, «Похищеніе Европы» П. Веронеза и «Рай» Тинторета; но дворецъ имѣетъ совершенно другое значеніе... Великолѣпною лѣстницей, которая называется Лѣстницею гигантовъ, и на площадкѣ которой короновались дожи, вступаешь въ верхнюю галерею, и на противоположной стѣнѣ видишь два отверстія: тутъ были львиныя пасти, куда клались доносы. Ихъ было множество во всѣхъ концахъ города. До сихъ поръ сохранилась одна въ полной красѣ своей на стѣнѣ церкви св. Мартина съ надписью: «Для тайныхъ доносовъ противъ не уважающихъ церкви и бласфематоровъ». Другою лѣстницей, именующеюся Золотою, входишь въ залу пятисотъ. На верху рядъ портретовъ дожей и черная пустота тамъ, гдѣ слѣдовало быть портрету Марино Фальери, съ надписью: «Вмѣсто Марино Фальери, казненнаго за преступленія» (pro criminibus). Рядомъ зала избранія дожа, съ готическимъ балкономъ, на который выходилъ новоизбранный, и человѣкъ, поднявшійся на самый спицъ колокольни св. Марка, стремительно спускался къ нему по веревкѣ, вручалъ букетъ цвѣтовъ и исчезалъ такимъ же образомъ. Когда аристократія почув-

ствовала необходимость сжаться для сохраненія вліянія своего, она ограничила совѣтъ двухъ сотъ. Вотъ мы проходимъ залу этого совѣта съ трономъ герцога, и другую залу, гдѣ принимались посланники. Черезъ корридоръ или комнату, извѣстную подъ названіемъ Четырехъ дверей, вступаете вы въ самое страшное отдѣленіе дворца: полукруглая комната, въ которую входите черезъ одну изъ дверей, есть Совѣтъ десяти, этотъ ужасный Совѣтъ десяти, развившій невидимо, какъ судьба, знавшій, какъ Орлеанская дѣва, тайны чужой молитвы и настигавшій преступника, какъ Божій громъ, вездѣ и всюду. Небольшою комнатой, гдѣ каждое утро отворялся маленькій шкапикъ и вынимались доносы, положенные съ наружной стороны, переходите къ вѣнцу правительственныхъ формъ этой грозной республики. Когда уже и Совѣтъ десяти казался слабымъ и недостаточнымъ, когда признали за нужное еще болѣе централизировать тиранію, образовался Совѣтъ четырехъ, засѣдавшій рядомъ съ пыточною комнатой. Не стану описывать всѣ ужасы, которые разсказываютъ здѣсь про эту комнату... Пятью или шестью ступеньками поднимаешься въ залу инквизиторовъ, и дверь, которую видишь налѣво отъ себя, отворяется на лѣстницу, а эта лѣстница ведетъ подъ крышу, въ свинцовыя темницы!

Такимъ образомъ, обойдя дворецъ, вы получили первыя черты исторіи Венеціи. Свинцовыя темницы, гдѣ заключенные всего болѣе должны были страдать отъ нестерпимаго жара, скоплявшагося въ этомъ чердакѣ, раздѣленномъ на множество клѣтокъ, еще ничего не значатъ въ сравненіи съ такъ-называемыми венеціанскими колодцами. Строеніе, собственно опредѣленное на нихъ, обращено въ темницы уголовныхъ преступниковъ и закрыто отъ любопытства путешественниковъ. Мостъ вздоховъ, ведшій къ нему изъ дворца, заколоченъ, и только осталось преданіе въ народѣ, что онъ былъ раздѣленъ глухою стѣною на-двое для того, чтобъ преступники уводимые не могли встрѣчаться съ приводимыми. Итакъ, вы должны довольствоваться только тѣми колодцами, которые находились въ подземельяхъ самаго дворца. Хороши и эти! Представьте себѣ собраніе каменныхъ склеповъ, гдѣ

своды, кажется, лежатъ на самой груди вашей, гдѣ самый отчаянный плачъ человѣка не могъ пройти сквозь толщу оконъ и двойныя желѣзныя двери даже за порогъ ихъ и долженъ былъ возвратиться опять къ тому, отъ котораго вышелъ. Верхнее отдѣленіе опредѣлено было для легкихъ преступниковъ и для преступниковъ, подлежавшихъ суду Десяти. Осужденные инквизиціей погребались во второмъ отдѣленіи и уже не выходили оттуда. Тутъ стояло и роковое кресло, прекращавшее страданія истерзаннаго пытками преступника однимъ поворотомъ колеса, къ которому привязанъ былъ конецъ веревки, между тѣмъ какъ другой лежалъ на шеѣ человѣка. Огонь въ темницы эти вносили только на часъ, когда давали заключеннымъ хлѣбъ, и съ помощью этого радостнаго и мимолетнаго гостя несчастные еще чертили гвоздями свои мысли и ощущенія на сводахъ каменныхъ гробовъ своихъ. Одинъ выскоблилъ изображеніе церкви и подписалъ: «Santa Maria, ora pro nobis!» Другой начертилъ четверостишіе, которое при свѣтѣ факела, при чувствуемой во всѣхъ членахъ сырости отъ стѣнъ и пола, показалось мнѣ драматичнѣе всего, что̀ я слышалъ. Вотъ оно въ прозаическомъ подстрочномъ переводѣ: «Не довѣряй никому, молчи и думай, если хочешь избѣжать коварныхъ, подстерегающихъ тебя шпіоновъ! Раскаяніе, раскаяніе!.. Ничто не поможетъ! Но вотъ случай тебѣ доказать истинное свое мужество!..» Когда вышелъ я на бѣлый свѣтъ, вздохнулъ свободнѣе и совершенно помирился съ нынѣшнимъ упадкомъ Венеціи. Необходимость и разумность его мнѣ сдѣлались понятны, и я рѣшительно вылѣчился отъ оховъ и вздоховъ, которыми всѣ путешественники, по слѣдамъ Байрона, оканчиваютъ толки о чудномъ городѣ.

Первую станцію отъ Венеціи сдѣлали мы промежду лагунъ, въ огромной гондолѣ, и вышли на твердую землю въ Фузино. Здѣсь началась Брента, свѣтлая Брента, берега которой усѣяны дворцами, загородными домами бывшихъ вельможъ венеціанскихъ, садами и деревнями вплоть до самой Падуи, города, которымъ венеціанцы управляли посредствомъ подесты. На другой день переѣхали мы Адижъ. День былъ

праздничный, все было разодѣто, и до Феррары ѣхали мы какъ владѣтельные князья, которымъ приготовлена встрѣча, промежду высокихъ лицъ, колокольнаго звона и пестрыхъ костюмовъ. Женщины сохранили здѣсь что-то античное въ нарядѣ: волосы, завитые спереди, и вуаль, покрывающій голову и спускающійся красиво внизъ, какъ у новобрачныхъ нашихъ. Мужчины были въ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками и распашныхъ курткахъ, выказывавшихъ и грудь, и шею, легко и живописно перевязанную пестрымъ платочкомъ.

За полмили отъ Феррары переѣхали мы По, рѣку, извѣстную красотою береговъ своихъ, разлитіями своими и шарадами князя Шаликова. Представьте себѣ, во все время переѣзда у меня только и было въ головѣ: мое первое—рѣка въ Италіи... На противоположномъ берегу начинались уже Церковныя владѣнія, и только что ступили мы на землю, какъ два папскіе драгуна верхами стали по обѣимъ сторонамъ кареты, другой военный таможенный чиновникъ сѣлъ въ самую карету... Съ этимъ почетнымъ кортежемъ прибыли мы и въ Феррару. Первое дѣло было кинуться ко дворцу, гдѣ жила прекрасная Леонора д'Эсте. Господи! Глазамъ моимъ представился самый суровый, самый строгій зàмокъ, въ которомъ когда-либо обитала красота: четыре тяжелыя, трехэтажныя башни по угламъ, ровъ, подъемные мосты, огромныя стѣны, съ платформы которыхъ подымались собственно жилища съ неправильными своими окнами и балконами. Уголъ, гдѣ жила герцогская фамилія, занятъ теперь кардиналомъ-легатомъ; изъ тѣхъ оконъ, откуда смотрѣли Леонора и придворныя дамы ея, выглядывала строго и подозрительно монашествующая свита кардинала. Я стоялъ долго передъ этимъ зàмкомъ и думалъ: Тассъ долженъ былъ перейти эти подъемные мосты, миновать вооруженную стражу и очутиться въ крѣпости, наполненной придворными и слугами; разумѣется, ему было тѣсно. Больница св. Анны находится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ зàмка по большой улицѣ и ничего не сохранила отъ прежняго вида, кромѣ темницы Тасса, запрятанной теперь въ темномъ углу корридора.

Прямо передъ нею находился садикъ, и тотчасъ изъ него была дверь въ темницу, изрѣзанная, исписанная, исковерканная, чуть-чуть не искусанная путешественниками, особливо англичанами. Байронъ собственною своею аристократическою рукой вырѣзалъ гвоздемъ на сосѣдственной стѣнѣ пять буквъ своей фамиліи. Этою дверью входите вы въ сырой погребъ; чичероне показываетъ вамъ на противоположной стѣнѣ замурованное окно, у котораго узникъ проводилъ цѣлые дни, смотря на зàмокъ, одинъ кирпичъ стараго помоста, мѣсто, гдѣ была кровать, и говоритъ: «Вотъ темница Тасса!» Что всего болѣе удивляетъ меня, такъ это отсутствіе природы между Леонорой и Тассомъ: тутъ нѣтъ, да и не могло быть ни дерева, ни ручья, ни уединенія, ничего такого, чтò такъ необходимо для любви, и къ чему мы такъ привыкли въ изображеніяхъ несчастной любви Торквато драматиками. Вся жизнь тогдашняго времени текла въ городахъ, стѣнахъ, промежду камней и полная шума, происшествій, интригъ, любви, ревности и даже поэзіи: въ этомъ водоворотѣ Тассъ и погибъ. Мы, сѣверные люди, не можемъ себѣ вообразить влюбленнаго поэта безъ голубого неба надъ нимъ, цвѣтовъ и солнца, а любовь въ тогдашней Италіи, напротивъ, связана была съ потаенною дверью, рѣшетчатымъ окномъ, спальнею любимой особы, съ домомъ, однимъ словомъ, и несла вмѣстѣ съ собою или высочайшее наслажденіе, или смерть, а по малой мѣрѣ заключеніе на семь лѣтъ и два мѣсяца, какъ это случилось съ Тассомъ. Даже до сихъ поръ сохранилось въ Италіи отвращеніе отъ загородной, сельской жизни. Въ Римѣ произвело оно пословицу: «lontano da cità, lontano da sanità» (далеко отъ города, далеко отъ здоровья), и странное явленіе для сѣвернаго жителя—съ наступленіемъ весны многіе переѣзжаютъ изъ виллъ своихъ въ городъ.

Въ Феррарѣ есть еще строеніе, принадлежащее исторіи поэзіи: это полуготическій домъ Аріоста. Онъ стоитъ почти на концѣ города: широкою лѣстницей подымаетесь вы въ спальню и вмѣстѣ кабинетъ поэта. Это просторная и совершенно пустая комната, потому что всѣ вещи его, чернилица, кресло, столъ перенесены въ университетъ. Изъ оконъ

видъ въ поле, и хотя множество построекъ обогнало уединенный домъ творца «Орландо», но все еще видны виноградники, пепельнаго цвѣта оливы, вишня, орѣховое дерево и чистое, прозрачное небо. Этотъ человѣкъ устроился съ жизнью лучше пылкаго, несчастнаго Торквато.

На другой день рано утромъ пріѣхали мы въ Болонью, нынѣ пустую, мрачную и угрюмую, чему много способствовала послѣдняя неудачная ея революція, но нѣкогда блестящую и оживлявшуюся 12,000 студентовъ изъ всѣхъ націй. Первый мой визитъ, разумѣется, былъ въ старый университетъ ея, который нынѣ ресторируютъ. Чудная вещь этотъ университетъ! Представьте себѣ потолки и стѣны лѣстницы, внутренней галереи, комнатъ и коллегій, покрытые рисованными гербами лицъ, получившихъ докторскую степень. Мѣста нѣтъ, гдѣ бъ не было львовъ, дворянскихъ коронъ, рыцарскихъ шлемовъ, развѣвающихся перьевъ, мечей, звѣздъ и всей геральдической путаницы. Сколько тутъ гербовъ, покрытыхъ кардинальскими шапками, герцогскими коронами! Есть даже такіе, которые осѣняются папскими тіарами и королевскими вѣнцами и лучше всякаго описанія свидѣтельствуютъ о благосостояніи университета, считавшаго въ числѣ учениковъ своихъ первыхъ людей вѣка. Пестро, весело выглядываютъ опустѣлыя стѣны подъ этою геральдическою сѣтью, гдѣ гербы прославившихся профессоровъ составляютъ солнца, около которыхъ вьются, какъ звѣзды, гербы ихъ знаменитыхъ и часто могущественныхъ слушателей.

При выходѣ изъ университета вожатый мой дернулъ меня за полу и прошепталъ: «Смотрите, смотрите: вонъ идетъ Россини!» Прямо на меня шелъ небольшаго роста человѣкъ, блѣднолицый, съ маленькими, быстрыми и веселыми глазами и улыбкой. Магазинщики, торговцы и всѣ встрѣчные снимали передъ нимъ шапки. Онъ шелъ какъ принцъ, едва успѣвая отвѣчать на поклоны и награждая кого ласковымъ взглядомъ въ замѣнъ привѣтствія, кого улыбкой, кого простымъ движеніемъ руки... Я былъ увлеченъ этимъ тріумфомъ знаменитаго маэстро и также снялъ шляпу: онъ по

смотрѣлъ на меня пристально, прикоснулся къ полямъ шляпы и прошелъ далѣе, оборачиваясь на всѣ стороны и часто подавая голову впередъ, что было какимъ-то граціознымъ сокращеніемъ поклона. Я долго смотрѣлъ ему вслѣдъ до тѣхъ поръ, пока не скрылся онъ за угломъ. Россини развелся съ женой, живетъ съ какою-то француженкой и, упитанный славой, лестію, всѣми благами земли, впалъ въ летаргическое состояніе и, какъ говорятъ италіанцы, рѣшительно ничего не дѣлаетъ, кромѣ любви.

Болонья, какъ и Венеція, имѣла свою школу живописи, которая, явясь послѣ всѣхъ, получила въ наслѣдіе опытность, но потеряла религіозное вдохновеніе, младенческую простоту и святость, такъ сказать, живописи, къ чему одна партія художниковъ, подъ предводительствомъ Овербека, старается возвратиться; приверженцы ея носятъ названіе «пуристовъ» отъ противной партіи. Въ Болонской академіи любовались мы произведеніями Каraччи, Доминикино и «Избіеніемъ младенцевъ» Гвидо Рени, этого щеголя, который говорилъ, что онъ имѣетъ сотню манеровъ заставить женщину смотрѣть на небо въ картинѣ. Это слово всего лучше поясняетъ самую школу. Тутъ же стоитъ удивительная «Сесилія» Рафаэля, которая отъ всѣхъ этихъ умныхъ произведеній отдѣляется, какъ вдохновеніе отъ работы. Удивительное чудо! Св. Сесилія, заслушавшись хора ангеловъ, выпускаетъ изъ рукъ трубки органа. Кругомъ ея Павелъ апостолъ, Іоаннъ евангелистъ, Августинъ и Марія Магдалина. Выраженіе божественнаго восторга на поднятой головѣ ея, конечно, вещь потерянная для художниковъ нашего вѣка.

Поглазѣвъ на двѣ косыя башни да осмотрѣвъ Campo Santo или кладбище, гдѣ въ великолѣпныхъ галереяхъ и залахъ размѣщаются покойники и памятники ихъ граціозно и симетрически, такъ что со временемъ это будетъ второе мраморное народонаселеніе Болоньи, весьма полезное для исторіи искусства,—выѣхалъ я въ Анкону, имѣя четырехъ испанскихъ капуциновъ товарищами: они отправляются въ Сирію для пропаганды и королемъ своимъ считаютъ дона-Карлоса; Кабрера—великій человѣкъ у нихъ, погибшій отъ

измѣны, Эспартеро—пустой честолюбецъ, безъ способностей и ума. Королева (которую, между прочимъ, я видѣлъ въ Венеціи) наказана Провидѣніемъ справедливо за посягательство на монастыри и революціонныя мысли свои... Они пояснили мнѣ много состояніе Испаніи. Такимъ образомъ, бесѣдуя съ почтенными братьями, ѣхали мы въ Анкону, имѣя съ одной стороны Адріатическое море, съ другой—Аппенинскія горы, а пространство между ними—занятое садами, зеленѣющимся хлѣбомъ, виноградниками и фруктовыми деревьями. Нѣкоторую противоположность съ прекрасною природой составляли выбритыя маковки капуциновъ, босыя, грязныя ноги ихъ, капишоны, перевязанные веревками, и нестерпимый запахъ пота, свободно выходившій изъ поръ и открытой шеи, когда сбрасывали они колпаки назадъ...

Въ Анконѣ, полюбовавшись на мраморную арку Траяна, поставленную на берегу гавани, имъ устроенной, и высоко рисующуюся на небѣ и вѣчно омываемую волнами моря, да осмотрѣвъ крѣпость, недавно очищенную французами, я взялъ ветурина—частную карету. 200 италіанскихъ миль до Рима (италіанская миля немного побольше русской версты) сдѣлали мы въ недѣлю: эта недѣля—одна изъ самыхъ насладительныхъ въ моей жизни. Первый предметъ на пути моемъ, подвергшійся строгому осмотру, была Лореттская церковь Богородицы. Вы знаете, подъ великолѣпнымъ куполомъ ея стоитъ святой домъ, гдѣ жила въ Назаретѣ Марія. Этотъ каменный четвероугольникъ окруженъ снаружи другимъ, каррарскаго мрамора, на которомъ горельефы и статуи сивиллъ и пророковъ, чудеса искусства временъ Возрожденія. Съ наружной стороны окна, гдѣ случилось благовѣщеніе, алтарь; внутри дома, на мѣстѣ, гдѣ была главная дверь жилища, алтарь, со статуей Мадонны изъ кедра, рѣзьбы св. Луки, засыпанною драгоцѣнными камнями. Великолѣпныя, серебряныя лампады кругомъ карниза едва прогоняютъ мракъ этого святилища, въ которомъ вы видите мужчинъ и женщинъ, распростертыхъ на полу, и слышите тихій плачъ и заглушаемое рыданіе... Колѣнки приходящихъ къ Мадоннѣ за помощью и утѣшеніемъ вытерли мраморъ наружной сту-

пеньки и превратили ее въ желобокъ. Благочестивое преданіе говоритъ, что домъ Маріи былъ все время переворотовъ въ Сиріи покрытъ облакомъ отъ нечестивыхъ глазъ; потомъ ангелы перенесли его въ Далмацію. Три года стоялъ онъ въ Далмаціи, не производя большаго вліянія на христіанскій міръ; тогда ангелы перенесли его въ Лоретто. Іезуиты основали тутъ монастырь, и богатство всей католической Европы потекло къ нему. Французы ограбили церковь и монастырь въ 1798 году; теперь, однакожь, снова сокровищницы ихъ полнѣютъ, и богатѣетъ самый городъ, производящій торговлю одними четками, серебряными сердечками, коронками изъ цвѣтовъ и другими вещами для приношеній знаменитой Лореттской Мадоннѣ. Но что за природа— удивительно! Надо вамъ сказать: рѣдко здѣсь встрѣтишь деревню, которая столпилась бы въ одномъ мѣстѣ, оставляя поля, ей принадлежащія, разстилаться зелеными степями на необозримомъ пространствѣ. Здѣсь бѣлые домики поселянъ стоятъ посреди виноградниковъ, отдѣленные другъ отъ друга садами плодоносныхъ деревьевъ, и цѣлая огромная долина являетъ признакъ жизни во всѣхъ концахъ своихъ. Бордюромъ восхитительной картины, которая представляется сверху, служатъ горы, а иногда старый римскій водопроводъ, тянущійся на безчисленныхъ и колоссальныхъ аркахъ своихъ, какъ гигантскій змѣй черезъ всю поляну. Въ Серравале поднялись мы на Аппенины, и когда достигли самой высокой точки ихъ, остальная цѣпь горъ распахнулась передъ нами, какъ будто на время раздвоилось море, и мы увидѣли дно его.

Тутъ спустились мы въ цвѣтущую долину Фолиньо, откуда понесло на насъ благоуханіемъ; рѣчка Клитумнъ извивалась, то свѣтясь, то пропадая за зеленью садовъ, а маленькій, необычайно граціозный храмикъ Діаны (нынѣ церковь) стоялъ какъ жилище божества-хранительницы этого счастливаго мѣста. Въ Терни видѣлъ я природу во всемъ строгомъ ея величіи. Римляне отвели каналомъ рѣку Веллино отъ настоящаго теченія ея: рѣка бѣжала до краю волканической скалы, обрывавшейся пропастью; тутъ всею мас-

сою воды упала она внизъ, своротила вѣковые камни, образовала еще нѣсколько водопадовъ, подняла облака влажной пыли, зашумѣла и загремѣла на всю окрестность и такъ осталась донынѣ. Это называется каскадомъ Терни. Чудо!.. Наконецъ, у Отриколи, до котораго доходили предмѣстья древняго Рима, показался Тибръ, три раза извившійся прежде дальнѣйшаго, правильнаго своего теченія. Мы переѣхали его сперва у Боргето по мосту, построенному Августомъ, а въ другой разъ уже подъ самымъ Римомъ черезъ Понте-Молле. Тутъ вступили мы въ Римъ, имѣя съ одной стороны Ватиканъ и куполъ Петра, а съ другой—гору Пинчіо, мѣсто погребенія Нерона. Спустя минутъ пять, проѣхали мы ворота del Popolo, и были въ сердцѣ новаго Рима, на Corso, улицѣ, которая ведетъ къ Капитолію, римскому Форуму и Палатинской горѣ, а оттуда уже видны арка Тита и Колизей!

Вотъ я уже здѣсь двѣ недѣли; отыскалъ Гоголя, который и указываетъ мнѣ точки для наблюденія въ этомъ морѣ, гдѣ вѣкъ римлянъ и вѣкъ Микель-Анджело и Рафаэля соединились, чтобъ сдѣлать его неисчерпаемымъ. Нѣкоторые говорятъ, что Римъ отживаетъ теперь третій вѣкъ—англійскій. Въ самомъ дѣлѣ, англичанъ такое множество, и всѣ съ книжками. Даже дамы, съ описаніями и маленькими картами въ рукахъ, съ очками на носу и придерживая одною рукой платье сзади, лазятъ на куполы, колонны и глазѣютъ на ганимедовъ, лебедей и пр. Удивительный городъ! Раза три въ день непремѣнно подымаетъ онъ бурно всю внутренность, ударитъ по всѣмъ струнамъ души, и нигдѣ такъ часто не сходитъ на человѣка то, что̀ называется святыми минутами: какъ же и любятъ его художники! Но я еще не имѣю права говорить объ этомъ, не видавъ и сотой части его. Двѣ только особенности мнѣ ясны: первая—это народонаселеніе, которое живетъ на мѣстахъ древнихъ римлянъ, не имѣя ни малѣйшаго права назвать ихъ своими предками, точно какъ въ забытомъ дворцѣ управитель помѣщается въ самыхъ комнатахъ владѣльца; вторая состоитъ въ томъ, что всякій заѣхавшій въ Римъ совершенно отдѣляется отъ современности, забываетъ газеты, Европу, откры-

тія и предается воспоминаніямъ исторіи и искусства: другого нѣтъ разговора, какъ статуя, картина, новая находка въ этой землѣ, до сихъ поръ еще наполненной шедёврами древнихъ.

Я опишу вамъ теперь церемоніи Страстной и Святой недѣли. Въ четвергъ на Страстной недѣлѣ церковь Петра наполнилась народомъ. Въ одной изъ боковыхъ часовенъ его приготовленъ былъ тронъ со скамейками, которыя около двухъ часовъ по полудни заняты были кардиналами въ красныхъ шапкахъ. У ногъ каждаго изъ нихъ сѣлъ духовный изъ свиты. Немного подалѣе, въ бѣломъ одѣяніи, помѣщалось 12 сельскихъ священниковъ, изображавшіе апостоловъ. Ровно въ полдень выстрѣлы съ крѣпости св. Ангела возвѣстили, что папа выступилъ изъ Ватиканскихъ палатъ своихъ; онъ возсѣлъ на тронъ, совершенно закрытый длинною, широкою мантіей, концы которой придерживали кардиналы-діаконы, такъ что видна была одна ветхая голова его, особенно отличающаяся какимъ-то болѣзненнымъ, плачущимъ выраженіемъ. Тутъ кардиналъ прочелъ Евангеліе; другіе сняли съ него мантію, подвязали фартукъ, и окруженный свитою принцевъ церкви, тронулся онъ къ апостоламъ, лилъ изъ золотой вазы воду на обнаженныя ноги ихъ и утиралъ полотенцемъ: такъ свершилось омовеніе ногъ, за которымъ слѣдовало въ одной изъ залъ Петра угощеніе бѣдныхъ священниковъ. Тихо и не подымая глазъ, ходилъ промежду двухъ рядовъ ихъ папа, раздавая плоды, цвѣты и проч., между тѣмъ какъ принимающіе падали на колѣни и цаловали руки его. Въ среду, четвергъ, пятницу вечеромъ исполнялись въ Сикстинской часовнѣ, послѣ псàльмовъ, папскими пѣвчими тѣ духовные концерты, которые, подъ именемъ Miserere, такъ славятся въ Европѣ; но я скажу вамъ, что мнѣ чрезвычайно трудно было привыкнуть къ голосу здѣшнихъ пѣвцовъ.

Не упоминая вамъ о другихъ, побочныхъ церемоніяхъ, какъ-то: бичеваніи при затушенныхъ свѣчахъ у іезуитовъ, о крещеніи жидовскаго семейства у Іоанна Латеранскаго и о всеобщемъ покаяніи, я прямо перейду къ обѣднѣ Свѣтлаго Воскресенія, совершавшейся самимъ папою. Начиная съ по-

лудня и до ночи, вся суббота гремѣла выстрѣлами, которые производились частными людьми въ домахъ посредствомъ петардъ, маленькихъ пистолетовъ и проч. Въ десять часовъ, въ воскресенье, предшествуемый кардиналами, швейцарскими латниками въ костюмахъ среднихъ вѣковъ, отрядомъ гвардіи своей изъ дворянъ, всѣми канониками и министрами своими, показался папа на носилкахъ. Народъ, наполнявшій церковь, и два ряда солдатъ, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ шествія, преклонили колѣна. Такъ несомъ онъ былъ при трубномъ звукѣ и осѣняемый двумя павлиньими опахалами до самаго алтаря св. Петра, гдѣ, сошедъ съ человѣческихъ плечъ и возсѣвъ на тронъ, началъ обѣдню. Въ 12 часовъ такимъ же образомъ внесли его въ колоссальное окно главнаго фасада церкви. Поднявшись въ носилкахъ на ноги и рисуясь такимъ образомъ всею фигурой своею на темномъ фонѣ балкона, далъ онъ благословеніе городу и міру. Войско застучало въ барабаны, раздались пушечные выстрѣлы съ крѣпости св. Ангела, и когда все поуспокоилось, еще разъ поднялся онъ, возвелъ глаза къ небу и потомъ, спустивъ ихъ на тьму тьмущую народа, наполнявшаго площадь, новымъ благословеніемъ отпустилъ всѣмъ грѣхи.

Тутъ полетѣли съ балкона индульгенціи и самый листъ всеобщаго отпущенія внизъ; народъ кинулся ловить... Балконъ опустѣлъ. Такъ кончилась церемонія, не произведшая на меня сильнаго впечатлѣнія.

Гораздо лучше освѣщеніе купола Петровскаго. Вообразите себѣ на черномъ небѣ горящій, огненный пантеонъ. Какъ какой-нибудь неслыханно огромный матовый колпакъ лампы, висѣлъ онъ надъ вѣчнымъ городомъ. Въ восемь часовъ была перемѣна огней. Еще не затихъ звукъ башеннаго колокола, какъ непостижимымъ механизмомъ облился онъ весь яркимъ блескомъ въ замѣнъ перваго нѣжнаго блеска своего, и долго за полночь еще видны были струи огненныхъ полосъ на колоссальныхъ бокахъ его. Это чудо! Въ понедѣльникъ былъ фейерверкъ съ крѣпости св. Ангела, Адріановой гробницы. Каскады лились по стѣнамъ, на площадкахъ являлись храмы; громъ пушекъ придавалъ что-то

грозное и величественное этому фейерверку, заключившемуся громоносным изображеніемъ изверженія Везувія. Съ послѣднею ракетой кончились торжества, а съ тѣмъ кончается и сіе письмо мое. Будетъ! Ужаснѣйшее письмо, когда-либо писанное человѣкомъ! Но чудовищная длиннота его должна вамъ показать, какъ хотѣлось бы мнѣ говорить съ вами. Неужто не вызоветъ оно отвѣта съ вашей стороны? Адресъ мой, и проч.

VI.

Флоренція. 3-го сентября 1841 года.

Не знаю рѣшительно, съ чего вамъ начать розсказни мои. Къ чему ни повернусь, вездѣ надо говорить долго; предметы толпятся въ головѣ, и ни одному нельзя дать преимущества передъ другимъ: столько разныхъ костюмовъ, столько разныхъ обычаевъ, столько чудесъ разныхъ цивилизацій—древней, XV столѣтія, арабской—видѣлъ я, что, право, нахожусь въ положеніи, начиная это письмо, тѣхъ дельфиновъ и драконовъ, которые, въ запустѣлыхъ бассейнахъ и садахъ стоятъ цѣлые годы съ разинутыми ртами, не выплескивая и капельки водицы. О, только бы переѣхать мнѣ Альпы! За ними письма писать къ друзьямъ уже ничего не значитъ. Тамъ уже нѣтъ этого множества тысячелѣтій, оставившихъ замѣтки, этого мелкаго раздѣленія одного народа на множество вѣтвей совершенно различныхъ и, наконецъ, этой роскоши геніальныхъ произведеній, которыя обступаютъ васъ, какъ только беретесь вы за перо, какъ дѣти, когда гувернеръ дѣлитъ имъ фунтъ конфектъ и когда, выведенный изъ терпѣнія, принужденъ бываетъ закричать: «Отойдите, никому ничего!» За Альпами живешь на почвѣ совершенно извѣстной, опредѣленной, разложенной и оцѣненной, ясно видишь движеніе умовъ, знаешь, откуда началась каждая партія и куда идетъ. Стоитъ только въ хорошій, солнечный день надѣть зеленыя очки да выйти на улицу или даже и не выходить, а просто посидѣть у воротъ часочекъ, и дѣло кончено: письмо готово. Ужь не говорю

про то счастливое время для корреспонденціи, когда на свѣтѣ было только семь чудесъ...

Я прожилъ въ Римѣ три мѣсяца: характеръ города много способствовалъ къ тому. Вообразите себѣ, что на свѣтѣ есть столица, куда надо пріѣзжать для того, чтобъ войти въ самого себя и жить въ какомъ-то благородномъ и плодовитомъ уединеніи, посреди древности и произведеній искусства, изъ которыхъ многія—границы творчества, за какую уже и не перейдутъ люди. Голосъ Европы доходитъ сюда ослабленный и едва внятный; но это не китайское отъединеніе отъ всеобщей жизни, а что-то торжественное и высокое, какъ загородный домъ, гдѣ работалъ великій человѣкъ. Иногда казалось мнѣ, что Европа нарочно держитъ этотъ удивительный городъ, окруженный мертвыми полями съ остатками водопроводовъ, гробницъ и театровъ, какъ виллу свою, куда высылаетъ она успокоиться сыновъ своихъ отъ смутъ, тревогъ, партій и всякаго треволненія. Кромѣ художниковъ, сюда пріѣзжаютъ всѣ раненые на великихъ побоищахъ Европы: здѣсь живетъ Донъ-Мигуэль, да здѣсь же жила и Летиція, Наполеонова мать, и всякій разъ, какъ совершался великій переворотъ, изъ Европы пропадаетъ вдругъ какое-нибудь громкое имя, а въ Римѣ тихо и незамѣтно появляется новое. Отсюда Гёте вынесъ послѣднее свое аттическое художническое воззрѣніе на жизнь. Но какъ же тихо бываетъ здѣсь заѣзжимъ нашимъ туристамъ, офицерамъ, совѣтникамъ, поѣхавшимъ прогуляться немного, и проч.! Послѣ великаго восхожденія на куполъ Петра да осмотра Ватиканскихъ залъ, безконечныхъ, какъ мнѣ удалось слышать, да посѣщенія ночью, съ двумя факелами, Колизея,—хоть удавиться отъ скуки. Я нѣсколько разъ былъ вопрошаемъ: что̀ вы дѣлаете здѣсь такъ долго? И доходили до меня слухи, что великая эта задача ими же самими и была разрѣшена слѣдующимъ образомъ: у него здѣсь есть любовишка. А я между тѣмъ жилъ рядомъ, стѣна объ стѣну съ Гоголемъ и въ сообществѣ трехъ или четырехъ русскихъ художниковъ, которые, можно сказать безъ пристрастія, при нынѣшнемъ направленіи живописи къ картинамъ нравовъ

или случайностей (tableaux de genre) и вообще умельчаніи искусства, одни только и работаютъ, что̀ называется, по мѣрѣ силъ. Довольно упомянуть о колоссальныхъ трудахъ гравера Іордана и живописца Иванова, котораго «Магдалина» осталась въ памяти даже у петербургской публики. Первый уже четыре года трудится надъ эстампомъ съ «Преображенія» Рафаэля, и можетъ быть, столько же годовъ осталось для окончанія этого подвига; но тогда Европа будетъ имѣть эстампъ съ этого чуда Рафаэлева, за которымъ застала его смерть, эстампъ, какого до сихъ поръ у нея нѣтъ и не было. Я видѣлъ какъ самую доску, такъ и рисунокъ: кажется, не возможно сдѣлать копію болѣе вѣрную и болѣе оживленную духомъ оригинала. Ивановъ пишетъ картину «Появленіе Мессіи». Множество группъ, уже пріявшихъ крещеніе у Іоанна Предтечи, и нѣсколько лицъ, ожидающихъ его, вдругъ поражаются словомъ учителя, который, простирая руки, съ вдохновеннымъ взоромъ указываетъ имъ вдали на тихо приближающагося Іисуса: «Се Человѣкъ, у Котораго недостоинъ я развязать и ремень сапога!» Видно электрическое дѣйствіе этого движенія на всѣхъ лицахъ, которое переливается и на зрителя, знающаго, что съ этого времени начинаются проповѣди Іисуса и наша религія... Что̀ еще сказать вамъ? Одно развѣ: при всемъ разнообразіи этихъ лицъ нельзя не быть поражену естественностью всѣхъ ихъ позъ и какою-то эпическою простотою цѣлаго, которая такъ хорошо согласуется съ евангельскимъ разсказомъ. При мнѣ также Пименовъ и Логановскій, два русскіе скульптора, прославившіеся въ Петербургѣ статуями Бабочника и Сваечника, начали вырубать изъ мрамора новыя свои произведенія, первый—мальчика, просящаго милостыню и такъ граціозно почесывающаго въ головѣ, такъ нехотя протягивающаго руку, но такъ убѣдительно смотрящаго, а второй—прелестнаго Абадонну, въ тяжелой грусти опустившаго голову на грудь и полнаго печальныхъ мыслей, которыя, однакожь, ни мало не измѣнили пластической красоты его лица и всѣхъ формъ...

Однакожь я ушелъ въ сторону, а еще заклятіе давалъ

себѣ не распространяться. Назадъ, назадъ! Итакъ, съ ними-то жилъ я... И мы проѣзжали уединенныя римскія поля и были въ горахъ, съ которыхъ видъ на поля—что на море, съ тою разницей, что никогда море не навѣетъ на васъ такого расположенія духа. Были во всѣхъ этихъ мѣстахъ, прославленныхъ красотами природы, историческими воспоминаніями, дворцами и виллами папскихъ племянниковъ, Альбано, Фраскати, Тиволи, Субіако, и наконецъ, углубившись еще далѣе въ горы, на границѣ Абруццовъ, въ городахъ, которые лѣпятся на вершинахъ скалъ, къ которымъ нѣтъ дорогъ, и гдѣ извѣстенъ только одинъ способъ сообщенія: это—верхомъ на ослѣ. Въ этихъ городахъ встрѣтили мы народонаселеніе совершенно дикое, едва знающее употребленіе монеты и, кажется, только сейчасъ вышедшее изъ перваго состоянія человѣка естественнаго, à la Rousseau. И это рядомъ съ Римомъ! Да что! Въ Сабинскихъ горахъ есть еще деревни, гдѣ говорятъ по латыни! Но со всѣмъ тѣмъ нельзя же даромъ жить на классической почвѣ; какъ нынче, такъ и за нѣсколько вѣковъ, люди и народы, приходившіе въ Римъ, всегда уносили еще что-нибудь, кромѣ богатствъ его. Это моральное вліяніе Рима на народъ, теперь обитающій около него, отразилось въ общности его характера, имѣющаго что-то гордое, независимое, и проявилось въ эстетическомъ вкусѣ, ему врожденномъ. Послѣднее качество всего болѣе выказывается въ празднествахъ, да не въ тѣхъ, которыя имѣютъ какой-то офиціальный характеръ, какъ торжества Святой недѣли, празднуемыя больше, кажется, для иностранцевъ, чѣмъ для Рима, а въ національныхъ праздникахъ іюня мѣсяца, когда знамена съ изображеніемъ мучениць развѣваются по вѣтру, капуцины со свѣчами въ рукахъ тянутся въ длинныхъ процессіяхъ, проповѣдники на всѣхъ углахъ площадей поучаютъ народъ, и на улицахъ стрѣляютъ изъ петардъ. Какія тутъ встрѣчаются женскія лица, какіе костюмы, и что̀ иногда дѣлаютъ самыя незначительныя деревнюшки, такъ просто чудо! Такъ, напримѣръ, въ Женсано мостовая, по которой идетъ духовная процессія, расчерчивается въ прихотливыя фигуры мѣломъ: по нимъ

сыплются разнородные цвѣты; въ числѣ этихъ фигуръ есть гербы папы, кардиналовъ, львы, арабески, все изъ цвѣтовъ. Мостовая вдругъ покрыта великолѣпнымъ ковромъ, который, ужь безъ всякаго сомнѣнія, превышаетъ всѣ ковры въ мірѣ яркостію красокъ. Едва только минуетъ процессія, какъ все это количество розъ, маку, лилій смѣшается и составляетъ какую-то мраморную груду. Гдѣ жь это выдумается, скажите пожалуйста, кромѣ Рима? Буйные порывы римской черни, случающіеся очень часто и напоминающіе времена италіанскихъ республикъ среднихъ вѣковъ, значительны еще тѣмъ, что это обыкновенно осужденіе какого-нибудь преступленія, не подлежащаго законамъ. Такъ, когда принчипе Доріа обольстилъ дѣвушку обѣщаніемъ жениться на ней и привелъ ее къ смерти обманомъ и измѣной, народъ своротилъ погребальную процессію жертвы съ настоящей дороги и заставилъ ее пройти мимо дворца принчипе, который послѣ этого и уѣхалъ изъ Рима. Да и самъ я былъ свидѣтелемъ, какъ жестоко былъ освистанъ гробъ другого принчипе, Піомбино, не любимаго за скупость и который заперъ свою великолѣпную виллу Людовизи и не пускалъ никого смотрѣть знаменитыя ея статуи и фрески. Освистали мертваго, освистали совершенно, хоть и полиція навѣрное знала, что Піомбино будетъ освистанъ.

19-го іюля выѣхалъ я изъ Рима въ Неаполь, унося съ собою воспоминаніе о всѣхъ древнихъ чудесахъ его, мною весьма подробно осмотрѣнныхъ, изъ которыхъ иныя стоятъ подъ открытымъ небомъ, поросшія плющемъ, связываемыя новыми полосами желѣза отъ времени до времени или укрѣпленныя колоссальною стѣной, какъ Колизей, и эта стѣна есть сама по себѣ великій памятникъ; другія стоятъ въ великолѣпныхъ залахъ Ватикана. Что касается до Рафаэля и Микель-Анджело, то эти вѣчные граждане Рима какъ будто и не умирали: имена ихъ звучатъ поминутно, поминутно. Унесъ я также воспоминаніе и о патріархальной дешевизнѣ, по случаю которой англійскіе нищіе играютъ здѣсь роли богачей; объ остеріяхъ его, гдѣ послѣ бутылки орвіето, національнаго вина, похожаго на шабли съ игрой, да стуфаты,

да макаронъ, да саладу, да жареной курицы, призываете человѣка, а сей, посмѣявшись надъ вашимъ аппетитомъ или надъ чѣмъ-нибудь инымъ и похлопавъ васъ дружественно по бедру, говоритъ: «Quaranta baiocchi, caro signor Paolo» (Сорокъ байоковъ, дорогой синьоръ Павелъ, то-есть, 2 рубля). Русскія, англійскія и нѣмецкія фамиліи не произносятся, потому что разъ уже у одного лопнула артерія отъ натуги и другіе были несчастные случаи.

Въ Неаполѣ—о какая разница!—только 150 миль, почти 200 верстъ отъ Рима, и уже вы можете въ сердцахъ или для практики поколотить своею палкой всякое досадное лицо изъ черни. Я пріѣхалъ вечеромъ, такъ что могъ еще застать представленіе въ Санъ-Карло, потому что спектакли начинаются здѣсь въ 9 часовъ вечера, когда уже надышется народъ вечернимъ воздухомъ, который дѣйствительно послѣ дневного зноя кажется бальзамомъ, освѣжающимъ всю внутренность. Санъ-Карло—огромная, вызолоченная зала, совершенно безъ вкуса. Заплативъ 2 р. 40 к. за мѣсто, я имѣлъ счастіе видѣть балетъ «Свадьба гардемарина», гдѣ переодѣтыя въ морскихъ кадетовъ танцорки врываются въ женскій пансіонъ, а потомъ дѣлаютъ разныя воинскія эволюціи. Танцорки обязаны здѣсь быть непремѣнно въ зеленыхъ костюмахъ: это такая отвратительная вещь, что описать нельзя; какое-то соединеніе женщины и лягушки,—и это послѣ строгаго, величественнаго Рима! Впечатлѣніе даже болѣзненно... Я пришелъ въ трактиръ свой, гдѣ потомъ разломали у меня замокъ и украли 300 рублей, и камердинеръ на лѣстницѣ спросилъ съ улыбкою: «А не украли ли у васъ платокъ?» Я пощупалъ карманъ: платокъ украли. И таковъ былъ первый мой вечеръ въ Неаполѣ. Но на другой день (я жилъ на берегу моря, платя за очень хорошую комнату 2 рубля въ день) я отворилъ окно: что за чудная картина открылась глазамъ моимъ! Трудно дать понятіе о сладострастіи, роскошныхъ линіяхъ, нѣгѣ Неаполитанскаго залива и другихъ, сосѣдственныхъ ему. Извѣстно, что Неаполь былъ мѣстомъ загородныхъ домовъ римлянъ. Сюда пріѣзжали они наслаждаться, проживать милліоны, проживать здоровье и жизнь,

а нѣкоторые и имперію. Имена Лукулловъ, Тиверіевъ, Нероновъ существуютъ до сихъ поръ на берегахъ этихъ, и кажется, не смотря на всѣ перевороты религіозные и политическіе, можно найти здѣсь, хотя въ умаленныхъ размѣрахъ, все то, чего они искали. Какими чудными, голубыми волнами заливаетъ море всѣ эти широкіе, утѣшающіе глазъ полукруги, которые образуютъ заливы Неаполитанскій, Салернскій и Пуцольскій! Жемчужны, почти прозрачны кажутся эти горы съ своими виноградниками, которыхъ лозы плетутся по стѣнамъ и воротамъ виллъ и спадаютъ внизъ фестонами. Какой лучезарный цвѣтъ отдаленіе сообщаетъ всѣмъ этимъ островамъ: Прочидѣ, Искіи, Капри! А между тѣмъ куда бы вы ни поѣхали изъ окрестностей Неаполя, всегда виденъ и точно поворачивается вокругъ васъ двухвершинный Везувій, выпускающій изъ себя постоянно легкую струю дыма. Само искусство здѣсь, служа страстямъ, приняло такое чувственное направленіе, что королевскій музеумъ въ этомъ отношеніи есть Капуя скульптуры: это все Венеры, любующіяся на самихъ себя; это фавны и нимфы, перевившіеся руками; это Тиверій съ любовницей на конѣ и проч. Помпея доставила и доставляетъ тѣ роскошныя фрески, которыя древніе имѣли въ своихъ спальняхъ, и право, никакой въ мірѣ балетъ не произведетъ на васъ такого дѣйствія, какъ королевскій Неаполитанскій музей.

Теперь мнѣ, однакожъ, приходитъ въ голову, что живописность предмета и его внутреннее достоинство—двѣ совершенно различныя вещи. Какое значеніе можетъ имѣть, напримѣръ, для путешественника, хоть ихъ очень много здѣсь, Неаполь съ низкимъ своимъ народонаселеніемъ, которое живетъ для лицемѣрства, мелкаго воровства и не имѣетъ даже характера, чтобъ быть хорошимъ воромъ? Что̀ вынесетъ онъ изъ этого шумнаго города, даже когда будутъ отворены ему ворота тѣхъ огромныхъ домовъ съ безчисленными балконами (дворцами ихъ нельзя назвать изъ опасенія обидѣть римскіе и здѣшніе флорентинскіе дворцы), въ которыхъ живутъ люди, поджидающіе вечера, чтобъ великолѣпнымъ экипажемъ прибавить шуму и давки въ Villa reale? Съ какимъ нетерпѣ-

піемъ ожидали здѣсь парадъ войскъ, такъ я удивился. А ужь это пошлое равнодушіе ко всему, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ и вокругъ ихъ, это сонное состояніе, въ которомъ и народъ, и высшіе окостенѣли, это даже меня придавило. Я ничего не видалъ подобнаго во всю дорогу... Самое жалкое впечатлѣніе производитъ здѣшняя литература. Существуетъ здѣсь пошлая и пустая политическая газета и называется «Газета Обѣихъ Сицилій», да еще ежемѣсячное «Обозрѣніе», тоненькое какъ ломтикъ хлѣбца, что въ дурныхъ пансіонахъ подаютъ на завтракъ дѣтямъ. Я вспомнилъ объ «Отечественныхъ Запискахъ», и онѣ мнѣ показались въ сравненіи съ ними Изидой... Въ этомъ «Обозрѣніи» первая статья была анекдоты изъ жизни Шиллера, потомъ ботаническая какая-то, потомъ критика стихотвореній одного импровизатора, сдѣлавшагося печатнымъ поэтомъ. Я считаю весьма дурнымъ признакомъ для литературы появленіе такъназываемыхъ снисходительныхъ критикъ, которыя обыкновенно доказываютъ посредственность и произведенія, и рецензента, но эта врядъ ли не превзошла всѣ въ этомъ родѣ критики, написанныя Олинымъ, Измайловымъ и проч. Тутъ вынимаетъ онъ четыре стиха и прибавляетъ: «нельзя лучше и вѣрнѣе изобразить» и проч.; или выпишетъ пять стиховъ и прибавитъ: «какъ хорошо послѣднее слово выражаетъ мгновенное...» и проч. За критикой—библіографія: двѣ брошюрки стиховъ, романъ въ двухъ томахъ, потомъ статья о театрахъ и аминь. Да ужь добро — и этого не читаютъ. Что жь остается дѣлать? А вотъ: описать восхожденіе на Везувій—этимъ Неаполь уже подарилъ не одну тысячу путешественниковъ. Пожалуй, и я не прочь отъ нихъ. Былъ на Везувіи, едва не задохся отъ усталости на послѣднемъ всходѣ; слышалъ, какъ онъ переваривалъ что-то и шипѣлъ подъ ногами; видѣлъ, какъ выкидывалъ массы дыма и огня; въ одномъ мѣстѣ, гдѣ потокъ подошелъ къ самой почвѣ, кора земли треснула, и я туда клалъ палку, и палка загорѣлась! Или... не хотите ли описанія поѣздки въ Соренто, гдѣ домъ сестры Тасса обращенъ теперь въ гостинницу? Или хотите, можетъ быть, описанія поѣздки въ лазуревый гротъ Капри?

Или желаете, статься можетъ, описанія прогулки въ Байю, гдѣ были Нероновы бани? Но я столько читалъ описаній всего этого, что рука не поднимается.

Еще не совсѣмъ пошло могло бы быть описаніе Помпеи, съ ея домами, дворцами, улицами, театрами, лавками, публичными мѣстами, гдѣ такъ удивительно связывается настоящая минута, вамъ принадлежащая, съ тою, когда городъ погибъ; но я усталъ и тороплюсь дать вамъ какое-нибудь понятіе о Палермо и Мессинѣ. Скажу только, что пестро и празднично являются всѣ эти стѣны, покрытыя фресками, ярко горятъ на солнцѣ всѣ эти колонны, и вамъ кажется, что вы пришли не въ умершій городъ, а въ гости или на праздникъ въ городъ, котораго жители гдѣ-нибудь на площади, въ амфитеатрѣ или форумѣ. Такъ до сихъ поръ сохраняетъ онъ отличительную черту всѣхъ неаполитанскихъ окрестностей.

Палермо былъ для меня все равно, что страница изъ «Тысячи-одной ночи». Сохранились еще дворцы арабскіе (дворецъ Зора), сохранились еще въ монастыряхъ эти галереи съ граціозными сводами, легкими колоннами, фантастическими капителями и фонтанами посреди (церковь и монастырь Монте-Реале). И все тутъ поощряетъ воображеніе къ разнымъ, можетъ быть, пустымъ сближеніямъ: террассы на домахъ и даже на фронтонахъ церквей, длинные, чреватые балконы въ верхнихъ этажахъ домовъ, закрытые желѣзными рѣшетками со всѣхъ сторонъ, пестрота мозаикъ, блистающихъ на наружныхъ стѣнахъ строеній, чудовищность воображенія, проявляющагося тамъ и сямъ и такъ подходящая къ духу арабской сказки: то капуцины ставятъ въ подземеліи высушенныя тѣла умершихъ, то владѣлецъ дачи украшаетъ ее изображеніями чудовищъ или обращаетъ въ кукольный монастырь траппистовъ, или какъ въ дачѣ... (фамилію забылъ), отворяете бесѣдку, и восковой кармелитъ подымается и благословляетъ васъ (разгулъ воображенія у народа, проявившійся въ этой неслыханно колоссальной колесницѣ св. Розаліи, возимой быками по городу); далѣе катедралъ города, частію мавританской архитектуры, къ кото-

рому такъ некстати придѣлали куполъ и лишили его родовой физіономіи; наконецъ, это ощутительное напоминовеніе бедуинской жизни въ недостаткѣ воды и страшномъ дѣйствіи солнца, пожигающаго траву и цвѣты... (О, что̀ за жары были нынче въ августѣ! Буквально жарко ногамъ отъ прикосновенія къ мостовой, глаза получаютъ воспаленіе, тяжело въ груди). Наконецъ, еще трепетъ сказочной, романической жизни въ этомъ городѣ и народѣ, который въ нашемъ вѣкѣ знаетъ употребленіе кинжала, сохраняетъ обычай отмщенія, и гдѣ находятъ на улицѣ раненыхъ, которые на вопросы друзей и юстиціи отвѣчаютъ: «Это наше дѣло». Все это, вмѣстѣ взятое (хотя при окончаніи ужаснаго сего періода, коимъ хочу отдѣлаться отъ васъ, совершенно я забылъ его начало), дѣлаетъ для воображенія присутствіе халифовъ востока и сказки его почти осязательными въ Палермо.

Мессина—новый городъ, выстроенный послѣ землетрясенія, и какъ новый городъ, не имѣетъ яркой физіономіи, подобно Палермо. Сцилла и Харибда его—эти лающія собаки древнихъ—состарѣлись, и водовороты ихъ можно видѣть только въ извѣстный часъ дня, когда образуются противоположныя теченія, да въ бурю. Черткова «Путешествіе по Сициліи» очень хорошо, вѣрно и дѣльно. Жаль одного: все онъ упрекаетъ ее Англіей и представляетъ ее въ примѣръ, какъ должно работать и извлекать выгоду изъ своего положенія! Эти сожалѣнія, что Сицилія не Великобританія, нѣсколько тщетны. Ужь Господь Богъ затѣмъ и создалъ Сицилію, чтобъ она была Сициліей!

Теперь живу я во Флоренціи, проѣхавъ Пизу, Лукку, Пистою и Прато, весь этотъ цвѣтникъ, весь этотъ фруктовый садъ, который называется дорогой отъ Ливорно во Флоренцію и пересѣкается черезъ каждыя 15 миль столицею. Иначе я не могу назвать эти города, наполненные дворцами, соборами, памятниками эпохи Возрожденія, за которыми слѣдить такое наслажденіе. Народонаселеніе честное, трудящееся, скопидомка и сладко говорящее тосканскимъ мягкимъ, горловымъ нарѣчіемъ. Къ 15-му сентября ожидаютъ съѣзда ученыхъ италіанскихъ и другихъ во

Флоренціи. Къ этому времени готовятся праздники, фейерверки. И герцогъ, и народъ считаютъ эти съѣзды происшествіями, достойными торжествъ. На счетъ италіанскихъ ученыхъ существуетъ, благодаря французамъ, въ Россіи какое-то смутное и неблагопріятное мнѣніе; но здѣсь я долженъ сказать вамъ великую истину. Какъ только италіанецъ вышелъ изъ толпы, отдѣлился отъ массы, то ужь не вѣрьте рѣшительно всѣмъ разглагольствованіямъ о лѣности, нѣгѣ, фарніенте италіанскомъ: онъ дѣлается трудолюбивъ, постояненъ, упоренъ и эрудиченъ, какъ дай Богъ нѣмцу. Труды Тирабоски, Ланци и проч. и проч.—лучшее этому доказательство.

Отсюда ѣду въ Миланъ; оттуда черезъ Швейцарію въ Парижъ.

Въ Россію буду скоро: можетъ черезъ годъ, а ужь много, много черезъ два...

VII.

Женева. 26-го октября 1841 года.

Не знаю, съ чего начать продолженіе описанія бродяжничества моего. Помнится, въ послѣднемъ письмѣ остановился я на Флоренціи. Долго надо бы говорить объ этой землѣ, чтобъ объяснить, почему Альфіери, проклявшій въ удивительныхъ сонетахъ, которые гораздо лучше трагедій его, Римъ, Пизу, Геную, пріѣхалъ умирать въ Флоренцію, и какъ это случилось, что во Флоренціи давно уже существуетъ публичное судопроизводство, между тѣмъ какъ только въ 1842 году заводятъ его въ Пруссіи, и отъ чего, окруженная сосѣдями съ самымъ строгимъ остракизмомъ въ отношеніи печати, она одна дозволила свободный впускъ всѣхъ иностранныхъ журналовъ, и по какому убѣжденію въ нынѣшній съѣздъ ученыхъ отдала она всѣ свои дворцы въ ихъ распоряженіе, и какъ это дѣлается, что въ самомъ сердцѣ Италіи народъ трудится, работаетъ и живетъ въ тишинѣ, не сдерживаемый ничѣмъ, кромѣ сознанія своего благополучія... Это рѣшительно италіанская Германія: даже въ фи-

зіономіи женщинъ, въ ихъ особенной полнотѣ, голубыхъ глазахъ и скромномъ, домашнемъ, благочинномъ сластолюбіи (не знаю, какъ выразить этотъ родъ сластолюбія) есть что-то нѣмецкое. Благословивъ Флоренцію и пожалѣвъ, что въ качествѣ земли, не имѣющей никакого вліянія на человѣчество (человѣчеству, собственно, и нѣтъ дѣла, счастлива ли она или не счастлива), выѣхалъ я въ Болонью, съ которой пять мѣсяцевъ тому назадъ началъ мое путешествіе по Италіи. Все та же она: также пуста, грустна и меланхолична; ничего съ нею не произошло, но со мною произошло многое. Господи Боже! Сколько въ эти пять мѣсяцевъ проѣхалъ я языковъ, дорогъ, морей! Я остановился въ томъ же самомъ трактирѣ, въ той же самой комнатѣ, и вечеромъ, отворивъ окно, припомнилъ весь интервалъ!.. Вспомнилось мнѣ также, что я приступалъ къ этому подвигу, совершаемому англичанами въ видѣ моціона для возбужденія дѣятельности желудка, съ нѣкоторымъ родомъ торжественности и робости... Но буди имъ вѣчная память! Я теперь, какъ лордъ Байронъ, знаю почти всѣ простонародныя проклятія италіанцевъ: Corpo di Bacco! и проч. и проч. Съ Болоньи началось мое торжественное шествіе на Миланъ, роздыхами коему служили Модена, Парма и Піаченца—три столицы, встрѣчающіяся на пространствѣ немного поменѣе 250 верстъ. Вамъ не безызвѣстно, что Модена есть Парагвай всей Италіи. Самыми сильными средствами прервано всякое сообщеніе мысли съ Европой. А между тѣмъ только голубыя Аппенины, только роскошныя поля, разлегшіяся у подошвы ихъ, отдѣляютъ Модену отъ Флоренціи!.. Супруги Наполеоновой не было въ Пармѣ, когда я прибылъ туда; а хотѣлось бы мнѣ взглянуть на нее. Въ замѣнъ этого въ Пармѣ были фреска Корреджіо и удивительная его картина, извѣстная подъ именемъ «Св. Іеронима». Съ самаго Рима не испытывалъ я впечатлѣнія болѣе сильнаго. Вся эта сцена ангела съ развернутою книгой, Христа-младенца, простирающаго къ ней руки, Божіей Матери, смотрящей съ улыбкой на движенія его, Магдалины, съ величайшимъ благоговѣніемъ цѣлующей его ногу,—вся эта сцена,

оттѣненная суровою фигурой Іеронима, полна небесной прелести, благоуханна невыразимо. Въ томъ же родѣ и другая его картина: Madonna della Scodella. Я никакъ не понимаю, почему нѣмецкая партія, старающаяся возвратить живопись къ строгому христіанскому началу, исключаетъ этотъ элементъ райской прелести, родившейся тоже изъ самаго глубокаго религіознаго чувства.

Тороплюсь разсказать вамъ мое знакомство и цѣлую недѣлю дружбы съ миланскимъ журналистомъ, издателемъ театральной газеты «Пиратъ», господиномъ Регли, получающимъ подарки отъ Доницетти, Тальйони и отъ всѣхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, проѣзжающихъ черезъ Миланъ. Онъ, вотъ изволите видѣть, совсѣмъ не такъ желченъ, какъ иные прочіе. На мое замѣчаніе о пошлости италіанской журналистики и о путаницѣ этихъ мягкихъ фразъ въ разборахъ и отчетахъ, которыя словно занавѣска, колеблемая вѣтромъ у окна, и открываютъ внутренность комнаты, и не открываютъ, онъ объявилъ мнѣ, что это дѣло условное, что это вещь, непонятная для иностранца, но что есть похвальныя фразы, выражающія осужденіе! Пуфъ! Такъ, напримѣръ, сказать: «опера вообще нравится» значитъ сказать, что опера никуда не годится, да и самъ онъ, Регли, имѣлъ исторію съ любителемъ танцовщицы, про которую откровенно сказалъ, что она заслуживаетъ вниманія. Можете теперь представить, сколько надо употребить восторга и энтузіазма при разборѣ вещи, дѣйствительно достойной похвалы. Съ какою наивностію показывалъ онъ мнѣ посвященіе своего театральнаго альманаха графинѣ Самойловой, въ которомъ называетъ ее знатокомъ, покровителемъ изящныхъ искусствъ въ его отечествѣ и проч., за что̀ и получилъ 600 франковъ! Наконецъ, онъ повелъ меня обѣдать къ молодому композитору, для котораго самъ сочиняетъ либретто, и я имѣлъ счастіе присутствовать при самомъ процессѣ созданія италіанской оперы. Послѣ обѣда, съ чашкой кофе, подошелъ онъ къ письменному столу, взялъ перо и набросалъ въ одну минуту четыре строфы романса, гдѣ cuor и amor звучали сильно; композиторъ пододвинулъ стулъ къ фортепіанамъ и стучалъ по нимъ до тѣхъ поръ,

пока выстукалъ мотивъ; мы, разумѣется, пришли въ неописанный восторгъ, а композиторъ, потирая руки, сказалъ: «Да, съ хорошею пѣвицей, и если разработать его хорошенько, онъ сдѣлаетъ свое дѣло». И вотъ, можетъ быть, черезъ годъ и на петербургской сценѣ мотивъ этотъ будетъ дѣлать свое дѣло при всеобщихъ рукоплесканіяхъ. Я удивился въ Миланѣ бѣдности историческихъ памятниковъ, которыми такъ щедро надѣлены италіанскіе города, да и вообще, если исключить бездну кофейныхъ домовъ, способствующихъ — не скажу публичной, чтобъ не обидѣть Аѳины и древній Римъ, по наружной жизни, какую обыкновенно ведутъ италіанцы, то въ этомъ городѣ съ большими домами безъ стиля и чистыми улицами нѣтъ уже ничего италіанскаго.

Соборъ удивителенъ. Кто-то сказалъ, что на крышѣ его онъ очутился въ лѣсу колоннъ и спицовъ, и этой гиперболѣ такъ посчастливилось, что она обошла весь свѣтъ, что я встрѣчался съ нею всякій разъ, какъ заходилъ разговоръ о соборѣ, и что она мнѣ очень надоѣла. Для перемѣны предлагаю слѣдующую, которую всякій учитель можетъ употребить для назиданія слушателей съ каѳедры: миланскій соборъ съ перваго раза кажется лопнувшимъ буракомъ фейерверка, который выкинулъ въ небо сотни звѣздъ съ огненными хвостами, и т. д.

Особенно замѣчательно въ этомъ соборѣ, что онъ былъ послѣднимъ усиліемъ готизма въ Европѣ, и поэтому уже не найдете вы въ немъ фантастическихъ барельефовъ, узоровъ, высѣченныхъ въ камнѣ, за которыми трудно слѣдить глазу, всего того, что̀ въ германскомъ готизмѣ и въ нѣкоторыхъ старыхъ церквахъ Италіи поражаетъ разгуломъ, прихотью воображенія. Все въ немъ правильно, чисто и симметрично. Это—классицизмъ готизма, если можно такъ сказать. «Путеводитель» мой говоритъ, что соборъ начатъ въ 1386 году, то-есть, именно, когда вся Европа кинулась въ древность. Вотъ почему онъ нѣсколько холоденъ и имѣетъ весьма фальшивую ноту въ общей гармоніи, а именно—куполъ, столь несвойственный готизму, хотя снаружи онъ и прикрытъ чѣмъ-то въ родѣ готической бесѣдки. Тяжело было, думаю, архитек-

торамъ строить соборъ этотъ между двухъ вѣрованій, двухъ противоположныхъ мыслей, двухъ методъ, исключавшихъ одна другую!

Что касается до огромной залы театра della Scala, за входъ въ которую платится 2 рубля 50 коп., то она, съ золотыми украшеніями своими по бѣлому, не такъ безвкусна и аляповата, какъ зала Санъ-Карло, но выстроена только для Каталани, Пасты и проч. Все, что̀ не Каталани, не Зонтагъ и прочее, погибаетъ, задушается этимъ пространствомъ, и усилія плохой пѣвицы, которую я слышалъ, наполнить его, походили, право, на предсмертныя страданія человѣка съ сильнымъ тѣлосложеніемъ. Судороги, крики, и потомъ тишина и ослабленіе: все было.

Наконецъ, изъ Милана пріѣхалъ я въ Геную: кинуть послѣдній прощальный взоръ на Средиземное море, по которому, буквально сказать, такъ много колесилъ я на пароходахъ, да взглянуть на знаменитые дворцы ея. Въ Генуѣ совсѣмъ неожиданно приснился мнѣ разъ—какъ думаете кто? Пріятель мой, декоративный живописецъ! Въ коричневомъ сюртукѣ стоялъ онъ передо мною, и я будто бы упрекалъ его горькими словами: «Какъ это вамъ не стыдно, жить Богъ знаетъ гдѣ, когда вотъ здѣсь въ улицѣ Гальби есть пустой дворецъ Дураццо? И что̀ вы это тамъ рисуете? Какія вы тамъ созидаете на полотнѣ клѣтушки съ окнами, какія лѣпите съ боку лѣсенки? Что за террассы вы тамъ мажете, которыя никуда не выходятъ, а если и выходятъ, то словно говорятъ: да что̀ тутъ смотрѣть; ничего нѣтъ любопытнаго? Да и сады ваши годятся только для прогулки нѣмкѣ, которой прискучило окошечко съ деревяннымъ балконцемъ и двумя горшечками цвѣтовъ на немъ. Да и осмѣлились ли вы когда нибудь-пустить воду такъ, чтобъ она не походила на дождевую лужицу, скопившуюся въ углубленіи? Переѣзжайте сюда, сударь. Здѣсь есть изъ камня, изъ мрамора, изъ гранита въ полной своей дѣйствительности лѣстницы великолѣпнѣе вашихъ храмовъ, переходы, галереи, террассы, подобныхъ коимъ не начертали еще мѣломъ на полотнѣ ни вы, ни учителя ваши, Мазонески и Роллеръ;

сады, балконы, залы, отъ которыхъ закружится у васъ голова, и вѣроятно, воскликнете вы: это ужь слишкомъ; намъ этого нельзя! Счастливъ будетъ тотъ день и много я порадуюсь, когда воображеніе ваше достигнетъ до величія одной изъ мраморныхъ переднихъ здѣшнихъ!» И отвѣчалъ мнѣ мой пріятель: «Охъ, Боже мой! Что̀ вы говорите? Вы не понимаете... Ужь нынче это принято у насъ, чтобъ лѣстницы вели на стѣну, въ кабинетахъ стояли огромныя колонны, на галереяхъ чтобъ не было видно и кошки, крыши украшались куполами, а въ садахъ стояли луксорскіе обелиски. Это для эфекта: вы не понимаете...» Тутъ я и проснулся. Прощай, Средиземное море; прощай, Италія! Отсюда переѣзжаю я въ Женеву, снова на почву политическихъ, историческихъ, философическихъ вопросовъ и всяческаго треволненія, и при семъ случаѣ не могу не возоблагодарить Италію за множество тихихъ, но самыхъ полныхъ наслажденій. Будь я поэтъ, непремѣнно написалъ бы прощаніе съ Италіей...

Вотъ я и въ Женевѣ. И чтобъ новая строка начиналась торжественнѣе, вотъ вамъ положеніе: Швейцарія находится въ сію минуту въ какомъ-то судорожномъ состояніи... Я уже вижу отсюда, какъ вы испугались, какой ужасъ объялъ васъ... Успокойтесь! Не можете себѣ представить, какъ находящіеся въ судорожномъ состояніи швейцарцы славно ѣдятъ здѣсь, какъ набиты ими всѣ кафехаузы, какая музыка на озерѣ, прогулка по восхитительнымъ берегамъ его, пикеты и экарте во всѣхъ публичныхъ залахъ. А между тѣмъ, съ недѣлю тому назадъ, подъ самыми стѣнами города было народное собраніе, говорятъ, въ 4000 человѣкъ; полемика журнальная идетъ жарко и сильно, партіи воюютъ и сшибаются на бумагѣ, собирается сеймъ въ Бернѣ. И если теперь вы не поймете здѣшняго уложенія, гдѣ всѣ говорятъ, но изъ круга частныхъ своихъ обязанностей никто не выходитъ, гдѣ только случай производитъ иногда грубую, отвратительную матеріальную ошибку, но въ общности все порѣшаетъ диспутъ, смягчаетъ, уничтожаетъ и возводитъ,— то назову васъ страннымъ человѣкамъ. Многіе говорятъ:

чѣмъ-то все это кончится? какой-то будетъ конецъ? А я нисколько этимъ не интересуюсь. Извѣстно, что какой-нибудь конецъ да будетъ, и извѣстно, что будетъ конецъ мирный, потому что негодованіе Европы задушитъ всякую попытку междоусобной войны. Для меня, скромнаго жителя сѣвера, странствующаго для назиданія своего, гораздо назидательнѣе и любопытнѣе настоящая минута, и хладнокровное, чисто сіантифичное наблюденіе борьбы страстей, испаряющихся или въ декламаціи, или закованныхъ въ печать, думаю, ни всѣми и никѣмъ другимъ въ дурную сторону не пріймется и въ вину мнѣ не причтется! Необычайное развѣтвленіе представительности, вслѣдствіе чего все выбирается — совѣтъ малый, совѣтъ большой, совѣтъ представителей, такъ что канцеляріЙки нельзя составить безъ выбора, такъ что почталіонъ, принесшій ваше письмо, мнѣ казался здѣсь представителемъ и ночной сторожъ депутатомъ отъ Морфея,—все это прибавляетъ еще новую полемику, и весьма важную, о правильности выборовъ, о законности ихъ, о духѣ, о аристократизмѣ, демократизмѣ, сомнамбулизмѣ и другихъ разныхъ «измахъ«, имѣющихъ, впрочемъ, каждый своего оратора и своего антагониста. Извѣстно, что всякій отдѣльный кантонъ есть государство независимое; но всѣ подчинены въ важныхъ случаяхъ рѣшенію сейма, который состоитъ изъ ихъ же собственныхъ депутатовъ,—и вотъ восьмой, или десятый, или пятнадцатый источникъ пренія: что̀ такое сеймъ? изъ чего составился сеймъ? правильно ли и здравомысленно ли разсуждалъ сеймъ? И эту распрю ведутъ уже не частныя лица, а уже цѣлые кантоны между собою. Знаменитый Сисмонди объявилъ на дняхъ въ рѣчи своей слѣдующее: «Кантоны такъ разнятся между собою нравами жителей, религіей и даже языкомъ, что одинъ не имѣетъ никакого права входить въ дѣла другаго. Это самое будетъ всегда препятствовать сейму дѣйствовать справедливо и съ знаніемъ обстоятельствъ. Да и по смыслу уложенія (Пакты) онъ можетъ принять рѣшительныя мѣры только въ случаѣ единодушнаго согласія всѣхъ членовъ; и возможно ли ожидать этого отъ двадцати-двухъ депутацій?» Ну, что̀ послѣ

этихъ словъ остается дѣлать? Впереди ничего нѣтъ, а въ настоящую минуту какъ будто все трещитъ, лопается подъ ногами... Право, на мѣстѣ этихъ швейцарцевъ, наложилъ я бы на себя руки, а они гуляютъ, курятъ, разсуждаютъ объ Америкѣ, и одинъ даже на упрекъ мой, что какъ ему не стыдно пить кофе съ ромомъ и цѣлый вечеръ смотрѣть, какъ другіе играютъ въ бильярдъ при такомъ отчаянномъ состояніи отечества, отвѣчалъ мнѣ флегматически: «Мы любимъ споры!»

Я посѣтилъ Ферней, дачу Діодати и зàмокъ Копетъ. Вольтеръ, Байронъ и г-жа Сталь! Даже вискамъ больно отъ соединенія этихъ именъ! Впечатлѣнія на мѣстѣ ихъ жилищъ весьма различны, столь же различны, какъ спокойная, холодная насмѣшка, позволяющая человѣку наслаждаться всѣми благами земли до глубокой старости, и кровная борьба съ обществомъ, которой все принесено въ жертву, или какъ различенъ отъ вышеупомянутаго шумъ, поднятый ради оскорбленнаго тщеславьица.

Однакожь, осмотрѣвшись, я вижу, что деревья стоятъ уже безъ листьевъ, небо туманно, озеро волнуется, съ горъ несетъ холодомъ. Всѣ разсчеты съ природой кончены. Пора въ теплую комнату, подъ свѣтъ театральной люстры, за романы и журналы и мудрствованія Миносовъ и Солоновъ нашего вѣка.

Ѣду въ Парижъ. Прощайте!

VIII.

Парижъ. 29-го ноября 1841 года.

Вотъ двѣнадцатый день, какъ народонаселеніе Парижа увеличилось еще одною единицей, а многочисленныя страсти, кипящія въ немъ, и о которыхъ вы достаточно начитались, умножились всѣмъ количествомъ страстей, квартирующихъ въ моей грѣшной особѣ. На лебедянской скачкѣ разъ случилось, что первый призъ выиграла простая мужицкая лошадь, которую два мѣсяца держали въ темной конюшнѣ и

прямо изъ нея вывели на ристалище. Оглушенная шумомъ, пораженная свѣтомъ, она пришла въ бѣшенство и—была у цѣли прежде англійскихъ скакуновъ. Прося прощенія у самого себя, скажу, что въ эти двѣнадцать дней я походилъ на ту лошадь... Театры, площади, обѣды, журналы, книги, магазины, все это поглотилъ я въ одинъ пріемъ, и удивляюсь, какъ выдержала его физическая и моральная моя организація. Теперь, когда сѣлъ я въ широкія кресла и придвинулъ къ себѣ десточку почтовой бумажки съ полнымъ намѣреніемъ наградить васъ однимъ изъ тѣхъ писемъ-слоновъ, къ которымъ вы должны уже теперь привыкнуть,—не знаю, какъ привести все видѣнное, выслушанное, вычитанное въ порядокъ и съ чего начать. Не начать ли съ обѣдовъ? Я совершенно убѣжденъ, что кто не обѣдалъ въ Пале-Роялѣ, тотъ никогда не обѣдалъ, и заклинаю васъ всѣмъ святымъ отбросить мысль, что вы когда-нибудь ѣли въ своей жизни, да и другихъ предостеречь отъ той же мысли.

Мы пріѣхали въ Парижъ въ пять часовъ ночи, самой темной и дождливой, какая только можетъ быть. Историческая ночь короля Лира передъ нею майскій день.

Я былъ радъ: мнѣ смерть не нравятся эти впечатлѣнія, раздробленныя квадратнымъ окошечкомъ кареты, гдѣ въ какой-то тяжелой путаницѣ для сознанія падаютъ на васъ только части предметовъ. Въ гостинницѣ дилижанса провелъ я первую ночь и въ полдень вышелъ на улицу Saint-Honoré. Въ ту же минуту Парижъ всталъ передо мною и зычнымъ голосомъ воскликнулъ: «Это я!» Огромные омнибусы разъѣзжаютъ въ узкой, грязной улицѣ съ узенькими тротуарами; высокіе-высокіе дома завѣшены вывѣсками, и одни только окошечки на самой крышѣ свободны отъ золотыхъ, голубыхъ и фіолетовыхъ надписей: это тѣ самыя, куда увлекалъ насъ, къ стыду сказать будущихъ моихъ дочерей, г. Поль-де-Кокъ, куда вносилъ аналитическій свой факелъ г. Бальзакъ, и откуда такъ часто сводятся обитатели на скамью обвиняемыхъ въ исправительную полицію; потянулись окна магазиновъ, заблистали кафе, бросились въ глаза афиши на углахъ, съ такими чудовищными буквами,

что Кадмъ отказался бы отъ чести изобрѣтенія азбуки, и книгопродавцы за зеркальными своими стеклами выставили картины, виньеты, каррикатуры, новыя книги, новыя брошюры... Что̀ смотрѣть? Куда идти?.. Необходимость идти куда-нибудь или, лучше сказать, спасаться, почувствовалъ я въ ту же минуту, какъ задалъ себѣ вопросъ, ибо промчавшаяся карета покрыла меня грязью съ ногъ до головы, а два носильщика едва не сбили съ ногъ. Къ числу немногихъ моихъ отличныхъ качествъ присоединилъ я еще новопріобрѣтенное въ путешествіяхъ: необычайный инстинктъ отыскивать замѣчательные предметы въ городахъ; перенесите меня въ Пекинъ—сейчасъ пойду по тому направленію, гдѣ долженъ наткнуться на императорскій дворецъ, и пр. Такъ случилось и здѣсь. Я все шелъ прямо и вышелъ къ Пале-Роялю, самъ не знаю какъ. Это дворецъ, образовавшій собою три двора: самое полное выраженіе людскости французской и палладіумъ Парижа. Подъ портиками этихъ трехъ дворовъ, изъ которыхъ большой, послѣдній, обращенъ въ садъ, собрано все, что̀ только могла произвесть промышленность блестящаго, все, до чего только могло дойти ремесло. Размѣщеніе за зеркальными стеклами бронзъ, матерій, кашемировъ, перламутра, книгъ и даже живностей составляетъ здѣсь особенную науку, въ которой есть профессора, магистры, кандидаты и проч. За извѣстную плату являются они въ магазинъ сообщить ему, изъ собственныхъ его товаровъ, наружный блескъ и репутацію вкуса. Нигдѣ не видалъ я подобнаго искусства размѣщать вещи такъ, чтобъ каждая оттѣняла и выказывала другую, а цѣлое составляло полный, живописный узоръ.

Средняя галерея, соединяющая боковые флигеля, есть великолѣпная зала, покрытая стекляннымъ потолкомъ, гдѣ постоянно кишитъ народъ, и гдѣ роскошь боковыхъ магазиновъ, простѣнки между ними, занятые зеркалами, и газовое освѣщеніе вечеромъ составляютъ какую-то чудную пестроту, въ которой огонь, золото, бархатъ и прочее дробятся на тысячи лучей. Изъ этой галереи, вѣроятно, вышло извѣстное идолопоклонничество почти всѣхъ французскихъ писателей

передъ богатствомъ и роскошью. Есть старые habitués, посѣтители Пале-Рояля, которые въ продолженіе долгой жизни въ немъ одномъ находили удовлетвореніе всѣмъ своимъ потребностямъ и всѣмъ своимъ прихотямъ. Бѣдные, однакожь, старые люди! Когда они умрутъ, можетъ быть, ихъ вывезутъ въ церковь, и тогда надъ ними простонетъ органъ нѣсколько торжественныхъ пѣсенъ, а изъ церкви, можетъ быть, ихъ вывезутъ за городъ, и тогда развернется небо и поле предъ погребальнымъ кортежомъ; статься можетъ, что мертвецы и подумаютъ тогда нѣчто такое, вѣроятно, слѣдующее: хорошій воздухъ здѣсь заведенъ; жалко, что намъ дышать уже нельзя. Однакожь, отступленіе, говоритъ справедливо одинъ нашъ риторъ, — «всегда болѣе затемняетъ, чѣмъ красоту рѣчи сообщаетъ»; итакъ, продолжаю. Въ великолѣпныхъ мраморныхъ и раззолоченныхъ залахъ, гдѣ за бюро сидятъ разодѣтыя дѣвушки, принимая монету и ведя счетныя книги, а промежду столовъ ходятъ величавые мужчины съ салфетками въ рукахъ и съ презрительнымъ выраженіемъ въ лицѣ, между тѣмъ какъ зеркальныя стѣны обманываютъ глазъ, образуя оптическія безчисленныя галереи,—въ этихъ-то залахъ пріютились лучшія парижскія кофейни и всѣ знаменитости, посвятившія себя на служеніе желудку, какъ-то: Вери, Вефуръ, Trois frères Provençaux, и проч.

Такъ какъ vol-au-vent, котлеты à la victime и прочія довольно дорогія (3, 4 и 5 франковъ) приготовленія не могутъ быть описаны, раздѣляя эту честь невозможности съ пѣніемъ райской птицы и съ красотой женщины, то подивимся лучше необычайному распространенію кухонныхъ познаній во Франціи и упрощенію самой науки, вслѣдствіе чего отвергнуты всѣ сильныя прибавки, которыя такъ злобно и упорно еще держатся у насъ; изъ вещества выгнано все грубое, раздражающее и оставленъ ему очищенный, облагороженный, дистиллированный его характеръ; каждое блюдо старается подходить подъ приманчивый вкусъ того животнаго или плода земнаго, котораго имя носитъ, отстраняя все, что мѣшаетъ тому. Это упрощеніе кухни, а вмѣстѣ и дешевизна припа-

совъ (относительно Петербурга, разумѣется), произвели тѣ удивительные обѣды въ $2^1/_2$ франка, гдѣ съ полбутылкой вина вы можете выбирать по весьма подробной картѣ четыре блюда и дессертъ, какіе вамъ угодно, и получаете ихъ въ удовлетворительномъ видѣ, не такъ, какъ въ Петербургѣ, въ трехрублевомъ леграновскомъ обѣдѣ, гдѣ каждое блюдо, кажется вамъ, посягаетъ на жизнь вашу (особливо кусокъ говядины у него, подаваемый послѣ супа, есть вещь, въ отношеніи которой слѣдуетъ соблюдать всевозможную осторожность). Развѣтвляясь и дешевѣя, обѣдъ парижскій спускается въ самые нижніе слои народонаселенія, съеживаясь и сокращаясь при каждомъ градусѣ пониженія: послѣдній предѣлъ есть обѣдъ въ 10 су—50 копеекъ. За этимъ возстаетъ уже нѣкая престарѣлая дѣва, именуемая статистикой (какъ выразился одинъ ученый), и повѣствуетъ страшныя вещи. Медицинская коммиссія, въ рапортѣ 14-го апрѣля 1841 года, объявила: «Обманъ въ торговлѣ мясомъ, не смотря на бдительность полиціи, столь обыкновененъ въ Парижѣ, что мясо животныхъ, умершихъ отъ болѣзни или убитыхъ въ болѣзненномъ ихъ состояніи, достигаетъ даже госпиталей». А потомъ статистика говоритъ еще: «Въ послѣднемъ возвышеніи цѣнъ на мясо лучшій сортъ получилъ прибавки 5 на 100, а третій, то-есть, собственно принадлежащій народу, 25 на 100. Тяжесть возвышенія этого обратила бѣдный классъ на мелочную продажу живности, побитой внѣ публичныхъ живодеренъ, которая продается дешевле, хотя и платитъ пошлину гораздо значительнѣе при въѣздѣ въ городъ. Въ этой распродажѣ дѣло уже состоитъ не въ изслѣдованіи внутренней доброты мяса, а въ томъ, что на рынкахъ Парижа часто и часто являются конина, собачина и мясо другихъ отвратительныхъ животныхъ». А потомъ, разгорячаясь все болѣе и болѣе, престарѣлая дѣва прибавляетъ: «Да, счастливы тѣ, которые, для удовлетворенія голода, могутъ еще пріобрѣсти какую-нибудь, хоть и сомнительную часть говядины; а что̀ сказать про тѣхъ, которымъ полиція насильственно должна возбранять похищеніе гнилой рыбы и испортившагося мяса, выкидываемаго изъ монфоконской бойни? Что̀ сказать о тѣхъ

двухъ діеппскихъ женщинахъ, у которыхъ муниципальная стража съ трудомъ исторгла куски двухъ коровъ, умершихъ отъ болѣзней и зарытыхъ въ землю?» И наконецъ, пришедъ внѣ себя, она же, престарѣлая дѣва, дрожащимъ голосомъ прибавляетъ: «Никогда не повѣрю... хоть и имѣю причины думать... что нѣкоторые несчастные... были... антропофагами!!!» Ужасно! Ничѣмъ лучше нельзя окончить описаніе великолѣпнаго Пале-Рояля. Это покажетъ вамъ, какъ страшно въ этихъ городахъ съ миліономъ жителей соединяются и идутъ объ руку непомѣрная роскошь и непомѣрная нищета; это пояснитъ вамъ, съ одной стороны, восторги заѣзжихъ туристовъ, а съ другой—неспокойное состояніе общества; это поведетъ васъ къ разнымъ заключеніямъ, что все и имѣлъ я въ виду, употребивъ мои выписки и предаваясь этимъ, впрочемъ мнѣ несвойственнымъ, сближеніямъ.

Едва только продеретъ глаза парижанинъ, какъ бѣжитъ въ одинъ изъ безчисленныхъ здѣшнихъ кафе читать журналъ. Каждый Божій день выкидывается типографіями оглушительный вопль разнородныхъ мнѣній, гдѣ взаимно подстерегается каждый шагъ противника, каждое обвиненіе встрѣчаетъ оправданіе, каждая мысль наталкивается на другую, діаметрально ей противоположную, и эта постоянная, не умолкающая ни на минуту борьба только окрѣпляетъ журналистику, сдерживая всѣ возможныя партіи въ какомъ-то волшебномъ кругу, изъ котораго ни одна выйти не можетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если на этой чудной аренѣ, гдѣ идетъ самый отчаянный бой, а между тѣмъ нѣтъ убитыхъ, гдѣ въ ту минуту, какъ одинъ изъ гладіаторовъ начинаетъ одерживать рѣшительное превосходство, всѣ другіе забываютъ взаимную вражду и соединяются, чтобъ опрокинуть его,—нѣтъ сомнѣнія, говорю, что если на этой аренѣ когда-нибудь будетъ дѣйствительно побѣдитель, то Франція погибнетъ или въ революціонномъ вихрѣ, или въ другомъ какомъ-либо исключительномъ направленіи. Такъ все ея значеніе, по моему убѣжденію, зависитъ отъ этого вѣчнаго движенія, которое она осуществила не въ физическомъ, а въ печатномъ мірѣ. Странное еще зрѣлище

для непривыкшаго глаза составляетъ отсутствіе людей, именъ въ этой огромной сшибкѣ. Вездѣ въ другихъ земляхъ борется человѣкъ съ человѣкомъ, и имя нѣкоторымъ образомъ дѣлается представителемъ идеи: здѣсь враждуетъ кто-то, извѣстный подъ энигматическимъ названіемъ «Débats», «National», «Commerce», и нѣтъ тутъ славы за хорошую мысль никому, и нѣтъ тутъ презрѣнія за порочную.

Само правосудіе является въ дѣлахъ печати только тогда, когда, забывъ свое абстрактное политическое назначеніе, печать подымаетъ голосъ на лицо, и только въ этомъ случаѣ падаютъ на нее удары. Я сказалъ: «на нее»; я сказалъ слишкомъ много. По тому же отсутствію лицъ, удары падаютъ на какое-то неопредѣленное, ничего не выражающее и часто совершенно безталантное имя «управляющаго отвѣтчика», gérant responsable, который партіей, издающею журналъ, за тѣмъ и берется, чтобы сидѣть въ тюрьмѣ; случалось, что три редактора газеты одинъ за другимъ посажены были въ Sainte-Pelagie, а газета въ полной красѣ и силѣ продолжала бѣжать къ своей цѣли на всѣхъ парусахъ. Притомъ же, преступленія печати подлежатъ суду присяжныхъ (jurés), выбранныхъ изъ гражданъ, и хитрому адвокату обвиняемаго журнала стóитъ только вкрадчивымъ манеромъ внушить господамъ судьямъ, что въ ихъ приговорѣ можетъ пострадать общее право всѣхъ гражданъ, то вотъ они и изрекаютъ свое: не виноватъ, не смотря на всѣ усилія правосудія. Это случается поминутно, и не смотря на это, энергія юстиціи въ преслѣдованіи излишествъ печати невообразима. Въ рукахъ ея находится одно, но самое смертоносное орудіе—денежный штрафъ, разрушающій капиталъ журнала: въ тюрьму посадитъ она невиноватаго, а деньги возьметъ съ виновной партіи, и вотъ королевскій прокуроръ накопляетъ процессъ на процессъ въ той мысли, что если изъ пяти два удадутся, то партія ослабѣетъ. Но и тутъ выходитъ новая бѣда. Если удалось разрушить партію, то остатки ея, присоединяясь къ другой, съ которою имѣютъ сочувствіе, увеличиваютъ силу послѣдней, и является новый врагъ, еще страшнѣйшій...

Что̀ сказать вамъ еще? Развѣ вотъ что̀: если въ какомъ-нибудь городѣ увидите вы человѣка, читающаго одну французскую газету роялистскую или оппозиціонную, не имѣющаго средствъ читать ихъ вмѣстѣ и содержаніе одной пояснять содержаніемъ другой, то пожалѣйте о немъ и старайтесь отвлечь его отъ этой вредной, безплодной и искажающей сужденіе работы. Въ будущихъ письмахъ, если я получу отъ васъ подтвержденіе писать объ этомъ, сообщу какъ образъ полемики, такъ и главныя идеи, исторію появленія и условіе существованія важнѣйшихъ журналовъ, а до тѣхъ поръ вотъ вамъ табличка, показывающая корифеевъ этой борьбы, около которыхъ вьется страшное количество второстепенныхъ витязей, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляющая и число существующихъ въ настоящую минуту журналовъ: 1) династическіе или приверженцы установленной власти: «Journal des Débats», «Presse», «Messager»; 2) парламентскіе или въ конституціонномъ духѣ оппозиціи: «Constitutionnel», «Siècle», «Courrier Français»; 3) радикальные, требующіе совершенной реформы: «National», «Commerce», «Journal du Peuple»; 4) легитимистскіе или приверженцы старой династіи и монархіи: «Gazette de France», «Quotidienne»; 5) листки, которыхъ цѣль осмѣивать всякій фактъ, всякое лицо, къ какой бы партіи они ни принадлежали, которые каждое утро поставляютъ для обихода парижанъ продовольствіе остротъ, каламбуровъ, пародій, каррикатуръ,—которые даже и не преслѣдуются за излишество; такъ согласна и юстиція въ необходимости этого насущнаго злословія для нынѣшняго общества: «Charivari», «Corsaire». Самый мощный—отдѣлъ третій: онъ безпрестанно увеличивается новыми сподвижниками, хотя и теряетъ отъ этого силу, сообщаемую централизаціей. Объявляютъ множество новыхъ изданій. Только что появился по этому отдѣлу журналъ «Le XIX Siècle», возвѣстившій, что въ основаніе своему предпріятію положилъ онъ—угадайте сколько—1,200,000 франковъ! Акціи или подписка — 50 франковъ, и выходитъ, что для составленія полной реализаціи той суммы, ему надобно было 25,000 подписчиковъ. Если тутъ все увеличено въ половину, то и по-

ловина еще составляетъ цифры огромныя. А между тѣмъ нѣтъ ничего удивительнаго! Понять трудно, какъ распространено здѣсь чтеніе журналовъ. Не говоря о кафе и (безчисленныхъ) кабинетахъ для чтенія, всегда биткомъ набитыхъ, вамъ всовываютъ въ руки журналъ, куда бы вы ни пришли: за обѣдомъ промежъ двухъ блюдъ; въ театрахъ промежъ антрактовъ; у парикмахера, покуда обдѣлываетъ онъ съ любовью пукли на вашей головѣ; у портнаго, покуда смѣриваетъ онъ объемъ богатырской вашей груди и тонину античной вашей таліи. Читаютъ ихъ фіакры, облокотясь на передній кончикъ дышла, читаютъ ихъ привратники, подбоченясь метлой, и у лакея, который аккуратно приходитъ въ девять часовъ утра затопить каминъ мой, я, вмѣсто того, чтобъ спросить: «а какова погода?» какъ это дѣлается вездѣ, спрашиваю: «а что̀ новаго?» «Да, двадцать-седьмого декабря назначено быть открытію палаты депутатовъ», отвѣчаетъ мнѣ мужъ сей, раздувая огонь, а изъ задняго кармана его торчитъ листокъ журнала, купленнаго за 15 сантимовъ на улицѣ. Даже и обидно сдѣлается!

Но мечомъ согрѣшившій мечомъ и наказанъ будетъ. Такъ эта же самая политика, которою гордится французъ, изгнала художественность въ произведеніяхъ, чистое вдохновеніе и, что̀ всего замѣтнѣе и поразительнѣе, разъединила въ мысли Францію отъ другихъ народовъ. Представьте себѣ, что иностранная идея тогда только начинаетъ появляться и занимать людей здѣсь, когда приняла въ себя какой-нибудь политическій элементъ: чужое имя дѣлается извѣстнымъ тогда только, когда попало въ какой-нибудь водоворотъ происшествій. Отъ этого собственно журналы, revues, представляютъ какое-то подобіе человѣка въ уединенной комнатѣ, безпрестанно любующагося самимъ собою, и иностранцу это очень тяжело. Тутъ Сентъ-Бевъ разбираетъ поэтовъ французскихъ, которые существовали до Буало и которые никакого значенія не имѣютъ ни для искусства вообще, ни для исторіи искусства; тутъ историческія статьи въ самомъ близкомъ приложеніи къ Франціи и безъ всякаго вывода для человѣчества: тутъ разборы нѣкоторыхъ формъ правительствен-

ныхъ, совершенно мѣстныхъ; тутъ, наконецъ, и огромныя политическія статьи. Но если въ мимоидущихъ газетахъ личное и произвольное сужденіе о настоящей минутѣ имѣетъ силу, какъ дѣйствіе перваго впечатлѣнія, перваго порыва, такъ сказать, мысли къ сознанію, то уже въ журнальной статьѣ все должно быть на вѣрномъ основаніи, на законныхъ выводахъ, на обдуманной, плодотворной идеѣ, готовой ко всякимъ приложеніямъ,—и Господи, что̀ же выходитъ? Вотъ примѣръ: на дняхъ появилось новое «Revue Indépendante», издаваемое гг. Леру, Жоржемъ Зандомъ и Віардо. Цѣль журнала—показать раны французскаго общества. Въ программѣ сказано: философамъ мы опишемъ состояніе человѣческаго мышленія въ настоящую эпоху; политикамъ—общественную политику, приличную нашему времени; ученымъ—пророчества исторіи касательно нашего вѣка; артистамъ—нынѣшнее состояніе искусствъ; гражданамъ—индивидуализмъ и общественность (!!!); всѣмъ—будущее общество! Громко, и сказать нельзя, какъ громко! Въ первой книжкѣ и появились два начальные параграфа философамъ и политикамъ. Я тотчасъ принялся за первый: «Aux Philosophes: de la situation actuelle de l'ésprit humain». Шутка сказать! И что же? «Въ средніе вѣка общество было очень порочно составлено; общество точно такое осталось, какъ въ средніе вѣка,—то вотъ въ какомъ состояніи нынче умъ человѣческій». Ей Богу, самая вѣрная эссенція статьи! И всѣ подвиги Германіи на поприщѣ мысли, и всѣ заслуги прошедшаго столѣтія этимъ опредѣленіемъ, что называется, порѣшены! Со всѣмъ тѣмъ, при нелѣпости главной мысли, есть что-то любящее, сочувствующее чееловѣку въ этой статьѣ, сострадающее ему, что̀ я отношу къ участію Жоржа Занда въ изданіи. Одинъ Пишо съ сыномъ въ «Revue Britannique» сдѣлался проводникомъ англійской литературы; но переводныя его статьи, часто весьма замѣчательныя отдѣльно, мало однакожъ даютъ понятія о состояніи вообще англійской литературы, потому что выбраны безъ цѣли, произвольно и ничего не опредѣляютъ.

Въ послѣдней книжкѣ находится статья объ Эстоніи, написанная какою-то англичанкою, бывшею и въ Петербургѣ.

Переводчикъ статьи кратко говоритъ, что авторъ прожилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, былъ очень хорошо принятъ однимъ семействомъ; городъ и жители ему очень нравятся, но покинулъ онъ ихъ съ радостію. Милліонъ бомбъ! Да какъ же это такъ?.. Впрочемъ, надо сказать, въ послѣднемъ замѣчаніи я крѣпко подозрѣваю фантазію г. переводчика или редактора. По дѣйствію въ высочайшей степени раздражительнаго народнаго тщеславія, которое однакожь составляетъ великую мощь націи, ни одинъ французъ не скажетъ добраго слова ни объ Англіи, ни о Германіи, ни объ Италіи, ни о Россіи безъ того, чтобъ не оговориться и не попросить извиненія у соотечественниковъ. Непремѣнно прибавитъ онъ къ панегирику: «Правда и то, что я находился въ это время въ особенно счастливомъ расположеніи духа: у меня умерла тетка», или, въ крайнемъ случаѣ, объяснитъ похвальное на свой манеръ: «Сближеніе съ французскими идеями произвело всѣ эти счастливыя послѣдствія». Вотъ и вся недолга! Поразила меня еще слѣдующая фраза въ этой статьѣ: «Она имѣла счастіе познакомиться съ однимъ изъ высшихъ русскихъ офицеровъ, что̀ доставило ей возможность видѣть львовъ большаго свѣта...» Ну, нечего сказать—услужилъ ей высшій русскій офицеръ, и очень бы мнѣ хотѣлось знать, какъ показались ей, послѣ британскихъ львовъ, наши посильныя подражанія.

Наконецъ, переходя отъ revues къ брошюрамъ, которыя въ эти минуту наиболѣе читаются, упомяну о такъ-называемыхъ «Физіологіяхъ». Съ легкой руки какого-то шутника, говорятъ, профессора, написавшаго книжечку нравовъ, ужь я и забылъ, какого сословія, и выдавшаго ее подъ названіемъ: «Физіологія» имя рекъ, — появились тысячи брошюрокъ съ виньетами и гравюрами, буквально наводнившихъ библіотеки. Какихъ тутъ нѣтъ только физіологій! Мастероваго, депутата, солдата, флапёра и проч. и проч.; наконецъ, физіологія перчатки, наконецъ физіологія извозчичьей лошади; того и гляжу, что появится физіологія празднаго славянина, объѣзжающаго неизвѣстныя государства,—съ моимъ портретомъ.

Наиболѣе обращающія вниманіе брошюры: ноябрьская книжка «Les Guêpes» Альфонса Карра и «Almanach populaire». Первая объявляетъ претензію на совершенное безпристрастіе, философическое презрѣніе къ знакамъ отличія, что̀ ясно доказываетъ существованіе грѣшной мечты и тайное страданіе въ неимѣніи ихъ, между тѣмъ какъ Александръ Дюма̀ (страшно обидно!) имѣетъ, кажется, четыре или пять, Евгеній Сю (да будетъ онъ проклятъ!) тоже украшенъ, да и Викторъ Гюго, да и Ламартинъ, да и множество другихъ, всѣ съ бутоньерками! Тутъ по неволѣ сдѣлаешься безпристрастенъ и будешь издавать превесьма смѣшныя брошюры, въ которыхъ происки, промахи, интриги всѣхъ партій остроумно и безщадно выводятся наружу, и которыя имѣютъ всю занимательность умной сплетни или разсказа какого-нибудь хитраго домашняго шпіона, въ родѣ нашихъ старыхъ сплетницъ! Вторая брошюра не столько замѣчательна своимъ содержаніемъ, гдѣ въ коротенькихъ статьяхъ приведены факты разныхъ бѣдствій — нуждъ и требованій бѣднаго класса, сколько по случившимся съ нею маленькимъ обстоятельствомъ. Палата депутатовъ дозволила цензуру на гравюры и театральныя пьесы. Цензура остановила гравюры альманаха, показавшіяся ей нѣсколько вольными. Альманахъ, вмѣсто гравюры, приложилъ описаніе ихъ, которыя далеко превзошли все, что̀ было вольнаго въ гравюрахъ; но теперь дѣло устроилось, картинки возвращены брошюрѣ, и брошюра осталась при гравюрахъ и при своихъ поясненіяхъ гравюръ! Успѣхъ книжонки Карра породилъ множество другихъ, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательны «Nouvelles à la main»; успѣхъ «Альманаха» произвелъ огромную фамилію политическихъ альманаховъ, подъ разными заглавіями: альманаха владѣльцевъ, мастеровыхъ, честныхъ людей и проч. Всѣ эти книжечки блистаютъ за стеклами книгопродавцевъ, развернутыя часто на самыхъ жаркихъ своихъ страницахъ, и филиппика такимъ образомъ противъ порядка вещей зароняется въ душу проходящаго невольно почти, навязывается насильно тому, кто не думалъ никогда покупать книжонки, и тѣмъ сильнѣе входитъ въ грубый

мозгъ, чѣмъ она дерзновеннѣе и поразительнѣе. Такъ вотъ-съ какъ бьется жизнь въ Парижѣ въ настоящую минуту.

Всю способность многоглаголанія, мнѣ врожденную, употребилъ я, чтобъ уловить и передать вамъ удары пульса въ этомъ Вавилонѣ: не знаю, успѣлъ ли! Я даже не хочу вамъ на этотъ разъ писать о книгахъ, о лекціяхъ въ Сорбоннѣ, о курсѣ Ройе-Коллара, о замѣчательныхъ увражахъ, что̀ все безспорно принадлежность, поясненіе общества, но все какъ-то отвлеченнѣе, какъ-то дальше отъ настоящаго парижскаго облика. Въ будущихъ письмахъ вмѣщу и эту статью, а до тѣхъ поръ вотъ та послѣдняя черта, которая должна, по моему мнѣнію, уже непремѣнно возсоздать полный образъ новыхъ Аѳинъ передъ вами, подобно какъ въ кабалистической фигурѣ Нострадамуса послѣдняя черта выводила за собою тотчасъ бѣсика съ рогами. Вотъ вамъ параграфъ о театрахъ.

Семнадцать — кромѣ концертовъ и панорамъ! Семнадцать — каждый день!.. Въ долгое мое пребываніе въ Италіи я совсѣмъ отсталъ отъ водевилей и комедій съ куплетами, и вдругъ цѣлый потокъ ихъ вылился мнѣ на голову. Естественнымъ слѣдствіемъ было чувство удивленія и какая-то моральная лихорадка, если смѣю сказать. Я никакъ не могъ привыкнуть ни къ одному изъ театральныхъ условій, производящихъ здѣсь комическія сцены: кареты, которыя увозятъ не того, кого надо; люди, которые прячутся въ корзинку одинъ за другимъ и не встрѣчаются; женщины, переодѣвающіяся въ мужчинъ, и которыхъ не узнаютъ даже родители ихъ, между тѣмъ какъ зритель по нѣкоторымъ наружнымъ признакамъ тотчасъ смекаетъ дѣло; мужчины, переодѣвающіеся въ женщинъ, и которыхъ другіе мужчины цѣлуютъ въ губы, ни мало не чувствуя бороды, весьма замѣтной изъ партера, и милліонъ другихъ нелѣпостей совершенно сбили меня съ толку. Мнѣ все казалось, что если повѣрить всѣмъ этимъ водевилямъ, которые вамъ придется еще разбирать и на русской сценѣ, то должно будетъ согласиться, что общество составилось не разумно, а на оборотъ сочинено какимъ-нибудь веселымъ юнкеромъ послѣ

доброй бутылочки. Теперь начинаю я ощущать необычайную радость, когда вижу на афишѣ прибавку къ заглавію пьесы: «шалость, пародія, charge». Ну, слава Богу, думаю: хоть выведи мнѣ полицейскаго, задумавшагося о первой любви своей, или ростовщика, плачущаго на могилѣ своей матери, или какую хочешь нескладицу,—все будетъ хорошо; вѣдь это шалость! Да и парижане невольно чувствуютъ иногда потребность выйти изъ этого шабаша происшествій, характеровъ и мыслей, родившихся незаконно, какъ будто брокенскія вѣдьмы и колдуны создали для потѣхи и въ пику настоящему свѣту свѣтъ театральный. Чуть явится пьеса, мало-мальски похожая на человѣческую,—какъ громъ этой новости разносится по всѣмъ концамъ Парижа (иногда переходитъ Францію, достигаетъ моря великаго Балтійскаго и не даетъ заснуть покойно передѣлывателю Адмиралтейской части). Со всѣхъ сторонъ стекается тогда Парижъ въ счастливый театръ, имѣющій человѣческую пьесу, и она выдерживаетъ сто представленій сряду. Это случилось съ комедіей «La Grâce de Dieu». Въ эпоху разврата прибыла въ Парижъ хорошенькая савоярка. Черезъ нѣсколько времени возвращается она домой, измученная, обманутая, полусумашедшая. На душѣ горько сдѣлалось мнѣ, когда въ концѣ пьесы, по неслыханному отсутствію всякаго такта, авторы привели молодого герцога къ ногамъ обманутой имъ савоярки и такимъ образомъ уничтожили весь смыслъ предыдущихъ актовъ. Однакожъ, не должно смѣшивать нелѣпость французскую съ тѣмъ, что мы понимаемъ подъ этимъ словомъ. Русская нелѣпость—вещь странная: волосы становятся дыбомъ; французская нелѣпость, напротивъ, полна остроумныхъ намековъ, идетъ живо, и допустите только возможность лжи, лежащей въ основаніи, согласитесь на нее,—выводы и слѣдствія часто весьма забавны, а иногда и искусно расположены. Притомъ же, всѣ эти нелѣпости имѣютъ счастіе быть обставлены талантами, изъ которыхъ каждый отдѣльно могъ-бы составить славу цѣлаго театра,—какъ г-жа Алланъ, напримѣръ! Сколько тутъ оттѣнковъ въ самыхъ талантахъ: почти для всякой ноты

есть человѣкъ, который, особенно хорошо беретъ ее: роскошь! Странное дѣло! Ни одного почти изъ знаменитыхъ актеровъ не видѣлъ я въ естественномъ, нормальномъ состоянiи: всѣ возвели силою таланта бѣдныя свои роли почти до очевидности, до созвучія съ жизнью и дѣйствительностью. M-lle Дежазè (театра Palais-Royal) видѣлъ я въ красныхъ штанахъ, въ бѣломъ парикѣ, и со всѣмъ тѣмъ, какъ вѣрна она была характеру гризетки, возвратившейся поздно ночью изъ маскарада на чердакъ свой, не смотря на чудные случаи, приключившіеся съ нею въ эту ночь. M-lle Соважъ (театра Variétés) видѣлъ я въ роли дамы двора Людовика XV, влюбленную въ мулата, освобожденнаго невольника, и со всѣмъ тѣмъ какъ чудно сквозь ледяную, пышную ея физіономію пробивалось истинное чувство! Арналя (театра Vaudeville) видѣлъ я въ роли притворнаго слѣпаго, передъ которымъ падаютъ покровы, а по человѣчески сказать, раздѣваются дѣвушки, и ни разу не перешелъ онъ въ цинизмъ, и всѣ его ужимки и послѣднее восклицаніе, открывшее обманъ, все это было вѣрно. Одного только Буффе (театра Gaité) видѣлъ я на твердой землѣ, въ пьесѣ, которая имѣетъ первыя черты характеровъ, «Gamin de Paris»,—да больше и не нужно. Исполнить эти первоначальныя указанія есть дѣло актера, и какъ полна вышла роль у Буффе! Переходы отъ комизма къ драмѣ, отъ смѣха съ слезѣ и снова къ смѣху, въ которомъ, однакожь, дрожитъ еще остатокъ сильнаго чувства, были превосходны. Не упоминая о mesdames Плесси, Анаисъ, Лемениль, о гг. Гіацинтѣ, Равасѣ, Левассорѣ и пр. и пр., оставляя все это до будущихъ писемъ, я перейду къ свѣтиламъ первыхъ величинъ—къ классической трагедіи и новѣйшей мелодрамѣ, къ театру, куда собираются перы Франціи, и куда ѣздитъ королевская фамилія (Théatre Français), и къ театру, гдѣ собирается молодежь коллегій, воспитанники политехнической школы, да буржуа, жаждущіе сильныхъ потрясеній (Théatre Porte Saint-Martin),—перейду, однимъ словомъ, къ пресловутой г-жѣ Рашель и не менѣе знаменитому г. Фредерику Леметру.

Не подумайте, что Рашель мощью таланта претворила всѣ длинные монологи въ нѣчто живое и необходимое; не подумайте, что въ продолженіе долгихъ и часто грозныхъ повѣствованій наперсницы или другого лица всѣ чувства смѣняются постепенно на физіономіи ея, такъ что мимическая игра актрисы поправляетъ все, что есть фальшиваго въ роли; не подумайте также, что наконецъ глубокое соображеніе, въ соединеніи съ вдохновеніемъ, побѣждаютъ всѣ трудности, всю ложь классической трагедіи и создаютъ лицо возможное, великое, поэтическое (вещи, которыя, говорятъ, дѣлалъ Тальма); не подумайте, сдѣлайте одолженіе, всего этого,—а вообразите высокую, худощавую дѣвушку, съ черными, какъ смоль, волосами, которая декламируетъ стихи съ особеннымъ напѣвомъ, непохожимъ на старый вой, да непохожимъ и на дѣйствительную рѣчь, и только въ минуту сильнаго душевнаго порыва, особливо ироніи, особливо негодованія, ненависти или проклятія возвышается до высокаго драматизма. Какъ-то судорожно сжимается лицо ея, слова бѣгутъ скоро-скоро (а сколько словъ!), мѣрный стихъ дробится, поглощается, и часто конецъ монолога совсѣмъ пропадаетъ, а вмѣсто его видна только артистка въ состояніи экстаза, съ дрожащими губами и пламенѣющимъ окомъ. Это хорошо! Жюль-Жаненъ вздумалъ было разрушить собственное свое дѣло, то-есть, колоссальную репутацію Рашели, и—не могъ. Публика взяла сторону артистки: публикѣ нравится новая ея декламація, ея вольности, ея порывы, даже несообразности ея, все ей нравится въ счастливой дщери Исаака! Какимъ свистомъ покрыла она шутника, который въ трагедіи «Horace» Корнеля вздумалъ было усмѣхнуться, услышавъ, что Куріацій говоритъ Горацію: «но твое разсужденіе пахнетъ варварствомъ», «tient de la barbarie», и та же публика хохотала до упаду въ новой освистанной трагедіи Вьенне «Арбогастъ», услыхавъ, что императоръ Ѳеодосій галантерейно говоритъ супругѣ зарѣзавшагося Арбогаста: «Не предлагаю вамъ утѣшеній». А по моему, я ужь предпочитаю это послѣднее утѣшеніе тому первому варварству. Что касается до Леметра, то представьте довольно пожилаго человѣка, который чу-

довищныя свои роли играетъ весьма просто, не подготовляя зрителя къ катастрофѣ и не разгорячая его ничѣмъ, въ полной увѣренности, что воображенiе гг. составителей мелодрамы постоитъ за себя. Это весьма умно. Выкинуть ли жену за окошко, какъ въ «Ричардѣ Дарленгтонѣ», отравить ли любовницу—плёвое дѣло! Жена берется и выкидывается; ножъ въ руки—и молодаго путешественника какъ не бывало. Ужасъ достигается еще скорѣе этою простотой, безпечностью, такъ сказать, преступленiя, чѣмъ всѣми возможными поясненiями актера; да и сколько разъ случалось мнѣ замѣтить въ Петербургѣ, что слишкомъ сильный талантъ портитъ мелодраму, думая поднять, возвысить ее. Та же метода у Леметра во все продолженiе пьесы, при всѣхъ возможныхъ толчкахъ и во всѣхъ возможныхъ положенiяхъ, какiя только благоугодно было выдумать автору, и лучшаго актера для этого рода сочиненiй врядъ ли гдѣ можно найдти.

Мнѣ остается только сказать вамъ о двухъ операхъ, италiанской и французской. О, когда въ первой Тамбурини, Лаблашъ и г-жа Персiани сольются въ одномъ звукѣ и потомъ, разъединившись, послѣ множества уклоненiй, разными путями приходятъ опять къ прежнему своему пункту, это апоѳеозъ италiанской оперы и вмѣстѣ человѣческаго голоса! Къ несчастiю моему, Рубини въ Мадридѣ, и мнѣ недостаетъ, какъ и Парижу, еще одного звука въ удивительной этой группѣ. Французская опера страждетъ недостаткомъ талантовъ: всѣ пѣвцы обветшали. Исполненiе «Жидовки» и «Роберта» зѣло посредственно. Дюпрѐ, говорятъ, много ослабѣлъ, но все-таки въ роли Елеазара услышать, вмѣсто свистящей фистулы, какъ мы привыкли, настоящiй человѣческiй голосъ, и вмѣсто судорожнаго крика благородную ноту—не послѣднее наслажденiе. Обстановка этихъ оперъ ничуть не лучше петербургской, за исключенiемъ ихъ послѣднихъ актовъ, которые здѣсь, разумѣется, полнѣе, шире. Во французской оперѣ танцуетъ Фицъ-Джемсъ. Постарайтесь увѣрить кого нужно, что извѣстныя у насъ средства, какъ-то: короткiя платья и прочее, предоставлены уже провин-

ціальнымъ театрамъ и уличнымъ плясуньямъ, и тайна очарованія перешла въ сочиненіе самихъ па, которыя походятъ на фрески Помпеи, барельефы Капуи, достигаютъ своей цѣли вѣрнѣе и вмѣстѣ не исключаютъ граціи—почему и дамы ими любуются, какъ любуются Венерой и Діаной...

Но когда же я кончу мою статью о театрахъ? Вотъ еще гремятъ трубы Франкони, вотъ еще висятъ картины на балаганахъ Champs-Elysées съ чудными женщинами, ребятами-дивами, животными укрощенными, какъ женскій пансіонъ; вотъ еще кафе-спектакль, гдѣ вы спрашиваете чашку кофе и покуда поглощаете ее за цѣну, ей опредѣленную, разыгрываютъ передъ вами народный фарсъ. Каждый вечеръ у бюро всѣхъ театровъ образуются массы народа, жаждущихъ дешеваго билета въ партеръ (2 франка, въ операхъ—4; мѣста порядочныхъ людей, то-есть, stalles d'orchéstre, стоятъ 5 франковъ въ маленькихъ театрахъ и 10 въ операхъ); каждый вечеръ растягивается у всѣхъ бюро черный длинный хвостъ постепенно приходящихъ за билетами, оберегаемый и сдерживаемый въ повиновеніи солдатами съ ружьями; каждый вечеръ врывается эта толпа во всѣ театры, звучнымъ говоромъ изъявляетъ свое удовольствіе и съ многочисленными знаками нетерпѣнія ждетъ удара смычка и поднятія занавѣса. Мнѣ казалось иногда, что толпа кричитъ: «газетъ и театровъ!» но такъ какъ на другой день журналы ничего не говорили объ этомъ, то я и самъ сомнѣваюсь въ достовѣрности извѣстія и отношу это къ впечатлѣнію, произведенному на меня сильнымъ изученіемъ римской исторіи.

Я старался для перваго моего письма отобрать вамъ самыя яркія черты; но вижу, что трудъ мой пропалъ... Я забылъ главную, забылъ парижскихъ женщинъ. Утомленіе превозмогаетъ желаніе разобрать эту статью — до новаго присѣста. Какъ-то скоро, усиленно, полно живется мнѣ здѣсь. Часы, дни, недѣли бѣгутъ быстро неимовѣрно. Не имѣю времени войти въ самого себя и поразсчитаться съ собственною особой... А между тѣмъ чувствую, что вся суета эта непохожа на праздность и бездѣлье. Иначе отъ чего жь было бы мнѣ любо на душѣ?.. Праздность и бездѣлье ни-

когда еще не награждали человѣка довольствомъ и весельемъ духа, ей Богу!

Да, часто, любезный другъ, по утрамъ выхожу я на набережную Сены, подымаюсь на мостъ Pont-Royal и, облокотившись на перилы его, смотрю на оба берега мутной рѣки. Съ правой стороны тяжелый, массивный Лувръ соединяется длинною галереей съ Тюльери, закрывая отъ глазъ площадь Карусель и тріумфальную арку Наполеона. За Тюльери идетъ его садъ, оканчивающійся у площади de la Concorde, съ ея Луксорскимъ обелискомъ, съ которой уже начинаются Champs-Elysées, оканчивающіяся опять тріумфальною аркой de l'Etoile. Поверните направо отъ Тюльери, и вы выйдете на Вандомскую площадь, а съ нея на знаменитые бульвары, на эти бульвары, преисполненные магазиновъ, ресторатеровъ, театровъ, гдѣ столько было кровавыхъ сценъ и сколько еще будетъ! Съ лѣвой стороны рѣки видны на небѣ два купола—Пантеона и Инвалиднаго дома, составляющіе какъ будто восклицательные знаки этому берегу, на которомъ красуются академія, палата депутатовъ, а далѣе въ глубь—коллегіи, Сорбонна, Люксанбургскій дворецъ, мѣсто засѣданій палаты перовъ. Прямо передъ вами на самой рѣкѣ виднѣется островъ Cité, зерно, изъ котораго вышелъ Парижъ. Остроконечныя крыши домовъ его прекрасно довершаются двумя башнями Nôtre-Dame de Paris. И теперь скажу, когда все это пространство зальется народомъ, когда зашумитъ, заволнуется онъ, когда подумаю я, какъ внимательно смотритъ Европа на его занятія и поведеніе,—моя роль безстрастнаго наблюдателя дѣлается мнѣ пріятна и дорога. Есть въ ней и наслажденіе, и поученіе! Мнѣ кажется, какъ будто для занятія моего родились на свѣтъ всѣ эти страсти, всѣ эти теоріи, всѣ эти побѣды и пораженія. Играйте же, актеры, шуми, оркестръ, и тѣшьте, и назидайте меня, какъ это предписано условіемъ для всяческихъ представленій!.. Прощайте!

IX.

Парижъ. 7-го февраля 1842 года.

Праздники здѣсь начались весьма своеобычно, а именно — новою оперой Галеви, неистовыми балами-маскарадами въ театральныхъ залахъ, приговоромъ къ смерти трехъ заговорщиковъ (послѣ помилованныхъ), осужденіемъ журналиста Дюпоти, приговореннаго къ пятилѣтнему заключенію, полною реакціей правительства духу неограниченной свободы и увеличеніемъ гарнизона. Я присутствовалъ на весьма важномъ засѣданіи палаты перовъ, когда адвокаты въ черныхъ своихъ мантіяхъ и въ трехгранныхъ шапкахъ, которыя давали имъ очень большое сходство съ портретами Вандика и Рубенса, вставали одинъ за другимъ, защищая каждый своего обвиненнаго кліента; я видѣлъ этого Дюпоти, которому судьба предоставила быть козломъ покаянія журналистики, и въ видѣ котораго посадили на одну скамейку съ убійцами всю революціонно пишущую братію. Не возможно было дать болѣе сильнаго урока! Трибуна обвиненныхъ представляла контрастъ поразительный: на одномъ концѣ скамейки сидѣлъ Кенисѐ, выстрѣлившій въ принцевъ, плотный, ражій мужчина, съ грубыми чертами лица и въ синей блузѣ работника; на другомъ — молодой человѣкъ лѣтъ 33, щегольски одѣтый, во фракѣ, завитый, въ бѣлыхъ перчаткахъ, левъ, однимъ словомъ! Адвокатское краснорѣчіе есть что-то условное, зѣло напыщенное, не исключая театральнаго эфекта и трескучей фразы, но поразительное особенно для свѣжихъ глазъ, каковы мои, искусствомъ отыскать уголокъ въ кодексѣ, буковку, недоразумѣньице, что-нибудь наконецъ, и если не закрыть обвиненнаго отъ меча правосудія, то смягчить ударъ по крайней мѣрѣ. Есть что-то великодушное и въ размахиваніи руками, и въ придуманномъ пониженіи голоса, и въ этихъ вопросахъ, долженствующихъ остаться безъ отвѣта, и въ этихъ восклицаніяхъ. Кажется, будто дѣло идетъ о собственной головѣ защитника; приходитъ мысль: вотъ человѣкъ, который для

благороднаго своего подвига не погнушался бы сдѣлаться балетмейстеромъ, механикомъ увеселительной физики и даже составителемъ живыхъ картинъ. Я думаю, Пальѐ, неистово и прехитростно выпутывавшій Кенисѐ, отдалъ бы половину своихъ доходовъ, чтобы какой-нибудь шутникъ сдѣлалъ искусственный громъ надъ головами перовъ въ срединѣ его рѣчи. Однакожъ, послѣдствія доказали, что ни главный прокуроръ Гебертъ, сидѣвшій за особеннымъ столомъ въ красной мантіи, ни канцлеръ, сидѣвшій за другимъ, ни всѣ почтенные перы, сидѣвшіе полукругомъ и украшенные почтенными сѣдинами, а большею частію ничѣмъ похожимъ на волосы не украшенные, не были увлечены краснорѣчіемъ адвокатовъ. Дюпоти, почти сглаживавшій важность настоящаго преступника Кенисѐ, приговоренъ былъ къ пятилѣтнему заключенію, всегдашнему состоянію подъ присмотромъ полиціи и уплатѣ издержекъ,—и Франція почувствовала наконецъ, что у ней есть чья-то сильная правительственная рука. Этимъ ударомъ и побочными, слѣдовавшими за нимъ, совершенно нарушено то равенство борьбы между всѣми партіями, о которомъ я писалъ въ послѣднемъ письмѣ. Напрасно журналисты выдали декларацію, а провинціальные прислали депутатовъ для подтвержденія ея своими подписями; напрасно говорила она о гоненіяхъ на печать и принимала рѣшеніе защищать свободу тисненія до-нельзя: это ужь не тотъ манифестъ журналистовъ, съ котораго началось постыдное кровопролитіе 1830 года. Я видѣлъ вслѣдъ за этимъ слѣдующее: 31-го декабря выпущенъ былъ изъ темницы Ламнѐ. Толпа молодежи и учениковъ собралась передъ его окнами, кричала: «vive!», требовала появленія его на балконъ, какъ вдругъ будто изъ земли появился отрядъ солдатъ, заперъ улицу съ одной стороны, взялъ ружье подъ прикладъ и по командѣ офицера пошелъ тихо на толпу, сдавилъ ее, выгналъ на бульваръ и скрылся.

Душою всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ событій — Гизо, замѣчательнѣйшее лицо нашего вѣка. Сколько ненависти, сколько восторга! Рѣшительно можно сказать, что во Фран-

ціи нѣтъ ни одного человѣка который говорилъ бы о немъ хладнокровно и который съ его именемъ не открылъ бы всѣ задушевныя свои мысли. Притомъ же, онъ и загадка для современниковъ: хочетъ ли онъ утвердить монархію на такомъ незыблемомъ основаніи, чтобъ уже никакое столкновеніе партій не могло поколебать ее, или только эгоистически хочетъ торжества своей партіи мѣщанства, bourgeoisie; свергнетъ ли его палата депутатовъ, или онъ попретъ это собраніе—не извѣстно...

На театрѣ Porte Saint-Martin дается нынѣ презабавная шутка, подъ именемъ «1841 и 1941 годъ, или Парижъ сегодня и Парижъ черезъ сто лѣтъ». Это одно изъ тѣхъ обозрѣній, въ которыхъ всякая новая выдумка, всякій новый романъ, пьеса, происшествіе, заслужившее почему-либо вниманіе публики въ прошедшемъ году, находятъ каламбуръ, остроту, пародію. Пьеса открывается разговоромъ работниковъ у артезіанскаго колодца: это знаменитый парижскій Гренельскій колодезь, который точно въ прошедшемъ году такъ проказилъ, какъ будто самъ напрашивался въ водевиль: во-первыхъ, завязъ въ немъ кусочекъ инструмента, которымъ ковыряли его, а вовторыхъ, вмѣсто ключевой воды сталъ онъ выбрасывать массы грязи и возродилъ опасеніе въ ученомъ мірѣ и въ правительствѣ, что обезсилитъ грунтъ земли, на которомъ стоитъ Парижъ, и приготовитъ такимъ образомъ поглощеніе сего новаго Вавилона. На сценѣ колодезь этотъ выбросилъ вмѣсто грязи прехорошенькую дѣвушку, легко, но благопристойно одѣтую—Истину, которая, въ награду за случайное свое освобожденіе, даетъ зеркало владѣтелю колодца и говоритъ: «Ты узнаешь настоящее значеніе всѣхъ вещей». Съ этого начинается рядъ сценъ, выводящихъ чрезвычайно остроумно въ каррикатурѣ все, надъ чѣмъ плакалъ Парижъ, за что̀ платилъ деньги, о чемъ толковалъ серьезно, а за нимъ и многіе иные языки, все, чѣмъ восхищался. Теперь Парижъ ломится въ театръ похохотать надъ самимъ собою и сказать: «Какой же я былъ дуракъ!» Чудная пьеса! И мнѣ пришло въ голову въ антрактѣ, когда отдыхалъ отъ безпрерывнаго смѣха, разобрать вамъ ее ради

поученія, пополнивъ нѣкоторыми собственными коммента-
ріями, впрочемъ, вездѣ ясный, сильный и во многихъ мѣс-
тахъ высокаго достигающій текстъ ея.

Итакъ, вотъ является олицетвореніе нашего вѣка, от-
крытій и выдумокъ въ особѣ г. Блакфорта. «Что я сдѣлалъ
въ прошломъ году? А вотъ, посмотрите: я изобрѣлъ для
артистовъ головнаго убора восковыя фигуры женщинъ во
весь ростъ, которыя за зеркальными стеклами великолѣп-
ныхъ магазиновъ, освѣщенныя сильнымъ свѣтомъ газа, по-
вертываются весь длинный зимній вечеръ дѣйствіемъ особен-
ной машины передъ глазами проходящихъ и толпы праздныхъ
гулякъ, осуществляя такимъ образомъ возможность сказки
Гофмана». Вслѣдъ за этимъ вносятъ пьедесталъ. Блакфортъ
пожимаетъ пружину, и является дѣвушка, великолѣпно рас-
чесанная, съ открытою грудью, и вертится медленно, вертится
постоянно. Потомъ: «Я изобрѣлъ средство косые глаза возвра-
щать на настоящій путь, такъ что съ этихъ поръ весь родъ
человѣческій будетъ правильно смотрѣть на вещи!» И тутъ
же производитъ операцію, которая несчастнаго паціента обра-
щаетъ въ какое-то чудовище. «Мало того: я подрѣзываю
язычокъ въ горлѣ». И болѣзненное мычаніе молодого чело-
вѣка, потерявшаго даръ слова послѣ операціи, возвѣщаетъ
объ успѣхѣ новаго открытія. Наконецъ, показываетъ онъ
ящикъ съ замкомъ-капканомъ отъ воровъ, имѣющій одинъ
недостатокъ: онъ такъ дорогъ, что, купивъ его, вы ничего
не оставите для сохраненія,—и фельетонъ журнала съ по-
вѣстью, каждый разъ отсылаемою къ слѣдующему нумеру,
такъ что склеенные вмѣстѣ листки составляютъ огромную
ленту, для развитія которой недостаетъ сцены театра. Блак-
фортъ тутъ же предлагаетъ писать вмѣсто окончаніе
впредь: «Окончаніе завѣщаю законному наслѣднику моему».

Тѣмъ и ограничился Блакфортъ при исчисленіи новыхъ
открытій; но обозрѣніе его далеко неполно. Куда же дѣ-
валъ онъ объявленія, печатаемыя на послѣдней страницѣ
журналовъ? А эта послѣдняя страница есть такой волшеб-
ный міръ, съ которымъ не можетъ сравниться никакая фанта-
стическая сказка. Тамъ растутъ китайскія деревья, пріобрѣтая

въ тринадцать дней толщину дуба, считающаго себѣ сотенку-другую лѣтъ; тамъ есть печь, которую стòитъ только внести въ комнату, чтобъ она обратилась въ паровую баню; тамъ есть порошки отъ извѣстныхъ болѣзней, не требующіе ни малѣйшихъ предосторожностей и столь невинные съ виду, что вы можете глотать ихъ передъ двѣнадцатилѣтнею дѣвочкой, и она спроситъ только: «Зачѣмъ вы ѣдите конфекты, когда это зубамъ вредно?» Тамъ есть неизносимыя платья, шляпы, на которыя пропущенъ былъ, съ согласія Англіи, Атлантическій океанъ и онѣ выдержали опытъ; несгораемыя свѣчи, лампы почти безъ масла, сапоги, излѣчивающіе подагру: совершенный ералашъ физическихъ законовъ міра!.. Необходимость сбыть товаръ произвела извѣстный кредитъ, которымъ славится Парижъ, а необходимость имѣть наличную деньгу произвела всѣ эти шарлатанства и услужливость «гг. ремесленныхъ профессоровъ», какъ они себя называютъ. Не солгу вамъ ни въ единомъ словѣ, если скажу, что г. Штаубъ, знаменитый портной, оцѣнивъ съ опытностію знатока красоту моихъ луидоровъ, собственною своею особой изволитъ часто ждать въ передней аристократическаго моего пробужденія. Говорятъ также, что я за честь заставить зѣвать Штауба отъ скуки плачу 10 и 20 франковъ лишнихъ при каждой вещи... Та же нужда денегъ породила вещь почти непонятную: музыкальная газета, напримѣръ, за 24 франка въ годъ даетъ вамъ, кромѣ нумера журнала, десятка два новыхъ романсовъ, десятокъ портретовъ виртуозовъ и три или четыре концерта, гдѣ участвуютъ многія знаменитости италіанской и французской оперъ. А вотъ это какъ покажется вамъ: вы подписываетесь на газету «Фигаро», платите деньги и получаете билетъ абонемента. Кажется, и все? Какъ бы не такъ! Ступайте въ любой изъ трехъ богатѣйшихъ магазиновъ, приторгуйтесь къ вещицѣ и вмѣсто денегъ заплатите билетъ абонемента: его примутъ какъ ассигнацію, а газету вы все-таки получаете какъ ни въ чемъ не бывало. Тутъ уже человѣческая догадка должна признаться въ собственномъ безсиліи, и тупой умъ мой ничѣмъ другимъ изъяснить это не можетъ, какъ только желаніемъ гг. изда-

телей ощущать, во что бы то ни стало, давленіе имперіала на ладони.

Кстати о магазинахъ. Здѣсь существуетъ пріятное обыкновеніе дарить другъ друга въ новый годъ вслѣдствіе пословицы: «Маленькіе подарки способствуютъ дружбѣ». Недавно огромныя окна магазиновъ, а магазины здѣсь это цѣлыя улицы, это безконечный переходъ отъ кашемира къ едва существующимъ (такъ легки!) тканямъ и отъ нихъ къ бронзѣ, золоту, картинамъ, статуйкамъ и проч., — эти окна залиты были подарочными вещами. Конечно, прошелъ тотъ удивительный вѣкъ, когда богатый человѣкъ могъ сидѣть на креслѣ, которое само по себѣ было художническое произведеніе, смотрѣться въ зеркало, принадлежащее къ исторіи искусства, когда Бенвенуто Челлини помѣчалъ въ запискахъ своихъ: «Я сдѣлалъ превосходную чашу кардиналу... Я выковалъ рукоятку кинжала для герцога»... и проч.; нечего и говорить: все зримое и покупаемое нашимъ поколѣніемъ — безъ стиля, ничтожно, мертвенно; но здѣсь какъ-то оно замысловато въ собственномъ безсиліи, хитростно въ пошлости своей, мелочно, со сноровкой, и есть нѣкотораго рода польза и занимательность въ разсматриваніи нынѣшняго ремесла въ полномъ его проявленіи. Наконецъ, упоминать ли вамъ о мелкой промышленности, которая собираетъ остатки обкуренныхъ и брошенныхъ сигаръ, чиститъ вамъ за 10 копѣекъ сапоги, продаетъ листки вечернихъ журналовъ за ту же сумму, играетъ на кларнетѣ, придерживаетъ васъ за 5 копѣекъ, когда вы выходите изъ кабріолета, и словомъ, живетъ пылью, упавшею съ вашихъ ногъ, прокармливается гвоздемъ, выпавшимъ изъ вашего каблука, спекулируетъ сброшенною перчаткой и пр. Къ числу, можетъ быть, самыхъ замысловатыхъ выдумокъ, нашего вѣка принадлежатъ ухищренія воровъ, не смотря на бдительность полиціи, которая надо правду сказать, удивительна. У одного изъ знакомыхъ моихъ вытащилъ изъ кармана фрака 300 франковъ молодой человѣкъ, спросившій у него о дорогѣ куда-то и тотчасъ узнавшій въ немъ иностранца по отвѣту: «Я также иностранецъ», сказалъ онъ, — «и могу подѣлиться съ вами нѣ-

которыми свѣдѣніями: вотъ площадь Согласія, это Луксорскій обелискъ, а это церковь Магдалины: обратите вниманіе ваше на горельефъ фронтона»... А покуда тотъ обращалъ вниманіе, кошелекъ противозаконно перемѣнилъ хозяина. Послѣдняя воровская штука, здѣсь случившаяся, рѣшительно принадлежитъ исторіи мошенничествъ и водевилю. Извѣстно, что дамы самаго высшаго легитимистскаго общества являются въ дома «кетировать», собирать милостыню на бѣдныхъ своего округа и ради благороднаго своего подвига, даже въ знакъ христіанскаго смиренія вступаютъ въ комнаты холостяковъ, взбираются на чердаки и не гнушаются самыхъ черныхъ закоулковъ дома. Не нужно говорить, что сдѣлало мошенничество проклятое... Подъѣзжаетъ великолѣпная карета; человѣкъ въ чулкахъ и пряжкахъ отворяетъ дверцу, выходитъ дама, щегольски одѣтая, по имени де-Фюсакъ или что-то такое на акъ, и, обобравъ порядкомъ весь домъ, благополучно отъѣзжаетъ. Исправительная полиція, засѣданія которой, какъ вообще всѣхъ судовъ, публичны и находятся въ Palais de Justice, старомъ зданіи на островѣ Ситѐ, представляетъ иногда сцены занимательнѣе драмъ круглаго года. Въ будущихъ письмахъ я вамъ опишу (разумѣется, если отвѣтите мнѣ на это письмо) все здѣшнее судопроизводство, а теперь только скажу, что формы его одинаковы, какъ для уголовнаго преступника, такъ и для хмелемъ ушибеннаго, и что мнѣ казалось, будто съ этими ограниченными формами нельзя даже Павлуши какого-нибудь выучить басенку г. Бориса Ѳедорова. Однакожь, нѣтъ... Да впрочемъ, это послѣ. Пояснивъ такимъ образомъ первую сцену, возвращаюсь снова къ пьесѣ.

Толпа модистокъ съ визгомъ выбѣгаетъ па сцену, преслѣдуя какую-то дѣвушку въ шубейкѣ. «Подайте намъ ее: она перепортила у насъ поддѣльные цвѣты, подмочила башмаки и разстроила всѣ наши предположенія!» «Да кто же ты?» спрашиваетъ почтенный старичекъ, владѣтель зеркала, у гонимой дѣвушки. «Лѣто, сударь», отвѣчаетъ шубейка. Не знаю, справедлива ли эта насмѣшка надъ лѣтомъ, но что касается до зимы, то это совершенная самозванка. На

улицахъ грязь, недѣльку простоялъ холодокъ въ семь градусовъ, да и пропалъ: фонтанъ Пале-Рояля бьетъ до сихъ поръ, Сена течетъ безъ льда... Разговоръ модистокъ въ этой сценѣ есть мѣстная, непереводимая каррикатура. Вообще, присутствіе женщины въ Парижѣ даже поразительно замѣтно: рѣшительно нѣтъ ни одного магазина, ни одной лавки, ни одного ресторатера, гдѣ бы не было за бюро и прилавкомъ красиво одѣтой дѣвушки, въ передничкѣ и ожерельѣ. Даже въ публичныхъ lieux d'aisance, гдѣ берутъ съ васъ за удобство, соединенное съ нѣкоторою роскошью, 15 копѣекъ, даже и тамъ въ конторѣ счетныя книги ведетъ и деньги принимаетъ молодая женщина, одѣтая въ снуровку.

Въ маскарадахъ Большой оперы лоретки въ черныхъ капуцинахъ своихъ интригуютъ, ревнуютъ или бѣсятъ своихъ поклонниковъ; но что̀ дѣлается въ залѣ тѣмъ первымъ классомъ, погибшимъ—это описать трудно! Женщины въ мужскихъ костюмахъ и мужчины въ разныхъ фантастическихъ одѣяніяхъ, охвативъ, сжавъ другъ друга, вихремъ несутся вдоль залы, опрокидывая все, что̀ попадется на пути. Вопли и бѣшеные крики неистоваго удовольствія возносятся до небесъ; громовая музыка не въ состояніи заглушить адскій шумъ; всякое движеніе есть обида, съ умысломъ нанесенная приличію; всякое слово—неблагоразуміе или вольность человѣка, разорвавшаго на нѣкоторое время всѣ связи съ обществомъ и его условіями. Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ эту оргію, эту скачущую толпу, услышалъ эти визги женщинъ меня кинуло въ дрожь буквально: мнѣ показалось, будто пушечнымъ выстрѣломъ выкинуло меня вдругъ изъ настоящей жизни куда-то за двѣ тысячи лѣтъ къ вакханаліямъ и луперкаліямъ: таковы маскарады Парижа въ Большой оперѣ! Какая разница, Боже мой, съ баломъ, даннымъ въ залѣ Opera Comique высшимъ легитимистскимъ обществомъ въ пользу ancienne liste civile, то-есть, пансіонеровъ Карла X! Билетъ стоилъ 20 франковъ. Въ 10 часовъ всѣ ложи наполнились разодѣтыми дамами, и coup-d'oeil снизу на эти три ряда цвѣтовъ, женскихъ головокъ и туалетныхъ драгоцѣнностей былъ превосходный. Въ самой залѣ чинная

тѣснота, толчки утонченной вѣжливости, молчаливые кадрили. Берьè, знаменитый ораторъ легитимистской партіи, принималъ поздравленія въ ложахъ отъ дамъ за рѣчь, произнесенную имъ въ это же утро въ палатѣ противъ права взаимнаго осмотра кораблей державами: тутъ онъ извергъ хулу на англичанъ и поднялъ бурю. Но и Гизо, отвѣчавшій ему, стоилъ поздравленій: его ледяная рѣчь, рядомъ съ огненною импровизаціей Берье́, захватила энтузіазмъ палаты и остановила его. Наконецъ, упомяну вамъ еще о классѣ женщинъ: это гризетки, то-есть, дѣвушки магазиновъ, труда, ремесла, которыя для перенесенія жизненныхъ треволненій соединяются въ группы тоже съ трудомъ и ремесломъ—со студентами, артистами, стихотворною и повѣствовательною молодежью, и все это участіе женщины въ обществѣ даетъ Парижу особенный характеръ, не безъ нѣкоторой прелести, не безъ нѣкотораго нѣжнаго оттѣнка. Скажу это для поученія тѣхъ, кто считаетъ городокъ этотъ смѣсью крови и грязи и укореняетъ такое мнѣніе въ публикѣ.

Возвратимся къ пьесѣ. Великое затрудненіе причиняетъ всѣмъ сущимъ на сценѣ бюстъ Мольера, которому никто не можетъ найти приличнаго мѣста, подобно тому, какъ правительство не знало, въ какомъ углу Парижа поставить ему памятникъ. Происходитъ по этому случаю замѣчательный разговоръ: поставить его на площади Медицинской академіи нельзя: онъ такъ часто оскорблялъ медицину; на площади Сорбонны нельзя: онъ не любилъ педантовъ; словомъ, перебрали всѣ площади, и ни одна не годилась для Мольера: онъ оскорбилъ почти всѣ площади и почти всѣ народные памятники. Досталось бы отъ него, думаю, и нынѣшней Сорбоннѣ, и нынѣшней Collège de France. Въ этихъ двухъ зданіяхъ происходятъ публичныя лекціи знаменитѣйшихъ профессоровъ Парижа, получающихъ жалованье отъ правительства, и лекціи которыхъ, посѣщаемыя всѣми классами народа, принадлежатъ къ числу парижскихъ зрѣлищъ, вопервыхъ, по отсутствію, по крайней мѣрѣ въ философическихъ и литературныхъ лекціяхъ, строгой науки, а вовторыхъ, по необычайному старанію

профессоровъ сдѣлать чтенія свои какъ можно остроумнѣе, пестрѣе, замысловатѣе. Никто такъ мастерски не наводитъ этого лоска, свойственнаго статейкѣ, какъ Амперъ. Онъ читаетъ исторію французской литературы въ XVI и XVII столѣтіяхъ, разобралъ Монтаня, какъ человѣка, писателя и философа, и перешелъ легкимъ очеркомъ Шарона къ Паскалю. Это самое лучшее проявленіе французскаго анализа: текстъ писателя даетъ профессору обильный источникъ для отрывочныхъ замѣчаній всегда остроумныхъ; сближеніе нѣкоторыхъ мѣстъ порождаетъ особенную игру мыслей, гдѣ и софизмъ, и практически вѣрная мысль равно искрятся и блистаютъ; частыя обращенія къ исторіи порождаютъ эпизоды, гдѣ историческія лица группируются съ вѣрностью и увлекательностью современныхъ записокъ, а все вмѣстѣ образуетъ цвѣтистую и занимательную лекцію. Только гораздо позже, когда вы пожелаете возвратиться къ основной мысли, увидите очень простое положеніе, что XVI столѣтіе, бурное, скептическое, породило необходимо-правильный, религіозный вѣкъ Лудовика XIV, а Монтань, съ холоднымъ, нѣсколько эгоистическимъ своимъ характеромъ, обратился, какъ свойственно этимъ характерамъ, къ самому себѣ, написалъ, не думая, выводы этого изученія и создалъ, вопервыхъ, прекрасную скептически-философическую книгу, а вовторыхъ, прекрасную, живую, вѣрную французскую прозу. Озанамъ читаетъ нѣмецкую литературу, начавъ съ «Нибелунговъ» и, мимо «Гудруны», достигнувъ миннезингеровъ. Это воплощеніе французскаго эклектизма, столь спокойнаго для изыскателя: всѣ матеріалы подъ рукой — стòитъ только класть ихъ всегда параллельно. Онъ находитъ въ «Нибелунгахъ» то же присутствіе судьбы и теоріи возмездія, какъ и въ греческихъ эпопеяхъ, и тутъ являются ему два ряда нѣмецкихъ критиковъ. Одни говорятъ: Гомера не было, и всѣ, какъ древнія, такъ и новыя эпопеи созданы народомъ, а собраны только однимъ человѣкомъ. Другіе говорятъ: Гомеръ былъ, и всѣ эпопеи, старыя и новыя, созданы однимъ геніальнымъ человѣкомъ, представителемъ народа. Эклектикъ тотчасъ миритъ двухъ враговъ, находя, что каждый отча-

сти правъ, и это объясненіе вопроса, какъ видите, немного трудное. Впрочемъ, Озанамъ привлекаетъ огромную публику, и рукоплесканія часто гремятъ ему сколько за занимательность самаго сказанія, столько и за тѣ нѣмецкія идеи, въ которыя онъ долженъ входить для химическаго процесса ихъ соединенія и переварки. Филаретъ Шаль читаетъ англійскую литературу. Вступительная лекція его отличалась особенно произвольными положеніями, весьма недостаточно оправданными, а слѣдующія лекціи показали это еще яснѣе. Раздѣленіе поэзіи на условную и истинную, на ложную и вѣрную, на искусственную и простую, не выведенное ни откуда, а между тѣмъ пребеззаботно подтверждаемое примѣрами въ томъ и другомъ родѣ, поражаетъ глаза. Достоинство его лекцій лежитъ собственно на большей или меньшей занимательности этихъ примѣровъ и на большемъ или меньшемъ остроуміи, съ которымъ онъ ихъ приводитъ. Эдгаръ Кине еще не начиналъ своихъ лекцій о литературѣ южной Европы. Кромѣ этихъ лекцій, читаются курсы литературъ китайской, коптской, санскритской, индійской и Господь знаетъ еще какой. Лекціи естественныхъ наукъ, ремеслъ всегда полны. Есть еще множество частныхъ курсовъ. Недавно былъ я въ институтѣ, заведенномъ частными людьми для образованія ораторовъ, въ которыхъ дѣйствительно такъ нуждается Франція. Въ положенные дни всякій можетъ являться на каѳедру института и говорить на заданную тему. При мнѣ тема была: «о пользѣ искусствъ для оратора». Истинно сказать, часа два болтали пустяки, чему, впрочемъ, кажется мнѣ, главною причиною была сама тема. Лучше всѣхъ о прекрасномъ и благородномъ говорилъ бывшій издатель «Франкфуртскаго Журнала» Дюранъ. Онъ пользуется въ Европѣ не очень завидною репутаціей, но о тѣхъ вещахъ говоритъ всегда со слезами на глазахъ...

Я здѣсь досталъ у А. И. Тургенева послѣдніе три тома Пушкина и, послѣ четырнадцатимѣсячнаго воздержанія отъ россійской литературы, съ перваго пріема наткнулся прямо на нашего псковскаго усопшаго. Господи Владыко, какъ онъ ударилъ по всему существу!.. Да вы, впрочемъ, не поймете,

что̀ значитъ читать за границей Пушкина. А здѣсь рѣшительно ничего нѣтъ въ литературѣ даже такого, что бъ надѣлало шуму. Французы совершенно согласны, что путешествіе Гюго на Рейнъ — скучно. «Майорка» Жоржъ-Занда, тоже путешествіе, расшевелило нѣсколько умы, но скоро было забыто вслѣдствіе таковой резолюціи: не можетъ быть, чтобъ «Майорка» была такъ хороша. Романъ Бальзака, печатавшійся въ «Siècle» и вышедшій особенною книгой: «Записки двухъ дѣвушекъ», кажется, возбудилъ даже здѣсь негодованіе излишнею фигурностью выраженія. Предпочитаютъ ему «Кавалера Арменталя» Дюма, но многіе говорятъ: «Я не читаю романовъ Дюма, потому что поджидаю, когда онъ передѣлаетъ ихъ въ драмы: тогда будетъ легче, занимательнѣе, да и деньги хорошо употребятся: пьесу увидишь, и романъ узнаешь». Книгопродавцы прибѣгли съ горя къ картинкамъ и великолѣпнымъ изданіямъ, чтобъ завлекать охолодѣвшую публику; новый романъ Сулье: «Еслибъ молодость вѣдала! Еслибъ старость могла!» издается еженедѣльно листками, со всею типографскою роскошью, и Богъ знаетъ, когда кончится. Въ этомъ родѣ замѣчательны статейки, собранныя подъ заглавіемъ: «Животныя, писанныя ими самими (peints par eux-mêmes), а нарисованныя другими», съ прекрасными карикатурами Гранвиля. Политическія брошюры распространяются страшно, такъ распространяются, что одному человѣку уже и вычитать нельзя, что̀ появляется въ недѣлю. Я только хожу да посматриваю на окна книжныхъ магазиновъ, гдѣ каждый день является новая афиша. Вчера возвѣщали о брошюрѣ: «Я бью стекла!»; третьяго дня: «Счетъ пощечинъ, полученныхъ Франціей»; сегодня: «Памфлетъ и исторія». Плюнешь всякій разъ, да и отойдешь прочь!

Наконецъ, первый актъ пьесы заключается пародіей всѣхъ театровъ; тутъ въ каррикатурѣ являются цѣлыя сцены изъ замѣчательнѣйшихъ пьесъ прошлаго года, сыплются намеки на авторовъ, актеровъ и актрисъ, на писателей, деревянную мостовую, новыя моды и чортъ знаетъ еще на что̀. Думаю: только цензура помѣшала вывести на сцену палаты, маги-

стратъ, духовенство и дворъ. Такъ изволитъ тѣшится Парижъ надъ самимъ собою.

Второй актъ, занятый будущностію Парижа, гдѣ пароходы ходятъ въ тридцать-шесть часовъ въ Пекинъ, аэростаты летаютъ въ Гаванну за сигарами, люди всѣхъ націй появляются на улицахъ всемірнаго города, вымощенныхъ уже bois de pallissandre, фантастически довершаетъ эту пьесу, доставившую мнѣ болѣе удовольствія, чѣмъ «Кипрская Королева» Галеви съ процессіями, серенадами, танцами; чѣмъ «Цѣпь» Скриба, поддерживаемая превосходною игрою Плесси въ роли графини; чѣмъ нѣсколько нахальный водевиль «Виконтъ Леторьеръ», гдѣ Дежазè въ мужскомъ костюмѣ такъ дерзостно хорошо играетъ; чѣмъ Арналь съ уморительными ужимками въ «Палатинѣ», Лафонъ съ иронiей, скрывающею глубокую испорченность, въ «Электрической Цѣпи», буфъ Левассоръ въ фарсѣ «Синій Чулокъ», и сладенькая Вольни въ сантиментальномъ водевилѣ «Парижскія Феи»,—болѣе, чѣмъ, вѣроятно, доставятъ удовольствія новоожидаемыя письма Гюго, Дюмà и Бальзака...

X.

Парижъ. 18-го мая 1842 года.

Я выѣзжаю изъ Парижа на Рейнъ черезъ Бельгію и Голландію собственно для того, чтобъ въ первой посмотрѣть гробницу Карла Великаго да купить двѣ-три книжки французскія за треть цѣны, а въ послѣдней поклониться въ Сардамѣ великому русскому имени. Когда я здѣсь говорю, что ѣду на Рейнъ, мнѣ отвѣчаютъ: «А, это туда, гдѣ на насъ написали стихи» (народная пѣсня Беккера: Sie werden ihn (Рейнъ) nicht haben). А кто съ Рейна ѣдетъ въ Парижъ, такъ тамъ, слышно, восклицаютъ: «А, сходите же къ Виктору Гюго, который хочетъ у насъ Кёльнъ взять («Рейнъ», Гюго), и скажите ему, что мы отнимемъ у него Страсбургъ!» Только и толковъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, что о рѣкѣ: увижу я ее наконецъ и вмѣстѣ съ З..., который ждетъ меня въ Кёльнѣ.

Катковъ пишетъ, что собирается въ Россію: хотѣлось бы видѣть его, да врядъ ли!

Я видѣлъ, мѣсяца два тому назадъ, въ палатѣ Ламартина за работой: онъ ткалъ въ виду всѣхъ насъ великолѣпное одѣяніе изъ золота, парчи, воздуха и вечерней зари своимъ мыслямъ о братствѣ народовъ, о подчиненіи всѣхъ иностранцевъ дѣлу всеобщей цивилизаціи, мыслямъ, для которыхъ изобрѣлъ и названіе политики соціальной (sociale). Когда прерывали его, онъ складывалъ руки на груди, и благородная, аристократическая его фигура прекрасно рисовалась за мраморомъ трибуны. Этотъ уже Рейнъ ни по чемъ ставитъ. Гдѣ Рейнъ! Рейна нѣтъ, а есть человѣчество. Ну, вотъ я разберу на мѣстѣ и этотъ вопросъ. Нѣкотораго рода смѣшеніе царствуетъ и по другимъ статьямъ, хоть, напримѣръ, по статьѣ о взаимномъ осмотрѣ кораблей для прекращенія торговли неграми. Прекратить торговлю—пожалуй; но согласиться на дѣйствительнѣйшую мѣру къ прекращенію ея—нѣтъ. Отъ этого чуть-чуть не въ одинъ день палата отказывала въ своемъ участіи Англіи, а изъ Англіи пріѣзжали ученые и филантропы на обѣдъ къ герцогу Брольи для принятія мѣръ къ скрѣпленію общества противъ торговли. А чтобъ ни одной ноты въ этомъ аккордѣ не недоставало, человѣкъ-софизмъ, Гранье-Кассаньякъ, очень хорошо понявшій, что въ наше время всеобщаго движенія впередъ самое лучшее средство отличиться—это пятиться какъ можно болѣе назадъ, издатель «Le Globe», удивившій Францію своею книгой «О происхожденіи дворянства и кастъ», крѣпко возсталъ въ пользу порабощенія негровъ. Самое великое смѣшеніе, однакожъ, представляется въ Академіи. Тутъ Токвилю приходится говорить похвальное слово Сесаку, — не знаю, что̀ онъ былъ такое, префектъ наполеоновскій, конюшій ли, Господь его знаетъ; Балланшу, съ его «Паленгенезіей» и несовершенно уясненными на исторію и человѣчество взглядами, разсуждать о Дювалѣ, авторѣ «Влюбленнаго Шекспира», который такъ хорошо играется на домашнихъ театрахъ; тутъ, наконецъ, принимаютъ въ Академію Пакье, не написавшаго ни одной строчки, мимо Сентъ-Бева и господина Па-

тена, мимо Альфреда де-Виньи. Въ этихъ пріемахъ Академія хлопаетъ, въ продолженіе года, тремъ-четыремъ самымъ противорѣчащимъ мнѣніямъ, какъ остроумно вывелъ Филаретъ Шаль: то ей нравится, что Наполеонъ есть остановка въ прогрессѣ, то соглашается, что Наполеонъ—хорошій человѣкъ, то похваляетъ нашъ вѣкъ, то говоритъ: не мѣшало бы чего-нибудь посущественнѣе. Пріемъ Балланша породилъ умилительную сцену. Вмѣсто больного Балланша его рѣчь читалъ Минье и въ концѣ ея, обратясь въ одну сторону, въ уголъ, къ самой двери, гдѣ сидѣлъ старикъ съ продолговатымъ лицомъ, орлинымъ носомъ, блестящими глазами и клоками сѣдыхъ волосъ на открытомъ лбѣ, благодарилъ его отъ имени Балланша, разумѣется, за дружбу, напомнивъ, что они оба—отшельники въ семъ мірѣ, хотя одинъ изъ нихъ открылъ настоящій вѣкъ религіозною пѣснью, а другой, можетъ быть, вниманію того перваго обязанъ нѣкоторою извѣстностію. Громъ рукоплесканій раздался со всѣхъ скамеекъ, со всѣхъ галерей, сверху, съ боковъ и снизу. Шатобріанъ закрылъ лицо руками и заплакалъ. Съ умиленіемъ смотрѣлъ я на почтеннаго старика, который пережилъ свое политическое вліяніе, которому скоро-скоро откажутъ и въ титлѣ генія (ужъ и начинается!), но который оставитъ по себѣ память благороднѣйшей души, чистѣйшаго характера. Въ одной изъ галерей сидѣла пріятельница его, старушка Рекамьѐ, съ своимъ обществомъ, и также хлопала.

Я былъ у Рекамьѐ на концертѣ (все это Александръ Ивановичъ Тургеневъ хранительно напутствуетъ мнѣ). Благородно просты комнаты ея. Изъ передней маленькая пріемная съ знаменитымъ горельефомъ Тенерани; изъ пріемной небольшая бѣлая зала съ огромною, но манерною картиной Жерара, изображающей г-жу Сталь въ видѣ вдохновенной Коринны съ арфой въ рукахъ. Въ этой залѣ пѣла Полина Гарсіа и Рашель-Федра декламировала страстные монологи. Какъ-то странны были въ этой милой комнатѣ и при этомъ обществѣ чинныхъ дамъ и дѣвицъ ея сладострастные вскрики и полныя жара описанія... Кромѣ Гизо, Баранта, Шатобріана, тутъ былъ и Сентъ-Бевъ, издавшій вторую часть своего «Port-Royal»,

такъ хорошо обличающаго болѣзненное воображеніе Сентъ-Бева, который, начавъ съ «Volupté», кончаетъ теперь глубокимъ, суровымъ мистицизмомъ янсенистовъ. Тутъ былъ и Амперъ, такъ добросовѣстно и остроумно развивавшій намъ нынѣшній курсъ Монтаня, Паскаля и Декарта; тутъ были еще Ленорманъ, Форіель, Сенъ-При и пр., и пр. Турецкій посланникъ въ красной своей фескѣ и съ благородною, задумчивою физіономіей, свойственною всѣмъ туркамъ хорошей корви, тихо помавалъ головой, слушая Рашель и думая, вѣроятно, о другихъ сильныхъ страстяхъ на другомъ концѣ Европы. Но изъ всѣхъ лицъ, наполнявшихъ залу, примѣчательнѣйшее лицо для меня была сама хозайка. Есть имена, съ которыми соединено всегда понятіе о юности, красотѣ, граціи: Юлія, Офелія, Марія Стуартъ, Рекамьѐ. Противъ всѣхъ правилъ эстетики послѣдняя жива до сихъ поръ, имѣетъ большой чепецъ па головѣ, морщины на лицѣ, неопредѣленную талію, и я подумалъ: нужна смерть для красоты!

Упомянулъ я за восемь строкъ нѣсколько профессорскихъ именъ; долженъ прибавить, что нынѣшнюю зиму аудиторіи двухъ изъ нихъ были особенно полны: Сенъ-Маркъ Жирардена и аббата Дюпанлу. Жирарденъ, профессоръ французской поэзіи, придетъ, сядетъ и начнетъ веселый разговоръ съ студентами Сорбонны: остроты, намеки, каламбуры даже образуютъ электрическую струю, которая постоянно возбуждаетъ хохотъ слушателей, и та Сорбонна, въ которой слушалъ лекціи Данте, которая волновалась отъ вопросовъ Абеларовъ, Сенъ-Сирановъ, Декартовъ, хохочетъ нынче!.. Какъ бы порадовался г. Корфъ, который, кажется, сказалъ, что гордится способностью хохотать и цѣнитъ ее выше всего. Въ нынѣшній курсъ Жирарденъ взялъ тему, которая такъ близка къ обществу, что почти походитъ на политическую: это—о страстяхъ, составляющихъ драму, гдѣ современныхъ драматическихъ писателей онъ уничтожаетъ, ставя ихъ лицомъ къ лицу съ старыми классическими писателями, а потомъ съ греческими образцами. Оно, конечно, смѣло передъ молодежью, которая имѣетъ право свистка на лекціяхъ и которая воспользовалась этимъ безчестнымъ правомъ сперва на лек-

ціи Ленормана за сравненіе французской и англійской конституцій и предпочтеніе послѣдней, а потомъ на лекціи Мишлѐ—за хаотическія, несвязныя его мысли о философіи исторіи, гдѣ видно было только страшное желаніе сказать нѣчто близкое къ высокому, sublime, не высказавшееся однако; конечно, смѣло—говорю—объявить этой молодежи, что любимые ея писатели разработываютъ въ драмѣ одно плотское страданіе, одну физическую боль; но это въ Жирарденѣ, какъ вообще у всѣхъ сотрудниковъ «Journal des Debats», Шаля, Шевалье и самого Жанена, происходитъ не отъ сильно возмущеннаго эстетическаго чувства, а отъ политическихъ причинъ, да еще отъ свойственной всѣмъ имъ женоподобности, изнѣженности, какого-то жалкаго моральнаго разслабленія, печать коего носятъ они даже на лицѣ и въ головѣ и манерахъ. По всей справедливости, господа эти съ ужасомъ отвращаются отъ безумнаго воя новѣйшей драмы; но они съ такимъ же ужасомъ отвратятся и отъ всякаго энергическаго душевнаго порыва.

Аббатъ Дюпанлу и проповѣдникъ Равиньянъ составляютъ первыя звенья той религіозной реакціи, которая обнаружилась въ послѣднее время въ Парижѣ. Надо вамъ сказать, что обстоятельства приготовили и очистили ей дорогу, такъ что появленіе ея никого не удивило. Всякій, кто пожилъ въ Парижѣ мѣсяцевъ шесть или семь, какъ я, скажетъ вамъ о необычайномъ равнодушіи общества ко всему, что̀ дѣлается передъ глазами его, о потерѣ имъ послѣдней вѣры въ свои собственныя идеи, въ дѣло рукъ своихъ, о изнеможеніи и апатіи его. Нѣкоторыя происшествія, вамъ извѣстныя, и которыя никогда не могли бы случиться въ другое время, ясно подтверждаютъ мою мысль. Присматриваясь ближе, я замѣтилъ или показалось мнѣ, что даже волненіе и протестаціи враговъ настоящаго порядка вещей не искренни, энергія ихъ насильственна и подложна. Да, они ни къ чему не готовы, ничего не опредѣлили и слабы, не имѣя никакого разумнаго будущаго. И вдругъ раздается голосъ стараго католицизма, который никакъ не можетъ отстать отъ западной Европы, имъ вскормленной, и является къ дѣтищу тотчасъ,

какъ задумалось оно послѣ тревоги широкаго пира. Если принять въ соображеніе, что теперь идетъ дѣло не о семинаріи, не о десятинѣ какой-нибудь, а о введеніи католицизма въ нравы и о принятіи имъ подъ покровъ свой всѣхъ вопросовъ вѣка, то нынѣшняя религіозная реакція можетъ имѣть важныя послѣдствія для Франціи. А можетъ быть, и ничего не будетъ; она явится и разлетится какъ миражъ; ужь ихъ столько было!.. Дюпанлу занимаетъ каѳедру духовнаго краснорѣчія въ Сорбоннѣ. Нынѣшнюю зиму тема его была: объ отношеніяхъ генія къ церкви... Дюпанлу—лирикъ до излишества: часто случается, что самая мысль теряется въ безчисленномъ количествѣ образовъ и картинъ, которыми онъ обставляетъ ее; лекціи его походили на непрерывную перемѣну декорацій; но за то огромная аудиторія, вмѣщающая въ себѣ до трехъ тысячъ человѣкъ, была недостаточна для всѣхъ жаждущихъ насладиться его импровизаціей; но за то мертвая тишина царствовала во все время, какъ текла его рѣчь; но за то оглушительныя рукоплесканія раздавались при всякомъ перерывѣ ея, при всякой остановкѣ профессора.

Проповѣдникъ Равиньянъ—совершенно въ другомъ родѣ. Съ высшихъ ступеней общества сошелъ онъ въ ряды монашествующаго ордена, и рѣчь его отзывается непреклонностію глубокаго убѣжденія, энергіей, скажу даже—нѣкоторымъ родомъ деспотическаго убѣжденія... «Проповѣдники посланы къ вамъ», сказалъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей удивленнымъ парижанамъ,—«не для того, чтобъ добиваться вашихъ похвалъ и прислушиваться къ вашимъ толкамъ: они посланы учить васъ и требовать покорности»... Широкій лобъ его, впалые глаза и сухощавое лицо доказываютъ лучше всего, что онъ, какъ шелковичный червь, по выраженію Гете, плететъ нить изъ самого себя, изъ собственной внутренности; старанія его въ нынѣшнюю Страстную недѣлю собрать многозначительную толпу подъ хоругвь религіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ день Пасхи двѣ тысячи человѣкъ явились къ причастію. Я былъ на нѣкоторыхъ изъ этихъ поученій, проис-

ходившихъ въ семь часовъ вечера въ Nôtre-Dame de Paris. Старая церковь, плохо освѣщенная нѣсколькими лампами, составляла чудную раму энергическому проповѣднику, и покуда говорилъ онъ о нарушеніи грѣхомъ всеобщей, міровой гармоніи, о разъединеніи души и Божества, которое составитъ посмертное мученіе первой, какъ составляетъ ея страданіе здѣсь на землѣ, я украдкой смотрѣлъ на своды, висѣвшіе изъ темноты надъ головой моею, на переходы церкви, залитые мракомъ, изъ котораго выходили только колонны, стремившіяся вверхъ, да бѣлыя статуи алтарей.

Аббатъ Ботенъ, бывшій профессоръ Страсбургскаго университета, представляетъ третье лицо этой религіозной пропоганды и блестящею своею рѣчью, свободой и чистотой французской фразы своей сдѣлался исключительнымъ проповѣдникомъ аристократическою женскаго общества, съ принцессой Клементиной, дочерью короля, во главѣ... А между тѣмъ вы уже предчувствуете, что вѣрно въ какомъ-нибудь концѣ Парижа есть нѣчто діаметрально противоположное всему этому; это почти также необходимо здѣсь, какъ въ симметрической архитектурѣ второе отверстіе по случаю существованія перваго. Есть, есть! Какъ не быть! Вотъ новый проповѣдникъ г. Шатель, который воспѣваетъ хвалы даже автору «Орлеанской Дѣвственницы»: я вспомнилъ о процессѣ, бывшемъ мѣсяцъ тому назадъ въ исправительной полиціи. Я думалъ, что поколѣніе отвратительныхъ книжонокъ, порожденныхъ концомъ XVIII столѣтія, и которыми наполнены провинціальныя библіотеки помѣщиковъ, уже прекратилось во Франціи. Нѣтъ, недавно захватили книжонку г. Боналя «Les lamentations sociales» при самомъ выходѣ ея изъ типографіи, и судьи (французскіе судьи! видѣли и слышали они многое! не легко привести ихъ въ краску!), эти судьи потребовали тайнаго засѣданія, à huit clos, изъ опасенія оскорбить разборомъ этой книжки общественное приличіе, публичную нравственность. Напрасно хотѣлъ я потомъ взглянуть на это чудище: ни въ одной лавкѣ нѣтъ, и матери дочерей вонъ высылали, когда я спрашивалъ о ней.

Съ появленіемъ спаржи, молодыхъ артишоковъ и зеленаго горошка у ресторатера начинается весна въ Парижѣ. Конечно, можно сказать, что и позеленѣвшія аллеи Champs-Elysées и Тюльери доказываютъ ея наступленіе, но не столько. А что ужь безъ всякаго возраженія свидѣтельствуетъ справедливость показаній календаря, не смотря на противорѣчащій ему сырой вѣтеръ, такъ это закрытіе выставокъ художественной, севрской, гобленовой и проч. Я вамъ не писалъ о конкурсѣ на сооруженіе памятника Наполеону. Проекты, представленные по этому случаю художниками, могли бы составить поучительнѣйшую статью для эстетики. Представьте себѣ сотню головъ, занятыхъ мыслью произвести что-нибудь великое, неслыханное, необъятное, какъ самъ человѣкъ, которому надобенъ, по мнѣнію Франціи, памятникъ... Чтò изъ этого могло выйти — вы догадываетесь: чудовищности неимовѣрныя. И дѣйствительно: одинъ хочетъ повѣсить гробъ его подъ куполомъ церкви Инвалидовъ; другой—создать огромный кристальный шаръ, освѣщенный газомъ и вращающійся на своей оси, съ драгоцѣннымъ прахомъ внутри; третій предлагаетъ нѣчто въ родѣ гигантскаго фокуса-покуса, то-есть, машины, которая будетъ выставлять круглый годъ, въ тотъ самый день, какъ были выиграны баталіи, изображенія ихъ. Благоразумнѣйшіе изъ художниковъ ограничились только гиперболическими аллегоріями: шаръ земной, раскалывающійся подъ стопой великаго, всѣ столицы Европы, прикрытыя щитомъ его, и проч. и проч. Были и такіе, какъ графъ Батаръ, напримѣръ, которые хотѣли напомнить нѣкоторыя частности изъ жизни императора. Огромный кусокъ гранита, обведенный великолѣпною золотою рѣшеткой, доказывалъ бы, по его мнѣнію, простоту одѣянія и привычекъ Наполеона, а вмѣстѣ роскошь туалета и блескъ окружавшей его свиты. Вотъ истинно художническая идея! Удивительно, какъ никто не подумалъ изобразить въ видѣ прекрасныхъ женщинъ, летящихъ геніевъ, роговъ изобилія и трубъ, надуваемыхъ славою, обыкновенія Наполеона складывать руки на груди, выставлять ногу впередъ, щипать себя за ухо.

Но надо сказать и то: лишь только французъ начинаетъ задумывать серьезное, oeuvre capitale, какъ говорятъ здѣсь, — въ художествахъ или литературѣ, все равно, первая мысль, поражающая его мозгъ есть: «что̀ бы доказать такое?» Вамъ извѣстно, что всѣ «Лукреціи Боржіи», «Маріи Тюдоръ» и «Маріоны Делормъ» В. Гюго доказывали различныя идеи. Я нарочно привелъ примѣры изъ драматической литературы, потому что въ ней всего виднѣе это направленіе. Вся нынѣшняя зима была преисполнена подобныхъ сценическихъ доказательствъ; не говорю о бульварныхъ театрахъ Ambigu, Gaité, Folies, которые, на зло своимъ титуламъ, были притонами страшныхъ мелодрамъ, основанныхъ единственно на разныхъ невозможныхъ происшествіяхъ (это-то именно и составляетъ ихъ прелесть для народа съ живымъ и нѣсколько испорченнымъ воображеніемъ), но о театрахъ, имѣющихъ притязаніе на литературность, каковы Одеонъ и Porte Saint-Martin. Одеонъ доказывалъ, напримѣръ, слѣдующія положенія, признанныя и обсуженныя потомъ всѣми критическими листками: «горе народу, выдающему защитниковъ своихъ» (драма «Палермскій трибунъ»); «почести портятъ сердце» («Кедрикъ-норвежецъ», драма); «геній рѣдко признанъ бываетъ современниками» («Плутни Кинолы», комедія) и пр. Эта послѣдняя вещь принадлежитъ Бальзаку. Вѣроятно, вы уже знаете, что никогда, au grand jamais, не разрѣшался въ страшномъ, неестественномъ своемъ напряженія мозгъ человѣческій чѣмъ-нибудь близкимъ къ этой нелѣпости. И произошла она не отъ порочнаго устройства умственныхъ способностей въ авторѣ, а отъ непомѣрныхъ притязаній его, отъ желанія подняться до облака ходячаго. Тутъ же еще и Шекспиръ вмѣшался... Истинно сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ Франція открыла Шекспира, потеряла Франція сонъ, апетитъ и веселость. А сказать правду, такъ въ цѣлой Европѣ всякое литературное преступленіе производится во имя Шекспира. Круглый годъ нѣтъ двухъ пьесъ въ нашей части свѣта, которыя произошли бы отъ наблюденія человѣка и жизни, и которымъ не повредило бы желаніе автора по-

здороваться и подать руку Шекспиру. Что это за вредный «сочинитель»! Да когда же выдадутъ законъ противъ него? Широкій юморъ его, его кончетти, игра словъ его породили въ «Плутняхъ Кинолы» (Ressources de Quinola) самыя чудовищныя вещи, и между прочимъ эту реплику: «Ему (Кинолѣ) болѣе извѣстна любовь къ механикѣ, чѣмъ механика любви», а можетъ быть, и на оборотъ: навѣрное не знаю. Знаю только, что когда пьеса приближается къ этому мѣсту, такъ напоминающему безхитростныхъ актеровъ Вильямова балагана, партеръ великолѣпнаго Одеона, доселѣ буйный и непокорный, вдругъ притихаетъ; лицедѣй, произносящій знаменитую фразу, приближается къ лампамъ и при мертвой тишинѣ произноситъ ее съ разстановкою. Минуту затѣмъ царствуетъ невообразимый шумъ, хохотъ, крикъ, вскорѣ покрываемый однакожъ ярыми: bis! bis! Снова наступаетъ торжественная тишина, и актеръ снова подходитъ къ лампамъ съ несчастною фразой во устахъ. Только послѣ третьяго и четвертаго раза, вдоволь насытившись величіемъ и глубиной ея, публика утихаетъ, то-есть, покрывается и уходитъ.

Но возвратимся къ пьесамъ на темы. Есть изъ нихъ такія, основная идея которыхъ даже въ одну строчку и не упишется, а требуетъ долгаго и нѣсколько сложнаго развитія. Такъ «Жарвисъ», драма Дюма и еще другого господина, игравшаяся на театрѣ Porte Saint-Martin, по единогласному свидѣтельству всѣхъ критиковъ, написана для того, чтобъ доказать, какъ предосудительно принимать на себя званіе редактора-отвѣтчика политическаго журнала изъ видовъ корысти, и какъ всѣ низости, клеветы и преступленія, свершаемыя настоящими издателями, падаютъ на лицо редактора и покрываютъ его всеобщимъ презрѣніемъ, хотя бы самъ онъ не имѣлъ на душѣ ни одной печатной строки, или хотя бы какая-нибудь благородная цѣль понудила его дать свое имя на прокатъ зависти, пороку и злобѣ... вотъ! Представьте себѣ, какъ пріятно смотрѣть пьесу, когда знаешь напередъ маршрутъ, растаги и мѣсто слѣдованія всѣхъ ея страстей, перипетій

и катастрофъ. Въ одномъ только случаѣ позволяется хорошему писателю для сцены ничего не доказывать, именно—когда вздумается ему представить лакея, цыгана, бродягу благодѣтелемъ могущественнаго герцога, спасителемъ знаменитой принцессы, человѣкомъ, который держитъ въ своихъ рукахъ честь какой-нибудь важной фамиліи или даже судьбу цѣлаго княжества (италіанскаго, обыкновенно). Тема эта здѣсь въ большой модѣ. Вотъ и нынѣ на театрѣ Porte Saint-Martin съ успѣхомъ играютъ драму «Цыганъ Парисъ», который устраиваетъ благополучіе Милана такъ ловко, какъ будто дѣло шло о кражѣ лошади или обманѣ хохла. Фредерикъ Леметръ появляется въ пяти или шести разныхъ видахъ и очень хорошо представляетъ сперва комедіанта, потомъ жида, потомъ раба, умирающаго въ судорогахъ; но странная вещь, по окончаніи спектакля какъ будто онъ ничего не представлялъ: все сгладилось, пропало, забылось, словно васъ добрый параличъ хватилъ при выходѣ. Точно то же направленіе и въ художествахъ: аллегорія и какая-то изнѣженная, разсѣянная граціозность...

Впрочемъ, достаточно о важныхъ пьесахъ; la specialité, какъ говорится, Парижа—это пьесы незначительныя; а такъ какъ каждый изъ театровъ имѣетъ свой опредѣленный характеръ, то, вставъ по утру и посовѣтовавшись съ собственною совѣстью, можете безъ афиши назначить себѣ зрѣлище на вечеръ. Расположены ли вы смотрѣть граціозный цинизмъ — ступайте въ Palais-Royal: тамъ играютъ г-жа Дежазè и гг. Ашаръ и Туссе; предпочитаете ли видѣть комедію talon rouge, то-есть, любовныхъ интригъ времени Лудовика XV,—ступайте въ Variété: тамъ играютъ г-жа Соважъ и гг. Лафонъ и Левассоръ; намѣреваетесь ли посмѣяться надъ современностію,—ступайте въ Vaudeville: тамъ играютъ г-жа Дошъ и гг. Арналь и Лепентръ; наконецъ, желаете ли теплаго впечатлѣнія отъ семейной драмы,—ступайте въ Gymnase (благороднѣйшій изъ всѣхъ театровъ): тамъ играютъ г-жа Вольни и безподобный Буффе. Если прискучили вамъ всѣ обстоятельства, въ которыхъ можетъ находиться человѣкъ,—ступайте къ Франкони смо-

трѣть на лошадей: обучены весьма основательно... Не нравятся вамъ лошади,—ступайте въ Rue Vivienne на каждодневные концерты Мюзара по одному франку за входъ. Если увертюры, кватуоры и септуоры причиняютъ вамъ разстройство въ первахъ,—ступайте въ Rue Lepelletier на курсъ магнетизма съ опытами. Если сомнамбулка не разберетъ посредствомъ брюха любаго русскаго романа,—махните рукой и ступайте въ Rue Saint-Jacques на курсъ френологіи съ опытами. Устрашитесь ли вы всезнанія френолога,—бѣгите вонъ, закрывая черепъ шляпою, нанимайте фіакръ и ступайте на одинъ изъ публичныхъ баловъ Прадо, Salle Saint-George, La grande Chaumière, гдѣ можете свести весьма пріятныя знакомства. Нелюдимъ вы и на дружество неподатливы,—ступайте въ одинъ изъ кабинетовъ чтенія—совѣтую въ Rue Richelieu, къ Гальяни,—усаживайтесь въ покойныя кресла подъ лампой и читайте, какъ сгорѣлъ Гамбургъ до тла, какъ подкупаетъ выборы министерство, какіе процессы разбирались вчера въ Palais de Justice, и прочее, и прочее. Но можетъ статься, у васъ глаза плохи, при газовомъ освѣщеніи дѣлается воспаленіе,—такъ ужь ступайте по направленію къ Place de la Bourse, и въ одной изъ улицъ, прилегающихъ къ этой площади, увидите вы дома съ маленькими бѣленькими дверями, чистенькими, узенькими лѣсенками изъ сѣней. Войдите по первой лѣсенкѣ, какую выберете, отворите дверь, и вы очутитесь въ новомъ пріятномъ обществѣ.

Случилось страшное происшествіе на версальской желѣзной дорогѣ: сто человѣкъ мужчинъ, дѣтей и женщинъ сгорѣли живьемъ въ четырехъ вагонахъ, запертыхъ на ключъ, обливаемые кипяткомъ опрокинувшейся и лопнувшей машины. Въ числѣ жертвъ находится Дюмонъ-д'Юрвиль, сгорѣвшій съ женою и четырнадцатилѣтнимъ сыномъ.

XI.

Кельнъ. 19-го іюня 1842 года.

Пишите въ Мюнхенъ; оттуда хочу послать вамъ рапортъ о странствованіи по Рейну, объ аллеманскихъ государствахъ и идеяхъ, въ нихъ обитающихъ. Вы знаете, что людей здѣсь весьма мало, — только идеи да филистеры. До сихъ поръ путешественникъ, который, по выраженію Хлестакова, любитъ этакъ пофилософствовать, чувствуетъ весьма ясно и опредѣлительно, что плыветъ по источнику, вышедшему изъ того огромнаго резервуара, который называется Парижемъ. Этотъ невидимый моральный токъ проходитъ всю Бельгію, развѣтвляется налѣво въ Голландію, направо въ Люксамбургъ; тутъ онъ и пропадаетъ. Въ Кельнѣ другая жизнь, другія головы и другія въ нихъ геданкены.

Народная синяя блуза пропала, и вмѣсто ея на граціозномъ корпусѣ нѣмца появилась куртка, открывавшая моему изумленному глазу порочное устройство германскихъ ногъ вообще и странные углы того мѣшка, который начинается на спинѣ тотчасъ, какъ куртка оканчивается. Однакожь, по закону всемірнаго равновѣсія, ничто не можетъ быть потеряно на свѣтѣ, даже фалда. Итакъ, все, что̀ утратило въ полнотѣ и размѣрахъ платье, пріобрѣла трубка. Эта трубка, безпрестанно встрѣчающаяся на улицахъ, захваченная по верхнему концу сильною тевтонскою челюстью, подвергаетъ иногда близорукаго странному оптическому обману: издали кажется, что человѣкъ везетъ тележку. Вмѣсто строго расчисленнаго французскаго стола показались снова эти обѣды table d'hôte, гдѣ настоящее блюдо, окруженное безчисленнымъ количествомъ соусовъ и приправъ, походитъ на арестанта, препровождаемаго съ доброю стражей въ этапъ. Нѣтъ также кафѐ, эстаминетовъ съ вѣчнымъ волненіемъ народа около нихъ, а есть прогулка въ садахъ, гдѣ подъ каждымъ почти деревомъ стоитъ столъ, а около него расположилась особнячкомъ цѣлая фамилія, охраняемая домашнимъ

пуделемъ отъ набѣга и преступныхъ замысловъ посторонихъ посѣтителей. Во всю дорогу слѣдилъ я отъ скуки за физіологическимъ измѣненіемъ женщинъ. По мѣрѣ удаленія отъ Парижа женщина въ глазахъ моихъ постепенно и видимо теряла хрупкость членовъ и крѣпчала. Здѣсь это существо полное, румяное, переполненное жизнью и здоровьемъ. Гарнизонъ здѣшній опускаетъ отъ стыда глаза внизъ, когда проходитъ по улицамъ къ вахтпараду, и Беккеръ могъ бы, движимый вдохновеніемъ, воскликнуть, какъ Макбетъ: «Рождай мнѣ только дочерей, Рейнъ!» Наконецъ, уже не увидите вы здѣсь злостныхъ, энергическихъ физіономій, на которыхъ, не будучи Лафатеромъ, можно читать всѣ человѣческія страсти (такъ разборчиво и крупно онѣ написаны), и которыя такъ часто встрѣчаются во Франціи и Бельгіи. Чѣмъ-то тихимъ, успокоивающимъ вѣетъ со всѣхъ здѣшнихъ фигуръ. Нигдѣ нѣтъ такого несоразмѣрнаго количества счастливыхъ лицъ. Каждая голова имѣетъ свѣтлые глаза и ими смотритъ на васъ съ неописаннымъ выраженіемъ довольства, благополучія, душевнаго мира и желаннаго состоянія совѣсти. Еще Байронъ замѣтилъ эту особенность, которая и составляетъ одну изъ главныхъ прелестей рейнскихъ береговъ.

Но я скучаю. Особливо чуждо и какъ-то странно мнѣ, послѣ легкомысленнаго французскаго приложенія къ дѣйствительности и настоящей минуты всѣхъ современныхъ явленій, встрѣтиться здѣсь съ противоположною крайностью— возведеніемъ самыхъ будничныхъ, вседневныхъ вопросовъ до ученой, исторической, философской темы, до положеній многознаменательныхъ. Вы скажете: «это очень хорошо». Я то же думаю; но знаете ли, какъ теряетъ отъ этого современность всѣ краски, какъ текучая исторія дѣлается незанимательна, отвлеченна, и какъ движеніе мнѣній заступило мѣсто движенія лицъ, появленія характеровъ, столкновенія страстей? «Это успѣхъ», вы скажете. Согласенъ; но вотъ, видите ли, какая невыгода. Чтобы жить въ 1842 году, надобно не выходить изъ кабинета; чтобы видѣть свѣтъ, надобно имѣть книгу и очки; чтобы знать, что̀ дѣлается, надобно за-

писаться въ библіотеку и имѣть лейпцигскій каталогъ. Дѣйствительно, важна не кёльнская католическая протестація, а важно сочиненіе: «Государство и религія»; не ганноверская оппозиція, а трактатъ какой-нибудь юридическій «О конституціонныхъ властяхъ», или «О діэтѣ», или о чемъ-нибудь такомъ же. Конечно, это весьма занимательно; но мнѣ горькому, до крайности любящему происшествія, обстоятельство это крайне обидно. Ѣдешь, пріѣхалъ,—никакой маломальски странной исторійки ни откуда! Господи Боже, что̀ это такое? Я очень хорошо понимаю Берне, который радовался за всю Германію, что у него украли изъ кармана часы въ Цвейбрюкенѣ, и говорилъ: это хорошій знакъ! Я не знаю, что̀ бы я далъ, еслибъ у моего сосѣда украли часы для развлеченія моего; да гдѣ! И надѣяться нельзя отъ этой страшной нѣмецкой честности, отъ убійственнаго расположенія къ порядку гражданъ сего племени, отъ совершенной ихъ неспособности сдѣлать что-нибудь не вседневное. Клеветники говорятъ, что въ Германіи случаются преступленія: вы понимаете, какъ это мнѣніе ложно и неприлично. Съ какой стати быть преступленіямъ въ Германіи? Чувствуетъ ли здѣшняя особа послѣднихъ десяти классовъ ревность,—она пишетъ статью о ревности; хочетъ ли отомстить,—разсужденіе о чувствѣ мести, вотъ и все. Впрочемъ, эти строгія мои замѣчанія прошу васъ отнести къ тому, что вотъ пять дней живу я одинъ-одинехонекъ въ Кёльнѣ, поджидая З.....на и смотря въ театрѣ самую прозаическую «Фенеллу», когда-либо мною видѣнную, съ такимъ лавочнымъ аусзихтомъ, что она могла быть посажена въ тюрьму только за долги; смотрю на берегу Рейна его зеленыя горы и пароходы, рѣющіе по немъ съ баденскими картежниками и другими путешественниками; смотрю въ городѣ чудную половину собора, треть колокольни и одну десятую сосѣдней башни, что̀ все вмѣстѣ составляетъ и начало зданія, и развалину: двѣ вещи, соединившіяся великолѣпно. Вотъ стоитъ новая подмостка для работниковъ, а уже плющъ вьется по стѣнамъ не доконченной башни и трава колышется на платформѣ ея. Архитекторъ кладетъ камень на верхъ и камень внизъ, по-

правляя испорченное временемъ и въ то же время продолжая. Сколько разбитыхъ стеколъ, сколько упавшихъ столбовъ! Однакожъ масса спицовъ самаго собора, выведенная за триста лѣтъ, высится вся сполна, образуя колоссальный пукъ, которому подобнаго нѣтъ. Какъ ни много видѣлъ я церквей, но здѣшнія византійско-готическія—Герсона, Мартина и Апостоловъ—поразили меня.

Кстати о церквахъ и зданіяхъ. Я жилъ въ Брюсселѣ, столицѣ того страннаго государства, которое имѣетъ огромную книжную торговлю, не имѣя литературы и литераторовъ, и связало всѣ свои города цѣпью желѣзныхъ дорогъ, такъ что они сдѣлались почти предмѣстьями чистенькаго и нѣсколько монотоннаго городка-столицы. Какъ паукъ, сидѣлъ я въ центрѣ этой сѣти, и чуть появилась мысль въ Гентъ, Антверпенъ, Бергенъ ѣхать,—я уже тамъ, всякій разъ, впрочемъ, какимъ-то чудомъ находясь опять, въ десять часовъ вечера, въ своей маленькой комнаткѣ трактира du Grand Miroir, rue Montagne. Поѣздъ пробѣгаетъ пространство во сто верстъ въ 3½ часа со всѣми остановками: плодородныя поля Фландріи опрокидываются тогда передъ вашими глазами; счастливыя фламандскія деревни оставляютъ впечатлѣніе бѣлой ленты съ красною каймой отъ цвѣта домовъ и крышъ; трубы безчисленныхъ брабантскихъ фабрикъ бѣгутъ однѣ за другими, какъ солдаты разбитаго отряда, и изъ всей вселенной неподвижно только одно небо надъ вами. Такимъ образомъ, стоя одною ногой въ Брюсселѣ, осмотрѣлъ я всѣ эти памятники величайшаго развитія готизма (конецъ XV столѣтія), которыми наполнены города Бельгіи: башню Мехельна, колокольню Антверпенскаго собора, ратушу Гента, ратушу Лёвена, вѣче (beffroi) Бергена и проч. Мнѣ вздумалось даже (праздность есть мать выдумокъ), мнѣ вздумалось даже прочесть, что̀ такое написано на этихъ сквозныхъ, летящихъ, говорящихъ массахъ (извѣстно вамъ, готическая архитектура есть архитектура по преимуществу бесѣдующая: ратушу Лёвена, напримѣръ, можно читать, какъ книгу); итакъ, лишь только сталъ я разбирать каменное письмо, какъ открылся передо

мною новый міръ. Я открылъ необыкновенные характеры, новыя фантастическія лица, не подозрѣваемые никѣмъ разсказы, неизвѣстныя еще черты юмора. Я уже хотѣлъ писать объ этомъ открытіи въ арзамасскую академію искусствъ, какъ черезъ недѣлю въ окнахъ одного изъ здѣшнихъ магазиновъ увидѣлъ всѣ мои открытія прекрасно нарисованныя, еще лучше раскрашенныя и объясненныя очень точно и вразумительно.

Проклятый вѣкъ! Чего только не сдѣлалъ онъ общимъ мѣстомъ? Нѣтъ такого впечатлѣнія, которое не было бы уже извѣстно тысячамъ, такой мысли, которая не приходила бы въ другую человѣческую голову. Какъ вы думаете: чтобы написать занимательное письмецо къ пріятелямъ въ Петербургъ, нужно уѣхать, по крайней мѣрѣ въ Тимбукту, къ кафрамъ или въ Вандименову землю. Вотъ въ Бергенѣ стоялъ я передъ ракой или, лучше, ларцомъ св. Урсулы съ миніатюрами Гемлинга, украшающими его. Эта живопись — исторія святой, напомнившая мнѣ Италію и великихъ сыновъ ея Жіото, Фра-Беато, Массачіо, наградила меня самымъ теплымъ чувствомъ. Я непремѣнно хотѣлъ дать вамъ отчетъ объ этомъ чудномъ произведеніи, гдѣ простота сочиненія, ощутительность всѣхъ выраженій въ лицахъ превосходно отдѣляются идеально поэтическою фигурой святой, являющейся въ средѣ всей этой дѣйствительности всегда какъ видѣніе, какъ лучъ или какъ вдохновеніе; я хотѣлъ, говорю, написать вамъ объ этомъ подробно; но, взглянувъ на великолѣпное in-folio, изданное о томъ же предметѣ и которое вы можете найти хоть въ лавкѣ Исакова, устыдился и отложилъ перо. Въ Ахенѣ стоялъ я передъ мраморнымъ трономъ Карла Великаго, на которомъ сидѣлъ онъ въ гробницѣ своей и на которомъ короновались потомъ тридцать императоровъ; смотрѣлъ на золотой византійскій ларецъ, гдѣ хранятъ кости его, на саркофагъ, гдѣ покоились ноги императора, и который прежде, говорятъ, служилъ гробомъ Августу,—все это вмѣстѣ съ необычайно смѣлыми сводами церковнаго хора произвело на меня впечатлѣніе странное... Я хотѣлъ написать вамъ объ

этомъ подробно, но, вспомнивъ сколько тысячъ такихъ впечатлѣній было до меня, и какъ еще недавно Викторъ Гюго достигъ крайней степени паѳоса за таковымъ же занятіемъ,— снова устыдился и отложилъ перо. Наконецъ, здѣсь въ Кельнѣ, съ какою любовью осмотрѣлъ я раку, гдѣ покоятся три восточные царя, шедшіе за звѣздою въ Назаретъ, какъ твердилъ я ихъ имена: Гаспаръ, Мельхіоръ, Балтазаръ, какъ ходилъ потомъ въ церкви Апостоловъ, вспоминая о благородной женѣ фрау Рихмодисъ, погребенной здѣсь заживо нѣкогда во время чумы и вышедшей изъ склепа благодаря сребролюбію церковнаго пристава, пришедшаго красть драгоцѣнные перстни съ ея пальцевъ; какъ наконецъ въ церкви св. Урсулы съ уваженіемъ обходилъ двойныя ея стѣны, наполненныя костями десяти тысячъ кельнскихъ дѣвъ, пріявшихъ мученическую смерть... Да! Я думалъ: Непремѣнно напишу къ вамъ о всѣхъ преданіяхъ, легендахъ и сказаніяхъ, существующихъ на Рейнѣ и составляющихъ вмѣстѣ съ горами, окрестными благодатными (да здравствуютъ они! урожай нынче будетъ счастливый) виноградниками вторую, не менѣе прелестную, хотя и невидимую его рамку,—и что же? Въ тотъ самый день на столѣ моемъ лежала книга, самъ не знаю какъ очутившаяся: «Полное описаніе всѣхъ преданій, легендъ и сказокъ, существующихъ на Рейнѣ. 1842 года. Типографія Котты въ Тюбингенѣ». Скажите сами: послѣ всего этого можно ли человѣку, уважающему самого себя и не желающему быть ни литературнымъ воромъ, ни компиляторомъ, писать къ пріятелямъ въ Петербургъ письма, которыя они въ добавокъ еще и печатаютъ?

Употребляя трагическій стиль, скажу: вижу, судьба повелѣваетъ мнѣ говорить только о самомъ себѣ; покоряюсь этой неумолимой судьбѣ. О чемъ же больше говорить изъ Европы? Притомъ же, я здѣсь замѣчаю необыкновенную странность. Всѣ окружающіе меня жаждутъ знать, кто я такой. Сосѣдъ за табль-д'отомъ видимо страдаетъ желаніемъ узнать, кто я; хозяинъ гостинницы освѣдомляется о томъ же съ участіемъ; полиція отбираетъ свѣдѣнія, едва скрывая любопытство. Однакоже, не смотря на лестную аттеста-

цію сію, я въ обманъ не даюсь; на всѣ ихъ разспросы отвѣчаю такимъ простакомъ: пріѣхалъ-де сюда покурить сигарочку, пробираюсь же въ Баварію собственно пивца тамошняго отвѣдать.

Выѣзжая изъ Парижа, я имѣлъ въ виду насладиться созерцаніемъ фламандца, этого существа, которое, какъ электрическій угорь, издающій ударъ отъ прикосновенія, только въ торжественную минуту жизни открываетъ всѣ богатства, всѣ сокровища глубокой натуры своей; но увы, напоръ моральный со стороны Франціи уничтожилъ все это племя, котораго достославнымъ представителемъ былъ всегда для меня фламандецъ «Конетабля Честерскаго». Гдѣ тяжелая походка, гдѣ эти наружное спокойствіе и брюзгливость, скрывающія въ половину истинное чувство и воспріимчивость сердца? Ничего нѣтъ! Во всей Фландріи фламандскаго только и осталось, что огромныя пивныя сосудины, «чаши, во истину діаволу обреченныя», по выраженію Курбскаго, ненавидѣвшаго несоразмѣрные ковши, какъ и я. Одинъ только разъ встрѣтилъ фламандца, и то внѣ отечества: я встрѣтилъ его въ Люттихѣ, на возвратномъ пути изъ велелѣпной Намурской долины, орошаемой Маасомъ-рѣкою. Пріѣхавъ въ Люттихъ, взялъ я шестидесятилѣтняго старика указать мнѣ дорогу къ церкви св. Іакова, узорчатой какъ кіоскъ, да къ мрачному безподобному двору бывшаго дворца епископовъ-принцевъ, и этотъ старикъ оказался, вопервыхъ, фламандцемъ, а вовторыхъ, человѣкомъ, который былъ сперва въ Москвѣ, какъ завоеватель, а потомъ въ Саратовѣ, какъ плѣнникъ. Онъ шагалъ передо мною, безпрестанно повторяя одну казацкую фразу, оставшуюся у него въ памяти: «Ну, пошелъ на дворъ, собакъ французъ!» Фразу эту оканчивалъ онъ русскою поговоркой, которая употребляется у нашего народа, какъ соль ко щамъ, какъ масло къ кашѣ. Я просилъ растолковать мнѣ значеніе послѣдней поговорки, и онъ сдѣлалъ это такъ точно, какъ дѣлаетъ Дюма съ иностранными рѣченіями и обычаями. Спокойно, но медленно, какъ будто съ усиліемъ разсказалъ онъ мнѣ бѣдствія въ плѣну, освобожденіе и новыя домаш-

нія бѣдствія... Старикъ окончилъ горькую свою повѣсть живымъ восклицаніемъ: «А каковъ Парижъ теперь? При Наполеонѣ былъ городъ славный!».

Хорошъ и теперь. Я оставилъ его въ страшномъ волненіи. Начались выборы. По признанію всѣхъ публицистовъ, отъ этихъ выборовъ зависитъ участь Франціи. Всѣ партіи, всѣ честолюбія, всѣ надежды сшибаются, перекрещиваются, отбѣгаютъ, чтобъ снова ринуться; но еще никто не знаетъ, какого цвѣта и характера будетъ новая палата. Мнѣ пишутъ изъ Парижа, что городъ словно находится въ осадномъ положеніи; на улицахъ составляются группы, и всякая страсть, поднявъ голову, говоритъ громко... Теперь, когда отдаленіе сгладило всѣ подобныя черты, мѣшавшія общему, цѣлостному взгляду, когда едва-едва доходитъ до меня оттуда дрожащій голосокъ какой-нибудь офиціальной газетки, теперь припоминаю я, что прожилъ три фазиса, три періода парижской жизни. Сперва показалась какая-то ровная, безвыходная борьба людей и мнѣній; затѣмъ раздался ударъ реакціи, подъ которымъ погнулся, будто осѣлъ весь волканъ; за нимъ наступила минута тишины и апатіи, изрѣдка прорѣзываемая еще молніями неумѣренныхъ страстей... Все на ногахъ опять въ сію минуту, все въ движеніи и свалкѣ. Измѣнчивъ, необычайно измѣнчивъ городъ этотъ! Нѣтъ предмета въ природѣ, съ которымъ можно было бы сравнить его ртутную движимость, безпрестанную мѣну цвѣтовъ и красокъ. Нельзя ничего опредѣлить впередъ, ни за что̀ отвѣчать нельзя, и самое нелѣпое мнѣніе о немъ можетъ встрѣтить неожиданно подтвержденіе, какъ самое основательное—минутный отпоръ.

Прощайте. Надѣюсь, вы причтете въ заслугу немалую мнѣ, что я умѣлъ, сидя на Рейнѣ, не описывать Рейна и, проѣхавъ города, полные памятниковъ, не говорить о нихъ!

XII.

Инспрукъ. 12-го августа 1842 года.

Не могу понять, какъ есть на свѣтѣ люди, которые могутъ писать письма лѣтомъ съ Рейна и прилежащихъ къ нему государствъ. Это все равно, что на балу думать о типографической ошибкѣ, замѣченной утромъ въ статьѣ, или бесѣдовать съ докторомъ о пользѣ и вредѣ ламповыхъ и свѣчныхъ испареній. Съ іюня мѣсяца по всему протяженію Рейна отъ Кельна до Майнца загорается праздникъ, звѣздами которому служатъ Эмсъ, Висбаденъ, и подалѣе—Баденъ-Баденъ и Киссингенъ. Съ іюня мѣсяца начинается этотъ приливъ иностранцевъ, волна за волной, который походитъ на переселеніе народовъ, съ тою только разницею, что вмѣсто массъ дѣйствуютъ тутъ частности въ невообразимомъ смѣшеніи: языки, физіономіи, понятія и даже различные оттѣнки понятій, какъ деньги, стекаются со всѣхъ концовъ Европы и—всюду принимаются. Я спустилъ здѣсь русскій полуимперіалъ и мнѣніе, что не худо бы имѣть деревеньку въ сихъ мѣстахъ. Съ іюня мѣсяца подъ каждымъ кустомъ гремитъ музыка, за каждымъ обѣдомъ летаютъ пробки шампанскаго, и нѣтъ такой горы, по которой не ползъ бы то англичанинъ, то художникъ, то французскій commis-voyageur, то нѣмецкій студентъ съ котомкой за плечами и палкой въ рукахъ. Кому не случалось въ это время взбираться, какъ говорятъ, на недосягаемую высоту—къ четвероугольной башнѣ съ провалившимися сводами, къ обломку стѣны, который издали кажется продолженіемъ утеса, къ ряду окошекъ, въ которыя нельзя уже и заглянуть отъ неимѣнія половъ, иногда къ остатку камина, къ неясному гербу, къ трещинѣ, составлявшей нѣкогда отверстіе темницы или ублієтки, ко всему, что̀ называется руинами за̀мка, и думать: вотъ я иду туда, гдѣ витаютъ орлы, поэты да профессора исторіи, а между тѣмъ встрѣтить цѣлое женское семейство, взобравшееся прежде васъ, сохранившее въ этой небесной поѣздкѣ неприкосновенность щегольского

костюма и наполняющее всю циклопическую постройку говоромъ и смѣхомъ: вѣрная эмблема Рейна въ эту эпоху. А эти города—Эмсъ, Висбаденъ и проч.—столицы космополитизма, которыя, кажется, не принадлежатъ уже никому, принадлежа всѣмъ, и какъ будто одобрительно помаваютъ головой сближенію всѣхъ народовъ и будущему скорому уничтоженію ихъ родовыхъ отличій. Сколько въ нихъ шума и сосредоточенной общественной жизни, которая отъ этого пріобрѣтаетъ немаловажное значеніе! Особенно важны они для насъ въ томъ отношеніи, что сдѣлались живыми геральдическими книгами русскаго дворянства. Я видѣлъ въ Баденѣ доктора, который зналъ почти всѣ дворянскія фамиліи Россіи, а въ томъ числѣ и мою. Добрый докторъ! Тебѣ принадлежитъ мое первое воспоминаніе, и ты будешь стирать первое пятно, которое покажется на благородныхъ легкихъ моихъ... Не праздники, не балы, не фейерверки этихъ водъ составляютъ ихъ главную прелесть, а легкость, съ какою приводятъ они человѣка въ непосредственное соприкосновеніе съ обществомъ Европы, со многими важными людьми ея и съ безчисленнымъ количествомъ характеровъ: это ихъ заслуга. Но одно изъ двухъ: либо смотрѣть на всѣ стороны, либо писать. Наслаждаться и описывать вмѣстѣ—не возможно. Извѣстно, что лучшіе мемуары оставлены намъ людьми старыми или недовольными. Я—ни то, ни другое; особливо я очень доволенъ собою. Вотъ почему мнѣ странно кажется, когда кто пишетъ на Рейнѣ, точно какъ будто нѣтъ передъ нимъ зеленыхъ горъ, величественной рѣки, превосходнаго вина, любезныхъ людей!

Да, нельзя писать изъ окрестностей Рейна! Прійдетъ ли на умъ порядочному человѣку взяться за перо во Франкфуртѣ, когда кругомъ города разлегся густой садъ съ безчисленными виллами, дачами и домиками, которые дышатъ такимъ выраженіемъ благосостоянія, что мнится, будто изъ каждаго свѣтлаго окошечка ихъ выглядываетъ по банкиру,—когда надо гулять по тѣсной, грязной, но живописной Жидовской улицѣ, гдѣ всѣ дома съ проходами, какъ будто на случай внезапнаго нападенія, откуда прямо съ

чернаго порога люди переходятъ въ великолѣпныя палаты, выводя съ собою неподозрѣваемые капиталы, гдѣ живетъ еще доселѣ мать Ротшильдовъ, и гдѣ всѣмъ торгуютъ,—когда, наконецъ, надо обозрѣть залу, гдѣ короновались Германскіе императоры, посмотрѣть на картину Лессинга въ галереѣ («Эцелино въ темницѣ»), на «Аріадну» Данекера въ Бекманскомъ саду и помечтать передъ двумя верхними окошечками желтаго домика въ улицѣ Гросен-Хирш-Грабенъ: тамъ написаны были «Гёцъ фонъ-Берлихингенъ» и «Вертеръ»! За Франкфуртомъ являются передъ вами Дармштадтъ, Карльсруе, Штутгартъ. Вы скажете: да что же смотрѣть въ этихъ новыхъ столицахъ, которыя еще обстроиваются и которыя, появившись случайно, хотятъ принарядиться по подобію великолѣпныхъ сестеръ своихъ, другихъ европейскихъ столицъ, и дѣлаютъ нѐвообразимо широкія улицы безъ народонаселенія и протягиваютъ монотонную цѣпь домовъ безъ роскоши магазиновъ и промышленнаго блеска, которые прикрывали бы недостатокъ въ нихъ искусства? Такъ! Но отъ Дармштадта идетъ знаменитая Бергштрассе у подошвы Оденвальда, дорога, которая, съ одной стороны, коронуется горами съ ихъ римскими башнями и феодальными зàмками, а съ другой—прикасается къ необозримымъ плодовитымъ полямъ, и идетъ она такъ до тѣхъ поръ, пока, круто повернувъ, открываетъ рѣку Неккаръ, Гейдельбергъ, ярко оттѣняющійся на зеленой стѣнѣ горнаго хребта, и великолѣпнѣйшую руину зàмка на одномъ уступѣ его. Никогда не видалъ я ничего подобнаго этому зàмку временъ Возрожденія. Такъ мощна была его постройка; такъ дѣйствительно вся сѣть украшеній наружныхъ вырѣзана въ камнѣ, такъ все въ немъ архитекторъ разсчитывалъ на вѣчность, что, кажется, стоило бы только вставить окна да положить крышу, и вышелъ бы тотчасъ дворецъ, которому мало подобныхъ въ Европѣ. И о Карльсруе замѣтили вы справедливо [1]); но вѣдь въ Карльс-

[1]) Это относится къ письму, полученному авторомъ въ отвѣтъ на предыдущія его письма, здѣсь напечатанныя.

Примѣчаніе редактора «Отечественныхъ Записокъ».

руе засѣдаетъ та баденская палата, которая свела палатскія пренія съ профессорскою декламаціей и педантическимъ разглагольствіемъ до живого и настоящаго разсужденія, внося такимъ образомъ новый элементъ въ нѣмецкую жизнь. Явленіе это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно не подготовлено журнализмомъ и не поддерживается имъ, и такимъ образомъ существованіе Ицштейновъ, Пциферовъ и проч. есть чисто самородное существованіе. Рѣчи ихъ, мнѣнія и оппозиція не фальшивы, не представляютъ лицамъ того оптическаго обмана, какой такъ часто встрѣчается во Франціи и Англіи и происходитъ отъ духа партій и корыстныхъ разсчетовъ самого оратора, а напротивъ, каждое замѣчаніе есть ихъ собственная жизнь, часть собственной ихъ натуры, какъ и должно было случиться въ отечествѣ Шиллера. Да и о Штутгартѣ намекъ вашъ не безъ основанія; но вѣдь надобно же было узнать, почему Виртембергъ называется раемъ писателей; надо же было открыть, что въ деревенькахъ ея, лежащихъ въ чащѣ садовъ и фруктовыхъ деревьевъ, существуютъ свои писатели, издаются вѣдомости, пишутся книги, являются стихотворцы, что̀ все большею частію и не выходитъ изъ околотка, между тѣмъ какъ столица въ литературномъ движеніи и умственномъ гостепріимствѣ (вы понимаете, какое это гостепріимство) соперничаетъ съ Лейпцигомъ.

Наконецъ, за Штутгартомъ лежитъ Ульмъ, съ великолѣпнымъ своимъ готическимъ соборомъ, въ которомъ рѣзной по дереву хоръ походитъ на эпическую поэму, а за Ульмомъ—нѣкогда вольный городъ Аугсбургъ, съ его площадью, гдѣ происходило знаменитое confession d'Augsbourg, ратушею, золотою залой и четырьмя печами ея мастера, Николая Фохтса, которыя составляютъ страницу въ исторіи искусства XVII столѣтія. Въ довершеніе всего и какъ послѣднее слово поѣздки по Рейну, стоитъ въ безплодной и нездоровой долинѣ городъ Мюнхенъ. Въ замѣну изгнанныхъ изъ него умственныхъ интересовъ настроены дворцы, церкви и галереи; но тяжело строить въ нашъ вѣкъ! Кажется, все уже высказано въ архитектурѣ, и художнику только остается взять въ образецъ

старый памятникъ, очистить въ немъ всѣ рѣзкости, сгладить всѣ углы и приноровить всего его къ нашему современному расположенію къ миніатюрѣ и уютности. Такъ здѣсь замѣтилъ я облагороженныя и уменьшенныя подобія памятниковъ, видѣнныхъ мною въ другихъ странахъ во всемъ ихъ величіи и энергіи. Я видѣлъ базилику, которая напомнила мнѣ базилики Лоренцо и св. Павла въ Римѣ; Глиптотеку, которая напомнила мнѣ строенія Помпеи; дворецъ и библіотеку, которыя напомнили мнѣ палаццо Питти и палаццо Риккарди во Флоренціи; Людвигсъ-Кирхе, которая напомнила мнѣ романскій соборъ Бонна; капеллу Всѣхъ Святыхъ, которая напомнила мнѣ византійскую часовню королевскаго дворца въ Палермо и великолѣпный соборъ Монреале въ часѣ разстоянія отъ Палермо... Такъ въ Мюнхенѣ образовалась для меня радуга счастливѣйшихъ воспоминаній; одинъ конецъ ея упирался въ Гентъ и Брюгге, а другой переходилъ Альпы, огибался надъ всею Италіей и пропадалъ въ голубыхъ, фосфорическихъ волнахъ Средиземнаго моря. До письма ли было тутъ, сами разсудите!

Нѣтъ, нѣтъ! Я положилъ добраться до какого-нибудь царственнаго захолустья, до какой-нибудь велелѣпной дичи, и тогда въ тишинѣ, какъ рыцарь Жуковскаго, вспоминающій о далекой Палестинѣ надъ вывезенною имъ пальмой, написать въ поученіе внукамъ повѣсть моихъ странствованій. Съ симъ умысломъ изъ Мюнхена поѣхалъ я въ Зальцбургъ и Тироль, и тутъ, когда я очутился на Кенигзее, озерѣ, лежащемъ въ трехъ часахъ ѣзды отъ Зальцбурга, запертомъ со всѣхъ сторонъ скалами и уединенномъ такъ, что слышна капля, падающая съ вынутаго изъ воды весла, а дикіе олени на неприступныхъ высотахъ стоятъ и смотрятъ на васъ,—тутъ высоко поднялась грудь моя и вылетѣлъ изъ нея богатырскій вздохъ, отъ котораго въ старинные годы задрожали бы горы, а нынѣ только тиролька, правившая лодкой, остановилась, посмотрѣла нѣсколько на меня внимательнѣе и снова принялась за работу. По прежнему ѣзжу я въ разныя стороны, спускаюсь въ долины, чтобъ съ береговъ ручья, клокочущаго безъ устали во все протяже-

ніе свое, посмотрѣть на эти волны горъ, недвижно какъ-то напирающія со всѣхъ сторонъ на васъ, или взбираюсь на горы, чтобъ съ перваго обвала взглянуть на этотъ зеленый оазисъ, который въ чудномъ безпорядкѣ деревень, тополей, мостовъ, мельницъ лежитъ на днѣ, но все это безъ торопливости, безъ судорожнаго любопытства и безъ мучительнаго желанія захватить глазами какъ можно болѣе горизонта, какъ можно болѣе пространства, что̀ чувствуется обыкновенно въ другихъ странахъ. Тихо и цѣломудренно улыбаюсь я каждой тиролькѣ, которая проходитъ мимо въ костюмѣ, сдѣлавшемся, благодаря нашимъ театрамъ, эмблемою устарѣвшаго порока, жму руку всѣмъ молодцамъ съ остроконечною шляпой и зеленымъ въ ней перомъ, читаю за завтракомъ «Молитвы святому Непомуку», которыя принадлежатъ столовой дѣвушкѣ, и проч. и проч.; усиленно стараюсь, словомъ, прожить хоть недѣльку чисто, идиллически и успѣваю. Вы видите по письму... Гдѣ же можетъ прійдти желаніе писать изъ одного благороднаго желанія писать? Гдѣ, какъ не въ благословенномъ Тиролѣ, пишется легко, нехотя, сладко, любовно, даже наперекоръ другу, который по полученіи письма будетъ, какъ кобылица кавказскаго тавра, коситься на него пугливымъ окомъ...

Базель. 16-го августа новаго стиля.

«Пугливымъ окомъ»... Съ симъ словомъ сѣлъ я въ почтовую карету и пріѣхалъ къ Констанцкому озеру, прорѣзалъ его на пароходѣ до Констанца, а оттуда тѣмъ же способомъ прибылъ въ Шафгаузенъ, осмотрѣлъ паденіе Рейна, переночевалъ и теперь въ Базелѣ ожидаю особенныхъ мною заказанныхъ башмаковъ для путешествія по горамъ. Какъ тишинѣ величественной Тироля обязаны вы первою половиной письма, такъ теперь башмакамъ, имѣющимъ попрать горделивыя вершины Оберланда, Риги, Бернарда,—окончаніемъ его. Я такъ живо помнилъ страницу Карамзина о Рейнскомъ водопадѣ, что въ осмотрѣ своемъ старался наблюсти тотъ самый порядокъ, какому онъ слѣдовалъ: позд-

нее осуществленіе одного изъ самыхъ раннихъ, юношескихъ моихъ мечтаній! Но не только политическое состояніе Европы измѣнилось съ того времени, какъ странствовалъ молодой нашъ путешественникъ, даже измѣнился и водопадъ. Много утесовъ сбросилъ онъ уже съ себя, сравнялъ много скалъ (смотри виды водопада въ концѣ прошедшаго столѣтія и видъ его въ 1840 году), и если что̀ одинаково отразилось въ его (Карамзина) и моемъ глазѣ, такъ это клубы пѣны да еще влажныя облака водяной пыли, освѣщенной солнечнымъ сіяніемъ. Я спросилъ также у лодочника: нѣтъ ли гдѣ такого же водопада, и увы, не могъ онъ намекнуть мнѣ о Ніагарѣ въ Америкѣ, а просто отвѣчалъ: «Нигдѣ нѣтъ такого». Итакъ, пропало даже и поколѣніе умныхъ лодочниковъ съ Карамзина, какъ пропадаютъ письма на почтѣ (весьма непріятная потеря), какъ пропадаетъ все на свѣтѣ... Но возвратимся къ Германіи.

«Пугливымъ окомъ»... Хорошо! Что̀ всего болѣе поражаетъ однакожъ путешественника, такъ это слѣдующее: Германія укрѣпляется; куда ни оглянешься, вездѣ строятся крѣпости — на Рейнѣ, въ Раштадтѣ, Ульмѣ, Тиролѣ, и еще существуетъ множество новыхъ предположеній. По временамъ изъ офиціальныхъ газетъ раздаются, крики: «Укрѣпляйтесь, укрѣпляйтесь!» Такъ одно политическое обстоятельство обратило Германію къ самой себѣ и къ началамъ, на которыхъ можетъ быть основана твердо ся матеріальная и нравственная сила. Позитивное религіозное ученіе, давно уже существовавшее въ Мюнхенѣ и не имѣвшее сильнаго вліянія, явилось какъ современная необходимость и получило великолѣпное развитіе въ Шеллингѣ. Одни изъ противниковъ профессора отказываютъ ему въ правѣ вывести изъ старой своей философіи какое-либо чистое понятіе о Божествѣ; другіе въ собственной своей системѣ находятъ средства положительнаго примиренія, что̀ доказывается переходомъ Маргейнеке къ такъ-называемой правой сторонѣ гегеліанизма, торжественно возглашенномъ журналами. Замѣчательно, что докторъ Салатъ, принадлежащій вмѣстѣ со многими мюнхенскими профессорами къ первому

разряду, въ доказательство невозможности соединенія стараго взгляда Шеллинга съ новымъ, приводитъ между прочимъ разговоръ съ нимъ Н. А. Мельгунова, напечатанный въ «Отечественнныхъ Запискахъ» [1]), и гдѣ творецъ Naturphilosophie сказалъ: «Основаніе моей новой системы то же— только я сдѣлался могущественнѣе». Баллада Уланда, проникнутая такимъ духомъ любви къ германскому рыцарству (вспомните «Вѣтку», переведенную Жуковскимъ), сдѣлалась по той же причинѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, источникомъ вдохновенія для художниковъ, и крайнею границею этого направленія можетъ быть сочтено появленіе аристократической партіи, которая говоритъ о необходимости возстановленія всей старой феодальной отрасли властителей и не безъ таланта поддерживаетъ это мнѣніе писателями своего класса, какъ, напримѣръ, княземъ Сольмсъ-Лихъ. Иногда думается, что всѣ вопросы, которые казались на школьной скамейкѣ на вѣки рѣшенными, снова положены на столъ, какъ старое дѣло, забытое секретаремъ. Объ опозиціи всему этому, появляющейся тамъ и сямъ и также считающей въ средѣ своей многихъ уважаемыхъ людей, писать нечего: это дѣло безъ прелестей новизны; аргументы всѣ извѣстны.

А впрочемъ, чѣмъ болѣе смотрю я, тѣмъ болѣе вижу, что никогда—о, никогда!—не были такъ перемѣшаны шашки, какъ въ нашъ вѣкъ: теченіемъ обстоятельствъ часто люди находятъ нынѣ защиту во врагахъ, неожиданныхъ обидчиковъ—въ пріятеляхъ, слабые берутъ съ сознаніемъ сторону сильныхъ, сильные добровольно приносятъ никѣмъ не требуемыя жертвы, и все это ради торжества собственныхъ началъ, principes. Конечно, это только наружный хаосъ, имѣющій тайные, но правильные законы: изучать ихъ надо много терпѣнія. Изъ всего этого выйдетъ нѣчто, но это нѣчто выйдетъ тогда, когда человѣкъ современный будетъ мирно опочивать подъ уголкомъ деревенской церкви или за крапивой монастырской ограды... Итакъ, я вотъ что̀ дѣлаю:

[1]) Статья Н. А. Мельгунова о «новой» философіи Шеллинга была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 г., т. III.

вслѣдъ за чистымъ, кристальнымъ романсомъ Уланда, который походитъ на живопись по стеклу, читаю энергическое проклятіе Анастасія Грюна, который составляетъ оборотъ медали и какъ будто дополненіе старо-рыцарскаго направленія швабскаго поэта. Когда устаетъ за ними воображеніе, я перехожу къ Рюккерту и въ роскоши его стиха и восточныхъ образовъ забываю все одностороннее или раздирающее современности; а чтобъ окрѣпнуть послѣ разслабительнаго дѣйствія этой поэзіи, похожей на сонъ въ полдень, подъ шумъ водопада какой-нибудь волшебной Алгамбры, есть карета, есть Тироль, Шварцвальдъ, Альпы, французскія газеты и мало ли еще что̀. Вамъ извѣстно, до какой высокой степени развитъ здѣсь духъ критицизма и эстетическаго анализа: почти нѣтъ журнальца, въ которомъ при разборѣ литературнаго произведенія не выставлено было бы прозорливо, ярко, во всеоружіи противорѣчіе, существующее между предметомъ и истиннымъ о немъ понятіемъ,—разумѣется, съ точки зрѣнія рецензента. Когда дѣлается тяжело это неумѣренное приложеніе идеи къ мимоидущимъ вещамъ, что̀ такъ сильно поразило меня при выѣздѣ изъ Франціи,—я обращаюсь къ уличнымъ, такъ сказать, нѣмцамъ и наблюденію этой странной натуры, распадающейся на двѣ столь несовмѣстимыя половины. Вы не можете себѣ представить, какъ позабавилъ меня, послѣ длинной статьи «Аугсбургскаго Журнала» о праздникѣ въ Киссингенѣ, нѣмецъ, который везъ на животѣ черезъ всю Германію клѣтку съ двумя канарейками, купленными въ Остенде и отличавшимися отъ обыкновенныхъ канареекъ только хвостикомъ. Особенно хорошо наблюдается эта добродушная порода Арминіевыхъ дѣтей въ дилижансѣ. Какъ только кондукторъ заперъ дверь и лошади съ упоромъ двинули тяжелую карету, въ этомъ желтомъ ларцѣ образуется любопытный размѣнъ свѣдѣній. Всѣ пассажиры съ нѣкоторымъ родомъ скромности спрашиваютъ другъ у друга: «Откуда вы? съ вашего позволенія... будетъ ли позволено мнѣ... откуда вы?» Вслѣдъ за этимъ тотчасъ обнаруживается выгода дробнаго дѣленія Германіи и польза характеристическихъ отличій

разныхъ ея племенъ, ибо всѣ уже знаютъ, какъ и о чемъ другъ съ другомъ говорить, лишь только узнаютъ, гдѣ кто родился. Вестфалецъ льститъ славянской національности богемца и защищаетъ утѣшительное мнѣніе, что племя его должно обновить Германію; богемецъ съ робостію поддѣлывается подъ тонъ воинственнаго пруссака, объявляя его стражемъ настоящей цивилизаціи; пруссакъ, съ свойственнымъ ему остроуміемъ, снисходитъ до понятій вѣнскаго обитателя, признавая необходимость народныхъ театровъ; добродушный вѣнецъ съ примѣрнымъ самоотверженіемъ опровергаетъ похвалы, ему воздаваемыя, и проч. Разъ встрѣтился намъ жидъ. На обыкновенное «откуда вы?» онъ очень неграмматически отвѣчалъ: «Цюрихскій еврей». Никто однакожь не сконфузился; тотчасъ объявили, что всѣ жиды музыканты—какъ Мейерберъ, философы—какъ Мендельсонъ, фельетонисты—какъ Берне. Мнѣ еще ни разу не случалось избѣжать рокового: «откуда вы?» Я отвѣчалъ всегда, какъ Каратыгинъ въ «Ермакѣ» г. Хомякова, помолчавъ съ минутку и таинственнымъ голосомъ: «Я—русскій!» Такъ мало это всегда казалось тучетворящему дымопускателю, пытавшему меня, что онъ всегда прибавлялъ: «Откуда именно: изъ Петербурга или Москвы?» Я никакъ понять не могъ и до сихъ поръ не понимаю разумности и необходимости этого вопроса. Сперва отвѣчалъ я на удачу, но теперь привелъ это дѣло въ нѣкотораго рода систему. Если спрашиваетъ молодой и холостой человѣкъ—такъ изъ Петербурга, а если женатый, имѣющій дочерей,—такъ изъ Москвы. Этакъ, кажется, приличнѣе.

Нѣсколько словъ объ искусствѣ въ Германіи.

Я былъ въ Дюссельдорфѣ, столицѣ новаго воззрѣнія на живопись, вслѣдствіе котораго все, что̀ называется смѣлостью кисти, бойкостью исполненія и порывами сильной фантазіи, объявлено не живописью, а распутствомъ живописи; важнѣйшимъ же долгомъ ея считается простота сочиненія, вѣрность выраженія и сохраненіе той индивидуальности, которая принадлежитъ каждому характеру, психологически разобранному, и которая дѣлаетъ, что въ картинѣ, какъ и въ природѣ,

не можетъ быть двухъ схожихъ лицъ, какъ и двухъ схожихъ характеровъ. Я обошелъ всѣ мастерскія дюссельдорфскихъ художниковъ и здѣсь скажу только о чудной картинѣ Лессинга: «Гуссъ передъ Констанцкимъ соборомъ» (недавно видѣлъ я и самую залу собора). Картина эта будетъ имѣть знаменитость европейскую по окончаніи ея, и я очень радъ, что могу первый сказать вамъ о томъ, что̀ вы услышите въ тысячекратномъ повтореніи. Гуссъ, изнуренный, кажется, болѣе поѣдающею его идеей, нежели тѣлесными страданіями, съ видомъ глубочайшаго убѣжденія развиваетъ свое ученіе передъ соборомъ кардиналовъ, властей, тюремщиковъ и разныхъ исполнителей, и тутъ прошелъ молодой живописецъ (я его видѣлъ: высокій мужчина тридцати-трехъ лѣтъ, въ которомъ особенная застѣнчивость какъ-то противорѣчитъ съ почти байроновскимъ выраженіемъ лица), прошелъ всю лѣстницу страстей человѣческихъ, начиная съ простого любопытства до холоднаго разсужденія, зарождающагося участія и слѣпой ненависти, давъ каждой страсти одно только ей свойственное положеніе, такъ что каждое лицо можетъ служить, взятое отдѣльно, типомъ отдѣльной страсти. Это, можетъ быть, и недостатокъ картины, ибо такимъ образомъ походитъ она на какой-то чудный горельефъ или, скорѣе, на видѣніе, чѣмъ на картину. Само собою разумѣется, что второстепенные таланты при этомъ направленіи впадаютъ въ особенную сухость, а непоэтическое желаніе подражать наивности и добродушію старыхъ мастеровъ производитъ манеру. Также замѣтна въ школѣ и явная наклонность къ холодной аллегоріи, произведшая боннскія фрески Геценберга и франкфуртскую картину Овербека.

Совсѣмъ не таково направленіе въ Мюнхенѣ. За исключеніемъ «Страшнаго Суда» Корнеліуса и византійскихъ подражаній Гесса, все тамъ пестро, ярко и золотисто. То, что̀ называется благородною пестротой, за которою такъ хорошо спасается недостатокъ творческой способности, и которая такъ на руку приходится безталантной эрудиціи, изгнано, совершенно изгнано. Полихромія или наружная раскраска камня въ ходу, а внутри каждаго зданія, будь оно

церковь, дворецъ, галерея, нѣтъ мѣста, гдѣ бы не было картинъ, арабески, роскоши лѣпныхъ работъ и ослѣпляющаго блеска свѣжихъ красокъ. Особенно поражаетъ внутренность королевскаго дворца, гдѣ всѣ стѣны и потолки въ мастерскомъ распредѣленіи творческими руками Каульбаха, Циммермана, Геценберга, Шлотгауера и проч. покрыты сценами изъ произведеній германскихъ и древнихъ поэтовъ. Такъ, въ пріемной комнатѣ Бюргеръ разсказываетъ страшныя свои повѣсти; Гете, въ сосѣдней комнатѣ, отдаетъ на созерцаніе торжественныя минуты «Фауста», «Эгмонта», «Геца»; Шиллеръ, въ библіотекѣ, снова создаетъ всѣ свои баллады и снова переживаетъ всѣ моменты своей творческой дѣятельности; а тамъ, далѣе, Анакреонъ, въ столовой залѣ гомеровскій гимнъ, горельефы Торвальдсена въ спальнѣ, и вся эта безпрерывная цѣпь поэтическихъ воспоминаній стараго и новаго времени великолѣпно заключается Зигфридомъ «Нибелунговъ», могущественными ликами его родныхъ и тѣми происшествіями пѣсней, которыя какъ будто связываютъ древній распадающійся римскій міръ съ новымъ міромъ христіанской Германіи. Совершенно подавленный впечатлѣніями, которыя вѣютъ съ волшебныхъ этихъ стѣнъ, вышелъ я изъ дворца и, отошедъ нѣсколько шаговъ, оглянулся назадъ, какъ Орфей, но дворцовый лакей запиралъ мою Эвридику огромнымъ ключомъ... не навсегда, разумѣется, но надолго еще...

Я хотѣлъ еще написать вамъ о Розенштейнѣ, загородномъ зàмкѣ Виртембергскаго короля, о Глейссенхеймѣ, загородномъ зàмкѣ Баварскаго короля, и о состояніи скульптуры въ Германіи; но уже много написано, да и охота прошла. Прощайте!

XIII.

Парижъ. 9-го марта 1843 года.

Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ вы взглянули, какую славную квартирку занимаю я въ самой серединѣ города, но отвлеченную своимъ положеніемъ, въ глубинѣ двора, отъ всего

его шума, такъ что весь гулъ разбивается о порогъ рѣшетчатыхъ воротъ и далѣе не переходитъ. Чистый дворъ украшенъ статуей отдыхающаго Аполлона, изъ пьедестала котораго бьетъ прозрачный ключъ, — клянусь честію! Прямо противъ меня живетъ молодая швея, которая съ ранняго утра, въ передничкѣ и съ цвѣточкомъ въ косѣ, сидитъ у окна, наклонясь за работой. И когда я скажу вамъ, что раза два за пурпуровыми моими занавѣсками видѣлъ, какъ она плакала, то это я вамъ скажу по всей правдѣ, — хоть на колокольную присягу! Захваченный въ эту идиллическую рамку, не весьма обыкновенную въ Парижѣ, сижу я дома много и долго, отдыхая отъ дилижансовъ, впечатлѣній и безсонныхъ ночей да приготовляясь къ новымъ. Со всѣмъ тѣмъ, какъ ни стараюсь я придать себѣ скромный видъ и позу, но умолчать не могу, что изъ уединеннаго жилища моего протянулъ я невидимыя нити ко всѣмъ концамъ города и связалъ ихъ съ собою. Я абонировался въ Италіанскій театръ и консерваторію на всемірно-знаменитые ея концерты: тамъ за 250 франковъ (весь сезонъ по одному разу въ недѣлю), здѣсь за 60 франковъ (десять концертовъ); съ одной стороны, «Севильскій Цирюльникъ», «Моисей», «Донъ-Хуанъ», исполненные геніальными пѣвцами, а съ другой — симфонія на *si*, на *re*, пасторальная Бетховена стоятъ въ невообразимомъ величіи другъ противъ друга, помиренные удивительнымъ воспроизведеніемъ, вдохновенною передачей ихъ красотъ.

Одинъ изъ молодыхъ французовъ, съ которымъ я познакомился въ Италіи, и который обязанъ рожденіемъ депутату, блюдетъ для меня палату. Всякій разъ, какъ замышляется тамъ брань и побоище, ведетъ онъ меня въ верхнюю трибуну, сосѣднюю съ журнальной, и вижу я, какъ люди входятъ на мраморную каѳедру, какъ другіе люди, сидящіе амфитеатромъ на бархатныхъ скамейкахъ, завязываютъ борьбу съ вошедшимъ. Лѣвая сторона кричитъ: «c'est cela!». Центръ стучитъ костяными ножичками по столамъ и выражаетъ неодобреніе желчно-ироническимъ «oh, oh!». Правая сторона вопіетъ: «laissez parler!» И иногда шумъ

дѣлается всеобщимъ. Палата представляетъ видъ страшнаго смятенія. Тогда президентъ, измученный безполезнымъ сотрясеніемъ колокола, находящагося подъ рукой его на столѣ, и криками: «silence, mais silence donc!», надѣваетъ шляпу... Засѣданіе прерывается, депутаты расходятся и собираются снова черезъ полчаса. Въ этихъ парламентскихъ буряхъ, которыя стоили жизни Перьè, высушили Гизо и сдѣлали звучный голосъ его такимъ рѣзкимъ и глухимъ, тонетъ иногда цѣлое министерство; но если погибаютъ лица, то уже давно выплываетъ одна и та же мысль, вспомоществуемая мощною рукой короля. Самый важный актъ нынѣшняго засѣданія было торжественное отпаденіе Ламартина и осужденіе, имъ произнесенное, всему ходу дѣлъ, начиная съ 1835 года.

Далѣе, старый отставленный huissier, которому понравился я, сказавъ, что Ватерлооская битва, по моему сужденію, была выиграна Наполеономъ, водитъ меня въ places reservées судовъ, всякій разъ, какъ есть занимательный процессъ и предстоитъ надежда слышать Ше-д'Этъ-Анжа, Пальe, Марье, знаменитыхъ адвокатовъ, весьма разнаго таланта, но имѣющихъ ту общую черту, что рѣчи ихъ походятъ на извилины преслѣдуемой стаей псовъ лисы, и при всякомъ ораторскомъ порывѣ ихъ можно лукаво произнести: «Вишь куда метнулъ, какого туману напустилъ!» Это объясняется несчастнымъ положеніемъ, въ которое они поставлены: защищать самыя отчаянныя дѣла—вслѣдствіе пріобрѣтенной репутаціи. Важнѣйшій процессъ нынѣшняго семестра былъ процессъ одного изъ высшихъ чиновниковъ внутренней администраціи, Гурдекена, обвиненнаго въ лихоимствѣ, которое, къ несчастію, начинаетъ развиваться весьма сильно здѣсь. Подкупъ сдѣлался правительственною мѣрой, втерся въ выборы, въ журналистику, въ предоставленіе мѣстъ, въ пріобрѣтеніе писателей (кто бы могъ это подумать за нѣсколько лѣтъ!) и такъ поднялъ голову, что въ виду всего Парижа распоряжался состояніемъ и будущностью людей, которые, по новымъ проектамъ очищенія и украшенія Парижа, имѣли дѣла за свои дома и земли съ

префектурой. Тутъ на него и упалъ мечъ юстиціи, которая по внутреннему своему устройству, а главное, кажется, потому, что магистратъ назначается пожизненно и совершенно свободенъ отъ всякаго посторонняго вліянія, сохраняетъ еще славу юстиціи неподкупной. И видѣлъ я, какъ законъ принялъ форму президента Фруадегонда, старика, вылитаго изъ бронзы, какъ говорили здѣсь эфирныя созданія, старика, безчувственнаго къ самымъ патетическимъ сценамъ процесса и обладающаго такимъ зоркимъ глазомъ, что, кажется, ложь и изворотъ бѣгутъ тотчасъ, какъ надѣлъ онъ зеленыя очки; а съ другой стороны, видѣлъ я теорію благопріобрѣтенія въ образѣ начальника отдѣленія Гурдекена, человѣка весьма почтенной наружности, прилично толстаго и имѣющаго ту благородную осанку, которая дѣлаетъ земнорожденнаго украшеніемъ званаго обѣда. Какъ своенравная фузея или петарда, втерся между ними адвокатъ послѣдняго Ше-д'Этъ-Анжъ и началъ: «Да, это добрѣйшій человѣкъ... онъ хочетъ помирить всѣ споры... вылить весь родникъ добра, который природа открыла въ его сердцѣ... Ему шлютъ подарки съ обѣихъ сторонъ... онъ считаетъ это естественнымъ изъявленіемъ признательности... онъ также бы сдѣлалъ... слабость прекрасной души!... Нужно ли еще доказательствъ?.. Вотъ письмо его жены... слушайте: Мужайся! Люди могутъ тебя осудить, но ты имѣешь навсегда мое уваженіе!» Фруадегондъ всталъ, отобралъ мнѣнія присяжныхъ, посовѣтовался съ двумя своими ассистентами, протеръ очки и присудилъ Гурдекена къ четырехлѣтней тюрьмѣ и къ сильной пенѣ. На другой день въ «Шариварп» была чрезвычайно милая каррикатура, изображающая похожденія просителя въ префектурѣ... Затѣмъ все предано забвенію и унесено навсегда волной времени изъ глазъ.

Къ грустнымъ явленіямъ принадлежатъ также колебанія университета, который стоитъ между двумя партіями— римскою и чисто-національною, равно опасаясь обѣихъ. Чрезвычайно любопытна программа, данная совѣтомъ философскому факультету. Какъ-то оскорбительно видѣть, что главною цѣлью при составленіи ея была забота не высказаться,

а главное, помириться со всѣми партіями. Такимъ образомъ, профессорамъ этого факультета воспрещено касаться теологическихъ системъ, какія бы онѣ ни были; объявлены безвременными и малополезными всякія изложенія современныхъ философскихъ теорій въ Германіи и посовѣтовано не упоминать о французской философіи XVIII вѣка. Что оставалось дѣлать гг. эклектикамъ? Былъ одинъ только выходъ: уйти совершенно въ шотландскую психологію, съ подставками изъ де-Бирана и Жуффруа ради національной гордости и съ нѣкоторыми прибавками изъ «Чистаго Разума» Канта ради универсальности. Страшное смѣшеніе! Но такъ они сдѣлали... Бартелеми Сентъ-Илеръ въ этомъ духѣ читаетъ психологію, Гарнье — исторію психологіи, Симонъ— психологическую систему александрійской школы. Всего любопытнѣе, что вся эта осторожность не спасла университета отъ нападокъ. Римская партія болѣе чѣмъ когда-нибудь объявляетъ публичное воспитаніе Франціи атеистическимъ, а желчный, энергическій и талантливый Леру объявляетъ эту методу постыдною игрушкой, которая ничѣмъ не связывается съ дѣйствительною жизнью, разрываетъ всякое сношеніе съ прошедшимъ и, ничего не объясняя для общества, заслуживаетъ полное его презрѣніе. Курьезно очень бываетъ, когда профессора въ срединѣ своихъ лекцій косвенными намеками стараются отвѣчать на нападки буйныхъ антагонистовъ своихъ. Студенты толкаютъ другъ друга локтями и говорятъ: «а! а!» Особенный классъ почтенныхъ старцевъ, имѣющихъ счастіе быть холостяками, извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ rentier (живущихъ доходами), и которые отъ убійственной праздности ходятъ на всѣ чтенія, высиживаютъ бодро теорію дифференціаловъ, метафизику Аристотеля, ветеринарный курсъ, все, что угодно, эти старцы только и ловятъ подобныя минуты. Вечеромъ въ кофейняхъ завязывается между ними неистощимый разговоръ о всѣхъ происшествіяхъ, accidents, неожиданныхъ случаяхъ, бывшихъ въ аудиторіяхъ, публичныхъ залахъ, конферансахъ, клиникахъ и анатомическихъ театрахъ.

За исключеніемъ школъ медицинской, правъ и нормаль-

ной для образованія профессоровъ, гдѣ курсы имѣютъ ученую послѣдовательность и преподаваніе фундаментально, всѣ усилія университета, имѣющаго въ рукахъ рѣшительно всю молодежь Франціи, устремлены на развитіе обще-литературнаго образованія. За то нѣтъ и земли—такъ мнѣ кажется—гдѣ бы масса первыхъ познаній была болѣе разлита па народъ. Появленіе сочинителя изъ крестьянъ, которое обыкновенно привѣтствуется индѣ трубными звуками и предвѣщается за годъ кометой или по крайней мѣрѣ сѣвернымъ сіяніемъ, здѣсь такое обыкновенное дѣло, что Леру стихотворную часть своего «Revue» только и замѣщаетъ стихами ремесленниковъ, и весьма пригожими! Теперь вы поймете рѣзкое, но не совсѣмъ справедливое слово Дюпена, который сказалъ: «La presse, c'est le métier de celui, qui n'en a pas d'autre». Сколько во всемъ этомъ народѣ законныхъ и незаконныхъ честолюбій, сколько движенія, сколько дѣятельности, проявляющейся иногда уродливо, но никогда безсмысленно, идіотически! Бездну молодыхъ силъ и головъ поглощаютъ журналы...

Кстати о журналахъ. Прошлогоднія попытки составить безпристрастные, независимые, съ новыми направленіями журналы—всѣ почти упали, какъ и должно было ожидать, а нынѣ образовались съ большою надеждою на долговѣчіе такіе, которые хотятъ служить органами мнѣнію, уже существующему и признанному за фактъ. Вотъ разница здѣшней и нѣмецкой журналистики. Тамъ журналъ рождаетъ партію, здѣсь—на оборотъ. Такимъ образомъ, первый признакъ жизни въ палатѣ перовъ произвелъ газету: «La Législation», а замѣтное соединеніе демократіи съ легитимизмомъ другую: «La Nation» и т. д. Есть исключенія. Любуюсь и отдыхаю я, напримѣръ, на журналѣ, котораго не назову, чтобъ заставить васъ поломать голову надъ разгадкою его имени. Представьте себѣ вещь, не имѣющую ни одной общей черты со столѣтіемъ, въ которомъ мы жить честь имѣемъ, не соприкасающуюся ни въ одной точкѣ съ нашими понятіями объ обществѣ, морали, значеніи и будущности человѣка, вещь, осуществившую идею о человѣкѣ внѣ своего вѣка такъ

полно, какъ никогда не представлялась она самому пламенному воображенію. Признаюсь, есть какое-то странное наслажденіе прислушиваться къ голосу, не радующемуся ни одной радости нашей и столь уединенному, что современныя явленія служатъ ему только темой для развитія фантастической, неудобновообразимой будущности... И въ половину не имѣютъ этой занимательности нѣкоторыя литературныя произведенія, выплывшія на поверхность шумнаго ручья беллетристики, который несетъ къ забвенію пасквили, брошюры, романы и разсужденія. Впрочемъ, ихъ и немного. Эжень Сю пишетъ «Тысяча одну ночь» изъ самой грязной закоулочной парижской жизни, назвавъ нескончаемый романъ свой: «Mystères de Paris». Онъ имѣетъ здѣсь успѣхъ, ибо нравится глазу разсчитанными переходами своими изъ адской темноты къ бенгальскому огню княжескаго салона и проч. «La Gendelettre» (нововыдуманное слово, дающее понятіе о изысканности всего сочиненія) Бальзака есть пасквиль на литературную братью, критиковавшую автора, пасквиль, который съ своими раздѣленіями, подраздѣленіями, микроскопическими анализами и претензіями на глубокомысліе есть страшная вещь, отгоняющая сонъ и разстроивающая равновѣсіе душевныхъ силъ. Всего болѣе тронуло меня новое произведеніе Ламне: «Amschaspands et Darvands» (имена добрыхъ и злыхъ духовъ изъ восточной миѳологіи), послѣдній вопль отчаянія человѣка, который самъ потерялся въ разрѣшеніи общественныхъ и жизненныхъ вопросовъ.

И хотѣлось бы мнѣ, чтобы вы посмотрѣли, какимъ Фаустомъ сижу я въ своихъ креслахъ, передъ каминомъ, окруженный книгами, которыя присылаетъ мнѣ Галліо, журналами и revues, которые присылаетъ мнѣ Гальяни. Тогда Парижъ передо мною какъ органъ. Я опираюсь на любую педаль, извлекаю длинную ноту и слушаю долго, долго—до утомленія. Но въ шесть часовъ выхожу я на улицу—обѣдать.

Послѣ обѣда Парижъ принимаетъ совсѣмъ другой видъ: улицы горятъ газомъ, окна магазиновъ и колоннады театровъ залиты огнемъ; полицейскій офицеръ, меланхолически прогуливающійся у дверей, за которыми бьетъ сильный свѣтъ,

возвѣщаетъ, что тутъ или публичный балъ, царство лоретокъ, или концертъ, или магнетическое засѣданіе, или религіозная конференція, или сеансъ фокусника. Говорить ли вамъ обо всемъ этомъ, говорить ли вамъ также о всѣхъ явленіяхъ въ театрахъ? Нѣтъ... Покуда перо будетъ выписывать заглавія пьесъ, онѣ уже перейдутъ къ вѣчной нощи. Ни съ чѣмъ нельзя сравнить быстроты появленія и исчезновенія здѣшнихъ театральныхъ произведеній, и кто бы теперь захотѣлъ говорить о «Галифаксѣ» Дюма, о «Сынѣ Кромвеля» Скриба, появившихся въ началѣ зимы, тотъ непремѣнно получилъ бы прозваніе рококо и отвѣтъ: «N'allez pas me parler de l'époque Carlovingienne». Скажу одно: во всѣхъ театрахъ замѣтно декоративное направленіе. Вы уже знаете, что есть цѣлые огромные увражи, гдѣ текстъ написанъ только для поясненія картинокъ Гранвиля, Жоанно, Гаварни. Итакъ, эта мода перешла на театры, и есть пьесы, написанныя для связи великолѣпныхъ декорацій; но въ первомъ случаѣ можно вырвать текстъ и оставить картинки, а тутъ ужь пьесы никакъ не сорвешь съ подмостокъ. Въ такомъ родѣ пьеса «Mille et une nuits» театра Porte Saint-Martin, гдѣ видъ Нанкина, моря въ бурю, кладбища при лунномъ свѣтѣ необычайно ловко сдѣланы.

Это да еще предстоящее открытіе публичной выставки живописи приводитъ меня къ мысли объ искусствѣ. Припоминаю, что̀ сказалъ на дняхъ одинъ изъ здѣшнихъ аристарховъ, толкуя объ этомъ предметѣ: «Теперь», сказалъ онъ,—«теперь, когда промышленность сдѣлалась общимъ достояніемъ всѣхъ народовъ, когда воцарилось между ними почти равное соперничество, и всякое новое открытіе въ этой области принадлежитъ равно всѣмъ, теперь пальма первенства останется за тѣмъ народомъ, который своимъ произведеніямъ сообщитъ неуловимую для другихъ печать вкуса, красоты, граціи. Вотъ почему мы одобряемъ частыя художественныя выставки въ Парижѣ, которыя развиваютъ понятіе о искусствѣ въ народѣ. Преклонитесь передъ этими ремесленниками, передъ этими фабрикантами, которые хо-

дятъ по великолѣпнымъ заламъ Лувра и судятъ о произведеніяхъ искусствъ вѣрнѣе всякаго привилегированнаго знатока: имъ предстоитъ упрочить за отечествомъ эстетическую славу, какъ это уже начинается въ отношеніи модъ, бронзъ, рисунковъ для матерій и проч.» Такъ, такъ!.. Это возрѣніе на искусство уже породило непрерывную, волшебную цѣпь картинокъ, рисунковъ, статуекъ, канделябровъ, люстръ, часовъ, бронзы, діадемъ и проч., которая отъ Пале-Рояля черезъ улицы Ришелье и Вивьенскую тянется до площади Бастиліи, блистая за окнами магазиновъ всѣмъ, что̀ роскошь, остроуміе и сноровка могутъ только выдумать. Но... но съ негодованіемъ, вѣроятно, прислушиваетесь вы къ этой новой теоріи искусства, вы, великія заальпійскія тѣни XIV и XV столѣтій!..

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

(1846—1847).

I.

8-го ноября 1846 года.

Съ чего начать о Парижѣ? Развѣ съ брошюрнаго міра, который къ новому году заволновался непомѣрно, словно сумасшедшій передъ полнолуніемъ. Брошюрная литература въ послѣдніе три мѣсяца имѣла, какъ вы знаете, нѣсколько фазисовъ. Она шипѣла по змѣиному около выборовъ, свистала потомъ на Ротшильда и компаніи желѣзныхъ дорогъ, а теперь разразилась альманахами. Сколько ихъ, сколько ихъ! Соціальные, популярные, и проч. и проч. Полфранковики такъ и скачутъ у меня за ними: это походитъ на травлю. Меня болѣе всего тѣшатъ усилія каждой партіи говорить съ народомъ народно и перетащить его на свою сторону. Ужь какъ они захваливаютъ его и какіе шелковые ковры разстилаютъ подъ ногами его: только удостой немножко поваляться въ теоріи нашей! Одинъ изъ этихъ альманаховъ, «de la France démocratique», взысканъ честію преслѣдованія. Его отобрали во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, еще не извѣстно за что. За литографію ли, изображающую медаль скульптора Давида въ честь ларошельскихъ сержантовъ, за статью ли противъ палаты перовъ, или за простонародныя пѣсенки на палату депутатовъ, которыя не совсѣмъ глупы. Вотъ образчикъ:

La chambr' c'est un coup d'oeil unique,
Et c'théâtre est en vérité
Bien plus gai qu' l'Ambigu-Comique
Et plus comiqu' que la Gaité! (bis)
Aux pièc's qu'on r'présent' les premières,
L'jour est sombr' dans c'local fermé,
Mais on y voit beaucoup d'lumières
Sitôt qu' l'lustre est allumé.

Остальное все въ романтическо-торжественномъ тонѣ Пьера Леру, который теперь въ своемъ «Revue sociale» измѣнилъ теорію распредѣленія богатствъ въ обществѣ, такъ что часть каждаго работающаго опредѣляется уже не талантомъ его, а дѣйствительною нуждой (selon le besoin). Но гдѣ мѣрило? Это крайняя степень, до какой можетъ дойти сумасбродство сердца благороднаго и добродѣтельнаго! Остается только распредѣлять общественныя богатства по темпераментамъ, по расположенію къ брюнеткамъ и блондинкамъ (то-то бы хорошо!), и т. д. Странно, что о книгѣ «Considérations économiques» до сихъ поръ не говоритъ еще ни одинъ изъ журналовъ. Ужъ не хотятъ ли они похоронить ее, какъ это бываетъ здѣсь, молчаніемъ за желѣзную стойкость автора посреди партій и презрѣніе къ нимъ? Говорятъ, что Луи Бланъ, доктрина котораго разбита въ прахъ авторомъ, посѣдѣлъ отъ негодованія. А что—если бросимъ въ сторону религіозныя колебанія автора «Considérations économiques», читали ли вы когда-нибудь книгу, которая яснѣе и убѣдительнѣе доказала бы, что цивилизація не можетъ отречься отъ самой себя, что всѣ ея побѣды, какъ-то: машины, конкуренція, раздѣленіе работъ и прочее, невозвратно принадлежатъ человѣчеству, и что единственная помощь для общества заключается не въ благонамѣренныхъ способахъ исцѣленія, предлагаемыхъ со стороны, а только въ отысканіи закона, по которому богатства развиваются правильно и сами собою?..

Толпы народа бѣгутъ въ Saint-Germain l'Auxerrois смотрѣть вновь реставрированный порталъ его. Нынѣшнимъ утромъ потянулся и я за ними и вынесъ оттуда весьма горестное впечатлѣніе, которое намѣренъ раздѣлить съ вами.

Внутренность портала и ажурные фронтоны дверей заняты фресками Виктора Моттѐ (Mottez), изображающими исторію Спасителя, съ распятіемъ надъ главнымъ входомъ. Расчлененные столбы, образующіе этотъ порталъ или галерею, покрыты во впадинахъ своихъ фигурами изъ Ветхаго и Новаго Завѣта: выдумка весьма неудачная, потому что каждая фигура чудовищно жмется въ этомъ узкомъ пространствѣ и перегнута на самое себя. Это, впрочемъ, еще не самое противное. Главныя фрески выдержаны въ тонѣ новой римской школы. Ужь не говорю о бѣдномъ чахоточномъ колоритѣ, о рисункѣ безъ твердости и силы, о разрывчатости всего созданія, но замѣчаю только новый фактъ въ исторіи мистической живописи: во Франціи она стала замѣщать гримасой выраженіе, вмѣсто духовнаго упоенія является у ней ступидитетъ, съ вашего позволенія, и страшное, отчаянное отсутствіе всякой мысли, дѣлающее то, что произведенія ея походятъ на кафтанъ, ловко набитый, но висящій на палочкѣ. Такъ искусство, оскорбленное въ существѣ своемъ, отмщаетъ ложнымъ пророкамъ своимъ!.. Я дожидаюсь выставки, чтобы поговорить съ вами на просторѣ объ этомъ предметѣ.

Знаете ли, что̀ мнѣ кажется? Мнѣ кажется, что живописцы XIV и XV столѣтій, тречентисты и кватрочентисты, напрасно считаются людьми, переводившими въ искусство Божество и Откровеніе. Они занимались выраженіемъ собственныхъ религіозныхъ созерцаній, а не опредѣленіемъ Божества, какъ отдѣльнаго міра, какъ объекта. Это было дѣло одного византійскаго искусства, а потому оно одно и свято. Наше отечество частію до сихъ поръ сохранило ея преданія, въ Европѣ же искусство это утерялось еще ранѣе Жіотто и Фанъ-Ейка, то-есть, XIV столѣтія. Вспомните, напримѣръ, падуанскія фрески Жіотто. Тутъ главная задача, положенная художникомъ, состояла въ томъ, чтобъ отыскать красоту формы для религіозныхъ сюжетовъ и уловить выраженіе страсти, которая со всѣмъ тѣмъ проявляется у него еще весьма общно и неиндивидуально. Божественность сюжета тутъ только данная для по-

сторонней и ему чуждой цѣли. Указываютъ обыкновенно на школу Перужино, на его задумчивыя лица, спокойствіе всѣхъ представленій и святую тишину, разлитую въ нихъ. Очень хорошо; но надо весьма небольшое вниманіе, чтобъ увидѣть, какъ все это принадлежитъ только личности художника. Какъ повторялся до Перужино, такъ и послѣ него будетъ повторяться тотъ неизмѣнный законъ, по которому нашъ умъ, силясь разрѣшить жизненныя противорѣчія, создаетъ граціозную мечту и за нею спасается отъ всѣхъ диссонансовъ, бурь и треволненій. Что̀ тутъ есть общаго съ представленіемъ Божества, да и не профанація ли искать его въ человѣческой слабости, хотя и выраженной глубоко художнически? Перейдемъ къ Фра-Фіезоле, который особенно цитуется приверженцами мнѣнія, оспариваемаго мною. Здѣсь личность выступаетъ еще сильнѣе. Гдѣ ярче выразилось католическое монашеское воззрѣніе на жизнь, какъ не у этого монаха? Не есть ли каждая его картина призывъ къ католическому монастырю, къ музыкальной обѣднѣ, къ торжеству обряда, къ дѣтямъ красивымъ какъ ангелы и возвышающимъ кадила, къ толпѣ доминиканцевъ, благоговѣйно стоящихъ передъ престоломъ? Все это, можетъ быть, очень похвально (а художественно оно чрезвычайно), но общаго опредѣленія Божества искать тутъ не слѣдуетъ. Другое дѣло—византійское искусство! Съ самаго зародыша своего имѣло оно цѣлью чисто и просто напоминать Его. Зная, что ликъ человѣческій не въ состояніи дать никакого поясненія въ этомъ случаѣ, оно создало свои условные типы, имѣя въ виду только разбудить частное сознаніе и поднять его къ внутреннему созерцанію Божества. Такъ точно нѣкогда было и въ Европѣ. Кто не видалъ знаменитой Pala d'oro въ храмѣ св. Марка въ Венеціи? Это собраніе мозаичныхъ картинъ по золотому полю, изображающихъ событія Новаго Завѣта и черты изъ жизни святого Марка, дѣланныя въ самомъ Константинополѣ въ X столѣтіи. Искусство занято тутъ не тѣмъ, чтобъ осмотрѣть каждое явленіе со всѣхъ сторонъ и выразить его въ наибольшей полнотѣ, а напротивъ, взять только сторону самую простую, намекнуть ею безъ всякихъ по-

дробностей о происшествіи и представить все остальное благочестивому воображенію самого зрителя. Искусство, какъ бы пораженное ужасомъ, отказывается отъ всѣхъ своихъ притязаній, но это-то самое и упрочиваетъ ему сильное вліяніе. И такъ всегда поступаетъ искусство символическое. Все же, что̀ было сдѣлано послѣ Византіи, и все, что̀ будетъ еще дѣлаться, не смотря ни на какіе порывы и стремленія, всегда было и всегда будетъ результатомъ личности человѣка, принадлежать только человѣку и объясняться его понятіями, наукой, исторіей и никогда не выходить изъ этого круга! Не такъ ли?..

Мнѣ случайно попался здѣсь на дняхъ одинъ славянскій «Сборникъ». Такъ какъ я давно уже не имѣлъ въ рукахъ русской книги, то съ радостью пробѣжалъ первую статью: «О современномъ направленіи искусствъ пластическихъ» (прилагательное на концѣ для колорита). Мы съ вами, кажется, говорили когда-то о невыгодахъ сильнаго литературнаго образованія. Знайте же, что самый блестящій примѣръ способности бесѣдовать о всякомъ предметѣ безъ изученія его находится, къ великому изумленію моему, не здѣсь около меня, въ Парижѣ, подъ колоннадой Магдалины, а тамъ около васъ, подъ стѣнами Китай-города. Мастерство вводить лица и сказать о нихъ именно все то, что̀—смѣю выразиться такъ—связано почти со звуками ихъ именъ, но сказать особеннымъ оборотомъ, какъ будто заключающимъ новую мысль, это мастерство очень порядочно развито у васъ. Иногда, конечно, отъ трудности работы бываютъ и промахи. На стр. 34, при сужденіи о Меркуріи скульптора Жіованни Болонскаго я встрѣтилъ, напримѣръ, слѣдующій періодъ: «Не просто, непосредственно вылилась она (статуя): художникъ стремился придать особенную легкость и подвижность фигурѣ, утончая и облегчая формы тѣла; онъ не чувствовалъ, каковъ есть, но зналъ каковъ долженъ быть Меркурій, и потому въ произведеніи замѣтна какая-то односторонность...» Я подходилъ къ этому періоду и справа, и слѣва, и en face: все напрасно. Онъ, какъ чудовищный сфинксъ, продолжалъ смотрѣть на меня

тупо и безжизненно. Прибавьте еще къ этому старческую, особенно непріятную хитрость избѣгать результатовъ собственныхъ положеній, когда они открываютъ существенную, свѣтлую сторону противной партіи. Самая религіозная школа живописи въ Италіи, по мнѣнію автора, была Умбрійская. Она несомнѣнно выросла въ лонѣ латинизма, но чтобъ отдѣлаться отъ уваженія къ нему, авторъ придумалъ слѣдующую фразу (стр. 45): Переходъ Умбрійской школы къ другому направленію «доказалъ безсиліе западнаго католицизма удержать въ предѣлахъ религіи ни живописи, ни тѣмъ болѣе другихъ искусствъ» и проч. и проч. Очень ловко! Еще одна любопытная черта въ этой статьѣ. Нѣкоторыя изъ періодовъ ея до такой степени общи, что, какъ флагъ, могутъ развѣваться по волѣ вѣтра во всѣ стороны. Такъ и видно, что у нихъ нѣтъ корней ни въ трудѣ, ни въ мысли. Впрочемъ, мнѣ иногда это кажется слѣдствіемъ тѣхъ софистическихъ и праздныхъ диспутовъ, за которыми бо̀льшая часть нашей молодежи теряетъ всякое чувство истины. Посмотрите сами (стр. 43): «Но сильное развитіе другихъ сторонъ жизни, независимыхъ отъ искусства, и внутреннее сознаніе самого художества, пробуждаемое теоретическими направленіями, препятствуетъ искусству удалиться отъ жизни дѣйствительной, какъ это было во время цвѣта академіи»... Поставьте вмѣсто препятствуетъ способствуетъ,—мысль будетъ въ той же степени вѣрна, какъ теперь: такъ отвлеченна она и такъ походитъ на тему для диспута! Статья эта заставила меня крѣпко задуматься о нашемъ образованіи, о классѣ общества, который его получаетъ, и объ употребленіи, какое онъ дѣлаетъ изъ него. Уяснилось мнѣ одно слѣдующее: замѣчаніе о чужой гнилости еще не есть признакъ собственнаго здоровья... Но довольно объ этомъ.

Жизнь течетъ здѣсь въ Парижѣ пока еще весьма тихо и вяло, чему особенно способствуетъ катастрофа орлеанскаго наводненія. Многіе говорятъ, что и полное изданіе повѣстей Бальзака, подъ титуломъ «Comédie humaine», не мало помогло развитію общественной грусти. Не могу удержаться, чтобы не передать вамъ одно замѣчаніе о Бальзакѣ, слы-

шанное мною или въ театрѣ, или за обѣдомъ: «Сочиненія Бальзака походятъ на корзинку ходячаго стекольщика: каждое стекло само по себѣ весьма тускло, а вмѣстѣ взятыя, они составляютъ массу, непроницаемую для свѣта». Очень мило!.. Движеніе около театровъ, однакожъ, начинаетъ видимо усиливаться. Въ Ambigu-Comique имѣла успѣхъ, и что̀ называется, колоссальный, новая драма Сулье: «La closerie des genêts». Дѣло тутъ въ двухъ отцахъ, подозрѣвающихъ каждый свою дочь въ незаконномъ составленіи ребенка и вслѣдствіе сего позволяющихъ себѣ самыя отчаянныя тирады и поступки. Все улаживается, впрочемъ, благополучно послѣ многихъ испытаній и страховъ. Умный посредникъ, маркизъ изъ помиренныхъ легитимистовъ, успѣваетъ освободить обольстителя отъ жены, насильно ему навязавшейся, и возвратить его къ ногамъ жертвы, между тѣмъ какъ онъ, самъ маркизъ, беретъ, вѣроятно—за коммиссію, невинную ея подругу. Въ первыя представленія одобреніе публики близко подходило къ энтузіазму. Это заставило меня еще разъ серьезно подумать о болѣзни, полученной мною еще въ молодости, и которую, за неимѣніемъ лучшаго, я называю: позывомъ къ художественности. Всякій разъ, какъ удавалось задавить этого червячка, гнѣздящагося во мнѣ, глазъ мой прояснялся, и я чувствовалъ себя здоровѣе. Нынче, выгнавъ его одною художественною статьей изъ славянскаго «Сборника», о которой уже упомянуто, я тотчасъ понялъ причину общаго восторга и законность его. Всѣ лица драмы взяты изъ жизни и вѣрно выражаютъ уровень, проходящій по всѣмъ слоямъ французскаго общества. Бретонскій мужикъ съ крестикомъ св. Лудовика за Вандейскую войну подаетъ братски руку наполеоновскому генералу съ почетнымъ легіономъ. Блестящій замиренный маркизъ стоитъ между крестьянскою дѣвушкой и барышней въ дружественныхъ отношеніяхъ, понимаемыхъ и тою, и другою. Отпускной солдатъ изъ Алжира идетъ рука въ руку съ артистомъ изъ Парижа. Не забыта даже дама большого свѣта, родословная которой начинается въ бѣдной хижинѣ; но она нѣсколько оклеветана, и это чуть ли не существенный недостатокъ пьесы. Вотъ на ка-

кихъ лицахъ зиждется вся драма, и теперь понятно, отъ чего съ перваго раза вызвала она сочувствіе публики.

Вамъ, можетъ быть, пріятно будетъ узнать новую штуку неугомоннаго Кабѐ. Онъ уже давно на послѣднемъ листѣ своего «Populaire» печатаетъ похвальныя письма самому себѣ, получаемыя отъ лицъ всѣхъ сословій. Нынѣ сообщаетъ онъ новый варіантъ панегирика. Какой-то господинъ, будучи при смерти, помѣстилъ въ завѣщаніи: «объявить Кабѐ глубочайшую благодарность за минуты наслажденія, доставленныя мнѣ, завѣщателю, чтеніемъ икарійской системы». Почтенный покойникъ! Это, однако, еще не лучшая штука Кабѐ. Онъ повздорилъ съ фаланстеріанцами. Споръ вышелъ, кажется, изъ того, чтобъ узнать, которая изъ двухъ партій болѣе облагодѣтельствовала человѣчество. Изъ желанія очистить поскорѣе этотъ пунктъ Кабѐ предлагаетъ Консидерану нанять общими силами большую залу въ хорошемъ кварталѣ города и держать публично диспутъ о достоинствѣ обѣихъ теорій, какъ во времена Абелара. Дѣло остановилось за бездѣлицей — за позволеніемъ. Вѣроятно, администрація, мало заботящаяся объ интересѣ писемъ изъ-за границы, лишитъ меня удовольствія видѣть одно изъ любопытнѣйшихъ засѣданій, какія представляло послѣднее десятилѣтіе. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что «National» возбудилъ презрительный смѣхъ въ консерваторахъ, потребовавъ для работниковъ публичныхъ засѣданій и права говорить о выгодахъ и невыгодахъ снятія таможенъ, какъ о дѣлѣ, въ которомъ они всего больше заинтересованы, между тѣмъ какъ противники таможенъ, перы и мануфактуристы, получили позволеніе составить общество и имѣть засѣданія. Какая же тутъ, Бога ради, зала для фантасмагорій Кабѐ и Консидерана и для публичныхъ преній о томъ, чтобъ узнать, гдѣ будетъ слаще пить и ѣсть, въ Икаріи или въ фаланстерахъ?

Сегодня хоронятъ старика Дюперре у Инвалидовъ, но на дворѣ холодно и сыро, и у меня нѣтъ охоты смотрѣть эту церемонію...

До слѣдующаго письма.

II.

4-го января 1847 года.

Многіе находятъ, что обыкновенныя сумасшествія французскаго карнавала въ нынѣшнемъ году достигли крайняго развитія, за которое врядъ ли и перейти могутъ. Замѣчено именно въ полицейскихъ сержантахъ невыразимое снисхожденіе къ условнымъ жестамъ и позамъ гризетокъ на балахъ Оперы, Variétés, Валентино, и относятъ это къ нетвердому положенію министерства. Всѣмъ извѣстно, какъ долго страдала Франція отъ чистоты нравственныхъ убѣжденій муниципалитета и катоновской строгости правилъ таможенныхъ приставовъ. И тѣмъ, и другимъ нанесены страшные удары. Допущеніе живыхъ картинъ, сдѣлавшихся источникомъ дохода для трехъ театровъ и забавнымъ зрѣлищемъ публики, такъ крѣпко связываетъ греческую цивилизацію съ парижскою, что даже эстетика и филологія противятся вмѣшательству цензора въ киверѣ и красныхъ эполетахъ. Развитіе публичныхъ баловъ доконало совсѣмъ это установленіе, уже потрясенное живыми картинами. Съ годами пропадала въ нихъ интрига, значеніе маски, таинственность и умѣнье сочинить маленькую повѣстцу, а все болѣе выказывалась потребность судорожнаго потрясенія организма и усилія сдѣлать на зло офиціальному опекуну. Нѣсколько лѣтъ маскарадъ былъ войной между публикой и блюстителемъ благочинія. Къ ужасу моему долженъ я вамъ сказать, что послѣдній побѣжденъ, по крайней мѣрѣ на эту зиму. Галопадъ, который теперь танцуютъ, уже не можетъ быть бѣшенѣе, вскрикъ уже очень близко подходитъ къ настоящей лѣсной дикости, и рѣчи, которыя вамъ держутъ на ухо, сохраняя умѣренность, требуемую духомъ языка, уже имѣютъ весьма ясный благоуханный запахъ примитивности и наивнаго пребыванія въ природѣ. Причину упадка маскарадовъ Оперы полагаютъ, главное, въ томъ, что умныя и добродѣтельныя лоретки, уже вышедшія изъ точки отправленія Руссо къ болѣе широкой системѣ шотландскаго эмпиризма г. Дю-

гальдъ-Стюарта, разобраны и Оперу не посѣщаютъ. Въ этомъ онѣ походятъ на лучшихъ профессоровъ Франціи, которые, сдѣлавшись перами, и лекцій болѣе не читаютъ.

Что касается до посягновенія на таможенныхъ, оно вышло изъ общества свободнаго обмѣна, для ясности скажу: du libre échange. Я былъ на послѣднемъ его засѣданіи въ Salle Montesquieu. На трибунѣ величались всѣ знаменитости политической экономіи: Дюноье, Бланкй, Шевалье, Бастіà, Леонъ Фоше, Горасъ Сей, а внизу до трехъ сотъ человѣкъ избранной публики собралось посмотрѣть на нихъ. Извѣстно, что противная партія, составившая комитетъ для защиты національнаго труда, а для ясности скажу: comité pour défendre le travail national вмѣсто опроверженія профессорскихъ теорій въ какой-нибудь другой залѣ взволновала мануфактурные департаменты Франціи и послала грозный циркуляръ администраціи, объявивъ, что при первой уступкѣ ея свободнымъ обмѣнщикамъ, она, партія защиты, вооружитъ враговъ династіи. Вы видите, экономисты разсчитываютъ на красоту своего слова, мануфактурщики—на величіе вооруженной силы; тѣ опираются на непреложные законы ума, а эти—на твердость и самоотверженіе кармана. Старикъ Дюноье открылъ засѣданіе выговоромъ противной партіи за грубость употребляемыхъ ею средствъ и призывалъ ее къ спокойному, дѣльному обсужденію вопроса. Бланкй визгливымъ голоскомъ опровергалъ упрекъ въ дерзости новой реформы, ограничивая ее на первый разъ уничтоженіемъ въ тарифѣ параграфа совершенныхъ исключеній и пониженіемъ пошлинъ съ нѣкоторыхъ предметовъ, какъ кофе, какао и пр., которые отъ увеличившагося потребленія вознаградятъ снисхожденіе правительства къ нимъ съ избыткомъ. Онъ объявилъ также, что по милости мануфактуристовъ нынѣшнія палаты неподвижнѣе палатъ двадцатыхъ годовъ, и что мануфактуристы не имѣютъ даже права подавать голоса въ настоящемъ вопросѣ, будучи судьями въ собственномъ дѣлѣ. Тогда воздвигся Шевалье и тономъ жреца, только что бесѣдовавшаго съ Аписомъ, произнесъ громовую рѣчь противъ мнимаго патріотизма защитительной партіи и ея претензіи

блюсти выгоды работниковъ. Хорошъ этотъ патріотизмъ, который изъ личныхъ выгодъ уничтожилъ блестящіе начатки таможеннаго союза между Франціей и Бельгіей, который изъ мелочного разсчета не допустилъ въ государство сезама и тѣмъ лишилъ Францію нѣсколькихъ милліоновъ и возможности поднять торговую морскую силу! Хороша претензія, когда фабрики мануфактуристовъ суть вертепы распутства, огрубѣнія и уничиженія человѣческихъ способностей! Вотъ какъ говоритъ онъ! Въ большихъ собраніяхъ я замѣтилъ, что слушающіе бываютъ иногда любопытнѣе говорящихъ. Напримѣръ, немаловажное значеніе пріобрѣло для меня обстоятельство, породившее въ самую жаркую минуту рѣчи Шевалье громкій и продолжительный смѣхъ. Увлеченный бѣсомъ ораторства и естественнымъ желаніемъ какъ можно болѣе нагадить враждебнымъ фабрикантамъ, Шевалье поставилъ имъ въ примѣръ одинъ американскій городъ изъ 30.000 жителей, въ который приходитъ со всѣхъ сторонъ болѣе 18.000 хорошенькихъ работницъ, никогда не подвергающихся опасности защищать свою невинность и добродѣтель. Взрывъ безумнаго смѣха, встрѣтившій слова эти, убѣдилъ меня, что по сю сторону океана это число цѣломудренныхъ дѣвъ весьма бы поуменьшилось, и что здѣшняя публика не понимаетъ благородной терпимости публики американской. Это меня глубоко опечалило, какъ вы догадываетесь. Наконецъ, Горасъ Сей заключилъ засѣданіе, убѣждая насъ, слушателей, къ распространенію, по мѣрѣ силъ и возможности, идеи свободнаго обмѣна, которая—говорилъ онъ—должна обойти весь міръ. А до тѣхъ поръ можно, я думаю, замѣтить, что идеи рѣдко распространяются посредствомъ приглашенія. Вообще эта борьба чистой теоріи съ живыми интересами, сдѣланная подъ вліяніемъ англійской реформы и безъ всякихъ другихъ средствъ, кромѣ правильности выраженія, весьма походитъ на забаву ученыхъ. Это—ихъ Тиволи.

Любопытнѣйшую сторону парижской жизни представляютъ въ эту минуту, безъ сомнѣнія, новыя произведенія промышленности, выставленныя магазинами. Цѣлую недѣлю

ходилъ я по лавкамъ, и признаюсь, давно не испытывалъ такого удовольствія, какъ въ этомъ изученіи тайной мысли, двигающей современную производительность. Право, любопытно было бы опредѣлить, какимъ образомъ формируется эта мысль, называемая вульгарно модой, а что она вдругъ проносится отъ одного конца государства до другого, свѣтится въ разнороднѣйшихъ произведеніяхъ — въ ножовомъ клинкѣ и въ кускѣ матеріи, и имѣетъ корни въ общественной настроенности, — это, мнѣ кажется, очевидно. Въ эту минуту, напримѣръ, фактъ, что вся изобрѣтательная способность индустріи движется воспоминаніями искусства и образа жизни XVIII столѣтія, этотъ фактъ для меня столько же важенъ, какъ недавнее арестованіе одного нумера «National» за статью противъ возвращенія правительственной системы къ старому порядку вещей. Вы легко свяжете страсть, которая овладѣла многими, собирать вещи и игрушки прошлаго вѣка съ наклонностью настоящаго къ полному наслажденію собою и жизнью. Здѣсь образовались для первой цѣлые магазины. У Дювильруа (passage Panorama) любовался я коллекціей старыхъ опахалъ, роскошно обдѣланныхъ въ черепаху, золото и перламутръ, и на которыхъ кисти учениковъ Ватò и Бушè изобразили бесѣду дамъ и кавалеровъ въ присутствіи амуровъ, поясняющихъ содержаніе ея, сельскіе праздники, даже миѳологическія событія подъ деревьями, гдѣ въ листьяхъ таятся воркующіе голуби. У Рогò, на Монмартрскомъ бульварѣ, это еще полнѣе. Тамъ выставлены золотыя табакерки съ тончайшею живописью идиллическаго содержанія, весьма мало закрывающаго настоящую мысль сюжета, перстни, брошки и, наконецъ, тѣ маленькія фарфоровыя статуйки, въ которыхъ, подъ видомъ пастуховъ и пастушекъ, прошлый вѣкъ разсказывалъ анекдоты изъ собственной жизни. Но промышленному искусству предстояла на этой реставраціи недавней старины трудная работа заключить духъ ея въ непогрѣшительную чистоту линій, въ художественную форму, снять угловатость съ представленій ея и умѣрить выраженіе. За этою работой промышленность нынѣшняго года показала талантъ неимовѣрный. Въ магазинахъ Жирỳ я видѣлъ дамскіе

туалеты и рабочіе столики, вазы, сервизы и бюро для письма, въ которыхъ главный мотивъ составляетъ эмаль по фарфору, прорѣзанная тонкими золотыми нитями и покрытая живописью, гдѣ цвѣты и амуры переплетаются въ удивительномъ рисункѣ. Съ трудомъ можно отвести глаза, и только ярлычки съ цѣнами 2.000, 3.000, 4.000 франковъ заставляютъ ихъ, такъ сказать, войти въ себя. Этотъ tour de force или ловкость современной промышленности еще яснѣе видна въ магазинахъ Таксана, на углу бульваровъ и улицы de la Paix. Онъ приготовилъ къ новому году доброе количество ларцовъ, несессеровъ, пюпитровъ для письма, garde-bijoux, и проч., изъ которыхъ каждый есть образецъ отдѣлки и въ нѣкоторомъ родѣ поученіе плодотворное. Круглота формы, любимая восемнадцатымъ столѣтіемъ, образовала здѣсь превосходный рисунокъ: золотыя полосы вмѣсто старой путаницы завитковъ разрѣшились въ художественные арабески, и линіи, подражающія старой оковкѣ ларцовъ, пересѣкаются удивительно свободно и красиво, а живопись, сохраняя тонъ нѣжной аллегоріи, выдержана строго и вмѣстѣ тепло. Каждая вещь въ этой формѣ можетъ быть принята за свѣтлое воспоминаніе отжившаго столѣтія. Смотря на нее, хочется быть богачемъ, и покуда не отнимутъ ея отъ глазъ, страдаешь жаждой обладанія. Обиднѣе всего, что имена рисовщиковъ, дающихъ первую мысль этимъ вещамъ, совершенно потеряны для публики, которая знаетъ только человѣка, приведшаго ее въ исполненіе. Бронзовыя произведенія, требующія, какъ вы знаете, настоящаго творческаго таланта, и притомъ въ весьма сильной степени, уже гораздо слабѣе. Одна часть ихъ навѣяна бытомъ Алжира, который имѣетъ сильное вліяніе и на самую живопись: такъ много тѣшитъ новая колонія народное самолюбіе! Это борьба бедуиновъ съ гренадерами или эпизоды африканской жизни, гдѣ барсъ и степной левъ мѣряются силами съ кавалеристомъ французской арміи, и проч. Вторая часть ихъ, весьма полно представляемая магазиномъ Сюса̀, находится въ крайнемъ противорѣчіи съ первою: это женщины въ сладострастныхъ положеніяхъ, не смотря на то, выражаютъ ли онѣ робкую стыдливость или безграничное

упоеніе, скромность или увлеченіе. Любопытно, что многимъ изъ нихъ основнымъ типомъ послужила великолѣпная, несравненная Венера Милосская изъ Луврскаго музеума. Художники только, вѣроятно, изъ тонкой лести мѣщанству представили эту энергическую, страстную женщину въ ея вседневныхъ занятіяхъ: въ расческѣ роскошной косы, въ омовеніи чуднаго тѣла ея и даже въ перемѣнѣ хитона; можно подумать, что все это злая нескромность горничной дѣвушки Венеры.

Впрочемъ, истинное выраженіе искусства находится не въ произведеніяхъ, гдѣ забота о дешевизнѣ, стараніе сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе неимущему эстетическому карману порождаетъ непремѣнно нѣкоторую мелкоту представленія и выдѣлки. Я совсѣмъ не приверженецъ системы, выдуманной, полагаю, старымъ почнымъ колпакомъ и состоящей въ томъ, чтобъ умельчать великія вещи ради доставленія удовольствія экономнымъ супругамъ или бѣднымъ молодымъ людямъ, подающимъ надежды. Она рождаетъ подлогъ вмѣсто дѣла, производитъ иллюзію вмѣсто поученія, портитъ въ одно время и образецъ, и того, кто наслаждается подражаніемъ ему. Для бѣдныхъ людей есть музеумы, выставки, собранія: вотъ настоящая подмога бѣдности. И какое пріобрѣтеніе можетъ съ ними сравняться, и какой богачъ имѣетъ то, что̀ каждый день можетъ видѣть всякій! Европа поняла дѣло лучше, чѣмъ человѣколюбы сантиментальные: между тѣмъ какъ публичные кабинеты и коллекціи распространяются вездѣ и неимовѣрно, фальшивыя древности, подражанія монетамъ, бисквитныя статуйки, уродливыя копійки безпрестанно падаютъ. Все это я вамъ говорю по случаю магазиновъ серебряныхъ дѣлъ мастера Мореля въ улицѣ des petits Augustins. Тамъ все дорого, но каждая вещь кажется упрекомъ обветшалому, древнимъ неизвѣстному раздѣленію ремесла отъ искусства. Начиная съ золотого набалдашника для палки до серебрянаго сервиза для пиршественнаго стола, все имѣетъ у него въ основаніи поэтическую, художественную мысль, которая отзывается на всѣхъ подробностяхъ и наполняетъ собою, какъ главную фигуру, такъ и самую дальнюю

черту произведенія. Я видѣлъ, напримѣръ, кубокъ, у котораго кристальная чашка покоится на двухъ золотыхъ фигурахъ— тритона и нереиды, между тѣмъ какъ вьющіяся широкія растенія ползутъ по двумъ краямъ чашки и чудно завиваются вверху, составляя ея ручки. Вездѣ вѣрность разъ взятой мысли поразительная. Изъ множества вещей помню еще одинъ браслетъ съ жемчугомъ. Что можетъ быть обыкновеннѣе этой данной мысли? Но двѣ серебряныя рѣзныя русалки на золотомъ фонѣ, взятыя въ ту минуту, когда выносятъ онѣ со дна морского корзинку перловъ, сообщаютъ обыкновенному браслету оттѣнокъ художественности и высокаго искусства. Особенно ими помѣчена одна серебряная холодильница шампанскаго. Подножіе ея составляютъ три пантеры, головы которыхъ повторены еще и на золоченой крышѣ; на круглыхъ же бокахъ ея развивается удивительный рельефъ: внизу спятъ вакхическимъ сномъ четыре лица четырехъ разныхъ возрастовъ, между тѣмъ какъ надъ головами ихъ носится вереница женщинъ, изображающая горькія и страстныя видѣнія каждаго. Присутствіе творческой силы тутъ уже такъ ясно, что у Мореля просили позволенія перевесть рельефъ этотъ на слоновую кость и украсить имъ стѣны богатаго кабинета... Я ужь слишкомъ заговорился о промышленности, но вѣдь она тоже принадлежитъ къ явленіямъ здѣшняго карнавала, о коемъ здѣсь и пою преимущественно.

Но самое несомнѣнное достояніе его суть двѣ театральныя пьесы, два обозрѣнія на театрѣ du Vaudeville и на Пале-Рояльскомъ. Въ первомъ является новая планета въ бюро «Иллюстраціи» (г-жи Дошъ и Жюльетъ), и послѣдняя показываетъ первой, называя ее сестрицей, все, что происходило нелѣпаго въ Парижѣ. Идутъ пародіи на театральныя пьесы прошедшаго года, новыя открытія, объявленія, романы, спекуляціи. Планета чуть-чуть съ ума не сходитъ отъ ужаса и бѣжитъ опрометью къ себѣ на небо, гдѣ она съ начала вѣковъ вела спокойную и добродѣтельную жизнь. Пале-Рояльское обозрѣніе еще смѣшнѣе. Тамъ хлопчатый порохъ (poudre-coton), въ образѣ Сенвиля, идетъ съ пріятелемъ своимъ, центробѣжною дорогой, изображаемою г-мъ

Грасо, взрывать монмартрскія копи и отыскивать кладъ. Вмѣсто клада, попремѣнно являются имъ на Монмартрѣ: «Клариса Гарловъ», «Найденышъ» Сю, «Вселенная и свой Уголокъ» Мери, драма Сулье, госпожа Могадоръ, аристократическія купальни, «Робертъ Брюсъ» Россини, битва кашемировъ, театры, экономическая щетка, самъ Александръ Дюма съ новымъ театромъ, гдѣ люди будутъ съ столовыми, гостиными и конюшнями и проч. Неудержимый хохотъ носится во все время представленія этой пьесы, имѣющей большой успѣхъ, и которая, наконецъ, дѣлается невыносима по изобилію уморительныхъ глупостей и сумасшествію веселости, не дающихъ вамъ отдыха ни на минуту. Оставляю до будущаго письма печальную исторію появленія великихъ сценическихъ произведеній, которыхъ ожидала публика съ такимъ замираніемъ духа: «Agnès de Méranie» Понсара и оперы «Робертъ Брюсъ» Россини. Было бы неумѣстно говорить о нихъ тогда, какъ Парижъ, не смотря на сильные холода, денно и нощно бѣгаетъ по улицамъ, словно спасаясь отъ всякаго дѣльнаго слова и отъ всякаго напоминовенія о литературныхъ и жизненныхъ треволненіяхъ.

Въ Collège de France и въ Сорбоннѣ не все по старому. Вы знаете, что въ первой Эдгаръ Кине отказался отъ каѳедры по случаю перемѣны, сдѣланной въ его программѣ, и южныя литературы, такимъ образомъ, не имѣли представителя въ Парижѣ. Вѣроятно, тѣни Дантовъ и Камоенсовъ громко требовали удовлетворенія отъ Сальванди, потому что онъ, при открытіи новаго курса, отдалъ каѳедру Кине г. Гинару; но этой каѳедрѣ, вѣроятно, суждено перемѣнять безпрестанно обладателей. Кине, разумѣется, протестовалъ противъ назначенія ему адъюнкта безъ его согласія, но, убѣжденный потомъ самимъ г. Гинаромъ, объявилъ, что если ужь нуженъ непремѣнно адъюнктъ, то лучше г. Гинара не найти. Все, казалось, было слажено; однакожь съ приближеніемъ курсовъ послѣдній провѣдалъ, что студенты, вполнѣ признавая его добросовѣстность и многія хорошія качества, все-таки собираются освистать его при первомъ

появленіи, не находя лучшаго способа оказать симпатію свою къ его предшественнику. Не чувствуя въ себѣ способности на самопожертвованіе, Гинаръ, подъ предлогомъ глубокаго уваженія къ Кинè, отказался вовсе отъ каѳедры, и зима эта, такимъ образомъ, должна пройти для насъ безъ единаго слова объ инквизиціи, Колумбѣ, ореолахъ Жіотто, вопляхъ Бруно и проч. Это жалко. Впрочемъ, поведеніе Кинè во всемъ дѣлѣ было чрезвычайно достойно и благоразумно. Кинè живетъ точно такъ, какъ говоритъ — нѣсколько напыщенно, но очень звучно и твердо.

Въ Сорбоннѣ произошло нѣчто посерьезнѣе. Знаменитый Дюма, вѣроятно, уже снесясь съ администраціей, предложилъ отъ собственнаго имени факультету наукъ, гдѣ онъ старшина, просить совѣтъ университета объ образованіи третьяго факультета — механическихъ искусствъ, ремеслъ и земледѣлія, студенты котораго могли бы получать всѣ ученыя степени первыхъ двухъ факультетовъ. Такъ и сдѣлано. Вы понимаете, что утвердительный отвѣтъ на эту просьбу будетъ однимъ изъ самыхъ важныхъ происшествій нынѣшняго года во Франціи. Впервые промышленность и земледѣліе станутъ наравнѣ со всѣми другими учеными занятіями, почислятся дѣтьми современной цивилизаціи, и снимется съ нихъ послѣднее урекапіе въ корыстности и неблагородствѣ, оставшееся отъ среднихъ вѣковъ. Гораздо менѣе будетъ вамъ понятно, что мѣра эта встрѣтила первое жаркое сопротивленіе въ демократической партіи. При этомъ случаѣ особенно ясно выказались узкость и ограниченность ея понятій о морали, которая все еще держится на старомъ эпитетѣ d'un homme irréprochable, то-есть, на достоинствѣ быть бѣднымъ съ удовольствіемъ и заниматься только невещественными вопросами самой первой величины. Едва разнесся слухъ о нововведеніи, какъ партія («National») объявила, что имъ оскорбляется величіе науки, принужденной заниматься теперь торгашами, спекулянтами, фермерами вмѣсто того, чтобъ смотрѣть въ небо, открывать идеи, совершенствовать человѣчество. Равнять людей, говорила она,—которые если и изобрѣтаютъ что-нибудь, то

изобрѣтаютъ для собственной пользы, равнять ихъ съ безкорыстными тружениками кабинетовъ есть позорная выдумка, достойная развратнаго общества, которое хочетъ освятить наукой собственную болѣзнь—жажду золота. Такъ они поняли эту мѣру. Дюма, разумѣется (къ случаю пришлось), растерзанъ въ куски. Вообще моральныя идеи оппозиціонной Франціи—вещь любопытная и заслуживали бы нѣкотораго разбора, который, однако, оставляю до того близкаго случая, когда писать будетъ не о чемъ. Въ это время я вамъ скажу, что воззрѣніе самого автора «Systèmes des contradictions» на жизнь до такой степени сухо, хоть и вѣрно логически, что если жизнь не захочетъ быть добродѣтельною по его системамъ, право, хорошо сдѣлаетъ. Въ этомъ будущемъ письмѣ я укажу вамъ на вторую часть увража его, гдѣ семейный бытъ такъ прекрасно опредѣляется, какъ домоводство, ключничество и скопидомство, гдѣ еще приложено нѣчто въ родѣ математической таблицы для особъ обоего пола, съ обозначеніемъ, въ какой возрастъ и какою любовью любится имъ слѣдуетъ, гдѣ еще, именно по этой природной глухотѣ къ біенію жизни, не понято значеніе искусства и артистъ названъ развратителемъ общества! Тогда же обращу я ваше вниманіе на замѣчательный фактъ, недавно мною слышанный: говорятъ, что Прудонъ и Жоржъ Зандъ, при взаимномъ уваженіи, терпѣть другъ друга не могутъ. Какъ это понятно! Наконецъ, я заключу письмо мое указаніемъ на «Лукрецію Флоріани», этотъ перлъ романовъ Жоржъ Занда, въ которомъ не знаю чему болѣе удивляться—широтѣ ли кисти, глубинѣ ли характеровъ, мастерству ли разсказа...

Въ полемикѣ, возбужденной рѣшеніемъ Сорбоннскаго факультета наукъ, было уже нѣсколько любопытныхъ случаевъ. Прилагаю здѣсь одинъ. Министръ предоставилъ самому факультету обсудить предложеніе и подать ему рапортъ подробный, что̀ и было выполнено. Журналы тотчасъ же объявили, что рапортъ этотъ составленъ г. Дюма и фальшиво имъ выдается за мнѣніе самого факультета. Три члена послѣдняго протестовали противъ несправедливаго утвержде-

нія, и въ числѣ ихъ свѣжая знаменитость, г. Леверрье. Вы знаете, съ какимъ тріумфомъ поднятъ онъ былъ на щитахъ за открытіе планеты. Награды, похвалы и даже стихотворенія посыпались на него дождемъ. Меня немножко посмѣшило, что при исчисленіи первыхъ помѣчено было и позволеніе содержать табачную лавочку, данное сестрѣ его; но я пересталъ смѣяться, когда вспомнилъ народное происхожденіе почти всѣхъ здѣшнихъ ученыхъ и бѣдность, съ какою боролись ихъ семейства въ началѣ. Итакъ, теперь наступила для Леверрье минута пережить другую сторону предмета: началось разложеніе его репутаціи. Извѣстно, какъ это дѣлается: міру, удивленному громкою славой, показываютъ тѣ дудки, которыя служили для произведенія звука, и работниковъ, нанятыхъ сообщать имъ воздухъ изъ собственныхъ легкихъ. Это больно со стороны, но вмѣстѣ благодѣтельно. Человѣкъ перегораетъ въ огнѣ полемики и выходитъ именно только тѣмъ, чѣмъ создала его природа. Отъ души можно поздравить Леверрье, что гоненіе началось такъ рано. Оно какъ оспа: чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Остальное въ Collège и въ Сорбоннѣ по старому: тѣ же профессоры, то же направленіе, хотя многіе изъ нихъ выбрали новые предметы. По мѣрѣ того, какъ съ теченіемъ зимы всѣ они будутъ яснѣе опредѣляться, я буду сообщать вамъ извѣстія. Внѣ круга оффиціальныхъ преподаваній замѣчательны три курса: Огюста Конта—о положительной философіи, Араго—популярной астрономіи въ обсерваторіи, и Рауль-Рошета—исторіи древнихъ архитектуръ по оставшимся памятникамъ въ королевской библіотекѣ.

Возвращаюсь опять къ университетскому вопросу, съ которымъ не могу разстаться: такъ онъ мнѣ кажется важенъ, а главное такъ живо затронулъ онъ здѣсь всю литературную часть публики. «Journal des Débats» еще съ преобразованія университетскаго совѣта сохраняетъ въ отношеніи къ Сальванди—вы знаете—нѣкотораго рода оскорбительный тонъ недовѣрія. Ожидали отъ него сопротивленія новой мѣрѣ — и не ошиблись. Еще за долго до появленія рапорта г. Дюма посѣтители Collège de France были нѣ-

сколько изумлены вступительною лекціей Сенъ-Маркъ-Жирардена, одного изъ главныхъ редакторовъ журнала, какъ извѣстно. Предметъ, имъ выбранный на нынѣшній годъ,—литература XVIII столѣтія, подалъ ему случай горько посѣтовать на матеріальное направленіе нашего вѣка, въ которомъ можетъ погибнуть—говоритъ онъ—духовное наслѣдство отцовъ французскихъ. «Промышленность дѣло полезное», внушалъ онъ намъ;—«согласенъ даже, что результаты ея достигаютъ иногда поэтическаго эфекта, но когда мысль всего общества устремлена единственно на промышленность, я принужденъ сказать: есть опасность!» Слушатели были приведены въ умиленіе, чему, вѣроятно, особенно способствовало воспоминаніе объ акціяхъ желѣзныхъ дорогъ, полученныхъ журналомъ «des Débats» отъ компаній. Вслѣдъ за Жирарденомъ и Филаретъ Шаль открылъ свой курсъ сѣверныхъ литературъ. Вступительная лекція этого второго редактора была еще смѣлѣе. Онъ просто объявилъ, что все современное поколѣніе Франціи представляетъ ужасное зрѣлище духовной немощи, подавлено мелочными интересами, но что близко время, когда молодежь, погрязшая теперь въ легкихъ и часто неблагородныхъ удовольствіяхъ, очнется, пробужденная опасностью, какая угрожаетъ основнымъ идеямъ отечества... И тотъ, и другой профессоръ были правы; но согласитесь, что сходство этихъ причинъ съ истинами, преслѣдуемыми самимъ журналомъ, въ которомъ эти профессора участвуютъ, могло произвести нѣкоторое замѣшательство въ умахъ. Все объяснилось строгою статьей «des Débats» касательно мѣры. Они («Les Débats») провѣдали именно, что, кромѣ своего офиціальнаго смысла, мѣра еще имѣетъ затаенный смыслъ—отнять непомѣрную важность, данную въ народномъ образованіи латинскому и греческому языкамъ. Это посягательство на основное качество литератора должно было соединить пишущую часть публики всѣхъ цвѣтовъ, и дѣйствительно, въ эту минуту совѣтъ университетскій имѣетъ пріятный случай наблюдать, въ какой формѣ выражается одно и то же осужденіе у разныхъ лицъ, смотря по ихъ темпераментамъ и любимому чтенію каждаго.

Одна «La Presse» дѣлаетъ исключеніе... Я всегда удивлялся способности этой газеты, стоя на одной ногѣ съ «Débats», говорить всегда наперекоръ имъ. Этимъ она выражаетъ свое стремленіе къ успѣху, который впрочемъ должно понимать не иначе, какъ успѣхъ въ подписчикахъ. Къ этой потребности противорѣчія слѣдуетъ отнести и то, что она открыла по вопросу о свободѣ торговли колонны свои г. Видалю, который равно безпристрастно называетъ слѣпцами и pro-таможенниковъ, и contra-таможенниковъ, а говоритъ объ организаціи государственнаго обмѣна, условливающей просвѣтленное позволеніе и таковое же запрещеніе. Мнѣ не нравятся эти обоюдоострыя статьи, порожденныя заразительнымъ примѣромъ Прудона и, какъ у всѣхъ подражателей сильнаго образца, лишенныя настоящаго значенія; но это въ сторону. Одобреніе «La Presse» не спасаетъ университетской мѣры, которая подъ всемогущимъ осужденіемъ, а главное, подъ могущественнымъ veto «Journal des Débats», вѣроятно, бѣдняга, и зачахнетъ. «Такъ изъ чего же было занимать меня этимъ вздоромъ, и еще во время карнавала?» можете вы сказать весьма основательно. А я вамъ отвѣчу съ наглостью, всегда приходящею по мѣрѣ писанія и развитія предмета на бумагѣ, что весь проектъ имѣетъ для меня особенное значеніе. Онъ мнѣ кажется симптомомъ сознанія, пробуждающагося въ самой Франціи, касательно разъединенія, существующаго здѣсь между потребностями общества и офиціальнымъ преподаваніемъ. Я исключаю точныя науки и говорю только о нравственныхъ, философскихъ и историческихъ. Идеи, которыя кружатся въ народѣ, ничего не имѣютъ общаго съ Сорбонной. Каждый трудъ, немного дѣльный, находится въ явномъ противорѣчіи съ каѳедрой. Collège de France, установленная съ цѣлію выражать частное воззрѣніе, личный опытъ, упала до совершеннаго произвола въ назначеніи лекцій, въ предметахъ ихъ и въ способѣ изложенія. Франція думаетъ, судитъ, открываетъ совершенно помимо касты своихъ наставниковъ, которые, наконецъ, потеряли способность и понимать ее. Мудрено ли, что борьба между

духовными нуждами общества и стоячестью офиціальной науки проявляется то посредствомъ учено-религіознаго вопроса, какъ прежде, то посредствомъ учено-индустріальнаго вопроса, какъ теперь? Я люблю подчиняться всеобщему приговору и, не смотря на блескъ послѣдней мѣры, сначала ослѣпившей меня, уступаю голосамъ, которые находятъ въ ней опасность для нравственнаго вліянія государства... Имъ, конечно, лучше знать настоящее его величіе, чѣмъ иностранцу, хотя бы онъ и принадлежалъ къ числу друзей вашихъ; но соглашаясь, что проектъ, можетъ быть, не зрѣлъ, для меня остается еще убѣжденіе, что онъ выведетъ за собою другой, полнѣе. Нельзя же, чтобъ въ обществѣ, особенно отличающемся стремленіемъ къ единству матеріальной и духовной централизаціи, воспитаніе и жизнь шли рядомъ, не заботясь другъ о другѣ, какъ въ азіатскихъ городахъ турка, данный въ провожатые нѣмецкому археологу...

Изъ новыхъ публикацій замѣчательны особенно, вопервыхъ: «Histoire de la domination romaine en Judée» par S. Salvador, двѣ части. Кромѣ увлекательной занимательности разсказа о всей политикѣ римской въ Сиріи и Палестинѣ, яркой картины разнородныхъ партій, существовавшихъ въ Азіи съ Помпея до Тита, и поясненія многихъ событій туземными нравами, книга эта еще развиваетъ героическую сторону въ характерѣ еврейскаго народа, забытую теперь почти совсѣмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она доказываетъ упорство еврейской мысли, сохраняющейся даже нынѣ въ самыхъ образованныхъ людяхъ этой націи, такъ что воззрѣніе Сальвадора въ 1846 году на исторію іудеевъ можно легко связать съ понятіями о ней санхедрина временъ послѣднихъ Маккавеевъ. Обращаю вниманіе ваше на эту книгу, которая, вмѣстѣ съ «Филиппомъ II и Перецемъ» Минье и съ посмертнымъ изданіемъ: «Histoire de la poésie provencale» Форіеля, составляетъ вѣнокъ историческихъ произведеній французской школы, появившихся въ этомъ году. Не мѣшаетъ вамъ знать, если еще не знаете, что Дидо издаетъ въ дешевомъ изданіи двѣнадцать томовъ «Bibliothèque

des mémoires relatifs au XVIII siècle», которая начнется съ послѣднихъ годовъ Людовика XIV строгимъ выборомъ любопытнѣйшихъ достовѣрныхъ записокъ, какъ-то г-жи du Hausset, барона de Bésenval и проч., а окончится на временахъ терроризма записками госпожи Роланъ и другими. Уже серія этихъ записокъ открылась мемуарами m-me Delaunay, горничной дѣвушки герцогини Менской, въ которыхъ Сентъ-Бевъ отыскалъ такъ много тайной грусти, недовольства своимъ положеніемъ и разочарованія! Вообще, съ годами способность Сентъ-Бева къ анализу едва замѣтныхъ оттѣнковъ въ характерѣ, любовь его къ утонченному проявленію чувства и мысли, списхожденіе ко всѣмъ болѣзненнымъ или разслабленнымъ организаціямъ чрезвычайно усилились. Примѣръ—его статья о Теокритѣ, помѣщенная въ «Journal des Débats». Это переноситъ меня къ другому, не менѣе замѣчательному критику, Филарету Шалю. Изъ своихъ лекцій, изъ статей, разбросанныхъ по обозрѣніямъ, выдалъ онъ четыре тома (дешеваго изданія) «Le dix-huitième siècle en Angleterre», «Études sur l'Antiquité» и прочее и обѣщаетъ еще продолженіе. Это—чтеніе самое разнообразное, въ основаніи котораго положена бездна эрудиціи, безпрестанно васъ обманывающей и оставляющей только въ раздраженіи любознательность чтеца. Всякая мысль у него покидается тотчасъ, какъ показалась новая сторона предмета, мелькнетъ и пропадетъ, плодотворное объясненіе вдругъ останавливается посереди дороги; это даже обидно. Такъ и кажется, что онъ спѣшитъ приколоть идею въ томъ видѣ, какъ она блеснула въ головѣ изъ сознанія неспособности своей обработать ее. Это мнѣ объясняетъ врожденное отвращеніе Шаля къ системѣ и методѣ, проповѣдуемое имъ и съ каѳедры. Не могу умолчать о маленькой книжкѣ Александра Вейля «La guerre des paysans», которая очень бѣгло разсказываетъ страшную драму, грозившую поглотить реформу Лютера, но основныя черты которой собраны здѣсь въ ихъ послѣдовательности и во всей ихъ дикой энергіи. Вотъ реестръ изданій, обратившихъ здѣсь въ послѣднее время особенное вниманіе.

Еще одно слово: знаете ли вы статью де-Молена («Journal des Débats» 17-го ноября) о Пушкинѣ по поводу перевода его поэмъ и нѣкоторыхъ стихотвореній господиномъ Dupont? Вообразите же: онъ судитъ о немъ съ политической точки зрѣнія вмѣсто художественной и эстетической, какъ бы другой сдѣлалъ, и находитъ крайнее ребячество тамъ, гдѣ каждому русскому слышится глубокое слово! Такъ тяжело еще понимать насъ иностранцамъ! Вотъ еще черта любопытная: де-Моленъ проходитъ безъ вниманія мимо «Бориса Годунова», мимо «Донъ-Хуана» и останавливается съ любовью и умиленіемъ передъ «Евгеніемъ Онѣгинымъ»!..

III.

Февраль 1847 года.

Можетъ быть, не совсѣмъ скучно будетъ вамъ пересмотрѣть всѣ лучшія произведенія здѣшнихъ театровъ. Каждый изъ нихъ приготовилъ, какъ это обыкновенно бываетъ, свою капитальную пьесу къ зимѣ, и какъ всѣ эти пьесы теперь уже на лицо, то по нимъ можно судить вполнѣ о драматическомъ движеніи во Франціи. Признаться сказать, для меня онѣ имѣли еще другую занимательность, именно какъ вопросъ: чѣмъ занята общественная мысль; но это я оставляю про себя и отъ души позволяю вамъ думать, что всякая театральная пьеса сдѣлана для того, чтобъ быть театральною пьесой, а совсѣмъ не вопросомъ, который только въ слѣдственномъ дѣлѣ бываетъ у мѣста. Начинаю съ «Роберта Брюса», французской оперы. Вамъ, вѣроятно, уже извѣстенъ неслыханный поступокъ г-жи Штольцъ при первомъ представленіи. Въ слѣдующія представленія было мертвое молчаніе со стороны публики, безчисленныя фальшивыя ноты со стороны г-жи Штольцъ, и такъ идетъ до дня сего ради всеобщаго желанія не остановить представленій. Никто не предполагалъ, что по части скандальезныхъ происшествій будетъ въ нынѣшнюю зиму нѣчто получше. Процессъ Александра Дюма съ журналами «Constitutionnel» и «Presse», вѣроятно, также уже извѣстенъ вамъ. Я говорить о немъ не стану; за-

мѣчу только, что въ рѣчи Дюма каждая фраза была гасконада, каждая мысль—нелѣпая претензія, и каждое слово—уморительное самохвальство. Это — Хлестаковъ въ самомъ крайнемъ, колоссальномъ своемъ развитіи... Но возвратимся къ пьесѣ. Не смотря на восхитительныя мелодіи перваго акта, на превосходный финалъ второго (третій очень слабъ и въ половину наполненъ балетомъ), эта опера Россини рѣшительно не имѣетъ никакого характера, не оставляетъ по себѣ никакого образа и до того лишена основной идеи, что до сихъ поръ публика не знаетъ, принять ли ее за шутку, или за серьезное произведеніе болонскаго маэстро. Такъ всегда бываетъ съ пьесами, составленными изъ разныхъ постороннихъ клочковъ, хотя бы каждый отдѣльно изъ нихъ и былъ превосходенъ. При этомъ случаѣ слѣдуетъ упомянуть объ удивительной обстановкѣ, которая въ соединеніи съ превосходнымъ хоромъ произвела во второмъ актѣ (финалъ) сцену, постоянно электризующую публику. При перемѣнѣ декораціи открывается ущелье въ шотландскихъ горахъ, покрытыхъ войскомъ, ожидающимъ прибытія короля Роберта (Баруале). Рядъ бардовъ длиннымъ строемъ приближается къ авансценѣ съ арфами въ рукахъ и начинаетъ военный гимнъ, который прерывается маршемъ короля Роберта, появляющагося со своею свитой. Тогда маршъ и гимнъ соединяются въ одно цѣлое поразительнаго величія, и ему отвѣчаютъ съ горъ восторженные клики войска, колебаніе знаменъ и щитовъ. Въ это же время публика всего театра подымается, и крики энтузіазма изъ партера смѣшиваются съ послѣдними нотами хора. На этотъ откликъ настоящаго народа, сохраняющаго еще до сихъ поръ воинственную черту въ характерѣ, Россини, конечно, не разсчитывалъ, но именно это невольное движеніе и довершаетъ полный эфектъ, начатый на сценѣ. Кстати, я видѣлъ одного нѣмца, который нисколько не былъ увлеченъ имъ, потому что—говоритъ—въ XIV столѣтіи не было бардовъ въ Шотландіи. Слова эти мнѣ доказали еще разъ всю пользу строгаго ученаго образованія. Нѣчто подобное, касательно энтузіазма, происходитъ при нѣкоторыхъ частяхъ новой симфоніи Берліоза:

«La Damnation de Faust», особенно при такъ-называемомъ венгерскомъ маршѣ, послѣдніе темпы котораго всегда заглушаются френетическими рукоплесканіями. Что касается до цѣлаго, то оно уже страдаетъ не отъ разорванности, а напротивъ, отъ вычурности. Я убѣжденъ, что въ Россіи только прачка, которая на плоту крутитъ бѣлье, выжимая изъ него воду, можетъ имѣть понятіе о творческомъ процессѣ, свойственномъ Берліозу. Между Берліозомъ и Викторомъ Гюго есть, по моему мнѣнію, сильное духовное родство, хотя первый, какъ талантъ, выше второго. Оба страдаютъ жаждой новости, образовъ внѣ исторической и просто психологической повѣрки и геніальность полагаютъ въ томъ, чтобы произвести человѣка или идею, которые не имѣли бы ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ ничего общаго. Какъ это любезно! Родъ человѣческій за таковую къ нему продерзость обыкновенно отомщаетъ помраченіемъ головы неучтивца. Трагедіи Виктора Гюго свидѣтельствуютъ это, и Берліозъ былъ тѣмъ же наказанъ. Въ своемъ либретто «Фауста» онъ приводитъ хоръ подземныхъ духовъ и заставляетъ ихъ пѣть слѣдующій куплетъ, замѣтивъ сперва въ выноскѣ, что, по увѣренію Сведенборга, это настоящій языкъ чертей:

Tradioun marexil Trudinxe burrudixe,
Fory my dinkorlitz Hor meak omévixe!
Urakaiké!
Murakaiké!

и проч. и проч. Онъ перелагаетъ потомъ этотъ прекрасный діалектъ, ни мало не уступающій языку, какимъ у насъ пишутся нѣкоторыя драматическія фантазіи, на соотвѣтственную ему музыку, и дѣйствительно, выходитъ чертовщина совершенная, да только многіе сомнѣваются, можетъ ли такая гадкая поэзія существовать гдѣ-нибудь, даже въ преисподней. Ее бы со всякаго театра согнали. Не смотря на всѣ эти недоразумѣнія, есть чудные проблески въ этой симфоніи, мотивы несомнѣнной свѣжести и оригинальности, увлекательные по выраженію легкости и игривости хоры, какъ, напримѣръ, хоръ сильфовъ и гномовъ во второй части. Поэтому выходишь изъ концерта въ томъ запутанномъ состояніи души,

въ какомъ долженъ былъ находиться извѣстный античный герой, когда, нѣжно поцѣловавъ дѣтей своихъ, онъ отправилъ ихъ на казнь. Я думаю, не безъ разсчета также выбралъ Берліозъ и театръ оперы Comique для исполненія своей симфоніи и драмы. Софистическому уму его, вѣроятно, улыбнулась противоположность огласить стѣны этого театра, посвященнаго шутливой и граціозной музыкѣ, — сильнымъ и могущественнымъ произведеніемъ.

Въ теченіе зимы опера Comique дала четыре оперы новыхъ композиторовъ, и всякій разъ, сидя въ ея покойныхъ креслахъ, окруженный старыми и юными щеголями, предавался я удовольствію слѣдовать безсмысленно за звуками, прислушиваться къ нужнымъ переливамъ оркестра, къ томному романсу, къ веселой пѣсенкѣ и благодарить за всякую фразу, лелѣющую ухо. Вы, можетъ быть, нѣсколько усумнитесь въ возможности наслаждаться только чертами, только линіями, только звуками безъ образа и съ едва видимымъ содержаніемъ? Но послушали бы вы только здѣсь «Gibby la cornemuse» господина Клаписсона, съ г. Роже и госпожею Делиль, и новую «Ne touchez pas à la reine» господина Буассело, исполненную г. Одраномъ и госпожею Лавуа! Да что̀ это я такъ умѣренно говорю? Я, какъ Марія Стюартъ у Шиллера, имѣю право сказать: «Святая осторожность, лети на небеса!» Знаете ли вы похвальную рѣчь покойному Ройе-Коллару, произнесенную господиномъ Ремюза въ академіи? Что̀ такое Ройе-Колларъ! Человѣкъ, всю жизнь колебавшійся между двумя направленіями, измѣнившій добросовѣстно имъ обоимъ и, наконецъ, отыскавшій способъ привести въ теорію собственное безсиліе, что̀ и сдѣлало его патріархомъ позднѣйшихъ доктринеровъ. Всѣ были увѣрены, что сказать настоящее похвальное слово Ройе-Коллару нѣтъ никакой возможности, и однакожь, послѣ рѣчи Ремюза Парижъ цѣлую недѣлю только и бредилъ ею! Отъ чего же Парижъ цѣлую недѣлю бредилъ ею? Ради фразы, звука и оборота, словомъ, ради только формы ея. Дѣйствительно, это chef-d'oeuvre французскаго языка въ XIX столѣтіи. Гибкость, тонина выраженія, остроумная умѣренность каждой

мысли, мѣткость каждаго слова, ясный, но не совсѣмъ выговоренный намекъ, всѣ качества, къ какимъ только способенъ французскій языкъ, приведены тутъ были въ дѣло авторомъ «Абеляра» и увлекли меня вмѣстѣ со всѣмъ читающимъ міромъ. Надѣюсь, что этого оправданія достаточно, а если все еще совѣсть у васъ неспокойна, я, пожалуй, приведу въ оправданіе и цѣлый народъ. Возьмите италіанцевъ, которые до дня сего мастерство сказать что-нибудь поставляли конечною цѣлью литературы и весьма мало обращали вниманія на то, что̀ сказано. Прекрасный народъ, одинъ изъ всѣхъ европейскихъ народовъ, который можетъ придти въ восторгъ отъ сцѣпленія, паденія, интонаціи словъ! Правда, теперь начинается реакція, благодаря неугомонному Біанки-Жіовини, исторической драмѣ, открытой Ревере, и нынѣшнимъ сардинскимъ брошюрамъ: погибель краснаго слова видимо приближается, исполняя ротъ мой прахомъ огорченія.

Это само собою переноситъ меня къ здѣшнему Италіанскому театру и къ Верди, который тоже принадлежитъ, въ сферѣ музыки, къ семьѣ вышеупомянутыхъ нововводителей. Опера его «I due Foscari» имѣла здѣсь успѣхъ колоссальный. Колетти въ роли стараго дожа, Гризи въ роли молодой Фоскари были превосходны. Публика парижская смотрѣла если не другъ на друга, что̀ было бы грамматически неправильно, то по крайней мѣрѣ внутрь себя и спрашивала: гдѣ же заунывныя andante, гдѣ фигурныя аллегро съ безчисленною гранью фіоритуръ? Въ andante слышалась твердая жалоба, аллегро противъ обыкновенія выражало упрекъ и иногда угрозу, а потомъ хоры необычайной энергіи, которая все ростетъ, ростетъ, какъ волна въ бурю... Жены богатыхъ мануфактуристовъ спрашиваютъ у мужей своихъ: «Что̀ такое сдѣлалось съ италіанскою музыкой? Ужь не завели ли тамъ обществъ свободнаго обмѣна?» Но будетъ о музыкѣ. Я и такъ, вѣрно, наговорилъ множество ересей, огню подлежащихъ, но вѣдь я и отречься готовъ, хоть сейчасъ: не упоренъ я.

Перехожу къ драматической литературѣ. Теперь вамъ уже извѣстно паденіе «Агнесы де-Мерани», г. Понсара,

на Одеонѣ. Печальнѣе этого зрѣлища трудно вообразить себѣ. На первое представленіе съѣхалась публика, рѣшившаяся заранѣе быть увлеченною во что бы то ни стало. Ложи были наполнены всѣми парижскими знаменитостями, не исключая Гизо, присутствіе котораго въ театрѣ какъ бы оправдывало весь запасъ восторга, предусмотрительно сдѣланный публикой на всякій случай. Въ продолженіе первыхъ актовъ чѣмъ болѣе ослабѣвалъ авторъ, тѣмъ благорасположеннѣе становилась къ нему публика. Она придиралась къ каждому стиху, нѣсколько удачному, къ каждому порыву актеровъ, тоже выходившихъ изъ себя ради соревнованія. Можно было наблюдать, какъ партеръ не вѣритъ собственной своей скукѣ и соблюдаетъ надъ собою родъ полиціи, отгоняя всѣ черныя мысли и все ожидая: вотъ появится настоящее чувство и вырвется страсть. Все напрасно. Переваливаясь съ ноги на ногу, шелъ авторъ къ пятому акту, разговаривая съ самимъ собою въ какомъ-то непонятномъ состояніи немощи и тупости. Въ пятомъ актѣ обезсиленная публика уже сохраняла мертвое молчаніе и разошлась, наконецъ, со всѣми признаками изумленія къ способности нѣкоторыхъ пьесъ падать неудержимо, противъ всѣхъ и всего. Да за то и пьеса же! Недостатки «Лукреціи», какъ-то: отутствіе жизни и наклонность къ резонерству, достигли чудовищныхъ размѣровъ во второй трагедіи Понсара. Каждое лицо съ начала до конца разсуждаетъ: кто — о важности папскаго запрещенія, кто—объ обязанностяхъ королевскаго сана, женщины—о любви, кавалеры—о благочиніи. Понсаръ способенъ заставить разсуждать ребенка о лучшей манерѣ извлеченія молока изъ материнскихъ сосцовъ,—вѣдь заставилъ же онъ въ пятомъ актѣ, при смерти отравившейся Агнесы, разсуждать папскаго монаха о томъ, подойти ли къ ней съ изъявленіемъ состраданія, или удержаться, умѣривъ оное! Чудно! Паденіе «Агнесы» нанесло ударъ такъ-называемой школѣ здраваго смысла, которая образовалась изъ академиковъ, избранныхъ, то-есть, неизвѣстныхъ литераторовъ и людей хорошаго тона. Школа эта, поставивъ Понсара во главѣ своей, хотѣла посредствомъ его противодѣй-

ствовать драматическимъ вольностямъ Гюго, Дюма и проч. Увы, послѣдствія доказали, что здравый смыслъ можетъ производить точно такія же нелѣпости, какъ и всякій другой смыслъ, и даже хуже—производить скучныя нелѣпости! На кого же надѣяться теперь и въ кого вѣровать, когда и самый здравый смыслъ можетъ такъ страшно падать? Въ отчаяніи своемъ и, вѣроятно, еще для того, чтобъ оправдать принятое ею названіе, школа эта черезъ одного изъ своихъ членовъ запретила всѣ пародіи «Агнесы» на другихъ театрахъ. Немного строго, а впрочемъ, въ нихъ дѣйствительно надобности нѣтъ.

Мнѣ пріятно при этомъ случаѣ замѣтить, что ласковая снисходительность, проявившаяся въ отношеніи «Агнесы», сдѣлалась, кажется, основною чертою здѣшней публики и распространяется не на одни сценическія представленія. Куда ни обращался я, вездѣ видѣлъ я вниманіе, безпристрастную оцѣнку, похвальный разборъ противорѣчащихъ мнѣній, съ отдачей каждому должнаго. Я исполняю обязанность друга, предостерегая васъ отъ нѣкоторыхъ иллюзій, всегда рождающихся, когда мы издали судимъ о народѣ по словамъ и актамъ людей передняго плана. Эти по необходимости должны быть горячи, странны, эфектны, запутанны, а публика, тоже по необходимости, можетъ хладнокровно разбирать, на сколько въ нихъ было жару, странности, эфектности и запутанности. Такимъ образомъ, всѣ свое дѣло дѣлаютъ, и отъ этого раздѣленія занятій рождаются тѣ несомнѣнные благіе плоды, какіе мы видимъ на глазахъ нашихъ: укорененіе существующей гражданской формы, занятіе болѣе собственными дѣлами, всеобщее спокойствіе. Есть люди, которые объясняютъ это ариѳметическое направленіе публики довольно коварно; говорятъ: она хладнокровна, потому что не вѣритъ ни въ себя, ни въ другихъ, а не вѣритъ этому, потому что занята иною, новою, неизвѣстною мыслью. Въ этомъ утѣшеніи, мнѣ кажется, есть много мечты, а также много безсилія. Мысль, которая никакъ не можетъ найти надлежащей формы для дѣйствительнаго, политическаго своего направленія, врядъ ли и

назваться такою можетъ. Она можетъ быть высокою думой для будущаго и походитъ на знатную даму, которая считаетъ неприличнымъ связываться съ настоящимъ ходомъ дѣлъ, но за то и весь міръ, съ достодолжнымъ уваженіемъ къ ея породѣ, проходитъ мимо безъ всякаго вниманія. Все это говорю я, чтобы спасти настоящую деликатную умѣренность публики отъ оскорбительныхъ подозрѣній и злой недовѣрчивости.

Въ циркѣ даютъ пьесу подъ названіемъ: «Revolution française». Она дурно составлена и по характеру театра занимается болѣе военною стороной эпохи. Вербовка волонтеровъ на Pont-Neuf, Дюмурье съ сотней фигурантовъ въ Бельгіи, двадцать или тридцать акробатовъ на лошадяхъ скачутъ по горамъ и рѣшаютъ дѣло подъ Цюрихомъ; перестрѣлка, барабанный бой, страшный дымъ, неистовая музыка и перемѣна декорацій съ краснымъ и голубымъ огнемъ: таково содержаніе пьесы. Со всѣмъ тѣмъ, раза два или три слышится извѣстная пѣсня, отъ которой такъ много страдала Франція; разъ показывается страшный комитетъ, въ которомъ говоритъ устроитель побѣдъ; разъ даже открывается само ужасное собраніе, и на каѳедрѣ стоитъ Дантонъ, декламируя отрывокъ изъ настоящей рѣчи, записанной «Монитеромъ», между тѣмъ какъ президентское кресло занимаетъ молодой человѣкъ, названный въ афишѣ Сенъ-Жюстомъ. Тутъ-то всякій человѣкъ, которому дороги успѣхи европейской цивилизаціи, съ удовольствіемъ могъ бы замѣтить, до какой степени притупились нѣкоторые звуки, обезсилѣли нѣкоторыя имена. Еще за семь лѣтъ нельзя было бы произнести и показать ихъ, а теперь весь энтузіазмъ публики сосредоточился на проявленіи военной доблести, чертъ самоотверженія и на жаждѣ славы и побѣдъ—вещахъ, лежащихъ въ основѣ народнаго характера и ничѣмъ не истребимыхъ. Это успѣхъ неимовѣрный, который я спѣшу вамъ передать. Въ доказательство, какъ одна идея военнаго достоинства поглотила въ народѣ, по моему мнѣнію, всѣ прочія, привожу достовѣрный анекдотъ. Содержатель театра платитъ въ вечеръ двадцать су больше фигурантамъ, изображаю-

щимъ иностранныя войска, за то, что они безпрестанно отступаютъ. Въ одномъ балетѣ крайняя необходимость требовала, чтобъ и французскіе гренадеры отступили, разумѣется, на бездѣлицу, шагъ назадъ, не болѣе,—безъ этого обойтись нельзя было: сдѣлался ропотъ между фигурантами; едва уговорили, да и то замѣтивъ, что это нужно для искусства, а въ дѣйствительности такой вещи съ сотворенія міра не было. Говорятъ, что и теперь, когда приходится дѣлать этотъ роковой шагъ назадъ, у многихъ изъ нихъ слезы на глазахъ выступаютъ; нѣкоторые бормочутъ: «Проклятое искусство!»... Смѣхъ, да и только.

Я отношу къ тому же счастливому направленію смотрѣть на страшный переворотъ, о которомъ идетъ здѣсь дѣло, какъ на прошедшее, подлежащее хладнокровному обсужденію, и появленіе большого количества исторій, имъ занимающихся. Книги эти уже не событія. Луи Блана волюмъ имѣетъ строгую критическую форму и ищетъ началъ переворота по разнымъ землямъ и у Гусса. Волюмъ Мишле держится на туземной почвѣ и написанъ съ жаромъ, который, можетъ быть, дастъ ему мгновенную популярность. Обѣщаютъ на дняхъ волюмъ Ламартина (о жирондистахъ), волюмъ Эскироса (о монтаньярахъ) и волюмъ Пожула, который, говорятъ, будетъ написанъ съ консервативной точки зрѣнія. Желательно было бы знать мнѣ, успѣлъ ли я передать вамъ этимъ долгимъ отступленіемъ мое понятіе о настроенности французской современной публики.

Въ Gymnase dramatique царитъ безраздѣльно несравненная Роза Шери, съ своею дѣвственною скромностію, съ задумчивою улыбкой, полною сдерживаемаго чувства, наконецъ во всегдашней своей борьбѣ между искушеніями паденія и сознаніемъ своего достоинства, которую передаетъ она такъ тонко и нѣжно. Нынѣшнюю зиму она почти совсѣмъ вытѣснила свой антиподъ, который, однакожь, служилъ ей какъ бы дополненіемъ и поясненіемъ, граціозно беззаботную и вызывающую на паденіе Дезирè. Боюсь я, чтобы по роду пьесъ, какія сталъ писать для Шери Скрибъ, всѣ ея качества не обратились бы въ манеру. Послѣ успѣха «Шарлоты

Гарло» только и есть что Брессанъ въ видѣ недостойнаго любовника, а Роза Шерй—въ видѣ дѣвушки, облагораживающей любовника силою чистой къ нему страсти.

Въ новой пьесѣ «Irène ou le magnétisme» любовникъ уже магнетизеръ, который хочетъ завладѣть дѣвушкой посредствомъ медицинскихъ своихъ качествъ и находитъ собственное спасеніе въ ея дѣвическихъ мечтахъ и стремленіяхъ. Разбирая эту пьесу, Жюль Жапенъ рекомендовалъ Скрибу написать ужь заодно водевиль изъ новооткрытаго дѣйствія эфира, который, какъ извѣстно, поражаетъ человѣка на нѣсколько минутъ совершенною безчувственностью. Дѣйствительно, комбинацій при этомъ случаѣ можетъ быть очень много, и даже моему уму, весьма мало драматическому, представляется нѣсколько крайне обольстительныхъ. Здѣсь у мѣста сказать, что это открытіе, взволновавши весь ученый міръ и нынѣ почти единогласно признанное (Мажанди сомнѣнія всѣ опровергнуты) однимъ изъ благодѣтельнѣйшихъ для человѣчества, встрѣчено было въ ученомъ фельетонѣ «National» сильными нападками, и опять изъ принципа закоснѣлой морали: вѣдь эфиръ есть, такъ сказать, аристократія водки,—то употребленіе безнравственнаго средства, какъ пособіе, не должно быть допущено. Право, выходитъ изъ этихъ статей, что лучше человѣчеству умирать въ мученіяхъ подъ ножомъ оператора, да только съ убѣжденіемъ, что во рту никогда хмѣльного не было. Если, съ одной стороны, отвратительное зрѣлище представляетъ презрѣніе къ своему достоинству, продажа себя и своихъ убѣжденій, то съ другой, и эта исключительность людей съ правилами возбуждаетъ жалость. Между тѣмъ я самъ, собственною особой, въ присутствіи одного изъ лучшихъ парижскихъ докторовъ, вдыхалъ эфиръ изъ красиваго сосуда съ трубочкой, похожаго на кальянъ, и думаю, вы не почтете меня за это чудовищемъ разврата. Дѣйствіе эфира на тѣхъ, которые достойны принять его (говорятъ, есть люди, сопротивляющіеся его вліянію, но для нихъ уже изобрѣтается новая крѣпчайшая химическая комбинація), большею частію мгновенно. Съ необычайною скоростію переноситъ онъ васъ къ самому высшему градусу опьяненія, минуя вдругъ всѣ

тѣ болѣе или менѣе скотскія ступени, по которымъ проходитъ обыкновенный винный хмѣль. Послѣ нѣсколькихъ глотковъ эфира, произведшихъ сперва во мнѣ перхоту, скоро однакожь отстраненную имъ самимъ, именно черезъ двѣ минуты, почувствовалъ я онѣмѣніе въ ногахъ, сильное біеніе сердца и пульса. Голова моя не закружилась, а помрачилась, обильный потъ выступилъ по всему тѣлу. Разница между вліяніями эфира и винныхъ паровъ состоитъ въ томъ, что первый не обезображиваетъ сознанія, а только отнимаетъ его; сходство, можетъ быть, состоитъ въ томъ, что послѣ перваго отвращенія наступаетъ родъ влеченія и неудержимой наклонности. Въ эфирѣ фактъ этотъ особенно замѣчается на женщинахъ и дѣвушкахъ. При сильныхъ вдыханіяхъ изъ проводника, со стиснутымъ особенными щипчиками носомъ и уже со всѣми форменными признаками сильнаго опьяненія, я видѣлъ ясно вокругъ себя и даже очень хорошо чувствовалъ, что еще пять или десять глотковъ погрузятъ меня непремѣнно въ сонъ, который и долженъ перейти въ совершенное оцѣпенѣніе. Въ это время докторъ, державшій все время пульсъ мой, снялъ щипчики съ моего носа и отодвинулъ инструментъ, не желая, вѣроятно, приводить меня понапрасну въ состояніе крота или, можетъ быть, боясь огорчить меня, лишивъ на нѣсколько мгновеній чувствительности, столь необходимой моему сердцу! Замѣчательно, что также скоро пропадаетъ обаяніе этихъ испареній, какъ быстро пришло оно. Два или три сильныхъ вздоха освободили меня совершенно отъ всего: остались только слабость во всѣхъ членахъ, легкое колотье у сердца, да и тѣ черезъ полчаса со всѣмъ пропали. Такъ вотъ такъ-то! Остальные театры не любопытны, исключая Théatre-Français съ его «Донъ-Хуаномъ» Мольера, окруженнымъ великолѣпнѣйшею обстановкой. Это геніальное въ первыхъ четырехъ актахъ своихъ произведеніе заслуживаетъ порядочнаго разговора, и о немъ когда-нибудь послѣ. Всѣ первые сюжеты театровъ Variétés и Vaudeville—Буффе, Арналь, Дежазе—были чувствительно обижены со стороны авторовъ и вращались въ роляхъ, какъ будто нарочно сдѣланныхъ для того, чтобъ закрыть ихъ до-

стоинства. Если случится на оборотъ, не премину увѣдомить. Театръ Porte Saint-Martin безъ Фредерика Леметра, который въ отпуску; Ambigu судорожно держится за свою доходную «Closerie des genêts», а Gaité далъ мелодраму Аписе Буржуа «Mystère du carnaval», гдѣ шутовство маскарада развивается рядомъ съ самымъ невозможнымъ преступленіемъ, такъ что масляница безпрестанно встрѣчается съ предчувствіемъ эшафота, производя этимъ уничтожающіе эфекты. Нѣсколько разъ слышался стонъ ужаса въ партерѣ. Впрочемъ, какъ же и легко надуть ужасомъ эту добрую публику, приходящую въ театръ съ добродушною готовностію благодарно принимать рѣшительно все, что̀ подастъ авторъ! Пустите, придравшись къ чему-нибудь, отца съ ножомъ на сына—будетъ ужасъ. Держите этотъ ужасъ часокъ времени на одномъ мѣстѣ, потомъ растворите заднія двери на сценѣ и велите крикнуть первому встрѣчному и безъ всякой причины: «Сынъ, защищайся: это не отецъ твой!» будетъ радость и шумный аплодисментъ. Такъ великій знатокъ человѣческаго сердца Анисе Буржуа и сдѣлалъ. Гораздо хуже, что прогулка масляничнаго быка не удалась: оба дня шелъ проливной дождь. Сердце разрывалось отъ горести при видѣ этого почтеннаго быка съ золотыми рогами, предшествуемаго рыцарями, мушкатерами и жертвоприносителями, сопровождаемаго колесницей боговъ, богинь, геніевъ и обливаемаго дождемъ! Онъ походилъ на профессора, говорящаго рѣчь при погребеніи въ дурную погоду. Вечеромъ послѣдняго дня масляницы, mardi gras, самъ «президентъ» изъ драмы «Коварство и Любовь» пролилъ бы слезы при зрѣлищѣ, какое представляли мокрые бульвары. Тутъ гремѣли три бала, свѣтъ былъ отъ плошекъ и газовыхъ этажерокъ, а на тротуарахъ кричали замаскированныя гризетки, придерживая одною рукой широкія мужскія свои шальвары, а другою несчастный зонтъ, выбиваемый вѣтромъ. Нѣкоторымъ подавалъ я руку, и онѣ позволяли вести себя куда угодно: такъ справедливо, что горе умягчаетъ сердце человѣка! Прощайте...

IV.

16-го марта новаго стиля 1847 года.

...Вы требуете отъ меня новостей? Новости есть, да все газетныя. Конечно, въ новостяхъ этого рода самое любопытное—комментаріи. Отъ иногородныхъ скрывается множество подробностей и намековъ, ясныхъ только на мѣстѣ самыхъ происшествій, но при передачѣ ихъ является двойная невыгода: то переговоришь, то не договоришь. Корреспондентъ находится въ положеніи того сказочнаго героя, который на распутьи двухъ дорогъ увидѣлъ надпись: «Пойдешь направо—голову сломишь, пойдешь налѣво — головы не сломишь, да волкъ съѣстъ». Вотъ, напримѣръ, недѣли двѣ или три Парижъ былъ взволнованъ ссорой двухъ знаменитыхъ особъ, кончившеюся на дняхъ радушнымъ примиреніемъ. Сколько страстей, ожиданій и гипотезъ породила эта размолвка! Я наблюдалъ за нею единственно съ литературной точки зрѣнія. Такъ какъ одна изъ тяжущихся сторонъ занималась прежде исторіей, а другая обработывала съ успѣхомъ романъ, то любопытно было мнѣ видѣть столкновеніе этихъ двухъ отраслей цивилизаціи, возбуждавшихъ такія сильныя пренія на нашей памяти, въ эпоху появленія Вальтера Скотта. И со всѣмъ тѣмъ, никакъ не могу сообщить вамъ результата прилежныхъ изученій моихъ изъ опасенія оскорбить который-нибудь изъ этихъ двухъ великихъ литературныхъ родовъ или, что̀ еще хуже, оба ихъ вмѣстѣ. Пропадай же всѣ комментаріи!

Такъ какъ дѣло идетъ о ссорахъ, сообщу вамъ и другія, хотя и не столь важнаго, ученаго значенія, какъ та, о которой я говорилъ. Послѣ уморительнаго процесса Александра Дюма, въ которомъ, какъ вы знаете, произнесъ онъ на самого себя ядовитѣйшій пасквиль, достойный того, чтобъ автора посадили въ тюрьму за диффамацію себя,—явился процессъ Евгенія Сю. Изъ этого процесса Европа узнала, что волюмъ Сю цѣнился послѣ «Парижскихъ таинствъ» въ 10,000 франковъ; да это не бѣда, а вотъ бѣда: «Constitutionnel» и за третій, уже нестерпимо скучный романъ Евгенію Сю заплатилъ ту

же сумму, да еще книгопродавецъ подкинулъ тысячъ 30 за право изданія, и оба къ ужасу увидѣли, что сочиненьице-то плоховато изъ рукъ вонъ. Отсюда гнѣвъ и придирочный процессъ съ цѣлью освободиться отъ тягостныхъ условій, которыя судъ, вѣроятно, удержитъ въ поученіе своимъ и иностраннымъ покупателямъ невещественныхъ богатствъ сомнительнаго достоинства. Вторая ссора достигаетъ пропорцій поэтическихъ и связывается съ уничтоженіемъ журнала «Эпоха». Улиссъ спекуляцій, достойный такой же многозвучной статьи, какую Гоголь написалъ про настоящаго Улисса, г. Эмиль Жирарденъ купилъ у послѣдняго владѣльца «Эпохи» эту газету, перенесъ ея станки къ себѣ и всѣхъ ея подписчиковъ присоединилъ къ своему журналу. Редакторы ужаснулись, дня два еще издавали газету и, наконецъ, бросили. Пошла путаница неимовѣрная: процессъ акціонеровъ газеты съ директоромъ, продавшимъ ее,—господина Жирардена съ редакторами, бранившими его за эту покупку,—редакторовъ съ директорами, господиномъ Жирарденомъ и акціонерами,—поставщиковъ бумаги и другихъ матеріаловъ со всѣми ими вдругъ и прочее. Вся эта масса процессовъ разрѣшилась тѣмъ, что «Эпоха» окончательно поглощена журналомъ Жирардена, подписчики ея получаютъ «Presse», а редакторы ея выброшены на мостовую... Вѣдь это ужъ не просто спекуляція, а какое-то вдохновеніе. Что за человѣкъ господинъ Эмиль Жирарденъ, что за человѣкъ! Для него ужъ почти нѣтъ невозможностей, и я только прошу судьбу, чтобъ когда-нибудь не пришло ему въ голову объявить «Современникъ» своею собственностью. Послѣ пяти, шести словъ, вы, гг. издатели «Современника», сами сознаетесь, что ошибались въ своихъ правахъ на изданіе, и собственноручно вручите ему ключи отъ вашего бюро. Пропускаю нѣсколько другихъ ссоръ, еще меньшаго достоинства, и перехожу прямо къ такой, которая по своей важности требуетъ непремѣнно, чтобъ я началъ разсказъ о ней съ красной строки.

Преніе между пророками свободнаго обмѣна и мануфактуристами перешло теперь на другую почву и сдѣлалось

преніемъ между экономами и соціальною школой. Этого и должно было ожидать; но никто не ожидалъ, чтобъ оно приняло такой жаркій полемическій тонъ. Мнѣнія двухъ сторонъ выступили съ озлобленностью и ожесточеніемъ, поразившими многихъ и убѣдительно доказавшими теперь, что въ сущности вопросы эти связаны съ политическими вѣрованіями обѣихъ партій. Теоріи никогда не выражались такъ крупно. Г. Видаль въ «Presse», журналъ «Démocratie pacifique» и Луи Бланъ въ послѣдней своей книгѣ («Исторія французской революціи») сильно и энергически, тономъ крайняго негодованія возстаютъ противъ положеній экономической школы. Разумѣется, вы не ждете отъ меня разбора ихъ упрековъ и крѣпкаго отпора противниковъ, пишущихъ въ своемъ журналѣ: «Le libre échange» и въ «Débats»; но я не могу воздержаться отъ одного замѣчанія, показывающаго, какъ время объясняетъ всѣ положенія и ставитъ каждую шашку на свое мѣсто. Неисчерпаемымъ источникомъ ожесточенныхъ нападокъ на теорію обмѣнщиковъ служитъ предположеніе, что эта теорія снимаетъ спасительную узду съ отдѣльныхъ личностей, подмываетъ права государства, развязываетъ руки и пускаетъ каждаго на борьбу со всѣми. Партизаны свободнаго обмѣна отбиваются отъ предположенія всѣми силами, не убѣждая нисколько соціальныхъ и демократическихъ своихъ противниковъ и даже частенько доставляя имъ новое оружіе оговорками и полудоводами своими. Недавно, напримѣръ, Видаль разборомъ ихъ возраженій приведенъ былъ къ заключенію, что государство воспитываетъ подъ покровомъ своимъ истинныхъ враговъ своихъ и гонитъ въ лицѣ соціальной партіи идею, которая одна стоитъ за несомнѣнныя права его. Кто бы подумалъ это? «Démocratie pacifique» пошла еще далѣе. Она смѣло объявила, что презрѣніе, какое связывается со словами «государственная монополія» (monopole de l'état), происходитъ отъ путаницы понятій, порожденныхъ консервативными анархистами, нынѣ уже смѣло подымающими головы. Сама фраза «государственная монополія», ими выдуманная, представляетъ безсмыслицу: монополія можетъ принадлежать одному

лицу, а не государству, то-есть, всему обществу. Основывая на этомъ табачную монополію, существующую во Франціи, демократія представляетъ ее за образецъ, по которому должны устроиться многія другія монополіи для блага государства и между прочимъ важный нынѣшній вопросъ, соляная монополія, которую она и призываетъ всѣми силами своими. Не приходитъ ли вамъ въ голову, что это кадриль, гдѣ въ извѣстное время всѣ лица переставились, перешли съ мѣста на мѣсто? Дальнѣйшая разработка времени окончательно укажетъ имъ настоящіе углы и установитъ приговоръ о нихъ, который теперь всегда отзовется колебаніемъ, существующимъ въ самой жизни.

Въ заключеніе скажу вамъ слова два о маленькихъ журналахъ, издаваемыхъ работниками. «L'Union» уже не существуетъ: это неудивительно. Онъ былъ такъ безцвѣтенъ, и такъ много разнородныхъ мнѣній существовало въ его редакціи, что паденіе его можно было предвидѣть напередъ. Два другихъ журнала: «L'Atelier», католическо-либеральный, и «La Fraternité», религіозно - общинный, здравствуютъ. Любопытно, что въ дѣлѣ обмѣнщиковъ оба они почти одними словами выразили свое отвращеніе отъ новой теоріи, называя ее только домогательствомъ капитала, а всю распрю — междоусобною войной денежныхъ людей, и не предвидя отъ нея ни малѣйшаго облегченія въ участи работника, плата которому, при всѣхъ возможныхъ измѣненіяхъ тарифа, все-таки будетъ слѣдовать за цѣной хлѣба и падать вмѣстѣ съ нею. Голосъ ихъ въ этомъ движеніи немаловаженъ и сообщаетъ вопросу полноту, необходимую для правильнаго и совершеннаго ея разрѣшенія, которое, впрочемъ, еще не скоро предвидится. Еще есть время, слава Богу, отравиться мерзѣйшими сигарами во Франціи, выносить паръ сотню вонючихъ сапоговъ въ Германіи и за банку хорошей помады въ Италіи заплатить то, что̀ сто̀итъ въ Россіи паекъ денщика!..

Мишлѐ, при оглушающихъ рукоплесканіяхъ, читаетъ въ Институтѣ своимъ задумчивымъ, прерывающимся голосомъ комментарій на собственную послѣднюю книгу, въ кото-

ромъ уничтожаетъ всѣхъ почти дѣйствователей переворота восемьдесять-девятаго и послѣдующихъ годовъ, называя ихъ артистами и диллетантами политической бури, ими не понятой. Нельзя быть болѣе смѣлымъ и вялымъ въ изложеніи, какъ этотъ человѣкъ!..

Сейчасъ пришло извѣстіе о смерти министра Мартеня, убитаго столько же слѣдствіемъ апоплексическаго удара, сколько и страшною клеветой, неимовѣрно скоро распространившеюся, и которая, помѣстивъ его въ одно изъ тайныхъ заведеній разврата, отдала въ руки полицейскаго чиновника, имъ самимъ приставленнаго. Клевета взяла тутъ, какъ видите, манеру современныхъ драматурговъ...

Начались религіозно-философскія конференціи въ церквахъ по образцу знаменитыхъ конференцій аббата Лакордера въ Nôtre-Dame, имѣвшихъ нынѣшнюю зиму большой успѣхъ. Такъ какъ они теперь напечатаны, то можете сами ознакомиться съ ними. Отъ васъ убѣжитъ только при чтеніи неимовѣрная способность проповѣдника играть фигурами, образами и аллегоріями, часто зиждущимися просто на сходствѣ словъ, но которымъ умѣетъ онъ придавать искусными оттѣнками рѣзкаго голоса своего особенное выраженіе и краску. Не знаю, поразитъ ли васъ также, какъ меня, опроверженіе нѣкоторыхъ современныхъ теорій не простыми истинами Писанія, а другими, весьма произвольными теоріями, при чемъ страннымъ образомъ подъ сводами готической церкви раздавались имена Магомета, Гегеля и др.

Всѣ три высшихъ слоя здѣшняго общества рѣшились какъ будто пройти парадомъ другъ передъ другомъ посредствомъ трехъ публичныхъ баловъ въ Opéra-Comique, положивъ 20 франковъ за право входа. Два изъ нихъ уже было: артистическій — въ присутствіи всѣхъ женскихъ знаменитостей здѣшнихъ театровъ и артистовъ всѣхъ родовъ (онъ давался въ пользу бѣдныхъ артистовъ), и буржуазный—въ присутствіи семейныхъ депутатовъ, негоціянтовъ, профессоровъ и журналистовъ. Сборъ съ этого послѣдняго бала, патронируемаго королемъ и принцами, опредѣ-

ленъ на малолѣтнихъ колонистовъ земледѣльческой школы Petit-Bourg. Третій, легитимистскій, балъ въ пользу старыхъ пансіонеровъ Карла X будетъ на дняхъ...

Возстановленіе капитула Сенъ-Дени на особенныхъ правахъ, по смыслу которыхъ члены его отходятъ отъ вѣдѣнія епископовъ въ вѣдѣніе правительства, а примасъ его будетъ имѣть въ распоряженіи высшее семинарское преподаваніе, образуя такимъ образомъ нѣчто похожее на особенное министерство духовныхъ дѣлъ, произвело суматоху въ религіозныхъ журналахъ. Кричатъ, что религія взята ко двору и проч. Я тутъ плохой оцѣнщикъ и мало понимаю галликанскіе резоны, ими приводимые. А вотъ что̀ сочиненіе Ламартина о жирондистахъ, имѣющее выйти на дняхъ, возбуждаетъ какую-то всеобщую горячку любопытства, и что на законѣ о низшемъ преподаваніи, только что внесенномъ, г. Сальванди долженъ выдержать сильную парламентскую битву,—вотъ это такъ нѣсколько очевиднѣе для меня...

Мало развлекло здѣсь напряженную мысль публики открытіе новаго театра А. Дюма—Théâtre Historique, предположившаго обучить бульвары отечественнымъ событіямъ посредствомъ своихъ драмъ; труппа обыкновенная, драма «La Reine Margot», хоть необыкновенная по длиннотѣ и сцѣпленію сценическихъ эфектовъ, не только не превосходитъ человѣческія понятія, но и просто ожиданія, порожденныя объявленіями. Она имѣла, что называется, succés d'estime, то-есть, почетное паденіе. Не такъ было съ новою одой-симфоніей «Христофоръ Колумбъ» Фелисіена Давида. Энтузіазмъ, ею порожденный, въ которомъ и я погрѣшилъ легонько въ первое исполненіе, напомнилъ красные дни «Le Désert». Какъ не погрѣшить, скажите сами? Эта ода-симфонія есть торжество сладострастнаго сенсуализма въ музыкѣ, страннымъ образомъ открытаго въ ней сенъ-симонистскою головой. Вы понимаете, что сенсуальная музыка должна непремѣнно быть музыкой описательною и привязываться къ предмету, исчерпывая все, что̀ заключается въ немъ роскошнаго, граціознаго и насладительнаго.

Такъ и сдѣлано. Какимъ образомъ? Не знаю. Тутъ есть музыкальныя ткани прозрачности и тонины необыкновенной; тутъ есть такія комбинаціи инструментовъ, которыя производятъ звукъ какъ будто еще новаго, неслыханнаго доселѣ инструмента; тутъ есть, наконецъ, словно нѣсколько голосовъ самой природы, какъ паденіе волнъ, стонъ вѣтра въ парусахъ и пр. Знаю только, что изъ всего этого механизма выходятъ картины одна другой ярче: видишь постепенное удаленіе Колумбова корабля отъ береговъ Испаніи, ночь подъ тропиками, дребезжащій свѣтъ звѣздъ въ волнѣ, обтекающей корабль. Въ послѣдней (четвертой) и лучшей части многимъ энтузіастамъ казалось, что интродукція несетъ съ собою запахъ цвѣтовъ и далекой земли на встрѣчу Колумбу и спутникамъ его, что постепенно развертываются передъ глазами ихъ берега Новаго Свѣта, и что, наконецъ, выросли передъ ними жемчужныя горы и залиты пловцы свѣтомъ, благоуханіемъ и восторгомъ! А что̀ послѣ?.. Картина индійской жизни, пляска и пѣсня не въ ложномъ сентиментальномъ колоритѣ, а въ какой-то свѣжей простотѣ, въ какой-то младенческой прелести. Послѣ колыбельной пѣсни индійской матери, привязывающей къ дереву колыбель ребенка, гдѣ нѣжность граціознаго очерка уже безусловно превосходна, публика потеряла всякое приличіе и умѣренность въ одобреніи. Она почти поравнялась съ нашею петербургскою публикой, прощавшеюся съ Віардо, Рубини и Тамбурини, когда они на время уѣзжали за границу.... Но довольно! Услышите когда-нибудь сами.

Сегодня, 16-го марта, во вторникъ, открывается публичная художественная выставка въ Луврѣ, куда и я поплетусь, какъ только кончу это письмо. На первый разъ можете судить о плодвитости французскаго искусства по слѣдующему факту: 2,100 нумеровъ содержитъ новый каталогъ, и 2,300 нумеровъ (картинъ и скульптурныхъ произведеній) отказано въ пріемѣ присяжными. И все это дѣлается при возрастающей безпрестанно дороговизнѣ хлѣба, при неимовѣрныхъ усиліяхъ муниципалитетовъ удержать его въ цѣнѣ, доступной низшимъ классамъ, при сомнительныхъ наде-

ждахъ на будущую жатву и при явномъ дефицитѣ финансовъ, который въ 1848 году будетъ представлять почтенную цифру 650 милліоновъ. Между тѣмъ правительство покупаетъ хлѣбъ со всѣхъ сторонъ, посылаетъ свои пароходы во всѣ европейскія моря покровительствовать и помогать подвозомъ его, усиливаетъ внутри войско и сдерживаетъ народонаселеніе, колеблемое страхомъ голода. Въ одно утро Парижъ былъ грустно потрясенъ въ своихъ художественныхъ, экономическихъ и литературныхъ занятіяхъ извѣстіемъ, что три лица изъ наиболѣе провинившихся въ смутахъ Бюзансе приговорены тамошними присяжными къ смертной казни. Надѣются на милость короля...

V.

20-го апрѣля новаго стиля 1847 года.

Повѣрите ли, что я долженъ начать описаніе выставки возвѣщеніемъ о погибели исторической и религіозной живописи во Франціи, по крайней мѣрѣ въ прошедшемъ году, труды котораго собрала нынѣшняя выставка? Любопытно, что Дюссельдорфская школа, имѣющая претензію на сохраненіе лучшихъ художественныхъ произведеній, нанесла первый ударъ исторической живописи. Она сдѣлала это по излишеству любви и сочувствія къ старымъ нравамъ и событіямъ, а за любовь, вы знаете, многое прощается. Желая проникнуть въ задушевный, интимный смыслъ историческихъ событій и въ глубокіе оттѣнки характеровъ, доступные только романисту, она свела историческую живопись до tableau de genre. Что̀ сдѣлалъ Дюссельдорфъ изъ любви, за которую многое прощается, то сдѣлала Франція по другому чувству— по отвращенію къ фразѣ, офиціальному пониманію историческихъ лицъ и происшествій, наконецъ, по сомнѣнію въ тѣхъ и другихъ. Вотъ ужь это не такъ похвально, но удивительно, какъ въ иное время и любящіе, и не любящіе люди бываютъ похожи другъ на друга! Еще на прошлыхъ выставкахъ появлялись нѣкоторые академики съ картинами

неслыханныхъ размѣровъ, содержаніе которыхъ имѣло ложную торжественность, не оправданную историческими убѣжденіями народа. Ихъ встрѣчалъ, вы помните, сатанинскій смѣхъ публики, и опозоренныя имъ, поблѣднѣлыя и сконфуженныя картины скрывались въ какой-нибудь уголъ провинціальной префектуры или въ кассу какого-нибудь полезнаго заведенія. Нынѣ ничего нѣтъ подобнаго. У старыхъ художниковъ, которые еще рѣшаются появляться на публичную оцѣнку (ихъ немного: знаменитѣйшія имена академіи, исключая Вернета, ничего не прислали на выставку), замѣтна робость, нетвердый шагъ, какъ будто недовѣріе паствы смутило самого жреца. Вы помните, напримѣръ, того Девеpià (Devéria), который нѣсколько лѣтъ тому назадъ взялъ моментъ рожденія Генриха IV для картины, полной грома, треска и преувеличеній. Она находится въ Люксанбургскомъ музеумѣ. Eugène Devéria явился нынѣ съ картиной рожденія Эдуарда VI и послѣдовавшею затѣмъ смертію матери его Жаны Сеймуръ, которая на великолѣпномъ ложѣ, окруженная всѣми своими дамами, прикрытая бархатнымъ одѣяломъ, умираетъ, бросая послѣдній взглядъ на младенца, убившаго ее. Уже большее снисхожденіе сдѣлалъ художникъ господствующему вкусу публики, разорвавъ страданіемъ красоту лица несчастной родильницы, и все-таки публика проходитъ безъ вниманія мимо картины, находя въ ней смерть все еще неестественно учтивою, умѣренною, благовоспитанною. Тѣмъ менѣе расположена публика обманывать новые таланты вреднымъ снисхожденіемъ. Я былъ даже удивленъ рѣшительнымъ приговоромъ, который произнесла она портрету Наполеона во весь ростъ, въ императорской мантіи, написанному Ипполитомъ Фландреномъ (Flandrin) для одной изъ залъ государственнаго совѣта. Самое великое имя, за которымъ уже многія посредственности находили спасеніе, не спасло теперь художника отъ осужденія за голубой фонъ, на которомъ вырѣзывается голова императора, съ выраженіемъ браминскаго погруженія въ самого себя. Такъ даже ошибка въ родѣ величія, замѣщеніе даннаго характера другимъ, большимъ или меньшимъ, все равно, здѣсь тотчасъ

же чувствуется историческимъ тактомъ массы, толпы. Трудно даже представить себѣ, какъ быстро понимаетъ она всякую натяжку возвести до огромнаго значенія происшествіе, не заслуживающее этого само по себѣ, и не смотря на всевозможную ловкость обстановки, которою художникъ старается иногда подкупить зрителя въ свою пользу. Примѣромъ этому служатъ нынѣ двѣ картины: «Сикстъ V, благословляющій Понтійскія болота» Рудольфа Лемана и «Основаніе Королевской коллегіи Францискомъ I» господина Делорма. Въ этихъ картинахъ есть все для успѣха въ любомъ государствѣ Европы: движеніе безчисленнаго количества лицъ, распредѣленное умно, группировка ихъ, показывающая художническій разсчетъ, наконецъ, самые ихъ огромные размѣры и замѣтное изученіе предмета. Въ нихъ нѣтъ только гармоніи колорита и того, что̀ называется стилемъ; но не это оскорбило особенно эстетическое чувство французовъ, а усиліе раздуть отдѣльное явленіе до смѣшной важности, въ которой теряетъ оно не только способность дѣйствованія на другихъ, но и весь свой смыслъ. Критика сдѣлала нѣсколько весьма строгихъ замѣчаній художникамъ, а публика изобрѣла для подобныхъ картинъ названіе историческихъ маскарадовъ. Само собою разумѣется, что это требованіе поставить каждое событіе и лицо на свое мѣсто и дать имъ настоящее выраженіе, должно было породить живописныя біографіи, занятіе частными явленіями, словомъ, особенный родъ изображенія отдѣльныхъ происшествій, то-есть, историческія tableaux de genre. Конечно, прежде этого не было, да вѣдь и жизнь была простѣе за три столѣтія. Не правда ли? Когда содержаніе готово, то можно брать формы откуда угодно—съ италіанской улицы, съ антика, съ фигуръ, уцѣлѣвшихъ на старой стѣнѣ. Въ такія эпохи художникъ встрѣчаетъ на перекресткѣ красиваго мальчика и дѣлаетъ изъ него Крестителя, присматривается къ древнему саркофагу и переноситъ его мотивы въ барельефъ христіанскаго содержанія; тогда Форнарина и Віоланта чуднымъ образомъ служатъ типами для изображенія римскихъ лицъ духовной и свѣтской исторіи. Не такъ бываетъ, когда содержаніе утрачено

для искусства, и нужно отыскивать его въ естественномъ движеніи современныхъ идей. Произведенія художника, который теперь хочетъ миновать ихъ, всегда будутъ имѣть пискливый голосишко человѣка, изуродовавшаго себя изъ похвальной цѣли. Теперь всякому художнику предстоитъ двойной трудъ—угадать вѣрное содержаніе и обработать его въ искусство. Но, оставивъ это въ сторонѣ, можно повторить, что критическое направленіе привело французскую историческую живопись къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ нѣмецкая приведена была добросердечіемъ своимъ и сыновнимъ уваженіемъ къ предкамъ.

Это хорошо, да вотъ какая бѣда оказывается: самый родъ крайне тѣсенъ и ничтоженъ. Подумайте только, два человѣка въ Европѣ—Лессингъ изъ Дюссельдорфа да Поль Деларошъ изъ Парижа—успѣли дать историческимъ tableaux de genre теплоту романа, занимательность посмертныхъ записокъ и трогательность задушевной исповѣди. И съ какими пожертвованіями сдѣлали они это! Не принуждены ли они были существомъ самаго дѣла теряться часто въ отдѣлкѣ самыхъ микроскопическихъ подробностей, безъ которыхъ въ подобныхъ картинахъ нѣтъ полноты впечатлѣнія? Не походятъ ли произведенія ихъ на живописные барельефы отъ противопоставленія множества лицъ, которыми художники должны были заниматься съ одинаковою тщательностью и любовью, если хотѣли быть вѣрными собственному направленію? Я, видѣвшій въ промежуткѣ трехъ мѣсяцевъ Лессингова «Гусса» во Франкфуртѣ и Деларошевскую «Іоанну Грей» въ Парижѣ, въ обществѣ вспоможенія артистамъ, знаю положительно, сколько было пожертвовано художническихъ требованій старанію уловить историческую истину. А что̀ же послѣ этого сдѣлаетъ изъ этого рода (tableaux de genre) фаланга второстепенныхъ талантовъ? Разорветъ событіе на анекдоты, на составныя его части: это легко, но... увы! ложь можетъ быть также присуща сказочнику, какъ и составителю ходульной эпопеи. Она будетъ только у перваго измельчавшая, если смѣемъ выразиться, ложь. Нынѣшняя выставка всего лучше объясняетъ мои слова. Робертъ

Флери, творецъ «Аутодафе», явился съ двумя картинами: «Галилей передъ судилищемъ, произносящій свое знаменитое: E pur si muove», и «Христофоръ Колумбъ, представляющій Фердинанду экземпляры (!) индѣйцевъ, имъ открытыхъ». Сюжеты, какъ видно, совершенно въ духѣ tableaux de genre, что не мѣшаетъ имъ быть въ исполненіи ложными и сухими въ одно время. Звѣрообразно смотритъ кардиналъ на старичка, лукаво произносящаго свою фразу въ первой картинѣ; съ мольбой и нѣгой протягиваютъ экземпляры индіанокъ руки къ королю, прося свободы, во второй, и все это въ темнокрасномъ колоритѣ; исполненіе посредственное, свойственное этому художнику. Обманъ фальшивой естественности рознится съ обманомъ надутаго величія только тѣмъ, что первый по плечу всякой ничтожной личности и ею принимается съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Многіе буржуа говорятъ про «Галилея» Роберта Флери нѣчто въ родѣ: «Старая лиса—такъ и видно». Это особенная манера выражать сочувствіе къ великимъ дѣйствователямъ и понимать ихъ. Пропускаю картину Александра Гессе, изображающую народный восторгъ венеціанцевъ при освобожденіи изъ тюрьмы адмирала Пизани, и другую Жакана (Jacquand), представляющую Карла V въ монастырѣ, выслушивающаго выговоръ другого монаха за разсѣяніе. Онѣ обѣ обращаютъ вниманіе публики именно яркостію ложной своей стороны; публика имѣетъ ухо, чтобы различить диссонансы трескучей живописи, и совершенно беззащитна, когда принимаютъ покорный видъ искателя истины. Рѣзкая пестрота и судорожное увлеченіе въ первой кажутся настоящимъ италіанскимъ бытомъ; мелодраматическій монахъ во второй соотвѣтствуетъ дурному ея мнѣнію объ Испаніи. Дѣло только въ томъ, что ложь, согнанная съ пьедестала, на которомъ она непомѣрно чванилась, одѣлась попроще, стала добрымъ малымъ и теперь гуляетъ подъ руку съ самыми правдолюбивыми людьми, даже на публичныхъ прогулкахъ, а тѣ и не подозрѣваютъ, съ кѣмъ идутъ они и какъ компрометируютъ себя такимъ сообществомъ.

При всемъ моемъ желаніи быть краткимъ, не могу умол-

чать о картинѣ Шопена, того самаго, который уже составилъ репутацію себѣ мастерствомъ низводить библейскіе разсказы до фельетонныхъ повѣствованій: вспомните его «Судъ Соломона», «Цѣломудреннаго Іосифа» и проч. Онъ явился съ четырьмя картинами, изъ которыхъ одна—«Молодость Людовика XIV», вылощенная, манерная, холодная и съ матовымъ блескомъ табакерочной доски, украшенной живописью, особенно хорошо показываетъ, какъ оба рода, торжественный и будничный, могутъ имѣть одинаковые результаты. Смѣшны кажутся версальскіе плафоны, на которыхъ Юпитеры и Аполлоны имѣютъ профиль и даже позу основателя дворца; странны кажутся богини съ ужимками придворной любезности; но спрашиваю: менѣе ли смѣшна и странна мѣщанская сцена, явно разсчитывающая на умиленіе зрителя, въ которой Анна Австрійская со слезами умоляетъ Кондè о защитѣ малолѣтняго сына, уже (въ противность всѣмъ историческимъ даннымъ) думающаго о будущемъ своемъ величіи, грознаго и негодующаго? Если сентиментальность подобной картины можетъ дѣйствовать на человѣка, я не знаю, почему и статуя Людовика XIV въ парикѣ и тогѣ на Place de la Victoire не можетъ погрузить его въ священный ужасъ. Развѣ не одна и та же разсчетистая мысль породила ихъ мимо истины, мимо всѣхъ свидѣтельствъ современныхъ, мимо историческаго и иного приличія? Да ужь если подумать хорошенько, такъ смѣшное обоготвореніе великой личности право лучше этого воззванія къ чувствительнымъ сердцамъ, посредствомъ котораго любой bourgeois можетъ связать собственныя свои семейныя дѣлишки съ отечественными событіями. Есть въ исторіи случай, особенно любимый этимъ направленіемъ, именно—смерть Маріи Стюартъ. Почти не проходитъ выставки, гдѣ бы происшествіе это не явилось въ болѣе или менѣе пошло-слезливомъ видѣ. Не обошлась безъ него и нынѣшняя, да, вѣроятно, еще рѣдкая мастерская въ Европѣ не имѣетъ пюпитра съ этимъ эпизодомъ англійской исторіи. Подумаешь, что человѣчество изъ всѣхъ воспоминаній своихъ предпочитаетъ, разумѣется, послѣ проступка нашей

прабабушки Евы одно это, а все потому, что каждая мать семейства, даже не имѣющая дочерей, можетъ умилиться предъ нимъ. Какое прекрасное лицо въ исторіи составляетъ несчастная Шотландская королева, когда всѣ усилія художниковъ опошлить его до сихъ поръ не имѣли успѣха! Говорить ли вамъ о вереницѣ картинъ въ томъ же родѣ, красующихся по стѣнамъ бѣдной Луврской галереи, о принцессахъ, раздающихъ милостыни безобразнымъ нищимъ, о вѣрныхъ служителяхъ съ затаенными мученіями любви, о всѣхъ этихъ произведеніяхъ, въ которыхъ ничтожность мысли споритъ съ немощью исполненія?.. Одна любительница, г-жа Кавѐ (Cavé), изобразила выздоровленіе юнаго Людовика XIII, разслабленнаго и играющаго въ шашки съ важнымъ сановникомъ, полнымъ угодливости и благоговѣнія. Кругомъ себя я слышалъ: «Pauvre petit, comme il est souffrant!» Изъ историческихъ tableaux de genre удалась нынѣ одна, но именно потому, что въ ней нѣтъ никакого историческаго лица и никакого историческаго событія. Изабѐ (Eugène Isabey) представилъ толпу разодѣтыхъ кавалеровъ и красивыхъ дамъ въ костюмахъ XVI столѣтія, подымающихся по большой лѣстницѣ Дельфтскаго собора. Верхняя галерея готической церкви изукрашена знаменами, наполнена музыкантами, и между тѣмъ какъ первыя группы уже входятъ въ церковь, привѣтствуемыя звуками трубъ, другія тянутся по лѣстницѣ, а толпа внизу разбивается на пары и торопится слѣдовать за другими. Какая это церемонія, кто эти люди, зачѣмъ они собрались и что̀ празднуютъ—не извѣстно, но вся картина похожа на бѣглый взглядъ въ прошедшее. Въ ней есть движеніе, жизнь, а размашистое и нѣсколько поверхностное исполненіе еще болѣе придаютъ ей видъ прозрѣнія, замѣченный многими знатоками съ похвалою.

Таково состояніе исторической живописи на нынѣшней выставкѣ.

Что касается до религіозной живописи, вы очень хорошо знаете, что Франція никогда не достигала чистоты духовнаго созерцанія, такъ сильно замѣтнаго въ Римской и въ

первоначальной Фламандской школахъ. Не смотря на всѣ исключенія, какія могутъ быть представлены, можно утвердительно сказать, что съ Лебрена до Горація Вернета включительно въ религіозную живопись Франціи безпрестанно врывались общественныя привычки, условія и даже капризы. Примѣровъ много. На глазахъ нашихъ завоеваніе Алжира внесло арабскій элементъ въ представленіе священныхъ событій; прежде былъ элементъ дворцовый; завтра будетъ элементъ соціальныхъ теорій и проч. Въ ожиданіи послѣдняго могу вамъ только сказать, что теперь религіозная живопись Франціи представляетъ такую анархію, какою ни одно искусство въ Европѣ похвастаться не можетъ. Всѣ существующія направленія чуднымъ образомъ смѣшались съ воспоминаніями старой французской школы и порождаютъ произведенія крайней нелѣпости. Часто на одной картинѣ вы видите мотивъ Пуссеня съ манерой Жувенѐ. Глазъ и чувство оскорблены на каждомъ шагу. Еще хуже, когда художникъ захочетъ притвориться довѣрчивымъ и беззлобнымъ младенцемъ: тогда изъ соединенія лукавой простоты съ хитростностью, свойственною французскому генію, въ искусствѣ происходятъ вещи поразительнаго безобразія. Нѣтъ, не чутокъ французскій умъ къ тонинѣ, заостренности религіозныхъ ощущеній и страшно падаетъ, когда за ними погонится! Пройду молчаніемъ бо̀льшую часть картинъ духовнаго содержанія, потому что насмѣшливый тонъ былъ бы здѣсь неприличенъ, а онѣ всѣ какъ будто написаны съ цѣлью пробудить самый застоявшійся юморъ.

И весь этотъ длинный обходъ сдѣланъ мною для того, чтобъ съ достодолжнымъ уваженіемъ приблизиться къ настоящему зерну этой выставки, къ произведеніямъ новой Французской школы, и показать вамъ ея значеніе, необходимость, достоинства. Правда, многіе изъ предводителей ея или не прислали картинъ, или были безчестно высланы пріемщиками (jury), состоящими, какъ извѣстно, изъ академиковъ. Декампъ, Руссо̀, Каба̀ (Cabat) не удостоились попасть на выставку; но и тѣ, которые попали туда, какъ напримѣръ: Делакруа, Кутюръ, Коро̀, Діазъ, хорошо выражаютъ направ-

леніе этой школы и сильное развитіе ея въ послѣднее время. На нихъ-то обрушились отчаянные приговоры людей, считающихъ подобныя явленія послѣдними признаками паденія искусства; ихъ-то встрѣтили восторженныя поздравленія другихъ, видящихъ тутъ вмѣсто паденія зарю новаго и истиннаго развитія его. Какъ будто сознавая свою силу, школа вышла изъ ограниченныхъ рамокъ, въ которыхъ держалась доселѣ, и явилась съ огромною картиной, которая затмеваетъ все около себя, не исключая и новой «Юдиѳи» Верпета, имѣющей почти столь же много внѣшняго блеску, какъ и старая, но гораздо менѣе внутренняго содержанія. Я говорю о «Римской оргіи временъ упадка», картинѣ г. Кутюра (Couture). Кутюръ взялъ одинъ чудный стихъ Ювенала: «Порокъ взялся отомстить Риму за побѣжденную имъ вселенную» (сатира VI-я) и выразилъ его въ оргіи, наблюдаемой въ сторонѣ двумя людьми, изъ которыхъ одного вы сейчасъ признаете за Ювенала: такъ сильно отпечаталось желчное негодованіе на лицѣ его. Любопытно слѣдить за мыслію Кутюра въ этой картинѣ: онъ выражаетъ тайную мысль самой школы. Въ отношеніи древняго міра никогда оргія не можетъ служить упрекомъ, еще сильнѣе признакомъ гражданскаго паденія: въ лучшія свои эпохи онъ любилъ ее и часто изображалъ ее въ барельефахъ и въ живописи. Чтобы свести ее до упрека, надобно было взять художнику совершенно другую сторону предмета: древніе выражали ею накопленіе молодыхъ силъ, прорвавшихся на волю; надобно было художнику теперь, на оборотъ, показать оргію безъ наслажденія, издыхающую подъ бременемъ раздражительныхъ ощущеній, но издыхающую безъ удовольствія, безъ торжества, со всѣми признаками скуки и душевной пустоты. Только такая оргія можетъ существовать во времена упадка. Именно такъ и сдѣлалъ Кутюръ. Уже на первомъ планѣ его картины видите вы человѣка, убитаго пиршествомъ и явно изображеннаго тутъ художникомъ съ намѣреніемъ показать, какъ единая цѣль одурѣнія замѣстила всѣ другія требованія долгаго ужина. Направо отъ него рабы выносятъ трупъ другого собесѣдника. Какъ

ни разнообразны мотивы нагихъ римлянокъ, возлежащихъ со своими любовниками, какъ ни сильно проявляется на заднихъ планахъ раздражительное дѣйствіе паровъ, вездѣ одинакое выраженіе тупоты и искусственной страсти, утомленія сопровождаетъ ихъ жестъ, взглядъ, дѣйствіе, не исключая и того молодого безумца, который на лѣвой сторонѣ съ пустымъ кубкомъ бросается къ статуѣ, требуя вина отъ самого цесаря. Замѣчательнѣе всего въ этомъ отношеніи женщина по серединѣ, опирающаяся на колѣна своего собесѣдника съ изнеможеніемъ только что миновавшагося физическаго потрясенія. Съ самой закраины картины глазъ спокойно ведется художникомъ черезъ гирлянду цвѣтовъ, перевивающихъ опрокинутыя амфоры, до самаго этого лица, и тутъ встрѣчаетъ женщину съ блестящими черными глазами, въ цвѣтѣ молодости и красоты, но съ такимъ выраженіемъ тоскливой думы, но бросающую такой взглядъ скуки и безотраднаго пресыщенія, что она одна могла бы объяснить смыслъ картины, если бы ничего другого не было. Но вся картина Кутюра, написанная чрезвычайно твердо и смѣло, совершенно лишена отдѣлки и того, что̀ называется послѣднимъ ударомъ кисти; импасто ея особенно неровно, всѣ тѣльныя части холодны, мертвенны, и свѣтло-сѣрый колоритъ составляетъ ея главный тонъ. Послѣ этого вы догадаетесь, почему она навлекла на себя такъ много осужденія со стороны любителей точной, опредѣленной живописи. Но если вы поймете, что долгое бдѣніе и жгучія наслажденія должны были подъ конецъ сообщить тѣлу героевъ и героинь этой картины мраморный оттѣнокъ, если вы обдумаете, что пары долгаго пиршества, въ которомъ участвуютъ столько лицъ, непремѣнно должны образовать тяжелую атмосферу, на которую восходящая заря, застающая собесѣдниковъ въ ихъ грустномъ веселіи, броситъ свой легкій, серебряный свѣтъ, тогда вы увидите ясно, что все кажущееся условнымъ, произвольнымъ въ картинѣ было сдѣлано художникомъ съ намѣреніемъ, для полноты законнаго эфекта. Уразумѣвъ образъ воззрѣнія на исторію новой школы, проявляющейся особенно ярко въ этой картинѣ,

вы поймете и самый процессъ, какимъ она передаетъ его въ искусствѣ.

Да, наскучивъ всѣми фальшивыми подраздѣленіями родовъ живописи, школа эта взяла за основное правило, что міръ и исторія принадлежатъ всѣмъ, не составляя ничьего исключительнаго достоянія. Какъ Вѣчный Жидъ, ходитъ она съ тѣхъ поръ по всему земному шару, вербуя для искусства всякую мысль, всякое явленіе, преданіе, разсказъ, обычай, даже лепетъ народный и фантастическое видѣніе какой-нибудь сказки. Поэтическое выраженіе, свойственное выбранному предмету, сдѣлалось единственною цѣлью ея усилій, послѣднею задачей, которую она старается разрѣшить. Отсюда вытекаютъ всѣ ея достоинства, которымъ соотвѣтствуютъ оглушительныя браво въ журнальныхъ фельетонахъ, и всѣ ея недостатки, которымъ идутъ параллельно мучительныя «hélas!» въ обозрѣніяхъ. Стараніе уловить сущность предмета, высказать все его содержаніе въ поэтической (замѣтьте!), а не въ обыкновенной естественности порождаетъ иногда, кромѣ небрежности исполненія, составляющей основную черту школы, и другіе недостатки, именно—недостатокъ освѣщенія. Рисунокъ и колоритъ въ картинахъ этой школы отзываются прихотью и своенравіемъ. Смотря по силѣ творческаго таланта въ художникѣ, все это можетъ быть очень хорошо и очень не хорошо, но за то, по крайней мѣрѣ, тутъ есть откровенность со стороны художника. Онъ беретъ на себя полную отвѣтственность, не скрывается за школьными преданіями и, требуя полной свободы для себя, даетъ ее и всѣмъ своимъ судьямъ. Само собою разумѣется, что тутъ также не можетъ быть и помину о пошлости условнаго пониманія вещей, а это—уже немаловажная заслуга. Шесть картинъ, выставленныхъ нынѣ Делакруа, какъ разнообразіемъ своихъ содержаній, такъ и манерой исполненія, всего лучше даютъ понятіе о лицевой и заднихъ сторонахъ школы, которой онъ считается корифеемъ.

Первая картина, поражающая васъ при входѣ въ длинную галерею, есть «Распятіе» Делакруа. Спаситель на крестѣ испускаетъ духъ. Кто можетъ имѣть понятіе о тьмѣ,

которая спустилась тогда на землю и которая другой разъ уже не повторялась во вселенной? Всѣ усилія художника выдумать такой необыкновенный феноменъ, казалось, должны бы остаться безплодными. Вотъ почему уже многіе живописцы вмѣсто мглы, скрывшей тогда солнце и небо, изображали сентябрьскую ночь, и никому въ голову не приходило корить ихъ. Делакруа не былъ остановленъ однакожь этою кажущеюся невозможностію. Не знаю, какъ сдѣлалъ онъ, но онъ создалъ особенную мглу, въ которую вошелъ красновато-синій оттѣнокъ, и ею задернулъ небесный сводъ. Конечно, тутъ все условно, странно и прихотливо, но поэтическій эфектъ достигается вполнѣ. Еще страшнѣе ночи фигура Спасителя, на мертвенномъ челѣ Котораго отражается грозный блескъ феномена, эта фигура съ поникшею на грудь головою, съ растворенною раною на боку, съ перстами рукъ и ногъ, окостенѣвшими въ судорогахъ!.. Тутъ бы и долженъ былъ остановиться Делакруа; но, увлеченный собственною мыслію, онъ помѣстилъ еще внизу нѣсколько лицъ, которыя выходятъ совершенно изъ плана и рѣзкими своими движеніями нарушаютъ только величіе ужаса, достигнутаго художникомъ въ распятіи и въ ночи, служащей ему фономъ. Особенно страненъ и смѣшонъ воинъ верхомъ: конь его пятится назадъ со всѣми признаками разумнаго пониманія дѣла. Слишкомъ напряженное рвеніе дать выраженіе всѣмъ аксессуарамъ породило тутъ наивность, достойную вѣковъ карловингскихъ.

Скачкомъ, который можетъ показаться вамъ крайне смѣлымъ, переношу вашу мысль отъ этой картины къ «Мароканской скачкѣ», гдѣ пять или шесть африканскихъ наѣздниковъ съ развѣвающимися плащами, и подымая густую пыль, несутся стремглавъ къ цѣли, заряжая свои ружья и стрѣляя изъ нихъ. При этой картинѣ, самой своевольной, какую я когда-либо видѣлъ, не можетъ быть слова не только объ отдѣлкѣ, но даже о чемъ-нибудь похожемъ на достовѣрность. Вся она отражается въ умѣ зрителя, какъ мгновенное впечатлѣніе отъ толпы, безумно промчавшейся и оглушившей васъ. Въ этотъ моментъ сумасшедшей удали

мелькнули передъ вами неимовѣрные прыжки лошадей, неистовое увлеченіе всадниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ подробности, линіи и краски смѣшались. Это смутное впечатлѣніе бѣга взапуски Делакруа вздумалъ переложить на картину. Согласенъ, что здѣсь искусство вышло изъ предѣловъ своихъ, въ которыхъ оно должно оставаться, если не хочетъ совершеннаго уничтоженія въ пустотѣ или въ метафизикѣ; но, съ другой стороны, надо имѣть самообладаніе Будды, чтобъ воспретить пораженному глазу своему удивленіе къ энергіи и таланту, съ какимъ Делакруа выпутался изъ дѣла. Столько же силы настоящей и смѣшного преувеличенія, ясности намѣренія и ошибки въ способахъ, поэтическаго смысла въ цѣломъ и чудовищности въ подробностяхъ, знанія живописныхъ эфектовъ, съ одной стороны, и странныхъ художническихъ недоразумѣній—съ другой, проявляется и въ другихъ картинахъ Делакруа, напримѣръ, въ «Жидахъ-музыкантахъ Могадора», а еще болѣе въ «Пловцахъ, испытавшихъ кораблекрушеніе» и подбирающихъ въ бѣдную лодку безъ веселъ и парусовъ, несомую волнами, трупы товарищей, встрѣчающіеся на пути. Безотрадность положенія людей, отвсюду окруженныхъ смертію, и которые со всѣми усиліями отчаянія занимаются вещью, совершенно для нихъ безполезною, выражена превосходно; но зеленая волна, уцѣпившаяся за лодку, какъ настоящій звѣрь, не принадлежитъ живописи и должна быть возвращена по праву Байрону, которымъ, вѣроятно, порождена.

Всѣ эти противорѣчія хотѣлъ я развить вамъ, но не знаю, удалось ли мнѣ это? Время бѣжитъ, листы непомѣрно накопляются! Герценъ крадетъ у меня дни за днями, и я спѣшу къ концу. Заключу длинное описаніе это еще одной картиной Делакруа «Гауптвахта въ Мекинецѣ» («Corps-de-garde à Méquinez»). Два африканскихъ муниципала преспокойно спятъ въ своей караульнѣ: одинъ, прикрытый цыновкой, положилъ сѣдло подъ голову, другой, просто прислонясь къ стѣнѣ; оба на полу. Солнце уже начинаетъ играть въ караульнѣ, собщая ей красный тонъ отъ сѣдлъ и доспѣховъ этого цвѣта, разбросанныхъ въ ней; но не оно составляетъ

главный персонажъ картины, а именно вотъ этотъ здоровый, крѣпкій, мертвенный сонъ, оковавшій грубыя, фантастическія лица двухъ воиновъ. Сонъ этотъ кажется насмѣшкой надъ нашимъ тревожнымъ, болѣзненнымъ европейскимъ сномъ. Чудная тишина разлита по всей картинѣ и составляетъ рѣзкую противоположность съ судорожнымъ движеніемъ, царствовавшимъ въ прежде видѣнныхъ нами картинахъ Делакруа. Такъ гибокъ и разнообразенъ талантъ этого человѣка, такъ съ юношескимъ увлеченіемъ усвоиваетъ онъ всѣ явленія жизни, такъ даже въ паденіи, когда случается ему падать (а падаетъ онъ часто!), еще замѣтно въ немъ обиліе творческой силы, съ которою онъ еще не можетъ управиться.

До слѣдующаго письма о ландшафтѣ и о томъ чистомъ родѣ «genre», въ которомъ французское искусство наиболѣе торжествуетъ,—до слѣдующаго, если, разумѣется, настоящее доставило вамъ что-нибудь другое, кромѣ скуки.

VI.

19-го мая новаго стиля 1847 года.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я остановился на ландшафтѣ и на томъ чистомъ родѣ—«genre», въ которомъ, какъ я уже замѣтилъ, торжествуетъ французское искусство. Работа не слишкомъ легкая—всмотрѣться въ это огромное количество водопадовъ, убѣгающихъ рѣкъ, тихихъ полей и мрачныхъ горъ, солнцъ, покрытыхъ туманомъ, солнцъ, сожигающихъ почву, восходящихъ и закатывающихся, разобрать эти моря въ бурю, въ затишье и въ среднемъ состояніи, наконецъ, приглядѣться ко всѣмъ этимъ испанскимъ цыганамъ, бретонскимъ мужикамъ, италіанскимъ женщинамъ и потомъ еще разсматривать это множество купальщицъ, уже не принадлежащихъ никакой землѣ (кто разберетъ, какая подданная—купальщица?), окруженныхъ фантастическимъ пейзажемъ, въ которомъ иногда Іоническое море омываетъ шотландскіе или норвежскіе берега.

Гораздо длиннѣе этого періода Луврскія галереи, наполненныя картинами и картинками, подъ вліяніемъ которыхъ переходите вы поминутно отъ дня къ ночи, отъ луны къ пожару, отъ старой улицы какой-нибудь деревушки къ багдадскому дворцу и каирской мечети. Нервическій человѣкъ тутъ пропалъ бы навѣрное, и вѣроятно, для такихъ болѣзненныхъ организацій назначенъ здѣсь особенный день для входа въ музеумъ по билетамъ (суббота), чтобы дать имъ возможность пройти свободно къ галереяхъ, не обращая вниманія ни на что̀ окружающее. Этотъ космополитическій, универсальный оттѣнокъ, который лежитъ здѣсь на пейзажной живописи, еще увеличивается отъ вмѣшательства иностранныхъ художниковъ: фламандцы, какъ Дикмансъ, напримѣръ, внесли мелочные эфекты и микроскопическую отдѣлку Дова и Метцу̀; сѣверные германцы пришли со своимъ Рейномъ, за̀мками на скалахъ и тонкими госпожами, чинно гуляющими въ друидическихъ лѣсахъ; италіанцы явились съ мадонами въ часовняхъ, освѣщенными то лампой, то солнцемъ Рима, сабинскими крестьянками на колѣняхъ и проч. Да и сами французы потрудились еще болѣе запутать дѣло, представивъ картины въ картинѣ: я видѣлъ историческіе пейзажи, списанные съ Пуссеня, виды Италіи, почти снятые съ картинъ Клода Лорреня, и наконецъ, придворные завтраки дамъ и кавалеровъ подъ стриженными деревьями, прямо перенесенные съ Вато̀. Прибавьте къ этому отъ времени до времени какую-нибудь неожиданную нелѣпость, отъ которой, какъ отъ послѣдней карты на карточномъ домикѣ, весь домикъ разваливается. На прошедшихъ выставкахъ эту печальную роль играла этрурская живопись г. Біара и живопись во вкусѣ г. Папеті; нынѣ взялись за нее сами академики, вѣроятно, изъ желанія быть замѣченными, что̀ имъ такъ рѣдко удается. Такимъ образомъ, г. Гюденъ (Gudin) явился съ морскими видами, въ которыхъ и земля, и вода, и небо равно имѣютъ прозрачный, фосфорическій, ложный блескъ, заставляющій многихъ буржуа говорить: «А вѣдь лучше было бы, если бы въ самомъ дѣлѣ такая природа была, какъ у г. Гюдена!»

Такимъ образомъ, еще г. Геймъ написалъ: «Чтеніе комедіи въ обществѣ гг. королевскихъ актеровъ», гдѣ чтеца Андріё окружилъ онъ всѣми современными литераторами Франціи въ такой странной разстановкѣ и съ такимъ комическимъ выраженіемъ лицъ, что, говорятъ, они собираются купить картину на общія деньги и сжечь. Такимъ образомъ еще... но къ чему продолжать? Довольно сказаннаго. Вы поймете, что когда мысль вашу въ продолженіе двухъ или трехъ часовъ таскали отъ одного земного пояса къ другому, вертѣли передъ ней парчу и лохмотья, старались разнѣжить и застращать, не остановились даже передъ чудовищностью, лишь бы опутать ее,—вы понимаете, что послѣ этого она, какъ Эсмеральда послѣ пытки, на ногахъ стоять уже не можетъ и должна искать освѣженія въ живой натурѣ. Вотъ почему, я думаю, Mabille, Ranelagh, Château-Rouge поспѣшили открыть свои загородные балы, а впрочемъ, можетъ быть, и потому, что время пришло: на дворѣ тепло, и первая зелень охватила всѣ здѣшніе сады и рощи. Эта эпоха въ Парижѣ—прелесть! Но возвращаюсь къ картинамъ.

Есть, однакоже, возможность отыскать порядокъ въ этомъ хаосѣ. Для этого надобно только пройти молчаніемъ все, что̀ заслуживаетъ одобренія, что̀ похвально, въ чемъ видно изученіе природы и даже нѣкоторая поэтическая теплота, а остановиться единственно на томъ, что̀ ново, оригинально и имѣетъ рѣшительный шагъ сильнаго таланта, а потому и особенную важность для общества. Въ Европѣ искусство столько же общественный вопросъ, сколько воспитаніе, пролетаріатство, соль или табакъ. Въ самомъ дѣлѣ, какую душеспасительную истину извлечете вы, прочитавъ, напримѣръ, что «Нормандскій пейзажъ» г. Куанье (Coignet) очень веселъ, хотя и сухъ, что «Возвращеніе съ рынка бретонскихъ крестьянъ» г. Адольфа Лелё (Leleux) имѣетъ невыразимую прелесть истины, что кисть его брата Армана дѣлается все тверже, что «Пиринейцы» Рокеплана просты и вѣрны, а «Разбойники» Лепуатьеня въ плащахъ и шляпахъ съ перьями шумливы и театральны, что Флерсъ (Flers) по прежнему отгадываетъ въ пейзажахъ окрестно-

стей Парижа ихъ задумчивое выраженіе и меланхолическую красоту, что Мейеръ написалъ прекрасное «Захожденіе солнца на морѣ», а Бланшаръ—«Переходъ черезъ ручей стада коровъ», очень милый, и прочее и прочее. Нельзя даже останавливаться на такихъ явленіяхъ, какое представляетъ, напримѣръ, г. Пангильи (Penguilly l'Haridon), переносящій манеру испанцевъ въ свои маленькіе живописные анекдотцы. Вы можете судить о мрачномъ содержаніи этихъ картинокъ по названіямъ, даннымъ имъ въ каталогѣ; это, вопервыхъ, «Нищіе», вовторыхъ, «Un tripot», вертепъ, втретьихъ, «Пейзажъ въ дождь». Послѣднее васъ удивитъ, и вы не найдете ничего страшнаго въ немъ, особливо если человѣкъ завелся зонтикомъ, но дождь г. Пангильи не совсѣмъ простой. Это дождь историческій, омывающій монфоконскую висѣлицу съ дюжиной жертвъ на ней, съ которыхъ сбѣгаетъ онъ длинными струями на камни, прорѣзываетъ между ними ручьи и мутно шумитъ въ темную, глухую ночь. Капризно и странно, но — увы! — какъ-то безсмысленно. Не знаешь, любуется ли художникъ явленіемъ, или протестуетъ противъ него, или дѣлаетъ то и другое въ одно время. Послѣ этого, скажите сами: слѣдуетъ ли обогащать умъ пріятелей, живущихъ вдали, замѣчаніями о замѣтномъ усовершенствованіи такого-то художника, о перемѣнѣ манеры у другого, о видимомъ упадкѣ третьяго или о хорошенькой картинѣ, болѣе или менѣе удавшейся, но которая, если бы и еще болѣе удалась, такъ ничего не прибавила бы къ общественному развитію, а если бы менѣе удалась, такъ ничего бы не отняла отъ него и ничему не научила? Конечно, все это до малѣйшихъ подробностей дозволяется знать критику туземному—для оцѣнки произведеній, директору департамента внутреннихъ дѣлъ—для назначенія крестиковъ, нѣмецкому изыскателю—такъ, для того, чтобъ знать, на манеръ Осипа въ «Ревизорѣ», который все беретъ и веревочкой не гнушается. Вѣдь есть нѣмцы, которые знаютъ нашихъ Хераскова и Петрова! Но мнѣ, не родившемуся для этихъ трехъ почетныхъ званій, мнѣ неприлично захватывать преимущества и льготы, ими усвоенныя. Личное удовольствіе, какое

могу испытывать при томъ или другомъ произведеніи, берегу я для себя, а съ отсутствующими пріятелями буду только говорить о такихъ произведеніяхъ, которыя или вносятъ новый элементъ въ искусство, а стало быть, и въ общественное духовное богатство, оригинальною манерой и смѣлымъ поэтическимъ взглядомъ на природу, или сильно выражаютъ современное направленіе и тайныя требованія общества. Такимъ образомъ, изъ тысячи именъ пригодны бываютъ для письма иногда пятокъ, а иногда и ни одно не бываетъ пригодно. Судите по этому, что въ нынѣшній разъ я буду говорить съ вами серьезно только о двухъ лицахъ—о Коро̀ (Corot) и о Діазѣ (Diaz), именно по причинамъ вышеизложеннымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ согласитесь, что не возможно лучше оправдать молчанія, какъ я сдѣлалъ, за что̀ мнѣ, вѣроятно, будутъ благодарны многіе русскіе писатели и ученые.

Изъ двухъ пейзажей Коро̀ особенно замѣчателенъ тотъ, который представляетъ вечеръ, и на немъ-то я остановлюсь преимущественно. Маленькая, уединенная рѣчка, сдавленная небольшими возвышеніями, начинаетъ покрываться вечернею мглой, но такъ, что особеннымъ дѣйствіемъ косвенныхъ лучей солнца одна сторона ея уже дѣлается совершенно безразлична и уходитъ въ темноту, между тѣмъ какъ на другой еще играетъ послѣдній свѣтъ вечера, но блѣдно и нерѣшительно. Облака на небѣ разорваны, и красный оттѣнокъ ихъ тухнетъ какъ будто на глазахъ вашихъ. Перспектива рѣки въ этомъ освѣщеніи и перспектива воздуха выдержаны превосходно. Черезъ нѣсколько минутъ вниманія вы еще различаете на полусвѣтлой сторонѣ рѣчки за пригоркомъ, осѣненнымъ деревьями, лодку и человѣка, который вводитъ ее въ затишье къ берегу. Фигура лодки и человѣка представляетъ одинъ нерѣшительный силуетъ, позволяющій распознать ихъ въ общности, но уже не дающій никакихъ подробностей. Когда вы подходите къ картинѣ близко, она теряетъ все свое очарованіе, потому что вы видите предметы отдѣльно и теряете цѣлое. Одинъ шагъ назадъ возсоздаетъ ее вамъ въ поэтическомъ блескѣ: вы

словно наблюдаете тихую смерть дня! Картина эта—не копія съ природы, не подражаніе видимымъ предметамъ: это—передача впечатлѣнія, которое даетъ иногда глазу художника природа въ нѣкоторые моменты свои. Таковъ Коро̀!

Можно сказать, что та же самая манера свойственна и Діазу, но тутъ уже вошелъ капризъ, своеволіе представленія природы, иногда просто стараніе обольстить глазъ комбинаціей красокъ, въ которыхъ изумрудъ зелени, рубины и перлы женскихъ костюмовъ, огонь солнечнаго луча, играющаго на дѣвичьемъ тѣлѣ, составляютъ удивительный калейдоскопъ, не лишенный однакожъ, какъ тотъ, гармоніи въ цвѣтахъ. И впечатлѣніе еще увеличивается отъ бѣглаго, поверхностнаго, убѣгающаго, такъ сказать, исполненія. Какъ ни долго смотрите вы на картину Діаза, едва только отошли вы, вамъ уже она кажется пейзажемъ, мимо котораго промчались вы на паровозѣ. Извѣстно, сколько въ современной французской буржуазіи лежитъ чисто головнаго, абстрактнаго сенсуализма. Вспомните романы Дюма и Сю. Эту черту внесъ Діазъ въ живопись. Изъ десяти картинокъ, выставленныхъ имъ нынѣ, только въ трехъ нѣтъ фантастическихъ женщинъ въ густой чащѣ лѣса, на берегу ручья, облитыхъ свѣтомъ и нѣгою въ одно время, въ сладострастномъ покоѣ или въ раздольѣ игръ, сокрытыхъ отъ всякаго глаза. Женщинамъ этимъ нѣтъ именъ; нельзя узнать, подъ какимъ небомъ родились онѣ, и даже какой народъ выдумалъ костюмъ ихъ: костюмъ ихъ—это блестящая ткань, переливающаяся различными цвѣтами, и только. Всего лучше поясняютъ дѣло самыя названія картинъ, подъ которыми внесены онѣ въ каталогъ: «Repos oriental», «Le rêve», «La causerie orientale», «Baigneuse» и проч. Можетъ ли быть что-нибудь неопредѣленнѣе, мечтательнѣе? Съ этой точки зрѣнія Діазъ можетъ считаться Вато̀ современнаго общества, живописцемъ своего вѣка и притомъ однимъ изъ сильныхъ талантовъ его. Что̀ онъ можетъ сдѣлать въ серьезную свою минуту, свидѣтельствуетъ его удивительный «Лѣсъ осенью», когда земля дѣлается хрупка и всѣ тоны неба и воздуха быстро бѣгутъ и смѣняются одинъ другимъ: это превосходно! Діазъ уже составилъ себѣ школу во Франціи,

и между подражателями его есть люди тоже съ талантами, каковы Лонгè, Миллеръ и др. Здѣсь кстати сказать, что реальнаго выраженія страсти любви и наслажденія, чѣмъ такъ блеститъ, напримѣръ, безсмертная Венеціанская школа, я не видалъ еще нигдѣ въ современномъ французскомъ искусствѣ. Съ нѣкоторою впрочемъ умиренною гордостью замѣчалъ я, что какъ только вздумаетъ оно коснуться дѣйствительнаго чувства, то переходитъ тотчасъ или въ сентиментальность, или въ скандалезный будуарный романчикъ. Этотъ послѣдній отдѣлъ имѣетъ нынѣ даже своего представителя въ особѣ г. Видаля. Рисунки его поражаютъ мастерствомъ выводить наружу, въ условныхъ граціозныхъ формахъ, грѣшныя мысли развивающагося организма. Люди совсѣмъ не робкіе были однакожъ изумлены, увидавъ нынѣ въ Луврѣ рисуночекъ его, изображающій молодую дѣвушку, съ упоеніемъ цѣлующую собственный свой образъ, отражающійся въ зеркалѣ. Тѣмъ пріятнѣе, тѣмъ поразительнѣе для меня было встрѣтить въ скульптурныхъ произведеніяхъ статую, полную силы и настоящей страсти, которая до того поразила Парижъ, что здѣсь только и толкуютъ о ней, когда рѣчь заходитъ о выставкѣ.

Статуя эта принадлежитъ г. Клесингеру (Clésinger) и, подъ простымъ названіемъ: «Женщины, уязвленной змѣей» («Femme piquée par un serpent»), представляетъ совсѣмъ не боль, не отчаяніе, не смерть, а напротивъ, жизнь въ самую жаркую ея минуту, наслажденіе въ самомъ сильномъ его проявленіи. Змѣй, обвившій ногу этой женщины, есть только уловка не назвать вещи по имени, впрочемъ никого не обманувшая: такого выраженія упоенія змѣи не производятъ, будь они воспитаны хоть центральною фаланстеріей. Статуя находится въ лежачемъ положеніи, на розахъ, съ головой, откинутою въ безпамятствѣ назадъ, съ корпусомъ, сильно выдавшимся впередъ, такъ что линія, образуемая имъ, составляетъ мягкую дугу. Если поднять статую на ноги, она представитъ очень близко знаменитую «Менаду» Скопаса, рельефъ, находящійся въ Луврѣ. Въ лежачемъ положеніи эта фигура, полная крайняго внутренняго самозабвенія,

грѣшитъ противъ законовъ скульптуры тѣмъ, что съ какого вамъ угодно пункта глазъ вашъ обнимаетъ только одну часть тѣла, а не все цѣлое. Она должна быть поставлена весьма низко для полнаго осмотра. Заранѣе можно сказать, что настоящее ея мѣсто—какой-нибудь великолѣпный бассейнъ въ саду загороднаго дома. Нужно ли вамъ говорить о нѣжнѣйшей отдѣлкѣ, объ искусствѣ сообщать всему тѣлу, каждому мускулу, каждой складкѣ и морщинкѣ біеніе жизни, тайнѣ, доступной весьма немногимъ скульпторамъ въ наше время? По истинѣ сказать, статуя Клесингера между колоссальными фигурами великихъ и не великихъ людей, заказываемыми муниципалитетами французскихъ городовъ ради мѣстнаго киченія, между холодными и безобразными бюстами, между фигурокъ манерной граціозности и въ нѣскольких шагахъ отъ разслабленной «Pieta» г. Прадье (Прадье вздумалъ себя попробовать на самомъ патетическомъ сюжетѣ новаго искусства—«Плача Матери надъ Святымъ Сыномъ»—и произвелъ болѣзненное и ничтожное созданіе), статуя Клесингера, говорю, производитъ между ними невыразимое впечатлѣніе! Это до того свѣжій, здоровый голосъ природы, что отъ окружающей обстановки онъ дѣлается почти ѣдокъ, почти невыносимъ и многими считается за отзывъ языческаго міра, между тѣмъ какъ явленіе видимо принадлежитъ всѣмъ вѣкамъ. Стòитъ только одинъ разъ посмотрѣть вокругъ себя, и оно дѣлается ясно, законно, чисто. А что̀ стоитъ человѣку одинъ разъ быть повнимательнѣе къ самому себѣ и другимъ. Вѣдь одинъ разъ не законъ! Приказывалъ же Гиппократъ, кажется, напиваться разъ въ мѣсяцъ для здоровья, а тутъ просятъ разъ въ жизни быть тверезу. Можно, чай, согласиться, да врядъ ли кто послушаетъ!..

Воротимся снова въ картинную галерею не для того, чтобы заниматься безчисленнымъ множествомъ гравюръ, литографій, рисунковъ, не представляющихъ ничего особенно замѣчательнаго, а чтобы сказать нѣсколько словъ по случаю всяческихъ портретовъ на слоновой кости—акварельныхъ, двумя карандашами, пастелью, масляными красками

и проч., которыми выставка преизобилуетъ. Кромѣ пяти портретовъ, всѣ остальные еще разъ доказываютъ жалкое положеніе общества, хотящаго обмануть самого себя, не имѣющаго силы показаться тѣмъ, что оно есть, и безпрестанно занятаго надеждой провести другихъ на счетъ себя. На всѣхъ этихъ лицахъ лежитъ лицемѣрная мысль съ примѣсью самой смѣшной претензіи для того, кто умѣетъ разобрать и понять ее. Не говоря уже о молодыхъ дамахъ, портящихъ душу и образъ свой жаждой ложнаго эфекта, не говоря уже о молодыхъ кавалерахъ, творящихъ себѣ характеры по образцамъ романовъ въ ходу,—тутъ есть старики и старухи, гнушающіеся своимъ возрастомъ и похожіе на безчестныхъ спекулянтовъ, играющихъ въ большую биржевую игру безъ капитала; тутъ есть даже дѣти, которыхъ выучили сидѣть на стулѣ съ выраженіемъ глубокой думы на челѣ, кажется, вотъ такъ и говорящей всѣмъ зрителямъ: «А вѣдь изъ меня выйдетъ на изумленіе оптовой торговецъ сукнами!» Рѣшительно можно сказать, что современные портреты составляютъ самую безобразную часть парижской выставки. Причины этому предоставляю искать вамъ самимъ.

Не могу разстаться съ выставкой, не сказавъ вамъ о пяти рисункахъ изъ нашей русской жизни, исполненныхъ господиномъ Yvon, котораго я принимаю за англичанина и потому произношу его имя: Айвонъ. Вотъ ихъ названія по порядку: 1) «Татарская мечеть въ Москвѣ»; 2) «Русскія дрожки»; 3) «Пересылка въ Сибирь»; 4) «Тульская крестьянка»; 5) «Татары на Лубянкѣ въ Москвѣ». Кромѣ типовъ, лицъ, удачно выбранныхъ, вѣрности представленія, которою особенно отличается третій рисунокъ, въ нихъ еще есть умѣнье показать явленіе всякой жизни въ его энергіи и сильномъ національномъ колоритѣ. Такіе рисунки поясняютъ характеръ народа и его общественный бытъ: здѣсь около нихъ всегда стоитъ довольно многочисленная толпа. Никакъ, впрочемъ, нельзя дѣлать упрека нашимъ отечественнымъ художникамъ въ томъ, что иностранные живописцы въ родѣ Вернета и Айвона подсматриваютъ нашъ обликъ, нашу природу (вспомните Вернетова «Курьера», котораго берлинскій знатокъ

Ваагенъ такъ высоко цѣнитъ), потому что глазъ нашихъ художниковъ для славы Россіи постоянно устремленъ на великія отечественныя и религіозныя событія. Вѣроятно, другое поколѣніе нашихъ художниковъ, не упуская изъ виду этихъ великихъ событій, обратитъ вниманіе и на вседневную, будничную жизнь, насъ окружающую.

Въ заключеніе и припоминая все, что̀ я видѣлъ здѣсь, скажу вамъ послѣднее и рѣшительное мое мнѣніе о французскомъ искусствѣ вообще. Отсутствіе яснаго направленія составляетъ его отличительную черту и вмѣстѣ его несомнѣнное достоинство. Это единственное искусство въ Европѣ, которое идетъ параллельно съ обществомъ, и на которомъ отражается колебаніе послѣдняго и не установившаяся мысль его. Это единственное искусство въ Европѣ, говорящее прямо отъ себя, безъ подсказовъ со стороны какого-нибудь направленія, принятаго академіей или важнымъ лицомъ. Оно одно только откровенно, оно одно только въ строгомъ смыслѣ работаетъ, то-есть, отыскиваетъ почву, на которой художникъ—дѣйствительно полезное и необходимое лицо въ общественномъ развитіи. Вы уже могли замѣтить отвращеніе французскаго современнаго искусства отъ всякой окостенѣлой мысли, упорно навязывающейся съ обветшалыми поясненіями, его суетливую бѣготню за всѣми разнородными явленіями природы и духа и его неугомонную пытливость. Оно схоже съ вѣкомъ, какъ дерзостью своихъ начинаній, такъ и глубиною своихъ паденій. Вотъ почему каждая парижская выставка есть болѣе чѣмъ средство потѣшить эпикурейскій глазъ; она связывается со многими стремленіями, вопросами, надеждами и заблужденіями настоящей жизни и поэтому заслуживаетъ описанія гораздо большаго и лучшаго, чѣмъ то, которое я теперь оканчиваю къ великому моему да, вѣроятно, и вашему удовольствію...

Вѣрнѣе ласточекъ показываетъ присутствіе весны огневое убранство Елисейскихъ полей по вечерамъ, открытіе Ипподрома, гдѣ теперь раззолоченные короли Францискъ I и Генрихъ VIII встрѣчаются въ Camp-d'or и присутствуютъ на турнирѣ, который, вѣроятно, богаче дѣйствительнаго,

бывшаго во время оно. Къ этимъ признакамъ солнечнаго поворота присоединился нынѣ министерскій кризисъ и появленіе, вмѣстѣ съ молодымъ горошкомъ, новыхъ лицъ въ администраціи; но, не останавливаясь на этомъ, я думаю достаточно будетъ для убѣжденія вашего, что дѣйствительно наступила весна, вопервыхъ, извѣстія о хорошей погодѣ, вовторыхъ, извѣстія о музыкѣ, гремящей въ садахъ Парижа, и о желѣзныхъ дорогахъ, безпрестанно разносящихъ въ окрестности его счастливыя группы гуляющихъ. Такъ, зимній сезонъ кончился, а вмѣстѣ съ нимъ кончаются и мои парижскія письма къ вамъ. Я ѣду въ Берлинъ и, вѣроятно, напишу вамъ откуда-нибудь съ дороги...

Когда я посмотрю назадъ, на годъ, прожитый Франціей и особенно Парижемъ, мнѣ яснѣе дѣлается состояніе, въ которомъ находились вещи и люди прошлою зимой. Къ вещамъ я отношу книги, брошюры, лекціи, а къ людямъ—администраторовъ и политическихъ дѣятелей. Такимъ образомъ, и парламентская партія прогрессистовъ, образовавшаяся въ нѣдрѣ консерваторовъ, принадлежитъ къ людямъ, по моей теоріи. Всѣ они—вещи и люди—желали прошлою зимой чего-то хорошаго, и всякій разъ оказывалось, что ихъ хорошее, при малой критической оцѣнкѣ, хорошо только по намѣренію и похвальному рвенію къ общественной пользѣ. Точно недостаетъ какого-то элемента въ развитіи, точно позабыли въ торопяхъ паспортъ—и стоитъ человѣкъ на границѣ: назадъ не хочется, а впередъ не пускаютъ. Вы знаете, что надежда является тотчасъ, какъ руки и ноги отнимаются. Вотъ и теперь ожидаютъ прибоя недостающихъ силъ, кто откуда: иные—отъ нѣмецкой многосторонности, призванной теперь къ поданію голоса, другіе—отъ другого, столь же основательнаго предположенія, и проч. А между тѣмъ можно сказать съ нѣкоторою рѣшительностью, что на всѣхъ явленіяхъ прошлой зимы лежалъ сильный оттѣнокъ немощи, начиная съ общества обмѣнщиковъ до теноровъ, появлявшихся во Французской оперѣ. Всего непріятнѣе соединеніе въ одномъ и томъ же произведеніи бойкой силы и непонятной ограниченности, а это поражало меня здѣсь

на каждомъ шагу. Нельзя было заговорить съ человѣкомъ, войти въ кабинетъ для чтенія или въ театръ, или въ палату, чтобъ эти двѣ вещи не потекли въ удивительной путаницѣ, подтверждающей мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ человѣка образовавшимся троглодитомъ. Да чего? Кажется, и видишь, что дѣло-то не такъ, а начнешь самъ говорить, точно то же самое выходитъ: ну, вотъ, вздоръ такъ и идетъ самъ собою, мѣшаясь съ правдой по временамъ. Это похоже на проклятіе. Хотите подтвержденія? На дняхъ вышла брошюра Женена (Génin) по случаю вопроса о преподаваніи: «Ou l'Église, ou l'État», чрезвычайно ѣдко и остроумно написанная. Одна ея часть, обращенная на домогательства клира, написана какъ будто взрослымъ человѣкомъ, а отвѣтъ на эти домогательства изложенъ какъ будто знаменитымъ малюткой Велисарія, который кормилъ слѣпца. И сколько могъ бы я привести вамъ книгъ, рѣчей, предпріятій и бесѣдъ, которыя были сшиты на подобіе морскихъ флаговъ: одинъ кусокъ бѣлый, другой черный, а третій неизвѣстнаго цвѣта. Былъ я недавно въ театрѣ Porte Saint-Martin, на пьесѣ Феликса Піа «Le Chiffonier» («Ветошникъ»), имѣвшей успѣхъ болѣе чѣмъ колоссальный. Роль ветошника принадлежитъ рѣшительно къ самымъ лучшимъ созданіямъ Фредерика Леметра. Онъ смѣло появился въ грязной блузѣ, съ корзиной за плечами, съ крючкомъ въ рукахъ, пьяный и недостойный, какъ сдѣлали его ремесло и общество. Ни на минуту не оставлялъ онъ своего грубаго тона и типическихъ привычекъ своего званія, но чѣмъ далѣе шла пьеса, тѣмъ все сильнѣе пробивался наружу внутренній свѣтъ благородной души ветошника и облекалъ его сіяніемъ. Къ концу пьесы лицо это выразилось во всемъ своемъ человѣческомъ достоинствѣ. Но послушайте далѣе... Ветошникъ, никогда не выѣзжавшій изъ Парижа, начинающій свои ночные поиски въ то время, какъ другіе начинаютъ свои пиршества и удовольствія, лишенный всѣхъ отрадныхъ чувствъ любви и привязанности и потому часто напивающійся, думая найти ихъ въ бреду, встрѣчаетъ дѣвушку, такую же бѣдную, какъ онъ самъ, и дѣлается ея

безкорыстнымъ покровителемъ. До сихъ поръ все просто и вѣрно, а близость шумной, богатой парижской жизни сообщаетъ сценамъ особенную выпуклость и значеніе. Но автору вздумалось втолкнуть въ свою драму нѣсколько исключительныхъ лицъ, и тутъ-то начинаются натяжки. На сцену являются негодяй, подлежащій галерамъ, дочь его, допускающая избіеніе ребенка, незаконно ею прижитаго, и прочее... Господи! Если бы шло дѣло о борьбѣ съ подобными недостатками, то два-три полицейскихъ сыщика исправили бы общество отличнымъ образомъ. Борьба ветошника какъ-то теряетъ значеніе, какое могла бы имѣть; упреки его въ родѣ слѣдующаго: «Вы, матери, убивающія дѣтей своихъ!» никого не клеймятъ; буржуазія спокойно ихъ слушаетъ, и даже въ послѣдней сценѣ, когда ветошникъ умоляетъ правосудіе предоставить ему окончаніе дѣла, является на балъ съ своимъ крючкомъ и снимаетъ имъ подвѣнечный вуаль съ преступницы, крича: «Это тоже ветошка!» буржуазія позволяетъ себѣ улыбаться... И она имѣетъ право улыбаться! Если бы какой-нибудь прокуроръ согласился на такой эфектъ для удовольствія бѣднаго человѣка, вѣдь прокурора разжаловали бы! Такимъ образомъ, не смотря на благое начинаніе, драма оканчивается пустымъ трескомъ. Она походитъ на пустые жернова, которые съ визгомъ трутся другъ о друга, не высыпая ничего, и отъ этого дѣлаются скоро негодны къ употребленію...

На столѣ у меня лежитъ только что вышедшій шестой томъ «Исторіи жирондистовъ» Ламартина: та же исторія, то-есть, общая всей прошлой зимѣ и предписывающая выкупить непремѣнно нѣсколько страницъ ума такимъ же количествомъ недоразумѣній, всякую логическую вѣрную мысль—мыслію, ей противоположною...

VII.

21-го августа новаго стиля 1847 года.

Я, какъ вамъ извѣстно, снова въ Парижѣ. Мы пріѣхали туда къ послѣднему дню іюльскихъ праздниковъ. Недоста-

токъ продовольствія въ продолженіе зимы и обиліе скандалезныхъ исторій въ послѣднее время не имѣли никакого вліянія на три великолѣпныхъ фейерверка, спущенныхъ на набережной Сены, ни на публичный концертъ въ Тюльери, ни на ослѣпительную иллюминацію Елисейскихъ полей. Все это было очень пышно и богато. Если ужь придираться да класть каждое лыко въ строку, такъ пожалуй можно замѣтить, что народъ очень серьезно и хладнокровно смотрѣлъ на все празднество, освистывалъ каждую неудавшуюся ракету, аплодировалъ римской свѣчѣ, отшипѣвшей на славу, но объ энтузіазмѣ и о великихъ воспоминаніяхъ, связывавшихся съ торжествомъ, совершенно забылъ. Правда и то, что происшествія въ родѣ Жирарденовскихъ нескромностей да Тестова процесса хоть у кого отобьютъ память, но всетаки, по моему, это не причина оставаться мрачнымъ при такомъ увлекательномъ зрѣлищѣ. Когда же онъ будетъ радоваться? Вѣдь вотъ едва сгорѣлъ фейерверкъ, какъ начались новыя исторіи, исторія контракта, исторія завѣщанія, исторія Варнера, наконецъ исторія новой драмы Дюма: «Le chevalier de Maison-Rouge» въ театрѣ, который самъ очень впопадъ называется Историческимъ и достоинъ владѣть всѣми скандалезными происшествіями современности. Такъ дня веселія придется ему долго ждать, какъ видите...

Мы остановимся на новой пьесѣ Дюма и—просимъ извиненія у многочисленныхъ петербургскихъ и московскихъ почитателей его таланта—остановимся съ упрекомъ. Кто же виноватъ, что знаменитый писатель построилъ самъ для себя театръ и намѣренъ пять или шесть разъ въ году удивлять Европу отсутствіемъ исторической добросовѣстности, систематическою порчей народныхъ понятій объ отечественныхъ событіяхъ и дерзостью представлять извѣстнѣйшія лица исторіи, какъ на умъ придетъ. Новая пьеса его взята изъ временъ Жиронды, но такъ ловко, что на всякомъ провинціальномъ театрѣ, гдѣ нѣтъ двадцати человѣкъ статистовъ, можно, пожалуй, и выкинуть Жиронду. Впрочемъ можно также выкинуть и всю интригу, оставивъ только народныя сцены, или на оборотъ, выкинуть народныя сцены, а сохранить только

басню. Пьеса удобная, какъ видите, до крайности. Содержаніе ея можно разсказать въ двухъ словахъ. Одно роялистское семейство купило домикъ возлѣ Тампля, гдѣ содержится вдова злополучнаго короля Людовика XVI. Домикъ этотъ особенно тѣмъ замѣчателенъ, что имѣетъ тунель, связывающій его со внутреннимъ дворомъ темницы. Почему же и не быть такому дому, когда есть безчисленное количество домовъ безъ тунелей? Душой всего заговора— небывалый Кавалеръ Краснаго Дома. Онъ является во всѣхъ видахъ—и кавалеромъ, и блузникомъ, и національнымъ гвардейцемъ, и даже тюремнымъ сторожемъ въ Conciergerie; такъ и видно, что полиція временъ террора была крайне благодушна и терпѣлива. Обѣ попытки освободить великую узницу, сперва въ Тамплѣ, а потомъ въ Conciergerie, гдѣ заговорщики будто бы и жандарма убиваютъ, будто бы и въ комнату заключенной пробираются, остаются безуспѣшны. Здѣсь мы должны отдать полную справедливость автору: онъ не рѣшился показать освобожденіе королевы, не рѣшился вывезти ее изъ Франціи и передать въ руки безпокоющагося августѣйшаго семейства ея. И онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалъ и поощренія, что Жюль Жаненъ въ разборѣ его пьесы какъ будто упрекаетъ его за этотъ недостатокъ смѣлости, въ чемъ мы никакъ не можемъ согласиться съ остроумнымъ фельетонистомъ «Journal des Débats». Когда попытки не удались, кавалеръ уходитъ, какъ и слѣдуетъ, неизвѣстно куда. Остается для отвѣта роялистское семейство, въ которомъ мужъ по весьма нелѣпымъ причинамъ, развитымъ въ драмѣ, предоставляетъ жену эшафоту, а самъ желаетъ спастись. Эти причины заключаются собственно въ томъ, что жена его въ хлопотахъ разныхъ coups-de-main влюбилась въ одну горячую голову, молодого республиканца, который, самъ того не зная, служилъ заговорщикамъ средствомъ къ достиженію ихъ предпріятій. Едва арестовали жену, какъ горячая голова является въ тюрьму, отказывается отъ своихъ убѣжденій и рѣшается умереть со своею милой, да не тутъ-то было. У него есть другъ, владѣющій двумя билетами, съ помощью которыхъ можно по-

гулять въ тюрьмѣ да и выйти. Другъ уступаетъ имъ эти билеты, а самъ остается на ихъ мѣстѣ, разсуждая весьма основательно, что влюбленнымъ надо жить, а иначе какая же польза отъ любви можетъ быть, а что онъ, другъ, теперь покамѣстъ свободенъ, такъ пожалуй и умереть можно. Подымается задняя занавѣсь, и сцена представляетъ осужденныхъ жирондистовъ, собравшихся на послѣднее пиршество и встрѣчающихъ зарю послѣдняго своего дня воздыманіемъ кубковъ и патріотическимъ гимномъ.

Изъ разсказа этого вы уже, вѣроятно, замѣтили неуваженіе къ историческому ходу происшествія, но вы не могли замѣтить великаго неуваженія къ лицамъ. На эпоху, въ которую происходитъ дѣйствіе, смотрѣли много и съ разныхъ сторонъ, но никто еще не смотрѣлъ на нее какъ на арлекинаду, способную тѣшить всякую разгулявшуюся ярмарку. Эту сторону открылъ въ ней г. Дюма; ему показалось, что засѣданія тогдашнихъ séctions, напримѣръ, были импровизированныя буфонства, и въ этомъ смыслѣ даетъ онъ на сценѣ образчикъ одного изъ нихъ. Дурачатся какъ будто по заказу. Ему показалось даже, что самъ трибуналъ съ публичнымъ своимъ обвинителемъ былъ панталонада, и дѣйствительно, выведенный имъ на сцену трибуналъ сильно отзывается переулкомъ. Ему показалось также, что и писатели тогдашняго времени позволяли себя прогонять пинками. Послѣднюю вещь Жюль Жаненъ считаетъ высокимъ мѣстомъ драмы наравнѣ съ извѣстнымъ «qu'il mourut» и другими вещами подобнаго рода. Онъ удивляется при этомъ случаѣ, какъ могли современники, какъ можетъ потомство ужасаться эпохи, которая была только смѣшна, и то еще, по свидѣтельству Дюма, самымъ пошлымъ и неблагороднымъ образомъ! Съ намѣреніемъ остановился я на этой пьесѣ такъ долго. Она показываетъ странный способъ, принятый одною частію здѣшней публики, отвѣчать на возраждающіяся воспоминанія бурнаго революціоннаго времени, на множество «Исторій» его, появляющихся одна за другою. Странное опроверженіе, которое вмѣсто серьезнаго и полезнаго разбора дѣла хочетъ отдѣлаться дерзостью лжи, ругательствомъ

и каррикатурой. Пьесѣ Дюма предшествовали двѣ другія: «Charlotte Corday» на театрѣ Gymnase Dramatique, гдѣ такъ нелѣпо обстановлено это прекрасное лицо, совершенно испорченное авторами, да пародія на драму Піа въ Пале-Роялѣ подъ именемъ: «Les Chiffoniers de Paris», гдѣ авторы какъ будто задали себѣ цѣль осмѣять сочувствіе публики къ бѣднымъ классамъ общества и потопить его въ позорѣ сценъ изъ народной жизни, въ отвратительности выдуманныхъ ими подробностей!..

Процессъ д'Эквилье, занявшій все вниманіе города на три или четыре дня, предоставляетъ мнѣ случай сказать вамъ пару словъ о другомъ явленіи Парижа. Вамъ извѣстно, что въ дуели прежняго редактора «La Presse» Дюжарье, стоившей ему жизни, на противниковъ его падало сильное подозрѣніе въ употребленіи пистолетовъ, имъ прежде извѣстныхъ, въ подготовленіи себя стрѣльбой въ цѣль тѣмъ же утромъ, когда назначено было сойтись, и вообще въ безчестномъ поведеніи относительно врага. Все это подтвердилось теперь судебнымъ порядкомъ: смерть Дюжарье объявлена разбойническимъ убійствомъ, противникъ его Бовалонъ, не смотря на прежній оправдательный приговоръ присяжныхъ, арестованъ, а секундантъ Бовалона, реченный д'Эквилье, наказанъ десятилѣтнимъ заключеніемъ, лишающимъ чести, à la peine infamante de réclusion. Бовалонъ и д'Эквилье принадлежатъ къ тому особенному классу молодыхъ людей, который образовался во Франціи на нашихъ глазахъ, обозначается здѣсь именемъ «новыхъ жантильомовъ» и составляетъ болѣзненный наростъ въ обществѣ, любопытный достаточно.

«Новые жантильомы» принимаютъ титулы бароновъ, графовъ и маркизовъ. При малой опытности современной Франціи въ геральдической наукѣ это легко. Жантильомы пользуются спокойно своими титулами до перваго суда за воровство, и тутъ вдругъ открывается, что подсудимые имѣютъ право только на званіе смышленныхъ плутовъ. Примѣръ этому былъ въ недавнемъ процессѣ трехъ фальшивыхъ игроковъ, которые весьма ловко поддерживали свои выду-

манные титулы, принимали и отдавали обѣды, балы, вечера, ѣздили всюду. Искусство ихъ составлять себѣ фамиліи, которыя бы звенѣли какъ древнія, а между тѣмъ были бы совершенно неизвѣстны, удивительно. Оно можетъ равняться только ихъ искусству передергивать карты. Впрочемъ, вѣроятно, въ обществѣ есть требованіе на титулы, когда завелся цѣлый классъ людей, съ помощью ихъ отворяющій себѣ всѣ двери. Тѣ изъ жантильомовъ, которые не одарены творческими способностями, усвоиваютъ себѣ названіе деревни, гдѣ родились, какое-нибудь фантастическое имя изъ забытаго романа, а иногда и названіе хорошаго иностраннаго урочища. Окрещенные такимъ образомъ, они начинаютъ презирать какъ бѣдный, трудящійся вокругъ нихъ народъ, такъ и заботливое, но богатѣющее мѣщанство; появляется клятва орифламой Сенъ-Дени, Морицъ Саксонскій противопоставляется въ геройствѣ маршалу Бюжо, герцогиня Шатору, ведущая къ войску короля, вспоминается при смотрѣ національной гвардіи, и прочее и прочее.

Я самъ говорилъ съ такими жантильомами,— чего же вамъ? Особенно замѣчательно въ жантильомѣ мастерство, съ которымъ онъ умѣетъ отлично проѣхаться въ щегольскомъ тильбюри и обсчитать васъ на двадцать су, быть первымъ на скачкѣ и выиграть у васъ семнадцать рублей пятдесять копѣекъ на-вѣрняка, имѣть боковыя ложи въ обѣихъ операхъ и составить фальшивый вексель. Вѣроятно, это уже въ его природѣ! Величайшее честолюбіе жантильома состоитъ въ томъ, чтобъ прослыть человѣкомъ готовымъ зарѣзать и застрѣлить кого угодно—ребенка, стыдливаго семинариста и пожалуй женщину. Они всѣ отличные стрѣлки въ цѣль, знаменитые охотники съ ружьемъ, и бывали примѣры, что они отдавали свои врожденные и пріобрѣтенные таланты въ наемъ чужой власти, какъ старые италіанскіе браво. Секундантовъ Дюжарье подозрѣваютъ, напримѣръ, въ томъ, что они находились въ неоплатныхъ долгахъ къ своему патрону и потому очень естественно столько же желали его смерти, сколько и секунданты Бовалона...

Одинъ отдѣлъ такихъ жантильомовъ провелъ первую

половину молодости въ самыхъ отдаленныхъ вояжахъ: жантильомы этого отдѣла находились въ службѣ у короля Сандвичевыхъ острововъ, были адмиралами въ Дарфурѣ и фельдцейхмейстерами у кафровъ. Они носятъ ордена и знаки отличія властителей съ именами весьма трудными для произношенія и мало извѣстными въ Европѣ: д'Эквилье имѣлъ два такихъ ордена и называлъ ихъ испанскими. Вы можете узнать жантильома изъ любого отдѣла въ три часа на Италіанскомъ бульварѣ по дерзкому взгляду, которымъ онъ обводитъ толпу, въ публичныхъ балахъ—по равнодушно фамильярному обращенію съ женщинами. Актрисы особенно уважаютъ людей этого закала и охотно раздѣляютъ съ ними ночныя трапезы у Вери и Братьевъ Провансальцевъ: есть что-то сходное между обоими сословіями въ ихъ блуждающей, невѣрной участи, въ ихъ житьѣ собственными средствами, даже въ концѣ ихъ. Актриса умираетъ въ богадѣльнѣ; жантильомъ умираетъ или на каторгѣ, или въ Бельгіи подъ чужимъ именемъ. Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ классъ новыхъ жантильомовъ развился необычайно, но здѣсь у мѣста будетъ сказать, что онъ вызванъ былъ самимъ направленіемъ общества. Жантильомъ явился для разработки темной стороны мѣщанской жизни и ея невѣрности собственному своему происхожденію. Они воспользовались ея затаеннымъ желаніемъ внѣшнихъ отличій, мелочнымъ стараніемъ перевести на себя привилегіи, уничтоженныя для нѣкоторыхъ лицъ, и уваженіемъ ея ко всякому счастливому выходцу, не разбирая ничего: они—дѣти, наказующія почтенныхъ родителей. Напрасно родители стараются посредствомъ трибуналовъ обуздать дѣтей, осуждая ихъ на приготовленіе въ Тулонѣ матеріаловъ для военной морской силы Франціи,—дѣти отомщаютъ родителямъ, обыгрывая и презирая ихъ, составляя ложныя компаніи и смѣясь надъ тѣми, которые попадаютъ въ нихъ, и т. д. Еще хорошо, если такое дитя ограничится составленіемъ продажнаго журнала или писаніемъ драмъ и статей, въ нелѣпости которыхъ онъ самъ первый убѣжденъ. Страннѣе всего, что новые жантильомы привили нравы свои и жокейскому клубу, куда теперь стекаются, какъ къ не-

сомнѣнному и достойному прибѣжищу своему, потомки настоящихъ дворянскихъ фамилій. Тамъ и помину нѣтъ о гражданскихъ или просто человѣческихъ обязанностяхъ, а есть поминъ о поддѣлкѣ клубныхъ марокъ, какъ въ исторіи извѣстнаго богатаго князя (имени его не упоминаю), есть поминъ о плутовской игрѣ, какъ въ недавней исторіи высшаго офицера, да еще есть поминъ о циническомъ, неблагородномъ развратѣ. Въ прошлогоднихъ скачкахъ Шантильи молодежь жокейскаго клуба выставила его на показъ передъ всею парижскою публикой съ аристократическою откровенностью, приводящею въ изумленіе! По сущей правдѣ можно сказать, что передъ всѣми этими господами извѣстная jeunesse dorée Директоріи, которую Наполеонъ разстрѣлялъ потомъ на поляхъ Европы русскими и нѣмецкими пушками, заслуживала еще уваженія. И тѣмъ ярче выказывается сословіе это теперь, когда мысль народа видимо возбуждена, когда онъ начинаетъ довольно зорко смотрѣть вокругъ себя, и все, что̀ есть порядочнаго, какъ въ извѣстныхъ фамиліяхъ, такъ и въ безфамильныхъ семействахъ, тяжело занято уясненіемъ своихъ мыслей, своихъ ожиданій, рода будущей своей дѣятельности.

Между тѣмъ появился первый томъ «Histoire des Montagnards» Альфонса Эскироса. На этой книгѣ сбылась несчастная исторія малыхъ владѣній, заключенныхъ между сильными государствами: они попеременно клонятся то къ одному, то къ другому. Рѣзкій очеркъ событій и лицъ, встрѣчаемый у Мишлѐ, блестящее, поэтическое развитіе ихъ у Ламартина поминутно увлекаютъ Эскироса, двоятъ его образъ изложенія и сталкиваются по нѣскольку разъ на страницѣ. Какъ иногда хитростны и натянуты бываютъ эти подражанія, можетъ служить примѣромъ слѣдующая характеристика Камиля Демуленя, написанная явно подъ вліяніемъ Мишлѐ: «Camille, nature flottante, mais qui s'appartient dans sa mobilité même,—un peu femme, très peuple!» Образъ Ламартина отражается еще грубѣе въ фразахъ Эскироса. При полученіи перваго письма отъ Сенъ-Жюста «Robespierre demeure longtemps absorbé, — il se fit en lui

et dans le ciel autour de lui comme une harmonie voilée, un son religieux, le son des deux ames qui se rencontrent...» и т. д. Нѣсколько новыхъ фактовъ плохо выкупаютъ бѣдность воззрѣнія, сильно напоминающую журналиста второй руки.

Крошечная брошюрка г. де-Корменена: «Le Maire du village» могла бы подать поводъ къ длинному разсужденію о разныхъ способахъ поучать простой классъ общества. Извѣстно, что въ послѣднее время бывшій памфлетистъ посвятилъ себя преимущественно на воспитаніе народа, хотя многіе думаютъ, что прежнія его письма о доходахъ Франціи и королевскаго дома воспитывали народъ не менѣе послѣднихъ его твореній. Въ новой своей обязанности народнаго учителя г. де-Корменен̆ъ отвергъ методу воспитывать деревенщину и бѣдныхъ людей развитіемъ въ нихъ чувства человѣческаго достоинства и собственнаго значенія, простою, но откровенною передачей того, что̀ сдѣлала наука, и того, что̀ существуетъ въ ней еще какъ надежда. Вмѣсто этого онъ предпочелъ другую методу, которая считаетъ интересныхъ обитателей хижинъ дѣтьми, повелѣваетъ утаить отъ нихъ вещи, трудныя для разрѣшенія, а остающуюся половину дѣла, прикинувшись добрячкомъ, разсказать какъ можно поверхностнѣе: извѣстно, деревенскій умъ только то и понимаетъ, что̀ не сто̀итъ труда понимать. Метода г. де-Корменена имѣла успѣхъ. Его «Entretiens de village» были увѣнчаны Французскою академіей и великолѣпно изданы съ картинками. Въ послѣдней брошюркѣ «Деревенскій меръ», которая вся состоитъ изъ 96 страничекъ въ 16-ю долю листа, г. де-Корменен̆ъ довелъ направленіе свое до крайнихъ границъ: когда читаешь ее, кажется, будто младенецъ бесѣдуетъ съ полуумнымъ. Онъ совѣтуетъ, напримѣръ, деревенскому меру приводить въ исполненіе министерскія приказанія, не буянить на улицахъ, любить жену и такъ далѣе до конца. Между разными совѣтами все одинаковой силы, я встрѣтилъ даже два такихъ: 1) въ канцелярскомъ отчетѣ не приписывать лишнихъ денегъ за бумагу и чернила, 2) беречь дѣловыя бумаги отъ домохозяйки, которая, пожалуй, ихъ и утащитъ на что-нибудь. Конечно, все это со-

вѣты полезные, особливо послѣдній (извѣстно, что всякая хозяйка дома весьма основательно считаетъ исписанный листъ бумаги уже негоднымъ листомъ), но по чистой совѣсти они оскорбительны. Я бы на мѣстѣ деревенскихъ меровъ непремѣнно разсердился на г. де-Корменена. Въ извиненіе ему многіе утверждаютъ, что, будучи умнымъ человѣкомъ, говорить нарочно самыя обыкновенныя вещи есть необычайная храбрость. Дѣйствительно; но эта храбрость не заслуживаетъ похвалы. Этакъ, пожалуй, и искусство говорить вздоръ, не будучи умнымъ человѣкомъ, вздумаютъ объявить храбростью: сколько героевъ будетъ у насъ тогда въ Москвѣ и Петербургѣ...

Богатые кварталы Парижа взволнованы страшнымъ происшествіемъ—смертію герцогини де-Праленъ, дочери маршала Себастіани, тиранически умерщвленной въ собственномъ своемъ отелѣ въ улицѣ Faubourg Saint-Honoré. Всѣ выходы дворца оберегаются часовыми, толпа народа до глубокой ночи стоитъ у запертыхъ воротъ, и въ ней ходятъ смутные слухи объ арестаціи герцога де-Праленя, пера Франціи, и о скоромъ криминальномъ процессѣ въ палатѣ перовъ, только что распущенной.

А между тѣмъ надъ Парижемъ лежитъ неимовѣрный зной. Обливаясь пòтомъ, волнуется городъ, суетится, работаетъ, но сильный пульсъ, которымъ бьется въ немъ жизнь, не останавливается ни на минуту. Также неутомимо работаютъ печатные станки, и наборщики не спятъ всю ночь; также бодро и безпрерывно загорѣлые кучера омнибусовъ и дилижансовъ развозятъ публику до отдаленнѣйшихъ частей города; также весело и старательно актеры играютъ на сценѣ передъ многочисленною публикой, забывающею духоту и не хотящею вѣрить въ возможность стѣсненія груди или разслабленія нервовъ. Нигдѣ не видалъ я признака апатіи: все стоитъ крѣпко на ногахъ, и въ эту минуту, какъ въ самый шумный зимній мѣсяцъ, Парижъ живетъ полно, готовый поднять всякій вопросъ и безпрестанно выбрасывая новыя явленія, доказывающія безпрерывный процессъ творчества, совершающійся внутри его.

VIII.

24-го октября новаго стиля 1847 года.

Я нисколько не удивляюсь, господа, что солнечнаго затменія совсѣмъ не было видно въ Парижѣ. Городъ этотъ въ послѣдніе два мѣсяца велъ себя такъ грустно, что не заслуживалъ столь прекраснаго зрѣлища. Подумайте сами: три или четыре дня не умолкалъ нелѣпый шумъ на улицѣ Saint-Honoré. Полиція сперва распредѣляла и, говорятъ, съ нѣкоторою роскошью палочные удары зрителямъ, но потомъ довольно хладнокровно смотрѣла на группы, предоставляя разогнать ихъ дождю и скукѣ, которые дѣйствительно и не замедлили явиться. Далѣе, въ четырехъ или пяти мѣстахъ города подкинуты были ящики съ небольшими фейерверками, которые хотя и не причиняли вреда, но нравственному спокойствію духа обитателей нанесли нѣкоторый ударъ. Послѣдній актъ этихъ площадныхъ фарсовъ, этихъ шутокъ съ зажженнымъ фитилемъ разыгрывается теперь въ исправительной полиціи, гдѣ общество имѣло, какъ кажется, цѣлью усовершенствованіе артиллеріи и затаенную страсть къ опытамъ надъ порохомъ. Впрочемъ, это дѣло крайне ничтожно. Всѣ усилія обвинительнаго акта представить его въ роковомъ свѣтѣ и наполнить его по возможности бомбами, кинжалами, чтеніемъ нехорошихъ брошюръ и опрометчивыми разговорами не могутъ придать ему значеніе, котораго оно не имѣетъ. Это просто безсильное чувство досады, у нѣкоторыхъ лицъ проявляющееся нелѣпостями. Особенно суды присяжныхъ во все это время были для меня камнемъ преткновенія и заставляли сомнѣваться въ юридическихъ моихъ способностяхъ. За одну и ту же вину (статьи по случаю убійства герцогини Праленъ) одинъ журналъ былъ оправданъ («Démocratie pacifique»), а другой осужденъ («Réforme»). До сихъ поръ еще не могу понять причины этой разницы въ приговорахъ; развѣ допустить въ видѣ объясненія, что статья оправданнаго журнала была гораздо злѣе и дерзче? Вы знаете уже, что д'Эквилье за ложное

свидѣтельство приговоренъ былъ къ десятилѣтнему заключенію. Товарищъ его Бовалонъ за то же самое преступленіе осужденъ только на восемь лѣтъ и еще препорученъ милосердію короля. Тутъ опять развѣ только тѣмъ можно объяснить разницу, что первый способствовалъ преступленію, а второй былъ настоящимъ его совершителемъ?.. Ничего не понимаю. Но процессъ, который меня особенно раздосадовалъ, это процессъ отца, покусившагося на собственную жизнь и на жизнь двѣнадцатилѣтняго сына изъ желанія спасти, какъ себя, такъ и его, отъ приближавшейся нищеты. Онъ умертвилъ сына посредствомъ угара ночью, а самъ нечаяннымъ случаемъ былъ спасенъ. По слѣдствію оказалось, что онъ всегда слылъ за трезваго, трудолюбиваго работника и доведенъ былъ до крайности болѣзнью, истощившею всѣ его средства. О сынѣ его весь околодокъ единодушно отозвался, какъ о примѣрномъ мальчикѣ, удивлявшемъ всѣхъ скромностью поведенія и мягкостью своего характера. Во время суда президентъ спросилъ сыноубійцу: «Если бы сынъ вашъ зналъ, какую участь вы готовите ему, согласился бы онъ на нее?» И отецъ со слезами отвѣчалъ: «Онъ бы на нее согласился, господинъ президентъ!» Должно быть мысль о безпомощномъ состояніи имѣетъ много нестерпимой ѣдкости. Досадный процессъ этотъ лишилъ меня на нѣкоторое время равновѣсія душевныхъ силъ, хотя публичный обвинитель, въ концѣ его, очень хорошо защищалъ общество отъ упрека въ невниманіи къ бѣднымъ классамъ. Вѣроятно, присяжные имѣли собственныя свои мысли по этому предмету, потому что они вынесли оправдательный приговоръ убійцѣ, который впрочемъ принялъ его безъ радости... Вы понимаете теперь, почему 9-го октября, въ день затменія, небо покрыто тучами, и парижане лишены были дарового астрономическаго спектакля. Тѣмъ съ бо̀льшимъ рвеніемъ бросились они на спектакли, дозволенные имъ на землѣ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Всѣ залы театровъ биткомъ набиты каждый вечеръ, а пріѣздъ знакомой намъ Альбони помогъ даже облегчить публику отъ того количества восторговъ и энтузіазма, которое она, публика, съ

опасностію жизни, такъ долго носила въ себѣ, не зная куда дѣвать. Альбони имѣла рядъ тріумфовъ на сценѣ Французской оперы, и какъ не имѣть? Свѣжій, здоровый голосъ есть такая рѣдкость теперь вездѣ; не знаешь, какъ и радоваться, если хоть импресаріо какой-нибудь отыщетъ подобный для подмостковъ своихъ.

По сущей справедливости никакъ не могу отнести въ пользу прошедшимъ мѣсяцамъ и появленіе многихъ системъ, клонившихся къ реформѣ общественной организаціи. Съ одной стороны, весьма утѣшительно видѣть столько головъ и сердецъ, проникнутыхъ желаніемъ отыскать для человѣчества новый путь, болѣе мягкій и пріятный нынѣ существующаго, а съ другой—удовольствіе это весьма ослабляется замѣтнымъ отсутствіемъ мысли, труда и изученія въ произведеніяхъ. Такъ и видно, что книга или брошюра написаны только благороднымъ намѣреніемъ, которое, по правдѣ сказать, предоставленное единственно самому себѣ, рѣдко хорошо пишетъ. Подъ прикрытіемъ всеобщаго современнаго направленія къ отысканію законовъ новаго общественнаго развитія образовалась, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ странахъ Европы, литература второстепенныхъ дѣйствователей, которые затрогиваютъ всѣ вопросы при одномъ пособіи англійскихъ чернилъ, листа бѣлой бумаги и стального кутбертовскаго пера. Эта беллетристика, полная живого воодушевленія и наполняющая теперь книжные магазины Германіи и Франціи, отводитъ глаза многихъ людей отъ настоящихъ задачъ, даетъ произвольныя рѣшенія, а иногда даже просто играетъ съ выбраннымъ предметомъ, какъ золотая рыбка съ солнечнымъ лучемъ въ хрустальномъ сосудѣ. Мнѣ показалось, господа, не безполезнымъ обратить вниманіе на нее и при всей ея прелести, при всей ея добросовѣстности во многихъ случаяхъ совершенно отдѣлить отъ серьезныхъ стремленій науки и сознанія. Если вы подумаете, что она породила мысль объ умственной анархіи, будто бы существующей въ наше время, что она развила убѣжденіе, будто говорить о формахъ народнаго существованія легче, чѣмъ говорить о приготовленіи салата à l'oeuf,

то приговоръ мой не покажется строгимъ. Для бо̀льшаго вашего убѣжденія скажу вамъ нѣсколько словъ о двухъ книжкахъ, вышедшихъ въ послѣднее время и которыя удивительно хорошо выражаютъ двѣ различныя манеры, принимаемыя соціальною беллетристикой попеременно почти во всѣхъ углахъ европейскаго континента. Я говорю о «Démocratie au XIX siècle» г. Берналя и о «Réforme du savoir humain».

Какъ всегда, книга г. Берналя написана съ мыслію примирить авторитетъ съ свободнымъ развитіемъ лица. Вамъ гораздо было бы труднѣе водворить согласіе въ нѣдрѣ какой-нибудь влюбленной четы, чѣмъ г. Берналю разрѣшить свою задачу. Онъ созидаетъ трибуналы, конгрессы, суды для ограниченія исполнительной власти съ легкостію, къ какой только бобры и дикія пчелы способны. Когда всѣ мѣры имъ приняты, онъ становитъ всѣхъ на колѣни предъ собственнымъ произведеніемъ и вѣрить не хочетъ, чтобъ кому-нибудь пришла въ голову мысль подняться на ноги. Самый процессъ, употребленный имъ для развитія своей системы, характеризуетъ прекрасно всѣ попытки этого рода. Каждое изъ двухъ противоположныхъ началъ онъ дробитъ на двѣ части: хорошую, достойную подражанія, и дурную, достойную порицанія. Это десна и шуя страшнаго суда брошюрныхъ организаторовъ. Подготовивъ такимъ образомъ матеріалы, онъ беретъ изъ обѣихъ частей то, что̀ ему нужно, по собственному усмотрѣнію и кладетъ эти осколки рядомъ одинъ за другимъ. Вскорѣ выходитъ пестрая, безсмысленная мозаика, на которую авторъ скромно указываетъ, говоря: «C'est l'avenir!» Способъ изложенія въ подобныхъ произведеніяхъ замѣчателенъ не менѣе содержанія ихъ. Онъ состоитъ большею частію изъ афоризмовъ, фразъ, сжатыхъ и имѣющихъ видъ политическихъ пословицъ или по крайней мѣрѣ мудрыхъ изрѣченій. Онъ также видимо просится въ родню къ манерѣ Монтескье, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ и качества, собственно ему принадлежащія. Къ числу самыхъ важныхъ должно отнести способность придать такой оборотъ фразѣ, что она кажется мыслію, будучи въ сущности

только рисункомъ посредствомъ словъ, если смѣю такъ выразиться. Вообще искусство убирать пустоту положенія внѣшнимъ нарядомъ чрезвычайно развито въ соціальной беллетристикѣ. Г. Берналь, напримѣръ, разбирая различные виды гражданскаго быта, говоритъ о народномъ, автократическомъ и смѣшанномъ слѣдующее: «Le premier est plus naturel, le second plus fort, le troisième plus sage». Кто не видитъ, что тутъ все разсчитано на оболочку, на внѣшнюю форму, и что сзади ихъ ничего нѣтъ, какъ въ старыхъ арсеналахъ панцыри, шишаки и наколѣнники составляютъ пустыхъ рыцарей. Не подумайте, чтобъ книга г. Берналя принадлежала къ числу ничтожныхъ явленій, о которыхъ говорить не стоитъ: совсѣмъ нѣтъ. Она была похвалена во многихъ журналахъ и даже пользуется нѣкоторымъ успѣхомъ у людей, которые литературную нелѣпость очень скоро откроютъ, но за правильнымъ, послѣдовательнымъ изложеніемъ не скоро догадаются о внутренней пустотѣ произведенія. Къ тому же можете ли вы проѣхать любой нѣмецкій городокъ, любую французскую общину безъ того, чтобъ не встрѣтить въ окнахъ первой книжной лавки созданіе какого-нибудь туземнаго г. Берналя?

Авторъ брошюры: «Réforme de savoir humain», составляющей только прологъ къ огромному труду, имѣетъ свою систему, которую совсѣмъ нельзя упрекнуть въ робости или нерѣшительности. Она предназначена, видите, пояснить не только физическіе и нравственные законы вселенной, но и происхожденіе ихъ, не только созданіе міра, но и сущность матеріи, изъ которой онъ сложился, не только сущность матеріи, но и причину, понудившую къ творчеству. Авторъ самъ говоритъ, что человѣчество достигло познанія абсолюта, но познаніе архіабсолюта будетъ ему только открыто въ первыхъ мѣсяцахъ 1848 года, когда книга вполнѣ явится. Правда, для основанія подобной системы надобно было отвергнуть всю дѣйствительность, всѣ данныя, полученныя наукой, исторіей и законами мышленія, и замѣстить ихъ совершенно новыми положеніями. И они дѣйствительно замѣщены другими—вдохновеніемъ абсолют-

наго разсудка, самобытною творчественностію человѣка и тому подобными, отысканными авторомъ въ собственной мысли, потерявшей всякое основаніе и уже ничѣмъ не связанной съ нашею бѣдною планетой. Разъ освободясь отъ всѣхъ земныхъ условій, мысли этой уже не мудрено было при переходѣ къ опредѣленію общественнаго быта высказать такія простыя вещи о назначеніи человѣчества, каковы слѣдующія: осуществленіе абсолютной истины, вѣчное пребываніе въ абсолютномъ знаніи и, наконецъ, полное безсмертіе на землѣ... То-то бы славно въ самомъ дѣлѣ! Умалчиваю о другихъ пріятныхъ надеждахъ, помогающихъ сносить горе жизни, и скажу только, что все это еще написано въ мистическомъ свѣтѣ и съ хитростною терминологіей, облегчающею пониманіе, на сколько это возможно. Зная, какую сильную наклонность питаютъ умные народы къ трудолюбивому опыту и законамъ логики, авторъ обрекаетъ ихъ съ самаго начала на вѣчную темноту, а осуществленіе своей реформы человѣческихъ знаній предоставляетъ будущимъ племенамъ. Со всѣмъ тѣмъ брошюра эта принадлежитъ къ числу типическихъ произведеній и вмѣстѣ съ книгой г. Берналя составляетъ тѣ два полюса, между которыми вращается въ безчисленныхъ оттѣнкахъ современная соціальная беллетристика во Франціи. Содержаніе можетъ измѣниться, но пріемы и манера остаются тѣ же.

Не подумайте однакожь, чтобъ тяжелый трудъ, спеціальное изученіе и добросовѣстная разработка предмета погибли совсѣмъ на свѣтѣ. Ни мало. Каждый мѣсяцъ приноситъ ощутительное доказательство, что по всѣмъ отраслямъ знанія, особенно по исторической и экономической частямъ, существуютъ дѣятели, понимающіе условія настоящаго истиннаго труда. Въ нынѣшній разъ я могу вамъ указать на четвертый томъ прекрасной книги Волабеля: «Histoire des deux restaurations» и на новое изданіе: «Du crédit et de la circulation» графа Чишковскаго, книги, получившей въ послѣднее время весьма почетную извѣстность. На дняхъ долженъ явиться второй томъ «Исторіи» Луи Блана. Этому послѣднему увражу

давно уже предшествуетъ какой-то смутный говоръ въ публикѣ, возвѣщающій открытіе новыхъ источниковъ, за которыми должно послѣдовать совершенное измѣненіе понятій касательно происшествій послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія и ихъ оцѣнки.

Едва успѣла администрація Французской оперы очистить сцену свою отъ цвѣтовъ, набросанныхъ въ честь Альбони, какъ появленіе танцовщицы Черито, еще не виданной парижанами, снова покрываетъ ее, три раза въ недѣлю, вѣнками и букетами. Черито дебютировала въ новомъ балетѣ: «La fille de marbre»—мраморная дѣвица, такъ сказать,—и явилась очень въ пору. Два мѣсяца сряду принуждена была здѣшняя публика освистывать всѣ новые водевили, разбѣгаться послѣ второго акта каждой новой драмы и считать за величайшее одолженіе, если свѣжіе тирольцы выведутъ оригинальнымъ образомъ свое вѣковѣчное ала-и-ту или если пріѣзжіе эѳіопцы, видимо получившіе жизнь въ окрестностяхъ Эдинбурга, исполнятъ невольничій танецъ, сочиненный отставнымъ фигурантомъ, пользующимся всѣми правами гражданина. Многіе уже начинали думать, что болѣзнь Франціи—отсутствіе живого явленія, свѣжаго происшествія, факта, что эта болѣзнь, повергающая въ смущеніе преимущественно иностранныхъ наблюдателей, перешла и на театръ. «Кто дастъ намъ живое явленіе?» говорили или, лучше, думали зрители, выходя ночью изъ театровъ съ поникшею отъ усталости и скуки головой. Теофиль Готье написалъ даже по этому случаю для Variétés нелѣпѣйшую арлекинаду: «Пьеро послѣ своей смерти», думая, вѣроятно, что живое явленіе должно быть непремѣнно глупость. Сконфуженная публика рѣшилась посвятить себя въ ожиданіи лучшей будущности созерцанію старыхъ пьесъ, хотя и потерявшихъ первый букетъ, но сохраняющихъ по крайней мѣрѣ смыслъ, а изъ новыхъ смотрѣть только тѣ, которыя смыслъ совершенно отстранили, замѣстивъ его великолѣпными декораціями, машинами, полетами и быстрыми перемѣнами. Этимъ объясняется, съ одной стороны, царство обветшалаго репертуара на всѣхъ сценахъ, а съ другой—успѣхъ

феерiи: «La belle aux cheveux d'or» на театрѣ Porte Saint-Martin. Не возможно выдумать пьесы болѣе способной утѣшить всякаго зрителя въ недостаткѣ живого явленія. Она состоитъ изъ великолѣпнѣйшихъ сценъ, не имѣющихъ ни малѣйшей связи между собою и въ ней совершенно не нуждающихся: сцены сдѣланы, чтобъ поразить васъ постепенно возрастающею странностію выдумки и ловкостію машинистовъ и декораторовъ, приводящихъ ее въ исполненіе. Правда, есть одно происшествіе, которое проходитъ по нимъ, какъ нитка сквозь бурмицкія зерна, да его никто не понимаетъ. До интриги ли, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ представить обитель солнца, напримѣръ, а за нею царство дождя, принимающаго въ гости знаменитѣйшія рѣки Европы, а потомъ царство вѣтра, который журитъ любимаго сына Зефира за праздную его жизнь, посвященную исключительно прекрасному полу, а тамъ еще царство движущихся статуй и, наконецъ, невыразимое царство бьющихъ каскадовъ, прозрачныхъ кіосковъ, дѣтей, висящихъ на воздухѣ, и фигурантокъ, впихнутыхъ въ жемчужныя раковины? Есть и тутъ впрочемъ забавныя выходки: такъ, солнце награждаетъ любимцевъ позволеніемъ смотрѣть на себя и цвѣтными очками, облегчающими право это; такъ еще, старый Рейнъ, въ гостяхъ у дождя, на вопросъ: «какъ у васъ поживаютъ?» чрезвычайно умориτельно отвѣчаетъ: «Tout doucement», и прочее. Вы понимаете теперь, какъ легко за краснымъ вымысломъ подобнаго рода совершенно упустить изъ виду, что свѣжее, здоровое явленіе есть одинъ изъ признаковъ сильнаго общественнаго развитія. Но такое явленіе не можетъ затеряться совсѣмъ: оно умираетъ только съ жизнью самого народа, а можно надѣяться безъ особеннаго азарта, что всѣ существующіе теперь народы въ Европѣ будутъ еще долго здравствовать. Вотъ почему самобытный фактъ и не замедлилъ показаться сперва въ образѣ Альбони, а потомъ въ роскошныхъ позахъ на кончикѣ носка г-жи Черито. Однакожь это было только навѣяніе со стороны чисто внѣшнее и, такъ сказать, призывный голосъ иностранцевъ; надо было, чтобъ въ нѣдрахъ самого государства нашелся человѣкъ, который

вызвалъ бы жизнь и движеніе. Такой основатель сильной дѣятельности, такой Кольберъ драматической и изящной литературы открылся въ особѣ нынѣшняго королевскаго коммисара при Théâtre Français, г. Бюлозъ. Извѣстно, что обозрѣніе «Revue des deux mondes» ему также принадлежитъ, и на оберткѣ его вы уже видѣли, какой богатый запасъ повѣстей и произведеній всѣхъ знаменитѣйшихъ писателей Франціи находится въ его рукахъ. Это обѣщаетъ предстоящую зиму сдѣлать чѣмъ-нибудь въ родѣ вѣка Людовика XIV. Что касается до администраціи Французскаго театра, то, вопервыхъ, г. Бюлозъ перестроилъ его заново по образцу Италіанской оперы и, говорятъ, сильно желаетъ водворить въ немъ изящество костюмовъ и свѣтскій тонъ италіанской публики, а вовторыхъ, издалъ программу геніальныхъ произведеній, купленныхъ имъ и актерами-общинниками на зиму. Прилагаю ихъ списокъ: «Les Aristocraties», комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ; «La marquise d'Aubray», драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ; «Cléopâtre», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ; «Le Château de cartes», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ; «Le Puff», комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ; «La Rue Quincampoix», комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Такимъ образомъ, можетъ статься, черезъ мѣсяцъ мы будемъ перенесены изъ совершеннаго застоя къ самой судорожной умственной жизни. Возобновится, можетъ быть, передъ нами то счастливое время партера Французскаго театра, когда бурно сшибались въ немъ двѣ партіи—классическая и романтическая, связывавшія съ литературнымъ вопросомъ еще множество другихъ, посторонныхъ. Можетъ статься даже, что эпоха борьбы глуккистовъ и пиччинистовъ возстанетъ передъ нами со всѣмъ своимъ увлеченіемъ, шумомъ, задоромъ... Тогда только вполнѣ оцѣнится, какое сильное вліяніе имѣетъ одинъ смышленый человѣкъ на весь ходъ происшествій, и г. Бюлозъ, какъ послѣднее средство, будетъ прилагаться ко всѣмъ попыткамъ, издыхающимъ отъ безсилія и разслабленія. Вѣроятно, онъ не забудетъ въ это время общества для способствованія свободному обмѣну произведеній, которое послѣ извѣстнаго

конгресса въ Брюсселѣ, не имѣвшаго впрочемъ никакого отголоска во Франціи, буквально не знаетъ, что̀ будетъ оно дѣлать напредки.

Но скоро ли найдется другой г. Бюлозъ, чтобы вывести наружу силы, нуждающіяся дневного свѣта и глубоко запрятанныя на днѣ общества?..

Я однакожь ничего не сказалъ вамъ о новомъ балетѣ... Извините! Дѣло вотъ въ чемъ: Средневѣковой художникъ произвелъ статую прелести необычайной, въ которую, разумѣется, тотчасъ же и влюбился. Вѣроятно, художникъ этотъ, по прозванію Манаи, составлялъ въ свое время исключеніе, потому что статуя его (г-жа Черито) ни мало не вытянута, не перегнулась на бокъ въ насильственной граціозности и нисколько не имѣетъ задумчиваго вида. Разъ влюбившись, художникъ не крадетъ оживотворяющій огонь, какъ Прометей, а смиренно идетъ просить луча жизни для своего произведенія у Белфегора, духа огня и шефа саламандровъ. Тутъ, какъ слѣдуетъ, тотчасъ же является условіе. Довольно хриплый голосъ за сценой возвѣщаетъ плохими стихами, что оживленной статуѣ будетъ позволено влюблять весь міръ въ себя, но что у нея отнимается эфемерное существованіе ея тотчасъ же, какъ она вздумаетъ дать реваншъ и сама полюбить. Объ остальномъ вы уже догадываетесь. Появляется великолѣпная декорація, изображающая Севилью съ романскими ея башнями, тяжелыми воротами и мостомъ черезъ рѣку, который вскорѣ покрывается пестрою толпой народа, выходящаго изъ города, и представляетъ дѣйствительно прекрасный живописный эфектъ. Декорація принадлежитъ г. Камбону, который вмѣстѣ съ Филастромъ произвелъ уже множество весьма удачныхъ діорамическихъ картинъ для разныхъ театровъ. Начинаются земныя похожденія статуи: она безпрестанно танцуетъ, веселится и дразнитъ влюбленныхъ, которыхъ число ростетъ неимовѣрно. Всѣ и все влюбляются: это почти какъ гдѣ-нибудь на водахъ. Между пораженными находится также какой-то мавританскій князь, къ которому статуя уже начинаетъ чувствовать нѣкоторую наклонность. Во второмъ актѣ князь этотъ завоевываетъ Гренаду посредствомъ

пяти человѣкъ, пробѣгающихъ черезъ сцену, и предлагаетъ руку и корону статуѣ, которая послѣ небольшой внутренней борьбы и принимаетъ ихъ... Раздается громъ, и статуя лишается жизни, обращаясь по прежнему въ мраморную фигуру. Изъ всего этого можно вывести весьма спасительную мораль, именно: женщины мраморной породы должны выдерживать до конца свой характеръ и не поддаваться искушеніямъ. Черито во все продолженіе балета была увлекательна: смѣлость ея танцевъ, переходы отъ скромнаго выраженія къ страстному увлеченію и упоенію, которому, кажется, она сама предается при исполненіи своихъ па, все это сообщаетъ ей особенный, самобытный характеръ. Этимъ пріятнымъ воспоминаніемъ, которое и хронологически было послѣднее, заключаю мое письмо. Благоденствуйте!

IX.

22-го ноября новаго стиля 1847 года.

Съ приближеніемъ зимы, господа, все, что думалось и затѣвалось разными головами въ продолженіе лѣта, начинаетъ мало по малу выходить наружу. Каждая недѣля обозначается новымъ явленіемъ, и вскорѣ всѣ эти дѣти лѣтнихъ прогулокъ по Пиринеямъ и Италіи, уединенныхъ мечтаній въ окрестностяхъ Парижа и глубокихъ соображеній въ его собственныхъ садахъ пойдутъ тѣсною, неразрывною толпой. Таково всегда здѣсь приближеніе зимняго сезона: видно, какъ всѣ торопятся поскорѣе выкупить вексель, данный публикѣ на собственную производительность, какъ всякій суетится захватить мѣстечко повиднѣе въ общей аренѣ, и какъ отвсюду бросаютъ ярлыки съ именами въ народъ: авось примется и разцвѣтетъ извѣстностію, славой, богатствомъ. Эта игра, возобновляющаяся каждую зиму, имѣетъ свою прелесть, а иногда—чего не бываетъ на свѣтѣ!—и свою трагическую сторону.

Королевскій театръ (Théâtre Français) приступилъ къ исполненію великолѣпныхъ своихъ обѣщаній постановкою

комедіи г. Этьеня Араго: «Les Aristocraties», въ пяти дѣйствіяхъ и стихахъ. Она имѣла самый полный и блестящій успѣхъ. Когда пьеса имѣетъ полный и блестящій успѣхъ, о ней позволяется говорить что̀ угодно. Я видѣлъ въ Италіи поселянъ, преспокойно опочивающихъ на ступеняхъ самыхъ великолѣпныхъ монументовъ ея, и монументы нисколько не оскорблялись. Почему же всякому не дозволить того, что̀ дозволено италіанскимъ поселянамъ?

Г. Араго принадлежитъ къ числу сотрудниковъ журнала «La Réforme» и часто занимается въ этомъ журналѣ рецензіей театральныхъ пьесъ. Замѣчено, что рецензентъ, который вздумаетъ приступить къ чистому созданію, появляется, какъ Каинъ, съ печатью своего грѣха на челѣ; онъ дѣлается резонеръ. Вѣроятно, это устроено такъ для утѣшенія плохихъ авторовъ. Повѣсти г. Филарета Шаля, романы г. Сентъ-Бева, симфоніи Берліоза, комедіи г. Леона Гозлана, фарсы г. Теофиля Готье, трагедіи г-жи Эмиль Жирардень всегда были хорошо обдуманы, также хорошо, какъ любой планъ сраженія, но самаго сраженія авторы почти никогда не выигрывали. Исключеніе остается только за г. Берліозомъ. Несчастіе носить въ гражданскомъ быту званіе рецензента, по моему мнѣнію, много повредило и г. Араго. Содержаніе комедіи можно разсказать въ немногихъ словахъ. Банкиръ-милліонеръ Вердье, мучимый честолюбіемъ, доискивается депутатства, баронства и жениха изъ знатной фамиліи для дочери своей. На послѣднее желаніе отвѣчаютъ ему два представителя знатности, разоренные въ конецъ и нравственно ничтожные: г. Терси, потомокъ древняго дворянства, и г. Ларіель, сынъ дворянина временъ имперіи. Оба они, раздѣленные соперничествомъ въ домогательствѣ актрисы-пѣвицы г-жи Каслиль, заключаютъ однакожъ союзъ въ домѣ банкира и условіе, по которому женившійся на дочери его уступаетъ другому пѣвицу. Когда безчестный заговоръ этотъ открывается самою актрисой, женщиной молодою, но добродѣтельною и тщеславною, банкиръ обращаетъ глаза на нѣкотораго геніальнаго механика, по имени Валентина, уже давно гуляющаго у него по дому. Механикъ этотъ оказалъ

впрочемъ услугу семейству банкира: онъ спасъ дочь его отъ страшной смерти, но въ замѣнъ этого влюбился въ нее. Въ ту минуту, какъ милліонеръ устраиваетъ бракъ дочери съ Валентиномъ, надѣясь съ помощію глубокихъ соображеній послѣдняго такъ разбогатѣть, что всѣ головы міра склонятся предъ нимъ, загарается кабинетъ банкира, и тридцать-три милліона банковыхъ билетовъ въ ничтожный пепелъ превращаются. Пожаръ этотъ однакожъ открываетъ, что механикъ Валентинъ уже сдѣлалъ нѣсколько удивительныхъ операцій и тайкомъ сильно разбогатѣлъ. Скромно сознавшись въ этомъ, Валентинъ беретъ дочь разореннаго банкира, читаетъ, какъ ему, такъ и двумъ аристократамъ, добрую проповѣдь, особливо послѣднимъ, при чемъ отдаетъ должную справедливость заслугамъ ихъ отцовъ, и заключаетъ комедію, провозглашая, что теперь наступаетъ аристократія не финансовая, не родовая, а аристократія труда, таланта и добродѣтели. Партеръ сильно аплодируетъ, хотя не вѣритъ ни одному слову.

Вы могли уже замѣтить изъ краткаго изложенія этого нѣкоторую ветхость пружинъ, которыми движется комедія, но вы не могли замѣтить ея хорошихъ сторонъ, остроумнаго изложенія и нѣсколькихъ прекрасныхъ комическихъ сценъ. Пьеса видимо только тѣмъ и страдаетъ, что авторъ ея—сотрудникъ извѣстной газеты. Будь онъ ничѣмъ, простымъ человѣкомъ, два аристократа, напримѣръ, этой комедіи вышли бы живыя лица непремѣнно, а не ходячія понятія, какъ теперь, безцвѣтныя и мертвыя. Банкиръ пьесы представленъ не въ комическомъ свѣтѣ, а немножко въ каррикатурѣ: это собственно не банкиръ, а воззрѣніе извѣстной партіи на банкирское достоинство. Оно, конечно, нравится тѣмъ, которые обижены касательно состоянія, да только не достигаетъ цѣли. Вслѣдъ за этою пьесой г. Ротшильдъ поѣхалъ въ министерство финансовъ и взялъ на себя двухъ-сотъ-пятидесяти-милліонный заемъ Франціи по семидесяти-пяти сантимовъ вмѣсто ста. Вотъ ужь критика такъ критика и будетъ почище нашей! Милліонеръ г. Араго — дурной отецъ, а извѣстно, что большею частію

спекулянты, лихоимцы, ростовщики—примѣрные отцы семействъ; милліонеръ г. Араго принуждаетъ дочь выдти за знатнаго человѣка, а извѣстно, что финансовые люди любятъ зятей скромныхъ, смышленныхъ и на знатные браки соглашаются только по слабости къ дѣтямъ; милліонеръ г. Араго выслушиваетъ насмѣшки и грубости: «la finance et l'ésprit sont rarement parents», «сердце банкира—кусокъ золота» и проч., а извѣстно, что банкиры имѣютъ многочисленную прислугу, способную выпроводить всякаго невѣжду и грубіяна; наконецъ, милліонеръ г. Араго, имѣющій силу опрокинуть министерство, какъ самъ говоритъ, добивается баронскаго титула, въ которомъ министры почему-то ему упорно отказываютъ, а извѣстно, что... и такъ далѣе. Всѣхъ менѣе понравился мнѣ геніальный работникъ, механикъ Валентинъ, разсуждающій въ продолженіе цѣлой комедіи и разсуждающій очень бойко и краснорѣчиво о темныхъ сторонахъ современной общественности, но именно это лицо и доставило г. Этьеню Араго похвалы всѣхъ партій. Его безпристрастіе, его оцѣнка исторіи и явленій, ею порожденныхъ, и наконецъ, стремленіе замѣстить привилегіи рода и богатства привилегіями труда и таланта встрѣтили всеобщее одобреніе парижанъ. Однакожь мнѣ все кажется, что этотъ работникъ—немножко самозванецъ. Товарищи его, сколько случалось мнѣ слышать, никогда не смѣшиваютъ труда съ талантомъ, находя въ одномъ первомъ достаточное право на уваженіе и почетъ. Работникъ этотъ, должно быть, сильно потерся между пишущею братіей, между кабинетными демократами и нѣсколько утратилъ первобытный свой образъ. Вѣроятно, отъ нихъ занялъ онъ также искусство облечь въ рѣзкую форму мысль, въ основаніи беззлобивую и невинную. Сходство еще увеличивается, когда замѣтишь нѣкоторое безсиліе во всѣхъ его фразахъ и даже что-то похожее на отчаяніе, старающееся обмануть себя. Вотъ почему критики самыхъ разнородныхъ направленій встрѣтили Валентина какъ стараго знакомаго, какъ пріятеля, съ которымъ вчера разстались, не смотря на то, что завистливая «La Réforme» объявила успѣхъ комедіи семейнымъ праздникомъ своимъ.

Вся братія безъ исключенія, печатающая разборы, фельетоны и premier-Paris въ журналахъ, подняла г. Араго на щитъ, и при этой оваціи самъ Жюль-Жаненъ доброхотно подставилъ плечо свое, разодранное сатирическою лозой г. Феликса Піà и не зажившее еще до сихъ поръ.

Но въ этой комедіи есть лицо, несомнѣнно доказывающее какъ наблюдательность автора, такъ и врожденный талантъ комика, который онъ, можетъ быть, впослѣдствіи разовьетъ. Лицо это называется Дюпре и представляетъ хитраго бѣдняка, который поставленъ въ необходимость жить на счетъ слабостей ближняго. Отличительная его черта—способность быть всѣмъ въ одно время: управителемъ и живописцемъ, ходатаемъ по дѣламъ и издателемъ журнала, пожалуй, даже ученымъ записнымъ и ростовщикомъ. Онъ разнится съ Фигаро только тѣмъ, что равно употребляетъ въ дѣло пороки сильныхъ и безпомощность бѣдныхъ, и притомъ, какъ слѣдуетъ въ нашъ вѣкъ, всегда изъ денегъ, а не изъ желанія, какъ тотъ, возстановить равенство между силою и ничтожествомъ. Дюпре беретъ отъ сильныхъ самонадѣянность, отъ слабыхъ—недовѣріе къ себѣ и кладетъ ихъ рядомъ въ основаніе, на которомъ самъ намѣренъ построиться. Все, чего недостаетъ ему въ знаніи, въ глубинѣ мысли, въ природныхъ способностяхъ, пополняетъ онъ мастерствомъ разрабатывать, эксплуатировать молодые, безпріютные таланты. Мастерство это возвелъ онъ до высокой степени совершенства. Отъ архитектора беретъ онъ планъ, отдаетъ его живописцу, и изъ общихъ трудовъ ихъ выходитъ картина, подъ которою онъ смѣло подписываетъ свое имя. Онъ самъ говоритъ въ минуту откровенности: «Я сажусь на плечи этимъ бѣднымъ труженикамъ, и они несутъ меня къ цѣли, указанной мною. Тутъ мы останавливаемся: они падаютъ въ изнеможеніи, а я являюсь къ ней свѣжій и здоровый!» Лицо это до такой степени вѣрно, живо и обще въ нашъ вѣкъ, что его также можно встрѣтить здѣсь на Италіанскомъ бульварѣ, какъ на Тверскомъ въ Москвѣ и на Невскомъ проспектѣ въ Петербургѣ.

Еще нѣсколько словъ по случаю этой комедіи. Я замѣ-

тилъ, что избранная публика Королевскаго театра всегда сильно потрясена резонерскими выходками пьесы. Кто знаетъ, что въ обществѣ французскомъ резонерства весьма мало, тотъ долженъ, конечно, удивиться присутствію его въ искусствѣ. Я не говорю о проповѣдническомъ началѣ, которое вплетается почти во всѣ произведенія Мольера: наставленія этого геніальнаго человѣка до того проникнуты любовью къ людямъ, здравымъ смысломъ, исполненнымъ чистоты, что имѣютъ силу даже до сихъ поръ. Я говорю о тяжеломъ ходѣ нѣкоторыхъ условныхъ моральныхъ положеній, которыя проникаютъ всюду, даже въ историческія и экономическія сочиненія и, сказанныя передъ публикой, всегда вызываютъ электрическую искру. Для меня явленіе это объясняется только вѣчною молодостію народа, который можетъ быть потрясенъ всякимъ общимъ мѣстомъ, лишь бы представляло оно воображенію благородный, увлекательный образъ. На представленіи комедіи г. Араго я смотрѣлъ столько же на пьесу, сколько любовался самимъ авторомъ, выглядывающимъ изъ-за нея, и наблюдалъ волненіе публики, слушающей его. Это было, такъ сказать, тройное представленіе для меня, и вотъ почему я такъ долго и остановился на немъ.

Въ ту минуту, какъ я пишу вамъ, Королевскій театръ празднуетъ новый и рѣшительный успѣхъ. Трагедія г-жи Жирардень: «Клеопатра», благодаря мастерству г-жи Рашель, интересному полу, къ которому принадлежитъ авторъ, многочисленнымъ друзьямъ г. Эмиля Жирарденя и сценическимъ эфектамъ, была принята съ великимъ одобреніемъ. Завязка ея могла бы показаться стара на всякомъ другомъ театрѣ, но, привязанная къ историческимъ именамъ и къ лицамъ въ котурнахъ и тогахъ, она получаетъ какого-то рода новизну. Пріятно видѣть, что Антоніи и Августы думаютъ и поступаютъ такъ, какъ-будто знакомы съ новѣйшею мелодрамой. Этотъ оттѣнокъ, пріобрѣтенный классическою современною трагедіей, уже давно развитъ г-жею Жирардень съ несомнѣннымъ превосходствомъ. Она пошла такъ далеко, какъ до нея никто не доходилъ. Дурная репу-

тація, каковою пользуется Клеопатра въ исторіи, показалась г-жѣ Жирардень преувеличеніемъ профессоровъ исторіи, большею частію мужчинъ. Плутархъ былъ, какъ извѣстно, мужчина. Порочной женщины въ такомъ неимовѣрномъ градусѣ г-жа Жирардень никакъ не могла себѣ представить, да оно, конечно, теперь и трудновато нѣсколько. Кто же нынѣ такъ коваренъ, такъ очарователенъ, такъ безстыденъ и жестокъ въ наслажденіяхъ? Если кто и провинится въ наше время, такъ это болѣе изъ удовольствія пріобрѣсти на всю остальную жизнь поэзію раскаянія, чѣмъ изъ страсти. Считая всѣ разсказы про Клеопатру выдумкой, г-жа Жирардень почувствовала призваніе возстановить и оправдать Клеопатру: услуга женщины оклеветанной сестрѣ своей тѣмъ болѣе замѣчательная, что она исходитъ отъ особы, пользующейся, по справедливости, всеобщимъ уваженіемъ и ничѣмъ не запятнанной. Со всѣмъ тѣмъ, эта попытка возстановленія, оправданія (réhabilitation) пріобрѣла участь всѣхъ современныхъ попытокъ этого рода. Лицо сдѣлалось гораздо хуже послѣ возстановленія, чѣмъ было до него. Точно то же случилось даже съ талантливымъ Луи Бланомъ. Онъ такъ, напримѣръ, возстановилъ въ послѣднемъ своемъ произведеніи Лоу, Калонна и другихъ, что эти лица не только сдѣлались другими, да и совсѣмъ перестали быть ими: вышли невозможными лицами. Тѣмъ менѣе могла надѣяться г-жа Жирардень на успѣхъ своей попытки. И дѣйствительно, Клеопатра продолжаетъ быть порочною женщиной, но мягко, нерѣшительно, съ частымъ укоризненнымъ возвращеніемъ на самое себя и горькимъ воззваніемъ къ добродѣтели, оскорбленной ею. Клеопатра г-жи Жирардень все то выиграла въ нравственномъ достоинствѣ, что̀ потеряла въ характерѣ и въ обликѣ, данномъ ей исторіей. Сцена, гдѣ Клеопатра г-жи Жирардень сознаетъ морально величіе оставленной жены Антонія и кланяется передъ нимъ, столько же похвальна по намѣренію, сколько ложна въ отношеніи обоихъ лицъ. Это—торжество и паденіе автора. Правда и то: нельзя же въ одно время имѣть все за себя—исторію и свою соб-

ственную цѣль, хорошую трагедію и благонамѣренность побужденій. Довольно, когда произведеніе можетъ служить характеристикою современнаго быта, а это качество несомнѣнно принадлежитъ новой трагедіи г-жи Жирардень.

Но будетъ о театрахъ; поговоримъ о другомъ. Люди, утверждающіе, что время сильнаго вліянія книгъ на народъ уже прошло, получили недавно фактическое опроверженіе. Брошюра г. Капфига: «La présidence de m. Guizot» доказала, что не только хорошія книги могутъ еще производить шумъ и вліяніе, но даже и весьма плохія способны къ этому. Правда, авторъ смѣшныхъ біографій современныхъ дипломатовъ выбралъ весьма удобное время, чтобъ пустить въ ходъ свою книгу. Вопервыхъ, она появилась почти вслѣдъ за манифестомъ г. Ламартина и могла показаться офиціальнымъ опроверженіемъ его. Извѣстно, что въ декларации своей г. Ламартинъ, всегда находящійся въ восторженномъ состояніи, поднялъ вмѣстѣ съ политическими и соціальные вопросы, предлагая для разрѣшенія послѣднихъ устроить два новыхъ министерства: публичной благотворительности и народной жизни. Г. Капфигу показалось очень кстати отвѣчать на странность этого предложенія еще большею странностію, именно — посовѣтовать искорененіе всякой жизни. Вовторыхъ, давно уже носились слухи, что г. Ленге (Linguet), директоръ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, занимается исторіей семилѣтняго существованія нынѣшняго министерства. Г. Капфигу показалось крайне остроумно прибавить подъ заглавіемъ своей книги: «par un homme d'état» и спустить ее какъ ожидаемое сочиненіе г. Ленге. Этотъ родъ остроумія очень часто и у насъ встрѣчается въ рядахъ, гдѣ потемнѣе. Основанное на двойной спекуляціи, сочиненіе г. Капфига отличается еще тѣмъ, что, упрекая кого слѣдуетъ въ снисходительности къ нѣкоторымъ закоренѣлымъ мнѣніямъ и къ веселой жизни парижанъ, совѣтуетъ прибавить и то, и другое: результатомъ, разумѣется, будетъ тишина въ головахъ и на улицахъ! Поднялся говоръ; думали, что это программа нынѣшняго президента. Я того

и ждалъ, что биржу запечатаютъ, появится коммисаръ и отберетъ съ оконъ магазиновъ музыкальныя сочиненія, гравюры, изображающія Павла и Виргинію, и книги въ родѣ: «Voyage pittoresque autour du monde». Все это, конечно, можно замѣстить чѣмъ-нибудь болѣе дѣльнымъ, какъ напримѣръ: собраніемъ документовъ, записками академіи и исторіей просвѣщенія въ Европѣ въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ, но я недоумѣвалъ, какое употребленіе сдѣлаютъ изъ танцорокъ публичныхъ баловъ, которые, вѣроятно, были бы тоже закрыты.

Впрочемъ шумъ продолжался не долго. «Journal des Débats» торжественно отказался отъ г. Капфига и одною статьей отбросилъ книгу его въ ничтожество, изъ котораго ей никогда и выходить не слѣдовало.

Теперь общественная мысль занята двумя новыми происшествіями — самоубійствомъ г. Брессона и помѣшательствомъ графа Мортье, едва не зарѣзавшаго своихъ дѣтей. Офиціальный разсказъ послѣдняго происшествія возбуждаетъ много толковъ: удивляются, какъ призванные графиней сановники могли три часа безъ дѣйствія стоять у дверей, наблюдая страшную сцену безумнаго отца, вооруженнаго бритвой, и трепещущихъ передъ нимъ дѣтей, какъ наконецъ могли пробить стѣну (реляція говоритъ: «une porte condamnée»), не обративъ вниманія графа, и проч. Подозрительные люди видятъ въ этомъ происшествіи новую, непонятную и страшную драму; но вѣдь, надо и правду сказать: подозрительные люди считаютъ иногда совершенно напрасно самихъ себя прозорливыми людьми. Это только смѣшеніе понятій, а не истина; истину откроетъ время!

Истина только теперь наступаетъ для событія, совершившагося во дворцѣ Себастіани. Несчастная герцогиня Пралень, такъ безчеловѣчно зарѣзанная, останется надолго образцомъ женщины, вполнѣ и строго понимавшей супружескія обязанности. Она требовала отъ мужа всего человѣка, всего существа его, такъ точно, какъ сама отдалась ему. Ни малѣйшаго снисхожденія, никакого послабленія, такъ облегчающихъ въ семейной жизни исполненіе долга, не до-

зволяла она ни себѣ, ни ему. Съ какою-то суровою строгостью, доказывавшею, между прочимъ, присутствіе невидимаго директора совѣсти, она отказывалась отъ необходимости взаимныхъ уступокъ. Крѣпко опираясь на свои права законныхъ семейныхъ наслажденій, герцогиня единственно занята была мыслью вступить въ полное обладаніе ими и дѣйствительно потеряла способность воспитывать дѣтей своихъ. Рѣдко можно встрѣтить характеръ болѣе полный, болѣе благородный и вмѣстѣ болѣе непреклонный: ограниченность сферы еще увеличивала силу его порывовъ. Съ другой стороны, убійца-герцогъ, смотрѣвшій на жизнь гораздо проще, былъ приведенъ ежедневнымъ оскорбленіемъ его гордости, чувства достоинства и независимости къ сопротивленію, которое превратилось скоро въ отчаянное злодѣйство. Катастрофа явилась тутъ сама собою и покрыла имя герцога позоромъ, а злополучную супругу увѣнчала ореоломъ въ искупленіе ея страшной мученической смерти. Намъ, какъ постороннимъ наблюдателямъ, дозволено будетъ сказать однакожъ, что по сущей правдѣ они оба, и герцогъ, и герцогиня, равно усердно работали для ускоренія трагической развязки, которая постигла ихъ.

Вотъ почему не совсѣмъ понятна для меня нѣсколько сентиментальная литература, образовавшаяся вокругъ этого событія, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ странахъ Европы. Происшествіе видимо серьезнѣе, чѣмъ брошюры о немъ. Желаніе схватить поучительную сторону его замѣтно только въ одной книгѣ, которая принадлежитъ г-жѣ Каза-Мажоръ (Casa-Major) и носитъ довольно хитрое названіе: «Pathologie du mariage». Многіе ея изъ главъ, говорятъ, подсказаны автору ученикомъ и ревнителемъ Анфантена, старымъ Баро (Barault). Къ несчастію, тутъ уже не можетъ быть помину объ исторической вѣрности, а именно на ней-то и основываетъ авторъ свои выводы. Какъ только воззрѣніе автора сталкивается съ примѣромъ,—или примѣръ разрушаетъ воззрѣніе, или воззрѣніе не сходится съ примѣромъ. Это часто бываетъ, когда отъ событія хотятъ во что бы то ни стало добиться показаній въ пользу собственной идеи. Выходитъ,

что разсужденія о положеніи женщины въ обществѣ и о пристрастіи французскаго кодекса къ мужчинѣ могутъ быть написаны съ жаромъ, а къ дѣлу совсѣмъ не идти. Но самое любопытное въ книгѣ—это разрѣшеніе, предлагаемое авторомъ всему вопросу. Онъ требуетъ именно вмѣшательства государства тотчасъ, какъ начинаютъ запутываться дѣла человѣка. Здѣсь это почти всеобщій и неизмѣнный рецептъ при всякихъ затруднительныхъ случаяхъ, гдѣ писатель не знаетъ, что̀ сказать. Одно слово «l'état» все разрушаетъ и выпутываетъ изъ бѣды, какъ автора, такъ и читателя, къ обоюдному ихъ удовольствію. Подумаешь, что магическое слово это увольняетъ каждаго человѣка отъ управленія самимъ собою, отъ труда искать законнаго благосостоянія и отъ необходимости основывать его собственными силами.

На дняхъ освобождена изъ тюрьмы дѣвица де-Люзи, бывшая гувернантка въ домѣ Праленъ, которая три мѣсяца находилась въ заключеніи и притомъ долгое время отдѣльно отъ всѣхъ (au secret), что̀ составляетъ, какъ извѣстно, само по себѣ строгое наказаніе. Изъ напечатанныхъ писемъ и отрывковъ журнала можно заключить, что г-жа де-Люзи, вообще свободно развитая, мало понимала фанатизмъ многихъ правилъ и убѣжденій, царствовавшихъ въ домѣ, гдѣ она была принята. Къ тому же она имѣла своего рода гордость—гордость бѣдности, упорство незначительнаго человѣка, который старается сберечь свое достоинство передъ знатнымъ. Всѣ усилія юстиціи привязать ее къ ужасному преступленію какимъ-нибудь фактомъ остались безуспѣшны. Совсѣмъ тѣмъ трехмѣсячное заключеніе, которому она была подвергнута, вѣроятно, было необходимо для искупленія преступныхъ мыслей и надеждъ, какія могъ имѣть злодѣй-герцогъ, а также для искупленія тѣхъ мученій ревности и законнаго негодованія, какія только могла имѣть герцогиня. Наказывая г-жу де-Люзи, юстиція поступила точь въ точь, какъ будто она принадлежала къ школѣ покойнаго Балланша, который видѣлъ всюду необходимость очищенія (expiation)...

Съ нѣкоторою смѣлостію можно сказать, что обществен-

ный разговоръ всего Парижа вращается теперь между этими трагическими происшествіями да еще обѣдами въ пользу парламентской реформы и швейцарскими дѣлами. Что касается до перваго предмета, то мнѣнія о немъ чрезвычайно различны. Иные говорятъ, что обѣды эти связываются съ народною почвой только посредствомъ шампанскаго; другіе на оборотъ утверждаютъ, что это — единственная вещь, которая можетъ теперь серьезно безпокоить твердое, установившееся министерство. Послѣднимъ происшествіемъ въ исторіи политическихъ обѣдовъ былъ раздоръ, оказавшійся въ нѣдрѣ самихъ оппозиціонныхъ партій, за которымъ, вѣроятно, послѣдуютъ анархія и совершенное уничтоженіе мѣры, какъ это уже часто здѣсь бывало.

Журналы извѣстили объ открытіи Ниневійскаго музея, но онъ еще до сихъ поръ не открытъ, и я только снисходительному позволенію директора королевскихъ музеевъ г. де-Калье обязанъ былъ честію видѣть эти удивительные памятники. Всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ достались они Франціи. Консулъ ея, г. Ботта (Botta), вздумалъ прорыть горку, на которой расположилась ничтожная деревушка по сосѣдству съ старою Ниневіей, и имѣлъ удовольствіе открыть царскій дворецъ съ безчисленнымъ количествомъ скульптурныхъ произведеній и гвоздеобразныхъ надписей. Правительство тотчасъ же послало ему военное судно и искуснаго живописца въ особѣ г. Фландена (Flandin). Они срисовали тѣ памятники, которые отъ внезапнаго дѣйствія воздуха разрушались въ ихъ глазахъ, нагрузили остальными присланное судно, при чемъ колоссальныя статуи распилены были на три и четыре куска, и теперь эти представители ассирійскаго народа и древнѣйшей извѣстной цивилизаціи находятся въ одномъ углу великолѣпнаго четырехугольника, образуемаго Лувромъ.

Признательно сказать, впечатлѣніе, произведенное на меня этими остатками, было сильнѣе, чѣмъ я ожидалъ. Я уже видѣлъ въ British museum въ Лондонѣ нѣсколько фигуръ изъ развалинъ Персеполиса, довольно подробно осматривалъ богатое изданіе гг. Коста и того же Фландена: «Voyage en

Perse», гдѣ памятники монархіи Ахеменидовъ, имѣющіе большое родственное сходство съ ниневійскими, переданы съ удивительнымъ искусствомъ; наконецъ, очень пристально смотрѣлъ на рисунки гг. Ботта и Фландена съ настоящихъ ниневійскихъ остатковъ въ превосходномъ сочиненіи «Monuments de Ninive», котораго теперь вышло тридцать-девять тетрадей (полное изданіе будетъ состоять изъ девяноста тетрадей и стоить 1,800 франковъ); но все это приготовленіе ни къ чему не послужило. Когда дѣйствительные памятники очутились у меня передъ глазами, мнѣ показалось, будто я видѣлъ прежде дѣтскую игру, которая едва-едва успѣваетъ поддѣлаться подъ окрѣпшую и возмужалую жизнь.

Ниневійскій музей состоитъ изъ двухъ большихъ и высокихъ залъ. Въ первой изъ нихъ находятся барельефы съ фигурами выше роста человѣческаго и колоссальная отдѣльная дверь ниневійскаго дворца. Эта гигантская дверь образуется двумя огромными крылатыми быками, имѣющими человѣческія головы, увѣнчанныя коронами поверхъ роговъ, красиво вьющихся по лбу ихъ. Туловища животныхъ составляютъ проходъ. Передать вамъ особенный родъ тупого, неподвижнаго величія, которое представляютъ эти символическія ворота, я, разумѣется, не въ состояніи. Рядомъ съ быками по обѣимъ сторонамъ должны были стоять два колосса съ свирѣпымъ выраженіемъ лица, задушающіе каждый одною рукой степного льва на груди своей. Колоссы эти, за неимѣніемъ пространства, прислонены теперь къ внѣшней сторонѣ прохода. Ясно, что они должны были служить символомъ могущества и вмѣстѣ съ быками представлять архитектурное цѣлое, нѣчто въ родѣ громаднаго перистиля, полнаго религіознаго и политическаго значенія. Какъ всегда почти въ искусствѣ востока, на этомъ памятникѣ вы видите едва порабощенную рѣзцомъ массу камня и необычайную отдѣлку подробностей, дѣйствительность и символъ, поставленные рядомъ, не смѣшанные другъ съ другомъ. Одна часть предмета полна жизни и истины, а другая принадлежитъ мистической идеѣ и фантазму. Такъ, мускулы, члены и жилы огромныхъ быковъ рѣзко и грубо обозначены, тогда какъ

шерсть ихъ, завитая правильными косами на груди, колѣняхъ, животѣ, исполнена съ поразительною тщательностью. Человѣческія головы, замѣнившія головы животныхъ, блестятъ истиною, дѣйствительностью, вѣрностью природѣ при грубой, но энергичной отдѣлкѣ, напоминающей позднѣйшее этрурское искусство; это—типы ассирійской физіономіи, въ красотѣ, какая только ей доступна. Головы эти можно назвать родоначальниками всѣхъ остальныхъ лицъ на барельефахъ: одинъ и тотъ же типъ принадлежитъ царю и служителю, воину и евнуху, жрецу и лодочнику. Самое божество ниневійское нисколько не разнится въ обликѣ съ послѣднимъ. Властитель, обитавшій въ этомъ великолѣпномъ дворцѣ, куда ни обращался, всегда видѣлъ только самого себя, ибо условный типъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ царственнаго происхожденія, что̀ доказываютъ и короны, вѣнчающія первообразъ его—головы на быкахъ. Я не знаю, можно ли вамъ дать какое-нибудь понятіе о немъ, сказавъ, что онъ представляетъ полное, круглое, мускулистое лицо съ большимъ носомъ, загнутымъ клювомъ, глазами правильнаго, прекраснаго разрѣза и толстыми губами, концы которыхъ подняты нѣсколько кверху, какъ это видно въ Эгинскихъ мраморахъ. Какое-то мягкое, задумчивое выраженіе лежитъ на немъ, не смотря на то, что лицо зорко смотритъ впередъ. Можно подумать, что оно находится еще подъ вліяніемъ или сильнаго религіознаго упоенія, или непомѣрнаго испытаннаго наслажденія. Въ религіи ассиріанъ эти вещи могли сходиться. Обильные волосы, падающіе на плечи, тщательно завиты по оконечностямъ, борода раздѣлена на множество прямыхъ параллельныхъ косъ, и каждый волосокъ ея и усовъ расплетенъ съ сверхъестественными прилежаніемъ и осторожностью.

Когда отъ этихъ великолѣпныхъ воротъ перейдешь къ громаднымъ барельефамъ, составлявшимъ стѣны дворца, странное чувство наполняетъ васъ. Тутъ нѣтъ ни одной женщины, ни одного мотива, въ которомъ сказалось бы чувство или проглянула фантазія; все строго и положительно. Дѣло идетъ только о томъ, чтобъ увѣковѣчить безчисленную прислугу

властителя и ея занятія, покорность его вождей и жертвы, приносимыя божеству. Нагота, которая составляетъ необходимый элементъ скульптуры и принята даже египтянами, здѣсь почти совсѣмъ изгнана, если исключить часть руки и ноги, да обнаженныя колѣни воиновъ и служителей. Туника, плотно облегающая тѣло, и поверхъ ея особеннаго рода мантія, едва обрисовывающая формы его, покрываетъ всѣхъ съ головы до пятъ. Это очень удобно для нетвердаго рисунка мастера, искусство котораго еще не вышло изъ младенчества, но сообщаетъ грубый, варварскій оттѣнокъ всѣмъ представленіямъ. Съ перваго взгляда чувствуешь, что это — первообразъ того внѣшняго великолѣпія одежды, которымъ доселѣ щеголяютъ азіатскіе народы—персіане и турки. Притомъ же, по условному образцу всѣ лица на барельефахъ видны уже въ профиль, съ боку, и ноги ихъ находятся непосредственно одна передъ другою. Такъ точно представлены евнухи, несущіе сѣдалище, служители, украшенные мечами и несущіе вазы и сосуды, воины, слагающіе руки ладонь въ ладонь въ знакъ покорности, молящіеся съ опущенною рукой передъ священнымъ и символическимъ растеніемъ, конюхи, тоже съ мечами, перетаскивающіе колесницу, чрезвычайно похожую на одноколку, и жертвоприносители съ лотосомъ въ рукахъ. Нѣкототорое стремленіе искусства къ характеристикѣ лицъ замѣчено въ евнухахъ, безбородымъ лицамъ которыхъ оно придало особенную полноту и мясистость. Нельзя не сознаться также, что фигурѣ самого властителя оно видимо старалось сообщить горделивость позы и строгость выраженія; но властитель гораздо болѣе отличается отъ другихъ своимъ посохомъ, высокою конусообразною шапкой, какую до сихъ поръ носятъ персіане, и великолѣпіемъ ткани, составляющей одежду его. Почти совершенно схожее лицо представляетъ саповникъ, бесѣдующій съ нимъ почтительно, но въ болѣе скромной одеждѣ и съ непокрытою головой. Почти совершенно схожее лицо представляетъ само божество, также въ одеждѣ; разница состоитъ въ одномъ: вмѣсто конусообразной шапки оно увѣнчано особеннаго рода тіарой и снабжено еще четырьмя великолѣпными крыльями, по два

спереди и по два сзади. Божество это, особенно замѣчательное своимъ полнымъ человѣческимъ образомъ, держитъ въ одной рукѣ нѣчто въ родѣ корзинки, а другою рукой подаетъ плодъ, похожій на кокосовый орѣхъ. Если вы представите себѣ, что всѣ эти барельефы были ярко раскрашены, что они окружены были малыми побочными изображеніями и гвоздеобразными надписями, что поверхъ ихъ шелъ разноцвѣтный карнизъ, и все завершалось деревяннымъ потолкомъ, тоже покрытымъ различными красками, вы легко поймете, сколько могло тутъ быть блеску, внѣшняго великолѣпія, ослѣпительной пышности при неподвижности и сухости внутренняго содержанія.

Во второй залѣ замѣчательны три барельефа, сильно попорченные, но не на столько, чтобъ нельзя было различить ихъ содержанія. Они развиваютъ одну и ту же мысль съ барельефами первой залы: это—исторія постройки самого дворца. Вы видите тутъ, какъ все поле барельефа, представляющее чрезвычайно условно рѣку, воду посредствомъ завитковъ, безъ всякой перспективы, наполнено рыбами, черепахами, змѣями. Даже въ этомъ элементѣ на днѣ рѣки присутствуетъ самъ властитель, опять въ образѣ крылатаго быка съ человѣческою головой. Рѣка покрыта лодками, влекущими бревна и доски, и гребцы, всегда видные въ профиль, сильно упираютъ на весла. На самомъ верху четырехугольникъ означаетъ возстающій мало по малу дворецъ. Второй барельефъ показываетъ гребцовъ и лодочниковъ, занятыхъ разгрузкой привезенныхъ ими матеріаловъ; третій тоже условно представляетъ землю съ дорогою, далеко вьющеюся по ней: множество людей влекутъ на канатахъ съ великимъ усиліемъ тяжелую массу чего-то. Ея не видать, но самыя усилія обнаруживаютъ громадный камень восточныхъ построекъ. И ясно, барельефы повѣствуютъ снова о могуществѣ владыки и о величіи его предпріятій. Здѣсь надо вспомнить еще, что задняя сторона досокъ, та, которая должна была навѣчно примкнуться къ стѣнѣ, еще покрыта надписями, вѣроятно, тоже свидѣтельствовавшими о славѣ его. Онѣ теперь всѣ сняты и ждутъ разбора европейскихъ уче-

ныхъ. Вы понимаете теперь, что каждый уголъ дворца, даже на вѣки недоступный человѣческому глазу, еще имѣлъ голосъ для прославленія великаго его жильца и строителя.

Что касается собственно до искусства, оно не лишено нѣкоторой строгой важности, напоминающей церемоніалъ современныхъ азіатскихъ властителей. Всего болѣе удивило меня въ немъ столкновеніе условнаго представленія съ желаніемъ естественности, столкновеніе, которое произвело весьма странныя вещи. Такъ, въ переносчикахъ колесницы ноги ихъ по обыкновенію стоятъ бокомъ, между тѣмъ какъ верхняя часть туловищъ взята спереди, а руки, поддерживающія ношу, изъ желанія естественной вѣрности находятся въ невозможномъ и чудовищномъ положеніи. Бѣдный мастеръ, отступивъ отъ образца, даннаго разъ навсегда, видимо потерялся.

Безусловное удивленіе заслуживаютъ только фигуры животныхъ; таковы, напримѣръ, три коня, богато разукрашенные и приводимые въ даръ властителю. Античною своею простотою они напоминаютъ коней парѳенонскихъ. Довольно большой мѣдный рыкающій левъ, съ кольцомъ на спинѣ, служившій, по всѣмъ вѣроятностямъ, застежкой для какой-нибудь драпировки, есть совершенство (chef d'oeuvre) выраженія и исполненія. Животное въ эти времена имѣло для человѣка важное значеніе, которому онъ подчинялъ даже собственное свое.

Вотъ вамъ общій, поверхностный взглядъ на Ниневійскій музей. Когда разберутся надписи и памятники его сличатся съ древне-персидскими и египетскими, исторія получитъ множество новыхъ, вѣроятно, неожиданныхъ открытій; что касается до меня, два часа, проведенные съ этими камнями, отъ которыхъ вѣетъ смертью, не обратили мысль мою на ничтожество человѣка, а напротивъ, возродили во мнѣ потребность жизни. Прямо изъ музея я побѣжалъ въ Пале-Рояль и съ вящшимъ наслажденіемъ сталъ смотрѣть на дѣтей, играющихъ въ саду его, на шумъ, движенье и говоръ людей, постоянно царствующіе въ его галереяхъ... Прощайте до новаго года!

IX.

23-го декабря новаго стиля 1847 года.

Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, господа. Вы, вѣроятно, встрѣтили его за корректурой и за перечетомъ всего, что было сдѣлано въ минувшій годъ русскими литераторами и учеными. Занятіе почтенное, которому и я поддался съ своей стороны, благодаря статьѣ Шарля Луандра: «De la production intellectuelle en France depuis quinze ans (1830—1845)», напечатанной въ «Revue des deux mondes» и вамъ, безъ сомнѣнія, уже извѣстной. Вы видите, что мои воспоминанія на этотъ разъ заняты были Франціей и превосходятъ ваши объемомъ: послѣднее и составляетъ ихъ преимущество.

Статья Луандра чрезвычайно замѣчательна по собраннымъ въ ней фактамъ, а также по безцвѣтности своего направленія, добровольнымъ утайкамъ и недоговорамъ. Это какъ-будто оффиціальный отчетъ господствующаго класса объ умственномъ движеніи Франціи за пятнадцать лѣтъ. Сама статья почти столько же любопытна, какъ содержаніе ея. Вездѣ, напримѣръ, гдѣ дѣло касается до упадка теологическихъ наукъ, Луандръ дѣлается зорокъ, остроуменъ, сжатъ. Онъ показываетъ, какъ изъ 575 увражей, являвшихся круглымъ числомъ каждый годъ по этой части, не было ни одного самостоятельнаго творенія, но всѣ они сильно пропитаны были грѣхами вѣка, съ которымъ борятся. Такъ, литература эта, преслѣдуя незыблемые духовные интересы, дѣлалась однакожъ поперемѣнно романтическою, легитимическою, гуманитарною, слѣдуя шагъ за шагомъ за господствующимъ направленіемъ. Въ послѣднее время она приняла даже сильный оттѣнокъ индустріализма продажею книгъ, касающихся до ритуала, и журналами: «L'Univers», «L'Ami de religion» и проч. Когда случалось ей возвращаться назадъ къ преданіямъ, она останавливалась большею частію на такихъ, которыя еще въ XV вѣкѣ были осуждены, какъ напримѣръ: «Золотая легенда» (La légende dorée) и друг. Въ числѣ 575 сочине-

ній каждый годъ являлось 250 книгъ мистическаго содержанія. Луандръ чрезвычайно остроумно проводитъ параллель между книгами этого рода, появлявшимися въ XVII столѣтіи, и современными. Тамъ дѣло шло объ удовлетвореніи сердечныхъ стремленій, сильно поднятыхъ религіознымъ созерцаніемъ; здѣсь дѣло идетъ уже объ обрядахъ самаго узкаго ханжества; первыя носили заглавія: «Внутренній зàмокъ», «Часы на колокольнѣ ангела хранителя» («Le Château intérieur», «l'Horloge de l'ange gardien») и проч., вторыя называются «Manuel du rosaire vivant» и т. д. Жалко, что авторъ не упоминаетъ, какой именно классъ общества наиболѣе занимается чтеніемъ подобныхъ книгъ. Можно однакожъ предполагать, что, кромѣ семинарій, только праздный классъ легитимистовъ имѣлъ на это потребное время; рабочій, торгующій, офиціальный и крестьянскій заняты, по крайней мѣрѣ теперь, совершенно другими интересами. Замѣчательны также усилія этой литературы, несправедливо пользующейся почтеннымъ названіемъ теологической, перевести на свой языкъ явленія другихъ отдѣловъ. Въ ней мы видимъ, напримѣръ, очищеннаго Вальтера Скотта, который приспособленъ былъ такимъ образомъ къ чтенію благочестивыхъ дѣтей обоего пола. Издатели выпустили въ романахъ его любовныя интриги, впрочемъ съ осторожностію, какая нужна была, чтобъ не повредить занимательности. Точно также поправленъ былъ «Жиль-Блазъ». «Тысяча и одна ночь» подверглась подобной же участи, при чемъ Динарзада сдѣлалась помощницей инспектрисы въ женскомъ пансіонѣ. Самъ «Тартюфъ» долженъ былъ испытать вліяніе реформы и изъ лицемѣра обратиться въ честнаго добряка, имѣющаго свои недостатки. Кто не имѣетъ ихъ? Если бы г. Луандръ присоединилъ къ этому отдѣлу и нѣкоторыя біографіи, въ родѣ «Жизни Елисаветы Венгерской» г. Монталанбера, то оказалось бы, что даже скандалезность нѣкоторыхъ современныхъ романовъ не была чужда ему, хотя и проявилась совершенно въ другой формѣ.

Извѣстно, что промежутокъ времени между 1830 и 1835 гг. былъ эпохою самыхъ дерзкихъ попытокъ какъ въ политикѣ, такъ и въ системахъ. Вмѣстѣ съ возрожденіемъ тампліеровъ, сведенборгистовъ, иллюминатовъ и миллинеровъ появляется секта поклоненія историческимъ дѣйствователямъ г. Шателя и извѣстная секта отца Анфантеня. Политическіе процессы возрастаютъ въ нѣкоторые года до 250. Г. Луандръ судитъ объ этой эпохѣ снисходительно, какъ прилично человѣку, живущему десять лѣтъ спустя и въ обществѣ совершенно спокойномъ. Въ приговорахъ его нѣтъ ни малѣйшаго негодованія, но очень много легкаго, насмѣшливаго презрѣнія. Когда принужденъ онъ хвалить нѣкоторыя явленія, какъ, напримѣръ, мастерство редакціи журнала «L'Avenir», который хотѣлъ поставить клерусъ во главѣ нравственнаго и ученаго движенія Франціи, или отдать справедливость другому журналу: «Globe», который на соціальномъ началѣ создалъ глубокую и серьезную критику,—г. Луандръ хвалитъ равнодушно съ легкою, едва замѣтною улыбкой. На сколько все это въ немъ истинно, непритворно, не мое дѣло судить. Я не согласенъ въ одномъ только: погибель явленій тогдашняго времени г. Луандръ относитъ къ здравому смыслу народа, будто бы пробудившемуся отъ дерзкихъ и опасныхъ нелѣпостей эпохи. Конечно, здравый смыслъ есть великое дѣло, но здравый смыслъ не любитъ борьбы и рѣдко бросается въ битву. Явленія погибли просто отъ карающихъ, притѣснительныхъ мѣръ правительства или подавлены были имъ же другими способами. Галльскій примасъ (primat des Gaules), какъ называлъ себя г. Шатель, былъ, напримѣръ, просто подкупленъ и до сихъ поръ пользуется, кажется, мѣстомъ начальника почтовой конторы гдѣ-то въ провинціи. Послѣ осужденія присяжными Анфантеновой секты большая часть членовъ ея сдѣлались твердыми защитниками порядка и благочинія. Апрѣльскій процессъ (1835 года) ліонскихъ и парижскихъ заговорщиковъ въ палатѣ перовъ положилъ конецъ существованію политическихъ обществъ, и сентябрскіе законы, появившіеся вслѣдъ затѣмъ, обезоружили журналы и положили препону легко-

мысленному увлеченію. Здравый смыслъ не бываетъ такъ расторопенъ.

Съ сентябрскихъ законовъ начинается эпоха постепенно возрастающаго благоустройства, усмиренія страстей и наукообразнаго занятія общественными вопросами. Въ 1838 году ярко выказываются три философскія системы: положительная (philosophie positive) г. Конта (Comte), гуманитарная г. Пьера Леру̂ и католическо-демократическая г. Бюше̂ (Buchez). Уже въ это время эклектизмъ былъ осужденъ, какъ попытка создать систему на чужой счетъ, доказывающая собственное безсиліе и недовѣріе къ философіи вообще. Теперь остается только одинъ неутомимый боецъ эклектизма—г. Бартелеми Сентъ-Илеръ, въ Институтѣ и Collège de France, замѣчательный впрочемъ, какъ и учитель его г. Кузенъ, превосходными переводами древнихъ философовъ. Каждый годъ, передъ десяткомъ апатическихъ слушателей, роется онъ, съ помощію психологіи своего изобрѣтенія, въ душѣ человѣческой, какъ въ старомъ арсеналѣ, наполненномъ всякою всячиной, и разумѣется, находитъ въ ней все, что̀ ему угодно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и три новыя системы ограничиваются малымъ кругомъ почитателей и нисколько не перешли въ общественное, народное убѣжденіе. Причину ихъ успѣха и упадка, какъ и многихъ другихъ явленій, г. Луандръ объясняетъ легкою движимостію своей націи, бросающейся на новизну и отлетающей къ другому предмету, какъ только насытилось ея любопытство. Сколь ни удовлетворительно подобное объясненіе, но къ нему можно прибавить и нѣкоторыя другія. Малое вліяніе теоріи г. Конта, напримѣръ, самой серьезной изъ всѣхъ и связывающейся съ философскимъ движеніемъ XVIII столѣтія, можно объяснить еще тѣмъ, что, имѣя цѣлью открытіе законовъ развитія обществъ на подобіе тѣхъ, какія существуютъ для философскихъ явленій, она совѣтуетъ покуда политическую стоячесть, совершенно противную духу народа. Упадокъ гуманитарной системы Леру̂, гдѣ человѣчество безпрестанно воскресаетъ въ человѣчествѣ же, тоже хорошо объясняется природнымъ отвращеніемъ француза

къ фантазму и невозможностью его настроить себя на сентиментальный ладъ, необходимый для принятія этого ученія. Что касается до теоріи г. Бюшѐ, она какъ-то плохо выдерживаетъ историческую повѣрку. Особенно сильные удары нанесъ ей въ послѣднее время г. Мишлѐ. Во второмъ томѣ своей «Исторіи революціи», только что появившемся, г. Мишлѐ всякій разъ, какъ останавливается мимоходомъ передъ этою теоріей, легкимъ прикосновеніемъ разрушаетъ все зданіе ея и опрокидываетъ долу.

Такимъ образомъ черезъ развалины и ненадежные останки уцѣлѣвшихъ построекъ приходимъ мы къ политическо-экономическому движенію, которое составляетъ отличительную черту современнаго направленія какъ во Франціи, такъ и въ Европѣ. Здѣсь всѣ подраздѣленія школъ, дѣлаемыя г. Луандромъ (офиціальная, католическая, г. Консидерана и проч.), очень легко могутъ быть сведены на главные отдѣлы, выражающіе три основныя идеи всякаго движенія. Къ первому принадлежатъ чистые экономисты, защищающіе личное право каждаго члена въ государствѣ; ко второму относятся всѣ тѣ люди, которые стоятъ за безграничное право общины, какъ бы ни различны впрочемъ были ихъ надежды и планы въ будущемъ. Въ настоящую минуту одинъ и тотъ же догматъ связываетъ людей этого отдѣла, не смотря на то, что они по-часту ведутъ жаркую полемику между собою и носятъ самыя противоположныя имена: кабетистовъ, фаланстеріановъ, соціалистовъ и проч. Къ третьему отдѣлу слѣдуетъ отнести одного человѣка—Прудона, но онъ составляетъ цѣлую школу. Прудонъ столько же врагъ личнаго права, кончающагося анархіей въ мірѣ промышленности, сколько и общинной тираніи, подъ какою формой она бы ни являлась. Другое дѣло—чѣмъ онъ примиряетъ враждебныя начала. Здѣсь однакожь можно упомянуть, что когда г. Луандръ называетъ Прудона просто общинникомъ (коммунистомъ), онъ не показываетъ излишка ни добросовѣстности, ни вниманія. Приблизительное опредѣленіе всѣхъ цѣнностей весьма далеко отъ ровнаго раздѣла и наслажденія ими. Справедливость требуетъ сказать,

что первый отдѣлъ, къ которому принадлежатъ профессора, академики и правительственныя лица, имѣетъ крѣпкую почву подъ ногами. Какъ ни обманчиво на дѣлѣ приложеніе его начала, но самое начало законно вышло изъ историческаго движенія Франціи и связано съ интересами ея цивилизаціи. Вотъ почему такъ тяжела и борьба съ нимъ.

Вы, конечно, не будете ждать отъ меня огромныхъ, чудовищныхъ чиселъ, которыми выразились въ прошедшее пятнадцатилѣтіе естествознаніе, исторія, ея вспомогательныя и точныя науки. Сильное развитіе этихъ частей во Франціи по достоинству оцѣнено Европой, и значительнѣйшія имена ея натуралистовъ, медиковъ, историковъ, астрономовъ, археологовъ и оріенталистовъ извѣстны въ каждомъ углу образованнаго міра. Трудолюбіе отдѣльныхъ лицъ перегнало даже предпріятія правительства и обществъ: такъ, въ отдѣлѣ исторіи сборники документовъ, составленные одними частными людьми, образуютъ 240 томовъ. Другой примѣръ необыкновенной дѣятельности встрѣчается на юридической почвѣ, тоже сильно разработываемой. Извѣстный г. Дюпень, прокуроръ кассаціоннаго суда, издалъ 20 записокъ по разнымъ дѣламъ, 21 томъ совѣщаній, 15 томовъ замѣтокъ и говорилъ въ 4000 процессахъ; притомъ онъ еще имѣлъ занятія по званію депутата. Бѣдный труженикъ! А между тѣмъ, говорятъ, онъ всегда веселъ, отличается остроуміемъ и въ обществѣ извѣстенъ ловкими, ѣдкими замѣчаніями своими. Согласитесь сами, все это странно. Кстати сказать, почти всѣ ученые Франціи такимъ образомъ странны. У нѣкоторыхъ изъ нихъ эрудиція соединяется съ безграничнымъ добродушіемъ, какъ у Мишлѐ, напримѣръ, и у весьма многихъ сухой спеціальный предметъ не исключаетъ пониманія жизни, любви къ природѣ и искусству. Очень странно!

Такъ какъ рѣчь зашла объ искусствѣ, то вотъ вамъ необычайное извѣстіе: каждый годъ появляется во Франціи отъ 300 до 400 стихотворныхъ произведеній. Я до сихъ поръ еще не вѣрю въ этотъ фактъ: да гдѣ же они? Правда, и насѣкомыхъ въ стаканѣ воды не видать простымъ глазомъ, но они существуютъ. Удивительно, какія безконечныя малыя

могутъ развиваться въ атмосферѣ старой, сильно производящей цивилизаціи. Эти безконечныя малыя имѣютъ и свою исторію: они были Байронами до 1830 года, они отчаявались за себя и за весь міръ до 1838 года. Послѣднее было отраженіемъ сомнительной политической борьбы тогдашняго времени. Съ выступленіемъ на сцену іезуитизма, скоро и покинувшаго ее, безконечно малая поэзія передается на минуту старымъ отжившимъ преданіямъ и тотчасъ же послѣ этого дѣлается сладострастною и пантеистическою. Полное выраженіе послѣдняго рода представляетъ г. Теофилъ Готье, который можетъ считаться геніемъ микроскопической поэзіи. Въ произведеніяхъ его удивляешься столько же испорченности воображенія, сколько и немощи его. Жажда наслажденій перерождается у него просто въ жажду богатства, и то еще для пошленькой обстановки: золотой пыли, которую подымаетъ карета, шолковаго платья метрессы, на которомъ играютъ солнечные лучи, и проч. Природа покрывается массою яркихъ, пестрыхъ и грубыхъ красокъ: небо у него представляетъ смѣшеніе небывалыхъ цвѣтовъ, дубрава въ окрестностяхъ Парижа издаетъ такіе запутанные, косметическіе запахи, что они привели бы въ тупикъ самого Губиканъ-Шардена. Подъ стать природѣ и слогъ дѣлается ложно-блестящъ, свѣтится жирнымъ колоритомъ, который наведенъ на него съ усиліемъ. Къ довершенію этихъ страдальческихъ усилій мысли, совершенно безплодной, г. Готье хотѣлъ бы обнять каждую статую, снять съ полотна картины каждую женскую фигуру, посадить ее около себя у камина, побесѣдовать съ нею... Желаніе, достойное любого юнаго прикащика изъ магазина и перваго капиталиста (rentier), который вздумалъ помечтать. Впрочемъ г. Готье—настоящій представитель мѣщанскаго пониманія идеала. Зачѣмъ я такъ долго и остановился на немъ? Нѣтъ! Для свѣтлаго состоянія духа, для умѣнья наслаждаться красотою природы и творенія надо особенное мастерство и множество условій чисто личныхъ. Этому не научишься, да этому и не выучишь. Порядочное мѣсто въ массѣ стихотвореній занимаютъ произведенія ремесленниковъ. Я долженъ сознаться въ моей слабости: я имѣю

нѣкоторое отвращеніе отъ поэзіи рабочаго класса. Эта поэзія весьма мало выражаетъ натуральное чувство ремесленника и особенное отраженіе міра и общества на душѣ его. Она выражаетъ только нѣсколькихъ ремесленниковъ, безмѣрно кокетствующихъ интересностью своего положенія и класса, который сильными посторонними причинами выдвинутъ на открытое мѣсто. Пробавляется она общими мѣстами французской поэзіи: любовью матери, безпомощностью сироты, свѣжимъ утромъ, свободною ласточкой, всѣми вещами, которыя дѣйствительно имѣютъ живую струну въ душѣ народа и всегда находятъ отголосокъ, но которые В. Гюго и Ламартиномъ исчерпаны до дна, до послѣдней капли. Истинныхъ поэтовъ сосчитать легко во Франціи. Поэтомъ былъ Беранже въ реставрацію, одну минуту былъ имъ Барбье и остается имъ Альфредъ де-Мюссе съ его отдѣлкою подробностей и чувствомъ формы, зоркостію на нѣжность линій и легкихъ душевныхъ проблесковъ, съ его эгоистическимъ наслажденіемъ собственными образцами.

Не малое число единицъ приносятъ каждый годъ въ стихотворную цифру первыя попытки молодыхъ писателей, вступающихъ въ свѣтъ. Даже нынѣшнія правительственныя лица въ этомъ отношеніи не безъ грѣха. Извѣстно, что старый канцлеръ Пакье въ молодости провинился трогательнымъ водевилемъ... Г. Карръ написалъ свой романъ: «Sous les tilleuls» сперва стихами, а г. Луи Бланъ приготовлялся къ своей «Исторіи революціи» поэмой на Мирабо, въ которой насчитано 413 дурныхъ бѣлыхъ стиховъ. Г. Гизо впрочемъ—надо отдать ему эту справедливость—всегда имѣлъ отвращеніе отъ поэзіи.

Если земля не была потрясена проклятіями, которыя извергнулъ г. Луандръ на современные романъ и драматическое искусство, то это должно отнести единственно къ безумному хладнокровію земли. Романъ и драма (послѣдняя послѣ извѣстной борьбы двухъ школъ) приняли въ 1830 году политическій оттѣнокъ: да будутъ они позоромъ для грядущихъ вѣковъ! Романъ и драма одно время довольно неучтиво обращались съ исторіей, употребляя ее для своихъ

особенныхъ цѣлей: да будутъ они вѣчною укоризной народу, ихъ породившему! Романъ и драма наконецъ, слѣдуя общему движенію, подали руку сперва классамъ двусмысленнымъ и падшимъ, а потомъ стали наблюдать и опасные классы общества: пусть сгараютъ стыдомъ! «C'était une mésaillance!» Какое количество плачевныхъ (déplorables) результатовъ находитъ г. Луандръ въ нынѣшнемъ фельетонѣ, завладѣвшемъ романомъ,—невообразимо. Можно подумать, что дѣло идетъ о какой-нибудь общественной язвѣ, повальной болѣзни, симптомахъ конечнаго разрушенія... А между тѣмъ г. Луандръ и дѣйствительнымъ немощамъ общества плохо вѣритъ. Странно, но понятно. Дѣло въ томъ, что фальшивый артистизмъ (простите за слово) всегда выражается такъ напыщенно и невѣрно. Этотъ фальшивый артистизмъ надѣлалъ уже много бѣдъ: въ однихъ, какъ у г. Луандра, онъ развилъ презрѣніе къ историческому ходу событій, въ другихъ, именно у литературныхъ знаменитостей, породилъ убѣжденіе, что они предназначены быть пророками на землѣ и составлять особенную касту, небомъ благословенную. Не онъ ли толкнулъ одного писателя явиться преобразователемъ пенальной системы, другого ѣхать въ Тунисъ представителемъ всей умственной Франціи? На дняхъ даже онъ подвинулъ третьяго (много разъ упомянутаго выше Теофила Готье), послѣ превосходной комедійки Альфреда де-Мюссе: «Un caprice», воскликнуть съ энтузіазмомъ: «Артисты—цари творенія, могущественнѣе самой природы! Стройте для нихъ дворцы! Выгоните изъ госпиталей, изъ инвалидныхъ домовъ всѣхъ вашихъ калѣкъ и отдайте ихъ артисту, лучшему произведенію вселенной!» Хорошо еще, что нашелся здравомыслящій человѣкъ, г. Ролль, и въ фельетонѣ «Constitutionnel» предалъ г. Готье и его доктрину всеобщему посмѣянію... Но, возвращаясь къ приговорамъ г. Луандра, можно замѣтить, что свирѣпость ихъ находится не въ совершенно правильномъ отношеніи къ справедливости. Я собственнымъ опытомъ могъ бы подтвердить слѣдующее замѣчаніе: какъ бы ни была чудовищна драма вообще, но не проходитъ года, чтобъ не явилось произведенія, которое не оставило бы глубокіе, благородные слѣ-

ды въ народѣ, прибавивъ къ его нравственному богатству болѣе важное пониманіе собственнаго положенія и положенія другихъ. Художнической оцѣнкѣ тутъ нечего вмѣшиваться, а только можетъ быть допущена оцѣнка поводовъ, заставившихъ автора написать драму, и большей или меньшей его вѣрности своей мысли, своимъ положеніямъ. Точно то же можно сказать и о романѣ. За примѣрами дѣло не станетъ, но они не нужны... Что же касается до спекуляцій, до торгашества, образовавшихся вокругъ всѣхъ родовъ (не исключая ученаго) умственной дѣятельности, то жаловаться на нихъ при огромномъ литературномъ развитіи кажется мнѣ нѣсколько безплодно. Вѣдь это неизмѣнный законъ всякаго общества. Также основательно было бы смотрѣть съ негодованіемъ на появляющуюся бороду въ двадцать лѣтъ и съ сожалѣніемъ говорить о сѣдыхъ волосахъ въ восемьдесятъ. Страннѣе всего показалось мнѣ въ статьѣ г. Луандра, что онъ дѣлаетъ порядочный выговоръ водевилю за вмѣшательство его въ предметы высокой важности, до него не касающіеся, какъ напримѣръ, въ народную жизнь, семейную хронику и современныя событія. Зачѣмъ онъ не остался вѣренъ своему происхожденію—застольной пѣсенкѣ и проч.? Такое непониманіе одного изъ самыхъ характеристическихъ явленій французскаго быта меня удивило въ писателѣ, который, вѣроятно, обѣдаетъ въ Café de Paris и кофе пьетъ тоже въ какомъ-нибудь парижскомъ кафѐ. Какое взысканіе можно послѣ этого чинить нѣмецкому журналисту въ родѣ Гуцкова, если онъ недоразумѣетъ значеніе водевиля, этого національнаго произведенія по преимуществу, лукаваго, веселаго, скрывающаго иногда подъ легкою оболочкой болѣе серьезное дѣло, чѣмъ многія трагедіи, и до такой степени растяжимаго, что оно захватило всю современную жизнь общества. Просто, нѣмецкаго журналиста надо уволить отъ всякаго слѣдствія. Добро бы еще г. Луандръ былъ рыцарь художественности и готовъ былъ пожертвовать за чистое искусство женой, дѣтьми, вѣжливостью и справедливостью. Совсѣмъ нѣтъ. Онъ нисколько не террористъ искусства для искусства: единственнаго фран-

цузскаго художника-романиста, имени котораго не нужно здѣсь приводить, онъ не понимаетъ, смѣшивая его съ спекулянтами и дюжинными поставщиками романовъ. Это очень злобно и разсчетисто, — хоть бы какому-нибудь и нашему герою «Всякой Всячины». Не понимая однакожь истинной художественности и упрекая простыхъ разскащиковъ въ дурномъ выборѣ предметовъ, г. Луандръ поставляетъ всѣхъ въ крайнее затрудненіе. На чемъ же остановиться? Какое содержаніе особенно прилично роману? Вѣдь нельзя же составить романъ изъ жизни трудолюбиваго писателя, добивающагося мѣстечка въ бюджетѣ, крестика и видной должности! Если и можно, такъ развѣ одинъ разъ, а всегда писать объ этомъ, согласитесь, было бы нѣсколько скучновато.

Но я заговорился о статьѣ г. Луандра. Правда, она мнѣ показалась особенно замѣчательною, какъ воззрѣніе одного класса общества на свое отечество. Скажу еще нѣсколько словъ. Когда вы будете читать въ заключеніи этой статьи, что Франція, дорожащая своими правами, почтительна однакожь до раболѣпства (jusqu'à l'humilité) передъ внѣшними отличіями богатства, рожденія, должности и проч., то знайте, что тутъ дѣло идетъ собственно не о Франціи, а только о кругѣ, къ которому принадлежитъ авторъ. Затѣмъ кончаю, прося у васъ извиненія за долгую остановку передъ журнальною статьей, когда Парижъ начинаетъ уже праздновать свой карнавалъ...

По обыкновенію, городъ превратился въ одну огромную выставку драгоцѣнныхъ вещей, новыхъ выдумокъ моды, изящныхъ бездѣлицъ, великолѣпныхъ книгъ и проч. На нынѣшній разъ прошлогодній характеръ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій во вкусѣ XVIII столѣтія удержанъ, но къ нему присоединился еще новый. Появилось множество превосходныхъ вещей, которымъ смѣшеніе обоихъ металловъ, золота и серебра, придаетъ чрезвычайно оригинальный характеръ и даже что-то похожее на колоритъ. Противоположность двухъ цвѣтовъ на одномъ и томъ же предметѣ избавляетъ глазъ отъ нѣкотораго рода усталости, всегда порождаемой однообразіемъ краски, а произведенію сообщаетъ

живописность, почти картинную свѣтотѣнь (claire-obscur). Это было очень хорошо извѣстно флорентинскимъ ювелирамъ XVI и XVII столѣтій. Парижская мода, принужденная конкурренціей къ безпрестанному творчеству и, какъ сказочная Яга-Баба, никогда не засыпающая, вполнѣ отыскала это преданіе и наполнила магазины браслетами, чашами, ларцами, гдѣ серебряныя, черненыя фигуры вьются по золотому матовому полю въ удивительной гармоніи. Сколько тутъ снаровки, художническаго разсчета, изобрѣтенія—говорить нечего. Въ магазинахъ извѣстнаго Мореля выдумка эта достигла формъ чистаго искусства. Я видѣлъ у него, напримѣръ, флакончикъ, обвитый золотою сѣтью на подобіе рукоятки индѣйскаго кинжала, по бокамъ котораго тянутся двѣ баядерки черненаго серебра, доставая корзинку цвѣтовъ, образующую пробочку его: нельзя насмотрѣться! Золотой кубокъ, вышедшій тоже изъ мастерскихъ Мореля и назначенный быть скаковымъ призомъ, еще замѣчательнѣе. Подножіе его составляетъ группа мальчиковъ изъ серебра, перелѣзающихъ другъ черезъ друга, какъ будто второпяхъ къ какому-нибудь необыкновенному зрѣлищу, а по золотымъ бокамъ выступаютъ серебряныя же головы лошадей и два медальона съ амазонками. Мысль и отдѣлка спорятъ тутъ въ тонинѣ, вѣрности и граціи. Даже старыя, золотыя полосы, фигуры, завитки, врѣзанныя въ посторонній металлъ, какъ это видно, напримѣръ, въ латахъ, приписываемыхъ Бенвенуто Челлини, нашли самобытное, художническое подражаніе. Потерялись только размѣры, да приложены они къ предметамъ болѣе изящнымъ. Такъ, я видѣлъ у Мореля карманные часы съ заднею дощечкой изъ платины. По ней въ удивительной прелести развивается золотая микроскопическая охота со всадникомъ, собаками, лѣсомъ и загонщикомъ, которая вся вмѣстѣ однакожь представляетъ только одинъ великолѣпный арабескъ. Что касается до искусства въ духѣ XVIII столѣтія, то для полнаго наслажденія имъ надо спуститься въ улицу Basse des remparts къ серебряныхъ дѣлъ мастеру г. Одiò (Odiot). Человѣкъ этотъ производитъ мастерскія вещи: сервизы, туалеты, чайные прибо-

ры, плато̀, слѣдуя такъ-называемому вкусу Людовика XV, который широкими, пышными своими линіями и очертаніями такъ способенъ къ выраженію богатства и роскоши. Собственными своими прибавками и поправками Одіо̀ возвелъ эту манеру до величавости настоящаго искусства. Я видѣлъ у него, напримѣръ, модель суповой чаши, въ которую вошло огромное количество мотивовъ, взятыхъ изъ животнаго и растительнаго царствъ, и притомъ въ поразительной стройности и соразмѣрности. Такъ, подносъ, на которомъ стоитъ эта чаша, украшенъ массивными группами мертвыхъ птицъ, рыбъ и проч.; крайняя верхушка образована изъ плодовъ и овощей, а боковыя ея ножки составлены изъ переднихъ туловищъ двухъ быковъ, сообщающихъ сосуду выраженіе крѣпости и тяжелизны, полной художническаго такта. Все цѣлое царственно-великолѣпно.

Сказать по правдѣ, восторженное состояніе, въ которомъ, какъ видите, я нахожусь передъ этими произведеніями, и которое, можетъ быть, васъ удивляетъ нѣсколько, объясняется еще другою, особенною причиной. Именно—они мнѣ послужили утѣшеніемъ и отдыхомъ послѣ испытанныхъ мною глубокихъ, нестерпимыхъ огорченій отъ здѣшней церковной живописи, которою въ недавнее время покрылись многія капеллы по распоряженію парижскаго муниципалитета и самихъ приходовъ. Я смотрѣлъ три новыхъ фреска г. Моттѐ (Mottez) въ Saint-Germain l'Auxerrois, я видѣлъ фигуры г. Госса (Gosse) въ Sainte-Elisabeth, я глядѣлъ съ изумленіемъ на композицію г. Сибо (Cibot) въ Saint-Leu и вынесъ отъ нихъ такое тревожное состояніе духа, что привратникъ мой уже полагалъ за нужное отнестись къ доктору нашего квартала. Что̀ это такое, Боже мой? Одинъ съеживается до крайности, чтобы какъ-нибудь войти въ узенькую мѣрку старыхъ мастеровъ; другой раскидывается нелѣпо, вздумавъ безъ силы и таланта подражать бойкости натуралистовъ; третій создаетъ будуарную живопись и ею хочетъ пояснить мистическое видѣніе; всѣ однакожъ съ яснымъ выраженіемъ немощи, гдѣ каждый ударъ кисти какъ будто говоритъ: «Я только хочу вамъ показать, на что̀ я спосо-

бенъ, а впрочемъ самъ знаю, что это негодится!» Теперь понятно, съ какою жаждой я долженъ былъ броситься на произведенія, которыя выражаютъ настоящій геній народа, и родъ творчества, къ какому онъ наиболѣе способенъ. Итакъ, прошу не удивляться...

Да ужь за одно. По случаю великолѣпныхъ книгъ, обыкновенно приготовляемыхъ къ Рождеству, нахожусь въ необходимости привести здѣсь три имени, можетъ быть, единственныхъ въ Европѣ: гг. Бозонѐ (Bauzonnet), Нидрѐ (Niedrée) и Дюрю̀ (Duru). Это—переплетчики. Первый, болѣе всѣхъ знаменитый, переплетаетъ уже только по протекціи, и то еще весьма сильной и сопряженной со многими искательствами. Переплеты его отличаются такою изящною простотой, такимъ благородствомъ украшеній, щегольствомъ и вкусомъ, что когда держишь книгу его въ рукахъ, кажется держишь драгоцѣнную вещицу. Я видѣлъ стихотворенія г-жи Дебордъ-Вальморъ, имъ переплетенныя, и съ тѣхъ поръ мнѣ все чудится, что г-жа Дебордъ-Вальморъ—прекрасная молодая дѣвушка, гуляющая въ цвѣтникѣ. Нидрѐ болѣе роскошенъ; впрочемъ рисунки украшеній, принадлежащіе всѣмъ тремъ, цѣнятся равно высоко и тщательно сберегаются любителями. Мнѣ случилось имѣть въ рукахъ книгу, переплетенную г. Дюрю̀ на манеръ янсенистовъ: переплетъ весь черный съ чернымъ же тисненіемъ. Ни съ чѣмъ и сравнить его не умѣю, кромѣ развѣ съ донной Анной въ траурѣ, приходящей плакать надъ мраморнымъ гробомъ и черныя кудри разсыпать... Какая честь, подумаешь, для воловьей и другой шкуры!

Королевскій театръ (Théâtre Français) снова былъ оглашенъ рукоплесканіями и браво по случаю восхитительной комедійки Мюссе: «Un caprice» и игравшей въ ней г-жи Алланъ. И ту, и другую петербургская публика очень хорошо знаетъ. Любопытно, что комедійка подала поводъ высказать почти всѣмъ здѣшнимъ театральнымъ критикамъ множество новыхъ мыслей о драматическомъ искусствѣ, какъ-то: простота содержанія не исключаетъ занимательности, или чѣмъ менѣе запутанности въ талантѣ, тѣмъ бо-

лѣе онъ нравится и т. д. Нѣкоторыя однакожь на пути этихъ откровеній пошли слишкомъ далеко и стали утверждать, будто пьесы совсѣмъ безъ содержанія только и принадлежатъ искусству. Это ужь увлеченіе! Какъ бы то ни было, но я съ умиленіемъ смотрѣлъ на эту манеру основательной критики, которая начинаетъ съ открытія азбуки, чтобъ оцѣнить легкую шутку, блистающую остроуміемъ и наблюдательностью. Жалко только, что эта зарейнская манера, вѣроятно, не удержится здѣсь: она и появилась-то единственно отъ восторга и отъ одурѣнія, неразлучно слѣдующаго за нимъ.

Остальные театры не произвели ни одной капитальной пьесы, которая сильно бы захватила вниманіе публики. Это еще придетъ. Покамѣсть Gymnase и Variétés поставили каждый по водевилю почти одинаковаго содержанія. Хорошія мысли, извѣстно, приходятъ иногда вдругъ пяти или шести человѣкамъ за-разъ. Г. Скрибу, съ одной стороны, и г. Баяру—съ другой, въ одно время блеснула идея представить человѣка, который неожиданно получилъ ларецъ съ деньгами, ему не принадлежащими, и колеблется между тяжелыми обстоятельствами, повелѣвающими удержать ларчикъ, и честностію, предписывающею разстаться съ нимъ. Подобныя идеи, въ старое время, приходили одному г. Коцебу; теперь стали онѣ приходить двумъ писателямъ заразъ; значитъ, идеи размножаются! На этомъ основаніи г. Скрибъ написалъ пьеску: «Дидье добрый человѣкъ» («Didier l'honnête homme»), и отдалъ ее въ Gymnase, а г. Баяръ написалъ «Жеромъ каменьщикъ» («Jerôme le maçon») и отдалъ ее въ Variétés. Первая отличается мастерствомъ изложенія и чрезвычайно ловкимъ, свободнымъ ходомъ интриги; вторая имѣетъ претензію на глубину и психологическую вѣрность, но идетъ неровно, отчасти судорожными скачками; обѣ же страдаютъ однимъ и тѣмъ же недостаткомъ: главное дѣйствующее лицо въ нихъ—ларчикъ съ золотомъ! Я имѣю смѣлость считать себя за человѣка, который весьма трудно оскорбляется. Вѣдь не былъ же я оскорбленъ въ Théâtre Historique трагедіей г. Шекспира

«Гамлетъ», передѣланной гг. Дюма и Мёрисомъ! Мелодрама какъ мелодрама, и когда въ послѣднемъ явленіи, вмѣсто Фортинбраса, показывается снова тѣнь отца и говоритъ всѣмъ раненымъ, за что̀ они ранены, а къ Гамлету обращается со словами: «А ты живи, вотъ твое наказаніе!» Послѣ этого обнаружилось во мнѣ легкое волненіе, но я его сію же минуту подавилъ. Теперь могу смотрѣть передѣланнаго «Гамлета» сколько угодно... Въ прекрасной оперѣ Верди «Jérusalem», данной съ большимъ успѣхомъ во Французской оперѣ, одно дѣйствующее лицо поетъ верхомъ на лошади. Въ первую минуту показалось смѣшно, но приглядѣлся—и ничего. Потомъ я даже посердился немного на остроумную каррикатуру «Шаривари», представляющую пѣвцовъ на лошадяхъ, съ подписью: «Здѣсь поютъ пѣшіе и конные» («On chante ici à pied et à cheval»), на подобіе вывѣсокъ постоялыхъ дворовъ, имѣющихъ всегда неизмѣнныя слова: «Здѣсь останавливаются пѣшіе и конные» («On loge ici à pied et à cheval»). Вы видите, какъ трудно огорчить меня, и со всѣмъ тѣмъ къ ларчику съ деньгами чувствую непреодолимое отвращеніе. Слова нѣтъ, что оно очень натурально, что всякій, кто найдетъ такой ларчикъ, подумаетъ сперва: а нельзя ли припрятать его?—да зачѣмъ же требовать отъ меня, чтобъ я прослезился, когда этотъ человѣкъ, одумавшись, отдастъ ларчикъ по принадлежности. Мнѣ кажется, будто авторы обѣихъ пьесъ сдѣлали немаловажную ошибку, заставивъ героевъ своихъ высказать душевное состояніе свое передъ отворенными ларцами. Послѣ такой борьбы, конечно, весьма естественной, они, авторы, какъ ни стараются сдѣлать своихъ героевъ образцами добродѣтелей, никакъ не успѣваютъ. Нельзя же быть въ одно время Робертомъ Макеромъ и Цинцинатомъ! Вы скажете: «Это—та черная сторона человѣческой души, которая можетъ грязнить самую избранную натуру». Ну, хорошо! Я весьма податливъ на ужасъ, и никому такъ скоро не дѣлается страшно за человѣка, какъ мнѣ, но въ такомъ случаѣ нѣтъ никакой надобности короновать нашего брата вѣнкомъ добродѣтели и давать ему премію благородства. Если, какъ я предполагаю, гг. Скрибъ

и Баяръ хотѣли именно учинить это примиреніе между нѣкоторыми сомнительными качествами человѣческой души и обиходною моралью, то на сей разъ они не успѣли. Пусть подождутъ до слѣдующаго. Случаевъ изъ текущей, современной жизни представится много. Вотъ недавно оказалось по слѣдствію, что графъ Мортье былъ очень хорошимъ чиновникомъ, будучи въ сущности всегда сумасшедшимъ. И сколько такихъ!

А какая странная драматическая пружина—ларчикъ съ деньгами. Всякій разъ, какъ актеръ запускаетъ въ него руку и начинаетъ шевелить луидорами и наполеондорами, въ партерѣ разносится говоръ, точно на биржѣ при возвышеніи курса на испанскіе фонды. Впрочемъ сравненіе не вѣрно, потому что испанскіе фонды никогда не возвышаются.

Между тѣмъ обѣ пьесы дали возможность двумъ первымъ актерамъ, г. Фервилю (въ Gymnase) и г. Буффè (въ Variétés) составить нѣчто въ родѣ художественнаго поединка, занявшаго на нѣкоторое время театральную публику. Г. Фервиль, исполнявшій характеръ Дидьè, сдѣлалъ изъ него добряка, выбитаго изъ своей колеи неожиданнымъ и сильнымъ искушеніемъ. Г. Буффè, игравшій Жерома-плотника, показалъ на оборотъ, какъ глубоко можетъ быть потрясенъ крѣпкій характеръ дурною, опасною мыслью. Роль у Фервиля цѣлостнѣе и натуральнѣе, у Буффè она блистаетъ множествомъ прекрасныхъ подробностей и счастливо схваченныхъ оттѣнковъ. Я съ своей стороны отдаю пальму первенства Фервилю, какъ ни уважаю я трудъ, вѣрный разсчетъ и мастерство, качества, несомнѣнно принадлежащія Буффè, но въ дѣлѣ искусства люблю, чтобъ артистъ, на подобіе Картуша, укралъ у меня одобреніе прежде, чѣмъ я успѣлъ бы очнуться. На этотъ разъ точно такую штуку сыгралъ со мною Фервиль. Во всякомъ другомъ городѣ это соперничество двухъ извѣстныхъ артистовъ произвело бы непремѣнно двѣ партіи! Куда, подумаешь, не вмѣшиваются партіи! Случалось даже, что иногда двѣ труппы волтижеровъ производили ихъ. Здѣсь однакожь по случаю этого событія партій не было. Голоса какъ-то перемѣшались. Тѣ же люди, которые вчера кричали

браво Буффè, безъ зазрѣнія совѣсти выкрикиваютъ точно такое же браво Фервилю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ открылись маскарады въ операхъ, театрахъ и публичныхъ залахъ. На улицахъ появились шляпы съ перьями, испанскія мантіи, расшитые корсеты, красные башмачки и проч. Въ кофейныхъ, кондитерскихъ, въ магазинахъ съ цвѣтами и костюмами огонь уже не потухаетъ всю ночь. Люди; которые наполняютъ ихъ, принадлежатъ именно къ разряду людей, никогда не находившихъ ларчика съ золотомъ. За это я ихъ и люблю. Удовольствіе ихъ доставляетъ мнѣ чрезвычайно отрадное чувство. Какъ ни говорите, а пріятно видѣть веселье людей съ ограниченными средствами и заработавшихъ себѣ балъ, музыку, освѣщеніе, всѣ удовольствія карнавала!.. Желаю вамъ на прощанье (можетъ быть, долгое) наслаждаться какъ можно чаще зрѣлищемъ подобнаго рода!..

ПИСЬМО ИЗЪ КІЕВА.

Май 1862 года.

Можетъ быть, ни одинъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ не подтверждаетъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ Кіевъ, истину замѣчанія, что жизнь, интересы и дѣятельность нашихъ областей становятся независимѣе отъ внушеній столицъ, отъ предметовъ, имѣющихъ силу волновать умы въ Москвѣ и Петербургѣ. Живые областные интересы начинаютъ прокладывать себѣ своеобычную дорогу и пріобрѣтать самостоятельное значеніе; центральнымъ пунктамъ административной и умственной дѣятельности придется считаться съ ними рано или поздно.

Качество университетскаго города, какъ ни важно оно, еще не дало бы Кіеву особенно выразительной физіономіи (нѣкоторые изъ нашихъ университетскихъ городовъ вовсе никакой физіономіи не имѣютъ), если бы у него не было много мѣстныхъ задачъ для разрѣшенія, важность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Къ числу характеристическихъ особенностей Кіева принадлежитъ одна черта, впрочемъ замѣтная и въ другихъ краяхъ Россіи. Дѣятельность его, сосредоточенная въ извѣстныхъ кругахъ, ничѣмъ не проявляется въ такъ-называемомъ обществѣ. Городъ тихъ и молчаливъ. Широкія, красивыя улицы его, окаймленныя садами, тянущіяся по гребнямъ горъ и переходящія съ горы на гору, оживлены на столько движеніемъ, на сколько небходимо, чтобы домовъ ихъ не принять за дачи и виллы, и уже во-

все ничего не говорятъ о мысли или направленіяхъ, которыя живутъ въ этихъ домахъ. Правда, можно встрѣтить на тротуарѣ главной улицы—Крещатика (старающейся на зло своимъ фруктовымъ садамъ и тополямъ пріобрѣсть видъ настоящей городской улицы пылью, пестротой вывѣсокъ и эталажей)—польскую даму въ глубочайшемъ траурѣ, студента изъ малороссовъ въ свиткѣ, польскаго студента въ конфедераткѣ или юнаго гимназиста съ тяжелою палкой въ рукѣ, но все это пропадаетъ въ равнодушномъ движеніи общей массы городскаго населенія. Если улица и вообще населеніе мало выдаютъ тайну нравственной и политической жизни города, то еще менѣе выговариваетъ ее мѣстная журналистика, представляемая двумя газетками — «Кіевскимъ Телеграфомъ» и «Кіевскимъ Курьеромъ». Первый изъ этихъ органовъ, неправильно изъясняющійся по русски, занимается, кромѣ тощихъ извѣстій о городскихъ происшествіяхъ, обличеніемъ скандаловъ, часто столь же скандалезнымъ, какъ и самый предметъ обличенія; второй органъ, принявшій систему правописанія безъ еровъ, представляетъ asylum для обличенныхъ и обиженныхъ «Телеграфомъ», гдѣ они и празднуютъ свое возрожденіе съ достодолжною яростью. Рѣдко можно встрѣтить гдѣ-либо журналистику, менѣе выражающую то общество, для котораго она существуетъ, и менѣе посвященную въ его стремленія, которыя она врядъ ли и подозрѣваетъ. Изъ всего этого выходитъ, что Кіевъ кажется на первый взглядъ городомъ, спокойно наслаждающимся своимъ привольнымъ житьемъ на крутизнахъ Днѣпра и занятымъ только, какъ проѣзжій туристъ, глазѣньемъ на свои великолѣпныя святыни, посѣщеніемъ очаровательныхъ горъ и окрестностей да слушаньемъ соловьевъ, которые поютъ теперь, благодаря чуднымъ садамъ, во всѣхъ проулкахъ и закоулкахъ его.

Но читателямъ «Современной Лѣтописи» уже извѣстно, напримѣръ, что духовенство Кіевской губерніи первое открыло сельскія школы по деревнямъ и создало въ короткое время систему народнаго воспитанія въ размѣрахъ, которые превосходятъ все, что̀ по этой части мы видимъ гдѣ-либо у

себя. Иниціатива этой мѣры принадлежитъ здѣшнему епархіальному начальству. Сельское духовенство, приглашенное къ открытію школъ церковной грамотности въ своихъ приходахъ, отвѣчало на призывъ, удѣляя ученикамъ не только время и труды безвозмездно, но и въ большинствѣ случаевъ скудное помѣщеніе, какимъ пользуются вообще священники по деревнямъ. Кто знаетъ связь, которая существуетъ между нравственнымъ положеніемъ школы и помѣщеніемъ, какое она занимаетъ, тотъ пойметъ важность этой жертвы, иногда, если не постоянно, сопряженной съ значительными лишеніями для учителя и бѣдной его семьи. Мы упомянули о системѣ образованія, но это должно понимать только въ смыслѣ общаго духовнаго характера, какой получаютъ новыя школы отъ своихъ учредителей; методы же обученія и воспитанія совершенно различны. Объ единствѣ пріемовъ и педагогическихъ взглядовъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Но это—не помѣха для процвѣтанія школъ, какъ свидѣтельствуютъ очевидцы. Отцы и дѣти, не смотря на разнообразіе способовъ преподаванія, довольны ихъ общимъ церковнымъ характеромъ, первые — особенно потому, что тутъ видятъ они не мудреную затѣю, мало для нихъ понятную, а настоящее и, по ихъ разумѣнію, нужное дѣло; вторые—особенно потому, что преподаваніе равняетъ ихъ видимо и осязательно съ самымъ высокимъ человѣкомъ по духовному образованію въ цѣломъ приходѣ. Такимъ образомъ, по общему признанію, установились между образователями и матеріаломъ образованія довольно удовлетворительныя гармоническія отношенія, которыя, на многіе глаза, кажутся способными надѣлить это учрежденіе достаточною силой для того, чтобы духовенство могло выдержать съ честію соперничество въ дѣлѣ народнаго обученія со всѣми другими классами общества.

Конечно, мы еще не дожили, да и не желаемъ дожить, до того общественнаго, положенія когда вопросъ о правѣ народнаго обученія можетъ стать спорнымъ вопросомъ между партіями, изъ которыхъ каждая старается захватить его въ свои руки для того, чтобы на немъ основать и имъ укрѣ-

пить свое политическое значеніе въ государствѣ. Если какое-либо дѣло требуетъ безкорыстнаго служенія, такъ это именно дѣло распространенія грамотности и образованія въ народѣ [1]). Покамѣсть еще нѣтъ причинъ опасаться у насъ и исключительнаго вліянія на умы того или другого взгляда на жизнь и школу, потому что во всѣхъ учебныхъ предпріятіяхъ нашихъ дѣло идетъ совсѣмъ не объ этой важной матеріи, а о томъ, чтобы положить основаніе для какой-либо умственной жизни, то-есть, просто обучить грамотѣ человѣка. Особенныя, дальнія цѣли или вообще важныя матеріи тутъ еще только подразумѣваются, и попытка, какъ нѣкоторыхъ школъ, такъ и почтенныхъ педагоговъ, въ родѣ глубоко уважаемаго нами графа Л. Н. Толстаго, устроить вмѣстѣ съ грамотой и опредѣленное и удоб-

---

[1]) Духовная литература, развившаяся у насъ въ послѣднее время и имѣющая уже довольно много разнородныхъ органовъ, къ сожалѣнію, еще мало обращаетъ на себя вниманія нашей свѣтской литературы, а между тѣмъ она содержитъ въ себѣ, вмѣстѣ съ безспорною догматическою частью, нѣсколько ученій, относящихся до жизни и гражданскаго быта людей и заслуживающихъ полнаго вниманія, а въ иныхъ случаяхъ и серьезнаго критическаго разсмотрѣнія. Въ одномъ Кіевѣ издается два журнала—«Епархіальныя Вѣдомости» и «Труды духовной академіи», весьма часто возбуждающіе вопросы, правильное рѣшеніе которыхъ представляетъ дѣло несомнѣнной важности. Такъ, въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» мы прочли прекрасную статью г. Ѳ. Лебединцева: «Братства, ихъ прежняя и нынѣшняя судьба и значеніе». Въ сжатомъ историческомъ очеркѣ авторъ представляетъ политическое и нравственное значеніе прежнихъ братствъ, окончательно павшихъ уже въ эпоху русскаго вліянія, но еще сохранившихся въ остаткахъ кое-гдѣ по угламъ южно-западныхъ губерній, и приходитъ къ заключенію, что свободное возстановленіе братствъ было бы важнымъ орудіемъ защиты края отъ всякихъ своевольныхъ притязаній, а вмѣстѣ и орудіемъ моральнаго и гражданскаго воспитанія народа. Точно также, въ мартовской книжкѣ «Трудовъ» мы встрѣтили статью «Жизнь и школа», превосходно поставившую вопросъ объ отношеніи самостоятельной учености къ требованіямъ жизни и исторической минуты и т. д. Не менѣе любопытна брошюра протоіерея отца Крамарева: «О современномъ отношеніи русскаго православнаго духовенства къ обществу». Съ величайшимъ жаромъ и увлеченіемъ обвиняетъ о. Крамаревъ русское общество за то унизительное положеніе, въ которое оно поставило духовенство, окруживъ его запретами, оскорбительнымъ недовѣріемъ и презрительнымъ обращеніемъ свысока. Истина упрека много ослабляется тѣмъ, что о. Крамаревъ находитъ причину явленія только въ испорченности и матеріальныхъ стремленіяхъ общества, забывая, что вина лежитъ отчасти на самомъ духовенствѣ.

ное ложе для мысли будущаго человѣка намъ кажутся смѣлостью, которая только и привлекательна и заманчива, какъ смѣлость. Сама грамота, и никто или ничто болѣе, всегда вела какъ частное лицо, такъ и народъ, при извѣстной степени свободы въ дѣйствіяхъ, туда, куда имъ нужно было идти по требованіямъ своей духовной природы. Вотъ почему благородныя усилія кіевскаго епархіальнаго начальства и духовенства къ распространенію грамотности заслужили у всѣхъ, какъ частныхъ, такъ и правительственныхъ лицъ, полную, признательную оцѣнку. Это лишь долгъ, выплаченный имъ обществомъ. Вспомнимъ, какъ велика у насъ нужда въ рукахъ, умѣющихъ указать на склады, въ способностяхъ и талантахъ, годныхъ на то, чтобы раскрыть другимъ тайну сочетанія буквъ въ слова и строки, имѣющія смыслъ. Комитетъ грамотности при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ въ Петербургѣ занимался прошлою зимой вопросомъ о призваніи писарей волостныхъ правленій къ должностямъ сельскихъ преподавателей и объ облеченіи тѣмъ же характеромъ солдатъ, идущихъ на родину въ безсрочный отпускъ и посѣщавшихъ нѣкоторое время свои военныя школы или даже нарочно подготовленныхъ для новой своей миссіи посредствомъ особыхъ предполагавшихся для того учрежденій. Возникновеніе подобныхъ плановъ имѣетъ весьма серьезный характеръ, потому что въ нихъ слышится отчаянный вопль общества, которое ищетъ и почти не находитъ вокругъ себя точекъ опоры для своей дѣятельности и орудій для работы на пользу народнаго просвѣщенія. За орудіями именно и стало дѣло, и всякое открытіе какой-либо новой и настоящей силы, способной быть двигателемъ первоначальнаго образованія, будетъ всегда считаться счастливымъ открытіемъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что сельскія духовныя школы Кіевской епархіи явились еще и во время, именно тогда, когда между приверженцами образованія народа по малорусски и приверженцами общерусскаго образованія, то-есть, собственно между двумя азбуками, начался споръ, который могъ длиться долго безъ видимыхъ результатовъ для самаго

дѣла грамотности. Духовныя школы выросли на нейтральной почвѣ между двумя враждебными станами, какъ начало, устраняющее на время притязанія той или другой партіи. Все это вмѣстѣ взятое представляло важные залоги успѣха, который и увѣнчалъ вполнѣ усилія здѣшняго просвѣщеннаго епархіальнаго начальства. Успѣха этого не отрицаютъ и появляющіяся изрѣдка указанія и жалобы на слабость или дурное устройство школъ въ какой-либо изъ мѣстностей, гдѣ возникло это церковно-образовательное преподаваніе грамоты.

Со всѣмъ тѣмъ, нельзя сказать, чтобы дѣло народнаго воспитанія въ здѣшнемъ краѣ уже ничего болѣе не требовало, кромѣ наибольшаго распространенія школъ по приходамъ или возможнаго ихъ усовершенствованія. Двѣ партіи, о которыхъ мы сейчасъ упомянули, партія мѣстнаго и партія общерусскаго образованія, стоятъ еще другъ передъ другомъ, и конечно, трудно причислить ихъ къ эфемернымъ явленіямъ общественной жизни, вырастающимъ безъ причины и пропадающимъ безъ слѣда. Первая изъ этихъ партій, требующая для образованія малоруссовъ малорусскихъ элементовъ, опирается, вопервыхъ, на равнодушіе отцовъ и дѣтей къ москальской грамотѣ, но преимущественно на соображенія этнографическаго свойства. «Нельзя», говорятъ люди этой партіи,—«учить народъ такому языку, которымъ онъ не говоритъ, или вводить посредствомъ грамоты такую письменность и цивилизацію, которыя отрываютъ его отъ семьи и общаго склада жизни. Русская азбука прежде всего должна установить между народомъ различіе образованныхъ людей отъ необразованныхъ, а въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи необходимо создастъ такую же пропасть между ними, какая существуетъ въ великорусскомъ племени, гдѣ теперь всѣ усилія лучшей части общества направлены къ тому, чтобы завалить ее». Нельзя отвергать, что доводы эти сами по себѣ не имѣютъ никакого основанія бояться открытаго пренія, но нельзя также не сказать, что этому направленію покамѣсть недостаетъ первыхъ орудій труда и дѣятельности, именно—установившейся азбуки и опредѣленной книж-

ной рѣчи [1]). Намъ случалось слышать здѣсь по поводу малорусскихъ писателей, пріобрѣвшихъ имя и даже знаменитость, что они пишутъ на собственномъ, ими выдуманномъ языкѣ, мало понятномъ для массы населенія. Упрекъ этотъ всего охотнѣе пересылаютъ другъ другу и сами малорусскіе писатели, когда принимаются за полемику. Исключеніе составляютъ пѣсни Шевченка да нѣсколько разсказовъ Марка Вовчка и другихъ: ихъ простой, но чрезвычайно образный языкъ огражденъ отъ упрековъ, но, конечно, не можетъ отвѣчать на всѣ потребы духовнаго и умственнаго развитія. Въ отношеніи къ самостоятельной азбукѣ то же затрудненіе: существуетъ до пяти букварей, предлагающихъ, каждый, свой способъ изображенія и употребленія знаковъ, которые необходимы для фонетическихъ оттѣнковъ малорусскаго говора. До сихъ поръ еще ни одинъ изъ этихъ букварей не восторжествовалъ надъ другимъ у мѣстныхъ педагоговъ, не смотря на то, что между букварями встрѣчается одинъ, составленный и разосланный г. Кулишомъ. По невозможности отдать пальму первенства которому-либо изъ этихъ проектовъ возникла оригинальная мысль предоставить выборъ букваря самому народу, а до тѣхъ поръ умножать число проектовъ для самостоятельной азбуки, чтобы было надъ чѣмъ произнести ему вмѣстѣ съ воспитателями свой окончательный судъ, когда придетъ время. Кромѣ этихъ затрудненій, надо прибавить еще, что партія малорусскаго образованія стоитъ одиноко посреди такъ-называемаго высшаго общества страны, котораго она не успѣла привлечь къ своимъ убѣжденіямъ. Правда, въ числѣ разныхъ идей,

---

[1]) Указывая на теоретическія убѣжденія партій, мы имѣли въ виду только ту часть ея, которая отдѣляется отъ ультраукраинцевъ и одна можетъ надѣяться на нѣкоторый успѣхъ въ будущемъ. Вторая часть партіи живетъ преимущественно археологическими воспоминаніями и видитъ идеалъ народнаго развитія не впереди, а позади себя. Грамотность, отъ которой она ожидаетъ утвержденія своихъ представленій въ общемъ сознаніи, будетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, и главнымъ орудіемъ ея погибели. Вообще дурно понятая исторія страны бываетъ во многихъ случаяхъ источникомъ весьма важныхъ ошибокъ, какъ это показалъ намъ живой примѣръ Италіи 1848 года, стоющій серьезнаго вниманія и размышленія.

которыя вращаются между русскимъ дворянствомъ, помѣщиками и горожанами русскаго происхожденія, и которыя напущены на нихъ общимъ движеніемъ времени, есть и идея о мѣстномъ національномъ образованіи, но они относятся къ ней гораздо хладнокровнѣе, чѣмъ ко всѣмъ другимъ. Причинъ этого явленія очень много, и между ними есть весьма важныя и серьезныя; мы не намѣрены перечислять ихъ здѣсь, а только скажемъ, что хладнокровныя отношенія высшаго малорусскаго общества къ партіи чисто мѣстнаго воспитанія лишаютъ ее существенной поддержки. Впрочемъ, врядъ ли эта партія разбудитъ и вниманіе самаго народа, тоже еще недостающее ей въ эту минуту.

Здѣшній университетъ, будучи представителемъ науки, выработанной центральными пунктами русскаго образованія, доселѣ, какъ и всѣ прочіе наши университеты, мало обращалъ вниманія на народное воспитаніе, а между тѣмъ, по нашему мнѣнію, университеты никакъ не должны были бы отказываться отъ призванія организовать школы на Руси. Если высшія учебныя учрежденія наши, въ заботахъ о внутреннемъ своемъ устройствѣ и о способахъ полнѣйшей передачи результатовъ современной науки, ничего не сказали и не сдѣлали, чтобы споспѣшествовать поднятію уровня образованности въ народѣ и взять въ свои руки первоначальное воспитаніе крестьянъ, то произошло это единственно потому, кажется, что время не успѣло еще поставить самый вопросъ надлежащимъ образомъ. Двухлѣтній личный опытъ показалъ намъ, что комитеты распространенія грамотности и другія общества съ цѣлью образованія народа лишены живой силы, потому что имъ недостаетъ содѣйствія массы людей, уже посвятившихъ себя воспитанію. Раздѣленіе работъ есть, безъ сомнѣнія, вещь превосходная, но въ государствѣ, гдѣ всякій администраторъ, всякій издатель книжки и любой промышленникъ должны заботиться сами не только о производствѣ и помѣщеніи своего матеріала, но и о малѣйшей подробности, входящей въ составъ его, и обо всѣхъ побочныхъ производствахъ, имѣющихъ съ нимъ какое-либо соотношеніе, мы не видимъ, почему универси-

теты наши могли бы изъять себя отъ этого общаго закона и до времени не подчиниться ему наравнѣ съ прочими созидателями общественныхъ, умственныхъ и матеріальныхъ цѣнностей. Опасеніе, что корпоративный духъ университетовъ помѣшаетъ свободѣ преподаванія и положитъ преграды всякой новой и лучшей системѣ воспитанія, которая вышла не изъ ихъ стѣнъ, такое опасеніе врядъ ли можетъ быть умѣстно. Дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы предоставить университетамъ самостоятельную административную или законодательную власть надъ школами, которыхъ еще и нѣтъ, а въ томъ, чтобъ университеты раздѣляли труды по образованію народа съ министерствомъ и частными людьми, изнемогающими подъ бременемъ задачи. Тутъ еще далеко до замкнутости и опасной исключительности какого-либо Французскаго института, и нѣтъ нисколько попытки заранѣе убить возможность составленія частныхъ обществъ распространенія грамотности, которыя принесли такъ много пользы въ другихъ странахъ.

Вотъ почему учрежденіе при здѣшнемъ университетѣ «педагогическаго института для образованія сельскихъ учителей» подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей изъ округа мы считаемъ важною мѣрой относительно народнаго воспитанія. Институтъ только что открытъ и до сихъ поръ состоитъ изъ двѣнадцати молодыхъ людей, начиная съ восемьнадцатилѣтняго возраста (теперь, можетъ быть, ихъ и болѣе), успѣвшихъ выдержать пріемный экзаменъ изъ предметовъ, составляющихъ курсъ приходскихъ училищъ и затѣмъ начавшихъ слушать лекціи, получая опредѣленную стипендію на содержаніе. О характерѣ и успѣхѣ преподаванія говорить еще рано; желающихъ поступить въ институтъ множество. Конечно, университету же предоставляется и помѣщеніе подготовленныхъ учителей, что̀ само собою предполагаетъ открытіе сельскихъ школъ при непосредственномъ его участіи. Цѣль вновь возникающаго учрежденія, кажется, объяснять не нужно. Партія общерусскаго образованія, конечно, имѣетъ право думать, что для новыхъ гражданъ, образуемыхъ и здѣсь положеніемъ 19-го февраля,

знаніе языка, на которомъ пишется законодательство, глубоко измѣняющее всѣ прежнія основы ихъ жизни, совершенно необходимо, что равнодушіе народа къ московской грамотѣ не такъ непобѣдимо, какъ воображаютъ противники ея, забывая о смышленности народа, которая легко укажетъ ему, гдѣ настоящее дѣло и настоящая сила, что распространеніе русской письменности не только не повредитъ нравственности и племенной цѣлостности народа, но должно укрѣпить ихъ, такъ какъ источникъ, открываемый русскою грамотой, на столько обиленъ, что въ немъ могутъ быть почерпнуты отвѣты на всѣ инстинкты и требованія пробужденной мысли и возникшаго сознанія.

Если характеръ исключительности былъ бы важною ошибкой и органическимъ недостаткомъ для каждаго изъ поименованныхъ нами направленій, то на оборотъ онъ составляетъ силу и, такъ сказать, прирожденное свойство польской партіи. Мы намѣрены сказать о ней нѣсколько словъ съ тою осторожностію, которую предписываютъ русскимъ ихъ отношенія къ польской національности. Невозможныя, гиперболическія притязанія—смѣемъ выразиться—польской партіи не должны бы, по нашему, удивлять людей, знающихъ, что крайняя исключительность есть ея жизненная почва и оружіе, которымъ она хорошо управляетъ и на которое всего болѣе надѣется. Конечно, это нисколько не отнимаетъ права у другой стороны бороться съ увлеченіями польской партіи, когда, напримѣръ, она вздумаетъ считать ревнителей мѣстнаго малорусскаго образованія на правой сторонѣ Днѣпра не естественными своими соперниками, данными ей исторіей, а демагогами, имѣющими цѣлью возбудить сословную войну между крестьянами и помѣщиками, и когда самая могила Шевченка, виноватаго въ созданіи поэтическаго малорусскаго языка, будетъ объявлена ею памятникомъ, безпрестанно вызывающимъ на семейную распрю и лишающимъ покойнаго сна одну часть населенія. Но отъ законной борьбы до ужаса и негодованія еще большое разстояніе. Не надо забывать, что по особенности своего положенія польская партія не можетъ отдѣлаться отъ исклю-

чительности [1]). Мы хотимъ предполагать, что усилія этой партіи Заднѣпровскаго края привлечь къ себѣ народъ нѣкоторыми имущественными жертвами въ его пользу родились изъ прямого участія къ низшимъ сословіямъ, но это нисколько не ослабляетъ замѣтки объ общемъ характерѣ этой партіи, которая видитъ въ себѣ господствующій элементъ народонаселенія этого края и расположена, даже въ лицѣ людей, наиболѣе удаленныхъ по происхожденію, образованію, состоянію и воспитанію своему отъ сходства съ аристократіей, считать попытки всякаго независимаго развитія за преступленіе передъ собою и оскорбленіе своихъ правъ. Но именно это раздраженіе и эта исключительность, вмѣстѣ взятыя, даютъ крѣпкую внутреннюю организацію польской партіи; она не знаетъ въ нѣдрахъ своихъ разномыслія даже по поводу самыхъ смѣлыхъ, чтобы не сказать болѣе, предположеній, хотя, съ другой стороны, слѣдуетъ замѣтить, что эти же самыя условія ставятъ всю будущность ея въ зависимость не отъ успѣха идей справедливости, гражданской терпимости и политическаго воспитанія края, а отъ оплошности, домашнихъ затрудненій, недальновидности и податливости соперничествующихъ съ нею сторонъ. Такова историческая роль польскаго населенія въ здѣшнемъ краѣ, и относительно ея надо дѣлать кое-что другое, чѣмъ приходить въ изумленіе и негодованіе или надѣяться на невозможное устраненіе ея одною матеріальною силой.

Въ извѣстное время года въ Кіевъ является и самый народъ, о воспитаніи котораго такъ много заботятся противоборствующія партіи [2]). Народъ, являющійся въ Кіевъ,

---

[1]) Мнѣ разсказывали, что въ здѣшнемъ дворянскомъ собраніи, управляемомъ выборными директорами, дежурство директора изъ русской партіи бываетъ сигналомъ отсутствія всего польскаго общества на вечерахъ и также точно на оборотъ.

[2]) Польская партія на правой сторонѣ Днѣпра заводитъ школы и распространяетъ малорусскія азбуки съ польскими или латинскими буквами. Я не считаю нескромностью упомянуть объ этомъ фактѣ, потому что онъ давно уже извѣстенъ и правительству, и публикѣ. Мнѣ случилось даже видѣть малорусскій романсъ туземнаго композитора, слова котораго переданы были ла-

состоитъ изъ богомольцевъ, стекающихся сюда со всѣхъ краевъ и пунктовъ имперіи. Послѣ обнародованія положенія 19-го февраля малорусское населеніе пріобрѣло бо̀льшую свободу передвиженія и уже составляетъ первенствующій элементъ въ массѣ богомольцевъ, наполняющей городъ съ мая по сентябрь мѣсяцъ. Народъ этотъ кишитъ во всѣхъ соборахъ, монастыряхъ и святыняхъ Кіева, почти поглощая городское населеніе, и какъ будто приноситъ своимъ появленіемъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, кому можетъ принадлежать городъ. Живописныя группы его, исполненныя множествомъ типическихъ физіономій, волнами обтекаютъ стѣны Кіево-Печерской лавры, заливаютъ всѣ выходы и проходы ея и движущимися, колеблющимися массами вращаются по площади ея гостинницы или страннопріимнаго дома. Сколько тутъ пыльныхъ, загорѣлыхъ лицъ съ разнообразнѣйшими племенными отличіями и безчисленными особенностями выраженія, сколько костюмовъ всѣхъ родовъ, сколько духовныхъ пѣсенъ и говора, полный смыслъ котораго остается неуловимымъ! Радушіе, съ которымъ лавра принимаетъ своихъ гостей, терпѣливость и снисхожденіе, съ которыми отвѣчаетъ она на разнородныя ихъ требованія, и ласковость, съ которою открываетъ для нихъ столы, не пустѣющіе до глубокаго вечера,—сказать безъ преувеличенія — примѣрны и обнаруживаютъ въ лаврѣ глубокое, вѣрное пониманіе своихъ обязанностей передъ народомъ. Мы позволимъ себѣ сдѣлать одно только замѣчаніе: лавра, кажется намъ, слишкомъ мало цѣнитъ право или слишкомъ осторожно обращается съ правомъ распространять простыя нравственныя истины посредствомъ живой проповѣди; въ рукахъ ея находится могущественная сила для моральнаго воспитанія народа, которая остается покамѣсть еще мертвою силой. Тутъ не надо богословскаго изложенія догматовъ, а еще менѣе попытокъ къ объясненію очередныхъ вопросовъ жизни и современности, что̀ могло бы лишить лавру того харак-

---

тинскими знаками, вѣроятно, для доставленія ему покровительства избраннаго общества края.

тера высокаго безпристрастія, какой она имѣетъ, но желательно было бы, чтобы проповѣдь любви и нравственности чаще раздавалась въ стѣнахъ ея. Это было бы только дополненіемъ ея дѣйствій и ея религіознаго вліянія. Почти неумолкаемая церковная служба ея, для наслажденія которою и стекаются сюда простые люди со всѣхъ необозримыхъ концовъ имперіи, была бы однимъ видомъ ея дѣятельности, а живая проповѣдь любви и нравственности — другимъ и тоже очень важнымъ ея видомъ.

КЪ ИСТОРІИ РАБОТЪ НАДЪ ПУШКИНЫМЪ.

I.

ПРОГРАММА И ПЛАНЪ ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. С. ПУШКИНА.

1.

Объявленіе объ изданіи сочиненій А. С. Пушкина подъ редакціей П. В. Анненкова, 1855 года.

Принимается подписка на новое собраніе сочиненій А. С. Пушкина въ конторѣ «Современника» при книжномъ магазинѣ Ѳ. В. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

Новое собраніе сочиненій Александра Сергѣевича Пушкина будетъ вмѣщать всѣ стихотворныя произведенія поэта и всѣ статьи его въ прозѣ, заключающіяся въ послѣднемъ посмертномъ изданіи его твореній, которое появилось въ 1838 и кончилось въ 1841 году (11 томовъ). Сверхъ сего, въ новое изданіе войдутъ стихотворенія, помѣщенныя въ старыхъ журналахъ и не попавшія въ предшествующее изданіе, и значительное количество произведеній его въ стихахъ и прозѣ, никогда еще не бывшихъ въ печати. Они найдены въ бумагахъ поэта, и о важности ихъ можно судить по бѣглому перечету однихъ цѣльныхъ, довольно большихъ произведеній, которыя украшаютъ настоящее изданіе. Въ немъ

будутъ помѣщены: не изданныя строфы «Евгенія Онѣгина», дополнительныя строфы «Домика въ Коломнѣ», переводъ въ стихахъ 23-й пѣсни «Неистоваго Орландо», критическій разборъ первой пѣсни «Слова о полку Игоревѣ», продолженіе повѣсти «Рославлевъ» и проч. Первый томъ настоящаго изданія будетъ состоять изъ біографіи поэта, составленной преимущественно по бумагамъ его и дополненной записками, нарочно приготовленными для сего изданія покойнымъ Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, П. А. Катенинымъ, Н. И. Павлищевымъ и соучениками поэта, изложившими свои воспоминанія въ одной общей запискѣ. Портретъ Пушкина работы Уткина, три снимка съ рисунковъ перомъ, какіе по своей привычкѣ дѣлалъ поэтъ на рукописяхъ въ самую минуту созданія, и нѣсколько снимковъ съ отроческаго, юношескаго и установившагося его почерка будутъ приложены тоже къ первому тому.

Въ отношеніи внѣшней красоты нынѣшній издатель сочиненій Пушкина П. В. Анненковъ смѣетъ думать, что онъ сдѣлалъ всевозможное для соединенія въ новомъ изданіи изящества съ дешевизной. Какъ въ этомъ отношеніи, такъ и въ другихъ, онъ имѣлъ преимущественно въ виду дать публикѣ собраніе сочиненій Пушкина, хотя отчасти достойное его и хотя нѣсколько соотвѣтствующее ожиданіямъ почитателей народнаго поэта нашего.

Условія подписки слѣдующія: за всѣ шесть или, можетъ быть, семь томовъ новаго полнаго собранія сочиненій Пушкина цѣна назначается 12 р. сер., а съ пересылкою 15 р. сер. Первые три тома выдаются подписчикамъ непремѣнно въ концѣ марта мѣсяца 1855 года, если не ранѣе, о чемъ будетъ объявлено въ свое время, остальные—непремѣнно въ теченіе лѣта.

Въ Москвѣ подписка принимается на тѣхъ же самыхъ условіяхъ (15 р. сер. съ пересылкою и 12 р. сер. безъ пересылки) въ московской конторѣ «Современника», на углу Большой Дмитровки, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Что касается до гг. иногородныхъ и вообще жителей не столицъ, то да благоволятъ они обращаться со своими требованіями прямо къ издателю Павлу Васильевичу Анненкову по адресу: въ С.-Петербургъ, въ главномъ штабѣ, въ квартирѣ № 1-й, входъ съ Большой Морской. Благовременная подписка избавитъ ихъ отъ промедленія въ доставкѣ изданія, что̀ неминуемо послѣдуетъ, если ждать появленія первыхъ трехъ томовъ въ продажѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, гг. иногородные и вообще жители не столицъ благоволятъ, при высылкѣ 15 руб. сер., четко выставлять въ своихъ требованіяхъ адреса, а также имена, отчества и фамиліи, для отстраненія всякаго повода къ недоразумѣнію, могущему затруднить безостановочное исполненіе ихъ требованій.

2.

Объясненіе къ изданію «Сочиненій Пушкина» 1855 года.

Порядокъ, принятый для распредѣленія стихотвореній и статей Александра Сергѣевича Пушкина въ настоящемъ полномъ собраніи его сочиненій, требуетъ нѣсколькихъ пояснительныхъ словъ съ нашей стороны. Минуя произвольныя и большею частію неудовлетворительныя раздѣленія стихотвореній по родамъ, настоящее изданіе приняло въ отношеніи ихъ одну только систему хронологическаго порядка. Какъ способъ указать постепенное развитіе автора, границы и ходъ чужестранныхъ вліяній на него, а наконецъ, и видоизмѣненія самостоятельной творческой его мысли, хронологическій порядокъ заслуживалъ предпочтенія предъ другими. Со всѣмъ тѣмъ, по разнообразію поэтическихъ формъ, усвоенныхъ Пушкинымъ, одинаковое зачисленіе всѣхъ его стихотворныхъ произведеній только подъ года происхожденія ихъ дѣлалось невозможнымъ. Небольшое лирическое стихотвореніе, прерванное поэмой или драмой, за которыми слѣдовалъ бы опять рядъ изящныхъ мелкихъ про-

изведеній его, точно такимъ же образомъ нарушенный, представили бы неудобство, равно чувствительное, какъ въ типографскомъ, такъ и въ эстетическомъ отношеніяхъ. По этому соображенію настоящее изданіе приведено было къ необходимости, строго сохраняя вездѣ основной хронологическій порядокъ, принять еще три отдѣла для стихотворныхъ произведеній Пушкина, но при составленіи этихъ отдѣловъ оно уже имѣло въ виду однѣ внѣшнія формы созданій и притомъ столь рѣзко противоположныя другъ другу, что упрекъ въ какомъ-либо смѣщеніи, кажется, могъ быть отстраненъ съ успѣхомъ. Отдѣлы, принятые на этомъ основаніи, таковы: 1) отдѣлъ стихотвореній лирическихъ въ обширномъ смыслѣ; 2) отдѣлъ поэмъ, повѣстей, разсказовъ, народныхъ эпопей и сказокъ, или эпическій, и 3) отдѣлъ произведеній драматической формы.

Первый отдѣлъ — стихотвореній лирическихъ—заключаетъ въ себѣ всѣ такъ-называемыя мелкія произведенія Пушкина, начиная съ 1814 года по 1836. «Лицейскія стихотворенія» образуютъ въ этомъ отдѣлѣ одно подраздѣленіе, которое обнимаетъ время съ 1814 по 1817 годъ, хотя уже въ послѣднюю половину этого года авторъ не принадлежалъ болѣе лицею, но сохранить историческую вѣрность тутъ не было крайней необходимости. Извѣстно, что даже большая часть произведеній слѣдующаго 1818 года носитъ еще замѣтнымъ образомъ характеръ, отличающій лицейскія стихотворенія. Въ «лицейское» подраздѣленіе, о которомъ говоримъ, и отчасти въ 1818 годъ приняты настоящимъ изданіемъ 21 пьеса автора нашего, напечатанныя прежде въ старыхъ журналахъ и альманахахъ, но пропущенныя посмертнымъ изданіемъ его сочиненій 1838—1841 годовъ. Къ нимъ еще присоединено 7 пьесъ, совсѣмъ еще не бывшихъ въ печати, что̀ все подробно объяснено въ примѣчаніяхъ издателя къ самымъ стихотвореніямъ. Примѣчанія эти слѣдуютъ у насъ по окончаніи каждаго года и относятся къ каждому изъ произведеній, въ немъ помѣщенному, указывая на особенности въ языкѣ и отчасти изъясняя исторію происхожденія пьесъ.

Второй отдѣлъ—поэмъ, повѣстей, разсказовъ и проч.—заключаетъ въ себѣ, въ строгой хронологической послѣдовательности, поэтическія произведенія автора, начиная съ «Руслана и Людмилы» (1820 г.) до «Анджело» (1833 г.). Тутъ же помѣщенъ и романъ «Евгеній Онѣгинъ» (1825—1832 гг.). Примѣчанія нашего изданія слѣдуютъ здѣсь тотчасъ за каждымъ отдѣльнымъ произведеніемъ, а собственныя замѣтки поэта, какъ при романѣ «Евгеній Онѣгинъ», такъ и при другихъ созданіяхъ, отнесены уже въ самый текстъ, въ подстрочныя выноски. Въ отношеніи простонародныхъ сказокъ, принадлежащихъ, вмѣстѣ съ «Пѣснями западныхъ славянъ», къ тому же отдѣлу, примѣчанія издателя слѣдуютъ уже тотчасъ за примѣчаніями автора, не смѣшиваясь съ ними и только поясняя или дополняя ихъ.

Третій отдѣлъ—произведеній драматической формы—открывается «Борисомъ Годуновымъ» (1825 г.) и сообщаетъ затѣмъ, въ хронологической цѣпи, весь рядъ небольшихъ драмъ и сценъ до «Русалки» (1832 г.). Въ этотъ отдѣлъ не зачисленъ только «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ», но Пушкинъ самъ подалъ примѣръ печатанія его въ лирическихъ сочиненіяхъ, и вѣроятно, по тому соображенію, что «Разговоръ» не имѣетъ сущности драматической сцены. Примѣчанія настоящаго изданія слѣдуютъ тому же порядку, какъ и въ предшествующемъ отдѣлѣ, а здѣсь сообщаемъ читателю причины, понудившія къ составленію ихъ и предметы, которыми они занимаются вообще.

Критическое обсужденіе, какому подвергнуто было въ журналахъ прежнее посмертное изданіе сочиненій Пушкина, достаточно указало недосмотры и упущенія его. Первою заботой новаго изданія должно было сдѣлаться исправленіе текста изданія предшествующаго, но это, по важности задачи, не иначе могло произойти, какъ съ представленіемъ доказательствъ на право поправки или измѣненія. Отсюда вся система примѣчаній, допущенная въ настоящее изданіе. Каждое изъ произведеній поэта безъ исключенія снабжено указаніемъ, гдѣ впервые оно явилось, какіе варіанты полу-

чило въ другихъ редакціяхъ при жизни поэта, и въ какомъ отношеніи съ текстомъ этихъ редакцій находится текстъ посмертнаго изданія. Читатель имѣетъ предъ глазами своими, такимъ образомъ, по возможности исторію внѣшнихъ и отчасти внутреннихъ измѣненій, полученныхъ въ разныя эпохи каждымъ произведеніемъ, и по ней можетъ исправить недосмотры посмертнаго изданія, изъ коихъ наиболѣе яркія исправлены уже и издателемъ предлагаемаго собранія сочиненій Пушкина. Многія изъ стихотвореній и статей поэта, особенно тѣ, которыя явились въ печати уже послѣ смерти его, сличены съ рукописями, и по нимъ указаны числовыя помѣтки автора, его первыя мысли и намѣренія. Само распредѣленіе стихотвореній въ хронологическомъ порядкѣ находитъ въ примѣчаніяхъ свое оправданіе и подтвердительныя данныя, которыя почерпнуты отчасти изъ оставшихся бумагъ поэта, а отчасти изъ сборниковъ, бывшихъ при жизни его, гдѣ стихотворенія его помѣщаемы были тоже въ хронологическомъ порядкѣ. Таковы: Стихотворенія Александра Пушкина. С.-Пб., въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія, 1826 г., 1 часть, стр. XII и 192; Стихотворенія Александра Пушкина. С.-Пб., въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія, 1829 г., 2 части, стр. 224 и 176; Стихотворенія Александра Пушкина. С.-Пб., въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія, 1832 г., 1 часть, стр. 208; Стихотворенія Александра Пушкина. С.-Пб., въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія, 1835 г., 1 часть, стр. 189; Поэмы и повѣсти Александра Пушкина. С.-Пб., въ военной типографіи, 1835 г., 2 части, стр. 232 и 221. Вмѣстѣ съ варіантами и филологическими замѣтками, примѣчанія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, представляютъ и поводы, опредѣлившіе выборъ предмета у автора. Вполнѣ убѣжденный, что въ нынѣшнемъ своемъ видѣ примѣчанія еще далеко не исчерпываютъ всей задачи, которую имѣли въ виду, издатель смѣетъ только думать, что опытъ критическаго изданія сочиненій Пушкина, предпринятый имъ, не останется безъ нѣкоторой пользы для изученія отечественнаго языка и для важныхъ эстетическихъ соображеній.

Переходя къ статьямъ въ прозѣ, необходимо замѣтить, что одинаковое хронологическое распредѣленіе ихъ было еще менѣе возможно, чѣмъ въ произведеніяхъ формы стихотворной. По разнообразію, несоединимости и краткости нѣкоторыхъ статей оно произвело бы здѣсь смѣшеніе, которому врядъ ли самая счастливая память и самое напряженное вниманіе могли бы пособить. Отдѣлы, принятые настоящимъ изданіемъ, основаны преимущественно на біографическихъ соображеніяхъ. Такимъ образомъ, первый отдѣлъ заключаетъ такъ-называемыя „записки" Пушкина. Въ немъ помѣщены: a) родословная Пушкина и Ганнибаловыхъ; b) остатки настоящихъ записокъ (автобіографіи) Пушкина, къ числу которыхъ относится и статья о Дельвигѣ; c) мысли и замѣчанія; d) критическія замѣтки; e) анекдоты, собранные Пушкинымъ; f) путешествіе въ Арзрумъ въ 1829 году. Къ этому отдѣлу слѣдовало бы присоединить и статью „Кирджали", еслибъ не останавливало насъ названіе повѣсти, данное ей самимъ авторомъ.

Второй отдѣлъ заключаетъ повѣсти и романы Пушкина, съ остатками повѣстей не оконченныхъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Въ этотъ отдѣлъ зачислены и „Сцены изъ рыцарскихъ временъ", не смотря на ихъ драматическую форму, но уже извѣстно, что онѣ представляютъ собственно планъ созданія, которому данъ только внѣшній видъ сценическаго изложенія.

Третій отдѣлъ заключаетъ журнальныя статьи, напечатанныя въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ при жизни автора, и другія, найденныя въ бумагахъ уже послѣ смерти его, образуя такимъ образомъ два подраздѣленія. Въ первомъ (произведенія, напечатанныя въ разныхъ журналахъ при жизни автора) включено нѣсколько статей, пропущенныхъ посмертнымъ изданіемъ: a) изъ «Московскаго Телеграфа» 1825 года—двѣ статьи, не попавшія въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина; b) изъ «Литературной Газеты» 1830 года—четыре статьи, пропущенныя посмертнымъ изданіемъ; c) изъ «Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду» 1833 года—одна статья, пропущенная посмертнымъ

изданіемъ; d) изъ «Современника» 1836 года (изданія Пушкина) четыре статьи, тоже не попавшія въ посмертное изданіе. Второе подраздѣленіе вмѣщаетъ затѣмъ всѣ статьи, отысканныя въ бумагахъ поэта послѣ смерти его и напечатанныя какъ въ «Современникѣ» 1837 года (изданія друзей покойнаго), такъ и въ посмертномъ изданіи его сочиненій 1838—1841 годовъ. Изъ ряда этихъ статей одна: «О драмѣ», значительно искаженная изданіемъ 1838—1841 годовъ, является совсѣмъ въ новомъ видѣ.

Наконецъ, послѣдній четвертый отдѣлъ заключаетъ «Исторію Пугачевскаго бунта», съ приложеніями, и одну статью, пропущенную посмертнымъ изданіемъ 1838—1841 годовъ, именно: «Возраженія (Пушкина) на критику г. Броневскаго».

Примѣчанія нашего новаго изданія въ томъ смыслѣ и направленіи, какъ уже показано, сопровождаютъ прежде всего самые отдѣлы, объясняя подробнѣе цѣль ихъ, а затѣмъ и всѣ произведенія, въ нихъ заключающіяся. Вмѣстѣ съ примѣчаніями къ стихотвореніямъ они обнимаютъ, по возможности, всю дѣятельность автора, оставляя впрочемъ еще очень многое для послѣдующихъ изслѣдованій.

Затѣмъ въ рукописяхъ Пушкина отыскано множество отрывковъ, какъ стихотворныхъ, такъ и прозаическихъ, нѣкоторое число небольшихъ пьесъ и продолженія или дополненія его созданій. Всѣ эти остатки, принадлежащіе, по большей части, къ позднѣйшему его развитію, собраны уже нами, какъ въ «Матеріалахъ для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина», такъ и въ приложеніяхъ къ нимъ. Читатель уже видѣлъ тамъ еще никогда не бывшія въ печати произведенія, между которыми «Замѣчанія на Пѣснь о полку Игоревѣ» занимаютъ столь важное мѣсто.

Объяснивъ такимъ образомъ порядокъ и систему, положенныя въ основаніи новаго сборника, издатель нисколько не скрываетъ отъ себя, что найдется еще много упущеній и недосмотровъ, какъ въ примѣчаніяхъ къ произведеніямъ нашего автора, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. При трудности собиранія у насъ библіографическихъ свѣдѣній, при

кропотливой работѣ, какая нужна была для осуществленія предположеннаго плана, недостатки почти неизбѣжны. Со всѣмъ тѣмъ издатель смѣетъ питать надежду, что при системѣ, взятой для новаго изданія, всякая поправка свѣдущей и благонамѣренной критики скорѣе можетъ быть приложена къ дѣлу, чѣмъ прежде, и всякое новое свѣдѣніе скорѣе найти себѣ приличное мѣсто. Арена для библіографической, филологической и эстетической критики открыта. Общимъ дѣйствіемъ людей опытныхъ и добросовѣстныхъ ускорится время изданія сочиненій народнаго писателя нашего вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ.

Одно послѣднее слово въ отношеніи правописанія. А. С. Пушкинъ имѣлъ свое особенное правописаніе, которое болѣе или менѣе проявлялось въ газетахъ, журналахъ и альманахахъ, куда онъ посылалъ свои произведенія, а также и въ изданіяхъ сочиненій, сдѣланныхъ подъ собственнымъ его наблюденіемъ. Эти орѳографическія особенности собраны нами тоже въ примѣчаніяхъ, а вмѣстѣ съ ними и нѣкоторыя изъ тѣхъ, которыя уже не принадлежатъ поэту нашему, а употреблены постороннею редакціей его сочиненій. Какъ тѣ, такъ и другія, заслуживаютъ вниманія: это образцы грамматическихъ колебаній нашего языка, которыя слѣдовало сохранить для будущаго историка его развитія.

1-го сентября 1853 года.

3.

Объясненіе къ VII-му тому „Сочиненій Пушкина“ 1857 года.

Представляя публикѣ новый томъ „Сочиненій Пушкина“, окончательно довершающій изданіе его „Сочиненій“, появившееся въ 1855 году, считаемъ необходимымъ предувѣдомить читателя, что этотъ седьмой и послѣдній томъ содержитъ въ себѣ нѣсколько пьесъ нашего автора, еще не бывшихъ въ печати, нѣсколько произведеній, уже опубликован-

ныхъ прежде, и довольно значительное количество дополненій къ статьямъ и стихотвореніямъ, вышедшимъ въ свѣтъ при его жизни. Мы имѣли намѣреніе собрать все, что ходитъ еще по рукамъ изъ записокъ, посланій, экспромтовъ поэта и можетъ быть сообщено публикѣ, но усилія наши не вполнѣ увѣнчались успѣхомъ. Правда, мы пріобрѣли убѣжденіе, что количество и качество остающихся еще отрывковъ ни въ какомъ случаѣ не должно быть велико; но сознаемся, что читатель можетъ еще встрѣтиться и послѣ нашего изданія съ посланіемъ, экспромтомъ или стихотворною запиской поэта, тщательно сбереженными отъ извѣстности. Скажемъ однако же здѣсь, что всякое изданіе классическаго писателя должно соотвѣтствовать времени своего выхода и потому неизбѣжно имѣетъ своего рода ограниченія и условія: задача изданія состоитъ только въ томъ, чтобъ не быть ниже потребностей и возможностей современности. Предоставляя такимъ образомъ будущимъ издателямъ поэта всѣ возможныя дополненія, мы не хотимъ откладывать долѣе сообщеніе новыхъ и довольно значительныхъ пріобрѣтеній нашихъ. Въ полномъ убѣжденіи, что успѣхъ попытокъ собрать весь текстъ Пушкина еще долго останется у насъ болѣе чѣмъ сомнителенъ, мы приступаемъ теперь же къ изданію седьмого, дополнительнаго тома, раздѣливъ его на двѣ части: a) часть стихотворную и b) часть прозаическую. Каждая изъ этихъ частей, по плану нашему, имѣетъ еще свои подраздѣленія. Такъ, часть стихотворная распадается на три отдѣла, которые здѣсь перечисляемъ: 1) большіе отрывки въ стихахъ, не вошедшіе въ составъ послѣдняго изданія «Сочиненій Пушкина» 1855 года; 2) выпущенныя мѣста изъ стихотвореній и поэмъ; 3) небольшіе отрывки, надписи, поэтическія мысли, эпиграммы. Часть, содержащую въ себѣ прозу Пушкина, мы дѣлимъ также на три отдѣла: 1) статьи историческаго и біографическаго содержанія, 2) статьи полемическаго содержанія и 3) чисто-литературныя статьи. Всѣмъ произведеніямъ обѣихъ частей сообщенъ, по возможности, хронологическій порядокъ, который укажетъ читателю настоящія мѣста приводимыхъ статей и стихотвореній въ из-

даніи «Сочиненій Пушкина» 1855 года, гдѣ тотъ же самый порядокъ былъ строго наблюдаемъ. Въ концѣ книги приложены подробные алфавитные указатели ко всѣмъ стихотвореніямъ и статьямъ Пушкина, заключающимся въ семи томахъ нашего изданія, а также и указатель къ «Матеріаламъ для біографіи» поэта, которые помѣщены въ I-мъ томѣ того же изданія.

II.

ЛЮБОПЫТНАЯ ТЯЖБА.

Короткій промежутокъ времени между 1848 годомъ и 1854—годиной сильнаго разгара Крымской компаніи, памятенъ русской литературѣ по многочисленнымъ тяжбамъ и процессамъ, какія она вела съ цензурною практикой той эпохи. Почти всегда проигрывая ихъ и выходя изъ всякаго дѣла еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ была, она все-таки не унималась, что̀ объясняется постояннымъ приливомъ новыхъ силъ къ аренѣ ея дѣятельности, возникновеніемъ въ средѣ общества духовныхъ стремленій и нравственныхъ вопросовъ, чувствовавшихъ нужду заявить о своемъ существованіи. Бо̀льшая часть подобныхъ тяжбъ и препирательствъ происходила по сомнѣніямъ о пригодности или непригодности подсудной статьи въ данную, текущую минуту, но были изъ нихъ и такія, которыя обнаруживали направленіе внутренней политики на почвѣ цензурныхъ распоряженій и затрогивали вопросы русской культуры вообще. Можно пожалѣть, что тяжбы послѣдняго рода не были доселѣ разсказаны тѣми, кто ихъ возбуждалъ въ качествѣ истцо̀въ. Къ числу подобныхъ характерныхъ тяжбъ слѣдуетъ отнести ту, которая возникла по поводу изданія «Сочиненій Пушкина» 1855 года. Одинъ изъ документовъ завязавшагося тогда процесса вокругъ изданія приводится здѣсь, какъ любопытный

по выводамъ, которые онъ даетъ относительно духа и образа дѣйствій низшихъ агентовъ тогдашней литературной полиціи.

Документъ этотъ состоитъ просто въ выдержкахъ изъ офиціальной «записки», которую издатель «Сочиненій Пушкина» 1855 года получилъ дозволеніе, въ видѣ исключенія изъ общихъ правилъ цензурной практики, подать въ главное правленіе цензуры. Задача и цѣли «записки» должны были заключаться въ объясненіи тѣхъ мѣстъ изъ старыхъ и новыхъ, еще не изданныхъ произведеній Пушкина, которыя возбудили сомнѣнія цензора (А. И. Фрейганга), ихъ просматривавшаго, и приговорены были имъ къ исключенію. Дозволенію этому, какъ рѣдкому примѣру снисходительности въ лѣтописяхъ цензурнаго вѣдомства, предшествовалъ еще, какъ было слышно, предварительный обмѣнъ мыслей въ самой администраціи надзора надъ печатью. Попечитель Петербургскаго учебнаго округа М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, одобрившій и утвердившій всѣ помарки своего цензора, выражалъ, по слухамъ, мнѣніе, что такая поблажка издателю могла бы послужить дурнымъ примѣромъ для авторовъ вообще, постоянно заявляющихъ нестерпимую претензію знать причины цензурныхъ распоряженій, до нихъ касающихся. Министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ, получившій литературное образованіе, склонялся на сторону представленія объясненій, а также и другой членъ комитета, начальникъ штаба корпуса жандармовъ, генералъ Л. В. Дубельтъ, который не находилъ опасности для дѣйствующихъ по печати законовъ въ допущеніи «записки», ни для кого не обязательной при рѣшеніи спорныхъ пунктовъ. Ихъ мнѣніе и одержало верхъ.

Понятно, какою осторожностію и сдержанностію должна была отличаться записка, если хотѣла спасти, хотя бы отчасти, пушкинскій текстъ въ этой послѣдней и безапелляціонной инстанціи для исковъ литературнаго характера. Дѣло казалось съ перваго взгляда необычайно легкимъ. Ни одно мѣсто изъ статей Пушкина, ни одинъ стихъ изъ его пѣсенъ и отрывковъ, заподозрѣнныхъ цензоромъ и прису-

жденныхъ имъ къ устраненію, не заключали въ себѣ и тѣни злонамѣренности, неприличія, какого-либо намека или соблазна, какъ въ томъ могутъ убѣдиться сами читатели по «выдержкамъ», гдѣ всѣ эти мѣста собраны. Но простой, настоящій ихъ смыслъ былъ затемненъ въ глазахъ цензора, который, между прочимъ, пользовался репутаціей тонкаго эксперта по части отгадки тайныхъ авторскихъ намѣреній, благодаря только его привычкѣ встрѣчать всякую незаурядную мысль и сильное чувство вопросомъ объ ихъ происхожденіи и по своему усмотрѣнію опредѣлять, благонадежно ли оно и имѣетъ ли прямыя доказательства своей законности. Обличенію этой постоянной заботы г. цензора, увлекавшей его далеко въ сторону отъ разбираемаго текста, и указанію, до какихъ неимовѣрныхъ рѣшеній она довела его, посвящена исключительно и вся «записка» издателя.

Но поучительная сторона приводимыхъ «выдержекъ» изъ «записки» все-таки заключается не въ этомъ обличеніи, а въ тонѣ, въ пріемахъ рѣчи и въ доводахъ, какіе понадобились издателю для того, чтобы заставить себя выслушать и имѣть право разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ. Исполняя свою спеціальную задачу—объясненіе мыслей, словъ и выраженій поэта, трактатъ держится на такомъ уровнѣ понятій, прибѣгаетъ къ помощи такого рода соображеній, что рисуетъ степень развитія и умственное настроеніе людей, для которыхъ онъ назначался, а также и положеніе печати за двадцать-пять лѣтъ назадъ. Приходилось держаться исключительно того способа понимать предметы, который одинъ могъ доставить доводамъ «записки» силу убѣжденія и внушить къ нимъ довѣренность. Составитель ея ищетъ аргументовъ для защиты своихъ положеній и требованій не во внутренней правдѣ, которая въ нихъ заключалась или могла заключаться, а въ той счастливой случайности, что они не противорѣчатъ ни одной изъ господствующихъ идей въ обществѣ. Вся «записка», такимъ образомъ, получила характеръ и оттѣнокъ *адвокатской* рѣчи, произнесенной въ защиту безпомощнаго кліента, нуждающагося въ снисхожденіи своихъ судей, и странное впечатлѣніе производитъ теперь вся

ея аргументація, когда вспомнишь, что кліентомъ тутъ былъ не кто иной, какъ Пушкинъ.

Для полнаго пониманія состава и цѣнности той ставки, около которой шла эта цензурная игра, должно сказать слѣдующее. При самомъ возникновеніи мысли объ изданіи сочиненій поэта воспослѣдовало, какъ всѣмъ тогда было извѣстно, высочайшее повелѣніе, предоставлявшее покойной Натальѣ Николаевнѣ Ланской, матери и попечительницѣ дѣтей Пушкина, право на повтореніе въ новомъ, предполагавшемся изданіи всѣхъ произведеній поэта безъ исключенія, напечатанныхъ въ посмертномъ изданіи 1838 — 1841 годовъ, которое тоже обязано было своимъ осуществленіемъ единственно прямому вмѣшательству и указанію верховной власти. Такимъ образомъ главный матеріалъ всего предпріятія былъ на готовѣ, и притомъ уже изъятый отъ всякаго рода браковки. Безъ охранной грамоты, данной ему вновь упомянутымъ распоряженіемъ, которое сдерживало въ границахъ приличія и разума ревность литературной полиціи, не извѣстно, что̀ сталось бы съ доброю частію литературнаго достоянія поэта, уже столько лѣтъ находившагося въ обладаніи читающей публики. По крайней мѣрѣ изъ прилагаемаго документа оказывается, что цензоръ заносилъ руку и на стихотворенія, давно обошедшія въ старомъ изданіи весь русскій міръ, и между прочимъ, на патріотическую пѣснь «Герой», доказывая тѣмъ еще разъ, что охрана государственныхъ началъ, устроенная на бюрократическую ногу, часто теряетъ изъ виду въ погонѣ за призраками, ею созданными, ту самую цѣль, ради которой она и существуетъ.

Понятно, что стихотворенія Пушкина, разсѣянныя по старымъ нашимъ журналамъ, начиная съ 1814 года, и не попавшія въ посмертное изданіе 1838 года, а также статьи, отрывки и всѣ сокровища его музы, почерпнутыя въ его рукописяхъ, уже не пользовались благодѣяніемъ охраннаго листа и оставались безъ защиты. О нихъ именно и шло все дѣло.

Въ томъ же положеніи находились еще и «Матеріалы для біографіи Пушкина», и примѣчанія къ его произведені-

ямъ, собранныя самимъ издателемъ; но тутъ уже составитель ихъ зналъ, при какой обстановкѣ и въ какихъ условіяхъ онъ работаетъ, и могъ принимать мѣры для огражденія себя отъ непосредственнаго вліянія враждебныхъ силъ. Оно такъ и было. Не трудно указать теперь на многія мѣста его біографическаго и библіографическаго труда, гдѣ видимо отражается страхъ за будущность своихъ изслѣдованій, и гдѣ бросаются въ глаза усилія предупредить и отвратить толкованія и заключенія подозрительности и напуганнаго воображенія отъ его выводовъ и сообщеній.

Можно сказать, и уже было говорено, что дополненіе изданія вновь открытыми или позабытыми произведеніями Пушкина не имѣло той важности, какую ему придавали въ то время. Остатки пушкинскаго творчества, рано или поздно, все-таки увидали бы свѣтъ. Вѣдь не могли же они пропасть безслѣдно: появленіе ихъ составляло только вопросъ времени, которое и постаралось бы разрѣшить эту задачу и, конечно, съ бо̀льшимъ успѣхомъ, большею полнотой и въ бо̀льшихъ размѣрахъ, чѣмъ какъ то оказалось возможнымъ для нетерпѣливыхъ собирателей. Достовѣрно по крайней мѣрѣ, что, предоставивъ работу будущимъ и болѣе свободнымъ эпохамъ, не встрѣтилось бы печальной необходимости жертвовать стихами, строфами, періодами пушкинскаго текста для сбереженія остального клочка его раздробленной мысли, какъ это случилось и должно было случиться со многими отрывками и цѣльными его произведеніями при несвоевременномъ ихъ опубликованіи. Торопиться и хлопотать о немедленномъ ихъ обнародованіи было поэтому незачѣмъ.

Позволительно усумниться въ основательности этихъ замѣчаній. Подчинять всѣ многоразличныя побужденія къ дѣятельности въ жизни спокойному, дѣльному и безстрастному умствованію о несостоятельности, ихъ ожидающей несомнѣнно при извѣстныхъ данныхъ въ обществѣ, врядъ ли значило оказывать услугу этому обществу. Въ настоящемъ случаѣ даже и не видно, какимъ образомъ издатель могъ бы, опираясь на трезвое пониманіе эпохи, устраниться отъ исполненія своей прямой обязанности издателя. Онъ долженъ

былъ питать желаніе ознакомить публику, хотя отчасти, съ объемомъ неожиданно доставшагося ей художническаго наслѣдства; онъ не имѣлъ права освободиться отъ побужденія представить публикѣ сборникъ произведеній поэта на столько полный, на сколько позволяла настоящая минута, и ввести въ него все то, что̀ могло весьма мирно ужиться съ соціальнымъ положеніемъ тогдашняго общества. Если даже и при этомъ онъ встрѣтилъ еще препоны на своемъ пути, онъ обязанъ былъ одолѣть ихъ, хотя бы для устраненія противниковъ приходилось употреблять оружіе, у нихъ же отобранное или позаимствованное. Точно такими же соображеніями руководилась и вся тогдашняя печать наша, когда, не зная устали и не обращая вниманія на пораженія, она безпрестанно предъявляла новые иски къ цензурѣ и вела ихъ тѣми же способами и пріемами, какіе употребилъ и составитель «записки», хотя масштабы тяжбъ были тутъ иные. О вѣрности этого замѣчанія могутъ свидѣтельствовать оставшіеся еще въ живыхъ дѣятели той эпохи. Вообще слѣдуетъ сказать, что сильно ошибаются тѣ изъ нашихъ современниковъ, которые представляютъ себѣ положеніе русской литературы въ описываемый промежутокъ времени исключительно и безусловно страдательнымъ и отличавшимся будто бы одною примѣрною инерціей и выносливостію. Писатели, издатели, труженики всѣхъ родовъ, напротивъ, много и дѣятельно работали тогда и притомъ двойнымъ трудомъ — по своимъ спеціальнымъ задачамъ, вопервыхъ, и, вовторыхъ, по борьбѣ съ обстоятельствами, которыя застили имъ свѣтъ и заслоняли дорогу, что̀ становилось какъ бы необходимымъ дополненіемъ избранной профессіи. Глухая война, безнравственная во многихъ своихъ подробностяхъ, царствовала по всему пространству интеллигентнаго міра публицистовъ, литераторовъ, ученыхъ, и она-то именно и спасла всѣ зародыши развитія и мысли, какіе существовали въ обществѣ. Если нравственныя и умственныя силы общества оказались на лицо и даже въ значительномъ обиліи тотчасъ же, какъ сняты были первыя путы, мѣшавшія ихъ движенію, то этотъ несомнѣнный фактъ нашей жизни, удивившій многихъ, а

нѣкоторыхъ и непріятно, подготовленъ былъ всецѣло предшествовавшимъ періодомъ литературы. Главнѣйшіе ея дѣятели ни на минуту не сомнѣвались за всю эту эпоху въ неизбѣжномъ появленіи дня свободнаго труда, котораго и дождались.

Переходимъ къ документу нашему, снабжая его отмѣтками касательно участи, которая постигла каждое изъ осужденныхъ мѣстъ пушкинскаго творчества въ окончательной ихъ провѣркѣ.

Выдержки изъ объяснительной записки, поданной издателемъ „Сочиненій Пушкина", 1855—1857 годовъ, главному правленію цензуры въ 1854 году.

1.

Мѣста изъ не изданныхъ пушкинскихъ произведеній, вошедшія въ составъ «Матеріаловъ для біографіи» поэта и предложенныя къ исключенію г. цензоромъ.

I.

Къ исключенію.

«На об. страницы 69 (по рукописи) не попавшіе въ печать—по выраженію издателя—отдѣльные стихи изъ предисловія къ поэмѣ «Кавказскій Плѣнникъ»:

a) Когда я погибалъ, безвинный, безотрадный,
И шопотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измѣны хладной,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили,
Я близъ тебя...

b) Я рано скорбь узналъ, постигнутъ былъ гоненьемъ,

Объясненія издателя.

Мѣста эти изъ предисловія къ «Кавказскому Плѣннику» совершенно въ томъ же духѣ написаны, какъ и настоящее предисловіе къ нему, которое всегда прилагалось при поэмѣ (и нынѣ будетъ приложено). Они не содержатъ никакого намека на людей, ибо принадлежатъ къ байроническому направленію, которое въ то время (1822) было въ модѣ. Въ біографіи издатель еще представляетъ эти мѣста какъ образецъ неудачнаго желанія произвесть поэтическое лицо на ложныхъ основаніяхъ и приводитъ слова Пушкина, который въ томъ

Я жертва клеветы и мстительных невѣждъ,
Но, сердце укрѣпивъ надеждой и терпѣньемъ...

c) Когда роскошныхъ дѣвъ веселья
Младыми розами вѣнчалъ
И жаръ безумнаго похмѣлья
Минутной страсти посвящалъ...

сознавался самъ, отъ чего отрывки имѣютъ важное значеніе для біографіи, вопервыхъ, какъ поученіе будущимъ писателямъ, а вовторыхъ, какъ подробность для картины развитія поэтическаго таланта въ самомъ авторѣ.

(Отрывки получили дозволеніе явиться къ печати).

II.

Къ исключенію.

а) «На стр. 95 и об. (по рукописи) мнѣніе о Шуйскомъ и сравненіе Французскаго короля Генриха IV съ Димитріемъ Самозванцемъ:

«Я также намѣренъ возвратиться къ Шуйскому. Онъ представляетъ въ исторіи странное смѣшеніе дерзости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, онъ одинъ изъ первыхъ переходитъ на сторону Димитрія, первый начинаетъ заговоръ, и замѣтьте—онъ же первый и старается воспользоваться сумятицей, кричитъ, обвиняетъ, изъ начальника дѣлается сорванцомъ. Онъ уже близокъ къ казни, но Димитрій съ тѣмъ великодушіемъ вѣтренности, которая отличала этого пройдоху, даетъ ему помилованіе изгоняетъ его и снова возвращаетъ ко двору своему, осыпая честью и щедротами. И что же дѣлаетъ уже стоявшій разъ подъ топоромъ? Тотчасъ же принимается за новый заговоръ, успѣваетъ, захватываетъ престолъ, падаетъ и въ паденіи своемъ уже показываетъ болѣе достоинства и душевной силы, чѣмъ въ продолженіе всей своей жизни.

«Димитрій сильно напоминаетъ Генриха IV. Онъ храбръ и хвастливъ, какъ тотъ. Оба перемѣни-

Объясненія издателя.

Эти мѣста изъ писемъ Пушкина на французскомъ языкѣ о своей трагедіи «Борисъ Годуновъ» (и изъ перевода ихъ на русскій языкъ издателемъ) заключаютъ сужденія поэта объ исторической трагедіи вообще. Въ правилахъ о цензурѣ (статья 10-я) выражено:... «Всякое общее описаніе или свѣдѣніе касательно исторіи, географіи и статистики Россіи дозволяется цензурою, если только изложено съ приличіемъ и безъ нарушенія общихъ цензурныхъ правилъ». Письма Пушкина не противорѣчатъ предписанію закона, и потеря ихъ была бы значительнымъ пробѣломъ въ исторіи трагедіи «Борисъ Годуновъ». Уже извѣстно глубокое уваженіе Пушкина къ Карамзину. Въ описаніи Шуйскаго онъ слѣдуетъ во всемъ указаніямъ историка, справедливо назвавшаго гонителя фамиліи Романовыхъ хитрымъ царедворцемъ, захватившимъ престолъ, который не ему слѣдовало занять. Въ характеристикѣ Димитрія Самозванца Пушкинъ дозволяетъ себѣ сдѣлать сравненіе съ королемъ Генрихомъ IV, но только въ одномъ отношеніи легкости, хвастливости и войнолюбивости. Что касается до Марины Мнишекъ, то коварное че-

ютъ религію для политическихъ видовъ, оба любятъ войну, удовольствія, оба наклонны къ необыкновеннымъ предпріятіямъ и оба служатъ цѣлью многочисленныхъ заговоровъ. Но Генрихъ не имѣлъ Ксеніи на совѣсти; правда, что это ужасное обвиненіе еще не доказано, и я считаю своею обязанностію ему не вѣрить.

«Грибоѣдовъ не доволенъ былъ Іовомъ».

b) На стр. 282—284 (по рукописи) во французскомъ письмѣ Пушкина о Борисѣ Годуновѣ, кромѣ текста, соотвѣтствующаго вышеприведенному отрывку, подчеркнуто слѣдующее мѣсто:

«Ma tragédie... est remplie de bonnes plaisanteries et d'allusions fines à l'historie de ce temps-là... Quant aux grosses indécences — n'y faites pas attention».

c) Также точно указано къ исключенію и мѣсто о Маринѣ Мнишекъ и о предкѣ поэта. О первой:

«Après avoir gouté de la royauté—voyez-la, ivre d'une chimère, se prostituer d'aventurier en aventurier, partager tantôt le lit dégoutant d'un juif, tantôt la tente d'un cosaque, toujours prête à se livrer à quiconque qui peut lui présenter la faible espérance d'un trône qui n'existait plus».

О предкѣ Пушкина:

«Гаврило Пушкинъ est un de mes ancêtres; je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille. Il a eu de grands talents. Homme de guerre, homme de cour — c'est lui et Плещеевъ qui ont assuré le succès de Самозванецъ par une audace inouie».

столюбіе ея очерчено ярко Пушкинымъ, и кажется, нѣтъ причины щадить эту женщину, образецъ западной и польской цивилизаціи, произведшей подобное существо. Все остальное — бѣглые историческіе очерки, а потомъ разсужденіе о законахъ трагедіи, которые Пушкинъ полагалъ только въ истинѣ характеровъ, все прочее считая второстепеннымъ вотъ почему и сказалъ въ виду классиковъ и романтиковъ, воевавшихъ тогда между собою на бумагѣ: «Si je me mêlai de faire une préface (къ «Борису Годунову»), je ferais du scandale» [1], что переведено у издателя: «Если бы я вздумалъ написать предисловіе (къ «Борису Годунову»), не обошлось бы безъ шума». Во всѣхъ этихъ письмахъ могутъ подлежать исключенію развѣ два слова для ослабленія мысли, въ сущности безвредной, именно при описаніи Димитрія въ періодѣ: «Димитрій съ тѣмъ великодушіемъ вѣтренности, которая отличала этого любезнаго пройдоху...» Можно было бы выбросить слова: «любезнаго» и «великодушіемъ».

[1]) Фраза, тоже предложенная къ исключенію г. цензоромъ.

(Издателю сочиненій Пушкина не удалось однакожь пожертвованіемъ двухъ эпитетовъ въ опредѣленіи личности Димитрія провести замѣтку о немъ поэта вполнѣ. Изъ печатнаго текста писемъ мы видимъ, что мѣсто, гдѣ находилось сравненіе Димитрія съ Генрихомъ IV, и гдѣ упоминалось имя Ксеніи, все-таки исключено изъ изданія. Въ замѣнъ, объясненія издателя помогли пройти въ печать бойкимъ характеристикамъ личностей Шуйскаго, Марины Мнишекъ, Гаврилы Пушкина. Вмѣстѣ съ ними дозволены къ обнародованію и всѣ отрывочныя фразы писемъ, начиная съ замѣтки Грибоѣдова объ Іовѣ и кончая тѣми, которыя видимо испугали цензора только словами, въ нихъ заключавшимися: plaisanteries, indécences, scandale. Впрочемъ мы знаемъ по черновымъ оригиналамъ этихъ самыхъ писемъ, съ которыми публика ознакомилась недавно на Пушкинской выставкѣ, что нѣсколько фразъ и незначительныхъ замѣтокъ исключено было изъ нихъ самимъ издателемъ, и по весьма понятнымъ причинамъ. Какъ бы подѣйствовала, напримѣръ, на подозрительнаго судью добавочная фраза Пушкина къ замѣчанію, что надо понимать намеки его трагедіи, подобному тому, какъ это было необходимостью для «нашихъ домашнихъ бездѣлушекъ Кіева и Каменки» (comme dans nos sousoeuvres de Kiow et de Kamenka), или мѣсто, слѣдовавшее за фразой: «Грибоѣдовъ не доволенъ былъ Іовомъ: И — справедливо. Патріархъ былъ очень умнымъ человѣкомъ, а я, по разсѣянности, сдѣлалъ изъ него простака» («Le patriarche, il est vrai, était un homme de beaucoup d'esprit, j'en ai fait un sot par distraction»). Въ то подозрительное и суровое время для печати они могли бы повлечь запрещеніе писемъ Пушкина о «Борисѣ Годуновѣ» цѣликомъ, какъ произведеній сомнительнаго духа и настроенія. А письма эти, конечно, стоили сохраненія: это драгоцѣнный примѣръ того, какъ исторія и ея главныя лица отражаются въ умѣ геніальнаго художника).

III.

Приговоры г. цензора.

На стр. 104 (по рукописи), къ исключенію Пушкинскаго размышленія:

«Искренно признаюсь, что я воспитанъ въ страхѣ почтеннѣйшей публики, и что не вижу никакого стыда угождать ей и слѣдовать духу времени. Это первое признаніе ведетъ къ другому, болѣе важному: такъ и быть, каюсь, что я въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже), и что всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суевѣрно порабощать литературную совѣсть?»

Объясненія издателя.

Исключеніе этого мѣста можетъ быть только объяснено словами секты и обряды, употребленными тутъ невзначай, ибо само мѣсто относится къ спору о классицизмѣ и романтизмѣ, въ которомъ принялъ участіе и Пушкинъ, помѣщено именно при описаніи этого спора и никакого отношенія ни къ чему другому не имѣетъ. Объ угожденіи вкусу публики упоминаетъ Пушкинъ пространно, что публика наклонна къ классицизму, и что нѣтъ никакого стыда для писателя подчиняться этому требованію. Другого смысла никакого тутъ и быть не можетъ: такъ ясно, опредѣленно все высказано. Если дѣйствительно слова: секты, обряды не терпимы въ отрывкѣ, то слово секты можетъ быть замѣщено словами «партіи» или «школы», а слово обряды словомъ «уставы» или «правила».

(Отрывокъ Пушкина былъ одобренъ къ печатанію безъ измѣненій, какъ знаемъ изъ печатнаго текста. Иронія предложенія замѣнить одни невинныя слова другими, столь же невинными, была почувствована и комитетомъ... Но какія мысли ходили въ головѣ цензора, когда онъ указывалъ на это мѣсто, какъ на предосудительное?)

IV.

Къ исключенію.

На стр. 112 и об. (по рукописи) рѣзкое мнѣніе Пушкина о Державинѣ въ письмѣ къ Дельвигу:

«По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего, — и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова).

Объясненія издателя.

Это мнѣніе Пушкина о Державинѣ принадлежитъ къ 1825 году. Но здѣсь издатель проситъ обратить вниманіе на одно обстоятельство. Онъ помѣстилъ именно этотъ отрывокъ для того, чтобъ показать, какъ съ теченіемъ времени и съ накопленіемъ опытности, идей и развитія мыслящей способности

Онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія: вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего — знаешь). Что̀ же въ немъ? Мысли, картины и движенія истинно поэтическія. Читая его, кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника... Державинъ, со временемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что̀ мы знаемъ о немъ. У Державина должно будетъ сохранить одъ восемь да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ С*. Жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ. Довольно о Державинѣ».

Пушкинъ измѣнялъ постепенно свои сужденія объ авторахъ къ лучшему. Все это пространно изложено вслѣдъ за отрывкомъ. Такимъ образомъ отрывокъ дѣлается въ біографіи поучительнымъ примѣромъ, какъ истинно замѣчательный писатель поправляетъ собственныя свои сужденія и предостерегаетъ другихъ отъ раннихъ увлеченій, кончающихся неизбѣжно раскаяніемъ. Въ этомъ его моральное значеніе... Съ этой точки издатель проситъ и судить его выборъ изъ рукописей, а не отдѣльно, безъ связи съ главною мыслью и главною задачей его біографіи. Совсѣмъ другое дѣло, если бы приведенный отрывокъ сопровождался у него кичепіемъ, желаніемъ ослабить уваженіе къ признаннымъ заслугамъ или даже равнодушіемъ къ прежнимъ славнымъ писателямъ; все это на оборотъ въ біографіи, что̀ можетъ быть подтверждено какъ свидѣтельствомъ самого г. цензора, такъ и начальства, разбиравшаго его трудъ.

(Сужденіе о Державинѣ явилось въ свѣтъ не тронутымъ, но сколько потребовалось труда на изобрѣтеніе мотивовъ, которые оправдывали бы смѣлость представленія его на судъ цензуры! Въ патетической рѣчи издателя ему пришлось даже сослаться на чистоту и благонамѣренность своихъ побужденій! И все это по поводу одной замѣтки о Державинѣ! Дѣло объясняется существованіемъ тогда общаго цензурнаго мѣропріятія, по которому не должна была допускаться къ обнародованію никакая критическая оцѣнка старыхъ классическихъ писателей, если она можетъ умалить ихъ авторитетъ. Распоряженіе было вызвано доносами на критическіе разборы литературы В. Г. Бѣлинскаго, будто бы оскорбляющіе народную гордость и помрачающіе славу великихъ мужей Россіи. Издателю «Сочиненій Пушкина» предстояло обойти это распоряженіе. Онъ принужденъ былъ для

этого даже включить, при печатаніи текста пушкинскаго письма, подстрочное примѣчаніе, въ которомъ повторяется почти буквально мысль объясненія, вѣрная въ томъ смыслѣ, что въ позднѣйшій періодъ жизни Пушкинъ вообще относился съ великимъ вниманіемъ и большою снисходительностью къ старымъ нашимъ писателямъ. Благодаря этимъ пріемамъ письмо Пушкина прорвалось сквозь изумительное распоряженіе, лишавшее общество права оцѣнивать своихъ писателей, доставило литературѣ возможность воспользоваться при случаѣ прецедентомъ, примѣромъ отступленія цензуры передъ собственнымъ стѣснительнымъ постановленіемъ и, наконецъ, ознакомило публику съ чрезвычайно мѣткимъ и остроумнымъ опредѣленіемъ Державина, сдѣланнымъ лѣтъ восемнадцать ранѣе подобнаго же опредѣленія В. Г. Бѣлинскаго. Фраза: «геній его (Державина) можно сравнить съ геніемъ С*» должна читаться:.. «съ геніемъ Суворова»).

V.

Къ исключенію.

На стр. 139 и об. (по рукописи) стихотвореніе Пушкина о собственной его жизни:

«Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы!

«Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.

«И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,

Объясненія издателя.

Это истинно геніальное стихотвореніе составляетъ одно изъ украшеній русской литературы и принадлежитъ къ роду лирическому, описывающему личныя ощущенія поэтовъ. Оно выражаетъ глубокое чувство раскаянія души, потрясенной воспоминаніями своихъ проступковъ. Въ этомъ родѣ и теперь безпрестанно пишутся и и печатаются стихотворенія (разумѣется, гораздо меньшаго достоинства), легко получая цензурное одобреніе, такъ какъ изложеніе душевныхъ ощущеній составляетъ сущность произведеній лирическаго рода, безъ чего онъ обойтись уже не можетъ. Слѣдуетъ замѣтить высокое нравственное значеніе Пушкинскаго стихотворенія, въ которомъ онъ самъ оцѣниваетъ прежнюю свою жизнь по справедливости и видитъ ея недо-

Двѣ тѣни милыя, два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые.

«Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечомъ,
И стерегутъ—и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба».

19 мая 1828.

статки—залогъ будущаго исправленія. Стихотвореніе также важно для отечественной словесности, какъ и для узнанія души поэта. Въ этомъ же родѣ составлена извѣстная, знаменитая (высочайше уже дозволенная) пьеса его: «Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день». Предлагаемое стихотвореніе служитъ только продолженіемъ его. Издатель почти увѣренъ, что оно, по неимѣнію ясно противоцензурныхъ условій, будетъ допущено въ какомъ-нибудь журналѣ и тѣмъ лишитъ біографію дорогого пріобрѣтенія, а его самого—справедливой чести перваго открытія.

(Два подчеркнутыхъ стиха въ текстѣ стихотворенія, возбудившіе сомнѣніе у г. цензора, могли повлечь, по тогдашней цензурной практикѣ, запрещеніе всей пьесы, чего, къ счастію, не случилось, и отрывокъ прошелъ благополучно съ сохраненіемъ и заподозрѣнныхъ стиховъ).

VI.

Къ исключенію.

На стр. 84 (по рукописи), отрывки о безсмертіи души (написанные Пушкинымъ, какъ произведеніе Ленскаго, одного изъ дѣйствующихъ лицъ его романа «Евгеній Онѣгинъ»):

«Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа,
Могилу переживъ, уноситъ мысли вѣчны,
И память, и любовь въ пучины безконечны,—
Клянусь! давно бы я покинулъ грустный міръ,
Узрѣлъ бы я предѣлъ восторговъ, наслажденій,

Объясненія издателя.

Стихи эти представлены Пушкинымъ какъ образецъ тяжелыхъ, нелѣпыхъ Оссіановскихъ стиховъ, какими занимался Ленскій, дѣйствующее лицо въ «Онѣгинѣ». Они написаны съ цѣлью пародировать и предать насмѣшкѣ подобныя философствованія, а не съ цѣлью выставить ихъ на показъ, что̀ и самъ онъ объясняетъ далѣе. Для ослабленія всякой, самой легкой двусмысленности въ нихъ слѣдуетъ, можетъ быть, выпустить первый стихъ и всю пьесу начать со второго.

Предѣлъ, гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ
нѣтъ предразсужденій,
Гдѣ мысль одна живетъ въ небес-
ной чистотѣ;
Но тщетно предаюсь плѣни-
тельной мечтѣ».

(Въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», 1855 года, эта пьеса, дозволенная къ печатанію безъ выпусковъ, сопровождается тоже примѣчаніемъ («Сочиненія Пушкина» 1855 года, т. I, стр. 328), повторяющимъ сполна доводы «объясненія», чему одинъ примѣръ мы видѣли уже и прежде. Предложеніе издателя выпустить первый стихъ, оказавшееся не нужнымъ, видимо сдѣлано было для того, чтобы сохранить отрывку какой-либо смыслъ, потому что съ устраненіемъ трехъ стиховъ (они подчеркнуты въ оригиналѣ), какъ предлагалъ г. цензоръ, весь отрывокъ превращался въ чистѣйшую безсмыслицу. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, ему подобныхъ, происходило нѣчто сходное съ выбрасываніемъ за бортъ части багажа для спасенія корабля, одолѣваемаго бурей. Сравненіе рисуетъ также и положеніе литературы того времени).

VII.

Къ исключенію.

На стр. 136 (по рукописи), отрывокъ изъ письма Пушкина о программѣ газеты, которую дозволено ему было издавать (въ 1832 году):

«Онъ (Пушкинъ) получилъ дозволеніе на изданіе газеты, но почти на другой же день писалъ съ досадой: «Какую программу хотите вы видѣть? Извѣстія о курсѣ, о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ: вотъ вамъ и вся программа. Я хотѣлъ уничтожить монополію.. Остальное мало меня интересуетъ», и проч.

Объясненія издателя.

Смыслъ этого мѣста не можетъ, кажется, подлежать сомнѣнію, если принять въ соображеніе разсказъ біографіи. Въ 1832 году Пушкинъ получилъ дозволеніе на изданіе газеты, но, по непривычкѣ къ дѣлу и своей неспособности быть редакторомъ вседневной газеты, дозволеніемъ не воспользовался. Друзья его ожидали между тѣмъ отъ газеты чего-то новаго, необыкновеннаго, и тогда, для охлажденія ихъ разспросовъ, Пушкинъ съ тою трезвостью ума, которая его оставляла только въ несчастныя минуты страсти, написалъ вышеприведенныя укоризненныя строки.

(Отрывокъ получилъ дозволеніе явиться въ печати, но остается загадкой: какъ могъ явиться вопросъ о его непригодности къ тому?)

VIII.

Къ исключенію.

На стр. 268, 271, 274, нѣкоторыя выраженія въ сказкахъ Арины Родіоновны.

«Царь женился на меньшой, и съ первой ночи она понесла».

«Одинъ изъ сыновей уродился чудомъ, ноги серебряныя, руки золотыя и проч.»

«Царь пьетъ изъ проруби; кто-то его хвать за бороду и не выпускаетъ... Царь взмолился... Задумался бѣдный царь».

«Царь (другой, подземнаго царства) повелѣваетъ Ивану Царевичу построить церковь въ одну ночь. Царевна, обратясь въ муху, является къ нему: «Не печалься, Иванъ Царевичъ, скинь портки, повѣсь на шестокъ да спи, а завтра возьми молоточекъ, ходи около церкви»... Царевичъ думалъ, думалъ и наконецъ сказалъ:«А ну же его! повѣситъ такъ повѣситъ, голова мнѣ не дорога»... По утру церковь готова».

«Марья Царевна превращаетъ Ивана Царевича въ церковь, а себя въ священника... церковь ветха, священникъ старъ».

Объясненія издателя.

Всѣ эти мѣста принадлежатъ къ сказкамъ няни Пушкина Арины Родіоновны, со словъ которой онъ ихъ записалъ, и которыя послужили для составленія стихотворныхъ сказокъ, какъ самому Пушкину, такъ и В. А. Жуковскому. Всѣ эти выраженія, какъ: съ первой ночи понесла, уродился чудомъ, хвать за бороду (первая фраза воспроизведена цѣликомъ въ высочайше дозволенной уже сказкѣ Пушкина: «Царь Салтанъ», а вторая буквально повторена въ сказкѣ В. А. Жуковскаго: «Царь Берендей»), кажется, имѣютъ характеръ простодушія, отстраняющій всякую мысль о соблазнѣ, и врядъ ли могутъ ввести въ искушеніе даже очень простого человѣка. Фразу: «скинь портки» издатель, самъ исключавшій подобныя выраженія, просмотрѣлъ въ теченіи своей работы.

(Обороты и образы народнаго языка, такъ развязно вырванные г. цензоромъ изъ безыскусственной рѣчи Арины Родіоновны, благополучно миновали провѣрку и явились вполнѣ въ приложеніи къ «Матеріаламъ для біографіи Пушкина», 1855 года (см. т. I, стр. 438), за исключеніемъ фразы: «скинь портки, повѣсь на шестокъ», уступленной и самимъ издателемъ, такъ какъ не подлежало уже сомнѣнію, что она обречена будетъ во всякомъ случаѣ на изгнаніе изъ печатнаго текста).

IX.

Къ исключенію.	*Объясненія издателя.*
Слѣдующіе подчеркнутые стихи въ различныхъ отрывкахъ и цѣльныхъ пьесахъ Пушкина:	Истинный смыслъ подчеркнутыхъ стиховъ въ разныхъ отрывкахъ, здѣсь прилагаемыхъ, не имѣетъ какого-либо двойного или соблазнительнаго значенія,—иначе онъ, издатель, первый не допустилъ бы этихъ отрывковъ въ свою біографію, какъ онъ уже сдѣлалъ со многими другими ему представлявшимися.
a.	a.
«Не женщины любви насъ учатъ, А первый пакостный романъ».	Авторъ говоритъ здѣсь о вредѣ ранняго чтенія романовъ и употребляетъ рѣзкое прилагательное «пакостный» (впрочемъ, весьма вѣрное въ отношеніи французскихъ романовъ).
b.	b.
«Мой не дочитанный разсказъ Въ передней кончитъ вѣкъ позорный, Какъ Инвалидъ иль Календарь».	Авторъ говоритъ объ Инвалидѣ и Календарѣ не какъ объ изданіяхъ академіи и проч., а какъ о старыхъ газетахъ и указателяхъ, не нужныхъ по окончаніи извѣстнаго срока.
c.	c.
«Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья, Читалъ я сладостный коранъ— Внезапно ангелъ утѣшенья, Влетѣвъ, принесъ мнѣ талисманъ».	Авторъ здѣсь набрасываетъ первый очеркъ извѣстнаго стихотворенія «Талисманъ» и заставляетъ говорить мусульманина, не имѣя нисколько намѣренія показать сладость корана и ангеловъ Магомета, что̀ было бы совершенною нелѣпостію.
d.	d.
«На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ, Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ, Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами, Колеблясь и шумя»...	Авторъ здѣсь говоритъ о неприличіи языческихъ памятниковъ надъ гробницами, и еще надо прибавить, что все стихотвореніе, откуда взятъ отрывокъ, проникнуто у него глубокимъ христіанскимъ чувствомъ.
e.	e.
Выраженіе объ александрійскомъ стихѣ:	Авторъ говоритъ объ александрійскомъ стихѣ, вспоминая Буа-

«Растрепанъ онъ свободною цензурой».
(Изъ «Домика въ Коломнѣ»).

ло,—и хваля его, прибавляетъ, что его стихъ растрепанъ, то-есть, испорченъ свободною цензурой во Франціи и усиліями гг. Гюго и др.

(Полученное дозволеніе на сохраненіе всѣхъ этихъ отрывковъ тѣмъ особенно важно, что оно сберегло отъ искаженія, при печатаніи, другое драгоцѣнное открытіе въ рукописяхъ Пушкина, именно великолѣпную его думу: «Когда за городомъ, задумчивъ, я брожу», что̀ было бы не возможно, если бы указаніе цензора подъ литерой *д* было принято во вниманіе).

2.

Мѣста изъ стихотвореній Пушкина, уже напечатанныхъ въ старыхъ альманахахъ и журналахъ, предложенныя г. цензоромъ къ исключенію, съ объясненіями издателя.

I.

Предварительное объясненіе.

Издатель принимаетъ смѣлость сказать нѣсколько словъ о причинахъ, побудившихъ его къ собранію старыхъ произведеній Пушкина для составленія возможно полнаго изданія его, которое могло бы служить образцомъ для послѣдующихъ. При нынѣшнемъ развитіи отечественной библіографіи, когда усилія многихъ людей посвящены исключительно на собираніе остатковъ русской старины и всего, что̀ произведено въ отечествѣ по части литературы ученой и словесной, всякое изданіе безъ характера библіографическаго уже не возможно. При такомъ направленіи, свидѣтельствующемъ о возрождающихся любви и уваженія ко всему своему, строгое исключеніе старыхъ произведеній за нѣкоторую еще юношескую ихъ горячность и даже за нѣкоторое увлеченіе (если оно только не переступаетъ настоящихъ границъ приличія) лишаетъ изданіе настоящаго достоинства его, полноты, системы и выводовъ для науки изящнаго. Самое горькое при этомъ для самого издателя «Сочиненій Пушкина», употребившаго на нихъ трудъ добросовѣстный, состоитъ въ томъ, что произведенія, имъ собранныя, могутъ явиться въ журналахъ и сборникахъ безпрекословно (по неимѣнію ясныхъ противоцензурныхъ условій), а ему воспрещены. Онъ понесетъ не заслуженный упрекъ отъ публики и отъ критики въ нерадѣніи и неосмотрительности, на которыя уже не будетъ имѣть права и отвѣчать, по закону. Не одинъ онъ занимается теперь, благодаря Бога, отечественнымъ просвѣщеніемъ и собираніемъ всѣхъ его памятниковъ, безъ выключенія даже и самыхъ малыхъ. Вотъ почему старыя произведенія Пушкина уже пять лѣтъ появляются въ журна-

лахъ: «Современникѣ», «Москвитянинѣ», «Отечественныхъ Запискахъ». Многія изъ нихъ издатель Пушкина отстранилъ, какъ неудобныя къ печатанію, самъ, но по крайней мѣрѣ ходатайствуетъ за тѣ, которыя, по строгомъ осмотрѣ, выбралъ для представленія высшему цензурному начальству. Конечно, если самый тщательный разборъ еще не удостоится вниманія, то изданіе будетъ столь ничтожно, что потребуетъ новаго, которое опять будетъ затруднять управленіе цензуры домогательствами о вмѣщеніи пропущенныхъ стихотвореній и статей. Нынѣшнему издателю, съ другой стороны, грозитъ награда за трудъ, которой онъ, конечно, не ожидалъ. Первый журналъ напечатаетъ стихотворенія, не попавшія въ его сборникъ, и спроситъ: гдѣ были глаза у собирателя?

Текстъ Пушкина съ опредѣленіями и указаніями г-на цензора.

Къ исключенію.

На стр. 3 и об. изъ стихотворенія: «Къ другу-стихотворцу».

«Въ деревнѣ, помнится, съ мірянами простыми
Отшельникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми
Въ миру съ сосѣдями, въ чести, довольствѣ жилъ
И первымъ мудрецомъ у нихъ издавна слылъ.
Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
Со свадьбы, подъ вечеръ, онъ шелъ немного пьяный;
Попалися ему на встрѣчу мужики:
«Послушай, батюшка, сказали простяки,
«Настави грѣшныхъ насъ: ты пить вѣдь запрещаешь,
«Быть трезвымъ всякому всегда повелѣваешь—
«И вѣримъ мы тебѣ; да что жь сегодня самъ?»
«Послушайте», сказалъ отшельникъ мужикамъ;
«Какъ... васъ учу, такъ вы и поступайте;
«Живите хорошо; а мнѣ не подражайте».

Объясненія по поводу указаній господина цензора.

Переходя къ замѣткамъ о самихъ стихотвореніяхъ, издатель обязанъ сказать, что пьеса «Къ другу-стихотворцу» была **первая напечатанная** пьеса Пушкина и поэтому извѣстна всему читающему русскому міру. Она появилась въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» 1814 года. Окончаніе ея, здѣсь представленное къ исключенію, можетъ быть еще ослаблено и лишено всякаго неприличнаго намека выпускомъ слова **батюшка** въ 8-мъ стихѣ.

(Для пониманія странной цѣли предварительнаго объясненія, которое отстаивало всѣми возможными соображе

ніями ту истину, что для полнаго собранія сочиненій необходимо включить въ него и произведенія автора, найденныя въ старыхъ журналахъ,—надо вспомнить еще разъ, что позволеніе на новое изданіе Пушкина дано было съ условіемъ держаться безусловно текста прежняго посмертнаго изданія 1838 года. Такъ какъ послѣднее не заключало въ себѣ пьесъ автора, погребенныхъ въ старыхъ журналахъ и альманахахъ, то для напечатанія такихъ пьесъ требовалось уже новое ходатайство и новое дополнительное согласіе. Отсюда и горячій, настойчивый тонъ издателя, убѣждающаго судей въ томъ, что̀, по видимому, не требовало никакихъ доказательствъ. Само рѣшеніе ихъ разбирать старую пьесу Пушкина уже было выигрышемъ, свидѣтельствуя о тайномъ сочувствіи къ плану издателя, чего онъ и добивался. Пьеса «Къ другу-стихотворцу» прошла невозбранно, удержавъ за собою и слово батюшка, но слово «отшельникъ», вмѣсто священникъ, такъ и осталось за штатомъ. Впрочемъ, эта замѣна никого не обманывала. Какъ она, такъ и точки въ стихѣ: «Какъ... васъ учу, такъ» и пр. легко возстановлялись и тогда: священникъ; «какъ въ церкви васъ учу». Притомъ же издатель напечаталъ подставное слово: «отшельникъ» курсивомъ въ текстѣ и еще упомянулъ о немъ въ примѣчаніи къ стихотворенію. «Вѣстникъ Европы» 1880 года (сентябрь), перепечатавъ пьесу безъ измѣненій и пропусковъ изъ «Вѣстника Европы» 1814 года, косвенно намекнулъ тѣмъ на любопытный фактъ, что литературный языкъ 1814 года былъ свободнѣе того же языка въ 1856 и называлъ вещи и предметы настоящими ихъ именами, что̀ уже возбранялось позднѣе.

II.

Къ исключенію.

На оборотѣ стр. 7 (по рукописи), окончаніе стихотворенія: «Блаженство»:

«Счастливъ юноша въ мечтахъ!
Выпивъ чашу золотую,

Объясненія издателя.

Это стихотвореніе тоже принадлежитъ къ самымъ первымъ произведеніямъ Пушкина и напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» 1814 года. Оно гораздо приличнѣе мно-

Наливаетъ онъ другую;
Пьетъ ужъ третью; но въ глазахъ
Видъ окрестный потемнился,
И несчастный утомился.
Томну голову склоня,
«Научи, сатиръ, меня»,
Говоритъ пастухъ со вздохомъ,
«Какъ могу бороться съ рокомъ?
«Какъ могу счастливымъ быть?
«Я не въ силахъ больше пить».
«Слушай, юноша любезный,
«Вотъ тебѣ совѣтъ полезный:
«Мигъ блаженства вѣкъ лови!
«Помни дружбы наставленья:
«Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,
«Нѣтъ и счастья безъ любви;
«Такъ поди жь теперь съ похмѣлья
«Съ Купидономъ помирись,
«Позабудь его обиды
«И въ объятіяхъ Дориды
«Снова счастьемъ насладись».

гихъ такъ-называемыхъ лицейскихъ стихотвореній, вошедшихъ въ составъ посмертнаго изданія и высочайше дозволенныхъ и нынѣ къ перепечатанію. Всѣ первые опыты Пушкина имѣютъ теперь значеніе чисто историческое и потому, кажется, совершенно безвредны. Они важны только тѣмъ, что показываютъ, какъ отъ французскихъ подражаній Парни, Грекуру, Шолье и проч. перешелъ онъ къ серьезнымъ, чисто народнымъ и, по временамъ, глубоко религіознымъ произведеніямъ. Для показанія этого поэтическаго хода въ развитіи поэта преимущественно и собраны они были издателемъ, и на это указываютъ, какъ сама біографія, такъ и всѣ примѣчанія къ симъ раннимъ произведеніямъ его музы. Къ тому же, въ болѣе гладкой и искусной формѣ подобныя стихотворенія и нынѣ допускаются къ печати обыкновенной цензурой.

(Пьеса получила одобреніе къ печати, и пуританизмъ цензора не признанъ достаточною причиной ея устраненія).

III.

Къ исключенію.

На об. стр. 30 (по рукописи), цѣликомъ все стихотвореніе «Элегія».
«О ты, которая изъ дѣтства
Зажгла во мнѣ священный жаръ!
....
....
Я звучнымъ строемъ пѣсней новыхъ
Тебя привѣтствовать дерзалъ,
Будилъ молчанье скалъ суровыхъ
И слухъ ничтожныхъ устрашалъ;
Услышатъ пѣснь мою потомки
Средь отдаленнѣйшихъ вѣковъ,
И лиры гордые обломки
Переживутъ вѣнки льстецовъ».

Объясненіе издателя.

Кромѣ того, что вся эта элегія, кажется, не имѣетъ ясныхъ поводовъ къ исключенію, но она уже была помѣщена на нашихъ глазахъ въ журналѣ «Современникъ» 1853 года, почерпнувшемъ ее изъ стараго альманаха «Сѣверная Звѣзда» 1829 года. Это не одинъ примѣръ участи стихотвореній Пушкина, о которой упомянуто выше.

(Пьеса была пропущена, благодаря этому указанію на противорѣчія цензурнаго вѣдомства съ самимъ собою. Вмѣстѣ съ другими подобными же указаніями, довѣренность къ его опредѣленіямъ была сильно поколеблена, какъ мы слышали, въ глазахъ главнаго правленія цензуры. «Современникъ» оказалъ услугу изданію, напечатавъ пьесу прежде всѣхъ).

IV.

Къ исключенію.

На стр. 9 (по рукописи):

a.

Окончаніе стихотворенія «Къ Н. Г. Л—ву».

«Когда жь пойду на новоселье
(Заснуть, вѣдь, общій всѣмъ удѣлъ),
Скажи: Дай Богъ ему веселье!
Онъ въ жизни хоть любить умѣлъ».

b.

Четыре стиха, напечатанные въ первомъ изданіи «Руслана и Людмилы» (1820), но не вошедшіе во второе (1828):

Ужели Богъ намъ далъ одно
Въ подлунномъ мірѣ наслажденье?
Вамъ остаются въ утѣшенье
Война, и музы, и вино.

c.

Пять стиховъ «Руслана и Людмилы», такимъ же образомъ не введенные изъ перваго изданія во второе:

«Не правъ фернейскій злой крикунъ!
Все къ лучшему: теперь колдунъ
Иль магнетизмомъ лѣчитъ бѣдныхъ
И дѣвочекъ худыхъ и блѣдныхъ,
Пророчитъ, издаетъ журналъ:
Дѣла, достойныя похвалъ!»

(Оба выпуска находятся въ примѣчаніи издателя къ «Руслану»).

Объясненія издателя.

Первое изъ этихъ мѣстъ, кажется, не заключаетъ въ себѣ намѣренія какого-либо неприличнаго намека, а вторыя два составляютъ варіанты къ поэмѣ «Русланъ и Людмила», которые издатель проситъ позволенія обозначить по крайней мѣрѣ однимъ первымъ стихомъ, если не могутъ быть допущены въ печать вполнѣ.

(Допущены вполнѣ, какъ и окончаніе стихотворенія «Къ Н. Г. Л—ву». Приходится опять задавать себѣ вопросъ: какими соображеніями могъ руководиться цензоръ,

осуждая на изгнаніе стихи, не представляющіе даже и тѣни чего-либо похожаго на вольнодумство? Впрочемъ далѣе увидимъ, что тотъ же цензоръ нашелъ предосудительнымъ и самое предисловіе Пушкина ко второму изданію поэмы, имѣвшее въ виду исключительно критиковъ этого произведенія).

3.

Мѣста, присужденныя цензоромъ къ исключенію, изъ прозаическихъ статей и замѣтокъ Пушкина, большинство которыхъ тоже не попало въ посмертное изданіе 1838—1841 годовъ.

I.

Къ исключенію.

На об. стр. 12 (по рукописи), въ статьѣ «Замѣтка на сцену изъ фонъ-Визина: Разговоръ у княгини Халдиной» Пушкинъ, разбирая характеръ Сорванцова, одного изъ дѣйствующихъ лицъ этой сцены, говоритъ:

«Онъ продаетъ крестьянъ въ рекруты и умно разсуждаетъ о просвѣщеніи. Онъ взятокъ не беретъ изъ тщеславія и хладнокровно извиняетъ бѣдныхъ взяткобрателей. Словомъ, онъ истинно русскій баричъ прошлаго вѣка».

Объясненія издателя.

Этотъ разборъ не изданной сцены фонъ-Визина написанъ Пушкинымъ въ 1831 году и тогда же напечатанъ въ «Литературной Газетѣ» Дельвига. Сцена вошла въ составъ Смирдинскаго изданія фонъ-Визина. Какъ она, такъ и разборъ Пушкина, извѣстны всѣмъ болѣе двадцати лѣтъ, да и самое мѣсто, кажется, содержитъ осужденіе поступковъ выдуманнаго лица и злоупотребленій фонъ-Визинскаго времени, не имѣющаго никакихъ отношеній къ настоящему. Такія злоупотребленія и тогда преслѣдовались публикою въ комедіяхъ и сценахъ.

(Мѣсто возстановлено по приговору комитета, но осужденіе его предварительною цензурой опять свидѣтельствуетъ, что въ ея практикѣ замѣтки, свободно являвшіяся на свѣтъ въ 1831 году, уже возбуждали тревогу, хотя бы касались и такихъ явленій, съ которыми боролось само правительство).

II.

Къ исключенію.

На об. стр. 67 (рукописи) отрывокъ изъ письма Пушкина къ Погодину и замѣчаніе сего послѣдняго. Поводомъ для того и другого служило стихотвореніе: «Герой».

Письмо Пушкина:

«Посылаю вамъ изъ моего Патмоса апокалипсическую пѣснь. Напечатайте, гдѣ хотите, хоть въ «Вѣдомостяхъ»; но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы— не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ ее, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моею рукою переписанную».

Замѣчаніе Погодина:

«Я напечаталъ стихи тогда же въ «Телескопѣ» и свято хранилъ до сихъ поръ тайну. Кажется, должно перепечатать ихъ теперь. Разумѣется, не нужно припоминать, что число, выставленное Пушкинымъ подъ стихотвореніемъ послѣ многозначительнаго «Утѣшься»:«29 сентября 1830», есть день прибытія государя императора въ Москву, во время холеры».

Объясненія издателя.

Мѣсто это требуетъ поясненія. Пушкинъ написалъ въ 1830 году патріотическое стихотвореніе:«Герой», гдѣ удивляется великодушію государя императора, посѣтившаго лично Москву въ самое развитіе тамъ холеры. Стихотвореніе напечатано было тогда въ журналѣ «Телескопъ», а по смерти автора—въ изданіи его «Сочиненій» 1838 года (томъ IX, стр. 218), съ тѣмъ примѣчаніемъ г. Погодина, которое тутъ изложено. Такимъ образомъ оно уже имѣло и имѣетъ высочайшее дозволеніе на перепечатку его, да и скрыть благороднѣйшее чувство удивленія къ поступку государя, вырвавшееся безкорыстнѣйшимъ образомъ у Пушкина, было бы оскорбительно для памяти послѣдняго.

(Оба текста были, конечно, возстановлены, но промахъ, почти антиправительственный, со стороны предварительной цензуры поставленъ былъ ей на видъ главнымъ правленіемъ, какъ мы слышали, и много способствовалъ къ устраненію ея доводовъ, которыми она защищала свои приговоры. Такія противоправительственныя запрещенія, хотя и менѣе яркія, чѣмъ въ настоящемъ случаѣ, цензура дѣлала тогда сплошь и рядомъ).

III.

Къ исключенію.

На стр. 3 (рукописи), выписка изъ предисловія къ поэмѣ «Русланъ и

Объясненія издателя.

Все это мѣсто изъ предисловія къ «Руслану», изданія 1828 года,

Людмила», напечатаннаго при второмъ ея изданіи (1828):

«Долгъ искренности требуетъ также упомянуть о мнѣніи одного изъ увѣнчанныхъ первоклассныхъ отечественныхъ писателей, который, прочитавъ «Руслана и Людмилу», сказалъ: «Я тутъ не вижу ни мыслей, ни чувства, вижу только чувственность». Другой (а можетъ быть, и тотъ же) первоклассный отечественный писатель привѣтствовалъ сей первый опытъ молодого поэта слѣдующимъ стихомъ:

Мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть.

18 февраля 1828».

относится къ г. Каченовскому, котораго Пушкинъ иронически называетъ первоклассным писателемъ, и который постоянно нападалъ на всѣ произведенія Пушкина. Выпускомъ этого мѣста обезобразится весь отрывокъ, извѣстный тоже уже болѣе пятнадцати лѣтъ и который уже нѣсколько разъ былъ перепечатываемъ въ журналахъ.

(Отрывокъ прошелъ благополучно, но здѣсь любопытны причины, заставившія издателя отнести пушкинскій намекъ на Каченовскаго. Вообще трудно сказать теперь, кого подразумѣвалъ Пушкинъ въ своей замѣткѣ, но если позволять себѣ догадки, то скорѣе можно думать, что она относилась къ маститому уже тогда и не совсѣмъ благорасположенному къ поэмѣ И. И. Дмитріеву. Цензоръ видимо руководимъ былъ мыслію, при запрещеніи отрывка, что первоклассный отечественный писатель, кто бы онъ ни былъ, долженъ состоять подъ покровительствомъ распоряженія, не дозволяющаго критическихъ отношеній къ образцовымъ писателямъ, и тогда возникала необходимость отыскать менѣе знаменитое имя для того, чтобы согласить комитетъ на удержаніе пушкинской замѣтки вполнѣ. Каченовскій сдѣлался передъ главнымъ правленіемъ цензуры невольною жертвой безнравственной борьбы, которая столько лѣтъ велась между писателями и толкователями цензурнаго устава. Къ такого рода уловкамъ и сокрытіямъ вынуждены были тогда прибѣгать всѣ редакторы журналовъ и всѣ писатели, безъ исключенія, что̀ и составляло самую безобразную часть ихъ сношеній съ цензурой).

IV.

Къ исключенію.

На стр. 216 и 217 слѣдующая отдѣльная замѣтка:

«Иностранцы, утверждающіе, что въ древнемъ нашемъ дворянствѣ не существовало понятія о чести (point d'honneur), очень ошибаются. Сія честь, состоящая въ готовности жертвовать всѣмъ для поддержанія какого-нибудь условнаго правила, во всемъ блескѣ своего безумія видна въ древнемъ нашемъ мѣстничествѣ. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословныя распри. Юный Ѳеодоръ, уничтоживъ сію спѣсивую дворянскую оппозицію, сдѣлалъ то, на что̀ не рѣшились Іоаннъ III, ни нетерпѣливый внукъ его, ни тайно злобствующій Годуновъ».

Объясненія издателя.

Этотъ отрывокъ изъ «Мыслей» Пушкина, напечатанныхъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1828 года, во всемъ схожъ съ тѣмъ, что̀ всякій ученикъ можетъ слышать отъ учителя исторіи въ гимназическомъ курсѣ. Здравомысліе Пушкина еще обнаруживается тутъ весьма замѣчательнымъ образомъ посредствомъ сравненія безумства мѣстничества съ безумствомъ какого-нибудь point d'honneur, который, не смотря на предписаніе разсудка и самаго закона, вооружаетъ людей для поединка и смертоубійства.

(Мысль Пушкина отъ 1828 года не оказалась опасною и для публики 1853 года и была пропущена).

V.

Къ исключенію.

Изъ возраженія Пушкина на статью г. Броневскаго объ «Исторіи Пугачевскаго бунта». Въ этой антикритикѣ Пушкинъ говоритъ на стр. 132 (рукописи):

a.

«Политическія и нравоучительныя размышленія, коими г. Броневскій украсилъ свое повѣствованіе, слабы и пошлы и не вознаграждаютъ читателей за недостатокъ фактовъ, точныхъ извѣстій и яснаго изложенія происшествій. Напримѣръ...»

b.

Текстъ Броневскаго, приводимый Пушкинымъ въ подстрочномъ

Объясненія издателя.

Весь параграфъ (a) принадлежитъ къ полемикѣ Пушкина съ г. Броневскимъ. Мѣсто о Пугачевѣ (параграфъ b) принадлежитъ г. Броневскому, и какъ онъ приводилъ мѣста изъ Пушкина, казавшіяся ему слабыми и ничтожными, такъ и Пушкинъ пользуется правомъ таковаго же разбора въ отношеніи къ своему критику. Для отстраненія всякой двусмысленности слѣдуетъ, можетъ статься, выпустить первыя два прилагательныя и начать статью такъ:... «Размышленія, коими» и пр.

примѣчаніи для примѣра пошлыхъ размышленій своего критика:

«Нравственный міръ, также какъ и физическій, имѣетъ свои феномены, способные устрашить всякаго любопытнаго, дерзающаго разсматривать оные. Если вѣрить философамъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ стихій, добра и зла, то Емелька Пугачевъ безспорно принадлежитъ къ рѣдкимъ явленіямъ, къ извергамъ, внѣ законовъ природы рожденнымъ, ибо въ естествѣ его не было и малѣйшей искры добра, того благого начала, той духовной части, которыя разумное твореніе отъ безсмысленнаго животнаго отличаютъ. Исторія сего злодѣя можетъ изумить порочнаго и вселить отвращеніе даже въ самыхъ разбойникахъ и убійцахъ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, какъ низко можетъ падать человѣкъ, и какою адскою злобою можетъ быть преисполнено его сердце. Если бы дѣянія Пугачева подвержены были малѣйшему сомнѣнію, я съ радостію вырвалъ бы страницу сію изъ моего труда!»

(Къ счастію, никакихъ выпусковъ на этотъ разъ не понадобилось, потому что главное правленіе, дозволившее все мѣсто, приняло на себя работу успокоить сомнѣніе представителя цензуры относительно возможности пошлыхъ размышленій политическихъ и нравственныхъ, сомнѣніе, которое и было поводомъ къ исключенію пушкинской замѣтки и горячо, какъ мы слышали, имъ отстаивалось. Любопытно, что наравнѣ съ Пушкинымъ долженъ былъ пострадать и текстъ Броневскаго, ибо и его тирада, взятая изъ критической статьи, напечатанной въ «Сынѣ Отечества» 1835 года, тоже приговорена была къ устраненію. И судья, и подсудимый одинаково оказывались въ неправильномъ положеніи передъ цензурой. Правда, что этимъ спо-

собомъ устранялась вообще литературная полемика, которой всего болѣе и боялось цензурное вѣдомство).

V и послѣднее мѣсто.

Къ исключенію.

Въ статьѣ: «Россійская академія» два мѣста:

a.

Выписка, которую Пушкинъ дѣлаетъ изъ журнала: «Собесѣдникъ любителей русскаго слова» 1783 года, гдѣ находились вопросы фонъ-Визина и отвѣты на нихъ императрицы Екатерины II, и которая гласитъ:

«Вопросъ фонъ-Визина: Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ, и весьма большіе? Отвѣтъ: Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. NB. Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли».

«Сіи отвѣты», прибавляетъ Пушкинъ,—«писаны самою императрицей».

b.

Слѣдующее мѣсто о Карамзинѣ:

«Пребываніе Карамзина въ Твери ознаменовано еще однимъ обстоятельствомъ, важнымъ для друзей его памяти, неизвѣстнымъ еще для современниковъ. По вызову государыни великой княгини, женщины съ умомъ необыкновенно возвышеннымъ, Карамзинъ написалъ свои мысли «О древней и новой Россіи» со всею искренностію прекрасной души, со всею смѣлостію убѣжденія сильнаго и глубокаго. Государь прочелъ эти краснорѣчивыя страницы, прочелъ и остался по прежнему милостивъ и бла-

Объясненія издателя.

Эти два мѣста изъ статьи Пушкина, напечатанной въ «Современникѣ» его собственнаго изданія 1836 года и, стало быть, уже знакомой всей русской публикѣ, весьма различны по значенію своему. Первое (буква a) есть выписка изъ стараго журнала, въ которомъ участвовала, какъ не безызвѣстно, сама императрица Екатерина II. На дерзкій и неосновательный вопросъ фонъ-Визина она возразила строго, что̀ заставило, какъ тоже не безызвѣстно, самого фонъ-Визина просить прощенія въ неосмотрительности своей. Это принадлежитъ къ анекдотамъ ея царствованія, повтореннымъ во многихъ книжкахъ. Въ этомъ мѣстѣ предполагается даже исключить фразу Пушкина: «Сіи отвѣты писаны самою императрицей», которая уже необходима для пониманія предшествующихъ вопросовъ, не осужденныхъ цензоромъ. Издатель проситъ объ удержаніи ея.

Что касается до втораго мѣста (буква b), то, представляя его благоусмотрѣнію начальства, осмѣлюсь только прибавить, что вся статья Пушкина состоитъ изъ 4½ страницъ, съ которыми публика уже ознакомлена, какъ сказано выше. Выпускъ этого мѣста, столь важнаго для священной памяти благословеннаго государя и для уважаемой памяти исторіографа, былъ бы, можетъ статься, замѣченъ читающими. Еще основательнѣе покажется это опасеніе, по

госклоненъ къ прямодушному своему подданному. Когда-нибудь потомство оцѣнитъ и величіе государя, и благородство патріота...

отношенію къ обоимъ мѣстамъ, если вспомнить, что вопросы фонъ-Визина и отвѣты императрицы Екатерины II напечатаны уже цѣликомъ въ изданіи сочиненій фонъ-Визина 1852 года, а многочисленные отрывки изъ разсужденія Н. М. Карамзина: «О древней и новой Россіи» приложены въ изданіи его «Исторіи» г. Эйнерлингомъ.

(Не смотря на усилія издателя, старавшагося, какъ видимъ, для спасенія спорныхъ мѣстъ, затронуть самыя чувствительныя стороны въ умѣ судей, успѣхъ на этотъ разъ не вполнѣ увѣнчалъ его трудъ. Выписка изъ журнала 1783 года съ щекотливымъ вопросомъ фонъ-Визина была безусловно отвергнута, всего вѣроятнѣе потому, что въ отрывкѣ этомъ упоминалось о большихъ чинахъ, хотя при вторичномъ своемъ появленіи послѣ 1783 года въ «Современникѣ» 1836 года онъ нисколько не обратилъ на себя особеннаго вниманія публики. Вмѣстѣ съ нимъ погибла и фраза Пушкина, такъ необходимая для пониманія сущности дѣла. Той же участи, вѣроятно, подверглась бы и замѣтка о Карамзинѣ, если бы не нашла, какъ тогда было слышно, горячихъ защитниковъ въ лицѣ одного развитаго члена главнаго правленія и самого министра народнаго просвѣщенія, высоко цѣнившихъ смѣлость и патріотическое одушевленіе сужденій Карамзина о дѣлахъ своей эпохи. Пушкинъ былъ чуть ли не первымъ человѣкомъ у насъ, заговорившимъ публично о «Древней и новой Россіи» Карамзина. Дотолѣ трактатъ ходилъ по рукамъ секретно, въ рукописяхъ, какъ оппозиціонный и, по мнѣнію другихъ, даже агитаторскій голосъ не призваннаго совѣтчика. Пушкинъ, на канунѣ своей смерти, собирался вывести записку Карамзина изъ состоянія подпольной литературы, въ которомъ она обрѣталась, и предполагалъ напечатать обширныя выписки изъ нея въ «Современникѣ» 1837 года (мысль его приведена отчасти въ исполненіе продолжателями «Современника» уже послѣ него). Эти свѣдѣнія мы почерпаемъ

изъ статьи, напечатанной въ томъ же изданіи «Сочиненій Пушкина» 1855 — 1857 годовъ (т. VII, стр. 122 — 123, часть II), которая также и облегчаетъ работу будущихъ издателей и библіографовъ по возстановленію полнаго текста его прозаическихъ статей, указывая на первоначальныя, не искаженныя еще ихъ редакціи, являвшіяся въ журналахъ и альманахахъ).

Заключеніе «записки» издателя:

Представляя всѣ сіи 19 мѣстъ на обсужденіе начальства, издатель «Сочиненій Пушкина» рѣшается повторить свое письменное завѣреніе, что онъ пользуется даннымъ ему на это дозволеніемъ единственно изъ желанія составить изданіе, которое удовлетворяло бы, какъ всѣ требованія цензурныя, такъ и ожиданія публики, и могло бы служить образцемъ для послѣдующихъ предпріятій въ томъ родѣ.

Таково содержаніе характерной «записки». Позволяемъ себѣ прибавить къ ней еще нѣсколько строкъ.

Въ результатѣ изложенной здѣсь тяжбы, подробности которой легко могли прискучить читателю по причинѣ безконечнаго повторенія одной и той же главной темы съ такимъ же однообразнымъ повтореніемъ и реплики на нее, оказалось, однако же, весьма важное пріобрѣтеніе. За исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстъ, тексты Пушкина прорвались сквозь волшебное цензурное кольцо, которымъ были обведены. Успѣхъ этотъ никакъ нельзя отнести къ убѣдительности или неотразимости доводовъ, отысканныхъ «запиской». Что̀ значили доводы и доказательства тамъ, гдѣ судьба процесса всецѣло зависѣла отъ личныхъ настроеній присутствующихъ, отъ ихъ воззрѣній, имѣвшихъ свою аргументацію и свою логику, которыя уже никакому обсужденію не подлежали? Можно съ достовѣрностію сказать, что исходъ тяжбы былъ бы совсѣмъ иной, если бы въ теченіе ея не обнаружились симпатіи самого министра народнаго просвѣщенія и вліятельной части его канцеляріи къ дѣлу истца. Не говоря уже о томъ, что «записка» была ими очень внимательно прочитана, но канцелярія еще дополнила ее своими указаніями и соображеніями, которыя казались наибо-

лѣе пригодными въ настоящемъ случаѣ. Мы видѣли черновую рукопись «записки» съ поправками, ссылками на уставы и законодательство, сдѣланными рукой канцелярскаго чиновника, и не тайно, украдкой, а просто, какъ дѣлаются обыкновенныя редакторскія поправки въ нужной бумагѣ. Канцелярскою тайной осталось только все происходившее въ засѣданіяхъ трибунала: какого рода пренія тамъ завязались около «записки», или ихъ вовсе не было, кто состоялъ въ числѣ ея защитниковъ и ея противниковъ, даже и то, докладывалась ли «записка» формальнымъ образомъ, или только служила справкой во время совѣщаній. Темные слухи оттуда, доходившіе до заинтересованныхъ лицъ, ограничивались мелочами и ничего существеннаго не представляли. Достовѣрно одно, что министръ народнаго просвѣщенія излагалъ свои мнѣнія въ ея духѣ наперекоръ своему подчиненному, попечителю учебнаго округа, который отстаивалъ помарки цензора почти какъ политическую необходимость и, выходя изъ засѣданія, промолвилъ съ негодованіемъ: «Еще не бывало, чтобы цѣлое вѣдомство пожертвовано было неизвѣстно откуда взявшемуся господину». Это разнорѣчіе въ министерствѣ было своего рода знаменіемъ времени, обѣщавшимъ близкое паденіе обычной цензурной практики. Старая система цензуры, состоявшая въ водвореніи низменности мысли и безцвѣтности содержанія въ литературѣ, дошла до апогея своего развитія и стала производить исключительно массы нелѣпыхъ приговоровъ и непостижимыхъ запрещеній, возбуждавшихъ общій смѣхъ. По всему русскому міру читателей ходили анекдоты о рѣшеніяхъ, замѣткахъ и поправкахъ цензуры, достойныхъ какого-нибудь каррикатурнаго лица въ незатѣйливомъ водевилѣ, что̀ и заставило сказать одно очень высокопоставленное лицо (графа Д. Н. Блудова) и въ очень вліятельномъ салонѣ во всеуслышаніе: «Наши цензора сродни паясамъ». Общество потѣшалось разсказами о шуткахъ, выкидываемыхъ ими, но надо прибавить: оно и негодовало. Система изжила самое себя до безобразія. Этому обстоятельству, можетъ быть, и слѣдуетъ всего болѣе приписать снисхожде-

ніе, оказанное издателю, и считать возраждавшееся требованіе на человѣческій смыслъ въ управленіи печатью лучшимъ и сильнѣйшимъ его помощникомъ въ веденіи всего дѣла.

Заведенный порядокъ однакоже не такъ скоро уступаетъ мѣсто другимъ, смѣняющимъ его порядкамъ. Изданіе Пушкина 1855 года въ полномъ его составѣ висѣло на волоскѣ вплоть до своего появленія. Когда воспослѣдовала окончательная санкція, дававшая право на выпускъ въ свѣтъ и всѣхъ произведеній Пушкина, дополняющихъ старое изданіе и уже провѣренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, возникъ вопросъ, какъ понимать слова, которыми она сопровождалась: «безъ всякихъ прибавокъ и неумѣстныхъ умничаній по ихъ поводу». Представлялась возможность примѣнить послѣднее изъ этихъ рѣшеній къ біографіи и примѣчаніямъ, собраннымъ въ изданіи, и отказать имъ въ пропускѣ, за что уже и были поданы голоса; и являлась возможность отнести рѣшеніе къ критикамъ и рецензіямъ, которыя могутъ явиться послѣ изданія. Министерство народнаго просвѣщенія растолковало его въ послѣднемъ смыслѣ и приняло на себя отвѣтственность за такое пониманіе его усщности, чѣмъ и открыло дорогу въ свѣтъ труду издателя въ полномъ его объемѣ.

Вотъ при какихъ условіяхъ приходилось работать надъ изданіемъ Пушкина не далѣе какъ въ пятидесятыхъ годахъ...

1880 годъ.

III.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА

г. Исакова подъ редакціей П. Ефремова (1880—1881 годовъ).

Начавъ просмотръ новаго изданія Пушкина, мы были удивлены, какъ и многіе другіе прежде насъ, тономъ ожесточенной полемики, какую г. редакторъ открылъ съ первыхъ же страницъ своихъ примѣчаній къ стихотвореніямъ поэта противъ стараго изданія сочиненій Пушкина 1855 года, вы-

шедшаго подъ редакціей П. В. Анненкова. Чѣмъ дальше слѣдили мы за указаніями, толкованіями, выходками г. Ефремова, тѣмъ болѣе убѣждались, что вся эта работа униженія стараго изданія 1855 года безъ мѣры и часто безъ всякой причины не имѣетъ ничего общаго съ критическимъ изслѣдованіемъ его достоинствъ и недостатковъ, а направлена къ тому, чтобы особенно отрекомендовать новое предпріятіе въ томъ же родѣ, давно ожидаемое публикой. Всѣ усилія г. Ефремова клонятся къ тому, чтобы заставить забыть досадное старое изданіе, изгладить о немъ память въ литературѣ, умалить или вовсе удалить воспоминаніе о всемъ томъ, что оно впервые дало или впервые изслѣдовало. Отыскавъ правильную точку зрѣнія на библіографическія изысканія г. Ефремова, какъ на бойкую литературную рекламу, намъ уже легко становится признать ея достоинства. Реклама отличается замѣчательною ловкостію, изобрѣтательностію мотивовъ и неожиданностію заключеній, а если она не всегда отвѣчаетъ истинному положенію дѣла, то кто же станетъ требовать отъ рекламы правильной и добросовѣстной оцѣнки чужого труда? Но, признавая вполнѣ законность литературной рекламы и въ настоящемъ случаѣ искренно желая ей успѣха, если она поможетъ увеличить число читателей и поклонниковъ Пушкина, мы должны однако же замѣтить, что есть предѣлы для рекламы, которые ей не слѣдовало бы переступать въ виду даже сохраненія своего обаянія. Чего только не наговорилъ г. Ефремовъ и на себя, и на предшественниковъ своихъ въ двухъ первыхъ томахъ новаго сборника на 70-ти и на 42-хъ страницахъ своихъ примѣчаній, къ нимъ приложенныхъ! Дѣло доходитъ у него до азарта и до курьезовъ, способныхъ смутить самаго довѣрчиваго читателя. Онъ аттестуетъ, напримѣръ, прежняго издателя «Сочиненій Пушкина» 1855 года человѣкомъ, крайне небрежно пользовавшимся драгоцѣнными рукописями поэта, которыя находились въ его рукахъ, поверхностно, а не построчно сличавшимъ тексты, безграмотно прочитавшимъ нѣкоторые стихи и проч. (т. I, стр. 509). Поводы къ составленію подобнаго приговора до того мелки, что разладъ между ними и

непомѣрно торжественными и суровыми заключеніями судьи могъ бы привесть въ недоумѣніе, если бы мы не знали источниковъ этого разлада. Большею частію поводы эти заключаются въ опискахъ и опечаткахъ, которыя въ первомъ систематическомъ изданіи сочиненій Пушкина при разборѣ многочисленныхъ документовъ, до нихъ относящихся, были почти неизбѣжны. Впрочемъ, винить въ легкомысліи г. Ефремова нельзя: онъ зналъ, что̀ дѣлалъ, когда рѣзкостію выраженія надѣялся отвести глаза читателя отъ ничтожества своихъ замѣтокъ и укрыть за ними собственные свои промахи, которые уже менѣе извинительны, чѣмъ погрѣшности первоначальнаго изданія 1855 года. Также точно нельзя вмѣнять ему въ преступленіе и хвастливое возглашеніе на весь читающій русскій міръ о каждой перемѣнѣ въ текстѣ, о каждой незначительной добавкѣ къ нему, какія онъ почелъ за нужное сдѣлать: обязанности редактора были бы очень тяжелы, если бы исполнять ихъ скромно, какъ призваніе. Гораздо менѣе извинительны нѣкоторыя сужденія и афоризмы г. Ефремова, похожія на странности. Такъ, одна мелкая добавка къ раннему лицейскому стихотворенію Пушкина (о лицейскихъ пьесахъ всего болѣе и хлопочетъ г. Ефремовъ) вызвала у него замѣчаніе: «Г. Анненковъ, хотя имѣлъ рукопись, исправленную Пушкинымъ для изданія 1826, но обратилъ вниманіе только на поправки поэта, а не прочелъ всего стихотворенія» (т. I, 516). По этому опредѣленію выходитъ, что г. Анненковъ открылъ секретъ вводить поправки въ стихотворенія поэта, не читая послѣднихъ вовсе. Эта удивительная мысль не просто сорвалась съ языка у г. Ефремова; онъ повторяетъ ее въ различныхъ варіантахъ на разныхъ пунктахъ своихъ примѣчаній: такъ она ему полюбилась. Рядомъ съ нею можно поставить слѣдующій отзывъ. Не находя въ одной пустой стихотворной записочкѣ Пушкина къ пріятелямъ (изъ семи строкъ) послѣдняго стиха, вѣроятно, и не стоявшаго въ рукописи поэта, г. Ефремовъ пеняетъ г. Анненкову, впервые напечатавшему отрывочекъ, почему онъ не упомянулъ о недостающемъ стихѣ (т. I, стр. 553). О чемъ же было упоминать, когда дѣло само по себѣ

представлялось достаточно яснымъ, а надобности въ библіографической болтовнѣ для пущей важности совсѣмъ не требовалось? Правда, что и здѣсь встрѣчается оправданіе для г. Ефремова. Онъ не могъ подавить въ себѣ рвенія бросить еще одинъ лишній разъ злобный укоръ, хотя бы и мало мотивированный, старому изданію 1855 года, которымъ онъ, однакожь, въ теченіе работы, пользовался весьма усердно: платить за услугу оскорбленіемъ, когда рѣчь коснулась этого изданія, сдѣлалось потребностію его нравственной природы. Для удовлетворенія ея онъ оказался способнымъ позабыть на время даже и современную нашу исторію и вотъ что̀ пишетъ по поводу пьесы Пушкина «Пажъ, или пятнадцатилѣтній король», въ которой «нашелъ пропуски, сдѣланные посмертнымъ изданіемъ», прибавляя къ тому: «о чемъ г. Анненковъ, видѣвшій подлинную рукопись, вовсе не упомянулъ, а это, при его обычаѣ постоянно указывать пропуски, сдѣланные самимъ поэтомъ или редакторами посмертнаго изданія и постоянно же умалчивать о цензурныхъ исключеніяхъ, даетъ поводъ полагать, что строфы эти не явились по особымъ причинамъ» и т. д. Можно подумать, что въ 1853—1854 годахъ, когда изготовлялось старое изданіе, молчаніе о цензурныхъ исключеніяхъ исходило просто изъ обычая, усвоеннаго редакторомъ, и зависѣло отъ его доброй воли! Но стоило ли думать о подобныхъ мелочахъ?

Критическій анализъ различныхъ редакцій пушкинскаго текста замѣчателенъ еще у г. Ефремова и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Ни у одного комментатора произведеній знаменитыхъ авторовъ нельзя найти столько игривости, такого расположенія къ шуткѣ и фельетонной шалости. Обширная сѣть цитатъ, выписокъ, поправокъ его вся пропитана, за малыми исключеніями, блестками сомнительнаго остроумія, фальшивой ироніи. Онъ умѣетъ высказывать длинныя замѣчанія тономъ водевилиста и можетъ быть по справедливости названъ творцомъ новаго рода увеселительной библіографіи. Повидимому, пріемы эти ему были нужны въ видѣ вознагражденія читателя за пустоту многихъ его соображеній. Нужно ли, напримѣръ, г. Ефремову указать на ошибку

извѣстнаго библіографа В. П. Гаевскаго, полагавшаго, что одна эпиграмма дяди нашего поэта Василія Львовича Пушкина имѣла въ виду знаменитаго его племянника Александра Сергѣевича Пушкина, г. Ефремовъ дѣлаетъ свое указаніе въ слѣдующей формѣ: «Сомнительно, чтобы Вас. Льв. (Пушкинъ—дядя), могъ написать эпиграмму на неродившагося еще племянника, ибо она напечатана въ 3-й книгѣ Аонидъ на 1799, а поэтъ родился только въ маѣ этого года» (т. II, стр. 430). Это прелестное «сомнительно» окрашиваетъ простую замѣтку въ пріятный ругательный цвѣтъ. Въ другой разъ, по поводу шуточной пьесы Пушкина «Ода графу Хвостову», редакторъ безъ всякой причины и какой-либо связи съ произведеніемъ бросаетъ комокъ грязи въ г. Гербеля, издателя Шиллера и Шекспира въ русскихъ переводахъ (т. I, стр. 569). И сколько такихъ юмористическихъ блестокъ разбросано г. Ефремовымъ по всѣмъ частямъ и составамъ его труда! Зачѣмъ все это, и главное, у мѣста ли въ изданіи классическаго писателя?

Роли редактора произведеній великаго отечественнаго дѣятеля г. Ефремовъ совсѣмъ не понимаетъ. Онъ перенесъ въ строгую область библіографическихъ и филологическихъ изслѣдованій говоръ пріятелей, личныя свои предрасположенія и проч., безцеремонно перемѣшавъ все это съ прямою своею задачей—возстановленія правильнаго чтенія пушкинскихъ произведеній. Онъ точно обрадовался возможности показать себя въ качествѣ публициста, умѣющаго постоять за свои опредѣленія, хотя бы и подсказанныя капризомъ мысли. На почвѣ сравнительной критики текстовъ и подъ покровомъ великаго имени художника идетъ у него мутная волна какихъ-то страстей и разсчетовъ. У подножія величаваго образа Пушкина раздаются задорные крики, шумъ полемическихъ гиперболъ, неумѣренныхъ словъ, которыя возбуждаютъ невольно вопросъ: въ чемъ же состояла цѣль новаго изданія—въ добросовѣстномъ ли поясненіи пушкинскихъ текстовъ, или въ доставленіи средствъ развернуться на просторѣ безцеремонному балагурству его редактора?

Въ числѣ пріемовъ, употребляемыхъ г. Ефремовымъ, слѣ-

дуетъ сказать еще нѣсколько словъ объ упомянутомъ уже выше постоянномъ его обычаѣ возводить въ литературныя преступленія простые типографскіе недосмотры, явныя описки, иногда спорную разстановку запятыхъ (т. I, стр. 515, 516). Разсчетъ вѣренъ: чѣмъ страшнѣе покажется вина, тѣмъ почетнѣе сдѣлается ея обличеніе. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ г. Ефремовъ встрѣчаетъ промахъ, часто требующій одной черты карандаша для полнаго исправленія своего, онъ торопится принять внушительную позу спасителя пушкинской мысли, мстителя за нанесенное ей оскорбленіе, хотя дѣло обыкновенно идетъ о словахъ, буквахъ, перестановкѣ фразъ и т. п. Ревность о чистотѣ текста служитъ тутъ предлогомъ для тщеславной потѣхи. Редакторъ устроиваетъ себѣ нѣчто подобное судейской каѳедрѣ, съ высоты ея судитъ весь литературный міръ и всѣ публикаціи о Пушкинѣ за ихъ корректурныя, орѳографическія и издательскія прегрѣшенія. Но самая большая часть суровыхъ приговоровъ редактора опять-таки падаетъ на долю стараго изданія Пушкина 1855 года; поэтому мы и осуждены поневолѣ безпрестанно обращаться къ его толкованіямъ на изданіе 1855 года, такъ какъ въ нихъ-то именно заключаются наиболѣе крупные перлы его комментаторской дѣятельности.

Въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» 1855 года г. Анненковъ приводитъ цитату въ четыре стиха изъ превосходнаго стихотворенія «Наперсница волшебной старины», имъ же и найденнаго и впервые опубликованнаго. Къ сожалѣнію, второй стихъ цитаты онъ, по недосмотру, написалъ такъ: «Мой юный умъ напѣвами плѣнила» вмѣсто: «Мой юный слухъ...», какъ слѣдовало бы и какъ значится дѣйствительно въ пьесѣ, цѣликомъ приводимой черезъ нѣсколько страницъ г. Анненковымъ въ тѣхъ же своихъ «Матеріалахъ». Ошибка въ цитатѣ даетъ г. Ефремову случай показаться въ полномъ блескѣ библіографической эрудиціи своей и приступить къ довольно забавному слѣдственному процессу. Онъ задается вопросомъ: не было ли двухъ списковъ стихотворенія, и порѣшивъ его отрицательно, переходитъ къ главному пункту обвиненія: «Кромѣ того, г. Ан-

ненковъ, повидимому, плохо читалъ или плохо переписывалъ рукописи поэта для изданія, потому что нерѣдко одно и то же стихотвореніе воспроизводилось въ разныхъ мѣстахъ изданія въ разныхъ же видахъ» (I, 509). И затѣмъ слѣдуетъ указаніе ошибки. Какимъ образомъ на примѣрѣ одной погрѣшности въ цитатѣ изъ четырехъ стиховъ, отъятой отъ пьесы, имѣющей ихъ 26, г. Ефремовъ могъ придти къ заключенію, что старое изданіе 1855 года печатало цѣльныя стихотворенія, съ одного и того же списка, разно въ различныхъ мѣстахъ, — не надо спрашивать: все это только средство разыграть, подъ прикрытіемъ якобы серьезнаго труда, комедію скандальнаго характера. Можно только пожалѣть, что она дается на страницахъ, посвященныхъ дѣятельности геніальнаго русскаго человѣка. Такихъ фальшфейеровъ библіографической эрудиціи, освѣщающихъ пустоту, у г. Ефремова множество. Еслибы разобрать всю массу примѣчаній, собранныхъ имъ только въ двухъ первыхъ томахъ своего изданія, можно бы удивить читателя тою долей натянутости толкованій, искусственныхъ выводовъ изъ самыхъ простыхъ данныхъ и посылокъ, какую они заключаютъ въ себѣ. Къ счастію его, подобная, столь же обширная, сколько и безполезная работа не скоро найдетъ охотниковъ. Добраться въ указаніяхъ и замѣткахъ г. Ефремова до истиннаго значенія фактовъ, заняться извлеченіемъ изъ этой груды всякихъ существенныхъ и пустыхъ подробностей какого-либо серьезнаго матеріала для исторіи нашей печати представляется дѣломъ въ высшей степени труднымъ. Кажется, что г. Ефремовъ даже и разсчитывалъ на эту трудность и на сопряженную съ нею относительную безотвѣтственность для себя.

Иногда преувеличенія его и непониманіе прямого смысла того, что̀ онъ читаетъ, по истинѣ поразительны. Тотъ же составитель «Матеріаловъ для біографіи Пушкина» касается въ одномъ позднѣйшемъ своемъ трудѣ извѣстнаго общества «Зеленой лампы», членомъ котораго состоялъ одно время нашъ поэтъ, и опредѣляетъ общество это, какъ простое о р г і а ч е с к о е, не имѣвшее никакой политической окраски,

занимавшееся преимущественно театральными дѣлами и устроивавшее у себя пиры и зрѣлища далеко не цѣломудреннаго характера. Опредѣленіе это не понравилось г. Ефремову и отразилось въ его умѣ и пониманіи слѣдующимъ образомъ: «...Анненковъ неосновательно свелъ (общество «Зеленой лампы») на степень развратно-грязнаго и шутовскаго, смѣшавъ его даже съ татариновской сектой» (прим. 1, т. I, 559). Ничего подобнаго не дѣлалъ г. Анненковъ, но что̀ нужды? Надо же помѣстить напередъ изготовленное, крѣпкое слово на предназначенное ему заранѣе мѣсто. Въ тѣхъ случаяхъ, когда по отсутствію документовъ и предлога къ употребленію такого слова оно становится затруднительнымъ, г. Ефремовъ прибѣгаетъ къ восклицательнымъ и вопросительнымъ знакамъ. Въ этомъ родѣ весьма замѣчательна пара знаковъ удивленія, пристегнутая имъ къ словамъ г. Анненкова о кишиневскомъ посланіи поэта, 1821 года, В. Л. Давыдову. Одна часть посланія, имъ же г. Анненковымъ и найденнаго въ бумагахъ поэта, была приведена имъ въ статьѣ о Пушкинѣ («Вѣстникъ Европы» 1874 г., № 1), а отъ сообщенія другой біографъ отказался, ограничившись передачей стиховъ, гдѣ поэтъ извѣщаетъ о своемъ говѣніи у Инзова, и замѣнилъ все слѣдовавшее затѣмъ словами: «и такъ далѣе до послѣднихъ предѣловъ глумленія». Передавая эти строки г. Анненкова, г. Ефремовъ сопровождаетъ ихъ двумя знаками восклицанія въ скобкахъ (т. I, стр. 553). Что̀ означаютъ они, какому движенію мысли г. Ефремова призваны отвѣчать? Сомнѣвается ли онъ въ томъ, что въ минуты страсти поэтъ могъ нисходить до глумленія надъ очень важными предметами,—на это есть свидѣтельства, которыя г. Ефремовъ лучше знаетъ, чѣмъ кто-либо другой,—или г. Ефремовъ негодуетъ на непочтительное обозначеніе словомъ «глумленіе» произведеній такого рода, какъ вышеупомянутое посланіе В. Л. Давыдову? Не легко понять редактора новаго изданія въ роли защитника, какъ и въ роли обвинителя. Но все это еще бездѣлица въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ является въ другихъ мѣстахъ подъ перомъ редактора новаго изданія.

Привычка подмѣнять мысли и намѣренія, встрѣчаемыя у авторовъ, тѣми, которыя приходятся болѣе по вкусу самого редактора, должна была довести его до неблагонадежныхъ заявленій. Примѣръ такого печальнаго результата библіографическихъ розысканій г. Ефремова мы видимъ въ примѣчаніи, которымъ онъ сопровождаетъ два знаменитыхъ посланія Пушкина «Къ цензору». Выписываемъ существенную его часть цѣликомъ: оно даетъ образчикъ всей манеры г. Ефремова относиться къ своей задачѣ редактора.

«Два посланія цензору», говоритъ онъ, — ...«въ сокращенномъ видѣ явились въ VII т. изданія г. Анненкова, который имѣлъ мужество заявить, что они подъ его рукою стали лучше, ибо очищены имъ: «Очищенныя отъ намековъ, касавшихся современныхъ поэту лицъ и событій, они теряютъ всякій признакъ сатирическаго или полемическаго направленія и только могутъ служить образцомъ строгаго и высокаго пониманія одного изъ важнѣйшихъ общественныхъ служеній». Дѣйствительно, мы видѣли цензурную рукопись VII тома и не нашли въ этихъ стихотвореніяхъ ни одного цензурнаго исключенія, такъ что вся честь очистки принадлежитъ г. Анненкову, который и заглавіе имъ далъ «Посланій къ Аристарху...» (I, стр. 572).

Читатель уже догадывается, чего надо ожидать въ концѣ отъ позорнаго обвиненія. По справкѣ, наведенной нами въ VII томѣ изданія г. Анненкова, нѣтъ не только ничего похожаго на заявленіе, что оба великолѣпныя посланія сдѣлались еще лучше отъ выпусковъ, въ нихъ произведенныхъ, но нѣтъ еще и признака нити, которая давала бы возможность связать слова г. Анненкова съ тѣмъ толкованіемъ ихъ, которое представилъ г. Ефремовъ. Редакторъ стараго изданія 1855—1857 годовъ очень сдержанно говорилъ въ своемъ примѣчаніи къ обоимъ посланіямъ Пушкина, которыя онъ первый и успѣлъ провести въ печать: «Рѣшаемся представить публикѣ эти два посланія, писанныя въ Михайловскомъ уединеніи 1824 года и хорошо извѣстныя почитателямъ нашего поэта. Очищенныя отъ намековъ, касавшихся современныхъ поэту лицъ»... и такъ далѣе, какъ въ цитатѣ

г. Ефремова. Тутъ, очевидно, выступаетъ намѣреніе успокоить враждебныя силы, мѣшавшія до того появленію стихотвореній въ печати, и успокоить ихъ указаніемъ на выпуски,—но гдѣ же хвастовство искаженіемъ текста, будто бы произведеннымъ редакторомъ съ цѣлію его улучшенія? Мужество, о которомъ говоритъ г. Ефремовъ, гораздо болѣе проявляется у него самого, когда онъ находитъ возможность приписать подобныя намѣренія г. Анненкову. Нельзя требовать, чтобы г. Ефремовъ помнилъ, съ какими условіями печати, теперь уже неизвѣстными современнымъ писателямъ, боролся прежній издатель, но одно обстоятельство могло бы, кажется, остановить его вниманіе. Въ томъ же VII-мъ томѣ стараго изданія потребовалось замѣщеніе полныхъ именъ гг. Булгарина и Греча одними иниціалами Б. и Г. въ памфлетѣ Пушкина «Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Б. и о прочемъ», хотя ихъ полныя имена красовались уже на страницахъ журнала «Телескопъ», гдѣ памфлетъ былъ впервые помѣщенъ. Не скажетъ же г. Ефремовъ, что и это измѣненіе произошло по иниціативѣ и вслѣдствіе тайнаго предрасположенія издателя къ этимъ почетнымъ лицамъ прежней русской журналистики? Впрочемъ, почему бы ему и не сказать этого послѣ всего, что̀ мы уже отъ него слышали? Странно только, что литераторъ, хвастающійся знакомствомъ съ мельчайшими явленіями старой періодической нашей печати, не знаетъ исторіи ея за послѣднее, ближайшее къ намъ время. Сохрани онъ какое-либо понятіе о ней, онъ, можетъ быть, не сталъ бы удивляться, что посланія «Къ цензору» не могли предстать на судъ къ наслѣднику и преемнику того же самаго цензора, о которомъ въ нихъ говорится, подъ своимъ настоящимъ заглавіемъ и потребовали его измѣненія въ посланія «Къ Аристарху». Можетъ статься, онъ понялъ бы также, что произведенные выпуски изъ посланій сдѣланы по указаніямъ цензурной администраціи, видѣвшей въ этихъ образцовыхъ произведеніяхъ глубокомысленнаго, патріотическаго и **консервативнаго** характера, не болѣе какъ противоправительственную сатиру. Что касается до типографской тетрадки, съ которой печа-

тался VII-й томъ стараго изданія, и въ которой г. Ефремовъ не нашелъ цензурныхъ помарокъ, то онѣ не могли тамъ встрѣтиться послѣ предварительнаго соглашенія съ вѣдомствомъ о печати на счетъ формы, какую слѣдовало придать обѣимъ пьесамъ для полученія права явиться на свѣтъ. Послѣ всего сказаннаго спрашивается: имѣлъ ли г. Ефремовъ поводъ и основаніе къ дикому обвиненію?.. Оскорбительно и печально встрѣчаться съ подобными явленіями при разборѣ изданія сочиненій Пушкина!

Переходимъ къ самимъ этимъ сочиненіямъ, то-есть, къ плану, принятому г. Ефремовымъ для распредѣленія произведеній Пушкина въ изданіи. Въ видѣ нововведенія онъ отбросилъ прежнюю общепринятую редакторскую систему расчленять громадный литературный матеріалъ, оставленный Пушкинымъ, на его естественные, такъ сказать, очевидные безспорные отдѣлы въ родѣ отдѣла стихотвореній, поэмъ и драмъ и предпочелъ другую, состоящую въ печатаніи сплошь подъ однимъ годомъ, не разбирая формы произведеній, всего, что̀ въ этотъ годъ было создано поэтомъ. Въ принципѣ строгая хронологическая послѣдовательность не можетъ встрѣтить возраженій, но она имѣетъ тоже свои границы. Редакторъ долженъ былъ подумать о послѣдствіяхъ и неудобствахъ, какія встрѣтятся при ея абсолютномъ приложеніи къ дѣлу. И старыя изданія, принявшія раздѣленіе произведеній Пушкина на большія группы, ни мало не нарушали хронологическаго порядка, принятаго ими за основу своихъ изданій, а только облегчали читателю способъ классифицировать огромную, многостороннюю дѣятельность поэта и легче отдавать себѣ отчетъ въ ней. Здѣсь видимъ совсѣмъ другое. Прежде всего система редактора не выдержана вполнѣ во всѣхъ частяхъ изданія, да и не могла быть выдержана. Для этого слѣдовало бы, руководясь однимъ хронологическимъ принципомъ, рѣшиться на помѣщеніе рядомъ съ стихотворными произведеніями Пушкина и произведеній его въ прозѣ, перерѣзать лирическія пьесы разсказами, повѣстями, трактатами, написанными въ одинъ годъ съ ними, а потомъ начинать снова, подъ слѣдующими годами, тотъ

же пестрый полонезъ изъ всѣхъ произведеній, стоящихъ на очереди въ данный моментъ. Передъ этимъ результатомъ своей системы отступилъ и редакторъ, допустивъ особый отдѣлъ прозы Пушкина. Въ самомъ зачисленіи нѣкоторыхъ поэмъ въ ряды пьесъ одного точно опредѣленнаго года уже есть несообразность: многія изъ нихъ, какъ «Русланъ», «Евгеній Онѣгинъ», «Мѣдный Всадникъ», «Галубъ», писались авторомъ нѣсколько лѣтъ сряду, и объявлять ихъ ровесниками какихъ бы то ни было другихъ произведеній значитъ погрѣшать неточностію, которую такъ преслѣдуетъ редакторъ вездѣ, гдѣ ее находитъ или гдѣ ее предполагаетъ. Но главная ошибка этого плана заключается въ томъ, что по милости его смѣшеніе важнаго съ неважнымъ, высокохудожественнаго созданія съ шуткой и бездѣлкой, не позволяетъ читателю укрѣпиться въ одномъ художественномъ настроеніи. Для того, чтобы понять, какое противоэстетическое впечатлѣніе производитъ это нагроможденіе пьесъ, различныхъ по формѣ, въ одну кучку и другъ на дружку, достаточно указать, что подъ 1825 годомъ хроника «Борисъ Годуновъ», начатая, какъ извѣстно, еще ранѣе, помѣщается рядомъ съ «Графомъ Нулинымъ», что тотчасъ же за «Полтавою» слѣдуетъ пародія: «Ты помнишь ли, ахъ, ваше благородье», что подъ 1829 годомъ поэма «Галубъ» красуется между двумя альбомными стишками и т. д. Какъ бы для довершенія смуты и путаницы, редакторъ присоединилъ еще къ пушкинскому тексту новооткрытыя эпиграммы, памфлетныя выходки, частныя развязныя записочки и легкія импровизаціи поэта, которыя г. Ефремовъ, за неимѣніемъ никакого другого новаго и серьезнаго матеріала подъ рукой, выдаетъ за важныя пріобрѣтенія и помѣщаетъ въ сосѣдство со всѣми высокими проявленіями пушкинскаго генія. Послѣдствія этихъ распорядковъ отразились на изданіи тѣмъ, что оно пріобрѣло въ двухъ еще первыхъ своихъ частяхъ видъ какого-то огромнаго складочнаго магазина, какіе бываютъ у оптовыхъ торговцевъ, гдѣ до предметовъ первостепенной цѣнности надо добираться черезъ груду остатковъ, не додѣланныхъ или испорченныхъ вещей мастера.

Остановимся на этихъ новыхъ пріобрѣтеніяхъ. Если дурно понятый принципъ хронологическаго порядка въ изданіи привелъ редактора къ такому неудовлетворительному результату, то другой и тоже дурно понятый принципъ достиженія наивозможно большей полноты въ изданіи надѣлалъ ему пущихъ бѣдъ. Редакторъ не подумалъ, что полнота полнотѣ рознь, и бываетъ не только не желательная, но и положительно вредная полнота для сборниковъ, та именно, которая способна помрачить установленный, всѣми признанный ликъ писателя или дать ему другое выраженіе, чѣмъ обыкновенно носимое имъ или приписываемое ему,—развѣ только это измѣненіе нравственной физіономіи автора входитъ въ намѣренія самого издателя и составляетъ цѣль его сборника. Но безъ такого намѣренія перехватывать каждое слово, пущенное на вѣтеръ поэтомъ въ минуту искусственнаго воодушевленія и записанное его неразборчивыми друзьями, слѣдить за каждою его застольною импровизаціей, заниматься, какъ важнымъ дѣломъ, каждою минутною, нецеремонною его шуткой, все это уже представляется заблужденіемъ страстнаго библіографа, но не дѣломъ эстетическаго вкуса и пониманія. Нѣтъ сомнѣнія, что увлеченія, порывы и уклоненія Пушкина отъ прямой своей дороги, въ которыхъ онъ такъ часто раскаявался при жизни, должны были найти себѣ мѣсто въ собраніи его сочиненій, но не иначе, какъ отдѣленные отъ цикла созданій, стяжавшихъ ему славное имя, и не иначе, какъ въ видѣ паразитовъ, открытыхъ на свѣтломъ фонѣ его поэзіи, и съ цѣлью поучительнаго примѣра. Здѣсь мы видимъ совсѣмъ другое. Благодаря не обдуманному исканію полноты, редакторъ принялъ ихъ въ составъ изданія на однихъ правахъ съ самыми возвышенными произведеніями поэта, какъ бы признавая въ этихъ случайныхъ ошибкахъ его генія одну изъ принадлежностей его творчества [1]).

---

[1]) Старое изданіе 1855 года поступило гораздо осторожнѣе, принявъ за правило относить къ концу года эпиграммы, записочки, шутки Пушкина, написанныя въ теченіе его.

Какъ бы ужаснулся самъ Пушкинъ, если бы могъ предчувствовать при своей жизни, что наступитъ время, когда каждая строка, сбѣжавшая съ его пера и имъ позабытая, каждое слово, сорвавшееся съ языка и преданное имъ забвенію, предстанутъ снова на свѣтъ безъ поясненій, часто даже обезображенныя поправками, и притомъ въ видѣ добавки къ его жизненному подвигу!.. Извѣстно, что Пушкинъ самъ записалъ въ тетрадяхъ своихъ нѣкоторые очень рѣзкіе и яркіе проблески своей пылкой, увлекающейся природы, и записалъ, видимо, съ цѣлью сохранить передъ глазами для будущихъ лѣтъ всю прошлую свою жизнь во всей ея наготѣ. Впослѣдствіи онъ черпалъ изъ этой скорбной хроники потрясающіе мотивы для стихотвореній, въ которыхъ слышался вопль раскаянія, да вѣроятно, при болѣе долгой жизни, разсказалъ бы по той же хроникѣ и всѣ болѣзни и страданія своей души, съ ея паденіями и возвращеніями къ свѣту, въ поученіе современникамъ и потомству. Наша задача, какъ ближайшихъ его потомковъ, совсѣмъ другая; мы не можемъ слѣдовать примѣру Пушкина и приводить печальные документы его жизни просто какъ документы, не освѣщая ихъ мыслію и оцѣнкой обстоятельствъ и среды, изъ которыхъ они выросли. Зная уже теперь вполнѣ нравственную сущность великаго человѣка, всѣ психическіе элементы, образовавшіе его личность, всѣ благородныя стремленія его души и непогрѣшимую чистоту всѣхъ его мыслей и поэтическихъ замысловъ, мы имѣемъ право и должны сказать, что тѣ низменныя проявленія раздраженнаго, буйнаго и скандалезнаго творчества, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, Пушкину не принадлежатъ въ обширномъ смыслѣ слова, хотя бы отъ нихъ остались несомнѣнные автографы, хотя бы они были записаны собственною его рукой на страницахъ его тетрадей. Они не выражаютъ ни настоящей его природы, ни его развитія, ни даже подлиннаго его настроенія въ минуту, когда были писаны. Они ничѣмъ не связаны съ его дѣйствительною мыслью, не имѣютъ корней во внутреннемъ его мірѣ, не отвѣчаютъ никакой склонности его ума или сердца. Всѣ они суть дѣтища броженія и замашекъ его времени, должны

считаться эхомъ того говора и шума толпы, которая слѣдила за нимъ по пятамъ всю жизнь, произведеніями таланта, невѣрнаго самому себѣ, совѣсти, измѣнившей собственнымъ своимъ началамъ. Почетъ, оказанный имъ новымъ редакторомъ, принявшимъ ихъ за серьезныя произведенія пушкинской музы, есть одна изъ самыхъ крупныхъ ошибокъ изданія.

А почетъ оказанъ, дѣйствительно, не малый. Г. Ефремовъ нашелъ возможнымъ ввести въ пантеонъ пушкинской поэзіи такія пьесы, какъ «Платонизмъ», «Еврейкѣ», «Сиротка», «Иной имѣлъ мою Аглаю», «Городъ Кишиневъ», присоединивъ къ нимъ шутки, эпиграммы, записочки въ родѣ «Съ позволенія сказать», «Отъ всенощной вечоръ идя домой», «Дѣдушка игуменъ», «Эпитафія духовнику», «Пародія», «Княжнѣ Хованской» и проч. Нѣкоторыя изъ нихъ онъ подвергъ исправленіямъ, которыя потомъ сдѣлались притчей у фельетонной нашей печати (и напрасно, скажемъ мы отъ себя: передѣлки эти, каковы бы ни были, все-таки свидѣтельствуютъ о сохранившихся еще остаткахъ уваженія къ публикѣ); а въ другихъ замѣнилъ особенно рѣзкія слова и стихи точками,—но поправленныя и оставленныя съ одними пропусками одинаково отдаютъ крѣпкимъ букетомъ литературнаго скандала. Перенося ихъ изъ рукописныхъ частныхъ сборниковъ и школьныхъ тетрадокъ добраго стараго времени прямо на страницы своего изданія, посвященныя пушкинскому тексту, редакторъ не подумалъ, что всѣ старанія его замаскировать ихъ содержаніе тѣмъ или другимъ способомъ только увеличиваютъ соблазнъ и силу ядовитыхъ ихъ намековъ. Разбирать смыслъ этихъ произведеній по чертамъ, какія они сохранили еще на себѣ, просто значитъ упражняться въ неблагопристойностяхъ. Но если уже дѣло сдѣлано, то возникаетъ другой вопросъ: почему не воспользовались гостепріимствомъ редактора всѣ другія пьесы Пушкина того же рода, которыя стоятъ еще за вышеприведенными и имѣютъ право завидовать своимъ собратамъ-близнецамъ, удостоеннымъ чести занять мѣсто въ собраніи избранныхъ пушкинскихъ стихотвореній? Билетъ на входъ тоже принадлежалъ имъ по праву и во имя великаго прин-

ципа полноты. Вѣдь передѣлывать ихъ и проводить, на сколько то возможно, въ порядочный видъ, требуемый печатью, было не труднѣе, чѣмъ при туалетѣ ихъ предшественниковъ. Но тутъ мы встрѣчаемся съ необъяснимою загадкой: загадки всегда являются въ дѣятельности человѣка, который лишенъ яснаго представленія цѣлей, къ которымъ идетъ. Отъ одной части этихъ пьесъ, оставленной за порогомъ изданія, редакторъ отдѣлывается голословнымъ и весьма спорнымъ валовымъ приговоромъ, по которому онѣ будто бы Пушкину не принадлежатъ. Знатоки русской потаенной литературы, видѣвшіе списокъ отверженныхъ имъ пьесъ, который приложенъ былъ въ «Русской Старинѣ» къ самому объявленію о выходѣ въ свѣтъ новаго изданія (!) («Русская Старина» 1880, т. XXVIII, іюль, стр. 590), замѣтили однако же, что приложить списокъ не значитъ еще приложить и доказательство, и что существуютъ сильные поводы сомнѣваться въ точности этого циническаго реестра. Какъ бы тамъ ни было, но исключивъ, по своему усмотрѣнію, недостовѣрныя циническія эпистолы и проч., редакторъ добродушно принялъ въ составъ изданія нѣкоторыя подобныя имъ и уже завѣдомо Пушкину не принадлежащія, въ чемъ и принужденъ былъ сознаться. Такъ-то обманчива, ненадежна и подвижна болотная почва секретныхъ литературныхъ грѣховъ, на которую съ легкимъ сердцемъ вступилъ нашъ библіографъ, думая отыскать на ней матеріалы для сообщенія сборнику сочиненій Пушкина еще небывалой у насъ полноты. Въ погонѣ за этимъ пустымъ призракомъ г. Ефремову удалось только представить зрѣлище, по истинѣ рѣдкое даже и въ лѣтописяхъ русскаго книгопечатанія, прославившагося, какъ извѣстно, своимъ неряшествомъ. Словно по приговору какой-то Немезиды является у г. Ефремова рядъ невольныхъ противорѣчій и промаховъ, покрупнѣе всѣхъ тѣхъ, которымъ онъ посвятилъ въ своихъ примѣчаніяхъ самыя желчныя, грубыя слова, какія только у него находились въ распоряженіи. Приписавъ неосновательно Пушкину безобразную балладу «Тѣнь Баркова», онъ прибѣгаетъ къ вырѣзкѣ страницы, на которой красовалось это стихотвореніе, и забываетъ, къ удивленію, исключить

въ примѣчаніи и въ алфавитѣ ссылку на него и на страницу, уже не существующую, гдѣ оно было приведено (т. I, стр. 511 и 576). Въ другой разъ онъ публично предувѣдомляетъ читателей о точно такой же вырѣзкѣ и по тому же поводу произведенной имъ въ какомъ-то томѣ, прося ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ перепутанные листы этого же тома съ прозаическимъ текстомъ Пушкина обмѣнивать на другіе болѣе правильные, заготовленные ad hoc («Новое Время» 1880 г.). Но все это, повторяемъ, можетъ считаться еще мелочью въ сравненіи съ тѣмъ, что добытые съ такими жертвами и катастрофами блеклые цвѣты пушкинской секретной производительности редакторъ вплелъ въ одинъ вѣнокъ съ самыми роскошными, чистыми, благоуханными цвѣтами не умирающей его поэзіи. Такъ, соблазнительныя пьесы: «Олинькѣ Масонъ» и «Платонизмъ» идутъ руку объ руку съ художественными антологическими: «Дорида», «Доридѣ»; за непристойною «Къ Еврейкѣ» слѣдуетъ, черезъ одно стихотвореніе, «Наполеонъ»; вдохновенное «Къ Овидію» соприкасается, поверхъ двухъ маленькихъ отрывковъ, съ циническою «Иной имѣлъ мою Аглаю», и вообще контрасты, рѣжущіе глаза, встрѣчаются безпрестанно въ изданіи и составляютъ его отличительный характеръ.

Могутъ сказать однако: такъ было и въ жизни поэта, полной контрастами, и редакторъ не виноватъ, когда по деспотическому указанію цифръ годовъ свелъ ихъ вмѣстѣ и поставилъ другъ противъ друга. Въ томъ и дѣло, что такъ не было въ жизни, что между Пушкинымъ, писавшимъ «Подражанія Корану», и тѣмъ же Пушкинымъ, чертившимъ «Дѣдушка игуменъ», лежитъ гораздо болѣе пространства и времени, хотя они и принадлежатъ къ одному году, чѣмъ показываетъ хронологическій сборникъ, гдѣ они раздѣлены одною секундой, нужною чтецу для перехода отъ произведенія къ произведенію, почему и кажутся какъ бы слитными, да въ добавокъ и написаны-то они двумя разными Пушкиными, не имѣющими ничего общаго между собою. Одинъ изъ нихъ, именно тотъ, котораго силится воскресить г. Ефремовъ, намъ вовсе чуждъ и носитъ извѣстную физіо-

номію своего времени, общую его сверстникамъ, какъ выдающимся изъ толпы, такъ и тѣмъ, которые ничѣмъ не отмѣтили своего существованія на землѣ. Только другой Пушкинъ, тотъ, который признанъ единогласно воспитателемъ русскаго общества, мощнымъ агентомъ его развитія и объяснителемъ духовныхъ силъ, присущихъ народу, только этотъ намъ и нуженъ, а о его двойникѣ намъ достаточно общей характеристики, нѣсколькихъ сохранившихся о немъ преданій да отмѣтки тѣхъ нравственныхъ чертъ и особенностей, которыя составляли уже общее достояніе обоихъ видовъ Пушкина. Важное поученіе для современниковъ нашихъ, конечно, несетъ съ собою и этотъ второй, побочный, такъ сказать, типъ нашего поэта, если его изучить съ надлежащей политической и этической точки зрѣнія; но цѣнить его бесѣду на равнѣ съ тою, которая исходила отъ настоящаго, великаго Пушкина, мы уже не можемъ, а потому и ставить ихъ рядомъ кажется намъ болѣе чѣмъ ошибкой. Кто же, кромѣ дѣтей, будетъ заниматься тѣнью, бросаемою человѣкомъ, когда передъ нимъ стоитъ самъ человѣкъ, и притомъ какой! Въ предисловіи къ своему изданію г. Ефремовъ выражаетъ сожалѣніе, что не имѣлъ въ рукахъ рукописей поэта, но мы готовы признать это обстоятельство за большое счастіе для русской публики и литературы. Что̀ бы сталось съ нравственнымъ образомъ Пушкина, если бы всѣ откровенія, содержащіяся въ рукописяхъ, достигли до насъ въ комментаріяхъ г. Ефремова и черезъ посредство того способа относиться къ предметамъ изслѣдованія, который имъ усвоенъ! Мы получили бы, конечно, не изображеніе Пушкина, а кое-что другое, подъ его именемъ...

Крайнее непониманіе поэта, за изданіе котораго онъ принялся, г. Ефремовъ обнаружилъ съ особою силой въ ужасѣ и негодованіи по случаю двойныхъ числовыхъ помѣтокъ, встрѣчающихся на рукописяхъ и стихотвореніяхъ Пушкина. Онъ пишетъ горячую діатрибу противъ стараго изданія 1855 года, указавшаго нѣсколько примѣровъ такихъ двойственныхъ помѣтокъ, и обвиняетъ за нихъ его редактора, не досмотрѣвшаго явныхъ противорѣчій въ ихъ циф-

рахъ. Не довольствуясь помѣщеніемъ діатрибы въ своемъ изданіи (т. I, стр. 509), г. Ефремовъ пересылаетъ ее еще въ «Русскую Старину», гдѣ она любезно принимается составителемъ біографическаго очерка А. С. Пушкина, который отводитъ ей мѣсто въ одномъ изъ своихъ примѣчаній («Русская Старина» 1880, іюнь, стр. 320). Но этотъ монологъ г. Ефремова, на обличительную силу котораго онъ такъ надѣялся, сослужилъ ему предательскую службу: онъ разоблачилъ его собственное непониманіе особенностей творческой производительности Пушкина и подтвердилъ съ непререкаемою очевидностью, что для настоящаго понимания мало одного собранія и знанія библіографическихъ мелочей, ограниченныхъ, такъ сказать, произведеній русской словесности, примѣтъ и внѣшняго вида ея главныхъ памятниковъ и проч. Далѣе этого не идетъ редакторъ новаго сборника. Не говоря уже о странности предположенія, что редакторъ стараго изданія 1855 года могъ выдумать помѣтки Пушкина, имъ приводимыя, на что̀ намекаютъ ироническія слова г. Ефремова: «въ однѣхъ и тѣхъ же рукописяхъ онъ вычиталъ разныя указанія» (Русская Старина», ib.),—но какъ было не остановиться передъ тѣмъ фактомъ, что этотъ редакторъ постоянно и съ необъяснимымъ упорствомъ проводитъ несходныя числовыя помѣтки Пушкина, которыя иногда расходятся между собою только двумя-тремя днями? Такъ, при «Полтавѣ» свидѣтельствуется о двухъ пушкинскихъ помѣткахъ—27-е и 29-е октября, при стихотвореніи «Клеветникамъ Россіи»—2-е и 5-е августа, при пьесѣ «Разставаніе»—5-е и 8-е октября и т. д.; чѣмъ же можетъ объясняться эта настойчивость въ показаніяхъ? Ошибаться сплошь, безпрерывно врядъ ли возможно и самому вѣтреному человѣку. Можетъ статься, что г. Ефремовъ и не написалъ бы своей патетической діатрибы, если бы принялъ въ соображеніе общеизвѣстный, много разъ разслѣдованный и утвержденный фактъ, что Пушкинъ удостоивалъ числовыми помѣтками всѣ случаи и обстоятельства, сопровождавшіе какой-либо изъ его трудовъ. Онъ отмѣчалъ начало почти каждаго своего созданія и конецъ его, также какъ начало и конецъ его переписки на-бѣло,

весьма часто и поправку, сдѣланную въ немъ, иногда даже время первой мысли о произведеніи. Поэтъ, видимо, имѣлъ намѣреніе сберечь про себя и для дальнѣйшихъ цѣлей своихъ память о малѣйшихъ подробностяхъ своей творческой дѣятельности, подобно тому, какъ для автобіографіи онъ записывалъ каждую свою мысль безъ разбора, о чемъ уже было упомянуто. Знай это г. Ефремовъ, онъ не удивился бы, встрѣтивъ разныя числовыя помѣтки, которыя и не могли быть схожи, относясь къ различнымъ моментамъ и случаямъ производства стихотвореній, и не пришелъ бы въ забавное негодованіе. Гораздо болѣе правъ на удивленіе заслуживаетъ то, что г. Ефремовъ, пользовавшійся широко старымъ изданіемъ 1855 года для существенной, объяснительной части своихъ примѣчаній, не пожелалъ на этотъ разъ обратиться къ нему за полученіемъ недостающихъ свѣдѣній о литературныхъ пріемахъ и привычкахъ Пушкина. Тамъ онъ нашелъ бы указаніе, что существуютъ еще и загадочныя числовыя помѣтки Пушкина, смыслъ которыхъ очень хорошо понималъ ихъ авторъ, но ключъ къ которымъ теперь потерянъ. Вмѣсто того онъ указываетъ на два-три типографскихъ промаха стараго изданія, на двѣ-три явныхъ описки, что могло бы заслужить еще благодарность читателей, если бы сдѣлано было не яростно и въ болѣе скромномъ тонѣ, который приличествовалъ человѣку, представившему и съ своей стороны образцы ошибокъ, вырѣзокъ и издательскихъ грѣховъ, весьма замѣчательные.

Не можемъ покинуть этого страннаго недоразумѣнія, не указавъ еще одной характеристической черты въ полемикѣ, поднятой г. Ефремовымъ. Пересматривая его примѣчанія, мы набрели на курьезъ между многими другими, который заслуживаетъ сохраненія. Оказывается, что г. Ефремовъ въ собственныхъ своихъ матеріалахъ, въ документахъ, находившихся у него подъ руками, уже встрѣтилъ различныя числовыя помѣтки Пушкина, нисколько однако же не успокоившія его полемики, и не только что встрѣтилъ, но и самъ засвидѣтельствовалъ. Такъ, стихотвореніе Пушкина «Зачѣмъ безвременную скуку» онъ сопровождаетъ слѣдую-

щимъ примѣчаніемъ: «явилось въ печати... только въ 1827, въ «Московскомъ Вѣстникѣ», № 2, и перепечатано въ изданіи 1829, гдѣ отнесено самимъ авторомъ къ 1821 году... Между тѣмъ, въ бывшую Чертковскую библіотеку поступилъ собственноручный пушкинскій оригиналъ этого стихотворенія, тоже безъ заглавія, но съ помѣткою: 1-го ноября 1826 г. Москва» (т. I, изданіе Исакова, стр. 557). Кажется, свидѣтельство достаточно ясное о томъ, что Пушкинъ дѣлалъ отмѣтки на стихотвореніяхъ по соображеніямъ, конечно, весьма важнымъ и основательнымъ для него, но уже темнымъ и необъяснимымъ для насъ. Можно было думать, что, имѣя передъ глазами такой примѣръ, самъ г. Ефремовъ измѣнитъ свой взглядъ на явленіе, поминутно встрѣчаемое въ рукописяхъ поэта, и постарается вникнуть въ него, исправивъ прежнія ошибочныя заключенія. Вышло на оборотъ: заключенія остались не тронутыми, рядомъ съ фактами, ихъ опровергающими. Такъ, увидавъ, что старое изданіе перенесло извѣстную «Сцену изъ Фауста» въ 1826 годъ изъ 1825, подъ которымъ она стояла въ пушкинскомъ изданіи 1829 года, г. Ефремовъ дѣлаетъ строгое внушеніе редактору за этотъ переносъ, прибавляя: «Не могъ же Пушкинъ въ началѣ 1829 года уже забыть: въ 1825 или въ 1826 году писалъ онъ эту сцену»? (т. I, стр. 414). Очень хорошо! Но какъ же объяснить послѣ того, что черезъ нѣсколько страницъ самъ же г. Ефремовъ указываетъ на примѣръ забывчивости Пушкина, который пьесу свою «Зачѣмъ безвременную скуку» (см. выше) отнесъ одинъ разъ къ 1821, а другой къ 1826 году. Всѣ подобныя несообразности имѣютъ одну исходную точку у г. Ефремова: онъ ведетъ кропотливые протоколы всему, что̀ видитъ его глазъ, и уже не даетъ себѣ труда провѣрить видѣнное мыслью, понять общій смыслъ фактовъ и поискать общаго ихъ источника въ тѣхъ случаяхъ, когда они выступаютъ, такъ сказать, толпой и со всѣхъ сторонъ. При болѣе внимательномъ отношеніи къ своему предмету г. Ефремовъ убѣдился бы, что о забывчивости Пушкина или невѣрности его переписчиковъ не можетъ быть тутъ и рѣчи, а что есть очень важный вопросъ для обсу-

жденія. За разницей числовыхъ помѣтокъ поэта скрывается всегда дѣльная, серьезная причина, а иногда загадочное число заключаетъ въ себѣ весьма любопытный творческій или біографическій секретъ, открытіе котораго именно и составляетъ прямую задачу настоящаго изслѣдователя [1]).

Извиняемся передъ читателями нашими за то, что принуждены были ввести его, такъ сказать, въ лабораторію г. Ефремова, гдѣ онъ занимается выплавкой и выковкой всѣхъ тѣхъ приговоровъ, догадокъ, заключеній и обвиненій, образцы которыхъ здѣсь представлены. Нелегко было и самому руководителю пробираться въ этомъ хаотическомъ смѣшеніи дѣльнаго и не дѣльнаго до истины, до настоящаго смысла и значенія разбираемыхъ предлоговъ. Много еще замѣчательныхъ въ своемъ родѣ проявленій редакторскаго самоуправства приходилось при этомъ оставить не тронутыми на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они стоятъ.

Въ заключеніе скажемъ, что изданіе г. Исакова имѣетъ и весьма поучительную сторону: оно можетъ считаться своего рода знаменіемъ времени въ томъ смыслѣ, что вполнѣ обнаруживаетъ сущность направленія, принятаго одною и довольно значительною частію нашихъ дѣятелей на почвѣ исторической и біографической литературы. Это цвѣтокъ, выросшій въ школѣ тѣхъ археологовъ и изыскателей, которые, освободивъ себя отъ труда мышленія, замѣнили его трудомъ простого собиранія документовъ, сличенія разностей между текстами, перечета отмѣтокъ, какія существуютъ на различныхъ актахъ, и тому подобными предварительными ра-

---

[1]) Поиски за одною точностію, не осмысленною идеей и преслѣдующею мелкіе факты, приводятъ г. Ефремова по временамъ къ комическимъ выходкамъ. Таково примѣчаніе къ лицейскому посланію Пушкина 1815 года «Баронессѣ М. А. Дельвигъ», которой тогда было восемь лѣтъ: «Напечатано», говоритъ онъ,—«въ VII томѣ изданія г. Анненкова, и хотя подъ стихами написано время ихъ сочиненія, но вѣроятно, или поэтъ ошибся, или годъ прочитанъ невѣрно, потому что въ первомъ же стихѣ говорится: «вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать било». Пушкинъ родился 26 мая 1799 г.—слѣдовательно, 17 лѣтъ ему пробило не раньше мая 1816 г.» (т. I, стр. 518). Совершенно справедливо! Поэтъ ошибся, не справившись, когда писалъ пьесу, предварительно съ метрическимъ своимъ свидѣтельствомъ; но стоило ли вооружаться справками?

ботами, считая ихъ за самую науку историческихъ и литературныхъ изслѣдованій и устраняя, какъ излишество, критику и оцѣнку пріобрѣтенныхъ фактовъ по существу. Люди эти, сдѣлавшіе себѣ призваніе изъ подбора остатковъ недавняго прошлаго нашего, изъ механической сортировки крупицъ, упавшихъ со стола общественныхъ нашихъ дѣятелей, конечно, имѣютъ право на уваженіе; но какъ бы измѣнилось достоинство ихъ трудовъ, если бы они не питали глубокаго презрѣнія ко всякимъ попыткамъ обобщать факты, извлекать изъ нихъ опредѣленіе, основываясь на внутреннемъ ихъ содержаніи, достигать положительныхъ выводовъ и заключеній, опираясь на мысль, полученную изъ сущности и духа самихъ собранныхъ ими матеріаловъ! Отвращеніе, обнаруживаемое искателями этого рода ко всякому порядку идей и размышленій, непреодолимо. Оно преимущественно возникаетъ изъ того мелкаго резонерствующаго скептицизма, который признаетъ право на достовѣрность только за голымъ фактомъ, взятымъ одиноко, а право на званіе точнаго историческаго свидѣтельства—только за подробнымъ описаніемъ формы явленія.

Изданіе сочиненій Пушкина, г. Исакова, какъ въ своемъ составѣ, такъ и въ замѣткахъ своего редактора, есть самое вѣрное и пышное выраженіе качествъ и недостатковъ направленія, о которомъ идетъ рѣчь. При полномъ отсутствіи первыхъ, необходимѣйшихъ условій осмысленнаго издательскаго плана оно отличается такимъ обиліемъ всяческихъ справокъ, указаній, свѣдѣній, что будущимъ издателямъ Пушкина, которые—полагать должно—не замедлятъ явиться, придется совѣщаться съ нимъ не одинъ разъ. Правда, что имъ будетъ предстоять нелегкій трудъ поправлять въ замѣткахъ г. Ефремова преднамѣренныя увлеченія и ошибки и пробиваться до зерна его указаній сквозь густой, удушливый полемическій туманъ, въ который онъ облекъ свои комментаріи. Но самымъ труднымъ для новыхъ предпринимателей будетъ, конечно, необходимость возвратить сборнику сочиненій Пушкина приличный и серьезный характеръ, потерянный имъ въ теперешнемъ изданіи. При соблюденіи

этихъ условій замѣтки послѣдняго могутъ очень пригодиться и войти въ составъ дѣльной классической книги о Пушкинѣ, которая исполнитъ свое назначеніе—служить одинаково какъ юношеству, такъ и возмужалымъ людямъ источникомъ чистыхъ впечатлѣній и невозмутимаго умственнаго и эстетическаго наслажденія.

1880 годъ.

IV.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ А. С. ПУШКИНА.

Планы соціальнаго романа и фантастической драмы.

Посмертное наслѣдство Пушкина, оставленное имъ въ своихъ тетрадяхъ въ видѣ отрывковъ и набросковъ, представляетъ большую цѣнность. Вся черновая подготовительная работа Пушкина, его программы будущихъ поэмъ, романовъ, драмъ, трактатовъ, первые проблески идей и образовъ, развитыхъ впослѣдствіи до знакомой публикѣ художественной стройности и выразительности, все это вмѣстѣ образуетъ такой богатый архивъ матеріаловъ для повѣсти не только о литературной, но и о жизненной, общественной дѣятельности поэта, что разработка его займетъ, вѣроятно, много умовъ и рукъ. Свѣдѣнія и данныя, которыя можно извлечь изъ этого архива, не уступаютъ въ важности тѣмъ, которыя получаются при изученіи его завершенныхъ и опубликованныхъ созданій. На отрывкахъ и набросках Пушкина лежитъ та же печать его таланта и то же отраженіе его задушевной мысли, какъ и на послѣднихъ. Программы его не имѣютъ ничего общаго съ тѣми брульонами, первоначальными очерками, которые встрѣчаются у многихъ писателей и которые становятся нѣмыми, безполезными, а иногда и безобразными свидѣтелями человѣческаго труда, пока не пояснены и не поправлены самимъ произ-

веденіемъ, о мучительномъ рожденіи котораго возвѣщаютъ Брульоны и остатки Пушкина въ большинствѣ случаевъ сами по себѣ полныя картины, хотя, конечно, всѣ образы ихъ представляются еще въ видѣ тѣней, безкровныхъ призраковъ и окружены туманомъ, изъ котораго уже никогда и не выйдутъ за безвозвратною отлучкой художника, ихъ начертившаго. Брульоны или програмы Пушкина суть тоже созданія своего рода, къ какому бы отдѣлу литературы ни относились, имѣютъ ли въ виду художественную задачу, или историческій трактатъ. Примѣръ творческой програмы перваго рода данъ Пушкинымъ въ извѣстныхъ «Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ», о которыхъ будемъ еще много говорить. Это — полное драматическое представленіе изъ средневѣковаго европейскаго быта, но вмѣстѣ съ тѣмъ это только «планъ», какъ сцены были и озаглавлены самимъ авторомъ; примѣръ второго рода творческой програмы съ цѣлію произведенія историко-политическаго трактата мы имѣли случай представить въ статьѣ «Общественные идеалы Пушкина» [1]). Теперь къ ряду уже извѣстныхъ литературныхъ проектовъ Пушкина прибавляемъ два новые: програму современнаго романа изъ Александровской эпохи (20-хъ годовъ) и короткую програму драмы, основной мотивъ которой взятъ изъ католической или, лучше, папской легенды о епископѣ-женщинѣ, воцарившемся въ Римѣ. Обѣ програмы носятъ на себѣ тотъ же осмысленный и выразительный отблескъ глубокой и ясной мысли, какой присущъ большинству програмъ Пушкина, о чемъ было говорено.

Начинаемъ съ романа. Время появленія у Пушкина первой мысли о романѣ съ лицами и завязкой изъ прошлаго царствованія, которое видѣло и начатки собственной его поэтической и общественной дѣятельности, опредѣлить довольно трудно. Извѣстно только, что пережитая имъ Александровская эпоха издавна занимала его воображеніе. Еще

---

[1]) Напечатана въ III-й книгѣ «Воспоминаній и критическихъ очерковъ» П. В. Анненкова.

ранѣе 1825 года онъ уже мечталъ сдѣлаться лѣтописцемъ послѣднихъ годовъ этой эпохи и началъ записки о странномъ и любопытномъ времени, въ которомъ рядомъ шли и процвѣтали самыя противоположныя направленія, люди военныхъ поселеній и люди библейскаго общества, грубые нравы и инстинкты о-бокъ съ конституціонными идеями и т. д. Послѣ истребленія этихъ записокъ почти вслѣдъ за ихъ начатіемъ, въ томъ же 1825 году, Пушкинъ перенесъ всю свою нѣжность на «Евгенія Онѣгина», въ которомъ думалъ сохранить бытовыя данныя и характерныя черты городской и деревенской жизни первой четверти нашего столѣтія, оставляя до другого болѣе удобнаго времени намѣреніе заняться изображеніемъ самихъ лицъ, близкихъ или дальнихъ знакомцевъ своей молодости. Пока существовалъ «Евгеній Онѣгинъ», этотъ неразлучный спутникъ его вояжей и кабинетныхъ трудовъ, побывавшій съ нимъ также точно въ глуши провинціи, какъ и за чертой государства, въ Арменіи и Турціи, сопровождавшій поэта повсюду, гдѣ онъ самъ являлся, мысль о романѣ изъ эпохи двадцатыхъ годовъ находила своего рода замѣну въ любимой поэмѣ, которая поддерживала умственныя его связи съ старымъ обществомъ, все болѣе и болѣе отходившимъ въ область преданій, все болѣе и болѣе измѣнявшимся на его глазахъ. Какъ извѣстно, мы не имѣемъ полной поэмы: множество отрывковъ изъ разныхъ ея главъ и остатки отъ цѣлой пропавшей ея главы («Путешествіе Онѣгина») показываютъ однако же до очевидности, что стихотворный разсказъ этотъ, развиваясь съ возростающимъ художественнымъ блескомъ и интересомъ, служилъ Пушкину вмѣстѣ съ тѣмъ и складочнымъ мѣстомъ для сужденій, афоризмовъ, замѣтокъ о современныхъ явленіяхъ, большею частію очень мѣткихъ и особенно важныхъ по біографическому ихъ значенію. Призваніе поэмы съ самаго начала было двойное — обрисовать общество и высказать по поводу его типовъ критическую мысль автора. Образчиковъ этого совмѣстнаго участія творчества и посторонней ему думы довольно много. Приводимъ еще одинъ. Онъ касается явленія, уже не новаго и во времена поэта, а затѣмъ по-

вторявшагося много разъ позднѣе. Усталый, надорванный, праздный Онѣгинъ становится у него внезапно народолюбцемъ:

> Наскуча или слыть Мельмотомъ,
> Иль маской щеголять другой,
> Проснулся разъ онъ патріотомъ
> Въ Hôtel de Londres, что на Морской.
> Россія, Русь мгновенно
> Ему понравились отмѣнно.
> И рѣшено: ужь онъ влюбленъ,
> Россіей только бредитъ онъ!
> Ужь онъ Европу ненавидитъ
> Съ ея логической душой,
> Съ ея разумной суетой!
> Онъ ѣдетъ, онъ увидитъ
> Святую Русь, ея поля,
> Селенья, степи и моря!

2 октября (1830?).

И сколько такихъ образчиковъ можетъ открыться еще впослѣдствіи!

Но съ 1832 года связи Пушкина съ «Онѣгинымъ» порываются. Въ этомъ году онъ отдалъ въ печать послѣднюю главу поэмы и остался, такъ сказать, одинокимъ. Ряды художественныхъ созданій, возникавшихъ непрерывно съ этой эпохи подъ его перомъ, не наполняли еще пустоты, образовавшейся послѣ «Онѣгина». Поэтъ утерялъ въ немъ постояннаго собесѣдника. «Онѣгинъ» унесъ у него благовидный предлогъ дѣлиться съ публикой внутреннимъ своимъ міромъ, замѣтками, вынесенными изъ жизненнаго опыта, мыслями, возбужденными явленіями текущей минуты и воспоминаніями своего прошлаго. Тяжело и грустно разставался Пушкинъ со своимъ другомъ; на послѣдней VIII-й главѣ романа лежитъ несомнѣнно меланхолическій, трогательный оттѣнокъ сердечнаго прощанія. Она и начинается нѣжнымъ обращеніемъ къ Царскосельскому лицею, гдѣ поэтъ услыхалъ впервые призывъ музы и пророчество о своемъ предназначеніи на Руси, а кончается скорбнымъ воспоминаніемъ о героинѣ романа, о людяхъ и друзьяхъ, нѣкогда встрѣчавшихъ первую главу поэмы (явилась въ 1825 году). Пушкинъ такъ сильно чувствовалъ отсутствіе «Онѣгина», что думалъ, какъ

извѣстно, возвратиться къ нему уже и послѣ того, какъ полное, законченное изданіе поэмы въ 1833 году завершило всѣ разсчеты съ нимъ и прекратило всѣ старыя его отношенія къ труду. Конечно, мысль была оставлена...

Вернуться снова къ труду своей молодости поэтъ уже не могъ. Другія задачи и совсѣмъ иное настроеніе художника требовали уже и новыхъ формъ созданія. Пушкинъ всецѣло предался мысли испробовать реальный романъ въ прозѣ, въ которомъ поэтическій элементъ игралъ бы ту же роль, какую онъ играетъ въ «Wahrheit und Dichtung» Гете, напримѣръ, гдѣ соединеніе историческихъ данныхъ съ вымысломъ и фантазіей такъ крѣпко сплочено, что оно еще не поддалось и до сихъ поръ ножу критическаго анализа, силившагося много разъ раздѣлить это единство на составныя его части. Намъ осталось отъ Пушкина много повѣствовательныхъ отрывковъ, романовъ и разсказовъ, порванныхъ на первыхъ же главахъ своихъ. Если всѣ эти попытки, обѣщавшія по тону и пріемамъ своимъ выростп въ шедевры эпическаго искусства, были имъ брошены и забыты, то единственное объясненіе такому пренебреженію заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ обстоятельствѣ, что онѣ не достаточно были широки и не обхватывали область явленій русской жизни въ той полнотѣ, какая нужна была поэту. Онъ мечталъ съ 1833 года о романѣ, который отразилъ бы цѣликомъ многоразличныя стороны нашего общества за какую-либо часть его историческаго существованія, не исключая изъ картины и низшихъ слоевъ, на которыхъ это общество покоилось. Всего болѣе интересовало его и всего болѣе знакомо ему было общество послѣднихъ годовъ прошлаго царствованія, да онъ обладалъ и массой хорошихъ матеріаловъ для точнаго изображенія его въ художественно-реальной картинѣ: матеріалы эти слагались изъ его собственныхъ воспоминаній, изъ сношеній и связей его съ дѣйствующими лицами того времени, изъ разсказовъ бывалыхъ людей, имъ слышанныхъ, и изъ личнаго знакомства со всѣми увлеченіями, похожденіями и волненіями тогдашняго молодого поколѣнія. Въ 1835 году явился извѣстный романъ

Бульвера: «Pelham or the adventures of a gentleman, by Edward Bulver-Lytton» (Пельгамъ или приключенія одного благороднаго господина, соч. Е. Бульвера-Лейтона), имѣвшій большой успѣхъ въ англійской и континентальной публикѣ вообще за вводъ въ рамку романа очень схожихъ портретовъ съ важнѣйшихъ членовъ англійской аристократіи и англійскаго парламента, что̀ было тогда новостію, и за характеръ главнаго героя—Пельгама, добывающаго себѣ вліятельное мѣсто въ обществѣ и правительствѣ послѣ того, какъ перебывалъ во множествѣ закоулковъ блестящаго свѣтскаго и грубаго уличнаго порока и разврата и вынесъ изъ нихъ знаніе подкладки, оборотной стороны общественнаго строя и большую практическую опытность. О романѣ Бульвера будемъ еще говорить впослѣдствіи. Пушкинъ обратилъ на него свое вниманіе, заинтересованный его интригой, которая напоминала ему многое изъ того, что̀ онъ самъ видѣлъ на вѣку своемъ. Онъ рѣшился, по слѣдамъ Бульвера, разсказать кое-что о Пельгамахъ русскаго происхожденія и воспитанія. Плодомъ этой мысли были программы романа, которыя теперь представляемъ читателямъ. Нужно ли прибавлять, что онъ не взялъ ни одной черты изъ англійскаго произведенія для своего плана, и оно остается только въ значеніи внѣшняго толчка, даннаго фантазіи поэта? Пушкинъ скоро пересталъ и называть своего героя русскимъ Пельгамомъ, какъ было началъ, перекрестивъ его просто въ нашего доморощеннаго Пелымова.

Четыре раза приступалъ Пушкинъ къ изложенію на бумагѣ плана будущаго распорядка и дѣйствія задуманнаго имъ романа, и плодомъ этого были четыре послѣдовательныя программы, расширявшія каждая все болѣе и болѣе рамки предпріятія. Изъ нихъ двѣ первыя не совсѣмъ безъизвѣстны нашей читающей публикѣ: онѣ были напечатаны въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1859 года (№№ 5 и 6) съ цензурнаго одобренія и съ незначительными пропусками, которые здѣсь возстановляемъ. Для пониманія основной идеи романа мы принуждены были повторить ихъ въ этомъ отчетѣ. Двѣ послѣднія, еще не опубликованныя и, кажется

намъ, наиболѣе важныя, освѣщаютъ многое изъ того, что̀ едва намѣчено первыми, и уже помогаютъ различить цѣли и намѣренія автора съ нѣкоторою ясностью и опредѣленностью.

Вотъ первые два проекта повѣсти, приведенные «Библіографическими Записками».

I.

«Русскій Пеламъ—сынъ барина, воспитанъ французами Отецъ его frivole въ русскомъ родѣ. Двоюродный братъ его [1]... Пеламъ въ свѣтѣ—театръ, литераторы, картежники. Онъ свидѣтель безчестія одного молодого человѣка. Его дружба съ Ѳ. Ор. Онъ помогаетъ ему увезти любовницу, отказывается отъ игры фальшивой. Братъ [то-есть, вышеупомянутый двоюродный братъ] въ игрѣ получаетъ пощечину; дуэль, братъ его струсилъ.

«Ѳ. Ор. увозитъ дѣвушку; ея несчастное положеніе—бѣдность—развратъ мужа; она влюбляется въ Пелама—связь ее съ нимъ—подозрѣнія мужа. Смерть Ѳ. Ор.

«Пеламъ влюбляется въ женщину высшаго общества. Пеламъ въ большомъ обществѣ, любовь въ большомъ свѣтѣ. (Пеламъ ѣдетъ въ—). Отецъ его умираетъ. Пеламъ въ деревнѣ (эпизодъ жены Ѳ. Ор.). Сосѣди, жизнь русскихъ помѣщиковъ. Слышитъ о свадьбѣ двоюроднаго брата, ѣдетъ въ Петербургъ. Братъ его дѣлается ему врагомъ, чернитъ его въ глазахъ правительства. Онъ высланъ изъ города (Ѳ. Ор. доходитъ до разбойничества—Пеламъ son confident). Онъ свидѣтель нападенія [NB: а не наказанія, какъ ошибочно напечатано въ «Библіографическихъ Запискахъ»]. Онъ оправданъ самимъ Ѳ. Ор.»

Остановимся на этой первой программѣ. Итакъ, вотъ

---

[1]) Здѣсь неразборчивая иностранная фраза: она должна содержать намекъ на то, что этотъ двоюродный братъ есть, какъ оказывается изъ послѣдующихъ программъ, побочный сынъ кн. X... Это слѣдуетъ помнить читателю для пониманія дальнѣйшаго развитія программы.

главныя черты ея, которыя въ слѣдующихъ программахъ будутъ только полнѣть, крѣпнуть и рѣзче обозначаться. Въ родномъ домѣ Пеламъ уже на первыхъ порахъ встрѣчается съ загадкой, съ такъ-называемымъ двоюроднымъ братомъ своимъ, мальчикомъ сомнительнаго происхожденія. Затѣмъ, при выходѣ въ свѣтъ онъ тотчасъ же окруженъ всею золотою молодежью того времени, въ числѣ которой почетное мѣсто занимаютъ и картежники. Съ однимъ изъ нихъ, Ѳ. Ор., онъ состоитъ на дружеской ногѣ и хотя отказывается поступить въ сословіе шулеровъ, но помогаетъ ему похитить дѣвушку и становится его повѣреннымъ даже и тогда, когда тотъ въ водоворотѣ удалого кутежа доходитъ до разбоя. Любовь къ дѣвушкѣ высшаго общества, куда Пеламъ тоже попадаетъ, неожиданно и скоро кончается отъѣздомъ въ деревню: Пелама высылаютъ изъ города по дѣлу Ѳ. Ор. Въ деревнѣ онъ хоронитъ отца, ведетъ жизнь помѣщика того времени, завязываетъ связи съ сосѣдями и съ дворней и проч. Двоюродный братъ его, на оборотъ, степенно женится, становится врагомъ Пелама, доноситъ на брата, который между тѣмъ оправдался отъ навѣтовъ его и, вѣроятно, опять является въ городъ, о чемъ программа однакожь не упоминаетъ, довольствуясь обозначеніемъ фактовъ и упуская вообще ихъ распредѣленіе и порядокъ ихъ постепеннаго возникновенія.

Таковъ первый набросокъ плана. При второмъ приступѣ къ нему Пушкинъ, сохраняя главную основу романа неприкосновенно, вводитъ въ него новыя подробности, которыя отчасти дополняютъ, а отчасти даже и измѣняютъ физіономію первоначальной темы. Связь между обѣими программами заключается преимущественно въ общей имъ исторіи похожденій какого-то свѣтскаго кутилы, обозначаемаго буквами Ѳ. Ор. Скажемъ теперь же, что это не дописанное имя не должно давать повода къ какимъ-либо догадкамъ о лицѣ, подъ нимъ скрывающимся, потому что въ сущности ни до кого не относится. Подъ нимъ собраны у Пушкина подвиги и черты множества свѣтскихъ кутилъ, которыми такъ обиленъ былъ вѣкъ, и которые, расточая безоглядно

свою жизнь и свои силы, нерѣдко доходили до уголовныхъ преступленій. Старожилы еще помнятъ, какъ долго ходили по Москвѣ толки объ убійствѣ, совершенномъ двумя выдающимися свѣтскими молодыми членами высшаго общества, Алябьевымъ и Шатиловымъ, на большой дорогѣ и надъ несчастнымъ игрокомъ, который, проигравъ имъ значительную сумму денегъ, хотѣлъ избавиться отъ этого долга чести бѣгствомъ изъ столицы...

II.

«Пеламъ выходитъ въ большой свѣтъ (влюбляется) и, наскуча имъ, вдается въ дурное общество.

«Въ обществѣ актрисъ и литераторовъ встрѣчаетъ Ѳ. Ор. и съ нимъ дружится, отказывается отъ игры на-вѣрное, помогаетъ ему увезти дѣвушку.

«Продолжаетъ свою безпутную жизнь. Связь его съ танцоркой на счетъ гр. З*.

«Дуэль Ѳ. Ор. съ двоюроднымъ братомъ Пелама.

«(Несчастная жизнь жены Ѳ. Ор.—Ор. доходитъ до нищеты и до разбойничества. Пеламъ узнаетъ обо всемъ—укрываетъ его у себя) [1]).

«Пеламъ влюбляется. Отецъ у него умираетъ. Перемѣна его. Онъ ссорится съ танцоркой.

«Онъ сватается—ему отказываютъ.

«Онъ ѣдетъ въ деревню.

«Разбой —

«Доносъ —

«Судъ —

«Тайный непріятель —

«Письмо къ брату, отвѣтъ Тартюфа.

«Узнаетъ о свадьбѣ брата.

«Отчаяніе.

---

[1]) Круглыя скобки поставлены Пушкинымъ и должны были напоминать, что эпизодическая подробность эта относится къ позднѣйшей деревенской жизни Пелама.

«Онъ (оправданъ) освобожденъ по покровительству Ал. Ор. и выѣхалъ изъ города.

«Болѣзнь душевная. — Сплетни свѣта. — Уединенная жизнь.—Ѳ. Ор. пойманъ въ разбоѣ, Пел. оправданъ—получаетъ позволеніе ѣхать въ Пб.

Заключеніе.

«Характеры:

Отецъ и его любовница. Двоюрод. братъ [NB: здѣсь фраза зачеркнута и сверху надписано: выб...]... Ѳ. Ор.— Ал. Ор. — Кочубей, дочь его. — Кн. Шаховской, Ежова. — Истомина, Гриб., Зав. — Домъ Всевол. [NB: сверху приписано. «Всевол. и О.», то-есть, Овошникова].—Котляревскій.— Мордвиновъ, его общество.—Хрущовъ.—Общество умныхъ: [И. Долг. [то-есть, Илья Долгоруковъ], С. Труб. [то-есть, Сергѣй Трубецкой], Ник. Мур. [то-есть, Никита Муравьевъ] etc.

«Служба, юнкеръ гв., офицеръ гв., нѣмецъ начальникъ, отставка, долги, Неѣловъ, Шишкинъ.

«Похороны отца etc. Привычка къ роскоши. Обѣды, литераторы.—Ив. Козловъ.

«Большое общество. Семья Пашковыхъ etc.

«Игроки:

«Ор.—Павловъ».

[NB: всѣ подчеркнутыя слова и круглыя скобки согласны съ оригиналомъ].

Изъ этой второй программы мы узнаемъ внутренній распорядокъ, которому авторъ намѣревался слѣдовать въ романѣ. Русскій Пеламъ, послѣ всѣхъ своихъ похожденій въ столицѣ и послѣ того, какъ дѣвушка большого свѣта (см. предыдущую программу) отказываетъ ему въ рукѣ, остепеняется—не надолго—и уѣзжаетъ въ деревню принимать дѣла послѣ умершаго отца. Къ этому именно пребыванію героя въ деревнѣ авторъ пріурочиваетъ эпизодъ о разбоѣ Ѳ. Ор., послѣдовавшемъ затѣмъ доносѣ и арестованіи Пелама, участіе котораго въ преступленіи значительно ослабляется: онъ только скрылъ у себя убійцу, а не былъ его повѣреннымъ при совершеніи кроваваго дѣла. Вѣроятно, этому эпизоду

деревенскаго быта предшествовалъ еще другой, прежде намѣченный авторомъ, о связи Пелама съ страдалицей, женой Ѳ. Ор. Покамѣстъ Пеламъ томился въ острогѣ, куда приведенъ былъ всего болѣе наговорами двоюроднаго брата, сдѣлавшагося тайнымъ заклятымъ врагомъ его, послѣдній пользуется еще случаемъ, чтобы присвататься къ невѣстѣ заключеннаго и жениться на ней. Пеламъ успѣваетъ однако же оправдаться, выпущенъ изъ тюрьмы, благодаря особенно содѣйствію Ал. Ор., и получаетъ дозволеніе ѣхать въ Петербургъ.

Программа тутъ не кончается. Существеннѣйшая часть, отличающая ее отъ всѣхъ другихъ, заключается въ томъ отдѣлѣ ея, который носитъ заглавіе «характеры» и сплошь состоитъ изъ однихъ именъ литераторовъ и лицъ, замѣчательныхъ по своему вліянію въ обществѣ или по репутаціи, пріобрѣтенной на разныхъ поприщахъ дѣятельности и различными способами. Отдѣлъ этотъ ясно намекаетъ на мысль Пушкина провести подъ покровомъ романа собственныя свои воспоминанія и сужденія о томъ времени, въ которое помѣстилъ свой разсказъ, обнаруживаетъ намѣреніе воскресить подъ предлогомъ описанія жизненной обстановки Пелама собственныя свои записки, нѣкогда имъ истребленныя. Тутъ всего болѣе занимательны и любопытны были бы мнѣнія и воззрѣнія человѣка 1818—1825 годовъ на вожаковъ, на признанныхъ передовыхъ дѣятелей эпохи и на тѣ странныя личности, которыя добывали себѣ громкую извѣстность энергіей безпутства и порока. Всякій согласится, что подъ перомъ Пушкина отдѣлъ выросъ бы въ документъ значительной важности для историка, въ страничку изъ художественнаго изслѣдованія русской культуры, понятій, образа мыслей и жизни тогдашняго общества. Отдѣлъ этотъ, по своему реальному характеру, какъ галерея портретовъ съ натуры, долженъ былъ составлять, по всѣмъ вѣроятіямъ, только подробность, фонъ или грунтъ пушкинскаго произведенія; по крайней мѣрѣ мастера повѣствовательнаго рода обыкновенно предпочитаютъ видѣть лицъ съ историческими именами въ качествѣ свидѣтелей разсказываемаго происше-

ствія, а не пособниковъ и зачинщиковъ его. Что касается до настоящихъ героевъ романа, тѣхъ, которые у Пушкина создаютъ его интригу и дѣятельно участвуютъ въ развитіи событій, то здѣсь у мѣста будетъ сказать, что эти герои вымышленные, хоть и очень близко напоминаютъ собою черты нѣкоторыхъ корифеевъ тогдашняго свѣтскаго быта; въ самыхъ программахъ видны слѣды приспособленія ихъ къ разсказу, работы авторской фантазіи за ними, что̀ значительно подрываетъ вѣру въ нихъ, какъ точныхъ копій съ какого-либо дѣйствительно существовавшаго оригинала. Вообще близость къ вымыслу, опасное сосѣдство съ чистымъ творчествомъ мѣшаетъ подобнымъ полуисторическимъ и полуизобрѣтеннымъ лицамъ служить поясненіемъ или подтвержденіемъ какой-либо частной жизни или біографіи, что̀ однако же нисколько не препятствуетъ имъ имѣть глубокое значеніе и содержаніе, какъ представителямъ извѣстнаго періода въ развитіи общества. Предостереженіе наше не покажется лишнимъ особенно въ виду сокращенныхъ именъ и прозваній героевъ пушкинскаго романа, который возбуждаетъ охоту отыскивать подъ ними имена и прозванія извѣстныхъ дѣятелей прошлой эпохи, знакомыхъ намъ по преданіямъ и слухамъ. Всякая такая работа подбиранія фактовъ и свидѣтельствъ для оправданія нашихъ догадокъ, подозрѣній и гипотезъ была бы безплодною потерей времени. Причина ясна. Писатель, заслуживающій это названіе, никогда не имѣетъ дѣла цѣликомъ съ частнымъ лицомъ или цѣликомъ съ подробностями его жизни; отъ частнаго лица онъ отбираетъ только черту, общую ему съ современниками, а отъ подробностей его жизни — только тѣ, которыя могутъ быть обработаны для задуманной картины, при чемъ всѣ остальныя біографическія данныя человѣка измѣняются и искажаются писателемъ по нуждѣ производства до неузнаваемости. Художественные романы изъ современной намъ или ближайшей къ ней эпохи иначе и не пишутся. Имена героевъ пушкинскаго романа, скрытыя подъ начальными буквами ихъ фамилій, ни къ кому отдѣльно примѣняться не могутъ и далеки отъ намѣренія

разоблачать чьи-либо семейныя тайны. Собственно они назначаемы были служить автору памятными значками для созданія вполнѣ независимыхъ и свободныхъ типовъ, когда наступитъ нужная для того минута, и исполняютъ въ программахъ его ту самую роль, какую играетъ, напримѣръ, отдѣльный музыкальный мотивъ, вызывающій въ умѣ всю пьесу, или обломокъ стиха, напоминающій мгновенно цѣлое стихотвореніе, отъ котораго онъ отпалъ.

Переходя снова къ программамъ, мы приводимъ двѣ послѣднія и увидимъ, что онѣ уже распадаются теперь на три отдѣльныхъ плана для трехъ исторій, тѣсно связанныхъ между собою: на исторію Θ. Ор., исторію Пелымова (таково новое имя героя) и на исторію его брата, съ добавленіемъ исторіи еще одного петербургскаго щеголя З*, «un élégant, Zav.».

III.

«Исторія Θ. Ор. Un mauvais sujet, des maîtresses, des dettes [то-есть, пустой малый съ любовницами и долгами]. Онъ влюбляется въ бѣдную вѣтреную дѣвушку, увозитъ ее; (первые года роскошь) впадаетъ въ бѣдность, cherche des distractions chez ses premières maîtresses, devient escroc et duelliste [то-есть, ищетъ утѣшенія у старыхъ своихъ любовницъ, становится мошенникомъ и дуэлистомъ], доходитъ до разбойничества, зарѣзываетъ Щепочкина, застрѣливается (или исчезаетъ).

«Исторія Пелымова. Онъ знакомится съ Θ. Ор. dans la mauvaise société [то-есть, въ дурномъ обществѣ], помогаетъ ему увезти дѣвушку, отказывается отъ фальшивой игры, на дуэли секундантомъ у него—узнаетъ отъ него объ убійствѣ Щ., devient l'exécuteur testamentaire de Θ. Ор. [то-есть, дѣлается душеприкащикомъ Θ. Ор.], попадаетъ въ подозрѣніе (онъ даетъ ломбардный билетъ Щеп.) [1]). Обращается къ Ал. Ор. изъ крѣпости.

---

[1]) Фраза въ скобкахъ написана поверхъ зачеркнутой: «онъ носитъ часы Щеп.»; черезъ строчку опять цѣлая фраза, тоже зачеркнутая: «уѣзжаетъ въ деревню, смерть отца его, эпизодъ крѣпостной любви».

«Исторія брата его. Онъ зарывается въ канцеляріи, отрекается отъ своей матери, дѣлается врагомъ Пелымову, выходитъ въ люди (въ секретари Чуполея), преслѣдуетъ тайно своего брата, сватается за его невѣсту—и женится на ней.

«Мать его (княг. X.) расточаетъ деньги Все* для Нороваго, котораго обыгрываетъ шайка Ѳ. Ор. и который получаетъ пощечину, etc.

«Нат. К* — вступаетъ съ Пелымовымъ въ переписку, предостерегаетъ его, etc.

«Une danseuse [танцорка]. Пелымовъ съ нею знакомится, находитъ у ней Ѳ. Ор.

«Пелымовъ воспитанъ у отца 7-ю французами, нѣмц., швед., англич. Отецъ имъ не занимается, но любитъ. Ссорится съ нимъ за Нороваго. Отецъ назначаетъ ему 1,000 въ годъ и выгоняетъ его. Умираетъ въ нищетѣ — сынъ его хоронитъ.

«Бат. [NB: по зачеркнутому «Пелымовъ» — и вѣроятно, Батуринъ — стихотворецъ] pour vivre traduit des vaudevilles [то-есть, для пропитанія себя переводитъ водевили]— Шах., Еж... etc. etc».

Не заключая никакой отмѣны противъ предшествующихъ программъ,—развѣ назвать отмѣной переносъ сцены разбойничества и того обстоятельства, что Пелымовъ уже содержится теперь въ крѣпости,—настоящая программа отличается однимъ дополненіемъ. Всѣ лица въ ней получили имена, большею частію вытянутыя изъ настоящихъ русскихъ фамилій, и два раза Пушкинъ оставилъ не передѣланными прямыя имена лицъ, съ которыхъ предстояло снять портреты. Свѣтская дѣвушка — предметъ страсти Пелымова — называется Нат. К*; мать двоюроднаго брата, отъ которой онъ отрекается,— княгиня X. Но повторяемъ: всѣ они, ясно обозначенные или слегка намѣченные, служили бы только матеріаломъ для образовъ и фигуръ, знакомыхъ всему свѣту, но съ которыми никто не встрѣчался, словомъ—для типовъ.

Мы имѣемъ даже и примѣръ такой переработки частныхъ явленій въ картины съ общимъ значеніемъ. Одна часть этой самой программы и соотвѣтствующія ей части преж-

нихъ получили у Пушкина нѣчто похожее на начало осуществленія въ послѣдовательномъ разсказѣ. Мы разумѣемъ тѣ два отрывка, которые впервые даны были посмертнымъ изданіемъ сочиненій Пушкина, подъ общимъ заглавіемъ «Старинныя русскія странности». Отрывки носятъ еще и отдѣльныя оглавленія, а именно, первый — «Отрывки біографіи Н*», второй — «Записки М*», но оба составляютъ одно цѣлое и писаны по указаніямъ нашихъ программъ, черты которыхъ сохраняютъ вполнѣ, сообщая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ уже широкое значеніе бытовыхъ картинъ. Первый отрывокъ рисуетъ въ крупныхъ чертахъ причуды богатаго самодура-помѣщика, вояжирующаго по Россіи съ волторнщикомъ изъ иностранцевъ впереди и съ громаднымъ обозомъ за собою, состоявшимъ изъ учителей, мадамъ, дураковъ, карловъ, борзыхъ собакъ, псарей, роговой музыки, провизіи, мебели, кухни и проч. Онъ и долженъ былъ разориться и умереть въ нищетѣ, какъ говорятъ и программы. Второй отрывокъ еще въ большей мѣрѣ слѣдуетъ внушеніямъ ихъ, чѣмъ первый. Въ немъ изображаются мать ребенка Пелымова, водвореніе въ домѣ посторонней женщины, видной бабы уже не первой молодости, которая тутъ называется Анной Петровной Вирлацкой (княгиня Х... программы), появленіе тамъ же расшаркивающагося мальчика въ красной курточкѣ съ манжетами, котораго приказываютъ мальчику Пелымову называть братцемъ (двоюродный братъ, Наградскій четвертой программы), затѣмъ ссоры, драки, шалости между ними, которыя заставляютъ Вирлацкую уговорить отца, чтобы онъ послалъ Пелымова по пятнадцатому году за границу въ университетъ, для окончательнаго образованія, что̀ и дѣлается. Отсылаемъ читателя къ отрывкамъ, прибавляя къ этому, что на четырехъ-пяти страничкахъ, занимаемыхъ ими обыкновенно въ изданіяхъ, Пушкинъ высказалъ такъ много свойственнаго ему спокойнаго мастерства и творчества, что каждый читатель, который пробѣжитъ ихъ еще разъ послѣ всего сказаннаго теперь, легко пойметъ, какую утрату понесла русская публика отъ не сбывшагося намѣренія поэта написать соціальный романъ въ томъ же

духѣ и съ тѣми же художническими пріемами. Между прочимъ, нельзя забыть человѣка, разсказы котораго о своей роднѣ и о фамильныхъ преданіяхъ своей семьи такъ много занимали Пушкина, почтеннаго П. В. Нащокина. Оба отрывка, о которыхъ говоримъ, передаютъ множество подробностей, сообщенныхъ поэту этимъ неизмѣннымъ, любимымъ другомъ его, какъ въ томъ были убѣждены всѣ, впервые открывшіе ихъ въ бумагахъ Пушкина. Не даромъ и поэтъ постоянно, въ продолженіе многихъ лѣтъ, начиная съ 1822 года, письменно убѣждалъ скромнаго друга изложить на бумагѣ свои воспоминанія, не даромъ также просиживалъ съ нимъ, когда бывалъ въ Москвѣ, цѣлые сутки, слушая его исповѣди, и даже предлагалъ себя, изъ желанія помочь литературной неопытности собесѣдника, а отчасти его лѣности, въ акуратнаго писца, который подъ его диктовку станетъ передавать связно его отрывочныя воспоминанія. Такъ казались они ему нужны и любопытны!

Четвертая, дополнительная программа, слѣдующая теперь, свидѣтельствуетъ однакоже, что, по мысли Пушкина, романъ не слѣдовалъ бы рабски за одною домашнею исторіей, выбранною для его завязки, а собралъ бы вокругъ нея много другихъ такихъ же домашнихъ исторій изъ другихъ круговъ общества и былъ бы сводомъ преданій, полученныхъ съ различныхъ сторонъ. Програма вводитъ новую личность—петербургскаго дэнди Зав*, и Пушкинъ занимается ею съ тою же подробностію, какъ прежде занимался личностію удалого молодца, которая проходитъ черезъ всѣ три предшествующія программы. Иногда даже можетъ показаться, слѣдя за обоими героями, что въ концѣ концовъ авторъ имѣлъ намѣреніе передать этой новой, элегантной личности ту роль, которую прежде игралъ ея антиподъ, бѣшеный и грубоватый Ѳ. Ор. Но такъ какъ предположеніе это встрѣчаетъ большое затрудненіе въ невозможности допустить переводъ своеобычныхъ подвиговъ послѣдняго на болѣе изящное и мягкое лицо, то приходится думать, что новая личность назначалась у Пушкина для одновременнаго представленія двухъ разныхъ типовъ одного и того же

разгула, порожденныхъ одною и тою же общественною средой. Словно для бо̀льшаго выраженія этой разницы значительная часть програмы изложена по французски.

IV [1]).

«I. Воспитаніе. Смерть матери. Явленіе кн. X... съ Наградскимъ; мои ошибки съ нимъ, его сплетни. Гувернеры.—Жизнь отца. Il reçoit bonne compagnie en fait d'hommes et mauvaise en fait de femmes [то-есть, онъ принимаетъ изъ мужчинъ порядочныхъ людей, а женщинъ плохой репутаціи]. Я выхожу въ службу и свѣтъ.

«II. Свѣтская жизнь петербургская. Получаю часть моей матери; балы, скука большаго свѣта, происходящая отъ бранчивости женщинъ; по примѣру молодежи удаляется въ холостую компанію, дружится съ Zav. (Ѳ. Ор.) [2]).

«III. Общество Zav.—les parasites, les actrices, sa mauvaise réputation, il devient amoureux. Пелы... est son confident [то-есть, прихлебатели, актрисы, онъ пріобрѣтаетъ дурную славу, влюбляется. Пелымовъ, его повѣренный] [3]).

«IV. Enlevement. P* devient aux yeux du monde un mauvais sujet. C'est alors qu'il est en correspondance avec N. Il reçoit sa première lettre au sortir de chez la Istom. qu'il console du mariage de Zav. [то-есть, Похищеніе. Пелымовъ дѣлается въ глазахъ свѣта пустымъ малымъ. Въ то самое время начинается его переписка съ Н*—Нат. К. прежнихъ программъ. Онъ получаетъ первое ея письмо, выходя отъ Истоминой, которую утѣшаетъ въ женитьбѣ Zav.].

«V. La porte de Чок. lui est refusée, il ne la voit qu'au théâtre. Il apprend que son frère est secretaire de Чок. [то-есть,

---

[1]) Программа уже раздѣлена на главы, изъ которыхъ половина этой первой уже получила и отдѣлку, какъ выше показано.

[2]) Имя прежняго героя, поставленное въ скобкахъ, или показываетъ, что Пелымовъ встрѣтилъ его у Zav., или что авторъ думалъ замѣнить его лицомъ послѣдняго.

[3]) Въ обѣихъ главахъ нѣкоторыя черты изъ отношеній Пелымова къ Ѳ. Ор. переносятся на Zav., подтверждая догадку, что авторъ колебался въ окончательномъ выборѣ одного изъ нихъ для романа.

домъ Чок. — Чуполея прежнихъ программъ — ему запертъ. Онъ видитъ ее только въ театрѣ, узнаетъ, что братъ его состоитъ секретаремъ при Чоколеѣ].

«VI. Vie splendide de Zav. Il donne des diners et des bals. Embarras domestiques. Créanciers, jeu [то-есть, роскошная жизнь Zav., даетъ обѣды и балы. Домашнія затрудненія. Кредиторы, игра].

«VII. Норовой et son duel [то-есть, его дуэль].

«VIII. Scène chez le père [то-есть, сцена съ отцомъ, упомянутая прежде, какъ и дуэль Нороваго].

«IX. Explication avec Zav. [то-есть, объясненіе съ Zav.].

«X. P. rompt avec Zav. [то-есть, Пелымовъ разрываетъ связи съ Zav.].

NB: здѣсь послѣ перерыва Пушкинъ опять возвращается къ старому дѣйствующему лицу Ѳ. Ор. и продолжаетъ программу, но съ другою нумераціей:

«I. Continuation des amours de P. [то-есть, продолженіе любовныхъ похожденій Пелымова].

«II. La femme de Z. Le mari devenu Ѳ. Op. Ses nouveaux compagnons: leurs exploits. Ils arrètent dans la rue P*. Ѳ. Op. le reconnait et tourne la chose en plaisanterie [то-есть, пожена Зав.; мужъ дѣлается Ѳ. Ор. Новые его товарищи; подвиги ихъ. Они останавливаютъ Пелымова на улицѣ, Ор. узнаетъ его и обращаетъ все дѣло въ шутку] [1]).

«III. Maladie, delaissement et mort du père de P* [болѣзнь, одиночество и смерть Пелымова отца].

«IV. Situation du frère [положеніе брата].

«V. Assassinat [убійство].

«VI. . . . . . .»

---

[1]) Съ боку этой главы написано рукой автора: «le chapitre après la catastrophe» (помѣстить главу вслѣдъ за катастрофой). Въ началѣ ея есть какая-то путаница. По привычкѣ Пушкинъ написалъ «Zav—brigand», зачеркнулъ, надписалъ «La femme du Z. Le mari devenu Op.». Тутъ пропущено слово «ami» или другое синонимическое этому, и фраза должна читаться: «мужъ дѣлается другомъ Ор.». Отъ смѣшенія обоихъ именъ героевъ въ мысли автора у него иногда смѣшиваются ихъ опредѣленія. Такъ, мы выпустили въ предшествующей программѣ и въ характеристикѣ Ор. неожиданное упоминовеніе о З: «un élégant, un Zav.».

Собравъ всѣ программы пушкинскаго романа, сличивъ ихъ и прослѣдивъ по нимъ, на сколько было возможно, мысль Пушкина, мы имѣемъ уже нѣсколько основаній для приблизительнаго заключенія о завязкѣ и содержаніи, какія авторъ намѣревался развивать въ немъ. Конечно, выводы наши никогда не получатъ характера полной достовѣрности, такъ какъ черты пушкинскихъ программъ могутъ быть, по усмотрѣнію каждаго, группированы въ различные узоры и картины, но однакоже въ программахъ этихъ есть, такъ сказать, неподвижные, твердо поставленные факты и данныя, которые позволяють уловить, какъ намъ кажется, главную идею романа, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ ея подробностяхъ, почти безъ опасенія ошибки.

На основаніи именно этихъ неизмѣнныхъ данныхъ, кажется, позволительно придти къ заключенію, что дѣло въ не написанномъ романѣ шло бы преимущественно о сынѣ пустого, расточительнаго и вскорѣ обнищавшаго русскаго барина. Сынъ этотъ «Пелымовъ» романа, лишившійся въ малолѣтствѣ своей матери, встрѣчается на порогѣ жизни съ опекуншей, которая поселяется въ самомъ домѣ его отца, куда приводитъ за собою и мальчика неизвѣстнаго происхожденія. Таинственный пріемышъ, котораго рекомендуютъ Пелымову подъ именемъ двоюроднаго братца, воспитывается вмѣстѣ съ нимъ. Съ первой же встрѣчи они обнаруживаютъ чувство непріязни другъ къ другу, уже предвѣщающее въ нихъ будущихъ заклятыхъ враговъ. Пелымова отправляютъ за границу и вскорѣ возвращаютъ оттуда для опредѣленія на службу въ гвардейскій кавалерійскій полкъ. Иначе складывается судьба двоюроднаго брата. Пелымовъ, сдѣлавшись полноправнымъ обладателемъ значительнаго имѣнія своей матери, безъ разсчета и осмотрительности предается при вступленіи въ свѣтъ всѣмъ соблазнамъ и наслажденіямъ его, завязываетъ путныя и безпутныя знакомства и увлеченъ ими на край пропасти, въ уголовное преступленіе, на границѣ котораго только и останавливается. Спасенный посторроннимъ вмѣшательствомъ, онъ обнаруживаетъ способность понимать нравственное убожество своей жизни, испытывать

тоску и страдать совѣстію. Осторожнѣе и рѣшительнѣе дѣйствуетъ двоюродный братъ. Онъ также на первыхъ порахъ погружается въ омутъ свѣта, но оттолкнутый товарищами, скоро усмотрѣвшими бѣдность и мелкоту его характера (великодушность и готовность отвѣчать за свои поступки были между ними обязательны), мгновенно повертываетъ въ другую сторону. Онъ становится дѣловымъ человѣкомъ, служакой, бюрократомъ и выработываетъ изъ себя типъ образцоваго молодого человѣка, très comme il faut, съ блестящею будущностію впереди. Тогда и завязывается между нимъ и Пелымовымъ та жизненная дуэль, которая должна была составить перипетіи романа и кончиться неизбѣжно пораженіемъ вѣтренаго, безпечнаго, но внутренно благороднаго и честнаго кутилы. Двоюродный братъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы очернить Пелымова въ глазахъ свѣта и правительства, способствуетъ его заключенію въ тюрьму или крѣпость, наконецъ, перебиваетъ у него невѣсту и женится на ней. По мысли Пушкина, эта домашняя исторія должна была развиваться въ средѣ всего общества столицы, окруженная всѣмъ людомъ безъ исключенія: акрисами, танцорками, литераторами, государственными лицами эпохи, салонами вліятельныхъ мужей, такими же эксцентрическаго характера и тѣми, въ которыхъ золотая молодежь расточала достояніе многихъ поколѣній своихъ предковъ; наконецъ, свидѣтельницами этой исторіи должны были сдѣлаться и домà высшаго свѣтскаго круга, гдѣ Пелымовъ помѣщаетъ между прочимъ и свою первую истинную любовь, не говоря уже о массѣ уличныхъ героевъ, эпикурейцевъ низшаго разряда, которые составили бы ея свиту. Рамка повѣсти, судя по программамъ, захватывала цѣликомъ общественную лѣтопись нашу въ промежутокъ времени отъ 1818 по 1825 годъ. Пушкинъ не обошелъ при этомъ и возникновенія новаго явленія на Руси безъ вниманія: программы его упоминаютъ о той части молодежи, которая, будучи окружена всѣми изысканными удобствами культуры и развитой общественности, жила строгою, почти аскетическою жизнію мыслителей и гнушалась забавами сво-

ихъ сверстниковъ. Пушкинъ собралъ нѣкоторыя имена представителей этого критическаго и оппозиціоннаго кружка подъ особою рубрикой «общество умныхъ». Было бы очень любопытно видѣть, чтò осталось у него въ умѣ и воображеніи отъ этихъ избранныхъ личностей въ 1835 году, и какъ онъ тогда судилъ о нихъ. Да и не одинъ столичный міръ, со всѣми его корифеями, входилъ бы въ рамку повѣствованія; Пушкинъ собирался еще оттѣнить міръ этотъ картинами деревенской помѣщичьей жизни, «крѣпостной любви», похожденіями въ глуши селъ и деревень, которыя не менѣе столицы давали просторъ разгулу и буйной фантазіи и не менѣе ея вызывали слезъ и страданій. Все это вмѣстѣ взятое составило бы, конечно, у Пушкина изображеніе нравственной физіономіи русскаго общества во вторую, послѣднюю половину царствованія Александра I и сдѣлало бы изъ романа поэта соціальный романъ великаго значенія и достоинства.

Со всѣмъ тѣмъ остается еще одинъ не разрѣшенный и довольно трудный вопросъ: какую основную мысль проводилъ новый романъ, какія качества дали герою его Пелымову право такъ сильно занимать воображеніе поэта въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ, какія цѣли поставлялъ себѣ авторъ, соображая постройку и расположенія своего произведенія? Нельзя же полагать, что онъ имѣлъ только въ виду нарисовать картину нравовъ извѣстнаго времени, не прибавляя къ ней отъ себя ни одного слова. Еще менѣе позволительно думать, что Пушкинъ ограничился бы простымъ изображеніемъ борьбы и соперничества между двумя пошловатыми родственниками. Нѣкоторый отвѣтъ на эти вопросы даетъ намъ вышеупомянутый романъ Бульвера «Pelham, or the adventures» и проч. Конечно, не мелодраматическій складъ этого посредственнаго произведенія англійскаго писателя приковалъ къ нему вниманіе Пушкина: оно написано съ начала до конца во вкусѣ чудовищнаго французскаго романтизма тридцатыхъ годовъ и исполнено невѣроятныхъ запутанныхъ приключеній героя, всегда торжествующаго надъ людьми и обстоятельствами. Но ро-

манъ пріобрѣлъ значительный успѣхъ въ своемъ отечествѣ, а затѣмъ и на континентѣ Европы, благодаря тому, что ранѣе Диккенса далъ нѣсколько народныхъ англійскихъ типовъ, хотя еще очень блѣдно изображенныхъ, представилъ нѣсколько портретовъ изъ руководящихъ кружковъ англійской аристократіи, хотя и не мастерски написанныхъ, но безъ прикрасъ и искусственныхъ позъ, какими живописцы по ремеслу снабжали ихъ, вообще благодаря попыткѣ автора окружить реальными характерами нелѣпо придуманное и усиленно вздутое происшествіе, о чемъ мы уже говорили. Извѣстно, что основу романа составляетъ криминальное, разбойничье дѣло, которое даетъ автору случай ввести своего героя-обличителя въ самыя глухія трущобы Лондона, показать его въ обществѣ завзятыхъ уличныхъ негодяевъ, выкинутыхъ на свѣтъ пьяными тавернами, посмотрѣть на него въ средѣ всѣхъ страшныхъ элементовъ англійскаго пролетаріата, а затѣмъ изобразить того же героя посреди блестящихъ политическихъ салоновъ, подъ кровомъ богатыхъ земельныхъ лордовъ и въ сношеніяхъ съ мелкими честолюбцами, рыскающими на подобіе шакаловъ вокругъ парламента въ ожиданіи мѣстъ и добычи. Пельгамъ чувствуетъ себя какъ дома промежъ всего этого разнообразнаго люда: онъ—*свой* въ мірѣ джентльменовъ Альбіона и въ мірѣ его нищихъ. Но не этими чертами онъ привлекъ вниманіе Пушкина, а одною симпатическою чертой характера, которая сроднила его съ мыслію поэта и окрѣпла въ ней до того, что возбудила намѣреніе противопоставить англійскому Пельгаму русскаго человѣка съ тою же самою психическою особенностію. Пельгамъ обнаруживаетъ именно способность нисходить въ глубокую тину порока, не мараясь самъ, и возвращаться изъ нея нравственно чистымъ; онъ словно заговоренъ отъ прикосновенія грязи къ своему моральному существу, какъ нѣкоторые сказочные богатыри нашихъ легендъ слыли заговоренными отъ прикосновенія пули, и выходитъ изъ всѣхъ искушеній и паденій съ свѣжимъ, нетронутымъ чувствомъ, съ простымъ и чистымъ сердцемъ. Эту черту героя, едва намѣченную Бульверомъ,

собирался, по нашему мнѣнію, развить Пушкинъ далѣе и подробнѣе въ русскомъ его снимкѣ. Правда, что тайна этой необычайной выдержки у англійскаго оригинала заключается въ томъ, что Пельгамъ имѣетъ важную жизненную задачу, которой посвящаетъ всего себя: онъ пробирается въ общественные дѣятели; грубые и изящные пороки, постыдное или благородное выраженіе страсти одинаково служатъ ему, надѣляя его опытомъ, дѣлая его необходимымъ для всѣхъ, закаляя его характеръ и приготовляя изъ него въ будущемъ *политическую силу*, уже всѣми предчувствуемую заранѣе. У русскаго его близнеца не могло быть и помина о такой цѣли: онъ долженъ былъ опираться на одну свою благодатную природу, безъ всякой поддержки со стороны предвзятой идеи, хотя такая идея существовала у самого Пушкина. Задачи творчества и художественныя цѣли доставляли ему не менѣе сильную нравственную опору, чѣмъ политическіе разсчеты Пельгама, и вынесли его изъ водоворота свѣта и житейскихъ бурь вполнѣ свѣтлою, не запятнанною личностію. Но положеніе Пушкина было исключительное...

У лица, созданнаго Бульверомъ, была и еще черта, понимаемая вполнѣ, можетъ быть, тоже однимъ Пушкинымъ изъ всѣхъ его современниковъ. Бульверъ довольно поверхностно, вяло и вскользь упоминаетъ, что Пельгамъ отличался еще упорнымъ, усидчивымъ кабинетнымъ трудомъ. Всѣ урывки отъ времени, занятаго исканіями, похожденіями, удовольствіями свѣта, англійскій Пельгамъ, по сказанію его лѣтописца, посвящалъ ученію по строго обдуманному плану, содержа въ глубочайшей тайнѣ отъ друзей и знакомыхъ свои занятія и выставляя передъ ними на видъ одно желаніе добиться славы непогрѣшимаго дэнди. Покамѣсть окружающіе его думаютъ, что онъ отдыхаетъ послѣ своихъ подвиговъ въ салонахъ и вертепахъ мошенниковъ, собираясь на новые, Пельгамъ, крѣпко запершись въ кабинетѣ, сидитъ за фоліантами, учеными трактатами и проч. Открытіе его секрета было бы для него равносильно личному, нанесенному ему оскорбленію. Онъ пуще всего на

свѣтѣ боится, чтобы кто-либо не заподозрилъ въ немъ серьезный складъ ума, не открылъ у него качествъ солиднаго образованія, и употребляетъ на утайку своихъ познаній и достоинствъ болѣе хитрости и настойчивости, чѣмъ другой на прославленіе тѣхъ, которыхъ не имѣетъ. Пельгамъ готовится сразу, когда наступитъ надлежащая минута, удивить и подчинить себѣ самые непокорные умы. Конечно, мудрено было Пушкину найти вокругъ себя на Руси что-либо подобное этому англійскому типу, — развѣ вздумалось бы ему поискать нѣкоторые задатки его въ себѣ самомъ; но въ замѣнъ дальнее, ослабленное подобіе его находилось, такъ сказать, подъ рукой у поэта. Болѣе простое, болѣе мягкое и даже болѣе понятное отраженіе честно шумной, благородно странной, безпокойной жизни Пельгама представлялось въ лицѣ вѣрнаго друга Пушкина, дѣтски добраго, довѣрчиваго и впечатлительнаго П. В. Нащокина, о которомъ уже упоминали. Съ него, по нашему мнѣнію, и намѣревался Пушкинъ взять главныя, основныя черты лица и фигуры «русскаго Пельгама». Дѣйствительно, по количеству необычайныхъ похожденій, по числу связей, знакомствъ всякаго рода, по ряду неожиданныхъ столкновеній съ людьми, катастрофъ и семейныхъ переворотовъ, испытанныхъ имъ, другъ Пушкина, на сколько можно судить по преданіямъ и слухамъ о немъ, очень близко подходитъ къ типу «бывалаго человѣка» Бульвера, уступая ему въ стойкости характера, въ дѣльности и въ полнотѣ внутренняго содержанія. За то онъ еще лучше отвѣчалъ намѣренію Пушкина олицетворить идею о человѣкѣ нравственно, такъ сказать, изъ чистаго золота, который не теряетъ цѣнности, куда бы ни попалъ, гдѣ бы ни очутился. Рѣдкіе умѣли такъ сберечь человѣческое достоинство, прямоту души, благородство характера, чистую совѣсть и неизмѣнную доброту сердца, какъ этотъ другъ Пушкина въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ жизни, на краю гибели, въ омутѣ слѣпыхъ страстей и увлеченій и подъ ударами судьбы и несчастія, большею частію имъ самимъ и накликанными на себя. Пушкинъ вы-

соко цѣнилъ нравственный характеръ друга и любилъ слушать его тихую, скромную рѣчь, которая постоянно обнаруживала честность его природы и свѣтлые инстинкты души, сохраненные имъ на зло людскимъ измѣнамъ, предательствамъ и оскорбленіямъ. На все это есть много доказательствъ въ перепискѣ поэта. Наиболѣе существенное доказательство тѣхъ же самыхъ положеній оставилъ намъ однако же авторъ «Переписки съ друзьями», Н. В. Гоголь. Недавно опубликовано его письмо къ П. В. Нащокину (см. «Русскій Архивъ» 1878 г., № 1). Строгій моралистъ нашъ, требовавшій христіанскихъ доблестей отъ каждаго человѣка, Н. В. Гоголь не усомнился предложить Нащокину мѣсто воспитателя и руководителя дѣтей въ богатомъ петербургскомъ домѣ негоціанта Д. Е. Бенардаки. Нѣтъ сомнѣнія, что Н. В. Гоголь, коротко знавшій мнѣнія и сужденія Пушкина о близкихъ ему людяхъ вообще и о Нащокинѣ въ особенности, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ подъ впечатлѣніемъ слышаннаго имъ отзыва поэта о московскомъ другѣ. Личныя сношенія и наблюденія еще подтвердили отзывъ поэта и укрѣпили Н. В. Гоголя въ мысли, что человѣкъ, подобно Нащокину, испытавшій бури жизни въ такой степени, какая не часто встрѣчается на тихихъ моряхъ русскаго гражданскаго существованія, и не потерявшій при этомъ теплоты чувства и вѣры въ человѣчество, исполнитъ роль педагога лучше всякаго кабинетнаго ученаго, поблѣднѣвшаго на теоріяхъ воспитанія. Письмо Н. В. Гоголя подробно развиваетъ тему, что опытъ, вынесенный такимъ своеобразнымъ педагогомъ изъ его сношеній со свѣтомъ, самъ по себѣ составляетъ уже науку, и весьма важную при воспитаніи дѣтей, которымъ предстоитъ та же дорога въ свѣтѣ, и которыя могутъ поучаться на живомъ примѣрѣ, какъ сберегать моральныя основанія въ его шумѣ. Можно бы прибавить къ этому, что подобному наглядному преподаванію своего рода не мѣшаетъ даже и соображеніе, что опытъ и пониманіе свѣта оказались безплодными для устройства жизни самого учителя.

Здѣсь кончаемъ замѣтки о приведенныхъ нами про-

граммахъ Пушкина. Читатель, можетъ быть, проститъ эту долгую остановку на планѣ не состоявшагося, не написаннаго еще романа, принявъ въ соображеніе, что она становилась необходимостію при желаніи прослѣдить всѣ литературные замыслы поэта передъ концомъ его поприща, упразднившаго ихъ навсегда.

Эти же слова примѣняются и къ плану большой фантастической драмы, оставленному Пушкинымъ, къ которому теперь и переходимъ. Здѣсь поэтъ нашъ уже покидаетъ область русскаго, реальнаго, такъ сказать, творчества и переносится въ другую, въ область западныхъ народныхъ сказаній и представленій, гдѣ и прежде чувствовалъ себя совершенно полноправнымъ гражданиномъ. Натурализацію эту онъ купилъ инстинктивнымъ художническимъ пониманіемъ духа, умственнаго склада, психеи тѣхъ иноземныхъ племенъ, къ которымъ обращался за мотивами для своихъ произведеній. Новая предполагаемая драма назначалась видимо умножить собою отдѣлъ драматическихъ очерковъ и сценъ, навѣянныхъ Пушкину жизнію и творчествомъ западной Европы. Извѣстно, что на заимствованіяхъ этого рода Пушкинъ созидалъ картины и образы глубокаго содержанія, ярко отражавшіе, съ одной стороны, нравственныя особенности и культуру того народа, гдѣ происходитъ дѣйствіе драмы, а съ другой—обнаруживавшіе въ каждой такой спеціальной культурѣ элементы общаго значенія. По многимъ чертамъ программы можно заключать, что тѣми же родовыми признаками пушкинскихъ заимствованій отличалась бы и новая драма, не смотря на свой фантастическій характеръ, какимъ и должна была окрашиваться одна изъ самыхъ странныхъ легендъ Европы, легенда о папессѣ Іоаннѣ. Выборъ Пушкина имѣлъ однакожъ въ основаніи соображенія реальнаго характера. Но прежде чѣмъ подробнѣе говорить о причинахъ такого выбора, слѣдуетъ привести программу Пушкина, что̀ и исполняемъ здѣсь. Она писана по французски и уже подраздѣлена поэтомъ на акты.

«Acte I.

«La papesse—fille d'un honnête artisan, étonné de son savoir. La mère vulgaire n'y voyant rien de bon. Gilbert (отецъ) invite un savant à venir voir sa fille—le prodige de famille. Préparatifs où la mère est seule à faire tout.

«Jeanne devant saint Simon. Le savant (le démon du savoir) arrive au milieu de tout ce monde invité par Gilbert. Il ne parle qu'avec Jeanne et s'en va. Commérages des femmes—joie du père—soucies et orgueil de la fille. Elle fait tout pour aller en Angleterre étudier à l'université [1]).

«Acte II.

«Jeanne à l'université, sous le nom de Jean de Mayence. Elle se lie avec un jeune gentilhomme espagnol (amour, jalousie, duel—*en recit*). Jeanne soutient une thèse et est faite docteur.

«Jeanne prieur d'un couvent; règle austère qu'elle y établit. Les moines se plaignent.

«Jeanne à Rome; cardinal. Le pape meurt; elle est faite pape [2]).

«Acte III.

«Jeanne commence à s'ennuyer. Arrive l'ambassadeur d'Espagne — son condisciple. Leur reconnaissance. Elle le

---

[1]) Актъ I. Папесса—дочь честнаго ремесленника, изумленнаго ея познаніями. Пошловатая мать не ожидаетъ ничего добраго изъ этого. Жильберъ (то-есть, отецъ папессы) приглашаетъ ученаго человѣка побесѣдовать съ дочерью—чудомъ семьи. Приготовленія. Мать одна только и работаетъ за всѣхъ.

Жанна передъ св. Симономъ. Ученый (демонъ знанія) является посреди множества людей, наприглашенныхъ Жильберомъ. Онъ говоритъ съ одною Жанной и уходитъ. Пересуды женщинъ—заботы (NB: во французскомъ текстѣ Пушкина видимо пропущены слова «de la mère») матери, гордость дочки. Послѣдняя добивается, чтобъ ее послали въ Англію обучаться въ университетѣ.

[2]) Актъ II. Жанна въ университетѣ подъ именемъ Жана Майнцскаго. Она завязываетъ сношенія съ однимъ молодымъ дворяниномъ испанцемъ (любовь, ревность, дуэль—*все въ разсказъ*). Жанна защищаетъ диссертацію и провозглашена докторомъ.

Жанна—настоятель монастыря. Строгій уставъ, который она водворяетъ тамъ. Монахи ропщутъ.

Жанна въ Римѣ—Жанна кардиналъ. Умираетъ папа; она провозглашена папой.

menace de l'inquisition et lui d'un éclat. Il penêtre jusqu'à elle. Elle devient sa maîtresse. Elle accouche entre le Colisée et le couvent de... Le diable l'emporte»[1]).

Вотъ какая страничка нашлась въ тетрадяхъ Пушкина. Съ перваго раза можно подумать, что поэтъ хотѣлъ посвятить ее драматизированному шуточному разсказу во вкусѣ французскихъ fabliaux или въ кощунской манерѣ Раблэ, Боккаччіо, Вольтера; но, пробѣжавъ далѣе нѣсколько строкъ програмы, убѣждаешься, что тутъ развивается очень серьезная мысль. Пушкинъ имѣлъ въ виду совсѣмъ не осмѣяніе или оскорбленіе великаго западнаго института папства, подъ кровомъ котораго Европа только и находила успокоеніе для своей мысли, а напротивъ, относится къ нему, какъ къ поруганной святынѣ въ своей программѣ. Задача ея состоитъ въ другомъ. Въ простомъ мѣщанскомъ семействѣ, съ тщеславнымъ отцомъ и простоватою матерью, является чудо-ребенокъ въ лицѣ дѣвушки-Жанны, удивляющій народъ пытливостію ума и наблюденія, ранними познаніями. Слои мѣщанскаго быта вообще безпрестанно выкидывали изъ себя на западѣ недовольные, критическіе умы, провѣрявшіе основы гражданскаго и нравственнаго существованія обществъ. Старые, историческіе порядки общежитія боролись съ ними тюрьмами и кострами, но тѣ изъ реформаторовъ, которые успѣвали избѣжать ихъ, передѣлывали міръ. Въ чемъ же состояло призваніе Жанны, не имѣвшей за собою ни великаго подвига, ни плодотворной идеи? Легенда о папессѣ, въ основаніи которой, какъ уже доказано, не лежитъ ни малѣйшаго историческаго факта, видимо, обязана возникновеніемъ своимъ *народному* вопросу, жившему въ массахъ, и который можетъ быть выраженъ такъ: если люди съ развратными и даже злодѣйскими на-

---

[1]) Актъ III. Жанна скучаетъ. Является испанскій посланникъ—прежній товарищъ ея. Они узнаютъ другъ друга. Она грозитъ ему инквизиціей; онъ грозитъ обличеніемъ. Онъ пробирается къ ней; она становится его любовницей. Она разрѣшается отъ бремени между Колизеемъ и монастыремъ... Діаволъ уноситъ его (то-есть, уноситъ ребенка, какъ слѣдуетъ догадываться по смыслу).

клонностями могутъ сдѣлаться избранниками Божіими и занимать самое святое мѣсто на землѣ, не теряя, благодаря одному этому мѣсту, ни власти надъ душами, ни авторитета надъ совѣстію народовъ, то не все ли равно, кто бы его ни занималъ? Съ юморомъ, свойственнымъ вообще народному творчеству, легенда возводитъ на это мѣсто женщину и не чувствуетъ позора, дѣлая изъ престола первосвященника ложе для ея страстей и паденій, такъ какъ онъ прежде служилъ такимъ же точно ложемъ для людей другого пола. Собственно легенда не есть еще протестъ противъ самаго папства, но она уже возвѣщаетъ его. Такъ понялъ ее и Пушкинъ, и собирался обработать въ этомъ смыслѣ.

Любопытно слѣдить по программѣ за чертами полуреальнаго и полуфантастическаго характера, которыми поэтъ думалъ овладѣть своею темой и выразить ея сказочное и вмѣстѣ жизненное содержаніе. Чувствуется невольно, что волшебный и бытовой элементы приняли бы въ его рукахъ такое химическое соединеніе, что составили бы одно конкретное тѣло. Такъ, демонъ принимаетъ у него образъ святого пустынника св. Симона для утвержденія въ Жаннѣ ея стремленій къ славѣ и могуществу посредствомъ *знанія*. И слова ложнаго святого, хотя и не упомянутыя въ программѣ, ясно отзываются въ энергическомъ домогательствѣ честолюбивой Жанны на скорый отъѣздъ въ университетъ. Внушенія ложнаго святого или демона были не что иное, какъ голосъ ея собственныхъ помысловъ. Послѣ приключеній въ университетѣ съ испанцемъ Жанна, на подобіе своей соименницы Жанны Орлеанской, налагаетъ на себя обѣтъ вѣчнаго цѣломудрія, умерщвляетъ свое сердце, становится суровымъ пріоромъ монастыря и, подъ покровомъ наружной святости, облекается въ кардинальскій пурпуръ и, наконецъ, восходитъ на папскую каѳедру. Всѣ черты программы до такой степени просты, ясны, правдоподобны, не смотря на странность положеній, что кажутся сокращенными указаніями въ какой-то главѣ изъ достовѣрной исторіи, въ родѣ, напримѣръ, исторіи о восшествіи на

престолъ Сикста V. Въ третьемъ актѣ программы является уже чисто-фантастическій элементъ, но въ видѣ какъ бы естественнаго продолженія драматическаго дѣйствія и жизни, имъ перерываемой. Ко двору Жанны является посланникомъ испанецъ, бывшій ея товарищъ по университету и знающій ея секретъ. Она борется съ нимъ отчаянно, пока простое, грубое насиліе со стороны сластолюбиваго и мало благочестиваго испанца не раскрываетъ ея слабую женскую природу. Жанна дѣлается любовницей своего оскорбителя и рождаетъ между двумя памятниками языческихъ и христіанскихъ воззрѣній, традиціи которыхъ въ ней самой борятся, между Колизеемъ и римскимъ монастыремъ (Латеранскимъ?), а діаволъ уноситъ этого ребенка, какъ свою законную добычу. Остается еще вопросъ, о которомъ программа умалчиваетъ совершенно. Зачѣмъ нужно было діаволу это чадо грѣха, и не сдѣлалъ ли онъ изъ него лица, которое могло бы служить дополненіемъ къ драмѣ, оставшейся покамѣсть безъ вывода и заключенія?

Читатель призванъ будетъ далѣе самъ судить, какую степень вѣроятности и убѣдительности имѣютъ наши доводы и предположенія, на основаніи которыхъ мы пришли къ твердому убѣжденію, что изъ діавольскаго ребенка должно было образоваться лицо, пущенное Гёте во всемірный оборотъ, именно—пресловутый Фаустъ, и притомъ не въ качествѣ доктора философіи и теологіи, а въ качествѣ предполагаемаго изобрѣтателя печатнаго станка. Драма Пушкина, кажется намъ, не могла ограничиться тремя вышеприведенными актами, а должна была еще показать, переступая черезъ пространство и время, въ близкомъ будущемъ, мстителя за оскорбленіе всѣхъ нравственныхъ началъ и народной совѣсти. Мститель этотъ не могъ иначе явиться, какъ въ олицетворенномъ образѣ типографскаго искусства, которое, возвышаясь надъ частными протестами, упразднитъ самую средневѣковую науку цѣликомъ, потрясетъ народныя вѣрованія, на ней основанныя, и расшатаетъ многовѣковый церковный престолъ, воспитавшій и оберегавшій ихъ всѣхъ подъ своимъ кровомъ.

Программа драмы, которою занимаемся, сопровождается еще любопытною припиской, обращенною поэтомъ уже къ самому себѣ. «Si c'est un drame», говоритъ приписка—«il rappellera trop le «Faust»; il vaut mieux en faire un poème dans le style de «Cristabel» ou bien en octaves; то-есть: если составить изъ этого драму, то она будетъ сильно напоминать Фауста; не лучше ли изложить дѣло въ поэмѣ и въ стилѣ «Кристабеля» или написать октавами? [1]) Повидимому, это заявленіе самого автора программы должно бы устранить всякую догадку о возможномъ участіи Фауста въ будущей драмѣ; но при ближайшемъ разсмотрѣніи оно вмѣсто того подкрѣпляетъ догадку. Могло ли явиться у поэта намѣреніе положить возможно большее разстояніе между гётевскимъ произведеніемъ и своею темой, еслибы при составленіи программы образъ средневѣкового легендарнаго героя, осуществленнаго нѣмецкимъ художникомъ, не виталъ постоянно передъ глазами Пушкина? Какъ бы родилось опасеніе слишкомъ близко подойти къ созданію Гёте, имѣя въ рукахъ воспроизведеніе народнаго сказанія, совершенно различнаго по духу, содержанію и цѣлямъ съ задачами нѣмецкой драмы, и въ которомъ Фаустъ ни разу не упомянутъ и не введенъ въ среду дѣйствующихъ лицъ, еслибы не было потаеннаго присутствія того же героя въ намѣреніяхъ автора? Имя знаменитаго сказочнаго доктора явилось въ припискѣ Пушкина потому, что оно существовало въ его мысли, а желаніе избѣжать непріятной съ нимъ встрѣчи—потому, что оно прежде входило въ творческіе разчеты поэта. Правда, пушкинскій Фаустъ нисколько не походитъ на

---

[1]) «Кристабель» («Christabel») есть названіе поэмы Кольриджа, англійскаго поэта двадцатыхъ годовъ, принадлежавшаго къ извѣстной группѣ шотландскихъ лэкистовъ. Она передаетъ въ отрывочномъ, фрагментарномъ видѣ и въ ультраромантическомъ и распущенно-геніальномъ тонѣ разныя, наиболѣе чудныя сказанія изъ средневѣковаго міра, стилю которыхъ и подражаетъ. Она нравилась особенно изысканнымъ вкусамъ любителей словесности, пресыщенныхъ чтеніемъ поэмъ и романовъ, которые и называли произведеніе Кольриджа діавольски-изящнымъ и возмутительно-прекраснымъ; но оно также нашло и поклонника въ лордѣ Байронѣ. Качества и форма «Кристабеля» обратили на себя и вниманіе Пушкина, когда понадобилось осуществить одну изъ самыхъ фантастическихъ легендъ тѣхъ же среднихъ вѣковъ.

гётевскаго: это былъ собственный, домашній, такъ сказать, Фаустъ нашего поэта. Онъ отличается отъ своего первообраза тѣмъ, что у Пушкина является въ послѣдней формаціи, совсѣмъ не человѣкомъ, измученнымъ своею мыслію и сознаніемъ напрасно потраченной жизни на ея развитіе, а просто геніемъ открытій, изобрѣтеній, научнаго прогресса, который знакомъ былъ и среднимъ вѣкамъ, но еще болѣе знакомъ нашему времени. О такомъ представленіи Фауста здѣсь не мѣсто распространяться. Теперь мы представляемъ только объясненіе вышеприведенной замѣтки Пушкина и, въ подкрѣпленіе нашего о ней мнѣнія, ссылаемся на другое произведеніе поэта, уже напечатанное и всѣмъ хорошо извѣстное—«Сцены изъ рыцарскихъ временъ», гдѣ Фаустъ долженъ былъ явиться въ дальнѣйшемъ не состоявшемся ихъ продолженіи съ тѣмъ же выраженіемъ и въ тѣхъ же функціяхъ, какія авторъ хотѣлъ ему предоставить по своей собственной, оригинальной мысли и въ драмѣ, насъ занимающей.

Не нужно, полагаемъ, напоминать русскимъ читателямъ этихъ превосходныхъ «Сценъ». Для ясности послѣдующаго нашего изложенія достаточно въ немногихъ словахъ привести существенныя ихъ черты. У богатаго ремесленника выростаетъ сынъ—менестрель, занятый веселою наукой стихотворства болѣе, чѣмъ отцовскимъ ремесломъ, и мечтающій о привольномъ житьѣ въ рыцарскихъ за̀мкахъ, о дамахъ и дѣвицахъ, которыя будутъ дарить его шарфами и увѣнчивать цвѣтами. Отецъ выгоняетъ его изъ дома, передаетъ все имущество своему подмастерью, но прежде еще благодѣтельствуетъ изъ корыстныхъ видовъ бѣдному алхимику Бертольду, который стоитъ на канунѣ открытія великаго научнаго секрета и обѣщаетъ раздѣлить выгоды открытія съ тѣмъ, кто послѣдній дастъ ему средства докончить опыты. Между тѣмъ Францъ пробирается въ рыцарскій за̀мокъ въ качествѣ конюшаго къ его обладателю и товарищу его по школѣ, рыцарю Альберту, въ сестру котораго страстно влюбляется. Униженный и оскорбленный ими, какъ непокорный и зазнавшійся слуга, онъ покидаетъ

за̀мокъ, становится во главѣ сельскаго народнаго возстанія и объявляетъ войну владѣльцамъ, баронамъ и феодаламъ. Шайка Франца скоро разсѣяна рыцарями, и его самого везутъ въ знакомый за̀мокъ на висѣлицу. На канунѣ казни пирующіе господа заставляютъ менестреля потѣшать ихъ въ послѣдній разъ своими пѣснями, но гордая Клотильда, дама сердца бѣднаго поэта, умиленная его безстрашіемъ и его поэзіей, выпрашиваетъ ему прощеніе. Приговоръ къ висѣлицѣ замѣненъ приговоромъ къ пожизненному заключенію въ башнѣ за̀мка. Здѣсь и кончаются «Сцены».

Прежде всего тутъ бросается въ глаза близкое, какъ бы родственное сходство между програмой о папессѣ и этими «Сценами» въ главныхъ, основныхъ ихъ мотивахъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, городское мѣщанское сословіе порождаетъ двѣ безпокойныя, честолюбивыя личности, разрывающія всѣ связи съ роднымъ кровомъ и окружающею ихъ обстановкой и смѣло бросающіяся въ безграничное море жизни, съ надеждой завоевать себѣ новое положеніе. Но одна изъ этихъ личностей—женщина, выбирающая орудіемъ для удовлетворенія своихъ тщеславныхъ замысловъ науку и знаніе; другая личность—поэтъ, довѣряющій силѣ своего творческаго таланта для достиженія всѣхъ тайныхъ пожеланій своихъ. Обѣ личности эти, едва-едва намѣченныя поэтомъ, чрезвычайно ярко выражаютъ однакожъ различіе своихъ характеровъ въ выборѣ путей и средствъ, которыми думаютъ освободиться изъ своего приниженнаго сословнаго состоянія, но не смотря на то, въ нихъ чувствуется присутствіе одного и того же психическаго двигателя, слышится общность душевныхъ настроеній. Искони вѣковъ знаніе и поэзія опрокидывали перегородки, устроенныя бѣдною политическою мыслію для того, чтобы удержать каждаго человѣка на разъ опредѣленномъ ему по рожденію и происхожденію мѣстѣ. Избранники, отмѣченные печатію знанія или поэзіи, не однажды свободно проходили черезъ заставы, положенныя кодексами и законодательствами съ цѣлью затруднить дорогу пылкимъ и непокорнымъ умамъ въ жизни. У папессы и у менестреля вѣковая привилегія

равнять людей, присущая наукѣ и генію, породила убѣжденіе въ ихъ правѣ занимать любое мѣсто на свѣтѣ и находить границы своимъ вожделѣніямъ и посягательствамъ только въ самихъ себѣ, а не въ посторонних помѣхахъ и соображеніяхъ... Сходство нравственныхъ положеній обоихъ нововводителей, Жанны и Франца, увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что и она, и онъ одинаково имѣютъ друга дѣтства, школьнаго товарища, предназначенныхъ служить орудіемъ ихъ гибели. И сластолюбивый вольнодумный испанецъ, и пустой горделивый рыцарь Альбертъ намѣчены, какъ въ программѣ, такъ и въ сценахъ, однимъ, такъ сказать, карандашомъ, по одному и тому же шаблону. Они призваны изображать тотъ эгоизмъ привилегированныхъ сословій, который овладѣваетъ людьми съ самыхъ раннихъ лѣтъ и превращаетъ ихъ, тотчасъ за порогомъ школы, въ оберегателей выгоднаго имъ порядка дѣлъ. Задачей ихъ становится преслѣдованіе тѣхъ геніальныхъ проходимцевъ, которые врываются силой въ ихъ сомкнутые ряды и нарушаютъ вообще спокойное теченіе обычной заведенной жизни. Самыя физіономіи Жанны и Франца, не смотря на упомянутую уже разницу въ жизненныхъ цѣляхъ, усвоенныхъ обоими героями, и на разность ихъ пола, поражаютъ еще у Пушкина разительнымъ сходствомъ своимъ по отношенію къ сущности ихъ природы. Блѣдные очерки этихъ фигуръ, данные поэтомъ, на столько однако же ясны, что позволяютъ распознать ихъ выраженіе и мысль, въ нихъ заключенную. Сосредоточенная въ себѣ, аскетически-мужественная Жанна погибаетъ не на кострѣ, какъ ея соименница Орлеанская, а въ объятіяхъ любовника; женственный менестрель Францъ становится народнымъ вождемъ, представителемъ поруганныхъ правъ человѣчества и въ этомъ качествѣ осужденъ на гибель. Обоихъ сбиваетъ съ ихъ путей и уничтожаетъ въ корнѣ всѣ ихъ цѣли и замыслы общая имъ слабость—любовь. Это одно и то же лицо въ двухъ видахъ, это—близнецы, сестра и братъ, порожденные цѣльною мыслію, къ которой поэтъ нашъ подходитъ только, въ двухъ своихъ пробахъ, съ противоположныхъ сторонъ, не

нарушая ея единства, бросающагося въ глаза при внимательномъ ея осмотрѣ.

Кромѣ всего сказаннаго, у насъ есть еще и документъ, осязательно, такъ сказать, свидѣтельствующій о родствѣ обоихъ драматическихъ проектовъ. Мы видѣли, что «Сцены изъ рыцарскихъ временъ» кончаются пожизненнымъ заключеніемъ Франца въ башнѣ феодальнаго замка; но въ мысли Пушкина «Сцены» имѣли еще продолженіе, какъ оказывается изъ маленькой программы, которая до нихъ касается. Этотъ небольшой и очень любопытный отрывокъ Пушкина гласитъ слѣдующее:

«Un riche marchand de draps. Son fils—poète—amoureux d'une jeune demoiselle noble. Il fuit et se fait écuyer dans le château du père (de la demoiselle)—vieux chevalier. La jeune demoiselle le dédaigne. Le frère arrive avec un prétendant. Humiliation du jeune homme. Il est chassé par le frère, à la prière de la demoiselle.

«Il arrive chez le drapier. Colère et sermon du vieux bourgeois. Arrive frère Berthold. Le drapier le sermonne aussi. On saisit frère Berthold et on l'enferme en prison.

«Berthold en prison s'occupe d'alchimie. Il découvre la poudre. Revolte des paysans fomentée par le jeune poète. Siège du château. Berthold le fait sauter. Le chevalier—la médiocrité personnifiée—est tué d'une balle. La pièce finit par des refléxions et par l'arrivée de Faust sur la queue du diable (decouverte de l'imprimerie—autre artillerie)» [1]).

---

[1]) Въ переводѣ: «Богатый торговецъ сукнами. Сынъ его—поэтъ—влюбляется въ молодую благородную дѣвицу. Онъ бѣжитъ изъ дома и опредѣляется конюшимъ въ замокъ отца дѣвицы, стараго рыцаря. Молодая особа пренебрегаетъ имъ. Является братъ ея съ женихомъ. Униженіе молодого человѣка. Братъ выгоняетъ его изъ зàмка по просьбѣ сестры.

«Возвращеніе къ торговцу. Гнѣвъ и выговоры стараго буржуа. Появляется братъ Бертольдъ—онъ и его бранитъ. Брата Бертольда схватываютъ и засаживаютъ его въ тюрьму.

«Бертольдъ въ тюрьмѣ. Онъ занимается алхиміей и открываетъ порохъ. Возмущеніе крестьянъ, поднятыхъ юнымъ поэтомъ. Осада зàмка. Бертольдъ взрываетъ его на воздухъ. Рыцарь—олицетворенная посредственность—убитъ пулей. Пьеса заканчивается размышленіями и прибытіемъ Фауста

Итакъ, вотъ какое содержаніе предназначено было этимъ «Сценамъ» по первоначальной программѣ Пушкина, хотя сами онѣ еще составляютъ только «Планъ», какъ были и озаглавлены, и притомъ, по нашему мнѣнію, далеко не разработанный имъ вполнѣ и не окончательный. Перемѣны, введенныя поэтомъ противъ старой темы въ свой новый «Планъ», легко перечисляются: пропалъ старый рыцарь, владѣлецъ замка; о заключеніи Франца въ башню нѣтъ и помина, а вмѣсто него попадаетъ въ заключеніе алхимикъ Бертольдъ. Для дальнѣйшаго развитія плана, если такое имѣлось въ виду у поэта, слѣдуетъ предполагать, что Францъ освобожденъ изъ башни, можетъ быть, и Клотильдой, побѣжденною его даромъ пѣсенъ; что онъ снова воздвигаетъ народное возстаніе противъ феодаловъ и теперь находитъ уже подлѣ себя страшнаго, могущественнаго пособника въ лицѣ брата Бертольда, который сдержалъ обѣщаніе подѣлиться результатами своего открытія съ семействомъ поэта. Но оставляя въ сторонѣ всякаго рода предположенія, мы приходимъ уже къ одному достовѣрному заключенію. Послѣднее слово обѣихъ программъ, какъ о папессѣ Жаннѣ, такъ и о менестрелѣ Францѣ, основная мысль, ихъ породившая, заключалась въ легендарномъ, символическомъ изображеніи двухъ великихъ изобрѣтеній, заключившихъ эру среднихъ вѣковъ и открывшихъ «новую исторію»—пороха и книгопечатанія, миѳическаго алхимика-монаха Бертольда и миѳическаго доктора Фауста. Они встрѣчаются на развалинахъ феодальнаго замка, испытавшаго на себѣ первое приложеніе новой силы, и владѣлецъ котораго убитъ первою пулей, выпущенною на свѣтъ Божій. Фаустъ принесенъ на торжество науки, терпѣнія и пытливаго человѣческаго ума діаволомъ, который, по нашей догадкѣ, какъ видѣли, подобралъ его младенцемъ въ Римѣ. Пушкинъ вспомнилъ объ этомъ ребенкѣ, покинутомъ имъ въ концѣ одной программы, и перенесъ его въ конецъ другой, на чтò уполномочивалъ его и общій характеръ ихъ

а хвостѣ діавола (открытіе книгопечатанія — этой артиллеріи своего рода).

духа и содержанія. Обѣ драмы послѣдними заключительными сценами своими даютъ разумѣть, что, по мысли автора, онѣ должны были составлять двухчленную хронику, развивающую одну и ту же тему—разрушеніе стараго міра, изжившаго вполнѣ все свое содержаніе, налагающаго руки на признанныя свои святыни (первая часть хроники), оскорбляющаго человѣчество надменностію и безнаказанностію своей пустоты и своего разврата (вторая часть хроники). И Бертольдъ съ губительною зернью, и Фаустъ съ типографскимъ станкомъ были тутъ на мѣстѣ. Новое поколѣніе, способствующее паденію и гибели стараго міра, все-таки вскормлено было тѣмъ же самымъ міромъ, а потому и носитъ на себѣ еще слѣды его немощей, которыя составляютъ, не смотря на всю отвагу и рѣшимость поколѣнія, его безсиліе въ борьбѣ съ жизнію. Измѣна своему призванію и слабости святотатственной Жанны, пустыя увлеченія и мечты Франца достались имъ по наслѣдству отъ прошлаго. Программы Пушкина показываютъ, что только два лица не принимаютъ никакого участія въ развитіи драмъ, свободны отъ страстей и волненій людей, въ нихъ дѣйствующихъ, и какъ бы приберегаютъ себя для довершенія процесса разложенія, начатаго другими. Это—два великихъ изслѣдователя, которые и призваны окончательно упразднить какъ дерзкихъ, но несостоятельныхъ борцовъ, такъ и предметъ ихъ ненависти и столкновеній, строй общества. Они только и могутъ обновить міръ, потому что стояли внѣ его и выше его; мысль поэта довольно ясна и нисколько не затемняется вмѣшательствомъ діавола или нечистой силы, которые тутъ имѣютъ совершенно невинный, иносказательный смыслъ. Мы совершенно свободно допускаемъ гипотезу, что въ намѣреніи поэта было показать и монаха Бертольда, и грѣховное дитя Фауста одинаково воспитанниками діавола или демона мысли и науки, и притомъ одинаково выращенными въ суровомъ уединеніи. Оба они встрѣчаются какъ старые друзья, какъ люди одного и того же закала, и демонъ, поставившій ихъ лицомъ къ лицу, какъ должно полагать, въ равной степени коротко и хорошо знакомъ еще сыздѣтства.

Какія бы возраженія и замѣчанія ни вызвали впослѣдствіи наши догадки и выводы (а отвлеченныя соображенія, основанныя на духѣ произведенія, а не на фактахъ, всегда ихъ вызываютъ), но можно надѣяться, что одно изъ нашихъ положеній встрѣчено будетъ уже общимъ согласіемъ. Никто, полагаемъ, изъ ознакомившихся съ содержаніемъ пушкинскихъ программъ, здѣсь приведенныхъ, не усомнится признать, что въ нихъ заключенъ богатый матеріалъ для какого-то капитальнаго произведенія, задуманнаго поэтомъ. Обширныя пространства для мысли и воображенія открываются при одномъ разборѣ этихъ отрывочныхъ словъ, этихъ очерковъ, едва захватывающихъ края образовъ и представленій; предчувствіе чего-то могущественнаго и поражающаго сопровождаетъ читателя, когда сквозь сѣтку не дописанныхъ фразъ мерцаетъ передъ его глазами легендарный и бытовой средневѣковый міръ, символическіе и реальные элементы сказанія въ удивительномъ, какъ бы натуральномъ соединеніи. Что̀ бы вышло изъ всего этого? Какъ ни празденъ вопросъ по своему существу, онъ невольно зарождается въ умѣ при всякомъ соприкосновеніи съ планами и намѣченными идеями Пушкина.

Не выходя изъ области драматическихъ опытовъ Пушкина, подобный же вопросъ возникаетъ и въ виду того всѣмъ извѣстнаго реестра драмъ, имъ написанныхъ и только задуманныхъ, который онъ самъ составилъ. Въ реестрѣ этомъ встрѣчаются заглавія пьесъ, навсегда, кажется, пропавшихъ для нашей публики. Таковы заглавія, возвѣщающія не существующія пьесы: «Ромулъ и Ремъ», «Берольдъ Савойскій», «Влюбленный бѣсъ», «Димитрій и Марина», «Курбскій». Отъ замысловъ поэта, которые скрывались подъ ними, не осталось въ тетрадяхъ его ни одного клочка бумажки, ни одного листика, которые способны были бы бросить какой-либо свѣтъ на сущность и содержаніе этихъ будущихъ произведеній его генія. Къ немногимъ изъ заглавій можно еще подойти съ нѣкоторымъ, правдоподобнымъ изъясненіемъ. Такъ, сцены: «Димитрій и Марина», «Курбскій» позволительно признавать начальными очерками тѣхъ сценъ, кото-

рыя введены были потомъ авторомъ въ хронику «Борисъ Годуновъ»; такъ, еще загадочный «Берольдъ Савойскій», на исторію и происхожденіе котораго потрачено было много гипотезъ, еще поддается заключенію, что это не кто другой, какъ монахъ-алхимикъ Бертольдъ, намъ уже знакомый; но затѣмъ остальные драматическіе очерки, упоминаемые въ реестрѣ и не получившіе обработки и осуществленія при жизни поэта, осуждены навсегда представлять изъ себя видъ молчаливыхъ сфинксовъ, не отвѣчающихъ ни на какіе разспросы. Еще одно слово. Знаменитый перечень пушкинскихъ драмъ, о которомъ говоримъ, явился въ печати нашей не совсѣмъ въ полномъ видѣ. «Матеріалы для біографіи Пушкина», 1855 года, впервые его опубликовавшіе, устранили изъ него два заглавія, которыя необходимо привести теперь для того, чтобы дать полное понятіе о разнообразіи и характерѣ литературныхъ проектовъ Пушкина. Одно изъ этихъ устраненныхъ заглавій носило имя «Іисусъ», другое послѣ него — «Павелъ I». Не вдаваясь ни въ какія рискованныя заключенія по поводу этихъ именъ и соединенныхъ съ ними литературныхъ проектовъ, заключаемъ статью повтореніемъ общаго мнѣнія русской публики, не разъ ею выраженнаго: пуля, которая унесла Пушкина на тридцать-восьмомъ году его жизни, убила многое изъ того, что̀ пережило бы, можетъ быть, нѣсколько поколѣній, а можетъ быть, и цѣлые историческіе періоды.

1881 годъ.

ПИСЬМА КЪ П. В. АННЕНКОВУ.

I.

ПИСЬМА М. Н. КАТКОВА.

1.

Берлинъ. 7-го іюля 1842 года.

Любезный Анненковъ! Помогите мнѣ: я въ критическомъ положеніи. Всѣ средства дольше жить за границей истощились—я долженъ непремѣнно ѣхать, я ѣду, и мнѣ пора бы давно было подумать объ этомъ; до образованія ли, до науки ли, когда на мнѣ тяготѣютъ всею своею массою самыя первыя потребности? Но я боленъ—вы знаете отчасти мою болѣзнь, теперь она еще злѣе: страданія часто такъ сильны, что я бываю близокъ къ отчаянію; для того, чтобы освободиться отъ моихъ головныхъ болей, я долженъ ѣхать въ Франценсбадъ — это близко, издержки незначительны, времени на лѣченье какой-нибудь мѣсяцъ, и я не могу, потому что у меня нѣтъ ни гроша денегъ. Уѣхать въ Россію, не испробавъ этого послѣдняго средства—я навсегда отрѣжу у себя возможность воспользоваться имъ; для пути въ Россію пришлютъ мнѣ денегъ оттуда, но я не могу надѣяться получить ихъ ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, а курсъ мой въ Франценсбадѣ долженъ непремѣнно начаться по крайней мѣрѣ съ половины іюля,—иначе время будетъ рѣшительно

потеряно. Анненковъ, вы принимали такое дружеское участіе во мнѣ; не удивляйтесь же, что я прибѣгаю къ вамъ теперь, будучи такъ отчаянно стѣсненъ. Нужно ли увѣрять, что, имѣя малѣйшую возможность извернуться, я не подумалъ бы такъ практически пользоваться вашимъ участіемъ? Вы знаете, можетъ быть, какъ тяжела мнѣ бываетъ необходимость просить даже у тѣхъ, которымъ я извѣстенъ съ другихъ и человѣческихъ сторонъ. Вѣрите ли мнѣ? Теперь, въ сію минуту, у меня только на васъ однихъ надежда; Заикинъ, къ которому я могъ бы тоже обратиться съ просьбою, самъ теперь въ обстоятельствахъ довольно стѣсненныхъ: управитель не высылаетъ ему денегъ, и онъ сидитъ теперь въ Киссингенѣ съ малыми деньгами. Въ самомъ Берлинѣ обратиться мнѣ не къ кому, кромѣ Ефремова, у котораго теперь еще менѣе, нежели у меня, а когда онъ получитъ—не извѣстно. Но дѣло въ томъ, чтобъ мнѣ не упустить времени въ Франценсбадѣ: это для меня важнѣе всего. Если есть у васъ какая-нибудь возможность, Анненковъ, сколько можете, ни мало не затрудняя себя самого, помогите мнѣ, чѣмъ можете, и если да, то какъ можно скорѣе, тотчасъ по полученіи моего письма. Я увѣренъ, въ жизни моей не будетъ случая, когда бы чье-либо благодѣяніе было для меня такъ важно, какъ ваше теперь. Я готовъ голодать, ходить въ лохмотьяхъ—я все извѣдалъ, — но мысль, что я могъ бы быть здоровымъ человѣкомъ, что, можетъ быть, нѣсколько талеровъ, которые будутъ и у меня со временемъ, избавили бы меня отъ болѣзни мучительной, страшной, доводившей меня до того, что мнѣ нужна была вся крѣпость воли, чтобъ устоять и не поддаться отчаяннымъ покушеніямъ, эта мысль убійственна. Я не буду повторять моихъ просьбъ и описывать болѣе моего положенія; у меня столько вѣры въ ваше участіе, что я убѣжденъ, что вы мнѣ поможете, если у васъ на эту минуту есть къ тому средства. Во всякомъ случаѣ пишите мнѣ. Бога ради скорѣе, въ тотъ же день, если можно. Сохрани васъ Богъ подумать, что я буду въ какой-нибудь претензіи, если вы не будете въ состояніи оказать мнѣ пособіе: я знаю васъ хо-

рошо и знаю вашу пріязнь ко мнѣ и скорѣе припишу отрицательный отвѣтъ на мою просьбу всѣмъ причинамъ на свѣтѣ, чѣмъ недостатку участія и добраго желанія.

Боюсь упустить каждую минуту, и потому скорѣе оканчиваю письмо. Адресуйте мнѣ на имя Ефремова: Dorotheenstrasse, № 28, для доставленія мнѣ. Преданный вамъ всею душею Катковъ.

2.

Франценсбадъ. 23-го августа 1842 года.

Если бы меня въ эту минуту какой-нибудь кудесникъ спросилъ: чего я хочу, то прежде, нежели успѣли бы расшевелиться всѣ мои бѣдныя, смирённыя лихою жизнію желанія, само собою и шумно сорвалось бы одно, потому что оно одно занимаетъ меня теперь, мой любезный Анненковъ,—желаніе видѣть васъ хоть на минуту, васъ и Заикина. Я не умѣю выразить вамъ теперь въ ясныхъ словахъ всего того, что̀ возбудили вы во мнѣ своимъ участіемъ, больше, нежели пріятельствомъ; только при личномъ свиданіи могло бы все это даться почувствовать. Такъ, Анненковъ, вспомоществованіе, оказанное мнѣ вами, дорого, спасительно и дѣйствительно; впослѣдствіи, можетъ быть, тысячи не будутъ имѣть для меня такой цѣны и значенія, какъ эта присланная вами сумма. Вы записались этимъ, Анненковъ, навсегда въ благодѣтели, въ добрые геніи моей жизни. Я теперь безъ ужаса подумать не могу, что̀ было бы со мною, если бы я воротился домой съ здоровьемъ, такъ радикально разстроеннымъ, не сдѣлавъ послѣдней попытки возстановить его, потерявъ, можетъ быть, на вѣки случай къ тому. Но вы знаете уже важность этого: я писалъ уже вамъ объ этомъ. Но это еще не все. Деньги я у васъ занялъ и не теряю надежды скоро возвратить вамъ ихъ вмѣстѣ съ первымъ моимъ долгомъ (вѣдь вамъ не разъ приходилось быть добрымъ геніемъ моимъ); теперь ѣду въ Россію съ намѣреніемъ поступить въ службу въ Петербургѣ, и первою заботою моею будетъ тамъ заработать столько, сколько

нужно на уплату всѣхъ долговъ моихъ, которые не превышаютъ 1500 рублей, — и все, что могу сказать я, вашъ долгъ будетъ выплаченъ изъ первыхъ. Но, Анненковъ, это участіе, эта дружеская родственная готовность — какъ заплачу я вамъ за нихъ? Одно только позволю я теперь сказать себѣ: есть въ жизни великая отрада, счастіе, не замѣнимое ничѣмъ, никакими другими удовольствіями, средствами и пріятностями, именно въ сознаніи, что есть люди, принимающіе въ тебѣ любовное и глубокое участіе не потому, что ты тѣмъ-то и тѣмъ-то надѣленъ отъ природы и общества, а потому, что ты — ты; эти тайныя, внутреннія, неуловимыя для взора черни отношенія казались мнѣ всегда лучшею прелестію жизни, и такія-то отношенія завязываете вы между нами, любезный другъ мой. Но и не ощущеніями, не говорю уже — словами, должны ограничиваться эти отношенія; вы сами подаете мнѣ прекрасный примѣръ, какъ надо сочетать ощущеніе съ дѣломъ, вы не просто пожалѣли обо мнѣ, но и дѣятельно помогли. Позвольте же мнѣ надѣяться, что вы примете слова мои къ сердцу, если скажу вамъ, что во всякомъ случаѣ жизни, гдѣ понадобится вамъ или живое сочувствіе, или дѣло, какого бы не потребовало оно напряженія, вы можете и должны подумать обо мнѣ. А я умѣлъ «подумать о васъ въ тяжелую минуту»,—сумѣю тоже подумать и въ свѣтлую.

Вообще, въ это послѣднее время я былъ потрясенъ до глубины души доказательствами любви людей, отъ которыхъ эти доказательства мнѣ особенно дороги. Не говорю уже о Заикинѣ. Богъ только знаетъ, сколько я обязанъ ему; на дняхъ я получилъ много писемъ, между прочимъ отъ Сокологорскаго. Какой неоцѣненный, благородный человѣкъ! Вообразите: онъ горюетъ и досадуетъ на меня за то, что я отказался отъ надежды ѣхать въ Парижъ. Онъ принялъ меня со всѣхъ сторонъ и то сердится, то упрашиваетъ, и наконецъ, предлагаетъ жить у себя въ Парижѣ. Его письмо взбудоражило меня жестоко; не то, чтобы оно заставило меня колебаться, нѣтъ, мнѣ и думать объ этомъ нельзя,—но мнѣ стало даже больно, не разъ захолонуло сердце, какъ въ пер-

вые дни мои за границей, когда—помните?—каждую ночь снилось мнѣ, будто я, только что выѣхавъ изъ Россіи, тотчасъ же перенесенъ былъ снова въ нее. Парижъ, Италія! «Увы, увы!» буду писать я къ Сокологорскому; начну и кончу тѣмъ же самымъ «увы!» (Кстати: куда писать къ нему? Онъ просилъ адресовать въ Шлангенбадъ, имѣя въ виду остаться въ немъ еще только недѣлю, а письмо его текло ко мнѣ, свершая переходъ черезъ Берлинъ, въ продолженіе двухъ недѣль).

Что же касается до моего лѣченья, то, какъ вы, вѣроятно, уже знаете отъ Заикина, время было не упущено. Не разъ случалось мнѣ дѣйствовать на удалую; такъ поступилъ я и теперь, отправившись съ десяткомъ талеровъ,— и какъ прежде, такъ и теперь, вынесла меня добрая судьба моя или, лучше сказать, вы съ Заикинымъ. Лѣченье мое пошло успѣшно; но недавно я простудился и теперь сижу въ своей комнатѣ, не принимая ваннъ, къ чему также содѣйствовали и ваши письма, взволновавшія меня сильно, и безъ того раздраженнаго лѣченьемъ. Но пріятно—не правда ли?— быть больнымъ отъ такихъ причинъ. Это заставляетъ меня продлить время пребыванія въ Франценсбадѣ, такъ что я въ суммѣ пробуду въ немъ около семи недѣль. Денегъ вашихъ и Заикина однакожь будетъ достаточно не только на все это время, но и на обратный отъѣздъ въ Берлинъ, гдѣ я проживу, вѣроятно, съ мѣсяцъ, ожидая денегъ изъ Петербурга на дорогу въ Россію.

Вы мнѣ пишете: не нужно ли мнѣ болѣе? Вы видите, что вы меня уже съ лихвою обезпечили на лѣченье; но если бы не было безсовѣстно, то я попросилъ бы у васъ еще 15 талеровъ, чтобы имѣть возможность пробыть въ Дрезденѣ нѣсколько дней. Я такъ мало видѣлъ за границей, что мнѣ хотѣлось бы по крайней мѣрѣ вглядѣться попристальнѣе въ дрезденскія драгоцѣнности; тамъ есть что̀ посмотрѣть, а въ первый проѣздъ мой, прошлаго года, я могъ только мелькомъ заглянуть въ галерею. Простите меня: мнѣ стало стыдно, когда я написалъ это. Можетъ быть даже, я обойдусь и съ этими деньгами, которыя уже имѣю отъ васъ; въ та-

комъ случаѣ даю вамъ слово выслать изъ Берлина ихъ назадъ къ вамъ.

Въ Франценсбадѣ я остаюсь еще двѣ недѣли отъ сего числа, 23-го; если вы ко мнѣ будете скоро писать, и если письмо ваше можетъ придти въ Франценсбадъ (Franzensbad bei Eger in Böhmen) къ 5-му или 6-му сентября, о чемъ потрудитесь справиться на почтѣ, то адресуйте въ Франценсбадъ; если къ 7-му или 8-му — то въ Дрезденъ, poste restante, — не то уже въ Берлинъ. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ не прилагайте уже денегъ; да и вообще не прилагайте: какой мнѣ Дрезденъ! До того ли? Что же вы о себѣ ничего не пишете? Помяните меня за уткой въ Парижѣ, любезный Анненковъ. Всею душею любящій васъ Катковъ.

Въ Россію поѣду я, вѣроятно, въ началѣ октября. Когда вы думаете возвратиться въ Россію? Напишите мнѣ объ этомъ.

3.

Москва. 3-го ноября 1854 года.

Не сѣтуйте на меня, почтеннѣйшій Павелъ Васильевичъ, за то, что я не скоро отвѣчалъ на ваше письмо. Послѣднія три недѣли я былъ совсѣмъ безъ головы. Мой маленькій (вѣдь вы ужь знаете, что я — отецъ семейства) занемогъ очень опасно, и мы съ женою не знали за нимъ ни минуты покоя. Тутъ только я почувствовалъ во всей силѣ чувство отца. Первое письмо ваше очень встревожило и огорчило меня. Я никакъ не предвидѣлъ, какое неудовольствіе должна была причинить вамъ статья Бартенева. Ничего не зналъ я объ отношеніяхъ его къ вамъ. Зная о вашемъ предпріятіи, подумалъ даже, что статьи Бартенева, какъ матеріалы для біографіи Пушкина, могли быть нѣкоторыми частностями не безполезны для васъ. Теперь, послѣ вашего письма, я вижу дѣло въ иномъ свѣтѣ. Зачѣмъ только вы не написали мнѣ ничего послѣ появленія первой статьи Бартенева въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»? Будьте увѣрены, что я буду теперь осторожнѣе, и «Московскія

Вѣдомости» не подадутъ вамъ ни малѣйшаго повода къ неудовольствію въ этомъ отношеніи. Бартенева, по полученіи вашего письма, я еще не видалъ, но успѣлъ однако дать ему кое-что почувствовать чрезъ посредство одного общаго знакомаго: онъ въ оправданіе свое замѣчаетъ, что ему дано право на обнародованіе фактовъ біографіи Пушкина и нѣкоторыхъ не напечатанныхъ его отрывковъ какимъ-то Соболевскимъ, опекуномъ дѣтей поэта: вѣроятно, вы знаете сего индивидуума. Повторяю, что больше не будетъ вамъ повода къ неудовольствію.

Вашъ родственникъ былъ у меня со вторымъ вашимъ письмомъ и съ объявленіемъ о подпискѣ на ваше изданіе Пушкина. Я немедленно распорядился объ исполненіи вашего желанія, и въ завтрашнемъ же нумерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» будетъ напечатано это объявленіе на самомъ лучшемъ мѣстѣ, то-есть, въ «Литературномъ отдѣлѣ». Вы желали, чтобы оно было напечатано въ рамкахъ; въ этомъ мѣстѣ газеты рамки не употребительны и во всякомъ случаѣ излишни, къ тому же онѣ довольно дороги, — и по всѣмъ этимъ причинамъ я не счелъ нужнымъ ставить ихъ, полагая, что вы не будете крѣпко стоять за нихъ. Напишите, сколько разъ желаете вы напечатать это объявленіе: одинъ, два или три раза. Плата за троекратное напечатаніе дешевле, нежели за три раза порознь.

Вашъ родственникъ былъ такъ добръ, что взялся писать къ вамъ или къ вашему брату объ увѣдомленіи на счетъ судьбы двухъ близкихъ мнѣ человѣкъ, находившихся въ послѣднемъ жестокомъ дѣлѣ подъ Севастополемъ (24-го сентября), имено о генералѣ Охтерлоне, который, какъ извѣстно изъ реляціи, раненъ, и о князѣ Шаликовѣ, капитанѣ Якутскаго полка. Что̀ сталось съ послѣднимъ, не убитъ ли онъ, не раненъ ли, и какъ значительна рана перваго? Передаю вамъ теперь прямо мою просьбу увѣдомить меня объ этомъ, какъ только въ главномъ штабѣ будутъ получены подробныя свѣдѣнія. Всею душею вамъ преданный М. Катковъ.

4.

Москва. 6-го апрѣля 1855 года.

Благодарю васъ отъ всей души, любезный Павелъ Васильевичъ, за экземпляръ вашего «Пушкина». Это драгоцѣнный для меня подарокъ. Мнѣ очень досадно, что «Московскія Вѣдомости» замедлили отзывомъ о вашемъ изданіи. Самъ я не могъ въ послѣднее время заняться основательнымъ изученіемъ дѣла, чтобы написать что-нибудь дѣльное, и поручилъ написать статью одному изъ своихъ сотрудниковъ, предоставляя себѣ впослѣдствіи возвратиться къ дѣлу и написать отъ себя, по окончаніи изданія, болѣе обширную статью о Пушкинѣ. Господинъ, которому было поручено дѣло, внезапно уѣхалъ, не извѣстивъ меня о судьбѣ своей статьи. Теперь она написана другимъ, Бестужевымъ, молодымъ человѣкомъ даровитымъ; статья завтра появится въ «Вѣдомостяхъ»; я не очень ею доволенъ, но она послужитъ къ оглашенію вашего изданія въ публикѣ, что̀ теперь всего нужнѣе. Я буду пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы упоминать объ немъ.

Трудъ вашъ истинно почтенный. Ваши замѣчанія и взгляды, проблескивающіе въ біографическихъ матеріалахъ и комментаріи, прекрасны. Жаль только, что у васъ не было подъ рукою опытнаго, твердаго въ типографскомъ дѣлѣ корректора. Недостатокъ этого особенно ощутителенъ въ первой части, въ біографіи. Но это дѣло второстепенное, и говорить объ немъ не стоитъ.

Итакъ, не сѣтуйте на меня, Павелъ Васильевичъ, за равнодушіе къ вашему дѣлу. Я къ нему такъ не равнодушенъ, что еще успѣю надоѣсть и вамъ, и публикѣ толками объ немъ. Случайное же замедленіе перваго отзыва ничего не значитъ. Мы свое нагонимъ. Успѣхъ изданія несомнѣненъ.

Пользуюсь случаемъ, чтобы обратиться къ вамъ съ просьбицей. Я какъ-то просилъ васъ справиться въ департаментѣ о ранѣ генерала Охтерлоне. Вы были такъ добры, что извѣстили меня немедленно. Теперь же просьба моя состоитъ

въ томъ, чтобы вы, буде возможно, справились въ департаментѣ, что сталось съ двумя представленіями объ немъ: одно—отъ князя Горчакова во время осады Силистріи, другое — отъ князя Меншикова въ январѣ нынѣшняго года, если не ошибаюсь. Первымъ онъ представлялся къ наградѣ Станиславомъ первой степени, вторымъ—къ Аннѣ. Представленія эти онъ видѣлъ самъ на мѣстѣ; но, къ удивленію его, они не имѣли никакого послѣдствія. Старикъ очень взволнованъ и не знаетъ, чему приписать это. Онъ сбирается ѣхать самъ въ Петербургъ (теперь онъ въ Москвѣ), чтобы лично узнать обо всемъ; но предварительно ему желалось бы знать что-нибудь о судьбѣ этихъ представленій. Онъ мнѣ нѣсколько сродни: вотъ почему я и утруждаю васъ. Вы меня несказанно обяжете, если сообщите нѣсколько строкъ объ этомъ дѣлѣ. Нѣтъ ли противъ него въ министерствѣ какого-нибудь предубѣжденія? Разумѣется, я дамъ вамъ слово хранить секретъ, если то будетъ нужно. Если вы найдете возможнымъ написать мнѣ что-нибудь объ этомъ, то сдѣлайте одолженіе поскорѣе. Обстоятельство времени здѣсь очень важно. Вашъ всею душою М. Катковъ.

5.

Москва. 5-го марта 1863 года.

Не сѣтуйте на меня, любезный Павелъ Васильевичъ, за неаккуратность: я съ ногъ сбился отъ хлопотъ и совсѣмъ изнемогъ отъ работы. Къ тому же я теперь безъ секретаря и тупъ завѣдывать разсчетомъ и расплатой. Вамъ, кажется, не дослали всѣхъ должныхъ вамъ денегъ. Осталось за корреспонденцію (въ «Современной Лѣтописи»). Рѣшительно не имѣю времени справиться. Помогите сами и пришлите счетъ.

Не можетъ быть сомнѣнія, что продолженіе вашихъ воспоминаній будетъ принято «Русскимъ Вѣстникомъ» съ полнымъ удовольствіемъ и радушіемъ. Высылайте только поскорѣе. Писать болѣе некогда. Весь вашъ М. Катковъ.

II.

ПИСЬМА Н. В. ГОГОЛЯ.

1.

Ницца. Февраля 10-го 1844 года.

Ивановъ прислалъ мнѣ вашъ адресъ и сообщилъ мнѣ вашу готовность исполнять всякія порученія. Благодарю васъ за ваше доброе расположеніе, въ которомъ впрочемъ я никогда и не сомнѣвался. Итакъ, за дѣло. Вотъ вамъ порученья: 1-е) Развѣдайте, что̀ дѣлается съ моими книжными дѣлами; вамъ, я думаю, извѣстно, что я сдѣлалъ глупость, напечатавъ свои сочиненія въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ, и таковымъ образомъ возвысилъ издержки ровно вдвое; къ этой глупости я присоединилъ другую глупость, напечатавъ ихъ за глаза, тогда какъ доселѣ таковыхъ дѣлъ я никому не довѣрялъ, кромѣ себя; чрезъ это ввелъ бѣднаго Прокоповича, человѣка новаго въ этомъ дѣлѣ, въ хлопоты и страшную путаницу, такъ что, я думаю, и онъ самъ теперь сбился съ толку. До сихъ поръ ни одной копѣйки я не получилъ доходу отъ моихъ сочиненій. И ни слуху, ни духу ни отъ кого. Отъ Прокоповича больше полугода не имѣю ни извѣстія, ни писемъ. Я просилъ его прислать мнѣ отчетъ, но не получалъ никакого отвѣта. Никогда еще такъ несчастливо не случалось мнѣ издать. Никакихъ исторій у меня не бывало ни съ типографіями, ни съ купцами, хотя я и не заключалъ съ ними никакихъ письменныхъ контрактовъ. Вы сдѣлайте вотъ что̀: развѣдайте поближе, въ чемъ дѣло, и такъ, какъ бы не я васъ просилъ о томъ, а какъ бы вы сами для себя хотѣли узнать. Да не дурно между прочимъ запастись въ этомъ случаѣ совершеннымъ хладнокровіемъ и надлежащимъ благоразуміемъ, наводящимъ насъ на прямую середину и на прямое познаніе дѣла. Прокоповичъ— человѣкъ нѣсколько страстный и увлекающійся. Всѣ ваши пріятели тоже съ увлеченіями, да и вообще, какъ правые,

такъ и не правые, какъ честные, такъ и подлецы, любятъ увлекаться; все это помните себѣ хорошенько. Помните также, что человѣкъ никогда не бываетъ ни совершенно правъ, ни совершенно виноватъ. По моему мнѣнію, капитанская жена въ повѣсти у Пушкина совершенно права, когда послала поручика разсудить драку за шайку въ банѣ съ таковой инструкціей: «Разбери хорошенько: кто правъ, кто виноватъ, да обоихъ и накажи». Мнѣ кажется, если вы возьмете все это въ соображеніе, то узнаете совершенную истину и можете представить самую выжатую эссенцію изъ этой путаницы... Какъ бы то ни было, но мое положеніе не очень завидно: я сижу безъ копѣйки денегъ. Хорошо, что нашимъ пріятелямъ не приходитъ на умъ примѣрить иногда на себѣ положеніе другого. 2-е) Другая просьба. Увѣдомьте, въ какомъ положеніи и какой приняли характеръ нынѣ толки какъ о «Мертвыхъ Душахъ», такъ и о сочиненіяхъ моихъ. Это вамъ сдѣлать, я знаю, будетъ отчасти трудно, потому что кругъ, въ которомъ вы обращаетесь, большею частію обо мнѣ хорошаго мнѣнія, — стало быть, отъ нихъ что отъ козла молока. Нельзя ли чего-нибудь достать внѣ этого круга, хотя чрезъ знакомыхъ вашимъ знакомымъ, черезъ четвертыя или пятыя руки? Можно много довольно умныхъ замѣчаній услышать отъ тѣхъ людей, которые совсѣмъ не любятъ моихъ сочиненій. Нельзя ли при удобномъ случаѣ также узнать: что̀ говорится обо мнѣ въ салонахъ Булгарина, Греча, Сенковскаго и Полевого? Въ какой силѣ и степени ихъ ненависть, или уже превратилась въ совершенное равнодушіе? Я вспомнилъ, что вы можете узнать кое-что объ этомъ даже отъ Романовича, котораго, вѣроятно, встрѣтите на улицѣ. Онъ, безъ сомнѣнія, бываетъ по прежнему у нихъ на вечерахъ. Но дѣлайте все такъ, какъ бы этимъ вы, а не я интересовался. Не дурно также узнать мнѣніе обо мнѣ и самого Романовича.

За все это я вамъ дамъ совѣтъ, который пахнетъ страшной стариной, но тѣмъ не менѣе очень умный совѣтъ: Тритесь побольше съ людьми и раздвигайте всегда кругъ вашихъ знакомыхъ, а знакомые эти чтобы непремѣнно были

опытны и практическіе люди, имѣющіе какія-нибудь занятія, а знакомясь съ ними, держитесь такого правила: построже къ себѣ и поснисходительнѣй къ другимъ. А въ хвостъ этого совѣта положите мой обычай не пренебрегать никакими толками о себѣ, какъ умными, такъ и глупыми, и никогда не сердиться ни на что... Если выполните это, благодать будетъ надъ вами, и вы узнаете ту мудрость, которой ужь никакъ не узнаете ни изъ книгъ, ни изъ умныхъ разговоровъ.

Увѣдомьте меня о себѣ во всѣхъ отношеніяхъ: какъ вы живете, какъ проводите время, съ кѣмъ бываете, кого видите, что дѣлаютъ всѣ и знакомые, и незнакомые. Въ какомъ положеніи находится вообще картолюбіе и б....любіе, и что нынѣ предметомъ разговоровъ, какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ обществахъ, натурально — въ выраженьяхъ приличныхъ, чтобы не оскорбить никого. Затѣмъ, обнимая васъ искренно и душевно и желая всякихъ существенныхъ пользъ и пріобрѣтеній, жду отъ васъ скораго увѣдомленія. Прощайте. Вашъ Г.

Адресуйте во Франкфуртъ на Майнѣ на имя Жуковскаго, который отнынѣ учреждается тамъ, и гдѣ чрезъ мѣсяцъ я намѣренъ быть самъ.

2.

Франкфуртъ. Мая 10-го (1844 года).

Благодарю васъ за хлопоты по дѣлу моему. Но о деньгахъ Прокоповичу я уже писалъ давно; онъ знаетъ, что я въ нихъ нуждаюсь, и вотъ уже годъ, какъ никакого отъ него отвѣта. Если же денегъ нѣтъ въ наличности, онъ долженъ былъ прислать отчетъ, котораго я отъ него требовалъ. Мнѣ нужно знать, въ какомъ положеніи мои дѣла, чтобъ приступать къ мѣрамъ рѣшительнымъ, то-есть, войти въ сдѣлки съ книгопродавцами для полученія наличныхъ денегъ,—мнѣ ужь предлагали и теперь; вообразите, я не знаю даже, сколько у меня на лицо товару. Не пропадать же мнѣ съ голоду! Это можно, кажется, смекнуть; вотъ по-

чему я просилъ васъ вникнуть отъ себя въ это для меня загадочное дѣло. Я написалъ на дняхъ упрекъ Прокоповичу въ его безчувственности къ положенію другого. Скажите ему также, что я очень безпокоюсь и просилъ даже васъ узнать, что̀ значитъ вся эта загадка.

Благодарю васъ за нѣкоторыя извѣстія о толкахъ на книгу. Но ваши собственныя мнѣнія... смотрите за собой: они пристрастны. Неумѣренные эпитеты, разбросанные коегдѣ въ вашемъ письмѣ, уже показываютъ, что они пристрастны. Человѣкъ благоразумный не позволилъ бы ихъ себѣ никогда. Гнѣвъ или неудовольствіе на кого бы то ни было всегда несправедливы; въ одномъ только случаѣ можетъ быть справедливо наше неудовольствіе—когда оно обращается не противъ кого-либо другого, а противъ себя самого, противъ собственныхъ мерзостей и противъ собственнаго неисполненья своего долга. Еще: вы думаете, что вы видите дальше и глубже другихъ, и удивляетесь, что многіе, повидимому, умные люди не замѣчаютъ того, что̀ замѣтили вы. Но это еще Богъ вѣсть, кто ошибается. Передовые люди—не тѣ, которые видятъ одно что-нибудь такое, чего другіе не видятъ, и удивляются тому, что̀ другіе не видятъ; передовыми людьми можно назвать только тѣхъ, которые именно видятъ все то, что̀ видятъ другіе (всѣ другіе, а не нѣкоторые) и, опершись на сумму всего, видятъ то, чего не видятъ другіе, и уже не удивляются тому, что̀ другіе не видятъ того же. Въ письмѣ вашемъ отраженъ человѣкъ, просто унывшій духомъ и не взглянувшій на самого себя. Еслибъ мы всѣ, вмѣсто того чтобъ разсуждать о духѣ времени, взглянули какъ должно всякій на самого себя, мы больше бы гораздо выиграли. Кромѣ того, что мы узнали бы лучше, что̀ въ насъ самихъ заключено и есть, мы бы пріобрѣли взглядъ яснѣе, многостороннѣй на всѣ вещи вообще и увидѣли бы для себя пути и дороги тамъ, гдѣ грѣховное уныніе все тьмитъ передъ нами и вмѣсто путей и дорогъ показываетъ намъ только самое себя, тоесть, одно грѣховное уныніе. Злой духъ только могъ подшепнуть вамъ мысль, что вы живете въ какомъ-то перехо-

дящемъ вѣкѣ, когда всѣ усилія и труды должны пропасть безъ отзвука въ потомствѣ и безъ ближайшей пользы кому. Да если бы только хорошо освѣтились глаза наши, то мы увидали бы, что на всякомъ мѣстѣ, гдѣ бъ ни довелось намъ стоять, при всѣхъ обстоятельствахъ какихъ бы то ни было, споспѣшествующихъ или поперечныхъ, столько есть дѣлъ въ нашей собственной, въ нашей частной жизни, что, можетъ быть, самъ умъ нашъ помутился бы отъ страху при видѣ неисполненья и пренебреженья всего, и уныніе не даромъ бы тогда закралось въ душу. По крайней мѣрѣ оно бы тогда было болѣе простительно, чѣмъ теперь. Признаюсь, я считалъ васъ (не знаю почему) гораздо благоразумнѣе. Самой душѣ моей было какъ-то неловко, когда я читалъ письмо ваше. Но оставимъ это и не будемъ никогда говорить. Всякихъ мнѣній о нашемъ вѣкѣ и нашемъ времени я терпѣть не могу, потому что они всѣ ложны, потому что произносятся людьми, которые чѣмъ-нибудь раздражены или огорчены... Напишите мнѣ о себѣ самомъ только тогда, когда почувствуете сильное неудовольствіе противъ себя самого, когда будете жаловаться не на какія-нибудь помѣшательства со стороны людей или вѣка, или кого бы то ни было другого, но когда будете жаловаться на помѣшательства со стороны своихъ же собственныхъ страстей, лѣни и недѣятельности умственной. Еще: и луча вѣры нѣтъ ни въ одной строчкѣ вашего письма, и малѣйшей искры смиренья высокаго въ немъ не замѣтно! И послѣ этого еще хотѣть, чтобъ умъ нашъ не былъ одностороненъ, или чтобы былъ онъ безпристрастенъ. Вотъ вамъ цѣлый возъ упрековъ! Не удивляйтесь: вы сами на нихъ напросились. Вы желали отъ меня освѣжительнаго письма. Но меня освѣжаютъ теперь одни только упреки, а потому ими же я прислужился и вамъ.

А вмѣсто всякихъ толковъ о томъ, чѣмъ другой виноватъ или не выполнилъ своей обязанности, постарайтесь исполнить тѣ обязанности, которыя я наложу на васъ. Пришлите мнѣ каталогъ Смирдинской бывшей библіотеки для чтенія, со всѣми бывшими прибавленіями; онъ—пол-

нѣйшій книжный нашъ реестръ; да присовокупите къ тому реестръ книгъ всѣхъ, напечатанныхъ синодальной типографіей: это можете узнать въ синодальной лавкѣ. Да еще сдѣлайте одну вещь: выпишите для меня мелкимъ почеркомъ всѣ критики Сенковскаго въ «Библіотекѣ для чтенія» на «Мертвыя Души» и вообще на всѣ мои сочиненія, такъ чтобы ихъ можно послать въ письмѣ. Сколько я ни просилъ объ этомъ, никто не исполнилъ. Каталогъ Смирдинскій есть, кажется, мой у Прокоповича: пошлите тоже съ почтой, которая нынѣ принимаетъ посылки. Адресуйте въ Берлинъ на имя служащаго при тамошней миссіи графа Мих. Мих. Віельгорскаго для доставки мнѣ, если почта не возьмется доставить во Франкфуртъ прямо на мое имя. Вотъ вамъ обязанности покамѣсть истинно христіанскія. Отъ васъ требуетъ выполненія этого долго прямо, безвозмездно Н. Гоголь.

3.

Остенде. Августа 12-го (1847 года).

Узнавши, что вы въ Парижѣ, пишу къ вамъ. Я получилъ письмо отъ Бѣлинскаго, которое меня огорчило не столько оскорбительными словами, устремленными лично на меня, сколько чувствомъ ожесточенья вообще. Послѣднее сокрушительно для его здоровья. Вы теперь при немъ: отводите отъ него все возмущающее духъ его. Убѣдите его прежде всего въ той непреложной истинѣ, что излишество теперь удѣлъ всѣхъ, кто только сколько-нибудь имѣетъ сердце небезчувственное къ дѣламъ міра, какой-нибудь характеръ и какое-нибудь убѣжденіе. Всѣ переливаютъ черезъ край, потому что никто не спокоенъ. Я, болѣе другихъ спокойный и хладнокровный, впалъ въ излишество болѣе другихъ: писавши мои «Письма», я былъ истинно убѣжденъ въ той мысли, что всѣ званія и должности могутъ быть освящены человѣкомъ, и что чѣмъ выше мѣсто, тѣмъ оно должно быть святѣе; я хотѣлъ разсмотрѣть всѣ мѣста и званія въ ихъ чистомъ источникѣ, а не въ томъ видѣ, въ какомъ они являются вслѣдствіе злоупотребленій человѣческихъ; я на-

чалъ съ высшихъ должностей; я хотѣлъ напомнить человѣку о всей святости его обязанностей, а выразился такъ, что слова мои приняли за куренье человѣку. Не увлекись я духомъ излишества, который раздуваетъ теперь всѣхъ, я бы выразился, можетъ быть, такъ, что со мною во многомъ бы согласились тѣ, которые оспариваютъ теперь меня во всемъ,— хотя чувствую, что и тогда видна была бы во мнѣ односторонность. Занявшись своимъ собственнымъ внутреннимъ воспитаніемъ, проведя долгое время за Библіею, за Моисеемъ, Гомеромъ—законодателями вѣковъ минувшихъ, читая исторію событій кончившихся и отжившихъ, наконецъ наблюдая и анатомируя собственную душу въ желаньи узнать глубже душу человѣка вообще и встрѣтясь на этомъ пути съ Тѣмъ, Который болѣе всѣхъ насъ зналъ душу человѣка, я весьма естественно сталъ на время чуждъ всему современному. За то теперь проснулось во мнѣ любопытство ребенка знать все то, чего я прежде не хотѣлъ знать. Точно какъ бы на то была уже такая воля, чтобы я не прежде приступилъ къ узнанію мірскихъ дѣлъ, какъ узнавши получше самого себя. И мнѣ кажется, что я теперь далѣе всякаго другого могу уйти на пути развѣдыванья. Ни раздраженья, ни фанатизма во мнѣ нѣтъ; ничьей стороны держать не могу, потому что вездѣ вижу частицу правды и много всякихъ преувеличиваній и лжи. Не знаю только, достанетъ ли на то силъ физическихъ: здоровье мое, которое началось было уже поправляться и возстановляться, потряслось отъ этой для меня сокрушительной исторіи по поводу моей книги. Многіе удары такъ были чувствительны для всякаго рода щекотливыхъ струнъ, что дивлюсь самъ, какъ я еще остался живъ, и какъ все это вынесло мое слабое тѣло.

Но въ сторону все это. Недавно я прочелъ ваши письма о Парижѣ. Много наблюдательности и точности, но точности дагеротипной. Не чувствуется кисть, ихъ писавшая. Самъ авторъ—воскъ, не получившій формы, хотя воскъ перваго свойства, прозрачный, чистый, именно такой, какой нуженъ для того, чтобъ отлить изъ него фигуру. Словомъ, въ письмахъ не видно, зачѣмъ написаны письма. Въ то же время

прочелъ я письма Боткина. Я ихъ читалъ съ любопытствомъ. Въ нихъ все интересно, можетъ быть, именно отъ того, что авторъ мысленно занялся вопросомъ разрѣшить себѣ самому, что̀ такое нынѣшній испанскій человѣкъ, и приступилъ къ этому смиренно, не составивши себѣ заблаговременно никакихъ убѣжденій изъ журналовъ, не влюбившись въ первый выведенный имъ выводъ, какъ дѣлаютъ это люди съ горячимъ темпераментомъ, не разсматривающіе того, что выведенъ выводъ только изъ двухъ, изъ трехъ сторонъ дѣла, а не изо всѣхъ,—какъ случается это съ Бѣлинскимъ, со многими людьми на Москвѣ, со мною грѣшнымъ и вообще со всѣми тѣми, въ которыхъ много гордости и убѣжденья, что они стоятъ на высшей точкѣ воззрѣнія на вещи. Въ вашихъ же письмахъ мнѣ показалось, какъ будто вы не задавали самому себѣ сурьезнаго вопроса. Я подумалъ: что еслибы на мѣсто того, чтобы дагеротипировать Парижъ, который русскому извѣстенъ болѣе всего прочаго, начали вы писать записки о русскихъ городахъ, начиная съ Симбирска, и также любопытно стали бы осматривать всякаго встрѣчнаго человѣка, какъ осматриваете вы на мануфактурныхъ и всякихъ выставкахъ всякую вещицу. Если при этомъ описаніи зададите себѣ внутренную задачу разрѣшить самому себѣ, что̀ такое нынѣшній русскій человѣкъ во всѣхъ сословіяхъ, на всѣхъ мѣстахъ, начиная отъ высшихъ до низшихъ, и, держа внутри себя этотъ вопросъ, будете глядѣть на всякое событіе и случай, какъ бы они ничтожны не были, какъ на явленье психологическое, ваши записки вышли бы непремѣнно интересны, тѣмъ болѣе, что у васъ, какъ мнѣ кажется, нѣтъ пристрастія и сильной увѣренности въ истинѣ своихъ выводовъ и заключеній. Я очень помню одно ваше письмо, которое вы писали мнѣ изъ Симбирска въ отвѣтъ на коекакіе упреки съ моей стороны. Оно меня тронуло этимъ отсутствіемъ гордой самоувѣренности въ себѣ; я вамъ искренно позавидовалъ. Но заговорился. Вы бы сдѣлали хорошо, еслибы заглянули въ Остенде. Это такъ близко отъ Парижа. По желѣзной дорогѣ день ѣзды. Мы бы вспомнили старину. Скажу вамъ, что мнѣ теперь сильнѣй, чѣмъ когда-либо, хо-

чется видѣть всѣхъ, съ кѣмъ я давно знакомъ. Люди, съ которыми я повстрѣчался въ юности моей, становятся мнѣ теперь съ каждымъ годомъ какъ бы родственнѣй и ближе—отъ того ли, что способность воспоминанія, которая была всегда во мнѣ живая, при поворотѣ дней моихъ къ старости стала еще живѣй, или отъ того, что въ самомъ дѣлѣ любовь къ человѣку во мнѣ увеличилась. Какъ бы то ни было, но я благодарю Бога за это чувство. Оно такъ умиряетъ, такъ успокоиваетъ душу даже и среди помышленій о судьбахъ человѣчества, общества и всего міра. Но прощайте. Если увидите Боткина, поклонитесь ему. На адресѣ письма сверхъ Остенде можете вставить: Rue des capucins, 16.—Бѣлинскому отвѣтъ я написалъ, адресуя въ poste restante. Вашъ Н. Г.

4.

Остенде. Августъ (1847 года).

Очень былъ радъ вашему доброму письму. Прежде всего замѣчу вамъ, что вы ошиблись, принявши голосъ изнеможенія и нѣкоторой скорби, которая должна была слышаться въ письмѣ моемъ, за нѣчто похожее на отчаяніе. Слава Богу, отчаянью я не предавался даже и въ минуты несравненно болѣе тяжкія. Я слишкомъ увѣренъ въ томъ, что Тотъ, Кто распоряжается дѣлами міра, Имъ созданнаго, несравненно умнѣе всѣхъ насъ и знаетъ, что̀ дѣлаетъ, а потому ни въ какомъ случаѣ упасть духомъ не могу безъ Его воли. Но я изнемогъ. Это понятно: я человѣкъ. И не знаю, кто бы на моемъ мѣстѣ, какъ бы онъ крѣпокъ и силенъ не былъ, избѣгнулъ скорби. Чтобы вамъ сдѣлалось сколько-нибудь понятно мое положеніе, скажу вамъ, что въ небольшое время прожитой мною жизни мнѣ случилось сдѣлать много тѣсныхъ душевныхъ связей, основанныхъ не на какихъ-нибудь разсчетахъ житейскихъ, но на познаніи души человѣческой, связей, доставившихъ мнѣ случай вкусить высшее наслажденіе—любоваться красотой души, которая есть перлъ и жемчужина Божьихъ твореній. Я ловилъ всѣ оттѣнки ея и движенья, разбросанныя по частямъ во многихъ изъ тѣхъ лю-

дей, съ которыми я встрѣчался душевно. (Плодъ этого наблюденія вы, можетъ быть, встрѣтите въ „Мертвыхъ Душахъ", если Богъ поможетъ какъ слѣдуетъ имъ написаться). Не мудрено, что связи съ людьми стали для меня очень чувствительны, и сердце мое, заключа болѣе нѣжныхъ оттѣнковъ въ себѣ самомъ, стало чутко и способнѣй любить людей вообще. А потому можете почувствовать сами, каково мнѣ было получить вдругъ множество писемъ, ударившихъ по многимъ такимъ струнамъ, которыя и не существуютъ въ другомъ человѣкѣ, увидѣть вихорь недоразумѣній, обуявшій всѣхъ и многихъ вовсе сбившій съ толку, услышать упреки такіе, которыми я бы не имѣлъ духу попрекнуть и найпрезрѣннѣйшаго человѣка, и увидѣть такое грубое незнанье души даже и у тѣхъ, которые имѣли сами нѣжную и добрую душу. Скорбь моя была велика, но вы, я думаю, не можете почувствовать этой скорби. Самолюбіе, честолюбіе не въ тѣхъ грубыхъ видахъ, въ какихъ принимаютъ ихъ въ свѣтѣ, но въ тѣхъ тонкихъ оттѣнкахъ, въ какихъ они пребывали во мнѣ, были потрясены и поражены сильно; но вы, я думаю, этихъ словъ не поймете. Что же касается до публики и до суда общественнаго, то скажу вамъ откровенно, что, не смотря на небольшую почувствованную въ началѣ непріятность, это не могло меня сильно поразить. Авторскому честолюбію давно уже нанесены были изрядные щелчки; и я самъ даже давалъ ихъ себѣ не мало, какъ вы это можете видѣть изъ самой книги моей, гдѣ все-таки есть часть моей собственной душевной исторіи. Скажу вамъ даже, что въ какомъ бы ни было видѣ осталось лицо мое въ глазахъ публики, хотя бы имя мое въ оклеветанномъ видѣ достигнуло потомства и осталось таковымъ до конца міра, меня теперь это не смущаетъ: такъ я увѣренъ, что судить меня будетъ Тотъ, Кто повелѣлъ быть и міру, и намъ и вѣдаетъ мысли наши въ ихъ полнотѣ, не сбиваясь темнотой выраженій нашихъ и неумѣньемъ нашимъ опредѣлительно изъясняться. Скажу вамъ истинно и откровенно, что этотъ пріемъ моей книгѣ для меня въ нѣсколько разъ лучше пріема благосклоннаго, и если бы у меня спросили: не хочу ли

я, чтобы все это было сонъ, и пораженье моей книги было во снѣ, я бы не согласился. Въ изданьи моей книги я никакъ не раскаиваюсь и благодарю Бога, ее допустившаго. Безъ этой книги не пощупать бы мнѣ ни самого себя, ни людей и не пополнить бы никогда всѣхъ тѣхъ свѣдѣній даже въ психологическомъ отношеніи, которыя мнѣ необходимы для „Мертвыхъ Душъ". И цѣль моего путешествія къ Святымъ Мѣстамъ теперь уже та, чтобы поблагодарить Бога прежде всего за все со мной случившееся. Вотъ вамъ чистая правда моего состоянья душевнаго. Напишите мнѣ въ отплату что-нибудь о себѣ; я бы очень хотѣлъ знать, что̀ васъ занимаетъ въ Парижѣ въ настоящую минуту, и что̀ именно вы пріобрѣли въ познаніи современныхъ вещей. Нельзя, чтобъ вы какой-нибудь стороны не изучили или не изглубили, стало быть, нельзя, чтобы не было возможности чему-нибудь поучить меня. Скажите мнѣ также, гдѣ вы намѣрены провести зиму. Сколько мнѣ помниться, вы хотѣли тоже проѣздиться по другимъ землямъ и заглянуть даже на Востокъ. Если это будетъ въ наступающемъ году, то я этому очень радъ и увѣдомляю васъ, что я зиму, то-есть, ея начало, проведу въ Неаполѣ, а въ февралѣ сажусь на корабль и странами восточными проберусь въ Россію, то-есть, на Константинополь. Во всякомъ случаѣ напишите мнѣ нѣсколько строкъ на это письмо, чтобы я зналъ, что оно вами получено. Н. Г.

Я еще пробуду недѣли двѣ въ Остенде.

5.

Остенде. Сентября 7-го (1847 года).

Понятіе мое о Божествѣ не такъ узко, какъ вы думаете; по крайней мѣрѣ оно гораздо пространнѣе того смысла, который вы придали словамъ моимъ. Но это предметъ долгихъ рѣчей и толковъ, а потому и отложимъ его. Покамѣсть дѣло въ томъ, что мы всѣ идемъ къ тому же, но у всѣхъ насъ разныя дороги, а потому, покуда еще не пришли, мы не можемъ быть совершенно понятными другъ другу. Всѣ

мы ищемъ того же: всякій изъ мыслящихъ нынѣ людей, если только онъ благороденъ душой и возвышенъ чувствами, уже ищетъ законной желанной середины, уничтоженья лжи и преувеличенностей во всемъ и снятья грубой коры, грубыхъ толкованій, въ которыя способенъ человѣкъ облекать самыя великія и съ тѣмъ вмѣстѣ простыя истины. Но всѣ мы стремимся къ тому различными дорогами, смотря по разнообразію данныхъ намъ способностей и свойствъ, въ насъ работающихъ: одинъ стремится къ тому путемъ религіи и самопознанья внутренняго, другой—путемъ изысканій историческихъ и опыта (надъ другими), третій — путемъ наукъ естествознательныхъ, четвертый — путемъ поэтическаго постигновенья и орлинаго соображенья вещей, не обхватываемыхъ взглядомъ простаго человѣка, словомъ — разными путями, смотря по большему или меньшему въ себѣ развитію преобладательно въ немъ заключенной способности. Анатомируя человѣка, видимъ, что въ мозгу и головѣ уже особенно устроены для этого органа возвышенья и шишки на головѣ. Органы даны,—стало быть, они нужны затѣмъ, чтобы каждый стремился своей дорогой и производилъ въ своей области открытія, никакъ невозможныя для того, кто имѣетъ другіе органы. Онъ можетъ наговорить много излишествъ, можетъ увлечься своимъ предметомъ, но не можетъ лгать, увлечься фантомомъ, потому что говоритъ онъ не отъ своего произволенія: говоритъ въ немъ способность, въ немъ заключенная, и потому у всякаго лежитъ какая-нибудь правда. Правду эту усмотрѣть можетъ только всесторонній и полный геній, который получилъ на свою долю полную организацію во всѣхъ отношеніяхъ. Прочіе люди будутъ путаться, сбиваться, мѣшаться, привязываться къ словамъ и попадать въ безконечныя недоразумѣнія. Вотъ почему всякому необыкновенному человѣку слѣдуетъ до времени не обнаруживать своего внутренняго процесса, которые совершаются теперь повсемѣстно и прежде всего въ людяхъ, стоящихъ впереди: всякое слово его будетъ принято въ другомъ смыслѣ, и что̀ въ немъ состоянье переходное, то будетъ принято другими за нормальное. Вотъ

почему всякому человѣку, одаренному талантомъ необыкновеннымъ, слѣдуетъ прежде состроиться сколько-нибудь самому.

Ваше желаніе слѣдить все, не останавливаясь особенно ни надъ чѣмъ, очень понятно. Въ немъ слышится разумное стремленье всего нынѣшняго вѣка. Но непонятенъ для меня духъ нѣкотораго удовлетворенья вашимъ нынѣшнимъ состояньемъ, точно какъ бы вы уже нашли важную часть того, что̀ ищете, и какъ бы стали уже на верховную точку вашего разумѣнья и вашего воззрѣнья на вещи. Вы уже подымаете заздравный кубокъ и говорите: да здравствуетъ простота положеній и отношеній, основанныхъ на практической дѣйствительности, здравомъ смыслѣ, положительномъ законѣ, принципѣ равенства и справедливости! Смыслъ всего этого необъятно обширенъ. Цѣлая бездна между этими словами и примѣненьями ихъ къ дѣлу. Если вы станете дѣйствовать и проповѣдывать, и то прежде всего замѣтятъ въ вашихъ рукахъ эти заздравные кубки, до которыхъ такой охотникъ русскій человѣкъ, и перепьются всѣ, прежде чѣмъ узнаютъ, изъ-за чего было пьянство. Нѣтъ, мнѣ кажется, никому изъ насъ не слѣдуетъ въ нынѣшнее время торжествовать и праздновать настоящій мигъ своего взгляда и разумѣнья. Онъ завтра же можетъ быть уже другимъ; завтра же можемъ мы стать умнѣй насъ сегодняшнихъ. Не смотря на то, что взглядъ мой на современность только что проснулся, и я еще новичекъ въ этомъ дѣлѣ, но сколько могу судить по тѣмъ результатамъ, которые отбираю теперь отъ всѣхъ людей, прилежно наблюдающихъ надъ дѣйствующими нынѣ силами въ Европѣ, я однакожъ замѣтилъ нѣкоторую неполноту въ вашихъ наблюденьяхъ и упущенья, которыя вы сдѣлали на вашемъ пути. Это я приписываю тому, что вы сдѣлали представителемъ всего для для себя Парижъ и оставили совершенно въ сторонѣ Англію, гдѣ важная сторона современнаго дѣла. По моему разумѣнію, вамъ почти необходимо туда съѣздить, и не то, чтобы взглянуть только на Лондонъ, но именно прожить въ Англіи, затѣмъ избрать въ предметъ наблюденій не одинъ какой-

нибудь классъ пролетаріевъ, изученье котораго стало теперь моднымъ, но взглянуть на всѣ классы, не выключая никакого изъ нихъ. Не смотря на чудовищное совмѣщеніе многихъ крайностей, до такой степени противоположныхъ, что если бы кто изъ насъ заговорилъ о нихъ обѣихъ вдругъ, могли бы подумать, что ораторъ хочетъ служить и Богу, и чорту вмѣстѣ; не смотря на это, мѣстами является такое разумное слитіе того, что̀ доставила человѣку высшая гражданственность, съ тѣмъ, что̀ составляетъ первообразную патріархальность, что вы усумнитесь во многомъ, равно какъ и въ томъ, дѣйствительно ли въ васъ отражается полно вся нынѣшняя современность. Мнѣ кажется еще, что вы напрасно чуждаетесь спеціальнаго труда. Какой-нибудь спеціальный трудъ долженъ быть непремѣнно у каждаго изъ насъ. Сверхъ пребыванія на боевой вершинѣ современнаго движенія, нужно имѣть свой собственный уголокъ, въ который можно было бы на время уходить отъ всего. Нельзя, чтобы каждый изъ насъ не получилъ на долю свою какой-нибудь способности, ему принадлежащей; нельзя, чтобы не было ея и у васъ. Иначе мы бы всѣ походили другъ на друга, какъ двѣ капли воды, и весь міръ былъ бы одна мануфактурная машина. Безъ этого спеціальнаго труда не образуется характеръ индивидуала, изъ которыхъ слагается общество, идущее впередъ. Безъ этихъ своеобразно работающихъ единицъ не быть общему прогрессу. Но... довольно и объ этомъ.

Въ письмѣ вашемъ вы упоминаете, что въ Парижѣ находится Герценъ. Я слышалъ о немъ очень много хорошаго. О немъ люди всѣхъ партій отзываются какъ о благороднѣйшемъ человѣкѣ. Это лучшая репутація въ нынѣшнее время. Когда буду въ Москвѣ, познакомлюсь съ нимъ непремѣнно, а покуда извѣстите меня, что̀ онъ дѣлаетъ, что̀ его болѣе занимаетъ, и что̀ предметомъ его наблюденій. Увѣдомьте меня, женатъ ли Бѣлинскій, или нѣтъ; мнѣ кто-то сказывалъ, что онъ женился. Изобразите мнѣ также портретъ молодого Тургенева, чтобы я получилъ о немъ понятіе какъ о человѣкѣ; какъ писателя, я отчасти его знаю:

сколько могу судить по тому, что̀ прочелъ, талантъ въ немъ замѣчательный и обѣщаетъ большую дѣятельность въ будущемъ.

На это письмо вы еще можете мнѣ написать отвѣтъ. Въ Остенде я пробуду еще недѣли двѣ. Здоровье мое нѣсколько укрѣпилось отъ ваннъ, но наступившіе холода дѣйствуютъ на меня крайне вредоносно. Кровь у меня стала стариковская, движется медленно и ужь не только не кипитъ, но еле-еле можетъ сама согрѣться, а потому требуетъ безпрерывной помощи юга. Прощайте, мой добрый Павелъ Васильевичъ, а по старому Жюль. Н. Г.

6.

Остенде. 20-го сентября (1847 года).

За разными помѣхами отвѣчаю вамъ немного поздно. Оно впрочемъ и лучше: я имѣлъ чрезъ это возможность прочесть еще разъ ваше письмо, а это весьма не мѣшаетъ въ нынѣшнее смутное время взаимныхъ недоразумѣній. Въ письмѣ вашемъ есть много умныхъ замѣтокъ, но онѣ—не отвѣтъ на то, что̀ говорю я. Онѣ остались сами по себѣ, и письмо мое осталось само по себѣ. Та середина, которую вы прозрѣли, по мнѣнью вашему—безошибочно въ словахъ моихъ, ведетъ человѣка точно къ посредственности. Но дѣло въ томъ, что я подъ словомъ «середина» разумѣлъ ту высокую гармонію въ жизни, къ которой стремится человѣчество, которая слышится нѣсколько впередъ только людьми, преобладательно одаренными поэтическимъ элементомъ, но никакъ не можетъ обратиться въ систему какого-нибудь стремленья каждаго человѣка. Къ срединѣ этой идутъ не поскабливаньемъ того и другого въ той и другой партіи; напротивъ, къ ней идетъ каждый своею дорогою; всякое усиліе геніальнаго человѣка въ своей области усиливаетъ приближеніе всего человѣчества къ этой серединѣ. Вы назвали мое стремленіе выслушивать съ равнымъ вниманіемъ всѣ работающія нынѣ силы стремленіемъ уравновѣшивать эти силы. Это довольно грубая ошибка. Это стрем-

ленье есть просто желанье знать дѣло обстоятельнѣй другого. Вотъ и все!

За обвиненіе въ самонадѣянности прошу простить. Упрекъ этотъ я сдѣлалъ вамъ больше по недоразумѣнію моему; къ такому заключенію привела меня нѣкоторая рѣзкость вашихъ словъ. Напримѣръ, и теперь, говоря объ Англіи, вы говорите, что тамъ нѣтъ никакой замѣчательной борьбы и движенія, могущихъ занять человѣка, наблюдающаго успѣхи строющейся нынѣ общественности. Выразиться такимъ образомъ можетъ только тотъ, кто знаетъ вдоль и впоперекъ нынѣшнюю Англію. А точно ли вы ее знаете? Когда вы могли узнать ее, когда сами говорите тутъ же, что вамъ даже не хочется узнавать ее? Были у насъ на Руси еще не такъ давно два государственные мужа, которые произнесли два разныя изреченія. Аракчеевъ сказалъ: «Что̀ я знаю, то знаю, а чего не знаю, того и знать не хочу». Канкринъ же, Егоръ Францовичъ, выразился одинъ разъ такъ: «Милостиво государъ, я всё знаю, я даже не знаю, чего я не знаю». У насъ съ вами, слова Богу, нѣтъ качествъ и свойствъ этихъ государственныхъ мужей, равно какъ и образа мыслей, имъ принадлежавшихъ. Но не позабывайте, что понемножку можетъ находиться во всякомъ человѣкѣ всякой всячины; а потому иногда недурно взвѣсить тонъ собственныхъ словъ, которыми мы выражаемъ наши мнѣнія, чтобы пощупать ощутительно, сколько у насъ есть свойства канкринскаго или аракчеевскаго. Иногда, даже вовсе не имѣя самоувѣренности въ познаньяхъ нашихъ, мы выражаемся такъ, какъ бы были совершенно увѣрены въ томъ, что знаемъ окончательно вещь. Въ Соединенныхъ Штатахъ дѣйствительно вырабатывается теперь виднѣй общественное дѣло, а потому не мудрено, что глаза наблюдающаго большинства обращены теперь туды. Но и земля, въ которой заключилось въ громадныхъ глыбахъ то, что̀ уже уничтожено въ другихъ земляхъ, и то, что̀ еще и не начиналось въ Европѣ, земля, которая, не смотря на дикія крайности, вырабатываетъ однакожь безостановочно Байроновъ и Диккенсовъ, не можетъ дремать въ такое время,

когда раздаются вопросы, такъ важные для человѣчества. По крайней мѣрѣ нужно хотя заглянуть въ тѣ мины, гдѣ готовятся близкіе взрывы.

Все, что̀ вы говорите по поводу пролетаріевъ, умно, справедливо, мѣстами глубоко. Но я нападалъ въ письмѣ моемъ не на всеобщее устремленіе всѣхъ по этому вопросу, но на умныхъ людей, которые предались исключительно пристально-близкому созерцанію этого предмета, котораго нельзя какъ слѣдуетъ разсмотрѣть вблизи. Это явленье не на воздухѣ. Хвостъ и узлы этого дѣла скрыты во многихъ, повидимому, побочныхъ предметахъ. Нужно попристальнѣй взглянуть все вокругъ. Для умнаго человѣка мало войти въ одинъ тотъ кругъ, въ который введены публика и пренье журнальное. Ему нужно что-нибудь знать изъ того, о чемъ публика еще не говоритъ сегодня, чтобъ знать хотя за два дня впередъ о тѣхъ вопросахъ, о которыхъ пойдетъ рѣчь потомъ. Иначе останешься въ хвостѣ, а вовсе не наравнѣ съ вѣкомъ. Идти выше своего вѣка, положимъ, только возможно какому-нибудь необъятно-громадному генію, но стремиться быть выше журнальной верхушки своего вѣка есть непремѣнный долгъ всякаго умнаго человѣка, если только онъ одаренъ какими-нибудь дѣйствующими способностями. Но довольно обо всемъ этомъ. Вы все однакоже прочитывайте внимательнѣе мои письма. Никакъ не позабывайте, что теперь, когда всякій изъ насъ болѣе или менѣе строится и вырабатывается, никто не можетъ быть совершенно понятенъ другому и употребляетъ такіе слова и термины, которые у одного значатъ не совсѣмъ то, что̀ у другого. Все, что̀ вы захотите мнѣ теперь написать, адресуйте отнынѣ въ Неаполь, poste restante. Извѣстія о васъ мнѣ всегда будутъ пріятны. Прощайте! Желаю вамъ отъ души всего добраго Н. Г.

ПИСЬМО Н. В. ГОГОЛЯ КЪ Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ.

Франкфуртъ. Іюня 20-го (1847 года).

Благодарю тебя за письмо. Оно мнѣ принесло особенное удовольствіе именно по слѣдующей причинѣ: я начиналъ уже было думать, что ты отъ должностныхъ своихъ занятій, нѣсколько чорствыхъ, заклёкнулъ и завялъ. Но слогъ письма бодръ, мысль свѣтла. Почему тебѣ не попробовать пера? Что̀ ни говори, способности не даются намъ даромъ, и взыщется строго за неупотребленье ихъ. У тебя же, судя по твоимъ школьнымъ, еще писаннымъ въ Нѣжинѣ повѣстямъ, есть всѣ свойства повѣствователя. Рѣчь твоя лилась плодовито и свободно, твоя проза была въ нѣсколько разъ лучше твоихъ стиховъ и уже тогда была гораздо правильнѣй нынѣшней моей. Нѣтъ развѣ предмета, о чемъ писать? Но развѣ ты не жилъ? Развѣ не видѣлъ людей? Развѣ не открывалась передъ тобою душа человѣка? Разница въ томъ, что она передъ тобою раскрывалась, начиная съ нѣжнѣйшаго возраста. Или міръ, тобою узнанный, считаешь ничтожнымъ, непривлекательнымъ, нелюбопытнымъ для другихъ? Но въ такомъ случаѣ нужно прежде доказать, что человѣкъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ты его находилъ, не способенъ для высокихъ ощущеній. Но мы съ тобой знаемъ, что кадетскій учитель имѣетъ такія минуты, какихъ не доводится имѣть и чиновнику, который не извѣстно зачѣмъ сталъ преимущественнымъ предметомъ пера. Можетъ быть, точно виноватъ въ этомъ нѣсколько и я. Какъ бы то ни было, но все это такого рода вещи, о которыхъ слѣдовало бы тебѣ подчасъ подумать очень сурьезно. Тебя удивляетъ, за̀ чѣмъ я такъ жаденъ слышать толки о моей книгѣ. За тѣмъ, что я очень жаденъ знать людей, а въ толкахъ о моей книгѣ все-таки болѣе или менѣе обрисовывается передо мною человѣкъ со всѣмъ своимъ знаніемъ и невѣжествомъ и, что̀ всего важнѣе, открываетъ мнѣ свое собственное душевное состояніе, которое для меня еще важнѣй его характеристики внѣшней, и котораго, согласись самъ, я бы никакъ не могъ

узнать безъ моей книги. Кстати о толкахъ. Я прочелъ на дняхъ критику во 2-мъ № „Современника“ Бѣлинскаго. Онъ, кажется, принялъ всю книгу написанною на его собственный счетъ и прочиталъ въ ней формальное нападеніе на всѣхъ раздѣляющихъ его мысли. Это не правда; въ книгѣ моей, какъ видишь, есть нападенье на всѣхъ и на все, что переходитъ въ крайность. Вѣроятно, онъ принялъ на свой счетъ козла, который былъ обращенъ къ журналисту вообще. Мнѣ было очень прискорбно это раздраженье не по причинѣ жесткости словъ, которыхъ будто бы я не умѣю перенесть,—ты знаешь, что я могу выслушивать самыя жесткія слова,—но потому, что, какъ бы то ни было, человѣкъ этотъ говорилъ обо мнѣ съ участіемъ въ продолженіе десяти лѣтъ, человѣкъ этотъ, не смотря на излишества и увлеченія, указалъ справедливо однакожъ на многія такія черты въ моихъ сочиненіяхъ, которыхъ не замѣтили другіе, считавшіе себя на высшей точкѣ разумѣнія передъ нимъ. И я заплатилъ бы этому человѣку неблагодарностью, когда я умѣю отдавать справедливость даже тѣмъ, которые выставляютъ на видъ и отыскиваютъ во мнѣ одни недостатки. Напротивъ, я въ этомъ случаѣ только обманулся: я считалъ Бѣлинскаго возвышеннѣй, менѣе способнымъ къ такому близорукому взгляду и мелкимъ заключеніямъ. Я не знаю, почему такъ тяжело вынести упрекъ въ неблагодарности, но для меня этотъ упрекъ былъ тяжелѣе всѣхъ упрековъ, потому что въ самомъ дѣлѣ душа моя благадарна, и я люблю благодарить, потому что чувствую отъ этого собственное наслажденіе. Пожалуйста, переговори съ Бѣлинскимъ и напиши мнѣ, въ какомъ онъ находится расположеніи духа нынѣ относительно меня. Если въ немъ кипитъ желчь, пусть онъ ее выльетъ противъ меня въ „Современникѣ“ въ какихъ ему заблагоразсудится выраженіяхъ, но пусть не хранитъ ея противъ меня въ сердцѣ своемъ. Если жъ въ немъ угомонилось неудовольствіе, то дай ему при семъ прилагаемое письмецо, которое можешь прочесть и самъ.

По всему вижу, что мнѣ придется сдѣлать нѣкоторыя объясненія на мою книгу, потому что не только Бѣлинскій,

но даже тѣ люди, которые гораздо больше его могли бы знать меня относительно моей личности, выводятъ такія странныя заключенія, что просто недоумѣваешь. Видно, у меня темнотъ и неясности несравненно больше, чѣмъ я самъ вижу. Еще одна просьба. Разузнай пожалуйста, какой появился другой Гоголь, будто бы мой родственникъ. Сколько могу помнить, у меня родственниковъ Гоголей не было ни одного, кромѣ моихъ сестеръ, которыя, вопервыхъ, женскаго рода, а вовторыхъ, въ литературу не пускаются. У отца моего были два двоюродныхъ брата священника, но тѣ были просто Яновскіе, безъ прибавленія Гоголя, которое осталось только за отцомъ. Если появившійся Гоголь есть одинъ изъ сыновей священника Яновскаго, изъ которыхъ я однакожъ до сихъ еще (поръ) не видалъ своими глазами никого, то въ такомъ случаѣ онъ можетъ дѣйствительно мнѣ приходиться троюроднымъ братомъ, но только я не понимаю, зачѣмъ ему похищать названье Гоголя. Не потому я это говорю, чтобъ стоялъ такъ за фамилію Гоголя, но потому, что въ самомъ дѣлѣ отъ этого могутъ произойти какія-нибудь гадости, исторіи съ книгопродавцами, обманъ и подлоги въ книжномъ дѣлѣ. Я потому и прошу тебя для избѣжанія всякихъ печатныхъ огласокъ извѣстить лично книгопродавцевъ, чтобъ они были осторожны, и если кто явится къ нимъ подъ именемъ Гоголя и станетъ что-нибудь предлагать или дѣйствовать отъ моего имени, то чтобъ они помнили, что собственно Гоголя у меня родственника нѣтъ, и я до сихъ поръ его и въ глаза не видалъ. А потому чтобъ обращались въ такихъ случаяхъ за разоблаченьемъ дѣла или къ тебѣ, или къ Плетневу. Тому же, кто выступаетъ подъ моимъ именемъ, нехудо бы какъ-нибудь дать знать стороной, чтобъ онъ выступалъ подъ собственнымъ именемъ. Всякое имя и фамилію можно облагородить. Вѣрно же будетъ ему непріятно, если я сдѣлаю какое-нибудь печатное объявленіе. Но прощай! Обнимаю тебя отъ души. Твой Г.

Пожалуйста, не забывай меня и пиши. Адресуй въ Франкфуртъ-на-Майнѣ, poste restante.

ПОСЛѢДНЯЯ ВСТРѢЧА СЪ ГОГОЛЕМЪ.

(Изъ воспоминаній П. В. Анненкова о Москвѣ осенью 1851 года).

Гоголь въ это время жилъ у Толстого, на Никитскомъ, кажется, бульварѣ и тогда все еще готовилъ второй томъ «Мертвыхъ Душъ». По крайней мѣрѣ на мое замѣчаніе о нетерпѣніи всей публики видѣть завершеннымъ наконецъ его жизненный и литературный подвигъ вполнѣ онъ мнѣ отвѣчалъ довольнымъ и многозначительнымъ голосомъ: «Да... вотъ попробуемъ!» Я нашелъ его гораздо болѣе осторожнымъ въ мнѣніяхъ послѣ страшной бури, вызванной его «Перепиской», но все еще оптимистомъ въ высшей степени и едва понятнымъ для меня. Онъ почти ничего не зналъ или не хотѣлъ знать о происходящемъ вкругъ него, какъ, напримѣръ, о недавнемъ предложеніи Липранди послать его для осмотра всѣхъ частныхъ библіотекъ по всей Россіи, отклоненномъ съ ужасомъ и негодованіемъ самимъ правительствомъ, а о ссылкахъ и другихъ мѣрахъ отзывался даже какъ о вещахъ, которыя по мягкости исполненія были отчасти любезностями и милостями по отношенію ко многимъ осужденнымъ. Онъ также продолжалъ думать, что по отсутствію выдержки въ русскихъ характерахъ преслѣдованіе печати и жизни не можетъ долго длиться, и совѣтовалъ литераторамъ и труженикамъ всякаго рода пользоваться этимъ временемъ для тихаго приготовленія серьезныхъ работъ ко времени облегченія. Эту же мысль развивалъ онъ при мнѣ и въ 1849 году на вечерѣ у Александра Комарова. Тогда произошла довольно наивная сцена. Некрасовъ, присутствовавшій тоже на немъ, замѣтилъ: «Хорошо, Николай Васильевичъ, да вѣдь за все это время надо еще ѣсть». Гоголь былъ опѣшенъ, устремилъ на него глаза и медленно произнесъ: «Да, вотъ это трудное обстоятельство». Вмѣсто смысла современности, утеряннаго имъ за границей и послѣднимъ своимъ развитіемъ, оставалась у него попрежнему артистическая воспріимчивость въ самомъ высшемъ градусѣ. Онъ взялъ съ меня честное слово беречь рощи и лѣса въ де-

ревнѣ и разъ вечеромъ предложилъ мнѣ прогулку по городу, всю ее занялъ описаніемъ Дамаска, чудныхъ горъ, его окружающихъ, бедуиновъ въ старой библейской одеждѣ, показывающихся у стѣнъ его (для разбойничества), и проч., а на вопросъ мой: какова тамъ жизнь людей, отвѣчалъ почти съ досадой: «Что жизнь! Не объ ней тамъ думается». Это была моя послѣдняя бесѣда съ чудною личностью, украсившею вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, Герценомъ, Грановскимъ и другими мою молодость. Подходя къ дому Толстого на возвратномъ пути и прощаясь съ нимъ, я услыхалъ отъ него трогательную просьбу сберечь о немъ доброе мнѣніе и поратовать о томъ же между партіей, «къ которой принадлежите». Съ тѣхъ поръ я уже его не видалъ, если не считать случайной встрѣчи въ Кремлѣ послѣ того. Въ четыре часа по полудни я ѣхалъ съ братомъ-комендантомъ кудато обѣдать, когда неожиданно повстрѣчался съ Гоголемъ, видимо направлявшимся въ соборы къ вечернѣ, па которую благовѣстили. Какъ бы желая отклонить всякое подозрѣніе о цѣли своей дороги, онъ торопливо подошелъ къ коляскѣ и съ находчивостью лукаваго малоросса проговорилъ: «А я къ вамъ шелъ, да видно не во-время, прощайте». Бѣдный страдалецъ!

III.

ПИСЬМА В. П. БОТКИНА.

1.

Женева. 14-го октября 1846 года.

Милый мой Павелъ Васильевичъ! Я пріѣхалъ сюда, когда уже было все кончено, то-есть, на другой день послѣ того, какъ grand conseil далъ свою отставку. Улицы были полны радостнаго народа, который только что съ торжествомъ перевезъ пушки, которыя на канунѣ громили le quartier Saint-Gervais, то-есть, тотъ берегъ, на которомъ стоитъ hôtel de Bergues. Народъ перевезъ пушки въ свой кварталъ (Saint-

Gervais), какъ трофей своей побѣды. Баррикады на мостахъ разбирались, по обѣимъ сторонамъ береговъ пахло еще порохомъ. Нѣкоторыя лавки начинали отпираться, по улицамъ чувствовался какой-то праздничный воздухъ. Картечь койгдѣ валялась по улицамъ насупротивъ place de Bel-Air и примыкающимъ къ hôtel de Bergues. Я встрѣтилъ Фази на маленькомъ мосту и поздравилъ его съ побѣдою. На другой день, въ 8-мъ часу утра (съ восьми часовъ онъ уже занятъ), онъ сказалъ мнѣ, что они покойны и увѣрены въ своей силѣ, не смотря на значительность, какую имѣетъ здѣсь партія консервативная. Партія, бывшая во главѣ правительства, своими послѣдними распоряженіями, своею канонадою и особенно своимъ рѣшеніемъ бомбардировать кварталъ Saint-Gervais упала въ мнѣніи благоразумныхъ людей самой консервативной партіи. Ядра и картечь убили у радикаловъ очень не много (двухъ или троихъ); но радикалы такъ мастерски поддерживали карабинный огонь, что къ вечеру же битвы обезкуражили совсѣмъ солдатъ правительства, изъ которыхъ убито и ранено больше 70 человѣкъ. Правительство заранѣе предвидѣло впечатлѣніе, какое произведетъ на народъ рѣшеніе «большого совѣта», и приготовилось, вывезя изъ Saint-Gervais всѣ ружья и порохъ. Когда волненіе въ народѣ достигло высшей степени и раздались крики «aux armes», глàвы радикальной партіи такъ мало были приготовлены къ бою, что самъ Фази совѣтовалъ народу подождать, потому что «le moment d'agir n'était pas encore arrivé». И дѣйствительно, въ то время, какъ народъ Saint-Gervais началъ вдругъ въ одно время дѣлать баррикады на мостахъ (вечеромъ на канунѣ битвы), во всемъ Saint-Gervais едва могли набрать до 600 фунтовъ пороху. Патроновъ и пуль не было; ихъ начали дѣлать въ ночь. Еще несчастіе: въ одномъ мѣстѣ заняты были шесть человѣкъ дѣланіемъ патроновъ при сальной свѣчкѣ; одинъ снялъ пальцемъ нагорѣвшую свѣтильню и бросилъ ее на полъ, забывши, что по полу разсыпанъ былъ порохъ. Вспыхъ и взрывъ; къ счастію, люди отдѣлались только небольшимъ поврежденіемъ, но количество пороха еще уменьшилось. Выходы изъ города охра-

нялись войскомъ; инсургенты заперты были въ своемъ кварталѣ Saint-Gervais. Вы знаете уже изъ журналовъ всѣ подробности. Дѣло въ томъ, что радикалы отстояли въ день битвы всѣ свои баррикады, кромѣ одной, которая разбита была ядрами. Но только лишь солдаты перебѣжали за нее, ихъ встрѣтилъ такой смертельный огонь карабиновъ, что тотчасъ же они отступили за мостъ. Къ вечеру, и особенно въ ночь, уныніе овладѣло инсургентами. «Хоть бы пятьдесятъ намъ водуазцевъ, и мы спасены!» повторялъ командовавшій дѣйствіями инсургентовъ, но водуазцы не приходили. Всѣ сообщенія съ canton de Vaud строго охранялись солдатами правительства. Слухъ прошелъ, что правительство рѣшило на другой день бомбардировать Saint-Gervais. Къ утру у радикаловъ оставалось подъ ружьемъ не болѣе 300 человѣкъ. Къ утру вѣсть о бомбардированіи разнеслась и въ старомъ городѣ. Сдерживаемое до сихъ поръ присутствіемъ значительной военной силы и артиллеріи волненіе, при этой вѣсти, овладѣло и народомъ стараго города. Толпы потеряли страхъ къ безпрестанно разъѣзжавшимъ патрулямъ; онѣ соединились на place Molard въ огромное народное собраніе, которое назначило отъ себя депутацію къ «большому совѣту» съ просьбою не бомбардировать Saint-Gervais. Черезъ часъ явилась на place Molard депутація «большого совѣта», которая представляла народу, что бомбардированіе осталось единственнымъ средствомъ привести въ покорность бунтовщиковъ и поддержать силу законовъ. Но народное собраніе было непреклонно и наконецъ объявило «большому совѣту», что если онъ велитъ бомбардировать Saint-Gervais, они подожгутъ дома всѣхъ консерваторовъ. Но въ эту минуту, какъ ударъ грома, прошелъ слухъ: «Les Vaudois viennent aux secours des patriotes!» Тотчасъ же послѣ le grand conseil отвѣчалъ, что онъ даетъ свою отставку. Думаютъ, что и демонстрація народа той стороны даже не остановила бы намѣренія правительства бомбардировать Saint-Gervais, тѣмъ болѣе, что это правительство на канунѣ съ такимъ безумнымъ ожесточеніемъ вдругъ начало стрѣлять ядрами и картечью, не подумавъ по крайней мѣрѣ началь-

ными холостыми выстрѣлами, такъ сказать, извѣстить прохожихъ, женщинъ и дѣтей о наступающей опасности. Одинъ страхъ водуазцевъ рѣшилъ дѣло.

Теперь въ Женевѣ все совершенно спокойно, по крайней мѣрѣ по наружности. Только караулы у воротъ усилены значительно. «Le Fédéral» вчера объявилъ, что онъ прекращается, потому что «законность въ Женевѣ уже не существуетъ». Все теперь зависитъ отъ будущихъ выборовъ (25-го октября). Я слышалъ, что le gouvernement provisoire намѣрено измѣнить настоящую форму избранія. Оставя прежнюю форму, радикалы будутъ имѣть противъ себя большинство консервативной; напримѣръ, весь огромный (радикальный) кварталъ Saint-Gervais составляетъ одну только коллегію, а остальные кварталы города—три. А каждая коллегія выбираетъ, какъ извѣстно, одинаковое число депутатовъ. Особенно опасны теперь радикаламъ окружныя деревни, которыя состоятъ изъ владѣльцевъ земли и ультраконсерваторовъ. «Теперь», сказалъ имъ Фази, — «мы должны поступать съ большею осторожностію и не сдѣлать ни одной глупости».

Братъ Николай отдѣлался тѣмъ, что въ то время, какъ началась канонада, онъ побѣжалъ къ себѣ домой и напутствуемъ былъ жужжаньемъ нѣсколькихъ картечь, которыя пролетѣли надъ нимъ. Онъ слѣдилъ за всѣмъ, былъ на всѣхъ народныхъ собраніяхъ и говоритъ, что Фази былъ увлекательнѣе всѣхъ прочихъ ораторовъ.

Обнимаю отъ всего сердца Кудрявцева. Передайте Сазонову мою искреннюю благодарность за его письмо къ Фази и мой искренній поклонъ. Вашъ В. Б.

Если хотите сдѣлать мнѣ подарокъ, напишите мнѣ въ Берлинъ, hôtel du Portugal. Часы ваши взялъ.

2.

С.-Петербургъ. 20-го ноября 1846 года.

До сихъ поръ не соберусь писать къ вамъ, Павелъ Васильевичъ, не смотря на то, что у меня даже ужъ чешется рука, потому что именно съ вами хочется мнѣ говорить, и

вотъ что̀ досадно: я знаю заранѣе, что мнѣ не высказать вамъ всего, что̀ есть на душѣ. Но пока примите мое душевное «здравствуйте». Вотъ уже три недѣли, какъ я живу въ Петербургѣ, стараясь какъ-нибудь отдѣлаться отъ таможеннаго взысканія за паспортъ въ 525 р. сер. По этому случаю подалъ я просьбу министру, а онъ послалъ ее Московскому генералъ-губернатору—такъ я теперь дожидаюсь здѣсь рѣшенія. Между тѣмъ, думая скоро быть въ Москвѣ, я по пріѣздѣ сюда отправилъ туда свои вещи, книги и бумаги, оставя при себѣ только самое необходимое, и вотъ такимъ образомъ я проживаю здѣсь въ досадѣ, хандрѣ, тогда какъ мнѣ надобно бы приняться за мое испанское путешествіе для «Современника»; и именно это дурное расположеніе духа причиною, что я до сихъ поръ не писалъ къ вамъ, хотя каждый день чувствую непреодолимую потребность васъ видѣть и говорить съ вами. Я долженъ еще васъ благодарить за знакомство съ вашими братьями, людьми истинно прекрасными и обязательными, и поставляю себѣ за особенное удовольствіе cultiver leur connaissance. Ѳедоръ Васильевичъ просто привлекаетъ меня своимъ неисчерпаемымъ добродушіемъ и привѣтливостію. Съ такими братьями можно вамъ спать покойно.

Встрѣча моя съ нашими общими пріятелями была для меня необыкновенно пріятна и интересна. Изъ нихъ, разумѣется, первое мѣсто принадлежитъ Бѣлинскому. Въ его понятіяхъ я нашелъ большую перемѣну, по моему мнѣнію, къ лучшему. Но я теперь еще больше убѣдился въ истинѣ того, что понятія, идеи совершенно обусловливаются общественностію, въ которой поставленъ человѣкъ, а идеи, развиваемыя одними книгами, не повѣряемыя безпрестанно процессомъ общественнымъ, быстро улетучиваются въ отвлеченности, да кромѣ того, принимаютъ еще колоритъ и комбинаціи той общественности, куда попадаютъ эти идеи. Опредѣленность и отчетливость, къ которымъ теперь всего болѣе стремится современный процессъ, здѣсь еще мало въ ходу; этому, съ одной стороны, причиною нѣмецкія теоретическія идеи, а съ другой — отсутствіе всякаго практиче-

скаго примѣненія. Какъ бы то ни было, а сила русской литературы теперь главное состоитъ въ идеологіи. Идеологія (о, святители, какое густое и тяжелое тѣсто была эта идеологія!) послужила къ поднятію «Отечественныхъ Записокъ»; идеологія должна поднять и «Современникъ». Но въ этой идеологіи, къ счастію, совершилось движеніе, и послѣ долгаго скитанія по нѣмецкимъ пустотамъ она начала обращать свое вниманіе на практическій міръ, или, другими словами — нашихъ друзей занимаетъ такая идеологія, которая имѣетъ прямое отношеніе къ практическому міру. Остается только литературной критикѣ освободиться отъ своего Молоха—художественности. Это, къ сожалѣнію, пока единственное убѣжище ея. Но съ этой стороны разборъ Бѣлинскаго «Онѣгина», и особенно Татьяны, есть уже большой прогрессъ. Пока промышленные интересы у насъ не выступятъ на сцену, до тѣхъ поръ нельзя ожидать настоящей дѣльности въ русской литературѣ. Но я вру. Тогда какъ въ Англіи и Франціи литература есть зеркало нравовъ, у насъ она—наставительница. Вотъ почему вся сила ея заключается въ идеологіи. Двигаютъ массами не идеи, а интересы, но просвѣщаютъ ихъ идеи.

Caro, я вѣдь долженъ былъ прислать вамъ «Левіаѳана», но онъ остался на днѣ морскомъ. Постараюсь прислать вамъ 1-ю книжку «Современника», если только не будетъ особенныхъ почтовыхъ препятствій, и для этого снесусь съ Ѳедоромъ Васильевичемъ. Фондъ «Современника» состоитъ изъ 35 тысячъ Панаева и 35 тысячъ Толстого. Редакторы— Никитенко, Панаевъ и Некрасовъ. Первый—для огражденія отъ цензурныхъ хлопотъ, послѣдній завѣдываетъ всею матеріальною частію, а второй будетъ писать повѣсти да раскладывать на своемъ столѣ иностранные журналы и тѣмъ придавать себѣ немалую важность. Краевскій оставленъ всѣми и желтѣетъ отъ злости. Конкуренція явилась страшная. Краевскій даетъ большія деньги за малѣйшую статью съ литературнымъ именемъ. Недавно за поллиста печатныхъ стихотвореній Майкова заплатилъ онъ 200 руб. сер. Это все надѣлало появленіе «Современника». Видите: законы

промышленности вошли уже въ русскую литературу, а вѣдь это сдѣлалось на нашихъ глазахъ; за десять лѣтъ объ этомъ слуха не было. Значитъ, литература уже есть сила. Теперь даже съ небольшимъ дарованіемъ да съ охотою къ труду можно жить литературными трудами, то-есть, можно выработать себѣ до 3 или 4 тысячъ въ годъ. И это фактъ не проходящій. Явившись разъ, онъ уже останется навсегда. Теперь «Библіотека для Чтенія» и «Отечественныя Записки» имѣютъ, каждый, до 4 тысячъ подписчиковъ; этого за пять лѣтъ не было; да еще «Современникъ» является на сцену. Два первые журнала выиграли тѣмъ, что печатали у себя томы романовъ. «Современникъ» пойдетъ по другой дорогѣ; а такъ какъ онъ не столько будетъ относиться къ gros public, сколько къ избранной публикѣ, то ему долго нельзя будетъ надѣяться на обезпеченное существованіе. Да и редакція не думаетъ наживать деньги, а лишь бы окупились расходы, а 1.200 подписчиковъ только что окупаютъ ихъ. Герценъ теперь свободенъ и весною ѣдетъ за границу съ женой и двумя дѣтьми.

Бѣлинскаго нашелъ я въ тяжеломъ положеніи; онъ такъ худъ здоровьемъ, что страшно за него, и разумѣется, главною причиною его семейныя обстоятельства. Именно, смотря на такихъ людей, какъ Бѣлинскій, надо научиться терпимости и снисхожденію къ слабости и непослѣдовательности человѣческой, къ страннымъ противорѣчіямъ человѣческой природы... У меня однакожь нѣтъ ни одного слова, ни одного чувства, которое бы осуждало Бѣлинскаго. Нѣтъ, въ этой желчной слабости, вѣчной младенческой беззащитности, въ этой безпрерывной борьбѣ теоретическаго, добросовѣстнаго ума съ вопіющимъ и оскорбленнымъ сердцемъ Бѣлинскій возбуждаетъ во мнѣ не только самое задушевное участіе, но привязанность, которая сильнѣе моей прежней къ нему привязанности. И потомъ—этотъ человѣкъ такъ видимо близится къ смерти! Я не могу безъ страданія слышать его удушающаго кашля. И посмотрите, какія дикія странности могутъ укладываться въ человѣкѣ! Когда Бѣлинскій врозь съ женой, онъ скучаетъ по ней и пишетъ къ ней самыя

нѣжныя письма: такъ было въ поѣздку его въ Крымъ. Но эта поѣздка была ему скучна до крайности: онъ долженъ былъ съ Щепкинымъ проживать въ городахъ и городишкахъ (Щепкинъ ѣздилъ играть на театрахъ), и Бѣлинскій воротился съ здоровьемъ, еще болѣе разстроеннымъ. Ему надобна другого рода поѣздка, поѣздка, гдѣ онъ забылъ бы свое положеніе и себя: шесть мѣсяцевъ такой жизни воскресили бы его.

Избраніе городского головы (по новому уложенію), въ которомъ участвовали въ первый разъ всѣ сословія, здѣсь произвело живые разговоры на нѣсколько дней. Выбраны были: Нарышкинъ — большинствомъ купцовъ и мѣщанъ, и Жуковъ. Но для принятія этой должности Нарышкину должно было отказаться отъ своего мѣста; онъ на это не согласился; вслѣдствіе этого градскимъ головой остался купецъ Жуковъ. Новое уложеніе есть, безъ всякаго сомнѣнія, большой прогрессъ; въ первый разъ еще сословія дворянское, купеческое, мѣщанское и цеховое сошлись вмѣстѣ для избранія общаго себѣ городового представителя. На этотъ разъ выборъ не удался, но новое уложеніе тѣмъ не менѣе существуетъ, и прогрессомъ этимъ обязаны правительству. А именитое купечество русское присылало отъ себя депутацію къ министру, прося оставить все по старому; мѣщане, напротивъ, съ самаго начала оказались за новое положеніе. Есть люди, очень важные, которые сильно нападаютъ на него, потому что оно ведетъ — говорятъ они—къ соединенію сословій. Купцы, напротивъ, кричатъ, что ихъ хотятъ подчинить дворянству, не понимая, глупые бараны, что они уронили эту общественную должность до самой грязной ничтожности. То, что называется купеческимъ классомъ, осуждено безъ возврата на тучность и грубое невѣжество. Не далеко то время, когда торговые домы будутъ основываться дворянствомъ, и оно выступитъ на поприще промышленности не такъ, какъ теперь, съ точки зрѣнія барской, а съ дѣльностію и спеціальными свѣдѣніями. Но это, разумѣется, можетъ быть послѣ перемѣны, которая произойдетъ въ ихъ барскомъ положеніи.

Языковъ и Тютчевъ открыли контору коммиссіонерства;

для этого Языковъ внесъ 15 тысячъ руб. сер. обезпеченія и записался въ купцы первой гильдіи. Контора открыта съ октября, и со временемъ они будутъ имѣть успѣхъ. Разумѣется, для этого нужно время и пріобрѣтеніе довѣренности. А мы на Руси все хотимъ наживать капиталы въ недѣлю. Московскіе наши пріятели здоровы. Славянофилы съ 1848 года будутъ имѣть въ Москвѣ свой журналъ, редакторомъ котораго будетъ Чижовъ, старшина и миссіонеръ славянофильства. Я этому душевно радъ и въ свое время не премину извѣстить васъ о подвигахъ нашихъ славянъ-старовѣровъ. Объ этомъ напишу, какъ пріѣду въ Москву. Темно; хотя еще три часа, но безъ свѣчи нельзя писать. Пока до вечера, mio caro, mio caro amico, signor Paolo.

26-го ноября.

Вы меня своимъ великодушіемъ приводите въ уничиженіе, я хотѣлъ сказать: въ уничтоженіе! Вчера прихожу вечеромъ домой и какъ увидалъ вашъ почеркъ, столь любезный моему сердцу, то покраснѣлъ до ушей, воскликнувъ: «А я до сихъ поръ не писалъ къ нему!» Ваше письмо сдѣлало кругъ и пришло ко мнѣ изъ Москвы. Я тотчасъ же подѣлился моимъ удовольствіемъ съ Бѣлинскимъ, которому третьяго дня вечеромъ жена родила сына, и назовутъ его Владиміромъ, не смотря на сильное желаніе Бѣлинскаго назвать его Павломъ. Видѣлъ вчера и Тургенева и съ нимъ подѣлился вашимъ писаніемъ, и это особенно потому, что я знаю, что Тургеневъ васъ очень любитъ, да и письмо ваше очень интересно. Ну, постараюсь отвѣчать на него, если смогу, послѣдовательно.

Скверно сдѣлалъ, даже больше, нежели скверно сдѣлалъ Мей, посадивъ Сазонова въ Clichy за такую пустую сумму. Но такъ ли это? До меня дошли слухи, будто бы Сазоновъ писалъ въ Москву къ Огареву о своемъ положеніи въ Clichy, куда посаженъ за долгъ въ 15 тысячъ франковъ, и просилъ немедленно прислать ему эти деньги, грозя застрѣлиться. На это письмо поѣхали къ нему сестры его, одна вдова, другая дѣвушка, умолять его, чтобъ онъ пріѣхалъ съ ними

домой. Дѣла его по имѣнію будто бы очень плохи, такъ что, продавъ его, онъ будетъ имѣть доходу не болѣе двухъ тысячъ руб. асс. Между тѣмъ, кажется, 12 тысячъ ему отправлены. Вѣдь подло радоваться чужому несчастію, но я вамъ долженъ признаться, въ моихъ глазахъ Clichy не несчастіе, а Сазоновъ, дѣлаясь простѣе и добрѣе по мѣрѣ, какъ карманъ его становится легче, сдѣлается дѣйствительно добрымъ малымъ и отстанетъ отъ своихъ аристократическихъ претензій, которыхъ сущность состояла въ томъ, что онъ могъ тратить по 100 франковъ въ день. Но во всякомъ случаѣ, такая перемѣна тяжела для него, и все-таки Мей поступилъ (если извѣстіе ваше вѣрно) грубо и дурно.

О книгѣ «Contradictions économiques» — увы! — ничего вамъ не могу сказать. У меня взялъ ее Мюльгаузенъ и уѣхалъ съ нею въ Москву, а я успѣлъ прочесть одно введеніе. Очень досадно мнѣ было на этого юношу, но дѣлать нечего: надо ждать моего пріѣзда въ Москву. Ваши нѣсколько словъ показываютъ мнѣ всю дѣльность этой книги, и слава автору, что онъ вышелъ изъ юношескихъ декламацій соціальной школы и взглянулъ на дѣло прямо и твердо. А помните, я вамъ—это было при Фроловѣ—какъ-то говорилъ, что если въ мірѣ природы все условливается законами, то задача современной науки отвлекать законы, дѣйствующіе въ мірѣ политическомъ и промышленномъ. Дѣло не въ томъ только, чтобы нападать на то, что̀ есть, а отыскать, почему это есть, словомъ, отыскать законы, дѣйствующіе въ мірѣ промышленномъ. И великая заслуга Смита состоитъ именно въ томъ, что онъ открылъ многіе законы, управляющіе въ промышленности.

Съ мнѣніемъ вашимъ о византійской и италіанской школахъ я совершенно и вполнѣ согласенъ. Поэтому-то школа византійская и называется символическою. Вся новѣйшая религіозная живопись осуждена на этотъ ступидитетъ. Отъ историческаго сознанія отдѣлаться не возможно въ наше время; мы невольно переживаемъ его въ современномъ процессѣ; если же Мюнхенская школа (Hess) и не впадетъ въ ступидность, то за то приближается къ символизму византійскаго искусства, словомъ—то или дру-

гое, а середины тутъ быть не можетъ. Не правы вы въ томъ только, будто бы церковь наша воспретила касаться религіозныхъ типовъ. Нѣтъ, у насъ существуетъ и италіанская живопись, существуетъ по крайней мѣрѣ для цивилизованныхъ классовъ, хотя народъ продолжаетъ не признавать ея и вѣрить только въ свои образа̀. Даже и въ этомъ расходятся симпатіи нашего высшаго класса съ низшими, а это—немаловажная расходка. Мнѣ кажется, наши славяне правы, называя византійскую живопись истинно религіозною и отрицая это названіе у италіанской, правы—потому, что въ послѣдней, какъ вы справедливо замѣчаете, все принадлежитъ личности человѣка и объясняется его понятіями, наукой, исторіей, тогда какъ первая не допускала до себя историческаго процесса, устремляя свои взоры не внутрь себя, а внѣ себя, па первообразъ преданія. Византія не измѣнила своему родству съ востокомъ, а личное начало, составляющее существенный характеръ европейской исторіи, обозначилось также и въ религіи. Да, славянофилы правы, но въ томъ-то ихъ и горе, что они правы: это-то и осуждаетъ ихъ. Они, къ сожалѣнію, сами запутались въ эстетическія тенета. Чтобы быть вѣрными себѣ, они должны бы съ презрѣніемъ отвергать всю италіанскую школу; но красота, къ несчастію ихъ, дѣйствуетъ па нихъ на перекоръ ихъ понятіямъ; къ тому же, они отвѣдали и новѣйшей нѣмецкой философіи, отъ этого они безпрестанно противорѣчатъ сами себѣ, лгутъ, врутъ, а поставить себя настоящимъ русскимъ старообрядцемъ недостаетъ у нихъ смѣлости, да и разныя науки для этого подпортили ихъ.

Вы удивляетесь статьѣ Попова «О современномъ направленіи искусствъ». Но, caro, прочтите любую нѣмецкую философскую статью объ какихъ-нибудь произведеніяхъ искусства: будетъ нѣчто подобное. Теперь у нѣмцевъ эти статьи сдѣлались уже рѣдки, но лѣтъ десять назадъ онѣ процвѣтали въ гегеліанской школѣ. Въ такомъ же духѣ писались разборы сочиненій Шиллера и Гете. Я самъ, несчастный, множество переводилъ ихъ въ назиданіе пріятелей и русской публики. Понятно ли вамъ теперь мое неуваженіе

(больше чѣмъ неуваженіе) къ нѣмецкой философіи? Гегель и теперь для меня человѣкъ геніальный, но его надобно читать съ критическимъ взглядомъ, а мы да и всѣ его послѣдователи изучали его, какъ новаго мессію, и кланялись ему, какъ буряты своимъ фетишамъ. Бѣлинскій, почти освободясь отъ гегеліанскихъ теорій, еще крѣпко сидитъ въ художественности, и отъ этого его критика еще далеко не имѣетъ той свободы, оригинальности, того простого и дѣльнаго взгляда, къ которымъ онъ способенъ по своей природѣ. Это слово «художественность» здѣсь грустно поразило отвыкшій отъ него слухъ мой. Майковъ, младшій, занимается теперь критикою въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ статьяхъ его нѣтъ ни твердаго рисунка, ни опредѣленнаго колорита, неопытность мысли ярко обнаруживается, а часто и неопредѣленность, во всемъ очень мало такта и много растянутости и водяности, но при всемъ этомъ—знаете ли что̀ въ его статьяхъ есть добраго?, То, что этотъ человѣкъ не зараженъ нѣмецкими теоріями и получилъ французское образованіе. Нѣмецкія теоріи чуть не убили здравый смыслъ въ нашей критикѣ, и если Бѣлинскій успѣлъ таки сберечь его въ себѣ, за то сколько же и нагородилъ онъ дикостей на своемъ вѣку! Да, французскій взглядъ, то-есть, взглядъ, опирающійся на здравомъ смыслѣ, исторіи, имѣющій въ виду множество, а не посвященныхъ и избранныхъ, вотъ что̀ нужно для русской критики! Для такого взгляда нужна твердая рука и мѣткій умъ, ну, а въ Майковѣ—увы!—этого еще не видать. Авось выработается. Послѣднія статьи Бѣлинскаго объ «Онѣгинѣ» въ этомъ отношеніи очень хороши.

Характеристика ваша новой пьесы Сулье интересна, а всего интереснѣе для меня ваши слова: «Всякій разъ, какъ удавалось мнѣ задавить этого червяка, гнѣздящагося во мнѣ (позывъ къ художественности), глазъ мой прояснялся, и я чувствовалъ себя здоровѣе». Помните, у насъ въ этомъ отношеніи было нѣсколько споровъ о французскихъ піесахъ, и ваши сужденія мнѣ казались больше теоретическими, нежели практическими. Во мнѣ гнѣздился тотъ же червякъ, но его выгнала парижская общественность и ея практиче-

скій смыслъ. А по возвращеніи вашемъ я знаю напередъ, что буду просить вашихъ наставленій и обѣщаю слушаться васъ во всемъ; не мудрено, что я здѣсь опять смахну на «позывъ къ художественности», которою бредятъ всѣ наши пріятели...

Ваше письмо съ небольшими выпусками, вѣроятно, будетъ напечатано въ «Современникѣ», и васъ униженно просятъ не забыть, что «Современникъ» жаждетъ вашихъ писемъ изъ Парижа и изъ иныхъ странъ. Что касается до меня, то каждое ваше письмо я буду посылать туда, исключая, разумѣется, то въ нихъ, что̀ должно оставаться приватнымъ. Скажите мое душевное лобзаніе Кудрявцеву... Послать вамъ теперь нечего; вчера заѣзжалъ ко мнѣ Өедоръ Васильевичъ; мы съ нимъ разъ обѣдали въ клубѣ. Здѣсь стоятъ холода: эти дни все по 12 и 15 градусовъ мороза. Видѣлъ здѣсь «Hernani», плохо спѣтую. Наша жизнь въ Виченцѣ воскресла передо мною такъ живо и съ такимъ Sehnsucht, что индо стало больно на сердцѣ. Caro, вы съ такими минутами слиты въ моей памяти, что даже ужь по этому одному я не могу не любить васъ со всею искренностію. А Тироль, а Верона, а наши прогулки?... Addio, caro signor Paolo! Не лѣнитесь писать. В. Б.

Пусть этотъ скверный Кудрявцевъ скажетъ мнѣ хоть нѣсколько словъ объ италіанской оперѣ и, главное, о Маріо. Мнѣ хочется знать его мнѣніе.

3.

Москва. 28-го февраля 1847 года. 17°/o морозу.

Caro signor Paolo! Вдругъ два письма разомъ отъ васъ; перваго почти не успѣлъ прочесть, спѣша послать его въ «Современникъ»: прочту въ печати; а второе хоть и на одномъ маленькомъ листочкѣ, но и до сихъ поръ, не смотря на мои страданія, производитъ во мнѣ самое пріятное ощущеніе. Впрочемъ, скажу вамъ сначала причину моихъ страданій: пустыя деревенскія сани наѣхали на меня и оглоблей такъ сильно ударили въ плечо, что вышибли изъ плеча

руку. Можете представить всѣ церемоніи, которыя за тѣмъ слѣдовали, и все, что̀ я вытерпѣлъ. Пять уже дней, какъ со мною случилось это, и ни одной ночи еще не спалъ. Костоправъ мой говоритъ, что прежде трехъ недѣль мнѣ нельзя брать пера въ руки, а полное выздоровленіе обѣщаетъ не ранѣе шести недѣль. Во вниманіе къ моему сентиментальному положенію вы не взыщите, мой дорогой Павелъ Васильевичъ, если письмо мое не принесетъ вамъ ничего интереснаго, и не смотря на это, хочется мнѣ поговорить съ вами, хотя язвительная боль въ плечѣ и рукѣ безпрестанно разрываетъ мои мысли. Ну, Бѣлинскій ѣдетъ— не могу вамъ только теперь сказать, на какія именно воды, знаю только, что куда-то въ Силезію; обо всемъ этомъ я васъ подробно увѣдомлю, равно какъ и о времени его выѣзда. Главное въ томъ, что средства есть, да еще и вы прибавляете къ нимъ. Зная, какую радость письмо ваше принесетъ Бѣлинскому, я послалъ его къ нему. Радъ я, что вы получили книжку при письмѣ, которую просилъ я Огареву переслать къ вамъ. Можете представить себѣ, какое странное впечатлѣніе произвела здѣсь книга Гоголя; но замѣчательно также и то, что всѣ журналы отозвались о ней, какъ о произведеніи больного и полупомѣшаннаго человѣка; одинъ только Булгаринъ привѣтствовалъ Гоголя, но такимъ язвительнымъ тономъ, что эта похвала для Гоголя хуже пощечины. Этотъ фактъ для меня имѣетъ важность: значитъ, что въ русской литературѣ есть направленіе, съ котораго не совратить ея и таланту посильнѣе Гоголя; русская литература брала въ Гоголѣ то, что̀ ей нравилось, а теперь выбросила его, какъ скорлупку выѣденнаго яйца. Воображаю, какой ударъ будетъ напыщенному невѣжеству Гоголя, и ничего бы такъ не желалъ теперь, какъ вашей съ нимъ встрѣчи. Онъ теперь въ Неаполѣ; говорятъ, что ходитъ каждый день къ обѣднѣ и съ большимъ усердіемъ молится Богу. Замѣчательно еще то, что здѣсь славянская партія теперь отказывается отъ него, хотя и сама она натолкнула на эту дорогу. Хотѣлось бы мнѣ сообщить вамъ обстоятельно о здѣшнихъ славянофи-

лахъ, но эти господа такъ раздѣлены въ своихъ доктринахъ, такъ что что̀ голова, то и особое мнѣніе; разумѣется, и въ нихъ есть правая и лѣвая стороны, и правой сторонѣ книга Гоголя пришлась совершенно по сердцу. Издали эти славянскія стремленія имѣютъ много привлекательности: я это испыталъ на себѣ; а какъ присмотришься и прислушаешься, то видишь, что въ сущности лежитъ вопросъ о невѣжествѣ и цивилизаціи. Въ славянскомъ вопросѣ такъ, какъ онъ поставляется здѣсь, упущена только бездѣлица—принципъ политико-экономическій и государственный; это есть не болѣе, какъ романтическія фантазіи о сохраненіи національныхъ предразсудковъ. Замѣчательно, что ни одинъ журналъ съ славянскимъ направленіемъ здѣсь не можетъ удержаться; и послѣдній органъ ихъ, «Москвитянинъ», переходя изъ рукъ въ руки, потерявъ подписчиковъ, теперь сданъ какимъ-то двумъ студентамъ. Разработка историческихъ матеріаловъ вмѣсто того, чтобъ помочь славянской доктринѣ, на каждомъ шагу бьетъ ее, обличая только безалаберность и скотство древней жизни. А по этой части теперь дѣлается много; «Акты археографической коммиссіи» есть великое дѣло. Статья Кавелина была бы несравненно лучше, еслибъ не была написана съ нѣмецко-философской точки зрѣнія; я могъ бы многое объ этомъ сказать, но боюсь вамъ наскучить. Оказывается, дорогой мой signor Paolo, что я сражался съ мельницей, нападая на ваше мнѣніе о «Floriani», но вольно же вамъ такъ неясно выражаться. То, что̀ вы говорите въ послѣднемъ письмѣ вашемъ объ этомъ романѣ, мнѣ кажется совершенно вѣрно, и такъ тому и быть. А никогда романтизмъ не преданъ былъ такому страшному суду, какъ здѣсь въ лицѣ Кароля, и въ этомъ-то, по моему мнѣнію, заключается глубокій смыслъ романа и его современное достоинство. Право, наша хваленая цивилизація еще сидитъ на азбукѣ, если до сихъ поръ простыя естественныя истины такъ мало проникли въ нее, и родъ человѣческій постоянно пробавляется одними предразсудками. Горько становится на душѣ, когда раздумаешься объ этомъ.

«Современникъ» имѣетъ уже около двухъ тысячъ подписчиковъ, и жаль будетъ, если онъ не оправдаетъ такого участія публики, а говоря откровенно, я думаю, что онъ не оправдаетъ его по простой причинѣ, что издатели его— вовсе не журналисты. Здоровье Бѣлинскаго, кажется, стало лучше: я думаю, что мысль о поѣздкѣ за границу оживила его, и дѣйствительно, это осталось для него единственнымъ спасеніемъ. Послѣ водъ надобно ему хоть на недѣлю взглянуть на Парижъ; если же, чего я впрочемъ не думаю, поѣздка и усилитъ его болѣзнь, все ему легче будетъ умереть, взглянувши на Европу, нежели медленно изчахнуть... Sic!

Не знаю, извѣстно ли вамъ, что Тургеневъ находится въ Берлинѣ; Герценъ его тамъ видѣлъ, а объ дальнѣйшихъ его похожденіяхъ ничего не знаю, хотя онъ мнѣ и говорилъ, что будетъ въ Парижѣ. Скажите Рейхелю мой поклонъ; Александра Бейеръ на дняхъ умерла здѣсь, она вышла замужъ. Видѣлъ я Татьяну, много печальной перемѣны нашелъ въ ней я и много прекраснаго; я провелъ съ ней часа три въ самомъ живомъ и пріятномъ разговорѣ. Это рѣдкая дѣвушка; я привезъ къ ней Мельгунова, на другой день она была у нихъ, а я въ это время лежалъ уже съ разбитою рукой. Надежды на деньги плохія, или лучше сказать, никакихъ нѣтъ. Что вы ничего не пишете о Сазоновѣ? Скоро ли онъ выѣзжаетъ? Изъ журналовъ читаю я здѣсь «Débats» и «Presse» и воображалъ уже вашу жовіальную фигуру въ Историческомъ театрѣ; то-то, небось, помучились. А что, мой дорогой Paolo, удастся ли мнѣ еще когда бродить съ вами по роскошнымъ полямъ Ломбардіи и полюбоваться на святого Зенона? А такъ было хорошо, что и при воспоминаніи сердце бьется въ удовольствіи. Гдѣ нашъ Кудрявцевъ? Скажите ему мой душевный поклонъ, попросите его не забыть мои книги: я съ удовольствіемъ заплачу ему всѣ расходы. Да еще есть у меня до васъ сильная просьба: пришлите мнѣ съ кѣмъ-нибудь двѣ тросточки, закажите ихъ теперь (а въ случаѣ вашего отъѣзда присылать не нужно: оставьте ихъ у хозяина дома или Фредерика, потому что одинъ мой зна-

комый въ апрѣлѣ мѣсяцѣ будетъ въ Парижѣ и возьметъ ихъ у нашего общаго фабриканта — Passage Choiseul) въ родѣ тѣхъ, какія я покупалъ у него; главное, чтобы больше было въ нихъ вкусу. А мои всѣ украли у меня на дорогѣ изъ Берлина въ Штетинъ. Я вамъ уже долженъ сто-пять франковъ и не знаю, какъ заплатить ихъ; сколько будутъ стоить тросточки, меня увѣдомьте, и я всю сумму вмѣстѣ буду просить брата Николая переслать вамъ.

Прощайте, мой другъ; пожелайте мнѣ поскорѣе выздоровѣть, да хоть немного сна по ночамъ, а то страшная боль не даетъ уснуть ни на минуту. Всѣ наши здѣшніе общіе пріятели васъ помнятъ и любятъ. Прощайте и не забывайте письмами вамъ всѣмъ сердцемъ преданнаго В. Б.

Такъ какъ я не знаю еще, поѣдетъ ли мой знакомый въ Парижъ, то нельзя ли будетъ прислать тросточки съ кѣмъ-нибудь ѣдущимъ изъ Парижа въ Россію; разумѣется, если вы сыщете случай, то пришлите, извинивъ меня съ свойственнымъ вамъ добродушіемъ. Я вамъ еще скоро буду писать.

4.

Москва. 20-го марта (1847 года).

Сегодня утромъ получилъ ваше письмо, мой милый Павелъ Васильевичъ, и сегодня же отослалъ его «Современнику», чтобъ поспѣло оно къ 4-му №. Знаете ли, caro? Вѣдь ваши письма просто кладъ для журнала; я знаю многихъ, которые, получая новую книжку журнала, прежде всего прочитываютъ въ ней ваше письмо. Говорю откровенно: я не читалъ еще писемъ ни на какомъ языкѣ, въ которыхъ бы было столько остроумія, тонкости и дѣльности, какъ въ вашихъ письмахъ. Въ этомъ отношеніи ваше второе письмо есть верхъ совершенства; но что̀ въ моихъ глазахъ придаетъ имъ особенную прелесть, это—добродушный юморъ, это—простота ума, не подозрѣвающая всей глубины своей; до чего ни коснетесь вы, все тотчасъ подъ вашимъ перомъ проникается мыслію и дѣлается прозрачнымъ; ради Бога

только не лѣнитесь писать: дѣло идетъ не объ одномъ моемъ удовольствіи, а объ репутаціи «Современника».

Не смотря на всѣ мои усилія дѣлать мои письма къ вамъ интересными, я рѣшительно въ отчаяніи. Мои письма должны вѣять на васъ скукою. Голова трещитъ, выдумывая, что̀ бъ такое сказать вамъ интересное, и вся эта работа рождаетъ одну и ту же неотразимую фразу: новаго сказать нечего. На дняхъ выйдетъ здѣсь «Московскій Сборникъ», изданный славянами. Въ слѣдующемъ письмѣ напишу вамъ о немъ отчетъ. Вы знаете, что славяне своего журнала не имѣютъ теперь: это лучшее доказательство, до какой степени эти господа имѣютъ практическаго смысла. Покойный Языковъ сбирался было дать капиталъ на основаніе славянскаго журнала, но онъ умеръ, и дѣло стало. Приглядѣвшись къ этимъ господамъ, я теперь вижу, что эти господа—все самые отвлеченные теоретики, и притомъ вовсе лишены государственнаго смысла. Наконецъ, скажу вамъ рискуя получить отъ васъ упрекъ въ аристократизмѣ, я не понимаю этого обожающаго поклоненія массамъ; я чувствую глубокое состраданіе къ ихъ положенію, съ скорбію преклоняюсь предъ ихъ трагическимъ жребіемъ, упрекаю эту горделивую цивилизацію въ ея безсиліи, въ ея безсмысленномъ равнодушіи къ массамъ; но это не мѣшаетъ мнѣ видѣть все глубокое невѣжество массъ. Говоря это, я имѣлъ въ виду новую книгу Мишле, по крайней мѣрѣ то, что̀ я знаю о ней. Наши славяне книгу Гоголя приняли холодно, но это потому только, что Гоголь имѣлъ храбрость быть послѣдовательнымъ и идти до послѣднихъ результатовъ, а сѣмена бѣлены посѣяны въ немъ тѣми же самыми славянами: «Нечего зеркало бранить, когда рожа крива». Павловъ (Н. Ф.) написалъ разборъ книги Гоголя въ формѣ писемъ къ нему и для большаго круга читателей печатаетъ ихъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; эти письма—образецъ остроумія, сарказма и ловкости. Я вамъ писалъ уже, кажется, о замѣчательномъ фактѣ нашей журналистики; разумѣю то, какъ письма Гоголя были приняты журналами. Не нашлось ни одного журнала, чтобъ похвалить ихъ, но въ публикѣ,

именно въ московской и провинціальной, они нашли себѣ большую симпатію. Для этой-то публики написаны письма Павлова. До сихъ поръ напечатано только еще одно письмо; я вамъ пришлю его. Почему до сихъ поръ не писали вы ко мнѣ: высылается ли вамъ «Современникъ»? Уѣзжая изъ С.-Петербурга, я просилъ Некрасова доставлять его брату вашему Ѳедору Васильевичу. А говорю это я для того, что еслибъ я узналъ, что вы не получаете его, я постарался бы пересылать его къ вамъ съ отъѣзжающими. Не умѣю выразить вамъ, какъ обрадовался я переѣзду брата въ Парижъ; я никакъ не могъ понять привязанности его къ Женевѣ; его письма оттуда отзывались такою ипохондріею и болѣзненностію, что тяжело было читать ихъ: на нихъ лежала вся душная жизнь Женевы. У меня на сердцѣ стало спокойнѣе съ тѣхъ поръ, какъ я знаю, что онъ уже въ Парижѣ и съ вами. Гдѣ-то Герценъ? Мы думали, что онъ уже въ Парижѣ. Порученіе Кудрявцева выполнено въ точности и съ удовольствіемъ. Самъ могу еще съ большимъ трудомъ писать, и вотъ почти четыре недѣли не выхожу изъ комнаты, потому что не могу надѣть на себя сюртука. Отъ этой запертой жизни чувствую, что совсѣмъ одурѣлъ; спасибо, хоть пріятели навѣщаютъ. Пріятели наши всѣ здравствуютъ; только съ отъѣздомъ Герцена кружокъ нашъ какъ-то осиротѣлъ. Кстати: когда увидите его, скажите ему, что Аксаковъ вопіетъ Богу и людямъ на статью его «Станція Едрово», называетъ ее дурнымъ поступкомъ и особенно сердится на то, какъ Герценъ отдалъ ее въ печать, не прочтя ему. Я вздохнулъ, читая ваше граціозное описаніе оперетокъ въ Opéra Comique. Увы, здѣсь отвыкнешь отъ простого, безсознательнаго наслажденія даже музыкою; здѣсь все принимается свысока, съ педантическою сурьезностью; здѣсь я уже сказалъ «прости» мимолетнымъ, легкимъ мгновеніямъ, которыя не имѣютъ иной претензіи, какъ на минуту развеселить васъ. Вы не можете представить себѣ, какъ здѣсь трудно живется, какихъ здѣсь все исполнено требованій, какъ на все смотрятъ съ точки зрѣнія вѣчности. И бѣда въ томъ, что вся жизнь проходитъ

въ однихъ только великихъ требованіяхъ. О практическихъ примѣненіяхъ никто не думаетъ, да они, съ здѣшней точки зрѣнія, и невозможны. Умѣренность и терпимость, которыя такъ привлекательны во французскомъ обществѣ, здѣсь это—не добродѣтели, это—презрѣнныя ереси. Имѣйте ихъ, и васъ тотчасъ обвинятъ въ фривольности. Несчастіе въ томъ, что все это живетъ по книгамъ и въ книгахъ; никакой оригинальности въ мысляхъ, никакой самостоятельности во взглядахъ; даже интимные кружки отзываются какою-то офиціальностью (въ смыслѣ общихъ идей), какою-то рутиною мысли и чувства.

29-го марта.

Залежалось у меня это письмо, дорогой мой Анненковъ. Все хотѣлъ познакомить васъ съ «Московскимъ Сборникомъ» славянъ нашихъ. Но и тутъ какое разногласіе! Хомяковъ рѣшительно презираетъ западъ и его гніющую цивилизацію, а все обѣщаетъ русскую науку. Невольно вспомнишь замѣчаніе Ривароля одному подобному господину: «C'est vrai, vous avez un avantage de n'avoir rien fait, mais il ne faut pas en abuser». Но я только вечеромъ вчера получилъ этотъ сборникъ и потому едва успѣлъ взглянуть на него. Иванъ Аксаковъ, братъ Константина, не принадлежитъ къ славянскому согласію и пишетъ иногда очень недурные стихи. Вотъ одни изъ напечатанныхъ имъ въ «Сборникѣ» и лучшіе изъ всей книги:

Смотри! Толпа людей нахмурившись стоитъ...
(Въ приложеніи).

Въ Москву пріѣхала Плесси и заняла собою здѣшнее праздное вниманіе; да Берліозъ, давши концертъ въ Петербургѣ, теперь здѣсь, и черезъ недѣлю московскіе диллетанты будутъ приходить въ умиленіе отъ его придуманныхъ вдохновеній. Одоевскій писалъ о немъ диѳирамбы. Отрывки изъ книги Ламартина въ «Débats» и «Presse» мнѣ показались такъ себѣ. Это больше поэтъ, нежели историкъ. Первая половина разсказа о Шарлоттѣ Кордэ въ этомъ отношеніи превосходна; вообще изобразительная сторона у него

далеко превышаетъ всѣ другія. А что̀ вы скажете о фразахъ въ родѣ слѣдующей: «Mirabeau—en un mot, c'est la raison d'un peuple; ce n'est pas encore la foi de l'humanité»? Фраза убиваетъ новыхъ французовъ, именно тѣхъ, которые принадлежатъ къ школѣ Руссо. Теперь во Франціи одинъ только Тьеръ умѣетъ писать. А столько грозившая и обѣщавшая «Système des contradictions» etc. — увы!! Les hommes vont vite!!

Рука все болитъ у меня, и теперь дописываю эти строки черезъ силу. Я еще не выхожу—вотъ пять недѣль уже! Теперь хлопочу о сборѣ Бѣлинскому денегъ на поѣздку на воды. Набралъ 2500 ассигнаціями, но на бумагѣ, а на дѣлѣ оказывается только 2000 ассигнаціями (считая съ моими 500 рублями). Герценъ вѣрно теперь съ вами; я ему писалъ на счетъ оставленнаго имъ на Некрасова перевода въ 300 рублей серебромъ, что денегъ этихъ теперь Некрасовъ заплатить Бѣлинскому не можетъ. Пусть Герценъ распорядится такъ, чтобъ мнѣ повѣренный его выдалъ здѣсь хоть 100 или 150 рублей серебромъ на поѣздку Бѣлинскаго, да чтобъ написалъ тотчасъ же. Бѣлинскій ѣдетъ 3-го мая, съ первымъ пароходомъ. Я послалъ уже ему деньги, чтобы взять мѣсто.

Сегодня утромъ получилъ письмо брата изъ Парижа и повеселѣлъ отъ него. Слава вамъ, слава Парижу! Но не будь васъ, онъ такъ умѣетъ мастерски вездѣ скучать и думать о могилѣ, что вѣрно Парижъ и самъ Альсидъ Тузè съ Равелемъ и Сенвилемъ показались бы ему одною унылою процессіей къ отцу Лашезу. «Мертвый, въ гробѣ мирно спи, — жизнью пользуйся, живущій!» Другъ мой, я у васъ выучился жить и наслаждаться минутою; вы вдохнули въ меня ясный взглядъ на солнце и жизнь, и вотъ за что̀ я такъ интимно люблю васъ и дорожу вашею пріязнью. Брату буду отвѣчать завтра, а теперь рука мочи нѣтъ болитъ: сегодня не спалъ ночь отъ боли. Обнимите его отъ меня и пожмите руку доброй и любезной Екатеринѣ Николаевнѣ, да и тому пріятелю. Прощайте, братцы; будьте веселы и вспомните иногда вашего В. Б.

Пришлю вамъ въ слѣдующемъ письмѣ статью Павлова о книгѣ Гоголя, какъ образецъ критики. А о критикѣ вообще скажу только одно: нашего друга время, кажется, миновалось. Да объ этомъ послѣ, и между нами. Еще разъ обнимаю васъ.

5.

Москва. 14-го мая 1847 года.

Давно не писалъ я къ вамъ, дорогой мой Павелъ Васильевичъ, главное—отъ того, что не придумаешь ничего для васъ интереснаго, а не хочется заставлять васъ платить за письмо 3 франка попусту, но въ то же время не хочется оставлять васъ безъ вѣсти о моемъ существованіи. Ваше письмо о выставкѣ восхитило меня; его дѣльность и мастерство выше всего, что̀ я читалъ когда-либо объ этомъ предметѣ, и я ставлю себѣ за большую честь то, что мои мысли объ этомъ находятся въ совершенной симпатіи съ вашими. Кстати: «Отечественныя Записки» помѣщаютъ письма Кудрявцева о Луврѣ (всего три письма), которыя — долженъ я вамъ признаться — сильно меня огорчаютъ. Представьте: нашъ общій пріятель остается неизлѣчимымъ нѣмцемъ. По поводу Лувра онъ все говоритъ о греческомъ и римскомъ искусствѣ; современность ни съ какой стороны не касается его, и все это такъ вяло, такъ педантически, что изъ рукъ вонъ. Вездѣ виденъ романтикъ, отвлеченное чувство, стоячесть мысли, отсутствіе живого порыва; словомъ, я едва могъ дочесть ихъ, такъ они тяжелы и туги. И это обстоятельство огорчаетъ меня, — не то, что Кудрявцевъ остается романтикомъ, а то, что онъ — такой педантическій романтикъ, патріархальный и консервативный. Дай Богъ, чтобъ я ошибался; вы въ послѣднее время могли его узнать ближе, и я отъ всей души желаю, чтобъ вы побранили меня за мои о немъ еретическія мнѣнія, возбужденныя его письмомъ о Луврѣ: вѣдь нельзя же судить о человѣкѣ по нѣсколькимъ напечатаннымъ письмамъ! И мнѣ довольно одного вашего слова, чтобъ я взялъ мой приговоръ обратно.

Что̀ жь сказать мнѣ вамъ, мой тысячу разъ милый Павелъ Васильевичъ? Чѣмъ отплатить мнѣ вамъ за ваше мастерское описаніе выставки? Развѣ разсказомъ обѣда, даннаго Шевыреву по случаю окончанія его публичныхъ лекцій? Но онъ замѣчателенъ былъ только тѣмъ, что Шевыревъ предложилъ тостъ за поэзію и за представителя ея Ѳ. Н. Глинку въ особенности. Тутъ же Аксаковъ сводилъ Грановскаго и Хомякова для ихъ взаимнаго примиренія, которое состоялось, какъ и всѣ внѣшнія примиренія, изъ приличія. Вы, конечно, изъ письма Грановскаго къ Герцену знаете объ этомъ спорѣ, возставшемъ изъ пустяковъ (изъ переселеній бургундовъ); въ сущности его лежала ошибка славянства съ обще-европейской точкой зрѣнія; по этому случаю Грановскій наговорилъ Хомякову нѣсколько язвительныхъ колкостей. Эта схватка, разумѣется, надѣлала очень много шуму въ московскомъ учено-салонномъ мірѣ, гдѣ послѣ отвѣта Грановскаго ореолъ Хомякова дѣйствительно много потускнѣлъ. Замѣчательно, что славянофилы до сихъ поръ печатно постоянно были побиваемы, и на всѣхъ пунктахъ. Славянизмъ не произвелъ еще не одного дѣльнаго человѣка: это — или цыганъ, какъ Хомяковъ, или благородный сомнамбулъ Аксаковъ, или монахъ Кирѣевскій, это—лучшіе! Но между тѣмъ славянофилы выговорили одно истинное слово: народность, національность. Въ этомъ ихъ великая заслуга; они первые почувствовали, что нашъ космополитизмъ ведетъ насъ только къ пустомыслію и пустословію; эта такъ-называемая «русская цивилизація» исполнена была великой заносчивости и гордости, когда они вдругъ пришли ей сказать, что она пуста и лишена всякаго національнаго развитія. Вообще, въ критикѣ своей они почти во всемъ справедливы; и въ самомъ дѣлѣ, пора была напомнить недорослю, который потому только, что, стыдясь знать свой родной языкъ, считалъ себя гражданиномъ міра,—что онъ не болѣе какъ недоросль. Но въ критикѣ заключается и все достоинство славянъ! Какъ только выступаютъ они къ положенію,—начинаются ограниченность, невѣжество, самая душная патріархальность, незнаніе самыхъ простыхъ началъ

государственной экономіи, нетерпимость, обскурантизмъ и проч. Оторванные своимъ воспитаніемъ отъ нравовъ и обычаевъ народа, они дѣлаютъ надъ собою насиліе, чтобъ приблизиться къ нимъ, хотятъ слиться съ народомъ искусственно: такъ, напримѣръ, Аксаковъ не ѣстъ телятины, ходитъ къ обѣднѣ и ко всенощной. А вотъ примѣръ ихъ нетерпимости: у Аксакова есть братъ, который по несчастію не славянофилъ; онъ на канунѣ Вознесенья пошелъ смотрѣть Плесси въ театръ. На другой день вечеромъ были у нихъ гости, и тамъ все славянство возстало съ упреками на молодого человѣка, какъ могъ онъ въ то время, какъ народъ русскій слушалъ всенощную, быть въ театрѣ да еще смотрѣть игру французской актрисы! Онъ не зналъ, куда дѣться отъ упрековъ и нападковъ. А вотъ еще фактъ: Соловьевъ до того вчитался въ лѣтописи и старыя грамоты, что усвоилъ языкъ ихъ; онъ свободно говоритъ имъ и пишетъ. Изъ шутки завелъ онъ на немъ переписку съ Аксаковымъ. Въ одномъ обществѣ Аксаковъ читаетъ одно изъ «посланій» къ нему Соловьева. Вдругъ Иванъ Кирѣевскій, бывшій тутъ, съ негодованіемъ возстаетъ, какъ смѣть употреблять языкъ, на которомъ написаны наши священныя книги, для писанія шутливыхъ записокъ; это такъ возмутило его, что онъ сдѣлался боленъ. Вотъ корифеи славянства! Въ этомъ направленіи о цивилизаціи, освобожденіи отъ предразсудковъ нѣтъ помину. Въ сущности, это не что другое, какъ допетровская Россія, которая поднимаетъ голову и осматривается, и которая вовсе не есть прошедшее, а окружающее, въ которомъ мы составляемъ самое незамѣтное, ничтожное меньшинство. А самая большая часть этого soi-disant «образованнаго» меньшинства, только платьемъ и пущею безалаберностью отличается отъ массы; мало-мальски умный и дѣльный человѣкъ есть рѣдчайшее исключеніе изъ этого безалабернаго и ребячески тщеславнаго класса «образованныхъ». Горсть славянофиловъ остается изолированною; а какую бы получила она силу, опираясь, напримѣръ, на купцовъ, гдѣ старая Русь сохраняется во всемъ своемъ нравственномъ и общественномъ безобразіи! Но, не смотря на утопиче-

скія и фантастико-историческія очки, въ которыя они смотрятъ на все это, образованіе слишкомъ близко къ нимъ и прямо бросается имъ въ глаза; «это не народъ», говорятъ они,— «это мерзкій осадокъ народа». А почему же мерзкій? Развѣ зажиточные крестьяне не то же, что̀ купцы? Конечно, бѣдный человѣкъ вездѣ добродушнѣе богатаго, но это потому, что чувство собственности всегда развиваетъ за собою много дурныхъ сторонъ, хранящихся въ природѣ человѣческой; только на этомъ основаніи парижскій ouvrier лучше bourgeois; но чуть разбогатѣетъ ouvrier, тотчасъ становится bourgeois, также, какъ разбоготѣвшій мужикъ становится купцомъ. Но полно надоѣдать вамъ; все это вы давно знаете, и нашъ славянскій міръ вамъ также хорошо знакомъ, даже лучше, чѣмъ мнѣ, потому что я едва вглядываюсь въ него. Обнимите за меня Герцена. Я читалъ его письмо къ Щепкину съ большимъ огорченіемъ. Онъ такого вздору наговорилъ! Bourgeois, видите, виноватъ въ томъ, что на театрахъ играются гривуазные водевили. Не шутя! Не даромъ вы писали, что Герценъ старается каждый предметъ понять на выворотъ, чтобъ потомъ имѣть удовольствіе поставить его на прежнее мѣсто. Его письмо къ Щепкину точно писалъ одинъ изъ тѣхъ нѣмцевъ, которые года три назадъ пріѣзжали въ Парижъ учить французовъ. Ну, да что̀ жь дѣлать! Кто же, выѣхавъ въ первый разъ въ Европу, не начиналъ свои о ней сужденія глупостями!

Вы, конечно, уже знаете, что Бѣлинскій уже выѣхалъ; это было 5-го мая. Вамъ теперь къ нему спѣшить нечего: вѣдь на водопойняхъ жить скучно; по моему мнѣнію, вамъ бы ѣхать къ нему тогда, когда водопойня его кончится, чтобъ потомъ привезти его, куда вамъ разсудится. Вотъ еще что̀: куда бы хорошо Бѣлинскому провести зиму въ какомъ-нибудь умѣренномъ климатѣ! Это бы довершило ту пользу, которую принесутъ ему воды. Я думаю написать объ этомъ къ Герцену. Но чѣмъ будетъ жить его семейство? Будетъ ли Бѣлинскій работать за границей? Да и какъ онъ самъ объ этомъ думаетъ? Обнимаю васъ, мой дорогой Павелъ Васильевичъ; поклонитесь Герцену, Натальѣ Александровнѣ

и Марьѣ Ѳедоровнѣ. Скажите имъ, что всѣ наши здѣшніе друзья здоровы, а мы, не глядя на субботу, у Сатина пили ихъ здоровье. Боюсь, застанетъ ли васъ это письмо въ Парижѣ. Напишите мнѣ, куда вамъ писать. Вашъ сердцемъ В. Б.

6.

Москва. 19-го іюля 1847 года.

Сегодня получилъ твое письмо изъ Дрездена, милый мой Виссаріонъ, съ вашею припискою, дорогой мой Павелъ Васильевичъ. Спѣшу отвѣчать вамъ, чтобъ сколько-нибудь загладить мою передъ вами вину. Я не успѣлъ написать вамъ въ Берлинъ, poste restante, и отложилъ о немъ попеченіе, хотя совѣсть меня постоянно мучила за это. На дняхъ былъ здѣсь изъ С.-Петербурга Фроловъ и привезъ вѣсти о васъ. Съ какою радостью увидѣлся я съ нимъ! Наша жизнь въ Парижѣ вдругъ живо воскресла въ моей памяти, и снова пронеслись передо мной и Belle-vue, и Италіанскій театръ, и Brébant, — такъ что я снова ощутилъ ихъ благоуханіе. Понимаю твое отвращеніе отъ Германіи, Бѣлинскій, очень понимаю, хоть и не раздѣляю его. Я не могу жить въ Германіи, потому что нѣмецкая общественность не соотвѣтствуетъ ни моимъ убѣжденіямъ, ни моимъ симпатіямъ, потому что нравы ея грубы, что въ ней мало также дѣйствительности и реальности, и такъ далѣе; но я не изрекаю ей такого приговора, какъ ты, и относительно дурныхъ и хорошихъ сторонъ народовъ придерживаюсь нѣсколько эклектизма. Понимаю твою скуку: я и здоровый захворалъ бы отъ скуки, проведя полтора мѣсяца въ Германіи, а ты еще провелъ ихъ въ Силезіи, въ Зальцбрунѣ! Парижъ, я надѣюсь, постоитъ за себя. Но зачѣмъ тебѣ видѣть тамъ однихъ только «конституціонныхъ подлецовъ»? Тамъ есть много такого, что̀ посущественнѣе и поинтереснѣе ихъ. Политическія очки не всегда показываютъ вещи въ настоящемъ свѣтѣ, особенно, если эти очки сдѣланы изъ принятыхъ заочно доктринъ. Часто и доморощенныя доктрины заставляютъ

городить вздоръ (что̀ доказываетъ книга Луи Блана: съ твоимъ умнымъ мнѣніемъ о немъ совершенно согласенъ); а бѣда, если нашъ братъ пріѣзжаетъ въ страну съ заранѣе вычитанною доктриною. Вы меня браните, милый мой Анненковъ, вы, котораго тонкій умъ всегда оставался чуждымъ всякаго рода доктринамъ (и за это-то я васъ и люблю особенно), вы меня браните за то, что я защищаю bourgeoisie; но ради Бога, какъ же не защищать ея, когда наши друзья со словъ соціалистовъ представляютъ эту буржуазію чѣмъ-то въ родѣ гнуснаго, отвратительнаго, губительнаго чудовища, пожирающаго все прекрасное и благородное въ человѣчествѣ? Я понимаю такія гиперболы въ устахъ французскаго работника; но когда ихъ говоритъ нашъ умный Герценъ, то онѣ кажутся мнѣ не болѣе какъ забавными. Тамъ борьба, духъ партій заставляетъ прибѣгать къ преувеличеніямъ, — это понятно, а здѣсь вмѣсто самобытнаго взгляда, вмѣсто живой, индивидуальной мысли вдругъ встрѣчать общія мѣста, ей Богу, досадно. И вотъ почему не понравилось мнѣ такъ его письмо къ Щепкину. Рѣчь, видите, идетъ о развратномъ вліяніи буржуазіи на сцену и о лицемѣрствѣ французскаго общества. Но мнѣ бы хотѣлось условиться: что̀ понимаютъ подъ словомъ «развратъ»? Что касается до лицемѣрства, то я думаю, что оно всегда было, есть и будетъ, и только одно какое-нибудь мечтательное, первобытное общество не грѣшно въ немъ. Упрекъ въ лицемѣрствѣ не падаетъ только на однихъ благородныхъ фанатиковъ, приносящихъ себя въ жертву своей идеѣ или страсти. Во Франціи это лицемѣрство виднѣе, чѣмъ гдѣ-либо, потому что треть націи громко смѣется надъ условною общественною моралью. Въ Германіи и Англіи несравненно меньше лицемѣрства, но отъ чего? Вы поймете и безъ моего отвѣта.

Отъ всей души я былъ радъ твоему письму: давно мнѣ хотѣлось имѣть отъ тебя вѣсть; особенно безпокоило меня твое здоровье. Оно нѣсколько поправилось отъ водъ, авось въ Парижѣ еще больше поправится: я въ этомъ случаѣ надѣюсь больше на самый Парижъ, нежели на докторовъ. Получа твое письмо, я тотчасъ же побѣжалъ подѣлиться имъ

съ Коршемъ и сегодня пошлю его къ Грановскому. Нашъ кружокъ все прежній, онъ не прибавился и, слава Богу, не убавился. Но, къ несчастью, дѣло Крылова очень заставляетъ меня опасаться за нашъ кружокъ. Оно нисколько не принимаетъ лучшаго вида; напротивъ, недавно Строгановъ говорилъ Кавелину, что все должно оставаться по прежнему. Если такъ, то Кавелину, Коршу и Грановскому надобно будетъ оставить Москву, потому что гдѣ же имъ служить въ Москвѣ? Что̀ тогда останется для насъ въ Москвѣ? Страшно подумать! Еслибъ нашлось какое-нибудь mezzo-termine! Такимъ людямъ надо дорожить своимъ положеніемъ здѣсь и оставить его только при самой крайней необходимости. Былъ здѣсь на дняхъ Некрасовъ, и мы приняли съ нимъ разныя мѣры для улучшенія «Современника». Надобно ему непремѣнно поправиться осенью; ежели онъ останется тѣмъ же, что̀ теперь, то очень можетъ статься, что подписка на 1848 годъ уменьшится. Да и вы отъ Герцена вытаскивайте статьи; слухи есть, что онъ нѣчто готовитъ для «Современника». Ради Бога, Павелъ Васильевичъ, не смотрите на мои «Письма объ Испаніи», какъ на какое-нибудь мое задушевное писаніе; это не болѣе какъ произведеніе промышленности; мнѣ крайне нужны деньги, и я всѣми средствами растягиваю эти «Письма» для того, чтобъ побольше вышло листовъ. До сихъ поръ болѣзнь и множество разныхъ хлопотъ и дѣлъ не давали мнѣ времени приняться за нихъ; теперь принимаюсь и къ новому году доставлю ихъ «Современнику» вполнѣ; всего будетъ еще листовъ шесть печатныхъ. Мадонна моя наконецъ уѣхала въ Парижъ, — не знаю только, надолго ли. Ты получилъ письмо отъ Гоголя? По разсказамъ, это письмо показываетъ, что Гоголь потерялъ наконецъ смыслъ къ самымъ простымъ вещамъ и дѣламъ. Сейчасъ получаю твое ко мнѣ письмо обратно отъ Грановскаго; онъ не доволенъ имъ и боится, чтобъ ты съ твоей теперешней точки зрѣнія на Германію и Францію не сталъ бы писать о нихъ, воротясь въ Россію. Въ самомъ дѣлѣ, это было бы большимъ торжествомъ для нашихъ невѣждъ и мерзавцевъ. О цензурныхъ обстоятельствахъ, на-

дѣюсь, тебѣ сообщилъ уже Некрасовъ, и ты, конечно, уже знаешь, что теперь Жоржъ Сандъ не будетъ читаться на русскомъ языкѣ. Впрочемъ, ея «Piccinino» мнѣ показался весьма плохимъ, я едва имѣлъ силу дочесть его первую часть. Грановскій готовитъ для «Современника» статью о современной французской и нѣмецкой исторической литературѣ: она будетъ готова къ сентябрской книжкѣ; будетъ также статья Корша. Былъ диспутъ Соловьева (на доктора), на которомъ самымъ сильнымъ и рѣзкимъ противникомъ Соловьева оказался Кавелинъ. Но вопросы были поставлены такъ рѣзко и радикально, что Шевыревъ вмѣшался въ споръ и прекратилъ его, оставя каждаго при его мнѣніи; отчетливость мысли и выводовъ были вполнѣ на сторонѣ Кавелина.

Caro signor Paolo, вы говорите, что спорите съ однимъ только мною. Я, разумѣется, толкую это исключеніе въ хорошую для себя сторону. Но я знаю по опыту, что изъ споровъ съ вами я всегда научался, и въ жизнь мою не забуду того нравственнаго и физическаго наслажденія, какое испытывалъ, путешествуя съ вами прошлаго года. Мастера старой Ломбардской школы, на которыхъ вы обратили мое вниманіе, наша прогулка по Тиролю, обѣды въ Виченцѣ и Венеціи, наши загородныя прогулки—ахъ, caro signor Paolo, все это мнѣ до сихъ поръ веселитъ душу, но больше всего то, что я, узнавши васъ, еще больше полюбилъ васъ.

Возвращаюсь опять къ исторіи Крылова: она лежитъ у меня на сердцѣ и возмущаетъ его. Представьте! Жена Крылова недавно писала къ нему безпрестанно письма, умоляла взять ее къ себѣ, обвиняетъ Кавелина въ томъ, что онъ увезъ ее отъ мужа, даже грозитъ имъ; объ этихъ письмахъ Строгановъ намекалъ даже Кавелину, прибавивши: «Ваша сестра дурно дѣлаетъ». Всѣмъ этимъ Крыловъ, разумѣется, пользуется; онъ въ свое оправданіе показывалъ письма жены Строганову; Строгановъ настаиваетъ на своемъ. И вотъ изъ какой женщины вышла вся эта исторія, которая принудитъ Грановскаго, Кавелина и Рѣдкина оставить университетъ! У меня сердце надрывается отъ досады. Но ради Бога, пусть

объ этомъ Герценъ ни слова не говоритъ въ своихъ письмахъ въ Москву, то-есть, объ этихъ письмахъ жены Крылова къ мужу.

Обнимите за меня брата, поцѣлуйте его за меня; онъ хотѣлъ писать ко мнѣ изъ Лондона, да вѣрно за хлопотами не успѣлъ. Я живу въ деревнѣ около Кунцова (въ Давыдковѣ), обѣдаю у Кавелина. Скоро напишу и брату. Буду ждать отъ васъ вѣсти — гдѣ намѣрены вы провести зиму. Увѣдомьте по крайней мѣрѣ, дойдетъ ли до васъ это письмо. Весь вашъ В. Боткинъ.

7.

(Москва. 24-го и 25-го августа 1847 года).

Mio carissimo signor Paolo! Неожиданно увидалъ я снова передъ собою этотъ маленькій синій конвертъ и на немъ знакомый и любезный мнѣ почеркъ: наша бесѣда опять возобновится, и вы даете мнѣ надежду на ваши письма. Спасибо, друже! Не лѣнитесь только писать; съ своей стороны не стану лѣниться извѣщать васъ о нашихъ здѣшнихъ щепетильныхъ новостяхъ. Такъ какъ мои опасенія на счетъ настроенности духа Бѣлинскаго оказались пустымъ вздоромъ, то и чортъ съ ними, плюньте на нихъ и побраните меня, забудьте мою ошибку. Caro mio, съ какимъ всегда радостнымъ біеніемъ сердца распечатываю и читаю я ваши «Письма»! Мнѣ все въ нихъ интересно, и иногда я забываюсь до того, что мнѣ кажется, я васъ сегодня же увижу у Brébant. Кстати: поговоримъ, наконецъ, серьезно о вашихъ «Письмахъ». Мое мнѣніе таково, что ихъ должно издать отдѣльною книгою. Они отличаются такимъ рисункомъ и колоритомъ, какихъ до сихъ поръ еще не видно было въ русской литературѣ. Это не комплиментъ, а такъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Гоголь упрекаетъ ихъ въ «безцѣльности». Но онъ хвалитъ мои «Письма» за то же, за что̀ бранитъ ваши. Они «безцѣльны», то-есть, вы должны заранѣе составить себѣ взглядъ, убѣжденіе и на нихъ натягивать каждое ваше

ощущеніе или сужденіе! Помилуй васъ Богъ! Такой догматизмъ убьетъ весь живой интересъ, эту живую, оригинальную индивидуальность, которая для меня такъ дорога въ вашихъ «Письмахъ». Я попросилъ бы васъ еще болѣе быть самимъ собою, не бояться ни софизмовъ, ни ошибокъ, — попросилъ бы потому, что я считаю васъ артистомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и именно артистическій элементъ, артистическій рисунокъ, обнаруживающійся во всемъ, въ описаніи, въ намекѣ, въ очеркѣ, дѣлаетъ «Письма» ваши такъ дорогими для меня. А сколько въ нихъ ума простодушнаго, мѣткаго, разгульнаго, живого! Гоголь такъ погрязъ въ доктринерствѣ, что уже не можетъ понять всей прелести «безцѣльности». Но я скажу болѣе: ваши «Письма» въ Россіи не могутъ быть оцѣнены по достоинству; я разумѣю людей образованныхъ. Всякое молодое общество больше всего любитъ доктринерство, догматизмъ. Хоть Бѣлинскій и натолковалъ ему объ искусствѣ для искусства, но оно изъ этого сдѣлало себѣ такую прозаическую, убійственную доктрину, что я теперь не могу безъ тошноты слышать слова: «художественное произведеніе». Чтобы понять артистическое и «безцѣльное», надобно имѣть большую свободу въ чувствахъ и мысляхъ, надобно широко и безъ предразсудковъ смотрѣть на жизнь, наконецъ, надобно имѣть большую терпимость. Всякое молодое и, слѣдовательно, неопытное общество всего болѣе походитъ на стадо барановъ; оно всего меньше позволяетъ быть человѣку самимъ собою, всего меньше прощаетъ ему оригинальность его мысли и существованія. Я не скрою, я слыхалъ о вашихъ «Письмахъ» очень равнодушные отзывы, но именно отъ такихъ людей, которые для того, чтобы хвалить ихъ, должны бы были измѣнить свою натуру. Ваши «Письма» безцѣльны, то-есть, вы не поставили себѣ задачею «разрѣшить, каковъ нынѣшній французскій человѣкъ»! (Гоголь клеплетъ на меня; мнѣ въ голову не приходило задавать себѣ вопросъ о нынѣшнемъ «испанскомъ человѣкѣ»). Что касается до меня, то одинъ такой вопросъ возбудилъ бы во мнѣ смѣхъ, и я заранѣе былъ бы увѣренъ, что разрѣшеніе будетъ пустой вздоръ или фразы.

Нѣтъ, вы слишкомъ умны, чтобъ сочинять «французскаго человѣка», вы небрежно набрасываете на бумагу croquis его разнообразныхъ чертъ, ловите на лету его подвижную физіономію и бросаете свои летучія croquis, говоря: «qu'ils deviennent ce qu'ils peuvent». Но вѣдь въ этомъ-то и вся ѳирная прелесть ихъ, но вѣдь въ нихъ всюду проходитъ эта красная нитка артистичности!.. А тонкая ихъ наблюдательность!.. Но, Анненковъ, вамъ, наконецъ, странно покажется мое рвеніе и усердіе къ вашимъ «Письмамъ». Нѣтъ, оно не подозрительно: мнѣ хочется ихъ защитить отъ васъ же самихъ; мнѣ хочется, чтобъ вы сами сурьезнѣе смотрѣли на нихъ, и вотъ для чего я совѣтую, прошу въ концѣ или началѣ будущаго года издать ихъ отдѣльною книжкою формата Шарпантье. Да! Извольте мнѣ положительно отвѣтить на это и дать уполномочіе.

Нечего вамъ говорить, какъ я радъ поправленію Бѣлинскаго, хотя и боюсь, что первые же мѣсяцы жизни въ Петербургѣ снова придавятъ его. Что его намѣреніе переѣхать въ Москву? Думаетъ ли онъ о немъ. Все, что пишете вы о перепискѣ съ Гоголемъ, въ высшей степени интересно. Впрочемъ я всегда относилъ «Переписку съ друзьями» болѣе къ гордости своей геніальности и невѣжеству, нежели къ разсчетливой подлости. Но переписка Бѣлинскаго и ваша съ нимъ очень, очень важна въ настоящемъ его положеніи.

Чуть было не пришлось мнѣ разставаться съ здѣшними друзьями! Они готовились уже подать свои прошенія объ отставкѣ, но за два дня Грановскій счелъ за приличное извѣстить Строганова письмомъ по французски о ихъ рѣшимости. И только поставленный въ такую диллему, принужденъ былъ наконецъ дѣйствовать Строгановъ, котораго главною цѣлію было—уладить все по прежнему. Не забудьте, что эти друзья составляютъ для меня въ Москвѣ все,—каково же было готовиться потерять ихъ! Но теперь все кончилось хорошо. Смѣшно было, что Строгановъ, объявивши имъ, что Крыловъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, сдѣлалъ имъ, какъ говорится, нотацію за то, что они принудили его «по-

вернуть круто». Вотъ что̀! Да они ждали цѣлый годъ, и если Строгановъ не принужденъ бы былъ наконецъ выбирать между Крыловымъ и ими, онъ бы по ужасной нерѣшительности своей Богъ знаетъ на сколько лѣтъ оставилъ бы все дѣло in statu quo.

Представьте, Кудрявцева я не видалъ еще! Да онъ, кажется, не очень спѣшитъ со мной видѣться, — я не знаю его квартиры. Это меня огорчаетъ. Впрочемъ, я чувствую, что Кудрявцевъ будетъ больше отдаляться отъ насъ, нежели искать сближенія. Почему, спросите вы? Потому... но этихъ потому такъ много, что я лучше не напишу ни одного. Ахъ, друзья, хоть бы на день прилетѣть къ вамъ, и Богъ знаетъ, какъ дорого бы было для меня пройтись съ Бѣлинскимъ по бульварамъ!

Здѣсь начали было поговаривать о холерѣ, но все это оказалось вздоромъ; достовѣрно только, что она теперь въ Астрахани.

Богъ знаетъ, какъ любопытно прочесть письмо Бѣлинскаго къ Гоголю и отвѣтъ его, равно и письмо Гоголя къ вамъ. Мы съ Коршемъ задумали просить васъ: нѣтъ ли какой возможности сообщить ихъ намъ? По крайней мѣрѣ, хоть письмо Гоголя къ вамъ. Я далеко не раздѣляю отвращенія Бѣлинскаго къ «Отечественнымъ Запискамъ» даже по тому одному, что какъ была плоха критика въ «Современникѣ», такъ она была замѣчательна въ «Отечественныхъ Запискахъ». «Современникъ» имѣетъ, къ сожалѣнію, какой-то литературный характеръ, который въ настоящее время всего менѣе можетъ возбудить въ публикѣ интересъ. А прямѣе сказать, «Современникъ» не имѣетъ никакого характера. А это отъ того, что редакція не имѣетъ никакой основной мысли, никакого направленія. Кудрявцевъ начинаетъ свои лекціи съ сентября. Я не знаю еще, гдѣ онъ будетъ жить, но знаю то, что онъ будетъ жить вмѣстѣ съ своей сестрой, вдовой священника, и у которой четверо малолѣтнихъ дѣтей,—и Кудрядцевъ не имѣетъ достаточно силы воли, чтобы отдѣлаться отъ этого родственнаго деспотизма. Поймите, что̀ это за міръ, что̀ за сфера! Да досадно еще то, что Кудрявцевъ чувствуетъ себя

хорошо въ этой сферѣ; онъ, вѣроятно, скоро женится, и когда вы встрѣтитесь съ нимъ года черезъ три, очень можетъ быть, что вы не узнаете его. Въ его умѣ нѣтъ ни малѣйшей смѣлости, онъ набитъ авторитетами. О, дай Богъ, чтобъ всѣ мои предчувствія оказались ложными! Но мнѣ сдается, что Бѣлинскій раздѣляетъ ихъ. Кстати: скажите Бѣлинскому, что я уже переслалъ Тютчеву все, что̀ слѣдовало.

Въ Москвѣ теперь Кобденъ; но петербургскія газеты не извѣстили даже о его прибытіи въ Россію. Онъ съѣздилъ взглянуть на Нижегородскую ярмарку.

Сегодня, 24-го августа, Грановскій получилъ письмо отъ Герцена, въ которомъ онъ послѣ шестимѣсячнаго молчанія вздумалъ упрекать ихъ, что они къ нему не пишутъ. Мы между тѣмъ вспоминаемъ здѣсь о немъ безпрестанно. Но вѣдь романтическое время писанія объ внутреннихъ явленіяхъ прошло, а здѣсь такъ мало новостей, что, право, и въ годъ на полстраницы не наберешь. Скажите Герцену и Натальѣ Александровнѣ отъ меня сердечный поклонъ.

Вы, конечно, уже слышали о смерти Валеріана Майкова. Съ душевною печалью узналъ я объ его смерти. Я былъ съ нимъ мало знакомъ, но въ статьяхъ его выказывался умъ крѣпкій и самостоятельный. Правда, что видно было много неопытности, незрѣлости, иногда много шума изъ пустого, но вѣдь ему было только 23 года! Изъ него вышелъ бы замѣчательный критикъ. Тургеневъ зналъ его хорошо и, вѣрно, будетъ очень жалѣть о немъ. Кто это въ «Revue indépendante» пишетъ такія штуки о русской литературѣ? Булгаринъ пользуется ими, чтобъ смѣяться надъ сотрудниками «Современника».

Коршъ проситъ меня сказать вамъ отъ него самый искренній поклонъ; онъ согласенъ со мной во всемъ касательно вашихъ «Писемъ» и также любитъ ихъ, какъ и я. Мы сегодня обѣдали втроемъ—Грановскій, Коршъ и я—въ Троицкомъ трактирѣ и вспоминали о васъ. Эти два человѣка составляютъ въ Москвѣ все мое общество, и я привязанъ къ нимъ всѣмъ сердцемъ. Обнимите за меня Тургенева. О русской литературѣ писать вамъ нечего. А когда

прочту ваше письмо, писанное въ «Современникъ», то не премину написать къ вамъ мое мнѣніе о немъ. Передайте брату мой душевный поцѣлуй. Вашъ весь В. Ботк.

8.

Москва. 12-го октября 1847 года.

Давно я не писалъ къ вамъ, мой милый Павелъ Васильевичъ, и болѣе уже недѣли совѣсть меня мучаетъ за это, да было некогда. Съ нашимъ добрымъ Грановскимъ случилось несчастіе, которое чуть было вовсе не лишило насъ Грановскаго. У дрожекъ (прекрасный и удобный экипажъ!), на которыхъ онъ ѣхалъ, переломился шкворень; Грановскій, отброшенный на нѣсколько шаговъ, упалъ лицомъ и переломилъ себѣ правую скулу. Ударъ былъ ужасно силенъ. Къ счастію, это случилось еще возлѣ университетской клиники; тотчасъ же туда привезли его, и въ первую же минуту употреблено было все для отвращенія воспаленія въ головѣ, котораго однакожь опасались въ продолженіе трехъ дней. Это случилось 3-го октября. Теперь опасность миновалась, но онъ такъ слабъ, что не можетъ еще сидѣть на стулѣ. Правая рука и плечо сильно ушиблены. Читать онъ не можетъ, да ему и не велятъ, и вообще велѣно ему избѣгать всякаго умственнаго напряженія. Вмѣстѣ съ этимъ отъ испугу занемогла и Елизавета Богдановна и едва теперь начинаетъ подниматься съ постели. Всѣ эти дни я проводилъ у нихъ, и сегодня вечеромъ не пошелъ туда только по причинѣ жестокой боли въ правой части головы и щеки. Пользуюсь первымъ свободнымъ вечеромъ, чтобы поговорить съ вами, добрый мой Павелъ Васильевичъ, и поблагодарить васъ за письмо ваше. Да! Я не могу еще привыкнуть къ вашимъ письмамъ и каждое распечатываю съ сердечнымъ нетерпѣніемъ. Покоряюсь вашему рѣшенію относительно вашихъ «Парижскихъ писемъ», но все-таки приглашаю васъ впередъ сурьезно подумать объ этомъ. Кстати: я прочелъ въ 10-мъ № «Современника» три письма Герцена «Изъ «Avenue-Marigny», и прочелъ ихъ съ самымъ живымъ удовольствіемъ. Первое

письмо хуже прочихъ: въ немъ даже замѣтно нѣкоторое усиліе сострить, разумѣется, не вездѣ—то кое-гдѣ острота не вяжется сама собою къ перу, къ фразѣ. Что касается до его взгляда на театры и городъ, то при всемъ его превосходствѣ, при всемъ блескѣ и глубокомысліи, по моему мнѣнію, это все-таки первое, наглядное впечатлѣніе. Je ne cherche pas chicane à sa manière de voir и, вполнѣ признавая за нимъ право смотрѣть на вещи подъ своимъ угломъ, я все-таки остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣніи и не стану подражать славянской нетерпимости Герцена, который меня разбранилъ за то, что я осмѣлился быть не одного съ нимъ мнѣнія. Повторяю, я прочелъ его «Письма» съ наслажденіемъ; это такъ увлекательно, такъ игриво, это арабескъ, въ которомъ шутка свивается съ глубокою мыслію, сердечный порывъ—съ летучею остротою! Чтò мнѣ за дѣло, что я обо многомъ думаю совершенно иначе! Всякій имѣетъ право смотрѣть на вещи по своему, а Герценъ смотритъ на нихъ такъ живо, такъ увлекательно, что я вовсе теряю желаніе спорить: наслажденіе пересиливаетъ всякое другое чувство. Но, по моему мнѣнію, главный недостатокъ ихъ въ неопредѣленности точки зрѣнія; да, мнѣ кажется, Герценъ не далъ себѣ яснаго отчета ни въ значеніи стараго дворянства, которымъ онъ такъ восхищается, ни въ значеніи bourgeoisie, которую онъ такъ презираетъ. Чтò жь за этимъ у него остается? Работникъ. А земледѣлецъ? Неужели Герценъ думаетъ, что уменьшеніе избирательнаго ценза измѣнитъ положеніе буржуазіи? Я не думаю. Я вовсе не поклонникъ буржуазіи, и меня не менѣе всякаго другого возмущаетъ и грубость ея нравовъ, и ея сальный прозаизмъ; но въ настоящемъ случаѣ для меня важенъ фактъ. Я скептикъ; видя въ спорящихъ сторонахъ, въ каждой, столько же дѣльнаго, сколько и пустого, я не въ состояніи пристать ни къ одной, хотя въ качествѣ угнетеннаго классъ рабочій, безъ сомнѣнія, имѣетъ всѣ мои симпатіи. А вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не прибавить: дай Богъ, чтобъ у насъ была буржуазія! Cet air de matador, съ которымъ Герценъ все рѣшаетъ во Франціи, очень милъ, увлекателенъ,—я его мочи

нѣтъ какъ люблю въ немъ именно потому, что знаю мягкое, голубиное сердце этого матадора; но вѣдь рѣшеніе Герцена ровно ничего не уясняетъ: оно только скользитъ по вещамъ. Всѣ эти вопросы до такой степени сложны, что не возможно поднять ни одинъ, не поднявши вмѣстѣ съ нимъ нѣсколькихъ. Легко было Герцену смѣяться надо мною по поводу лицемѣрія французскаго общества и приводить, какъ доказательство этого лицемѣрія, слова прокурора и президента въ процессѣ д'Эквильи. Эти слова—для меня не новость: я ихъ самъ слыхалъ. Но вѣдь эти прокуроры и президенты суть представители и блюстители такъ-называемой общественной нравственности, а эта нравственность все еще построена на извѣстныхъ догмахъ. Скажите: выработало ли общественное сознаніе другую нравственность? Я думаю, еще нѣтъ; она выработывается, она существуетъ въ инстинктахъ, даже пожалуй, уже и выработалась, но еще въ рѣдкихъ, отдѣльныхъ личностяхъ и далеко не вошла еще въ общее сознаніе. По моему мнѣнію, эти прокуроры и президенты — не болѣе какъ проповѣдники, актеры; они обязаны по своему положенію быть офиціальными лицемѣрами, но причина этому—исторія или, точнѣе, кодексъ, религіозная система и офиціальная нравственность. Не потому ли, повторяю, это офиціальное лицемѣріе такъ бросается въ глаза во Франціи, что въ ней въ общественномъ чувствѣ лежитъ уже другая нравственность? Съ этой стороны Франція чрезвычайно интересна, интереснѣе всѣхъ другихъ странъ [1]).

Это письмо уже не застанетъ Герцена въ Парижѣ; перешлите ему въ Ниццу извѣстіе о несчастіи, случившемся съ Грановскимъ, и мой сердечный поклонъ и мое искреннее моленіе, чтобъ онъ бросилъ свою славянскую нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ и возражалъ бы на нихъ безъ досады на человѣка, имѣющаго несчастіе не соглашаться съ нимъ. И человѣкъ, написавшій своего геніальнаго «Крупова», не имѣетъ терпимости къ противнымъ мнѣніямъ! Впрочемъ, эта терпимость пріобрѣтается нелегко: а дока-

---

[1]) Почему Герценъ не оскорбляется лицемѣріемъ проповѣдника?

зательство—что только англійская и французская цивилизаціи выработали ее. Въ нашей тихой жизни мы безпрестанно вспоминаемъ о васъ; письмо Герцена, которое Грановскій получилъ больной въ постели, принесло ему самое живое, искреннее удовольствіе, а онъ упрекаетъ, что его забыли!

Вы спрашиваете меня о Кетчерѣ. Онъ здоровъ и постепенно дѣлается уживчивѣе. Романтическое обожаніе нѣкоторыхъ друзей поставило этого прекраснаго и рѣдкаго человѣка въ самое ложное положеніе: въ извѣстную эпоху развитія романтическое обожаніе обыкновенно переходитъ въ холодность, а иногда и во враждебность. То же постигло и Кетчера. Сначала было ему тяжело: въ 42 года трудно передѣлывать себя; но отличное сердце этого человѣка помогло ему; Кетчеръ сталъ другимъ, но его любятъ и цѣнятъ больше прежняго. Спасибо вамъ, что вы передали Мишелю мою просьбу: онъ всегда малодушенъ—и въ своихъ ненавистяхъ, и въ своихъ привязанностяхъ. Я никогда здѣсь не говорилъ о немъ дурно и до сихъ поръ считаю его дурныя стороны не болѣе какъ слабостями. А онъ слишкомъ увлекся своею ненавистію, источника которой я не понимаю или, лучше сказать, не хочу понять.

У насъ въ Москвѣ холера, но въ чрезвычайно слабомъ видѣ, не смотря на тепло-сырую погоду, которая стоитъ у насъ. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, какъ она здѣсь, умирало въ день сначала человѣкъ по 40, а теперь съ небольшимъ по 20, и все изъ простого народа, вслѣдствіе или дурной пищи, или излишняго употребленія вина. Здѣшніе доктора не могутъ согласиться въ лѣченіи ея.

Бѣлинскій уже въ Петербургѣ и, говорятъ, свѣжъ и бодръ и съ ревностію принимается за журналъ.Но надолго ли станетъ этой свѣжести и бодрости? Докторъ его жалѣетъ, что онъ не остался зимовать гдѣ-нибудь въ тепломъ климатѣ. Какая прелесть «Записки охотника»: «Пѣночкинъ» и «Контора», помѣщенныя въ 10-мъ № «Современника»! Какой артистъ Тургеневъ! Я читалъ ихъ съ такимъ же наслажденіемъ, съ какимъ, бывало, разсматривалъ золотыя работы

Челлини. Новостей литературныхъ у насъ нѣтъ: развѣ считать въ нихъ...

(Конецъ письма утраченъ).

9.

С.-Петербургъ. 17-го февраля 1848 года.

Пользуясь отъѣздомъ въ Парижъ моего стараго пріятеля Ильи Васильевича Селиванова (котораго беру смѣлость представить вамъ какъ добраго и хорошаго человѣка, а главное, какъ хорошо знающаго нашъ крестьянскій и помѣщичій бытъ), хочу написать къ вамъ нѣсколько строкъ. Здравствуйте, мой дорогой Павелъ Васильевичъ! Давно ужъ мы не подавали другъ другу голоса; живя вотъ ужь полтора мѣсяца въ Петербургѣ, право, не умѣю найти времени даже прочесть что-нибудь. А живу я въ гнѣздѣ редакціи «Современника», у Панаева, гдѣ съ утра до вечера все посѣтители или разныя журнальныя хлопоты, въ которыхъ и меня заставляютъ принимать участіе. Въ счастливое время, другъ мой, живете въ Парижѣ, я хочу сказать: въ интересное время. Мы здѣсь съ нетерпѣніемъ ждемъ журналовъ: чѣмъ разрѣшится этотъ знаменитый обѣдъ опозиціи? Въ первый разъ послѣ 1830 года вопросъ поставленъ такъ твердо и конституціонно. Больно мнѣ все-таки вспомнить при этомъ случаѣ о письмахъ Герцена о буржуазіи, за мои нападки на которыя вы въ послѣднемъ вашемъ ко мнѣ письмѣ такъ мнѣ намылили голову. Да я ужь больше не буду говорить о нихъ. «Она погибнетъ» восхитила меня (c'est le mot), но конецъ ея меня опечалилъ. Такъ какъ Бѣлинскій хотѣлъ къ вамъ писать объ ней подробно, то я ссылаюсь на его мнѣніе, тѣмъ болѣе, что въ нашихъ мнѣніяхъ о повѣсти мы совершенно согласны. А Бѣлинскій опять сталъ худъ и такъ слабъ, что тяжело смотрѣть на него. Я не знаю, что̀ думать о его болѣзни; вижу только, что онъ очень нехорошъ, хотя въ то же время прямой опасности и не замѣчаю. «Записки охотника» Тургенева доставили мнѣ истинное наслажденіе, и въ этомъ отношеніи я совершеннно расхожусь съ

мнѣніемъ Бѣлинскаго. Каждый изъ разсказовъ прекрасенъ по своему, и я въ затрудненіи, которому изъ нихъ отдать преимущество. Больше всего восхищаетъ меня въ нихъ артистичность рисунка, поэтическое чувство природы, и что̀ важно, русской природы, и тонкая наблюдательность. Я рѣдко что̀ читаю съ удовольствіемъ, и отъ этого вовсе не читаю русскихъ повѣстей, а разсказы Тургенева я смаковалъ, какъ тѣ великолѣпные персики Виченцы, о которыхъ и у васъ, вѣроятно, еще осталась память.

Изъ значительныхъ новостей сообщить вамъ нечего. Замѣчательны слова, сказанныя государемъ смоленскимъ депутатамъ: «Помогите мнѣ возвратить человѣчеству человѣческое». Онъ сказалъ ихъ по поводу разговора съ ними объ освобожденіи крестьянъ. Мысль объ освобожденіи въ немъ не только не ослабла, но болѣе еще, кажется, укрѣпилась. Но онъ рѣшительно не знаетъ, какъ за это взяться. Вамъ извѣстно, на сколько знаютъ Россію тѣ лица, въ рукахъ которыхъ находится у насъ администрація; а къ тому же эти люди свое смутное знаніе Россіи употребляютъ только на то, чтобъ всячески пугать и отклонять государя отъ освобожденія. Одинъ только Киселевъ составляетъ исключеніе, но, къ несчастію, онъ нисколько не знаетъ Россіи и идетъ ощупью, видя передъ собой цѣль, но не зная дороги, какъ дойти до нея. Что же касается до помѣщиковъ, то предоставляю вамъ поговорить объ этомъ предметѣ съ Селивановымъ, который хорошо знаетъ его. Государственный совѣтъ теперь занятъ преніями о законѣ, по которому крестьяне могутъ пріобрѣтать собственность съ дозволенія помѣщика. Замѣчательно, что инціатива этого закона вышла отъ государя. Говорятъ, что послѣднія извѣстія изъ Италіи сильно огорчили и озаботили. Напишите, когда вы располагаете выѣхать изъ Парижа. Прощайте, caro signor Paolo. Вашъ В. Б.

Павелъ Васильевичъ, я васъ обнимаю съ своей стороны. И. Панаевъ.

10.

Москва. 10-го марта 1849 года.

Чтобъ вас самъ чортъ взялъ! Ужь не взыщите, что сильно выражаюсь: негодованіе побѣдило во мнѣ всѣ другія чувства. Я воображаю, что онъ въ деревнѣ, чортъ знаетъ въ какой глуши, откуда ни какого города не доскачешь, и наконецъ рѣшаюсь спросить Тютчева объ его адресѣ, а онъ себѣ преспокойно поживаетъ въ Симбирскѣ и молчитъ, какъ рыба! Если бы вы не прислали мнѣ теперь письма, я, ей Богу, предалъ бы васъ проклятію и постарался бы, чтобъ оно было возвѣщено съ амвона Успенскаго собора: прекрасный обычай, который, увы! лѣтъ пять уже прекратился въ Москвѣ; эта гнусная цивилизація истребляетъ постепенно всѣ наши провославные обычаи! А, милостивый государь! Такъ вы живете въ Симбирскѣ инкогнито и вѣсти о себѣ не даете. А я-то ежедневно думаю о васъ, мучусь потребностію писать къ вамъ и не знаю, куда посылать вамъ свои посланія! Стыдно, сударь, стыдно! Конечно, еслибъ не Лонгиновъ, вы оставались бы Богъ знаетъ сколько времени въ вашемъ глупо̀мъ инкогнито. Не далѣе, какъ вчера Фроловъ обѣдалъ у меня, и мы вспоминали васъ, изумлялись вашей молчаливости и наконецъ рѣшили, что, конечно, вы сами скоро пріѣдете сюда и оттого молчите.

Итакъ, вы живы, здоровы, да и еще съ пользою проводите время—чего, къ сожалѣнію, я не могу сказать о себѣ. Теперь съ мѣсяцъ, какъ я воротился изъ Петербурга, гдѣ, какъ вы сами можете предположить, время пролетѣло для меня незамѣтно, и гдѣ произвелъ я большую статью объ италіанской оперѣ въ Петербургѣ и современномъ состояніи италіанскихъ школъ пѣнія вообще. Но театральная дирекція не разсудила дозволить сію статью къ печати. Мнѣ это сначала было очень дасадно, потому что въ ней много высказано съ теплотою. «Нахлѣбникъ» Тургенева очень хорошъ, хотя основной мотивъ и не совсѣмъ идетъ къ русской жизни. На сценѣ эта пьеса произвела бы фуроръ, и Щеп-

кинъ былъ бы превосходенъ. Она завязла, какъ вы уже, конечно, знаете, въ извѣстномъ болотѣ и дана не была. Кстати: Щепкинъ-отецъ благодаритъ васъ за поклонъ и отвѣчаетъ, что сынъ его въ апрѣлѣ поѣдетъ изъ Берлина въ Парижъ. Герценъ еще въ Парижѣ; на дняхъ писалъ, что онъ намѣревается будущимъ лѣтомъ воротиться и заняться хозяйствомъ. При свиданіи переговоримъ объ этомъ подробнѣе. Впрочемъ Марья Каспаровна пишетъ, что, можетъ быть, еще лѣтомъ онъ и не успѣетъ пріѣхать. Занятія нашихъ московскихъ друзей все въ томъ же видѣ, то-есть, въ весьма непроизводительномъ; но Грановскій уже рѣшительно принялся писать диссертацію на доктора. Кудрявцева видаю очень рѣдко: онъ отъ нашей общины держитъ себя вдалекѣ; я думаю, это происходитъ отъ того, что онъ человѣкъ очень робкій, застѣнчивый и привыкшій къ своимъ спеціальнымъ формамъ жизни. Лекціи его превосходны, и онъ работаетъ ужасно. Отъ «Современника» давно уже не имѣю вѣсти.

Статья ваша обратила на себя вниманіе (въ 1-мъ №) и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и объ ней говорили, и даже я получалъ много разъ вопросы о томъ, кто ея авторъ. Наши московскіе друзья даже писали мнѣ въ Петербургъ, желая знать автора ея. И дѣйствительно, статья умна, даже очень умна, жива и ловка. Все это говорю я не потому, что я имѣю слабость къ вашимъ писаніямъ, а объективно. Если вы не станете смотрѣть сурьезно на свое дарованіе, вы поступите дурно относительно себя. Я вамъ уже столько кричалъ объ этомъ, да вы не обращаете никакого вниманія на мое мнѣніе, такъ что мнѣ лучше уже перестать толковать съ вами объ этомъ. Гоголь еще въ Москвѣ и собирается, кажется, весной за границу. Послѣ завтра онъ придетъ къ намъ обѣдать. У Щепкина будетъ сыгранъ «Нахлѣбникъ» въ домѣ. Теперь репетиціи идутъ. Думаю, что всѣ роли, кромѣ Щепкина, будетъ исполнены дурно. Ахъ, чортъ возьми! И забылъ сказать вамъ о главномъ: вѣдь дѣйствительно мы думаемъ съ Николаемъ проѣхать въ Крымъ, а оттуда взглянуть на Мингрелію (черезъ Редутъ-Кале). И мы прежде вашего письма думали о васъ. Увѣдомьте, когда располагаете

вы пріѣхать въ Москву, но abstraction faite отъ поѣздки въ Крымъ, потому что если эта поѣздка почему-нибудь не состоится—чтобъ вамъ не понапрасну скакать въ Москву Если же вы въ Москву располагаете пріѣхать съ тою цѣлію, чтобъ вмѣстѣ отправиться въ Крымъ, то это другое дѣло. Такъ какъ эта поѣздка у насъ только еще въ формѣ проекта, то объ этомъ надобно переговорить основательно; Николай же братъ на эти дѣла человѣкъ очень перемѣнчивый. Итакъ, я не стану пока говорить съ вами о Крымѣ до тѣхъ поръ, пока вы меня не увѣдомите, располагаете ли вы пріѣхать весною въ Москву, и когда именно, то-есть, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ вы и не имѣли въ виду поѣздки въ Крымъ.

Прощайте пока. Мнѣ вчера цѣлый день помѣшали писать; спѣшу послать, жму вамъ руку. Вашъ В. Б.

11.

Москва. 27-го іюля 1850 года.

Хотя я и выхожу передъ вами въ нѣкоторомъ смыслѣ свинья, но вы погодите ругаться, а прежде выслушайте. Узнайте, любезный другъ, что заведеніе, нѣкогда внушившее въ васъ такой ужасъ въ Бонпартѣ, увы! посѣщается мною. Да, я схватилъ жесточайшій ревматизмъ въ головѣ и, не видя ни малѣйшаго облегченія отъ аллопатіи, предался гидропатіи. Недѣли три я не могъ взяться за перо, съ трудомъ читалъ, и то только по утрамъ и съ перерывами. Теперь три дня, какъ могу писать безъ боли въ глазахъ и головѣ и спѣшу избавить себя отъ брани вашей, которую вы имѣли бы полное право посылать на меня.

Получилъ я ваше письмо и деньги, 50 рублей серебромъ, передалъ по принадлежности. Вы вѣрно уже слышали о женитьбѣ Николая Григорьича на Марьѣ Владиміровнѣ Станкевичь. Женитьба эта, какъ вы резонно предполагаете, удивила всѣхъ и вмѣстѣ обрадовала. Для обоихъ она была полезна во всѣхъ отношеніяхъ. Вскорѣ потомъ они уѣхали въ деревню (въ Воронежской губерніи), но пишетъ оттуда

Пикулинъ, что молодая такъ хила, такъ больна, что страшно за будущее и даже за скорое будущее. Тимоѳей Николаевичъ съ семействомъ въ Полтавской губерніи—и всѣ здоровы. А вотъ вамъ сладкая душѣ вашей новость: Иванъ Сергѣевичъ пріѣхалъ. Онъ прожилъ въ Москвѣ дней десять; дѣла его съ матерью пошли было хорошо, но потомъ онъ не выдержалъ, разсорился съ нею рѣшительно, переѣхалъ отъ нея въ гостинницу и на другой день уѣхалъ въ деревню. Вы знаете, что у него есть небольшое имѣніе: туда онъ и поѣхалъ. Воротился онъ самымъ милымъ, любезнымъ и самымъ добродушнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Это — сама простота. Я обрадовался ему, какъ родному брату. Въ Москву будетъ онъ въ началѣ октября, а потомъ въ Петербургъ.

Вотъ всѣ мои новости. Да, я забылъ поблагодарить васъ за ваши деревенскія, которыя, ей Богу, были для меня очень интересны. Но съ тѣхъ поръ вѣрно хлѣба̀ значительно поправились, и вы вѣрно жалѣете, что не продали овесъ по 6 рублей. Здѣсь самый лучшій 9 рублей 50 копѣекъ. На дняхъ получилъ я письмо отъ Николая Николаича; у нихъ всѣ здоровы. А Иванъ Иванычъ пребываетъ еще въ Москвѣ и вамъ кланяется низко. Больше не знаю, что̀ сказать вамъ. Дайте вѣсточку о себѣ вашему В. Боткину.

Цѣлую васъ, милѣйшій Анненковъ, пріѣзжайте скорѣе въ Петербургъ, гдѣ я и Яздовская-Пыляева будемъ ожидать васъ съ нетерпѣніемъ. И. Панаевъ.

12.

Москва. 26-го сентября 1850 года.

Долго молчали вы, и уже я думалъ, что вы, пожалуй, вздумали хворать, но ваше письмо доказываетъ, что вы здоровы и тѣломъ, и умомъ, и юморомъ. Спасибо вамъ за него! Вѣсти мои не веселы. Вопервыхъ, женитьба Николая Григорьича разрушилась: жена его умерла. Да! Вотъ подите и женитесь. Плохо было ея здоровье, но поѣздка въ деревню, и еще болѣе, гораздо прежде разстроенное здоровье

(у ней была уже почти чахотка) окончательно сдѣлали то, что она вскорѣ послѣ женитьбы захворала и умерла. Брачной ихъ жизни было всего два мѣсяца. Можете себѣ представить, какъ это подѣйствовало на него! Мы нѣкоторое время крѣпко боялись за него, я хочу сказать—за его голову. Какъ все это случилось странно, неожиданно, то-есть, неожиданно для него, потому что со стороны такъ была очевидна непрочность ея организма. Да спасетъ васъ Богъ отъ книжнаго взгляда на людей и на жизнь! Этимъ вы избавитесь отъ многихъ безполезныхъ огорченій и отъ тщетныхъ обвиненій судьбы и тому подобныхъ миѳическихъ существъ. Теперь Николай Григорьичъ кажется поспокойнѣй (уже мѣсяцъ, какъ онъ потерялъ жену), но въ душѣ все живетъ горе и уныніе. Дѣвушка эта была по натурѣ своей превосходная.

Иванъ Сергѣичъ теперь въ деревнѣ; адреса его я вамъ не посылаю, потому что на дняхъ я получилъ отъ него письмо, гдѣ онъ пишетъ, что непремѣнно будетъ въ Москву къ концу сентября, а потомъ, кажется, будетъ сбираться въ Петербургъ. Я вамъ, кажется, писалъ, что съ матерью онъ опять поссорился, и на этотъ разъ, кажется, очень сильно. Представьте: онъ сдѣлался еще болѣе милѣйшимъ, и я жду опять свиданія съ нимъ, какъ съ любимой женщиной. Панаевъ въ Петербургѣ, куда уже возвратилась изъ-за границы и Авдотья Яковлевна. Наши общіе московскіе пріятели обрѣтаются благополучно; диссертація Кудрявцева еще не выходила и только что окончилась печатаньемъ; въ ней листовъ 40. А почему вы не написали о вашемъ пріѣздѣ въ Москву — когда это будетъ? Это бы нужно знать, вопервыхъ, для того, чтобы имѣть удовольствіе говорить себѣ: вотъ тогда-то Павелъ Васильичъ будетъ сюда; а вовторыхъ, для того, чтобъ съ пріѣздомъ вашимъ въ Москву сообразить свой въ Петербургъ. А вы не забудьте, что Ивану Сергѣичу хочется очень видѣть васъ.

О себѣ скажу вамъ, что я сталъ весьма плохъ: цѣлое лѣто хворалъ, да и теперь все прихварываю. Чортъ знаетъ что съ моимъ организмомъ стало! Такая дрянь, что изъ

рукъ вонъ. Въ «Современникѣ» напечатано «Провинціальное письмо», но я его еще не читалъ, но слышалъ, что его хвалятъ, хотя находятъ, что оно хуже прежнихъ. Ну, не знаю, что̀ бы вамъ сказать еще. Мнѣ очень скучно, и въ Москвѣ очень скучно: я не охотникъ до маленькихъ монастырьковъ, какъ вы очень мѣтко характеризовали нашу московскую жизнь. А кстати: правда ли, я слышалъ, будто Ѳедоръ Васильичъ будетъ опять въ Москву? Вотъ неожиданность! А я слышалъ изъ вѣрнаго источника. Слѣдовательно, и васъ можно ожидать сюда скоро, то-есть, въ октябрѣ. А впрочемъ, если выбирать между житьемъ въ Москвѣ и въ деревнѣ, или въ Симбирскѣ, я не вижу никакой разницы, разумѣется, если въ деревнѣ есть удобства, хотя нѣкоторыя.

Прощайте, мой милый Павелъ Васильичъ, хотѣлось бы написать вамъ больше, да что-то не пишется; что-то темно и тяжело на душѣ, и эти чудные, свѣтлые осенніе дни не веселятъ нисколько. Авось до скораго свиданія. Вашъ В. Б.

Да, я забылъ сказать вамъ, что каѳедру философіи или психологіи теперь будетъ занимать тотъ же профессоръ, который читаетъ богословіе. Катковъ, читавшій здѣсь психологію, уже не занимаетъ болѣе этой каѳедры.

13.

Москва. 24-го ноября 1850 года.

Ради любимаго вами кушанья и ради всего, простите меня, Павелъ Васильичъ, что я до сихъ поръ не отвѣчаю вамъ на ваше письмо; говорю: не отвѣчаю, потому что я эти строки не считаю отвѣтомъ, а просто однимъ передъ вами униженнѣйшимъ поклономъ, чтобъ вы, батюшка, не называли меня ежедневно разными ругательными именами! Что̀ дѣлать! Такъ ужъ гадко случилось: то, да се, да вечера, да обѣды, и некогда выбрать часокъ (а лѣнь-то я забылъ)—написать доброму и милому пріятелю. Но я таки пришлю отвѣтъ на ваше письмо; вотъ именно желаніе написать об-

стоятельный отвѣтъ и причина, что онъ все откладывается. А скажу пока въ двухъ словахъ: описательная часть у васъ вездѣ и всегда превосходна; я подчеркиваю это слово для того, чтобъ вы не приняли его за банальную похвалу; но представительная часть, то-есть, изобразительность лицъ, не вытанцовывается. Мало что ль вы обдумываете ихъ, или вдумываетесь въ нихъ—не знаю, но отъ нихъ несетъ сочиненіемъ, а не жизнію. А потомъ тѣ мотивы, которые вы кладете въ нихъ, почти не идутъ къ нимъ. Я долженъ еще сказать, что мотивы постоянно не только умны, но глубокомысленны; только, по моему мнѣнію, вы вставляете ихъ не въ настоящую ихъ рамку. Они, мнѣ кажется, принадлежатъ той сферѣ, которая окупулась въ искусственность жизни, а классы низшіе—слава Богу!—чужды золотухи ненормальныхъ стремленій, да если они и случаются между ними, то выражаются не такъ, какъ у Лукошника. А между тѣмъ вся описательная половина въ немъ превосходна; а какъ скоро начался разсказъ Лукошника о самомъ себѣ, такъ и послышалось сочиненіе и придуманность. Да мы съ вами переговоримъ объ этомъ лично. Мать Ивана Сергѣича отдала Богу душу, и онъ на дняхъ пріѣхалъ сюда и пробудетъ съ мѣсяцъ или недѣль шесть. Когда же, батюшка, дадите себя увидѣть? Я въ декабрѣ въ Петербургъ уѣду и, вѣроятно, тамъ останусь зиму. Увѣдомьте о вашихъ планахъ. Обнимаю васъ. В. Боткинъ.

Здѣсь всѣ здоровы, и благополучно кушаемъ и попиваемъ. Наслѣдниками послѣ умершей остаются Николай и Иванъ Сергѣичи.

14.

(Москва). 19-го декабря (1850 года).

Когда же наконецъ, милостивый государь, покажетесь вы на улицахъ Москвы? Вѣдь становится просто неприлично всю зиму оставаться въ деревнѣ! И я спрашиваю васъ не безъ причины: наконецъ отпечаталась диссертація Кудрявцева; представьте—720 страницъ! Трудъ бенедиктинца! Да

еще мелкой печати. Поступитъ она въ продажу завтра. А какъ я знаю, сколько она васъ интересуетъ, то и спрашиваю васъ: если вы сами сбираетесь въ Москву скоро, то посылать ее теперь къ вамъ, значитъ, не надо; если же вы еще думаете пожить въ деревнѣ, то увѣдомьте, и я тотчасъ же куплю для васъ и вышлю. Бѣдный Кудрявцевъ просто разоренъ печатаніемъ этого Левіаоана. Послѣзавтра, то-есть, 21-го декабря, онъ будетъ публично защищать его. Я пойду. Сурьезныя возраженія будутъ, кажется, только со стороны Грановскаго. Ну-съ, новаго мнѣ сказать вамъ нечего: альманахъ Щепкина еще въ процессѣ рожденія; Леонтьевъ также готовитъ археологическій альманахъ; его я ожидаю съ любопытствомъ. Наши общіе пріятели здравствуютъ. Жду отъ васъ вѣсти, а хорошо бы было, еслибъ вы привезли ее сами. Въ Петербургъ я не ѣду по домашнимъ обстоятельствамъ, именно—одна моя сестра выходитъ замужъ за Пикулина. Вашъ весь В. Боткинъ.

15.

Москва. 8-го января 1851 года.

Нѣтъ, не забылъ я васъ, Павелъ Васильичъ, но я все думалъ, что вы будете въ Москву, какъ писали, въ началѣ января. Но вы остаетесь въ Симбирскѣ до весны и заняты дѣлами. Съ одной стороны, я очень радъ, что вы вступаете въ настоящую дѣятельность, а съ другой—жаль, что долго не увидишь васъ. Книгу Кудрявцева на дняхъ къ вамъ посылаю. Я теперь читаю ее и уже прочелъ болѣе 400 страницъ. Странное дѣло: вѣдь ужь какъ мастерски умѣлъ писать онъ, когда писалъ повѣсти, а въ книгѣ его языкъ болѣе нежели слабъ, книга просто дурнымъ языкомъ написана, и сильно растянутымъ. Но сочиненіе отличное, расположенное съ мастерствомъ и оставляющее за собою по своей значительности всѣ диссертаціи, какія явились послѣ диссертаціи Соловьева. Лучшее достоинство ея—что это есть книга, а не диссертація. Читая ее, чувствуешь, что авторъ до мно-

гаго не могъ коснуться (какъ, напримѣръ, религіозное движеніе въ Византійской имперіи), и какъ не жалѣть, когда читаешь такое умное, обстоятельное изложеніе событій! Но вы сами будете читать книгу, слѣдовательно, мои сужденія пока напрасны.

Я эту зиму остался въ Москвѣ: одна изъ моихъ сестеръ выходитъ замужъ за Никулина; ну, такъ и надобно было остаться, а на мѣсяцъ ѣхать въ Петербургъ не хотѣлось, и жаль было денегъ. Думаю быть тамъ весною. Тургеневъ все это время былъ въ Москвѣ и ѣдетъ на дняхъ въ Петербургъ. А сюда будетъ Н. Н. Тютчевъ, которому Иванъ Сергѣичъ поручаетъ всѣ дѣла по своему имѣнію. Вы, вѣроятно, уже слышали, что Тютчевъ оставилъ контору, и Языковъ нашелъ себѣ другого товарища; но отъ этого дѣла конторы пойдутъ, конечно, не лучше. Этого очень и очень жаль; но надобно признаться, что результатъ лежалъ въ самомъ устройствѣ дѣла. Бѣдный Тютчевъ работалъ какъ лошадь, но какое дѣло можетъ быть успѣшнымъ съ такимъ товарищемъ, какъ нашъ милѣйшій и безцѣнный Языковъ? Конечно, одному еще можно было имѣть выгоды, но раздѣляя барышъ пополамъ, не возможно было даже кое-какъ жить имъ...

Самолюбіе и самообожаніе Островскаго совершенно поглотили его. Судя по его послѣднимъ произведеніямъ, не возможно себѣ представить, чтобъ этотъ же человѣкъ написалъ эту комедію. Въ «Москвитянинѣ» напечатаны сцены: «Утро молодого человѣка», а теперь въ альманахъ Щепкину далъ онъ комедію въ одинъ актъ: это дрянь, и самая бездарная дрянь. Но худо то, что онъ эту дрянь (особенно комедійку) считаетъ отличнымъ произведеніемъ и, читая ее вслухъ, покатывается со смѣху, а слушающіе не могутъ даже улыбнуться. Это психологическій фактъ, который предоставляется вашему анализу. Кстати: вы вѣрно уже знаете, что вашу статейку принуждены отложить, хотя она и была уже набрана. Снѣгиревъ не находитъ ее удобною. Надобно бы вамъ замѣнить ее другою. Да напрасно вы, господине, хотите печатать ваши статьи въ симбирской

газетѣ: вѣдь онѣ тамъ потонутъ въ мракѣ неизвѣстности. Нѣтъ, я думаю, что вы должны ихъ по прежнему присылать въ журналъ, вопервыхъ, потому, что въ журналѣ публика уже къ нимъ привыкла, обращаетъ на нихъ сильное вниманіе, любитъ ихъ (это вѣрно), а вовторыхъ, вѣдь и для васъ пріятнѣе быть читаемымъ публикою, а не одними избранными гражданами Симбирска. Итакъ, я убѣждаю васъ непремѣнно по прежнему печататься въ журналѣ. Что же до «Симбирскихъ губернскихъ вѣдомостей», то Фроловъ проситъ васъ высылать къ нему эти «Вѣдомости». Или высылайте ихъ на мое имя, а я буду сообщать ихъ Фролову и Аѳанасьеву, который очень интересуется бумагами Валуева; кромѣ этого, Аѳанасьевъ по мѣрѣ значительности статей, какія напечатаются въ «Вѣдомостяхъ», будетъ сообщать о нихъ въ журналахъ, а это, конечно, лестно будетъ для издателя. Но самому Аѳанасьеву выписывать «Вѣдомости» не подходитъ: онъ человѣкъ бѣдный.

Скажу вамъ еще вотъ что: Александръ Владиміровичъ Станкевичъ (мнѣ кажется, вы его знаете) написалъ премилую повѣсть, изъ которой видно несомнѣнное дарованіе; она пойдетъ въ альманахъ. Онъ читалъ ее мнѣ, и я прослушалъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Въ бенефисъ Щепкина пойдетъ маленькая комедійка Тургенева «Провинціалка», недурная штучка и граціозная. Вотъ вамъ московскія литературныя новости. Всѣ наши общіе пріятели здоровы и благополучны. А я... въ скверномъ расположеніи духа. Впрочемъ, вчера былъ на балѣ у Свербѣевыхъ и видѣлъ нѣсколько красивыхъ женщинъ; къ сожалѣнію, ихъ было мало, а потому, чувствуя заочно тоску нашего довольно, впрочемъ, желчнаго Анакреона, я и явился къ нему, какъ лучшій специменъ изящнаго, за что и вознагражденъ возможностію приписать вамъ, почтеннѣйшій, нѣсколько словъ и изъявить крайнее сожалѣніе, что не увидимъ вашего радостнаго лика до весны. Присылайте, въ самомъ дѣлѣ, какъ можно поскорѣе, если что есть для альманаха; можетъ, и поспѣетъ еще. Ну, пока прощайте, Павелъ Васильичъ, да не молчите долго. Я недавно писалъ къ Некрасову и нападалъ за не-

брежную редакцію журнала, предсказывая имъ его неизбѣжное паденіе, и притомъ скорое. Но это попусту: имъ уже себя не передѣлать. Addio.

15-го января 1851 года.

Я захворалъ и забылъ послать вамъ это письмо. Книга Кудрявцева третьяго дня отправлена къ вамъ по почтѣ. За книгу съ пересылкою заплачено мной 4 рубля серебромъ. Буду ждать отъ васъ извѣстія о полученіи ея. Грановскій воротился изъ своей поѣздки въ Петербургъ здоровымъ и веселымъ. Я видѣлъ 1-й № «Современника». Тамъ Дружининъ разговариваетъ по прежнему о своихъ вкусахъ и пріятеляхъ. Плохо! Вашего письма еще не читалъ. Но повторяю, непремѣнно продолжайте печатать ихъ въ журналѣ, а не въ Симбирскѣ. Пишите же. Вашъ В. Б.

16.

Москва. 7-го марта 1851 года.

Давно лежитъ передо мною письмо ваше, дорогой мой Павелъ Васильичъ, и ждетъ отвѣта, и тѣмъ болѣе это непростительно съ моей стороны, что письма ваши для меня всегда сладки и вкусны. Ловко охарактеризовали вы книгу Кудрявцева и тонко подмѣтили ея хорошія стороны. Съ вашимъ мнѣніемъ я съ удовольствіемъ соглашусь, но прибавлю только, что у автора въ то же время есть какая-то странная неохота прямо высказывать свою мысль: онъ всегда подходитъ къ ней исподтишка, помаленьку, выговариваетъ ее не вдругъ. Такой процессъ не столько служитъ для пользы читателя, сколько для личнаго удовольствія самого автора, который находится еще въ медовомъ мѣсяцѣ историческаго изложенія и, какъ любовникъ, не наговорится съ своею любезной. Книга получила отъ этого излишнюю длинноту, и длиннота лежитъ также и въ мысляхъ, и въ языкѣ. Васъ заинтересовало содержаніе, и вы этого не замѣчаете. Но надо желать, чтобы въ слѣдующихъ трудахъ

авторъ пріобрѣлъ болѣе историческаго стиля и опредѣленности въ историческихъ представленіяхъ. Замѣтьте, какой мастеръ въ этихъ отношеніяхъ Грановскій. Разумѣется, Кудрявцевъ ученѣе и трудолюбивѣе его и оставитъ по себѣ болѣе прочные слѣды; но въ нѣсколькихъ страничкахъ, изъ которыхъ состоитъ ученая дѣятельность Грановскаго, будетъ больше таланта, чѣмъ во всѣхъ книгахъ Кудрявцева, хотя книги его будутъ несравненно полезнѣе. Но мистицизмъ и нѣкоторая романтическая туманность, лежащая въ его сознаніи, много повредятъ ему въ историческихъ трудахъ, потому что отдалятъ его отъ практическаго взгляда на людей и событія. Да и мысли у него какъ-то все ложатся въ нѣмецкую, книжную форму. Въ книгѣ его не чувствуется русскаго ума и русской манеры—такъ, какъ, напримѣръ, чувствуется англійскій умъ и англійская манера въ Маколеѣ. Вы, можетъ быть, найдете мой взглядъ придирчивымъ, но я думаю, что надо стремиться къ національности и въ наукѣ; и замѣтьте: книга «О поклоненіи Зевсу» Леонтьева неудовлетворительна только отъ нѣмецкой манеры автора. Только въ искусствѣ русскій умъ отдѣлался отъ чуждыхъ ему элементовъ, благодаря Пушкину и Гоголю. Разборъ книги Кудрявцева пишетъ Грановскій, и первая половина его, вѣроятно, будетъ напечатана въ мартовской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ». У насъ теперь публичныя лекціи: Рулье и Соловьевъ уже кончили свои; вчера началъ Грановскій, и хорошо. Публики много. Соловьевъ прочелъ неудачно: онъ не имѣетъ дара слова и говоритъ утомительно. На дняхъ выдетъ ученый сборникъ Леонтьева, въ которомъ будутъ нѣсколько археологическихъ статей самого издателя, будетъ также статья Кудрявцева «Объ женщинахъ Тацита», о которой говорятъ много хорошаго. Альманахъ Щепкина явится не ближе Святой недѣли. Хорошая тамъ будетъ повѣсть Станкевича. Здѣсь былъ Маріо и восхитилъ всѣхъ своимъ голосомъ; сегодня концертъ Персіани. Да, вотъ къ вамъ просьба: высылайте симбирскую газету прямо на имя Фролова; онъ говоритъ, что онъ считаетъ васъ своимъ должникомъ за посылку вамъ какихъ-

то книгъ и долгъ сей простирается до 4-хъ рублей серебромъ, слѣдовательно, симбирская газета поступаетъ ему въ уплату его долга. Вотъ адресъ Фролова: на Чистыхъ Прудахъ, въ домѣ Кистера. Пока прощайте. Вашъ В. Ботк.

17.

Москва. 16-го апрѣля 1851 года.

Спасибо вамъ, любезный пріятель (какъ писалъ покойный Болотовъ), за вашъ лестный для меня отзывъ о моей статейкѣ. Такія мнѣнія дѣйствительно веселятъ душу и сладостно щекочатъ самолюбіе. Вчера получилъ ваше письмо, а сегодня уже спѣшу отвѣчать на него, ибо завтра ѣду въ Петербургъ, гдѣ пробуду, вѣроятно, съ мѣсяцъ, а можетъ, и меньше. Тургеневъ долженъ быть въ Москву завтра или послѣзавтра, и тотчасъ послѣ него пріѣдетъ Н. И. Тютчевъ съ семьей. Адресъ Тургенева: на Остоженкѣ, противъ Коммерческаго училища, въ домѣ Лошаковскаго. Но Тургеневъ останется, вѣроятно, не долго въ Москвѣ и уѣдетъ въ свою деревню, гдѣ также проводитъ лѣто и Тютчевъ съ семьей. Зажились вы, любезный другъ, въ деревнѣ, да знать, нельзя иначе. Сегодня заѣду къ Базунову, и къ вамъ пришлются «Пропилеи» съ первою почтой. Книга хорошая, но для читателей, вовсе незнакомыхъ съ древностями, почти безполезная и служащая для нихъ скорѣе заваломъ, нежели пропилеями. Не переварилась еще у насъ наука; ахъ, да и гдѣ жь такъ переварилась она, чтобъ не замѣчалъ читатель ея труднаго процесса. Но въ особенности плохо сварилась она у Леонтьева, чего искренно жаль, потому что знанія у него много. О публичныхъ лекціяхъ некогда писать; лекціи Грановскаго были лучше всѣхъ, и вѣнокъ остался за нимъ; разумѣется, мы не замедлили вплесть туда и грозди. Васъ не доставало, милый Павелъ Васильичъ! Повѣсть Станкевича въ «Кометѣ» замѣчательна по таланту автора, но лицо Левина неопредѣленно и туманно. Авторъ не отдалъ себѣ яснаго отчета въ характерѣ этого лица.

Всѣ наши пріятели здоровы. Прощайте. Много разныхъ хлопотъ передъ отъѣздомъ, и потому долженъ кончить мою съ вами бесѣду. Да что̀ вы замолкли съ «Провинціальными письмами»? Не хорошо! Вашъ В. Боткъ.

Въ «Пропилеяхъ» славная статья Кудрявцева «О римскихъ женщинахъ по Тациту».

18.

Москва. 22-го февраля (1852 года), 8-й часъ утра.

Милый Павелъ Васильичъ! Гоголь вчера, 21-го февраля, въ восемь часовъ утра умеръ. Я пишу Тургеневу нѣкоторыя подробности о его смерти, и повторяться скучно; сходите къ нему прочесть ихъ. Все сжегъ передъ смертью, все,—развѣ уцѣлѣла вторая часть «Мертвыхъ Душъ», но и это еще не вѣрно. Ссылаюсь на письмо мое къ Тургеневу, а васъ пока обнимаю и крѣпко жму вашу руку. Вашъ В. Боткъ.

19.

Москва. 12-го марта (1852 года).

Получилъ я ваше письмецо, любезный другъ, и спѣшу отвѣчать вамъ, чтобъ васъ успокоить. Напрасно вы такъ огорчаетесь. Отъ 9-го марта писала изъ Калуги та музыкальная дама, которая, кажется, при васъ тамъ и замужъ вышла, или ужь безъ васъ—я не помню; ну, да дѣло въ томъ, что она писала, какъ я говорю, отъ 9-го марта, что Михайла Иваныч и Марья Андревна живутъ по прежнему въ деревнѣ, что они здоровы, и что Марья Андревна скоро сбирается родить. А въ письмѣ ея была еще и записочка отъ Марьи Андревны. То, что̀ я говорю вамъ, это фактъ: потому ваше огорченіе не имѣетъ основанія, и объ опасной болѣзни Михаила Иваныча тамъ нѣтъ и помину.

О Гоголѣ вы теперь столько же знаете, какъ и мы, москвичи. Вторая часть «Мертвыхъ Душъ» рѣшительно не су-

ществуетъ: это вѣрно. А когда же мы удостоимся узрѣть вашу милость? Увѣдомьте, батюшка. А пока я заочно васъ обнимаю и крѣпко жму вашу руку. Вашъ В. Боткинъ.

Не забудьте сказать отъ меня мой искреннiй поклонъ нашему доброму генералу Өедору Васильевичу, котораго я отъ всей души уважаю.

20.

Москва. 11-го мая 1856 года.

Любезнѣйшiй другъ Павелъ Васильевичъ! Посылаю вамъ квитанцiю на отправленную г. Кореневу минеральную воду. Въ ней оказалось вѣсу всего 9 пудовъ 6 фунтовъ. Въ число провоза выдано здѣсь 5 руб., а достальные скажите г. Кореневу, чтобъ онъ заплатилъ ихъ по доставленiи посылки къ нему.

Тургеневъ проѣхалъ на дняхъ въ деревню; Дружининъ здѣсь. Повѣсть «Два гусара» Толстого—прелесть. Спѣшу на дачу и оканчиваю наскоро. Вашъ В. Боткинъ.

21.

Кунцово. 7-го iюня 1856 года.

Сладчайшiй и милѣйшiй другъ Павелъ Васильичъ! Съ великою радостью получилъ я ваше письмецо и спѣшу заочно обнять васъ. Стыдно вамъ, дорогой, такъ уныло взирать на свою покупку у Тургенева; повѣрьте, дѣло будетъ не худое. Неужели вы не имѣете извѣстiя, что «Муму» пропущена? Это сообщилъ мнѣ Тургеневъ, которому сказалъ это прiѣхавшiй къ нему въ Спасское Дмитрiй Колбасинъ: значитъ, и печатанiе начнется скоро. Помяните мое слово: въ убыткѣ не будете, — и пошлите къ чорту вашъ «моментъ распаденiя». А что-то вы ни слова не упоминаете о томъ, что начали пить свою воду? Смотрите, батюшка, не проведите меня и себя на бобахъ. Вамъ надо непремѣнно очистить свои брюшныя полости. Кстати о медицинѣ: я на дняхъ получилъ письмо изъ Вюрцбурга отъ брата Сергѣя

(медика). Боже мой, какая кипитъ страшная работа въ европейскомъ научномъ мірѣ! И посмотрите, на какой путь пробирается медицина: микроскопическая анатомія и химія кладутся теперь въ основу ея; все стремятся повѣрять опытомъ и наблюденіемъ; абсолютныя теоріи предаются посмѣянію. Да, кажется, наше время тѣмъ же будетъ для положительныхъ наукъ, чѣмъ былъ вѣкъ Возрожденія для наукъ нравственныхъ. Сергѣй, который былъ здѣсь дѣльнымъ малымъ и выдержалъ экзаменъ на доктора, съ ужасомъ пишетъ, до какой степени отстало наше медицинское образованіе отъ того, что̀ теперь дѣлается въ Германіи. Вюрцбургъ въ настоящее время соединяетъ въ себѣ корифеевъ медицины. Все это я счелъ за нужное вамъ сообщить, зная, что вамъ это будетъ интересно. Вообще замѣчательно въ послѣднее время страшное движеніе Германіи на поприщѣ естественныхъ наукъ, отъ которыхъ такъ долго удерживало ее исключительное преобладаніе философіи. Представьте же: философскія аудиторіи положительно пусты тамъ; едва находятся по два, по три слушателя, ужь истинно послѣднихъ могиканъ! Аудиторіи наукъ естественныхъ, напротивъ, переполнены. Но мы все-таки умремъ могиканами!

Чичеринъ возражать, кажется, сбирается; но что̀ бы онъ ни возражалъ, а воззрѣніе его не избавится отъ упрека въ нѣкоторой легкости, и никто на свѣтѣ не увѣритъ меня, чтобы общинное владѣніе было плодомъ позднѣйшаго законодательства, а не нравовъ, которые, напротивъ, перепутываютъ у насъ всякое законодательство.

И я не освобождаю себя отъ даннаго вамъ слова набросать извѣстныя воспоминанія; но, къ сожалѣнію, не могъ до сихъ поръ приняться за нихъ: вѣдь я пью декоктъ, да еще Цитмана... діэта строгая; мяса ни гу-гу: ослабѣлъ я такъ, что не въ состояніи читать ничего, кромѣ газетъ и журналовъ. Но черезъ недѣлю кончу свой декоктъ и прямо засяду за выполненіе моего обѣщанія.

Дружининъ живетъ со мною и много работаетъ; между прочимъ много уже написалъ статьи объ отношеніи критики сороковыхъ годовъ къ настоящему времени. Статья отлич-

ная и умная. «Лира» кончилъ и теперь оканчиваетъ большой этюдъ о «Лирѣ». Удивительно, какъ этотъ человѣкъ можетъ легко и много работать! Некрасовъ остается и продолжаетъ играть и молчать. Я отъ него давно не получалъ ни слова. Паспортъ Тургеневу готовъ. Пишите, родной. В. Боткинъ.

22.

(Островъ Вайтъ. Лѣто 1858 года).

Хотѣлось съ вами проститься, дорогой Павелъ Васильичъ, и заходилъ къ вамъ два раза; но увы! я узналъ только, что вы и Герценъ пошли куда-то обѣдать. Но куда? А между тѣмъ вы ѣдете сегодня вечеромъ. Досадно, если не удастся мнѣ пожать вамъ на прощанье руку. Жму ее вамъ заочно. Представьте: я въ какомъ-то нумерѣ «Continental Review» нечаянно нашелъ статью о «Дѣтствѣ» Толстого, съ выписками изъ нея и съ большими похвалами. Не понимаю, какъ она попала туда. Я бы дождался васъ, но не знаю, будете ли вы сегодня ночевать дома, и въ которомъ часу ѣдете. Обнимаю васъ отъ всего сердца. В. Боткинъ.

23.

Москва. 29-го іюня 1859 года.

Письмо ваше, дорогой Павелъ Васильевичъ, получилъ я вчера, и вчера же Коршъ доставилъ мнѣ статью вашу, и вчера же я передалъ ее Капустину для напечатанія въ «Русскомъ Вѣстникѣ», но къ великому моему сожалѣнію и даже прискорбію, не могъ я ее не только прочесть, даже хотя пробѣжать: завтра я уѣзжаю и среди многихъ хлопотъ, а главное, въ тревожномъ состояніи духа, какое обыкновенно бываетъ при отъѣздѣ за границу, нечего и начинать. Какъ бы тамъ ни было, но современный и общеизвѣстный предметъ статьи дѣлаютъ ее уже интересною. Не знаю, каково то изложеніе; что непремѣнно очень умно оно, что есть не-

премѣнно множество тончайшихъ замѣтокъ, въ этомъ нѣтъ для меня сомнѣнія. Дѣло въ томъ, что Капустинъ (онъ теперь съ Леонтьевымъ, въ отсутствіе Каткова, главные редакторы «Русскаго Вѣстника») очень былъ доволенъ полученіемъ такой статьи, но просилъ извиненія въ томъ, что она не можетъ быть помѣщена ранѣе 12-го №, ибо 11-й № уже составленъ. Я чѣмъ болѣе знаю Капустина, тѣмъ болѣе уважаю и люблю его. Что касается до Леонтьева, то противъ него многіе такъ предубѣждены, что страшно даже сказать о немъ доброе слово. Но, по моему личному мнѣнію, я думаю, что Леонтьевъ вовсе не таковъ, какимъ его нѣкоторые выставляютъ. Что онъ человѣкъ необыкновенно умный и съ большими положительными свѣдѣніями, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Я думаю еще, что онъ человѣкъ съ сердцемъ и честью; но также онъ и человѣкъ съ характеромъ; а по большей части люди съ характеромъ уже одною настойчивостью своей производятъ на другихъ людей непріятное впечатлѣніе, раздраженіе и часто ненависть. Но вѣдь за то все на свѣтѣ творится и дѣлается только такими очень, очень рѣдко любимыми людьми.

Итакъ, завтра я ѣду въ Петербургъ, гдѣ пробуду до 27-го іюня, потомъ пароходомъ на Штетинъ. Наши планы поѣздки съ Катковымъ на островъ Вайтъ, кажется, разстроятся. Его Грефе засадилъ въ своей лѣчебницѣ на три недѣли, а потомъ—на воды; слѣдовательно, мнѣ не придется быть съ нимъ на Вайтѣ. О прекращеніи «Атенея» вы, конечно, знаете, и по моему мнѣнію, Коршъ хорошо сдѣлалъ. При всѣхъ отличныхъ свойствахъ Корша ему именно недостаетъ свойства журналиста, журнальнаго такта и т. д. При самыхъ лучшихъ статьяхъ никогда бы «Атеней» не былъ журналомъ ни литературнымъ, ни критическимъ, ни политическимъ; къ двумъ первымъ у редактора нѣтъ достаточной любви, а къ послѣднему хотя любовь и есть, но ее подточило отсутствіе жара. Всѣ наши пріятели здѣсь здравствуютъ. Забѣлинъ ѣдетъ разрывать курганъ въ Екатеринославскую губернію. Кетчеръ началъ хорошѣть подъ старость, а П.—дряхлѣть и сморщиваться. На дняхъ мы съ Солдатенко-

вымъ были вдвоемъ въ типографіи на собраніи и рѣшили палечь на словолитню. Не знаете ли, гдѣ Тургеневъ? И гдѣ узнать о немъ? Черкните: Paris. Messieurs Homberg et c-ie, rue de la Chaussée d'Antin, 22, pour remettre à m. B. Botkine.

24.

(Петербургъ. 8-го декабря 1863 года).

Я сегодня вышелъ, положа въ карманъ письмо Тургенева, которое получилъ вчера, и направлялся къ вамъ. Но такъ какъ былъ уже четвертый часъ, то я остановился при мысли, что не найду уже васъ дома. Меня сегодня задержали дома. Получивши вечеромъ вчера письмо Тургенева, я тотчасъ же написалъ Фету и просилъ немедленно разъяснить это обстоятельство, котораго я самъ не понимаю. Я полагаю, что письмо съ векселями, адресованное Тургеневу, пропало или, что̀ хуже, украдено, или же пришло въ Баденъ во время его отъѣзда въ Парижъ. Всѣ эти недоумѣнія долженъ разрѣшить отвѣтъ Фета. Увѣдомьте меня, до котораго часа утромъ вы бываете дома. Я же могу только выходить около 3-хъ или въ 2½. Не хотите ли придти ко мнѣ обѣдать въ пятницу? Вотъ мы бы и переговорили обо всемъ. Дайте знать по городской почтѣ. Вашъ В. Боткинъ.

Я не смѣю приглашать вашу милую хозяйку, но если ей будетъ не противно вкусить отъ трапезы hôtel de France, то низко кляняюсь ей и прошу. Кстати увѣдомьте меня, какъ у Блудовыхъ надо обѣдать—въ бѣломъ галстукѣ, или можно въ черномъ. Завтра я обѣдаю тамъ.

25.

(Петербургъ). Гостинница Франція, у Полицейскаго моста. 9-го декабря (1863 года).

Вотъ письмо, которое я получилъ вчера вечеромъ, а другое къ вамъ. Но гдѣ обрѣтается Захаръ? Нельзя ли дать ему знать, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ? Или увѣдомьте

о мѣстѣ пребыванія его: я могу послать къ нему самъ. Назадъ тому съ мѣсяцъ я встрѣтилъ Захара, который мнѣ сказалъ, что везетъ жену и дѣтей въ Спасское; я не знаю, воротился ли онъ. Завтра увидимся у Галахова. Письмо Тургенева ко мнѣ возвратите. Вашъ В. Боткинъ.

26.

(Петербургъ). Гостиница Франція, у Полицейскаго моста. 13-го декабря 1863 года.

Вотъ и пятница, а Тургенева нѣтъ, и нѣтъ отъ него телеграммы. Будемъ ждать. Не хотите ли обѣдать у меня въ понедѣльникъ? Хотѣли быть Галаховъ и Дудышкинъ. Не увидите ли Забѣлина? Я бы хотѣлъ его пригласить, но не знаю, гдѣ онъ живетъ. Если удастся вамъ увидѣть его и пригласить ко мнѣ обѣдать въ понедѣльникъ, то дайте мнѣ пожалуйста знать объ этомъ. В. Боткинъ.

27.

(Петербургъ). Воскресенье (15-го декабря 1863 года).

Получили ли вы письмо мое, отправленное въ пятницу по городской почтѣ? Въ этомъ письмѣ я звалъ васъ къ себѣ обѣдать въ понедѣльникъ и просилъ, если увидите Забѣлина, пригласить его тоже ко мнѣ. Но въ Петербургѣ городская почта Богъ знаетъ какъ доставляетъ письма, и потому я рѣшился послать къ вамъ нарочнаго. Отвѣтьте.

А что̀ это дѣлаетъ Тургеневъ? Я нанялъ для него двѣ комнаты еще съ четверга и не знаю, отказаться ли отъ нихъ и заплатить за три дня, или дожидаться? В. Боткинъ.

28.

С.-Петербургъ. Гостиница Франція, у Полицейскаго моста. 4-го января 1864 года.

Нынѣшнюю ночь я получилъ телеграмму изъ Вержболова, въ которой Иванъ Сергѣичъ проситъ прислать на желѣзную дорогу карету и человѣка. Итакъ, онъ долженъ быть

сегодня вечеромъ. Мнѣ сказали, что варшавскій поѣздъ приходитъ въ 9 часовъ вечера. Не придете ли ко мнѣ встрѣтить его? Воротился ли Захаръ? Если кто-нибудь вздумаетъ встрѣтить Ивана Сергѣича, то прошу пожаловать ко мнѣ; въ ожиданіи его мы будемъ предаваться питію чая. В. Боткинъ.

29.

(Петербургъ. 1864 года). Вторникъ.

Мой кашель такъ мучительно усилился, что я вынужденъ былъ послать за братомъ Сергѣемъ. Всю грудь отбило. Онъ и сейчасъ былъ у меня и запретилъ мнѣ ѣхать къ вамъ на вечеръ. Съ сожалѣніемъ извѣщаю васъ объ этомъ и прошу извиненія у г. Потѣхина и у васъ. По мнѣнію брата, вечерній воздухъ очень вреденъ для болѣзни горла, и особенно соединенное съ симъ нервическое возбужденіе и разговоръ. Жму вамъ руку, дорогой Павелъ Васильевичъ. В. Боткинъ.

30.

Берлинъ. 1-го іюня 1864 года.

На совѣсти лежитъ у меня дурной поступокъ передъ вами, Павелъ Васильевичъ. Это—то, что я не заѣхалъ къ вамъ въ Эмсъ. Ей Богу, мнѣ самому это больно. Однимъ оправдываю себя: спѣшу въ Россію, гдѣ предстоитъ пріискаіе и наемъ квартиры въ Петербургѣ и потомъ данное слово сестрѣ и Фету быть въ началѣ іюня уже у нихъ въ Степановкѣ, гдѣ я совершилъ пристройку, которая обошлась мнѣ слишкомъ въ 1500 рублей серебромъ; Фетъ же то и дѣло допекаетъ меня письмами о скорѣйшемъ пріѣздѣ. А, ей Богу, какъ хотѣлось мнѣ навѣстить васъ и поцѣловать ручку у вашей милой и домовитой жены! Примите также мою искреннюю благодарность за помѣщеніе меня въ англійскій клубъ; если эта благодарность можетъ выражаться въ возліяніи передъ вами самаго пріятнаго для васъ напитка,

то это возліяніе непремѣнно послѣдуетъ тамъ при первомъ же обѣдѣ съ вами.

Я обѣщался написать вамъ о своихъ впечатлѣніяхъ въ Варшавѣ и не написалъ; но это оттого, что нервы мои были такъ разстроены, что я буквально не въ состояніи былъ писать. Въ добавленіе къ этому меня при переѣздѣ за границу приняли за поляка, арестовали, обыскали. Дѣло въ томъ, что по телеграфу получено было приказаніе арестовать и обыскать одного ѣдущаго въ нашемъ поѣздѣ, котораго примѣты были нѣсколько сходны съ моею наружностью. Мой арестъ продолжался часа три, пока изъ ближайшаго города получено было приказаніе тотчасъ отпустить меня. Эта трагикомедія не мало разстроила мои и безъ того больные нервы. Распускаемое поляками извѣстіе о подачѣ отставки Милютинымъ и Черкасскимъ—пустая ложь.

Отъ всей души желаю, чтобъ воды совершенно исправили васъ. Четыре дня провелъ я въ Баденѣ, въ этомъ зеленомъ царствѣ, и разставаться съ нимъ не хотѣлось.

Прощайте, старый и добрый другъ. Передайте мое искреннѣйшее почтеніе вашей женѣ. Преданный вамъ В. Боткинъ.

31.

(Петербургъ). Вторникъ (20-го февраля 1868 года).

Павелъ Васильевичъ! Въ четвергъ, въ началѣ 1-го часа у меня сыграны будутъ два квартета Бетховена и одинъ квартетъ новаго композитора Раффа. Если вздумаете послушать, то пожалуйте. Вашъ В. Боткинъ.

А у меня таки опять возвратилась лихорадка.

В. П. БОТКИНЪ.

(Некрологъ, напечатанный въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 13-го октября 1869 года, № 282).

Сегодня, въ 11 часовъ утра, въ Сергіевской церкви назначено отпѣваніе покойнаго Василія Петровича Боткина. Не стало еще одного изъ самыхъ дѣятельныхъ и близкихъ

членовъ того извѣстнаго московскаго кружка передовыхъ людей, который горячо ратовалъ за дѣло развитія и образованія въ самое неблагопріятное для литературы время. Людямъ, знакомымъ съ исторіей нашей литературы, извѣстно то почетное мѣсто, которое занимаетъ въ ней Боткинъ, какъ авторъ многихъ статей по искусствамъ, какъ авторъ «Писемъ объ Испаніи»; но не меньшее, если не большее, значеніе имѣетъ покойный, какъ одинъ изъ выдающихся членовъ московскаго кружка, какъ ближайшій пріятель Бѣлинскаго, которому онъ помогалъ и своими совѣтами, и знаніемъ, а иногда даже просто личнымъ трудомъ [1]). Эта близость и дружба съ Бѣлинскимъ были самымъ дорогимъ воспоминаніемъ Боткина, и еще въ Ахенѣ, за мѣсяцъ до своей смерти, слушая чтеніе одного изъ старыхъ писемъ къ нему Бѣлинскаго (письма, напечатаннаго нынѣшнимъ лѣтомъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»), онъ нѣсколько разъ останавливалъ чтеніе, говоря: «Погодите... дайте отдохнуть... это меня ужасно волнуетъ... Господи, какъ интересно!.. Еслибъ вы знали, какое это было славное время!» Къ несчастью, память значительно уже измѣняла ему; къ тому же онъ говорилъ съ трудомъ и на всѣ вопросы объ этомъ времени большею частію отвѣчалъ отрывисто, общими фразами, на иное говорилъ просто, что не помнитъ. Но не одному Бѣлинскому бывалъ Боткинъ полезенъ своимъ совѣтомъ и знаніемъ, такъ какъ, принимаясь за изученіе какого-нибудь предмета, онъ отдавался ему со страстью, не дававшею покоя, пока не исчерпывался весь возможный матеріалъ. «Моя жизнь не удалась», говорилъ покойный еще очень недавно, — «мнѣ бы надо быть профессоромъ»... Съ наибольшимъ интересомъ, годовъ пять-шесть тому назадъ, занимался Боткинъ исторіей искусства и даже началъ писать по этому предмету книгу; тогда уже начинавшаяся болѣзнь, затруднившая ему самый процессъ писанія, остановила эту работу, но мысль объ исторіи искусства зани-

---

[1]) Близкіе люди, напримѣръ, знаютъ, что страницы о романтизмѣ въ статьяхъ Бѣлинскаго написаны Боткинымъ.

мала его до самой смерти; до самыхъ послѣднихъ дней вѣрилось ему, что, нѣсколько поправившись силами, онъ будетъ въ состояніи диктовать накопленный по этому предмету матеріалъ.

Въ послѣдній разъ выѣхалъ Боткинъ за границу въ апрѣлѣ прошлаго года въ Швейцарію, гдѣ прожилъ до осени, и потомъ, повидавшись съ братомъ своимъ, профессоромъ С. П. Боткинымъ, отправился на зиму въ Римъ. Въ Парижѣ Василій Петровичъ былъ уже очень слабъ, но еще ходилъ; въ Римѣ же окончательно развилась тяжелая болѣзнь, которая свела его въ могилу. Съ половины зимы онъ уже не могъ ходить и сидѣлъ почти постоянно дома. Его часто посѣщали всѣ бывшіе въ то время въ Римѣ русскіе путешественники, и онъ съ живѣйшимъ интересомъ распрашивалъ ихъ обо всемъ, что̀ происходило на родинѣ. Въ эту зиму съ особеннымъ удовольствіемъ прослушалъ онъ романъ Л. Н. Толстаго «Война и миръ» и отзывался о немъ съ большою похвалой.... Весною нынѣшняго года, по совѣту профессора Фрерихса, посѣтившаго его въ Римѣ, больной ѣздилъ въ южную Италію, на островъ Исхію, брать ванны, которыя однако ему помогли весьма мало. Тогда онъ рѣшилъ во что бы то ни стало вернуться въ Россію, испытавъ еще послѣднее, тоже предписанное профессоромъ Фрерихсомъ средство — ванны Ахена. Впрочемъ, Василій Петровичъ мало ждалъ отъ нихъ пользы; мысль о смерти въ это время часто приходила ему въ голову, но онъ встрѣчалъ ее съ твердостью и говорилъ брату Сергѣю Петровичу, навѣстившему его во Франкфуртѣ: «Пріятно дойти до такого состоянія, когда чорту глядишь прямо въ глаза». Профессоръ Боткинъ нашелъ здоровье брата крайне плохимъ, но по преимуществу заботясь о моральномъ состояніи больного, подтвердилъ мнѣніе Фрерихса и его собственные планы касательно возвращенія въ Россію. Такимъ образомъ Василій Петровичъ прожилъ семь недѣль въ Ахенѣ. Скучная, почти одинокая жизнь его въ Ахенѣ разнообразилась чтеніемъ, главнымъ образомъ, статей журнальныхъ и газетныхъ; въ особенности занимали его новости изъ Россіи, и когда ему приходилось оста-

ваться наединѣ, онъ постоянно мечталъ о возвращеніи въ Петербургъ, обдумывая свое будущее житье до мелочей обстановки. Переѣздъ отъ Ахена до Петербурга былъ для больного уже очень тяжелъ; онъ долженъ былъ шесть разъ останавливаться по дорогѣ и отдыхать дня по два... 15-го сентября Василій Петровичъ былъ уже въ Петербургѣ. Здѣсь долго не могъ онъ опомниться отъ удовольствія чувствовать себя въ Россіи, у себя на родинѣ. Многіе изъ близкихъ пріятелей не замедлили навѣстить его, и слабый, почти постоянно лежащій, онъ съ наслажденіемъ и внимательно прислушивался къ ихъ разговору, хотя уже не могъ принимать въ немъ участія. Всѣ эти три послѣднія недѣли были переполнены воспоминаніями о лучшихъ годахъ его жизни; больной морально чувствовалъ себя превосходно настроеннымъ и часто повторялъ со свойственною ему типичностью выраженій: «Я въ раю, у меня райскія птицы на душѣ поютъ».... Въ это время мысль о смерти совсѣмъ его покинула; на лѣто онъ собирался въ Царское и даже на прошлую пятницу назначилъ у себя квартетное утро, для котораго самъ выбралъ пьесы съ отличавшимъ его всегда пониманіемъ серьезной музыки.... Концерту этому не пришлось состояться: больной умеръ. На канунѣ смерти, 9-го сентября вечеромъ, Василій Петровичъ чувствовалъ себя нѣсколько хуже обыкновеннаго. Ему читали біографію Станкевича (написанную П. В. Анненковымъ), и онъ пополнялъ ее своими замѣчаніями. Раза два ему становилось тяжело дышать; по обыкновенію, въ половинѣ десятаго онъ легъ въ постель, но еще совершенно бодрымъ. Раздѣваясь Василій Петровичъ говорилъ, что никогда еще не чувствовалъ себя такъ плохо. Всю ночь онъ не спалъ, ему было постоянно душно, и человѣкъ, дежурившій при немъ, приподнималъ его за плеча, чтобъ легче было дышать. Утромъ въ пять часовъ больной сказалъ, что надо послать къ брату-профессору и попросить его заѣхать, когда онъ отправится на лекцію въ академію, но Василій Петровичъ еще не ждалъ смерти; на предложеніе сейчасъ просить брата онъ сказалъ: «Не надо» и не велѣлъ никого будить. Въ шесть часовъ больной еще гово-

рилъ, въ седьмомъ уже сталъ забываться. Когда разбудили всѣхъ жившихъ съ нимъ, онъ уже былъ безъ сознанія. Боткинъ умеръ спокойно, безъ особенныхъ страданій, заключивъ жизнь свою тремя недѣлями такого прекраснаго моральнаго состоянія, что, не смотря на полное физическое безсиліе и почти совершенное отсутствіе возможности всякаго движенія, онъ говорилъ про эти дни: «Я во всю мою жизнь никогда не жилъ такъ хорошо, какъ теперь».

Мы не можемъ въ заключеніе не помянуть покойнаго добрымъ, сочувственнымъ словомъ, и даже помимо пресловутаго принципа говорить о мертвыхъ только хорошее... Мы не можемъ здѣсь не сказать, что какъ бы ни смотрѣло наше молодое поколѣніе на дѣятелей прежняго времени, оно никогда не должно забывать, сквозь какія дебри и чащи этимъ честнымъ работникамъ знанія приходилось пробивать дорогу себѣ и намъ.... Недаромъ же покойный Боткинъ говорилъ даже про далеко еще несовершенное теперешнее наше законодательство о печати: «Еслибъ мнѣ въ то время кто-нибудь сказалъ, что я доживу до чего-нибудь подобнаго, я бы не повѣрилъ». Эти труды, эта борьба даютъ и Боткину полное право на признательность поколѣнія, которое не имѣетъ и понятія о томъ, что̀ значило заниматься наукой въ сороковыхъ годахъ. Въ работѣ того времени починъ многаго, что̀ принесло и еще принесетъ свои добрые плоды.

IV.

ПИСЬМА В. Г. БѢЛИНСКАГО.

1.

С.-Петербургъ. $\frac{\text{1-го}}{\text{13-го}}$ марта 1847 года.

Дражайшій мой Павелъ Васильевичъ! Боткинъ переслалъ мнѣ ваше письмо къ нему, въ которомъ такъ много касающагося до меня. Не могу выразить вамъ, какое впечатлѣніе произвело оно на меня, мой добрый и милый Анненковъ!

Я знаю, что вы человѣкъ обезпеченный, и порядочно обезпеченный, но отнюдь не богачъ, и я знаю, что и не съ вашими средствами за границею 400 франковъ никогда не могутъ быть лишними. Но все-таки не въ этомъ дѣло: это я всегда ожидалъ отъ васъ, и это меня нисколько не удивило, но взволновало. Но ваши строки: «Грустную новость сообщили вы мнѣ о Бѣлинскомъ, новость, которая, сказать признательно, отравляетъ всѣ мои похожденія здѣсь» тронули меня до слезъ. Я не былъ такъ самолюбивъ и простъ, чтобы вообразить, что вы близки къ отчаянію и, пожалуй, наложите на себя руки, не принялъ ихъ даже въ буквальномъ значеніи, но понялъ все истинное, дѣйствительно въ нихъ заключающееся, понялъ, что мысль о моемъ положеніи иногда дѣлаетъ не полными ваши удовольствія. Но это не все: для меня вы измѣняете планъ своихъ путешествій и вмѣсто Греціи и Константинополя располагаетесь ѣхать ко мнѣ въ Силезію, около Швейдница и Фрейбурга, недалеко отъ Бреславля! Вотъ что̀ скажу я вамъ на послѣднее въ особенности: если бы не чувствовалъ, какъ много и сильно люблю я васъ, ваше письмо вмѣсто того, чтобы преисполнить меня радостью, которую я теперь чувствую, возбудило бы во мнѣ неудовольствіе и досаду. Но довольно объ этомъ. Думаю я отправиться на первомъ пароходѣ, а когда именно пойдетъ онъ, теперь знать нельзя. Зависѣть это будетъ отъ очистки льду на Балтикѣ. Пароходъ съ пассажирами отходитъ изъ Питера въ Кронштадтъ по субботамъ: послѣдняя суббота въ апрѣлѣ приходится 26-го апрѣля (по вашему 8-го мая), первая суббота въ маѣ—$^{3}/_{15}$-го, вторая—$^{10}/_{22}$-го, третія—$^{17}/_{29}$-го. Итакъ, всего вѣроятнѣе: не раньше $^{3}/_{15}$-го и не позже $^{17}/_{29}$-го мая. Какъ только самъ узнаю навѣрное, сейчасъ же извѣщу васъ и Тургенева.

Да, я было струхнулъ порядкомъ за свое положеніе, но теперь поправляюсь. Тильманъ ручается за выздоровленіе весною даже и въ Питерѣ, но всегда прибавляетъ: «А лучше бы ѣхать, если можно». Когда я сказалъ ему, что нельзя, онъ видимо насупился, а когда потомъ сказалъ, что ѣду, онъ просіялъ. Изъ этого я заключаю, что въ Питерѣ можно

меня починить до осени, а за границею можно закрѣпить готовый развязаться и расползтись узелъ жизни. Вотъ уже съ мѣсяцъ чувствую я себя лучше, но упадокъ силъ у меня страшный: устаю отъ всякаго движенія, иногда задыхаюсь отъ того, что переворочусь на кушеткѣ съ одного бока на другой.

Письма ваши — наша отрада. Во второмъ письмѣ я былъ совсѣмъ готовъ принять вашу сторону противъ добродѣтельныхъ враговъ введенія науки земледѣлія и ремеслъ, но когда увидѣлъ, что это введеніе направлено противъ древнихъ языковъ, я—на попятный дворъ. У меня на этотъ счетъ есть убѣжденіе, немножко даже фанатическое, и если я за что̀ уважаю Гизо, такъ это за то, что въ 1835, кажется, году онъ отстоялъ преподаваніе во Франціи древнихъ языковъ. Но объ этомъ поговоримъ при свиданіи. Выходка «добродѣтельной» партіи противъ эѳира привела меня на минуту въ то состояніе, въ которое приводитъ эѳиръ. Этотъ фактъ окончательно объяснилъ мнѣ, что̀ такое эти новые музульмане, у которыхъ Руссо—Алла, а Робеспьеръ—пророкъ его, и почему эта партія только шумлива, а въ сущности безсильна и ничтожна.

Всѣ наши живутъ, какъ жили; только бѣдный Кронебергъ боленъ и, кажется, серьезно. Богатый Краевскій тоже боленъ и, говорятъ, тоже серьезно, но о немъ я не жалѣю, хотя и не желаю ему зла.

Пріѣду къ вамъ съ запасомъ новостей, а для письма какъ-то и не помнится ничего. Привезу вамъ «Современникъ». Передъ отъѣздомъ заѣду къ вашимъ братьямъ, заранѣе предупредивъ ихъ; все сдѣлаю, какъ слѣдуетъ человѣку, который раздумалъ умирать и разохотился жить. Жена моя и всѣ мои вамъ кланяются; всѣ васъ любятъ и помнятъ, отъ всѣхъ вы своимъ уѣздомъ отняли много удовольствія. Кланяйтесь отъ меня милому Петру Николаевичу. Еслибъ и съ нимъ столкнуться тамъ! Да ужь не слишкомъ ли я многаго хочу, ужь не зазнался ли я? А вѣдь новостей-то я вамъ много привезу. Я знаю, что вы многое знаете черезъ Боткина, но я вамъ многое изъ этого многаго пере-

дамъ совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. Прощайте пока. Вашъ В. Бѣлинскій.

2.

Берлинъ. 29-го сентября 1847 года.

Вотъ я и въ Берлинѣ, и уже третій день, дражайшій мой Павелъ Васильевичъ. Пріѣхалъ я сюда часовъ около пяти въ понедѣльникъ. Надо разсказать вамъ мой плачевно-комическій вояжъ отъ Парижа до Берлина. Начну съ минуты, въ которую мы съ вами разстались. Огорченный непріятною случайностію, заставившею меня ѣхать безъ Фредерика, и боясь за себя остаться въ Парижѣ, заплативши деньги за билетъ, я побѣжалъ къ поѣзду и задохнулся отъ этого движенія до того, что не могъ сказать ни слова, ни двинуться съ мѣста. Я думалъ, что пришелъ мой послѣдній часъ, и въ тоскѣ безсмысленно смотрѣлъ, какъ двинется поѣздъ безъ меня. Однако минуты черезъ три я пришелъ немного въ себя, могъ подойдти къ кондуктору и сказать: «Premières places». Только что онъ толкнулъ меня въ карету и захлопнулъ дверцы, какъ поѣздъ двинулся. Я пришелъ въ себя совершенно не прежде, какъ около первой станціи. Тогда овладѣли мною двѣ мысли: таможня и Фредерикъ. Спать хотѣлось смертельно, но лишь задремлю, и греза переноситъ меня въ таможню, я вздрагиваю судорожно и просыпаюсь. Такъ мучился я до самаго Брюсселя, не имѣя силы ни противиться сну, ни заснуть. Таково свойство нервической натуры! Что̀ мнѣ дѣлать въ таможнѣ? Объявить мои игрушки? Но для этого меня ужасали 40 франковъ пошлины, заплаченные Герценомъ за игрушки же. Утаить? Но это вещи (особенно та, что̀ съ музыкою) большія: найдутъ и конфискуютъ. Это еще хуже 40 франковъ пошлины, потому что (и объ этомъ вы можете по секрету сообщить Марьѣ Ѳедоровнѣ и Натальѣ Александровнѣ) я очень дорожу этими игрушками, и когда подумаю о радости моей дочери, то дѣлаюсь ея ровесникомъ по лѣтамъ. Гдѣ ни остановится поѣздъ, все думаю: «Вотъ здѣсь будутъ меня пытать, а Фре-

дерика-то со мною нѣтъ, и чортъ знаетъ, кто за меня будетъ говорить!» Наконецъ, дѣйствительно, вотъ и таможня. Ищу моихъ вещей—нѣтъ. Обращаюсь къ одному таможенному: «Je ne trouve pas mes effets». «Où allez-vous?» «A Bruxelles». «C'est à Bruxelles qu'on visitera vos effets». Ухъ, словно гора съ плечъ: отсрочка пыткѣ! Наконецъ я въ Брюсселѣ. «Нѣтъ ли у васъ товаровъ? Объявите!» сказалъ мнѣ голосомъ пастора или исповѣдника таможенный. Подлая манера, коварная, предательская уловка! Скажи: нѣтъ, да найдетъ,—вещь-то и конфискуютъ, да еще штрафъ сдерутъ. Я говорю: «Нѣтъ». Онъ началъ рыться въ бѣльѣ по краямъ чемодана и ужь совсѣмъ было сбирался перейдти въ другую половину чемодана, какъ чортъ дернулъ его на полвершка дальше засунуть руку для послѣдняго удара, и онъ ощупалъ игрушку съ музыкой. Еще прежде онъ нашелъ свертокъ шариковъ; я говорю, что это игрушки, бездѣлушки, и онъ положилъ ихъ на мѣсто. Вынувши игрушку, онъ обратился къ офицеру и донесъ ему, что я не рекламировалъ этой вещи. Вижу: дѣло плохо. Откуда взялся у меня французскій языкъ (какой—не спрашивайте, но догадайтесь сами). Говорю: «Я объявлялъ». «Да, когда я нашелъ». Офицеръ спросилъ мой паспортъ. Дѣло плохо. Я объявилъ, что у меня и еще есть игрушка. Я уже почувствовалъ какую-то трусливую храбрость; стою словно подъ пулями и ядрами, но стою смѣло, съ отчаяннымъ спокойствіемъ. Пошли въ другую половину чемодана, достали игрушку Марьи Ѳедоровны. Разбойникъ ощупалъ въ карманѣ пальто коробочку съ оловянными игрушками. Думаю: вотъ дойдетъ дѣло до вещей Павла Васильевича. Однако дѣло кончилось этимъ. Офицеръ возвратилъ мнѣ паспортъ и потребовалъ, чтобъ я объявилъ цѣнность моихъ вещей. Вижу: смиловались, и дѣло пошло къ лучшему, и отъ этого опять потерялся. Вмѣсто того, чтобы оцѣнить первую игрушку въ 10 франковъ, вторую—въ 5, а оловянныя—въ $1^1/_2$, я началъ толковать, что не знаю цѣны, что это подарки, и что я купилъ только оловянныя игрушки за 5 франковъ. Поспоривши со мною и видя, что я глупъ до святости, они оцѣнили все въ 35 франковъ

и взяли пошлины 3½ франка. Такъ вотъ изъ чего я страдалъ и мучился столько! Изъ трехъ съ половиною франковъ! Чемоданъ Фредерика оставили въ таможнѣ. Вышелъ я изъ нея словно изъ ада въ рай. Но мысль о Фредерикѣ все-таки безпокоила. Однакожъ въ отелѣ тотчасъ разспросилъ и узналъ, что поѣздъ изъ Парижа приходитъ въ 8 часовъ утра, а въ Кельнъ отходитъ въ 10½. По утру отправился я на извощикѣ въ таможню, нашелъ тамъ моего bonhomme въ крайнемъ замѣшательствѣ на мой счетъ и привезъ его съ чемоданомъ къ себѣ въ трактиръ. До Кельна ѣхалъ уже довольно спокойно. Думаю: Бельгія—страна промышленная, со всѣхъ сторонъ запертая для сбыта своихъ произведеній; стало быть, таможни ея должны быть свирѣпы; но Германія—страна больше религіозная, философская, честная и глупая, нежели промышленная; вѣроятно, въ ней и таможни филистерски-добрыя. Но когда очутился въ таможнѣ, то опять струсилъ отъ мысли: гдѣ меньше ожидаешь, тамъ-то и наткнешься на бѣду; игрушки-то я уже объявлю, да чтобъ вещей Анненкова-то не нашли бы. А кончилось только осмотромъ Фредерикова чемодана и ящика съ лѣкарствами. Въ мой чемоданъ плутъ таможенный и не заглянулъ, но, схватившi его, понесъ въ дилижансъ, за что̀ я далъ ему франкъ. По утру ѣхать надо было рано. Встали во-время и убрались. Но Фредерикъ сдѣлалъ глупость: увѣрилъ меня, что до желѣзной дороги близехонько, и мы пошли пѣшкомъ, перешли по мосту черезъ Рейнъ и еще довольно прошли въ гору до мѣста. Я еле-еле дотащился. Но бѣда этимъ не кончилась: пожитки наши повезъ носильщикъ; звонятъ во второй разъ, а ихъ нѣтъ! Фредерикъ бросился въ кабріолетъ и поѣхалъ на встрѣчу нашимъ чемоданамъ. Я пошелъ въ залу, но ее уже затворяли, и я, только показавши билетъ, заставилъ себя пустить. Вообразите мою тоску! Иду на галлерею; тамъ все отзывается послѣднею суетою. Слышу: звонятъ въ третій разъ; бѣгу въ залу. О, радость! Фредерикъ вѣситъ пожитки. Я сѣлъ и видѣлъ, какъ принесли наши чемоданы.

Я рѣшился брать вездѣ первыя мѣста, чтобъ не стра-

дать отъ сигаръ и не жить тамъ, гдѣ живутъ другіе. Изъ Гама до Ганновера я проѣхалъ лучше, чѣмъ ожидалъ. Вопервыхъ, ѣхали мы не 30 часовъ, а ровно 24¼; вовторыхъ, Фредерикъ какъ-то умѣлъ всегда пихнуть меня въ купè, гдѣ и просторно, и свѣтло, и свѣжо. А это было не легко, потому что на каждой станціи дилижансы перемѣнялись чортъ знаетъ зачѣмъ. Только послѣднюю станцію сдѣлалъ я внутри дилижанса, какъ будто для того, чтобы понять, отъ какой муки избавилъ меня Фредерикъ на ночь. Вообще въ этотъ переѣздъ онъ былъ мнѣ особенно полезенъ, и безъ него я пропалъ бы. Въ воскресенье ночевали въ Брауншвейгѣ, гдѣ, сверхъ всякаго чаянія, я опять наткнулся на таможню. Но тутъ я уже былъ совершенно спокоенъ, потому что не спрашивали, а осматривали молча; вынули большую игрушку, свѣсили и взяли съ меня 7 зильбергрошей. Тѣмъ и кончилось. Въ Кельнѣ и Брауншвейгѣ Фредерикъ ночевалъ въ одной со мною комнатѣ, и это было хорошо: онъ во-время будилъ меня, да и вообще по утрамъ былъ мнѣ полезенъ. Сначала онъ отговаривался отъ такой чести; но когда я настаивалъ, онъ замѣтилъ: «Je suis prorpe». Дѣйствительно, бѣлье на немъ было безукоризненно. Ночуй-ка въ одной комнатѣ не то что съ лакеемъ, съ инымъ чиновникомъ русскимъ,—онъ и... тебя, каналья. Замѣтилъ я за Фредерикомъ смѣшную вещь: онъ со всѣми нѣмцами заговаривалъ по французски и не скоро замѣчалъ, что они его не понимаютъ, такъ что я часто напоминалъ ему, чтобъ онъ говорилъ по нѣмецки. Эхъ, сила привычки-то! Вчера по утру онъ со мною простился.

Въ Кельнѣ, когда я изъ таможни ѣхалъ въ дилижансѣ въ трактиръ, со мною заговорилъ какой-то полякъ. Вдругъ одинъ изъ пассажировъ говоритъ мнѣ по русски: «Вы́ вѣрно изъ Парижа выгнаны, подобно мнѣ, за то, что смотрѣли на толпы въ улицѣ Saint-Honoré?» Завязался разговоръ, который продолжался въ отелѣ за столомъ. Какъ истинный русакъ, онъ умѣетъ говорить въ духѣ каждаго мнѣнія (то-есть, приноровляться), но своего не имѣетъ никакого. Ругаетъ Луи-Филиппа и Гизо, Францію и говоритъ, что не-

даромъ нѣкоторые французы отдаютъ преимущество нашему образу правленія. Я его осадилъ, и онъ сейчасъ же согласился со мною. Было говорено и о славянофилахъ, которыхъ онъ всѣхъ знаетъ, и между прочимъ онъ сказалъ: «Да за что̀ ихъ хватать! Что они за либералы! Вотъ ихъ петербургскіе противники, такъ либералы». Разговоръ нашъ кончился вотъ какъ: «А вотъ у насъ драгоцѣнный человѣкъ!» «Кто?» «Бѣлинскій». Другой на моемъ мѣстѣ тутъ-то бы и продолжалъ разговоръ; но я постыдно обратился въ бѣгство, подъ предлогомъ, что холодно да и спать пора.

Здоровье мое рѣшительно въ лучшемъ положеніи, нежели въ какомъ оно было до дня отъѣзда изъ Парижа. Первые два дня было трудно, потому что было тепло, и я безпрестанно потѣлъ; но при выѣздѣ изъ Кельна погода сдѣлалась такая, что безъ халата у меня отмерзли бы ноги. Въ холодъ я болѣе увѣренъ, что не простужусь, потому что больше берегусь. Сверхъ того, я постоянно (кромѣ переѣзда изъ Гама въ Ганноверъ) принималъ лѣкарство и даже усилилъ пріемы: вечеромъ три ложки да по утру пять. Кашель, появившійся было въ послѣдніе дни пребыванія въ Парижѣ, опять оставилъ меня, и я дышу вообще свободнѣе. Вообще, если я въ такомъ состояніи доѣду до дому, то ни для меня, ни для другихъ не будетъ сомнѣнія, что я таки поправился немного и въ этомъ отношеніи не даромъ ѣздилъ за границу. Пріѣхавъ въ Берлинъ, я велѣлъ Фредерику сказать кучеру, чтобы везъ въ отель, ближайшій къ Behrenstrasse. Подвезли къ отелю, но Фредерикъ хотѣлъ еще ближе, велѣлъ поворотить назадъ и привезъ меня въ отель цѣлою улицею дальше. Пошелъ къ Щепкину, думаю: «Вотъ одолжитъ, если перемѣнилъ квартиру!» Однако нѣтъ. Только его не засталъ: онъ былъ въ театрѣ, и я вчера по утру увидѣлся съ нимъ. Онъ принялъ меня пріятельски, предложилъ и настоялъ, чтобъ я переѣхалъ къ нему, и я эту ночь ночевалъ у него. Спрашивалъ я его: что̀ дѣлается въ Берлинѣ, въ Пруссіи по части штандовъ и конституціи. Онъ говоритъ: ничего. Сначала штанды повели себя хорошо, такъ что король почувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи; но началось

гладко, а кончилось гадко. Началось тѣмъ, что Финке предлагалъ собранію объявить себя палатою и захватить диктатурою конституціонною, а кончилось тѣмъ, что король распустилъ ихъ съ полнымъ къ нимъ презрѣніемъ и теперь держитъ себя восторжествовавшимъ деспотомъ. «Да отчего жь это?» «Оттого, что въ народѣ есть потребность на картофель, но на конституцію ни малѣйшей; ея желаютъ образованныя городскія сословія, которыя ничего не могутъ сдѣлать». «Такъ ты думаешь, что изъ этого ничего не выйдетъ?» «Убѣжденъ». Знаете ли что, Анненковъ? Это грустно, а похоже на дѣло, особенно по прочтеніи I-го тома «Исторіи» Мишле, гдѣ показано, кто во Франціи-то сдѣлалъ революцію... Видѣлъ я портретъ Мѣрославскаго съ его факсимиле: чудное, благородное, мужественное лицо! Щепкинъ говоритъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, Мѣрославскій будетъ казненъ, ибо король благодарилъ procureur-général, который употреблялъ всѣ уловки, чтобъ запутать и погубить подсудимаго. Общественное мнѣніе въ Берлинѣ рѣшительно за поляковъ: публика часто прерывала рѣчи подсудимыхъ криками «браво», такъ что подъ конецъ правительство просило публику вести себя смирнѣе. А все-таки будетъ такъ, какъ угодно деспотизму и неправдѣ, а не какъ общественному мнѣнію, что̀ бы ни говорилъ объ этомъ вѣрующій другъ мой Бакунинъ!

Вотъ вамъ подробный и даже скучный отчетъ о моемъ путешествіи. Теперь мнѣ грозитъ послѣдняя и самая страшная таможня—русская. Щепкинъ говоритъ, что она да англійская—самыя свирѣпыя. Будь что̀ будетъ! Меня немножко успокоиваетъ то, что не будутъ спрашивать и исповѣдывать. А я купилъ цѣлый кусокъ голландскаго полотна; его теперь рѣжутъ и шьютъ на простыни. Воля ваша, а я родился рано: куда ни повернусь, все вижу, что жить нельзя, а путешествовать и подавно. Что̀ ни говорите о таможняхъ, а въ моихъ глазахъ это—гнусная, позорная для человѣческаго достоинства вещь. Я отвергаю ее не головою, а нервами; мое отвращеніе къ ней—не убѣжденіе только, но и болѣзнь вмѣстѣ съ тѣмъ. Когда дочь моя будетъ капризни-

чать, я буду пугать ее не шкоронье, какъ Тату, а таможнею.

Прощайте, милый мой Павелъ Васильевичъ! Крѣпко, крѣпко жму вамъ руку и говорю мое горячее дружеское спасибо за все, что̀ вы дѣлали для меня; это спасибо вы раздѣлите съ Герценымъ и Боткинымъ! Натальѣ Александровнѣ и Марьѣ Ѳедоровнѣ тысячу привѣтствій и добрыхъ словъ; Сашѣ поклонитесь, а Тату разцалуйте. Катеринѣ Николаевнѣ Бакуниной мое почтеніе. Вспомнилось мнѣ, что въ торопяхъ прощанія я забылъ поблагодарить Константина за его чудныя макароны, божественный рисотъ et cetera et cetera: поправьте мою оплошность. Ну, еще разъ прощайте! Скажите Марьѣ Ѳедоровнѣ, что вопреки ея злымъ предчувствіямъ я часто думалъ о всѣхъ жителяхъ avenue Marigny и о ней, что мнѣ было грустно, что я съ ними разстался, и что я по пріѣздѣ домой буду часто говорить о нихъ съ своими и слѣдить за ними въ ихъ вояжѣ. Поклонитесь отъ меня Н. И. Сазонову и напомните ему о его обѣщаніи написать статью. Бакунину крѣпко жму руку. В. Бѣлинскій.

3.

С.-Петербургъ. 20-го ноября / 2-го декабря 1847 года.

Дражайшій мой Павелъ Васильевичъ! Виноватъ я передъ вами, какъ чортъ знаетъ кто, такъ виноватъ, что и оправдываться нѣтъ духу, даже на письмѣ, хотя въ винѣ моей передъ вами и есть circonstances attenuantes. И потому, не теряя лишнихъ словъ, предаю себя вашему великодушію, которое въ васъ сильнѣе справедливаго негодованія. Не можете представить, какъ, съ одной стороны, обрадовало меня письмо ваше, а съ другой — какимъ жгучимъ упрекомъ кольнуло оно мою трикраты виновную передъ вами совѣсть. Но довольно объ этомъ. Пущусь въ повѣствовательный слогъ и разскажу вамъ о себѣ и о прочемъ, все въ хронологическомъ порядкѣ. Гибельная привычка быть подробнымъ и обстоятельнымъ въ письмахъ—главная причина моей несостоятельности въ перепискѣ.

Отправивши къ вамъ письмо изъ Берлина, въ которомъ я расхвастался моимъ здоровьемъ, я черезъ нѣсколько же часовъ почувствовалъ, что мнѣ хуже, что я, значитъ, простудился. Такова моя участь! Изъ Парижа только что расхвастался женѣ чуть не совершеннымъ выздоровленіемъ, какъ на другой же день и простудился и сталъ никуда не годенъ. Въ Берлинѣ погода стояла гнусная. Мы съ Щепкинымъ выходили только обѣдать, да еще по утрамъ онъ ходилъ къ своему египтологу Лепсіусу, а я все сидѣлъ дома. Кстати о Щепкинѣ. Онъ самолюбивъ до гадости, до омерзѣнія: это правда, но онъ все-таки не чуждъ многихъ весьма хорошихъ качествъ и малый съ головой. Можетъ быть, я такъ говорю потому, что дружеское расположеніе, съ какимъ обошелся со мною Щепкинъ, затронуло, подкупило мое самолюбіе. Да, я въ этомъ отношеніи въ сорочкѣ родился: многіе люди, различно, а иногда и противоположно, враждебно даже относящіеся другъ къ другу, ко мнѣ относятся почти одинаково. Можетъ быть, тутъ не одно счастіе, а есть немножко и заслуги съ моей стороны; а эта заслуга, по моему мнѣнію, заключается въ моей открытости и прямотѣ. Напримѣръ, Тургеневъ былъ оскорбленъ обращеніемъ съ нимъ Щепкина и этимъ ограничился. Я же, напротивъ, не оскорблялся, а чуть замѣчая, что онъ заносится, показывалъ ясно, что это вижу, и не уступалъ ему, какъ это одни дѣлаютъ по робости характера, другіе—по гордости, третьи—по уклончивости. Впрочемъ, у Щепкина есть въ манерѣ нѣчто странное и пошлое независимо отъ его самолюбиваго характера, а это мало знающіе его приписываютъ его самолюбію. Но вотъ я и заболтался, вдался въ диссертацію и ужь самъ не знаю, какъ выйдти изъ нея приличнымъ образомъ. Проживъ съ Щепкинымъ съ недѣлю въ одной комнатѣ, я уразумѣлъ предметъ его занятій и восчувствовалъ къ нему уваженіе. Для него искусство важно какъ пособіе, какъ источникъ для археологіи. Онъ выучился по коптски, читаетъ бойко іероглифы, и Египетъ составляетъ главный предметъ его изученія. Археологію я высоко уважаю и слушать знающаго по ея части человѣка готовъ

цѣлые дни. И Щепкинъ сообщилъ мнѣ много интереснаго касательно Египта. Его профессоръ Лепсіусъ такъ обшарилъ весь Египетъ, что теперь послѣ него нѣтъ никакой возможности поживиться надписью или іероглифомъ, хоть останься для этого жить въ Египтѣ. Большая комната у Лепсіуса кругомъ обставлена шкапами, наполненными только матеріалами для исторіи Египта. Онъ возстановилъ по источникамъ хронологію Египта за пять тысячъ лѣтъ до нашего времени, слѣдовательно, слишкомъ за три тысячи лѣтъ до Р. Х. И въ этомъ отношеніи Лепсіусъ сдѣлался уже авторитетомъ, на него всѣ ссылаются, всѣ его цитируютъ. Теперь онъ обработываетъ грамматику коптскаго языка, послѣ чего приступитъ къ другимъ важнымъ работамъ по части исторіи Египта. Поразилъ меня особенно фактъ, что египтяне называли евреевъ прокаженными. Вотъ и дивись послѣ этого, что иной индивидуумъ грязенъ и вонючъ не по бѣдности и нуждѣ, а по безкорыстной любви къ грязи и вони (какъ П — нъ), — когда цѣлый народъ, съ самаго своего появленія на сцену исторіи до сихъ поръ, подобно Петрушкѣ, носитъ съ собою свой особенный запахъ!

Въ пятницу я уѣхалъ въ Штетинъ, а на другой день, ровно въ часъ, тронулся нашъ «Адлеръ». Лишь только начали мы выбираться изъ Свинемюнде, какъ началась качка. Я пообѣдалъ въ субботу часа въ два, а потомъ позавтракалъ во вторникъ часовъ въ десять утра. Въ промежуткѣ я лежалъ въ моей койкѣ то въ дремотѣ, то во рвотѣ. Во вторникъ я обѣдалъ и оправился. Были слабѣе меня, напримѣръ, Полуденскій (братъ мужа сестры Сазонова), который лежалъ въ агоніи вплоть до Кронштадта. Въ Кронштадтъ прибыли мы въ среду, часовъ въ шесть. Началась переписка и отмѣтка паспортовъ—церемонія длинная и варварски скучная. Между тѣмъ переложились на малый пароходъ. Да, и забылъ было сказать, что при видѣ Кронштадта намъ представилось странное зрѣлище: все покрыто снѣгомъ, и на канунѣ (намъ сказали) въ Петербургѣ была санная ѣзда. Страдая морскою болѣзнію, я поправился въ моей хронической болѣзни и прибылъ здоровехонекъ. Тутъ

я вполнѣ убѣдился, что ѣздить по ночамъ по желѣзнымъ дорогамъ, словомъ—спать тепло одѣтому на открытомъ воздухѣ для меня своего рода лѣченіе, едва ли не болѣе дѣйствительное всѣхъ другихъ родовъ лѣченій. Не даромъ я такъ не люблю спать въ трактирахъ. Если не въ моей комнатѣ, въ которой я привыкъ спать, то всего лучше на вольномъ воздухѣ одѣтому. Если судьба опять накажетъ меня путешествіемъ, я буду ѣздить по ночамъ, а останавливаться на отдыхи днемъ. Оно и здорово, и полезно: можно и пообѣдать не торопясь, и городъ осмотрѣть, и кости расправить ходьбою.

Но вотъ и Питеръ! Что-то у меня дома? Такъ и полетѣлъ бы, а изволь идти въ таможню. Часа четыре прошло въ мукѣ ожиданія и хлопотъ, но дѣло сошло съ рукъ лучше, нежели гдѣ-нибудь. Да, и забылъ было: въ понедѣльникъ была на морѣ буря, и пароходъ нѣсколько часовъ былъ въ опасности. Къ счастію, я ничего не зналъ.

Дома я нашелъ все и всѣхъ въ положеніи довольно порядочномъ. Тильманъ назвалъ Тирà шарлатаномъ, лѣкарства его велѣлъ оставить. Это меня страшно огорчило. Плакали мои 68 франковъ! Черезъ нѣсколько дней, послѣ обѣда сдѣлалось мнѣ худо: я хрипѣлъ, задыхался, словомъ—это былъ вечеръ хуже самыхъ худыхъ дней прошлой зимы, когда я безпрестанно умиралъ. Жена пристала, чтобъ я началъ принимать лѣкарство Тирà. Чтò дѣлать? Не принимать—пожалуй издохнешь, пока дождешься пріѣзда Тильмана; принимать—какъ сказать объ этомъ Тильману? Эти доктора хуже женщинъ по части самолюбія и ревности. Однако дѣло обошлось хорошо. Мнѣ стало лучше, и Тильманъ не только не разсердился, но еще и велѣлъ продолжать микстуру Тирашки. Онъ, видите ли, досталъ рецептъ этой микстуры. Надо вамъ сказать, что Тильманъ лѣчитъ m-me Языкову. Онъ говоритъ, что средства Тирà всѣ самыя извѣстныя и обыкновенныя, что ими и онъ, Тильманъ, часто лѣчитъ, и что, зная теперь составъ Тирашкиныхъ снадобій, онъ можетъ позволить ихъ употребленіе. Кстати: Языкова нѣсколько разъ была въ опасности, харкала кровью;

теперь ей лучше. Дочь ея замужемъ и въ Москвѣ. Сама она, кажется, и не думаетъ сбираться за границу. Я все сбираюсь побывать у нея, да все не соберусь: то заболѣю, то работа. Черезъ недѣлю по пріѣздѣ былъ я у вашихъ братьевъ. Что это за добрыя души! Они обрадовались мнѣ словно родному, какъ говорится. Что у нихъ теперь за квартира! Въ нижнемъ этажѣ, окна на бульваръ, и какъ ихъ комнаты выступаютъ изъ улицы угломъ, то изъ ихъ оконъ видны Адмиралтейство и Зимній дворецъ. Видъ несравненный!

Жена моя жила на квартирѣ временной; надо было искать новую. Съ ногъ сбился, а не нашелъ. Изъ нѣсколькихъ гадкихъ порѣшили взять менѣе другихъ гадкую. Она до того мала, что половина мебели нашей не вошла бы въ нее, и я задохнулся бы въ ней. Я сбирался перейти въ нее, какъ сбирается человѣкъ, осужденный за долги на тюремное заключеніе, переѣзжать на эту квартиру. Къ счастію, случайно нашли квартиру большую, красивую и дешевую: кромѣ кухни и передней, шесть комнатъ, большія стекла, полы парке, обои, цѣна 1320 рублей ассигнаціями. Переѣздъ былъ хлопотенъ; мы перевозились изъ трехъ мѣстъ: съ старой квартиры, а большая часть мебели была у Языкова, книги—у Тютчева. При переѣздѣ я простудился, и у меня открылись раны на легкихъ (о чемъ я узналъ послѣ). Тильманъ говорилъ женѣ, что такого больного у него не бывало, что онъ уже не одинъ разъ назначалъ день моей смерти, и я его неожиданно обманывалъ. Это хорошо, но это только одна сторона медали, а вотъ и другая: не разъ считалъ онъ меня внѣ всякой опасности и назначалъ время совершеннаго моего выздоровленія, и я опять каждый разъ его обманывалъ. Самаринъ тиснулъ въ «Москвитянинѣ» статью (весьма пошлую и подлую) о «Современникѣ»; мнѣ надо было отвѣтить ему. Взялся было за работу; не могу: лихорадочный жаръ, изнеможеніе. Какъ я испугался! Стало быть, я не могу работать! Стало быть, мнѣ надо искать мѣсто въ больницѣ, а женѣ—въ богадѣльнѣ! Но дня черезъ два, черезъ три лихорадка прошла со-

вершенно, Тильманъ велѣлъ мнѣ оставить всѣ лѣкарства; я принялся за работу и въ шесть дней намахалъ три съ половиною листа! И все это съ отдыхами, съ лѣнью, съ потерею времени: иногда принимался не раньше 12 часовъ, а послѣ обѣда работалъ только три дня, и то отъ 7 до 9 часовъ, не болѣе. И во все это время я чувствовалъ себя не только здоровѣе и крѣпче, но бодрѣе и веселѣе обыкновеннаго. Это меня сильно поощрило. Значитъ, я могу работать; стало быть, могу жить. Вообще, чтобъ ужь больше не возвращаться къ этому предмету, скажу вамъ, что какъ ни хилъ и ни плохъ я, а все гораздо лучше, нежели какъ былъ до поѣздки за границу; просто сравненья нѣтъ!

Въ литературѣ нашелъ я много новаго. «Отечественныя Записки» гнусны по части изящной словесности, но во всемъ остальномъ — журналъ хоть куда. Разумѣется, тутъ не умъ и таланты Краевскаго виноваты, а его счастіе.... Нужно же было Заблоцкому именно въ нынѣшнемъ году написать превосходнѣйшую статью (которую я выпросилъ у автора и для себя, и для васъ, и которую взялись переслать вамъ). Прочелъ я въ «Отечественныхъ Запискахъ» превосходную критику сочиненій фонъ-Визина, таковую же на книжку: «О религіозныхъ сектахъ евреевъ» и нѣсколько прекрасныхъ рецензій. Авторъ ихъ — нѣкто г. Дудышкинъ. Онъ никогда не писалъ и не думалъ писать, но покойникъ Майковъ убѣдилъ его взяться за перо. Ну, не счастіе ли....? Вѣдь онъ могъ начать и у насъ, а что онъ началъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» — это дѣло чистаго случая. Теперь Дудышкинъ—нашъ, а все-таки «Отечественнымъ Запискамъ» онъ помогъ, и этого не воротишь. Какой-то господинъ прислалъ въ «Отечественныя Записки» превосходную статью или, лучше сказать, рядъ превосходнѣйшихъ статей о золотыхъ пріискахъ въ Сибири. Опять счастіе! Боясь, что «Современникъ» подрѣжетъ его при новой подпискѣ, Краевскій велѣлъ ...ву валяться въ ногахъ у москвичей, чтобы выспросить у нихъ названій будто бы обѣщанныхъ въ «Отечественныя Записки» статей, и тѣ дали!... В. П. Боткинъ обѣщалъ исторію Испаніи за

три послѣднія столѣтія, Грановскій — біографію Помбаля, Кавелинъ—разныя вещи по части русской исторіи. Это рѣшительная гибель для «Современника»! Они оправдываются тѣмъ, что желаютъ намъ всякихъ успѣховъ, но жалѣютъ и Краевскаго!! Я написалъ къ Боткину длинное письмо. Онъ сложилъ вину на Некрасова: зачѣмъ-де онъ ихъ не предупредилъ. Грановскій отвѣчалъ прямо, что такъ какъ «Отечественныя Записки» издаются въ одномъ духѣ съ «Современникомъ», то онъ очень радъ, что у насъ вмѣсто одного два хорошихъ журнала, и готовъ помогать обоимъ. Подите, растолкуйте такому шуту, что именно по одинаковости направленія оба журнала и не могутъ съ успѣхомъ существовать вмѣстѣ, но должны только мѣшать и вредить другъ другу. А между тѣмъ отложеніе отъ «Отечественныхъ Записокъ» главныхъ ихъ сотрудниковъ «Современникъ» выставилъ въ своей программѣ, какъ право на свое существованіе; Краевскій же увѣряетъ печатно, что сотрудники его все тѣ же, и наши московскіе друзья-враги теперь торжественно оправдали Краевскаго и выставили лжецомъ «Современникъ». Мы крѣпко боимся, чтобы за это не сѣсть на мель при новой подпискѣ. Одинаковое направленіе! Эти господа не хотятъ понять, что направленіемъ своимъ теперь «Отечественныя Записки» обязаны только случаю да счастію, а не личности ихъ редактора. Кстати объ этой прекрасной личности. Вы знаете, что Краевскій прошлое лѣто ѣздилъ въ Москву и останавливался у Боткина. Какъ conditio sine qua non своего драгоцѣннаго пребыванія у Боткина, онъ сказалъ ему, что не хочетъ встрѣчаться съ Кетчеромъ. Вмѣсто того, чтобы сказать ему, что это очень легко: стоитъ-де вамъ взять шляпу да уйти, когда придетъ Кетчеръ,—ему ничего не сказали, и Краевскій имѣлъ полное право заключить, что честный и благородный человѣкъ ему принесенъ въ жертву. По совѣту Н. Ф. Павлова, Краевскій купилъ за 4 руб. 70 коп. мѣди примочку для рощенія волосъ; въ день отъѣзда онъ входитъ въ комнату Боткина съ пузырькомъ въ рукѣ и горько жалуется, что Павловъ заставилъ его потерять деньги на дрянь. Всякій дру-

гой сказалъ бы ему: «Выкиньте де за окно, если это дрянь». Но Василій Петровичъ почелъ долгомъ быть благоговѣйно- и преданно-деликатнымъ въ отношеніи къ Краевскому: «Отдайте мнѣ; что̀ вы заплатили?» «Пять рублей»... Но этимъ дѣло не кончилось. Въ минуту отъѣзда Краевскій пришелъ къ Боткину съ пустымъ пузырькомъ и попросилъ его отлить ему на дорогу примочки.... Не подумайте, чтобы я тутъ что-нибудь переиначивалъ или преувеличивалъ: нѣтъ, я историкъ тѣмъ болѣе точный и правдивый, чѣмъ болѣе желаю выставить Краевскаго въ настоящемъ его видѣ. Малѣйшая ложь могла бы оправдать его въ главномъ, а этого-то я и не хочу. Это его московскіе подвиги; а вотъ петербургскіе. Нанялъ онъ себѣ великолѣпный отель на Невскомъ, надъ ресторамомъ Доминика, за 4,000 рублей ассигнаціями. Разъ были у него Дудышкинъ, Милютинъ и еще кто-то третій, все люди, которыми онъ дорожитъ для «Отечественныхъ Записокъ». Нужно ему было съ ними переговорить, а время было обѣденное, и онъ пригласилъ ихъ къ Доминику, такъ какъ въ этотъ день у него не готовился столъ. Ну, тѣ рады, думали пообѣдать на славу. Но Краевскій велѣлъ подать четыре обѣда трехрублевые и ни капли вина: онъ на счетъ вина придерживается Магометова закона и разрѣшаетъ только на чужое вино. Собесѣдники его велѣли подать вина; но Краевскій не шевельнулъ и бровью, заплатилъ за четыре обѣда, а за вино великодушно предоставилъ расплачиваться своимъ гостямъ. Выкупилъ онъ изъ мѣщанскаго общества (и тѣмъ спасъ отъ рекрутства) Буткова, но выкупилъ на деньги Общества посѣщенія бѣдныхъ и за такое благодѣяніе запрягъ Буткова въ свою работу. Тотъ уже не разъ приходилъ со слезами жаловаться Некрасову на своего вампира. Разъ Бутковъ проситъ у Некрасова нумера «Отечественныхъ Записокъ». Но прежде вамъ надо сказать, что Бутковъ живетъ у Краевскаго, вмѣстѣ съ другимъ молодымъ человѣкомъ Крешевымъ. Онъ далъ имъ лишнюю комнату, взявши съ каждаго изъ нихъ по 100 руб. сер. въ годъ. Некрасовъ замѣтилъ Буткову, что ему лучше брать «Отечественныя Записки» у Краевскаго, съ которымъ онъ

живетъ въ одномъ домѣ. «Просилъ не разъ, да не даетъ; говоритъ: подпишитесь».... Разъ приходитъ къ нему Дудышкинъ. «Чтò говорятъ въ городѣ объ «Отечественныхъ Запискахъ»?» спрашиваетъ Краевскій. «Да говорятъ, что единство направленія въ нихъ изчезаетъ». «А, да! Это надо поправить; я открою у себя вечера по четвергамъ для моихъ сотрудниковъ». Здѣсь вы видите, будто онъ хочетъ давать направленіе (котораго у него-то самого никогда и не бывало) своимъ сотрудникамъ; но умыселъ другой тутъ былъ: ему нужно набираться чужого ума. Дѣйствительно, чтò ни напечатаетъ, обо всемъ настоятельно требуетъ мнѣнія.... и потомъ выдаетъ это мнѣніе за свое собственное. Вечера онъ открылъ, да только къ нему никто на нихъ не ходитъ, ибо всѣ его не терпятъ.... И вотъ кого поддерживаютъ наши московскіе друзья во вредъ «Современнику»!

Достоевскій славно подкузмилъ Краевскаго: напечаталъ у него первую половину повѣсти, а второй половины не написалъ, да и никогда не напишетъ. Дѣло въ томъ, что его повѣсть до того пошла, глупа и бездарна, что на основаніи ея начала ничего нельзя (какъ ни бейся) развить. Герой— какой-то нервическій... какъ ни взглянетъ на него героиня, такъ и хлопнется онъ въ обморокъ. Право!

Ваше послѣднее письмо — прелесть во всѣхъ отношеніяхъ, и даже со стороны слога и языка безукоризненно. А что, дрожайшій мой авторъ «Кирюши», что бы вамъ тряхнуть еще повѣстцою? Написали одну, и весьма порядочную, стало быть, можете написать и другую, и еще лучше. Говорятъ, вы скучаете. Это мнѣ странно. Вотъ бы отъ скуки-то и приняться за дѣло.

Я очень радъ, что «мальчишка» нашъ нашелся. Подлинно, чему не пропасть, то всегда найдется. Кланяюсь ему, но писать теперь некогда, а на письмо его отвѣчу черезъ нѣкоторое время. Некрасовъ выполнилъ всѣ его порученія. Смотрите за нимъ,

> Слегка за шалости браните
> И въ Тюльери гулять водите.

Григоровичъ написалъ удивительную повѣсть. Въ той же

книжкѣ увидите вы мою статью противъ Самарина, страшно изуродованную цензурою.

Мои всѣ вамъ кланяются. Я скоро (право не вру) опять буду писать къ вамъ. Вашъ В. Б.

Кланяйтесь Герценамъ и Марьѣ Өедоровнѣ и всѣмъ нашимъ. А что же статья объ эстетикѣ Гегеля?

5.

С.-Петербургъ. Декабрь 1847 года.

Дражайшій мой Павелъ Васильевичъ! Не удивляйтесь сему посланію, столь интересному по его содержанію: вы его получаете изъ Берлина. Больше ничего не скажу на этотъ счетъ, но прямо приступлю къ изложенію тѣхъ необыкновенно интересныхъ русскихъ новостей, которыя заставили меня на этотъ разъ взяться за перо.

Тотчасъ же по пріѣздѣ услышалъ я, что въ правительствѣ нашемъ происходитъ большое движеніе по вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Государь Императоръ вновь и съ большею противъ прежняго энергіею изъявилъ свою рѣшительную волю касательно этого великаго вопроса. Разумѣется, тѣмъ болѣе рѣшительной воли и искусства обнаружили окружающіе его отцы отечества, чтобы отвлечь его волю отъ этого крайне непріятнаго имъ предмета. Искренно раздѣляетъ желаніе Государя Императора только одинъ Киселевъ; самый рѣшительный и, къ несчастію, самый умный и знающій дѣло противникъ этой мысли—Меншиковъ. Вы помните, что нѣсколько назадъ тому лѣтъ движеніе тульскаго дворянства въ пользу этого вопроса было остановлено правительствомъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ. Теперь, напротивъ, посланъ былъ тульскому дворянству запросъ: такъ ли же расположено оно теперь въ отношеніи къ вопросу? Перовскій выписалъ въ Питеръ М—ва для совѣщанія съ нимъ о средствахъ разрѣшить вопросъ на дѣлѣ. Трудность этого рѣшенія заключается въ томъ, что правительство рѣшительно не хочетъ дать свободу крестьянамъ безъ земли, боясь пролетаріата, и въ то же время не хочетъ,

чтобы дворянство осталось безъ земли, хотя бы и при деньгахъ. Вы имѣете понятіе о М—вѣ. Это человѣкъ не глупый, даже очень не глупый, но пустой и ничтожный, болтунъ на всѣ руки, либералъ на словахъ и ничто на дѣлѣ. Роль, которую онъ теперь играетъ, забавляетъ его самолюбіе и даетъ пищу болтовнѣ, а онъ и безъ того помолчать не любитъ. Онъ говоритъ, что въ губерніи его считаютъ Вашингтономъ (по его, это значитъ быть радикаломъ въ либерализмѣ), а вотъ мы, молодое поколѣніе, хотѣли бы его повѣсить какъ консерватора, хотя, по правдѣ, мы и не считаемъ его достойнымъ такого строгаго наказанія и думаемъ, что довольно было бы прогнать его къ его лошадямъ на его заводъ писать для нихъ конституцію: это его настоящее мѣсто, конюшня. Разъ, въ домѣ К—кова М—въ принималъ у себя молодое поколѣніе аристократіи, которая все рвется служить по выборамъ, и прочелъ имъ свой проектъ освобожденія крестьянъ. Пріѣхалъ въ половинѣ чтенія пріятель его Жихаревъ (сенаторъ), и онъ вновь прочелъ весь свой проектъ, написанный преглупо и начиненный текстами изъ Св. Писанія. «...!» сказалъ ему Жихаревъ при всѣхъ этихъ Ш—хъ, С—хъ и пр., ни мало не привыкшихъ къ такому демократическому краснорѣчію въ порядочномъ обществѣ.—«Ты сдѣлаешь смѣшнымъ свой проектъ». «А мнѣ что̀ за дѣло! Лишь бы я сдѣлалъ мое дѣло, а тамъ пусть смѣются!» «Да... коли ты сдѣлаешь смѣшнымъ свое дѣло, ты погубишь его. Дай сюда!» Вырываетъ бумагу, складываетъ и кладетъ себѣ въ карманъ. «Я обдѣлаю это дѣло самъ, я примусь за это con amore, ночи не буду спать, — я не говорю, чтобы ты написалъ все вздоръ, у тебя есть идеи, да не такъ все это надо сдѣлать». И М—въ послѣ говорилъ Я—ву, что онъ жалѣетъ, что тутъ не было Виссаріона, который посмотрѣлъ бы, какая эта была минута, когда Жихаревъ и пр. Видите ли, какой это государственный человѣкъ! И Жихаревъ принялся за дѣло ревностно. Какой былъ результатъ, то-есть, что̀ и какъ написалъ онъ—не знаю, ибо вотъ уже четвертая недѣля, какъ по причинѣ гнусной погоды не выхожу изъ дому, а пріятели рѣдко ко мнѣ заглядываютъ, потому

что живу теперь не по дорогѣ всѣмъ, какъ прежде; но знаю, что М—въ уже выгодно продалъ свой заводъ конскій троимъ изъ молодыхъ аристократовъ и, по условію, остался за хорошее жалованье смотрителемъ и распорядителемъ завода. Итакъ, дѣло обошлось не безъ пользы если не для крестьянъ, то для М—ва! Перовскій, который въ душѣ своей противъ освобожденія рабовъ, а по своему шаткому положенію (онъ теперь въ немилости) объявилъ себя (съ Уваровымъ) за необходимость освобожденія, радъ, что нашелъ въ М—вѣ человѣка, къ которому можетъ посылать всѣхъ для переговоровъ. Но не думайте, чтобы дѣло это было въ такомъ положеніи. Все зависитъ отъ воли Государя Императора, а она рѣшительна. Вы знаете, что послѣ выборовъ назначается обыкновенно двое депутатовъ отъ дворянства, чтобы благодарить Государя Императора за продолженіе дарованныхъ дворянству правъ, и вы знаете, что въ настоящее царствованіе эти депутаты никогда не были допускаемы до Государя Императора. Теперь вдругъ смоленскимъ депутатамъ велѣно явиться въ Питеръ. Государь Императоръ милостиво принялъ ихъ, говорилъ, что онъ всегда былъ доволенъ смоленскимъ дворянствомъ и пр., и потомъ вдругъ перешелъ къ слѣдующей рѣчи: «Теперь я буду говорить съ вами не какъ Государь, а какъ первый дворянинъ имперіи. Земли принадлежатъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли ее нашею кровью, пролитою за государство; но я не понимаю, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростію и обманомъ, съ одной стороны, и невѣжествомъ—съ другой. Этому должно положить конецъ. Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у насъ отняли. Крѣпостное право причиною, что у насъ нѣтъ торговли, промышленности». Затѣмъ онъ сказалъ имъ, чтобы они ѣхали въ свою губернію и, держа это въ секретѣ, побудили бы смоленское дворянство къ совѣщаніямъ о мѣрахъ, какъ приступить къ дѣлу. Депутаты, пріѣхавъ домой, сейчасъ же составили протоколъ того, что̀ говорилъ имъ Государь Императоръ, и потомъ явились къ Орлову разсказать о дѣлѣ.

Тотъ не повѣрилъ имъ; тогда они представили ему протоколъ, прося показать его Государю Императору—точно ли это слова Его Величества. Государь Императоръ, просмотрѣвъ протоколъ, сказалъ, что это его подлинныя слова, безъ искаженія и прибавокъ. Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи депутатовъ въ ихъ губернію Перовскій получилъ отъ Смоленскаго губернатора донесеніе, что двое изъ дворянъ смущаютъ губернію, распространяя гибельныя либеральныя мысли. Государь Императоръ приказалъ Перовскому отвѣтить губернатору, что въ случаѣ бунта у него есть средства (войска и пр.), а чтобы до тѣхъ поръ онъ молчалъ и не въ свое дѣло не мѣшался. Я забылъ сказáть: въ рѣчи своей къ депутатамъ Государь Императоръ сказалъ, что онъ уже намекалъ (указомъ объ обязанныхъ крестьянахъ) на необходимость освобожденія, да этого не поняли. Недавно Государь Императоръ былъ въ Александровскомъ театрѣ съ Киселевымъ и оттуда взялъ его съ собою къ себѣ пить чай: фактъ, прямо относящійся къ освобожденію крестьянъ. Конечно, не смотря на все, дѣло это можетъ опять затихнуть. Друзья своихъ интересовъ и враги общаго блага, окружающіе Государя Императора, утомятъ его проволочками, серединными, неудовлетворительными рѣшеніями, разными препятствіями истинными и вымышленными, потомъ воспользуются маневрами или чѣмъ-нибудь подобнымъ и отклонятъ его вниманіе отъ этого вопроса, и онъ останется не рѣшеннымъ при такомъ Монархѣ, который одинъ по своей мудрости и твердой волѣ способенъ рѣшить его. Но тогда онъ рѣшится самъ собою, другимъ образомъ, въ тысячу болѣе непріятнымъ для русскаго дворянства. Крестьяне сильно возбуждены, спятъ и видятъ освобожденіе. Все, что̀ дѣлается въ Питерѣ, доходитъ до ихъ разумѣнія въ смѣшныхъ и уродливыхъ формахъ, но въ сущности очень вѣрно. Они убѣждены, что Царь хочетъ, а господа не хотятъ. Обманутое ожиданіе ведетъ къ рѣшеніямъ отчаяннымъ. Перовскій думалъ предупредить необходимость освобожденія крестьянъ мудрыми распоряженіями, которыя юридически опредѣлили бы патріархальныя, по ихъ сущности, отношенія господъ къ крестьянамъ

янамъ и обуздали бы произволъ первыхъ, не ослабивъ повиновенія вторыхъ: мысль достойная человѣка благонамѣреннаго, но ограниченнаго! Попытку свою началъ онъ съ Бѣлоруссіи возобновленіемъ уже забытаго тамъ со временъ присоединенія Литвы къ Россіи инвентарія. Поляки и жиды растолковали мужикамъ, что инвентарій значить то, что Царь хочетъ ихъ освободить, а господа не хотятъ, и что Царь, бывши въ Кіевѣ, хотѣлъ къ нимъ заѣхать, а господа не пустили его. Я думаю, что тутъ даже не нужна была интервенція поляковъ и жидовъ, и что такое толкованіе могло само собою родиться въ крестьянскихъ головахъ, уже настроенныхъ къ мыслямъ о свободѣ. Итакъ, Перовскій достигъ цѣли совершенно противоположной той, какую имѣлъ. Оно и понятно: когда масса спитъ, дѣлайте что̀ хотите, все будетъ по вашему; но когда она проснется, не дремлите сами, а то быть худу.

(Сейчасъ я узналъ, что М — въ, а потомъ Жихаревъ писали не проектъ, а совѣтъ смоленскому предводителю дворянства; бумага неважная, изъ которой и не вышло никакихъ слѣдствій).

Такъ вотъ-съ, мой дражайшій, и у насъ не безъ новостей и даже не безъ признаковъ жизни. Движеніе это отразилось, хотя и робко, и въ литературѣ. Проскальзываютъ тамъ и сямъ то статьи, то статейки, очень осторожныя и умѣренныя по тону, но понятныя по содержанію. Вы, вѣрно, уже получили статью Заблоцкаго. Въ другое время нельзя было бы и думать напечатать ее, а теперь она прошла. Мало этого: недавно въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» ее разбирали съ похвалою и выписали мѣсто о злѣ обязательной ренты. Помѣщики наши проснулись и затолковали. Видно по всему, что патріархально-сонный бытъ весь изжитъ, и надо взять иную дорогу. Очень интересна теперь «Земледѣльческая Газета», о̀рганъ мнѣній помѣщиковъ. Толкуютъ о съѣздахъ помѣщиковъ и т. д. Обо всемъ этомъ вамъ дадутъ понятіе XI-й и особенно XII-й нумера «Современника» (смѣсь).

Что̀ еще у насъ новаго? Разнесся было слухъ, что

Воронцовъ по неудовольствію отказывается отъ Кавказа, ссылаясь на болѣзнь глазъ. Но эта болѣзнь была не выдуманная, онъ выздоровѣлъ и не думаетъ оставлять Кавказа. А то было говорили, что на его мѣсто пошлютъ Меншикова, чтобъ избавиться отъ докучнаго оппонента по вопросу объ освобожденіи. Строгановъ вышелъ въ отставку, и разсказываютъ, вотъ по какому случаю. Онъ получилъ именное секретное предписаніе (что-то въ родѣ того, какъ носятся темные слухи, чтобы наблюдать надъ славянофилами) и отвѣчалъ Уварову, что, находя исполненіе этого предписанія противнымъ своей совѣсти, онъ скорѣе готовъ выйти въ отставку. Разумѣется, Уваровъ поспѣшилъ изложить это дѣло какъ явный бунтъ, и Строгановъ былъ уволенъ. На мѣсто его утвержденъ... Голохвастовъ. То и другое большое несчастіе для Московскаго университета.

Перовскій въ немилости и, говорятъ, еле держится. Причина: онъ скрутилъ по дѣлу К — скаго полиціймейстера Б — ва, какъ уличеннаго члена шулерской шайки, и посадилъ его подъ арестъ, отдавъ его подъ судъ. Это было во время отсутствія Государя Императора въ Питерѣ. Одна особа... весьма значительная при дворѣ, по родству съ Б—вымъ написала ему письмо, чтобы онъ не безпокоился, что лишь бы пріѣхалъ Государь, а то все будетъ хорошо, и ему дадутъ хоть другое, но такое же мѣсто. Перовскій, захвативъ бумаги Б—ва, велѣлъ пришить къ дѣлу и это письмо... Такъ говорятъ.

Наводилъ я справки о Шевченкѣ и убѣдился окончательно, что внѣ религіи вѣра есть никуда негодная вещь. Вы помните, что вѣрующій другъ мой говорилъ мнѣ, что онъ вѣритъ, что Шевченко — человѣкъ достойный и прекрасный. Вѣра дѣлаетъ чудеса, творитъ людей изъ ословъ и дубинъ, стало быть, она можетъ и изъ Шевченки сдѣлать, пожалуй, мученика свободы. Но здравый смыслъ въ Шевченкѣ долженъ видѣть осла, дурака и пошлеца, а сверхъ того, горькаго пьяницу, любителя горѣлки по патріотизму хохлацкому. Этотъ хохлацкій радикалъ написалъ два пасквиля... Читая одинъ пасквиль, Государь хохоталъ, и вѣроят-

но дѣло тѣмъ и кончилось бы, и дуракъ не пострадалъ бы за то только, что онъ глупъ. Но когда Государь прочелъ другой пасквиль, то пришелъ въ великій гнѣвъ... И это понятно, когда сообразите, въ чемъ состоитъ славянское остроуміе, когда оно устремляется на женщину. Я не читалъ этихъ пасквилей, и никто изъ моихъ знакомыхъ ихъ не читалъ (что̀, между прочимъ, доказываетъ, что они нисколько не злы, а только плоски и глупы), но увѣренъ, что второй пасквиль долженъ быть возмутительно гадокъ по причинѣ, о которой я уже говорилъ. Шевченку послали на Кавказъ солдатомъ. Мнѣ не жаль его: будь я его судьею, я сдѣлалъ бы не меньше. Я питаю личную вражду къ такого рода либераламъ. Это — враги всякаго успѣха. Своими дерзкими глупостями они раздражаютъ правительство, дѣлаютъ его подозрительнымъ, готовымъ видѣть бунтъ тамъ, гдѣ нѣтъ ровно ничего, и вызываютъ мѣры крутыя и гибельныя для литературы и просвѣщенія. Вотъ вамъ доказательство. Вы помните, что въ «Современникѣ» остановленъ переводъ «Пиччинино» (въ «Отечественныхъ Запискахъ» тоже), «Манонъ Леско», «Леонъ Леони». А почему? Одинъ изъ хохлацкихъ либераловъ, нѣкто Кулешъ... въ «Звѣздочкѣ», журналѣ, который издаетъ Ишимова для дѣтей, напечаталъ исторію Малороссіи, гдѣ сказалъ, что Малороссія должна или отторгнуться отъ Россіи, или погибнуть. Цензоръ Ивановскій просмотрѣлъ эту фразу, и она прошла. И не мудрено: въ глупомъ и бездарномъ сочиненіи всего легче не досмотрѣть и за него попасться. Прошелъ годъ—и ничего, какъ вдругъ Государь получаетъ отъ кого-то эту книжку съ отмѣткою фразы. А надо сказать, что эта статья появилась отдѣльно, и на этотъ разъ ее пропустилъ Куторга, который, понадѣясь, что она была цензурована Ивановскимъ, подписалъ ее, не читая. Сейчасъ же велѣно было Куторгу посадить въ крѣпость. Къ счастію, успѣли предупредить графа Орлова и объяснить ему, что настоящій-то виноватый—Ивановскій. Графъ кое-какъ это дѣло замялъ и утишилъ. Ивановскій былъ прощенъ. Но можете представить, въ какомъ ужасѣ было министерство просвѣщенія и особенно цензурный ко-

митетъ. Пошли придирки, возмездія, и тутъ-то... Мусинъ-Пушкинъ... накинулся на переводы французскихъ повѣстей, воображая, что въ нихъ-то Кулешъ набрался хохлацкаго патріотизма, и запретилъ «Пиччинино», «Манонъ Леско» и «Леонъ Леони». Вотъ что̀ дѣлаютъ эти скоты, безмозглые либералишки! Охъ, эти мнѣ хохлы!... Либеральничаютъ во имя голушекъ и варениковъ съ свинымъ саломъ! И вотъ теперь писать ничего нельзя: все мараютъ. А съ другой стороны, какъ и жаловаться на правительство? Какое же правительство позволитъ печатно проповѣдывать отторженіе отъ него области? А вотъ и еще слѣдствіе этой исторіи. Ивановскій былъ прекрасный цензоръ, потому что благородный человѣкъ. Послѣ этой исторіи онъ, естественно, сталъ строже, придирчивѣе, до него стали доходить жалобы литераторовъ, и... и онъ вышелъ въ отставку, находя, что его должность не сообразна съ его совѣстью... Такъ вотъ опытъ вѣры моего вѣрующаго друга! Я эту вѣру опредѣляю теперь такъ: вѣра есть поблажка празднымъ фантазіямъ или способность все видѣть не такъ, какъ оно есть на дѣлѣ, а какъ намъ хочется и нужно, чтобы оно было. Страшная глупость эта вѣра! Вещь, конечно, невинная, но тѣмъ болѣе пошлая.

Ну, что̀ бы вамъ еще сказать. Книги мои я получилъ 21-го ноября (3-го декабря). Скоренько, нечего сказать! То-то ждалъ, то-то проклиналъ удобство и скорость европейскихъ сношеній! Письмо ваше или, вѣрнѣе сказать, Тургенева получилъ. Благодарю васъ обоихъ. Тургеневу буду отвѣчать, теперь недосугъ, и это письмо измучился пиша урывками. Скажите ему, чтобы въ письмахъ своихъ ко мнѣ онъ не употреблялъ нѣкоторыхъ собственныхъ именъ, напримѣръ, имени моего вѣрующаго друга. Можно быть взрослому дѣтинѣ съ просѣдью въ волосахъ ребенкомъ, но всему есть мѣра, и такъ компрометировать друзей своихъ, право, ни на что̀ не похоже. Бога ради, увѣдомьте меня о брошуркѣ противъ Ламартина по поводу Робеспьера. А затѣмъ прощайте. Да, кстати: Историческое Общество въ Москвѣ открыло документъ, изъ котораго видно, что князь Пожар-

скій употребилъ до 30,000 рублей, чтобы добиться престола. Возникло преніе: печатать или нѣтъ этотъ документъ. Большинствомъ голосовъ рѣшено: печатать. Славянофилы въ отчаяніи. Читали ль вы «Домби и сынъ»? Если нѣтъ, спѣшите прочесть. Это чудо. Все, что написано до этого романа Диккенсомъ, кажется теперь блѣдно и слабо, какъ будто совсѣмъ другого писателя. Это что-то до того превосходное, что боюсь и говорить: у меня голова не на мѣстѣ отъ этого романа.

6.

С.-Петербургъ. $\frac{15\text{-го}}{27\text{-го}}$ февраля 1848 года.

Дражайшій Павелъ Васильевичъ! Случайно узналъ я, что вашъ отъѣздъ изъ Парижа въ февралѣ отложился еще на два мѣсяца; но это еще не заставило бы меня приняться за перо чужою рукою, еслибъ не представился случай пустить это письмо помимо русской почты. Я, батюшка, болѣнъ уже шестую недѣлю; привязался ко мнѣ проклятый гриппъ, мучитъ сухой и нервическій кашель, по поверхности тѣла пробѣгаетъ ознобъ, а голова и лицо въ огнѣ; истощеніе силъ страшное; еле двигаюсь по комнатѣ; 2-й нумеръ «Современника» вышелъ безъ моей статьи, теперь диктую ее черезъ силу для 3-го; вытерпѣлъ двѣ мушки, а сколько переѣлъ разныхъ аптечныхъ гадостей—страшно сказать, а все толку нѣтъ до сихъ поръ; вотъ уже недѣли двѣ, какъ не ѣмъ ничего мясного, а ко всему другому потерялъ всякій аппетитъ. Къ довершенію всего, выѣзжаю пользоваться воздухомъ въ намордникѣ, который выдумалъ на мое горе какой-то чортъ англичанинъ,—чтобъ ему подавиться кускомъ ростбифу! Это для того, чтобъ на холодѣ дышать теплымъ воздухомъ черезъ машинку, сдѣланную изъ золотой проволоки, а стоитъ эта вещь 25 серебромъ. Человѣкъ богатый, я—изволите видѣть—и дышу черезъ золото, и только по прежнему въ карманахъ не нахожу его. Легкія же мои, по увѣренію доктора, да и по собственному моему чувству, въ лучшемъ состояніи, нежели какъ были назадъ тому три

года. На счетъ гриппа Тильманнъ утѣшаетъ меня тѣмъ, что теперь въ Петербургѣ тяжелое время для всѣхъ слабогрудыхъ, и что я еще не изъ самыхъ страждущихъ; но это меня мало утѣшаетъ.

Поговоривши съ вами о моей драгоцѣнной особѣ, хочу говорить о вашей драгоцѣнной особѣ; но не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобъ опять обратиться къ моей драгоцѣнной особѣ. Читалъ я вашу повѣсть и скажу вамъ о ней мое мнѣніе съ подобающею въ такомъ важномъ случаѣ откровенностію. Вы сами вѣрно оцѣнили себя, сказавши, что вы—не поэтъ, а обыкновенный разсказчикъ; я прибавлю къ этому отъ себя, что между обыкновенными разсказчиками вы необыкновенный разсказчикъ. Не то, чтобъ у васъ было мало таланта, чтобъ быть поэтомъ, а родъ вашего таланта не такой, какой нуженъ поэту; для разсказчика же у васъ гораздо больше таланта, чѣмъ сколько нужно; но я отдамъ вамъ отчетъ въ порядкѣ въ моихъ впечатлѣніяхъ въ продолженіе чтенія вашей повѣсти. Вступленіе мнѣ не понравилось. Толкуете вы на двухъ или болѣе страницахъ, что оба пріятеля, не смотря на всю разницу ихъ характеровъ, ничѣмъ не разнились между собою. Я это понялъ (не безъ труда и поту) такъ, что оба они были дрянь. Если вы хотѣли сказать это, мнѣ кажется, вы могли бы сказать и короче, и простѣе, и прямѣе, а то перехитрили, повели дѣло черезчуръ тонко, а гдѣ тонко, тамъ и рвется. Но все это не важно; по праву дружбы мы сами сократили и перемѣнили бы это мѣсто: вѣдь дружба на то и создана, чтобъ друзья при всякой возможности гадили своимъ друзьямъ, особенно за глаза, когда тѣ далеко. Сильно заинтересовала меня ваша повѣсть съ того мѣста, гдѣ герой утѣшаетъ горемычную вдову Прѣснову; письмо къ нему армейскаго его пріятеля привело меня въ восторгъ; встрѣча его со вдовой, пьяный извозчикъ, урезонившійся оплеухами, пребываніе друзей на дачѣ у вдовы, сама вдова, ея тетки, ея гости, наконецъ, прогулка верхами сперва на двухъ лошадяхъ, а потомъ на одной, ночное объясненіе друзей, все это прекрасно, превосходно; но конецъ повѣсти ни къ чорту не

годится. Разсказъ армейскаго друга о его изгнаніи изъ деревни дѣлаетъ вдову совершенно непонятною, и слова обоихъ пріятелей: «она погибнетъ», слова, которыя должны намекать на смыслъ всей повѣсти и быть ея заключительнымъ аккордомъ, ничего не объясняютъ и ничего не заключаютъ, и аккордъ дребезжитъ такими неладными звуками, какъ будто вы его не написали, а пропѣли, да еще вмѣстѣ съ Тургеневымъ—что̀ еще сквернѣе, нежели когда каждый изъ васъ поетъ особо. Итакъ, конецъ повѣсти — пшикъ. Какъ хотите, а по моему мнѣнію, въ такомъ видѣ печатать ее не представляется никакой возможности. Чѣмъ выше будетъ удовольствіе читателей при чтеніи ея, тѣмъ болѣе они будутъ оскорблены ея неожиданно вялымъ и совершенно непонятнымъ концомъ. Мнѣ кажется, вы тутъ опять перетонили. Воля ваша, конецъ вы должны передѣлать, потому что жаль бросать такую прекрасную вещь. Но вѣдь у васъ, я думаю, не осталось черновой! Такъ напишите намъ, прислать что ли вамъ назадъ. Бога ради, не бросайте этой вещи: она такъ хороша; изъ нея видно, что вы во всемъ успѣваете и вамъ все дано, кромѣ пѣнія и каламбуровъ, отъ которыхъ снова дружески прошу васъ воздержаться. Съ чего вы это, батюшка, такъ превознесли «Лебедянь» Тургенева? Это одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ разсказовъ его, а послѣ вашихъ похвалъ онъ мнѣ показался даже довольно слабымъ. Цензура не вымарала изъ него ни единаго слова, потому что рѣшительно нечего вычеркивать. «Малиновая вода» мнѣ не очень понравилась, потому что я рѣшительно не понялъ Степушки. Въ «Уѣздномъ лѣкарѣ» я не понялъ ни единаго слова, и потому ничего не скажу о немъ; а вотъ моя жена такъ въ восторгѣ отъ него: бабье дѣло! Да вѣдь и Иванъ-то Сергѣевичь—бабьё порядочное! Во всѣхъ остальныхъ разсказахъ много хорошаго, мѣстами даже очень хорошаго, по вообще они мнѣ показались слабѣе прежнихъ. Больше другихъ мнѣ понравились «Бирюкъ» и «Смерть». Богатая вещь — фигура Татьяны Борисовны, недурна старшая дѣвица, но племянникъ мнѣ крайне не понравился, какъ списокъ съ Андрюши и Кирюши, на нихъ не похожій. Да воз-

держите вы этого милаго младенца отъ звукоподражательной поэзіи: «Ррркакаліооонъ! Че-о-экъ!» Пока это ничего, да я боюсь, чтобъ онъ не пересолилъ, какъ онъ пересаливаетъ въ употребленіи словъ орловскаго языка, даже отъ себя употребляя слово: зеленя, которое также безсмысленно, какъ мясня и хлѣбена вмѣсто мяса и хлѣба. А какую Дружининъ написалъ повѣсть новую—чудо! Тридцать лѣтъ разницы отъ «Полиньки Саксъ»! Онъ для женщинъ будетъ то же, что̀ Герценъ для мужчинъ. «Сорока-воровка» напечатана и прошла съ небольшими измѣненіями; не смотря на нихъ, мысль ярко выказывается. Я и забылъ было сказать, что вашу повѣсть прежде меня читалъ Боткинъ, и мы совершенно сошлись съ нимъ во мнѣніи о ней. Послѣдніе разсказы Тургенева всѣ безъ исключенія очень нравятся Боткину и всѣмъ нашимъ друзьямъ, публикѣ тожь. «Сорока-воровка» имѣла большой успѣхъ. Но повѣсть Дружинина не для всѣхъ писана, также какъ и «Записки Крупова». Не знаю, писалъ ли я вамъ, что Достоевскій написалъ повѣсть «Хозяйка» — ерунда страшная! Въ ней онъ хотѣлъ помирить Марлинскаго съ Гофманомъ, подболтавши немного Гоголя. Онъ и еще кое-что написалъ послѣ того, но каждое его новое произведеніе—новое паденіе. Въ провинціи его терпѣть не могутъ, въ столицѣ отзываются враждебно даже о «Бѣдныхъ людяхъ». Я трепещу при мысли перечитать ихъ,—такъ легко читаются они! Надулись же мы, другъ мой, съ Достоевскимъ-геніемъ! О Тургеневѣ не говорю: онъ тутъ былъ самимъ собою, а ужь обо мнѣ, старомъ чортѣ, безъ палки нечего и толковать. Я, первый критикъ, разыгралъ тутъ осла въ квадратѣ. Читаю теперь романы Вольтера и ежеминутно мысленно плюю въ рожу дураку, ослу и скоту Луи-Блану. Изъ Руссо я только читалъ его «Исповѣдь», и судя по ней, да и по причинѣ религіознаго обожанія ословъ, возымѣлъ сильное омерзеніе къ этому господину. Онъ такъ похожъ на Достоевскаго, который убѣжденъ глубоко, что все человѣчество завидуетъ ему и преслѣдуетъ его. Жизнь Руссо была мерзка, безнравственна. Но что за благородная личность Вольтера! Какая горячая

симпатія ко всему человѣческому, разумному, къ бѣдствіямъ простого народа! Чтò онъ сдѣлалъ для человѣчества! Правда, онъ иногда называетъ народъ vile populace, но за то, что народъ невѣжественъ, суевѣренъ, изувѣръ, кровожаденъ, любитъ пытки и казни. Кстати: мой вѣрующій другъ и наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ. Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности. Когда я въ спорахъ съ вами о буржуазіи называлъ васъ консерваторомъ, я былъ оселъ въ квадратѣ, а вы были умный человѣкъ. Вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной, а народъ тутъ можетъ по временамъ играть пассивно-вспомогательную роль. Когда я при моемъ вѣрующемъ другѣ сказалъ, что для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій, онъ напалъ на мою мысль, какъ на ересь, говоря, что самъ народъ долженъ все для себя сдѣлать. Что за наивная, аркадская мысль! Послѣ этого отчего же не предположить, что живущіе въ русскихъ лѣсахъ волки соединятся въ благоустроенное государство, заведутъ у себя сперва абсолютную монархію, потомъ конституціонную и наконецъ перейдутъ въ республику? Пій IX въ два года доказалъ, чтò значитъ великій человѣкъ для своей земли. Мой вѣрующій другъ доказывалъ мнѣ еще, что избави-де Богъ Россію отъ буржуазіи. А теперь ясно видно, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію. Польша лучше всего доказала, какъ крѣпко государство, лишенное буржуазіи съ правами. Странный я человѣкъ! Когда въ мою голову забьется какая-нибудь мистическая нелѣпость, здравомыслящимъ людямъ рѣдко удается выколотить ее изъ меня доказательствами: для этого мнѣ непремѣнно нужно сойтись съ мистиками, піэтистами и фантазерами, помѣшанными на той же мысли, — тутъ я и назадъ. Вѣрующій другъ и славянофилы наши оказали мнѣ большую услугу. Не удивляйтесь сближенію: лучшіе изъ славянофиловъ смотрятъ на народъ совершенно такъ, какъ

мой вѣрующій другъ; они высосали эти понятія изъ соціалистовъ и въ статьяхъ своихъ цитуютъ Жоржа Занда и Луи Блана. Но довольно объ этомъ. Дѣло объ освобожденіи крестьянъ идетъ, а впередъ не подвигается. На дняхъ прошелъ въ государственномъ совѣтѣ законъ, позволяющій крѣпостному крестьянину имѣть собственность съ позволенія своего помѣщика. Черезъ годъ снимутся таможни на русско-польской границѣ. Передѣлывается, говорятъ, тарифъ вообще. Когда будете писать Герцену, крѣпко кланяйтесь отъ меня Натальѣ Александровнѣ и Марьѣ Ѳедоровнѣ. Тургенева обнимаю и мыслью, и руками. Слышалъ я, дѣла его плохи, и живетъ онъ чортъ знаетъ гдѣ и чортъ знаетъ зачѣмъ, и по всему этому и представляется мнѣ какимъ-то миѳомъ. Усталъ диктовать, а потому и говорю вамъ: прощайте, мой благоутробный и не мистически, а раціонально обожаемый другъ мой Павелъ Васильевичъ!

V.

ПИСЬМА П. Н. КУДРЯВЦЕВА.

1.

Ліонъ. 1847, марта 18-го.

Изъ того, что̀ осталось у меня на совѣсти при отъѣздѣ изъ Парижа, всего больше чувствуется мнѣ моя послѣдняя провинность передъ вами, любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ. Разумѣется, вы съ своей стороны не захотите ее признать, но все равно: во мнѣ она оставила досадное чувство. Дѣло въ томъ, что мнѣ хотѣлось проститься съ вами и сказать вамъ сердечное спасибо за эти пять мѣсяцевъ. Простившись съ Бакуниными въ воскресенье, я еще надѣялся застать васъ въ понедѣльникъ утромъ и обнять васъ, хотя въ постели. Признаюсь въ моей слабости: я люблю всякую минуту благодарности не церемонной, а искренной, и одна изъ такихъ минутъ потерялась для меня въ самыхъ негодныхъ сборахъ.

Найдите какимъ хотите мое желаніе сказать вамъ мою благодарность, но у меня есть въ этомъ живая потребность, и я прошу васъ только объ одномъ: если бы вамъ когда вздумалось написать мнѣ нѣсколько словъ въ Италію, не упоминайте мнѣ объ этомъ ни однимъ словомъ. Какъ многимъ были вы для меня въ прошлые пять мѣсяцевъ, о томъ позвольте знать мнѣ и не вступать въ объясненія. Кромѣ всего, если вы не замѣчали прежде, замѣтьте хоть теперь, что добрыми отношеніями къ Боткину я обязанъ только тому, что вы стояли по серединѣ между нами: не случись этого, между нами ровно ничего бы не было, какъ между двумя крайностями въ родѣ контрастовъ, и я бы потерялъ случай узнать лучше эту замѣчательную личность. Наконецъ, даже уѣзжая изъ Парижа, не могъ я покончить безъ того, чтобы не навязать еще на васъ непріятнаго наслѣдства—нѣсколькихъ хлопотливыхъ коммиссій, удѣливъ въ нихъ нѣкоторую часть и Бакунинымъ! Все это вмѣстѣ сдѣлало меня очень недовольнымъ собою при отъѣздѣ изъ Парижа.

Но надобно вамъ сказать, какъ сталось, что я, котораго вы, вѣроятно, предполагаете уже въ Авиньонѣ, двигаюсь впередъ черепашьимъ шагомъ. О томъ, какъ мы выѣхали, докладывать вамъ нечего; прибавить развѣ, что раза два потомъ подсаживали мнѣ сосѣдей, которые скоро опять высаживались, поспавъ нѣсколько часовъ добрымъ сномъ. Все остальное шло обыкновеннымъ порядкомъ, то-есть, насъ везли, а мы ѣхали. Я замѣтилъ только, что почему-то намъ все давали бѣлыхъ лошадей; только на другой день показалась примѣсь гнѣдыхъ. Потомъ еще изъ «Journal des Débats», который оставилъ мнѣ одинъ изъ моихъ набѣглыхъ сосѣдей, узналъ я, что въ тотъ самый день, въ который я выѣхалъ изъ Парижа, Марія-Христина въѣхала въ Парижъ. Все думалъ, какія бы вывести заключенія изъ этого обстоятельства, и не нашелъ ровно никакихъ. Значитъ, не изъ всего можно выводить слѣдствія. Обѣдать не давали намъ, по извѣстному обычаю, до восьмого часа... Тутъ я долженъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ. Почувствовавъ аппетитъ, я обратился съ вопросомъ къ сумѣ; я надѣялся найдти въ ней булку,

другую, что̀ вы, вѣроятно смѣясь, называли «колбасою». Опускаю руку, щупаю—представьте себѣ мое изумленіе: я нахожу цѣлое «тѣло». На меня напала робость, я смутился духомъ... Какъ? Цѣлую курицу (или я не зналъ, какое это было «тѣло») мнѣ на дорогу? Право, доброта Бакуниныхъ безъ числа и мѣры: не только она встрѣчаетъ васъ, угощаетъ, провожаетъ, но еще хотѣла бы даже и въ дорогѣ быть неразлучно съ вами въ тѣхъ же размѣрахъ. Я не знаю наконецъ, какъ мнѣ благодарить ихъ за эту доброту и за это радушіе: я просто остаюсь нѣмъ отъ изумленія. Но я долженъ досказать вамъ о животномъ тѣлѣ, найденномъ мною въ сумкѣ. Само собою разумѣется, что оно не могло болѣе избѣжать моихъ зубовъ, но только на другой день осмѣлился я наложить на него первую руку. За то цѣлый день, кромѣ кофе, не завтракалъ и не обѣдалъ, такъ что кондукторъ не зналъ, за кого меня принять — за скупого или за больного. Запасъ однако былъ такъ великъ, что превзошелъ мое прилежаніе.

Но довольно о немъ. Въ полночь другого дня были мы въ Шалонѣ, который впрочемъ я увидалъ ужь только на слѣдующій день утромъ съ парохода. До сихъ поръ, какъ видите, все хорошо; но тутъ начинается порядокъ вещей, который по крайней мѣрѣ нельзя назвать достойнымъ уваженія. Отъ 7 утра до 3 по полудни ѣдутъ отъ Шалона до Ліона: во все это время дулъ такой сильный противный намъ вѣтеръ, что у всякаго, кто только показывался на палубу, непремѣнно срывало голову. Боясь всего болѣе за свою, я принужденъ былъ оставаться внизу. Да впрочемъ, и путь былъ не такъ чтобъ куда какъ интересный, развѣ что съ Tournus (городъ) начинается романская архитектура, которой еще нѣтъ въ Шалонѣ (фасадъ Шалонской Nôtre-Dame напоминаетъ Парижскій). Сходя съ парохода, я очень радъ былъ узнать, что пароходы отправляются отсюда въ Авиньонъ каждый день. Такъ не хотѣлось бы мнѣ оставаться болѣе въ этомъ тоску наводящемъ Ліонѣ, который съ ногъ до головы или отъ первой улицы до послѣдняго переулка весь пропахъ индустріей и никакъ не можетъ выдержать инте-

ресности долѣе перваго знакомства. Бродя вечеромъ по городу, я наконецъ потерялъ къ нему всякій интересъ: на всемъ одна краска, одинъ типъ, одинъ характеръ, просто тоска беретъ! Слава Богу, что завтра же можно ѣхать!.. «Нѣтъ», отвѣчаетъ мнѣ гарсонъ въ гостинницѣ, когда я принялся за ужинъ,—«завтра нельзя; случился какой-то accident»... Оказалось, что даже и не accident: въ Ронѣ, видите, недостало бездѣлицы—воды! «Такъ можно ѣхать въ дилижансѣ?» «О, конечно, здѣсь три заведенія». Справляюсь утромъ въ заведеніяхъ: всѣ мѣста взяты... Итакъ, еще до завтра! Не правда ли, что нельзя было сдѣлать мнѣ лучшаго подарка, особенно въ Ліонѣ? Радъ или не радъ, а сиди у берега и жди погоды. Завтра сосѣди мои отправляются до Валанса съ однимъ пароходомъ, который идетъ (лишь туда) утромъ: хочу поѣхать съ ними, коли ужь на то пошло, чтобы двигаться по черепашьи...

Таковы, любезнѣйшій, мои маленькія мизеріи. Пишу вамъ объ нихъ, потому что въ настоящую минуту онѣ занимаютъ меня больше всего, и потому что у меня ничего еще не накопилось сказать вамъ болѣе интереснаго. Еще разъ благодарю васъ и вашихъ добрыхъ сосѣдей; поклонъ Бакунину. Много впрочемъ обо мнѣ не плачьте: свѣтитъ весеннее солнце. Прощайте! Сходите въ галерею и скажите послѣ мнѣ, что̀ найдете хорошаго.

P. S. Если случайно встрѣтите моего portier, скажите ему, чтобъ взялъ у прачки платки (2), которыхъ мнѣ не додали, и употребилъ ихъ на свою пользу. Вашъ К.

2.

Римъ. 1847, апрѣля 17-го.

Что̀ бы вы ни подумали, любезный Анненковъ, о моей неумѣренной болтливости, но мнѣ должно, непремѣнно должно писать къ вамъ еще разъ изъ Рима. И вы могли хоть минуту думать, что я не пойду на почту справиться о письмахъ? Этого со мной пока еще не случалось. Потому ужь 12-го апрѣля я имѣлъ ваше письмо въ рукахъ. То̀, что раз-

сказываете вы въ немъ о Нестроевѣ вызываетъ меня прежде всего на объясненіе — по весьма понятной вамъ причинѣ. Вопросъ нашъ—о замѣчаемой вами въ Нестроевѣ наклонности къ «катастрофической развязкѣ». Тѣмъ менѣе могу я видѣть въ этомъ замѣчаніи «скептическую замашку», что самъ давно смотрю на подобную наклонность, какъ на больное мѣсто. Словомъ, я нахожу, что ваше замѣчаніе чрезвычайно вѣрно, и могу прибавить, что если когда-нибудь намъ съ вами и доведется читать еще одну повѣсть подъ тою же фирмою, «катастрофическое окончаніе» мы въ ней найдемъ едва ли. Не то, чтобы впрочемъ я былъ вообще противъ всякой катастрофической развязки: тамъ, гдѣ добрый исходъ рѣшительно не возможенъ, она представляется сама собою, если хотите, какъ общее мѣсто, но неизбѣжное. Надобно только, кажется мнѣ, чтобы катастрофа являлась не какъ deus ex machina, но условливалась бы самою постановкою лицъ; да потомъ еще нуженъ сильный талантъ, чтобъ катастрофа вмѣсто драматическаго характера не приняла оттѣнокъ мелодраматическій. Понятно, что въ беллетристикѣ такого рода окончаніе опошливается очень скоро, особенно отъ частаго повторенія, и мой совѣтъ Нестроеву былъ уже и прежде: болѣе къ такого рода развязкѣ не прибѣгать. Показать женщину «въ простраціи душевныхъ силъ» было бы, безъ сомнѣнія, гораздо лучше и, можетъ быть, вѣрнѣе дѣйствительности; но не забудьте, что въ словахъ, которыя вы сказали, заключается потребность почти новаго развитія, на которое у иного недостало бы ни охоты, ни средствъ. Скрыть здѣсь усиліе, можетъ быть, было бы еще труднѣе... Потомъ я думаю, что дѣйствительность, нами видимая, не досказываетъ намъ всего; что есть еще, кромѣ данныхъ, мизеріи возможныя, естественно выходящія изъ порядка вещей, и которыя по тому самому имѣютъ право занять мѣсто въ повѣсти. Это было между прочимъ однимъ изъ побужденій дать такой конецъ повѣсти «Безъ разсвѣта». Вы говорите, любезный другъ, о «культурѣ женщины»: не отрицаясь отъ него, я впрочемъ долженъ замѣтить, что онъ ограничивается множествомъ условій, и что прежде

всего онъ мотивируется для Нестроева положеніемъ женщины русской, хотя, можетъ быть, иные могли бы думать именно на оборотъ. Мнѣ не пускаться передъ вами въ подробное развитіе причинъ, которыя привели меня къ такому взгляду на вещи. Въ повѣсти мнѣ хотѣлось главнымъ образомъ указать на то, что̀ въ этомъ положеніи есть фатальнаго, и потомъ въ заключеніе намекнуть по крайней мѣрѣ и на послѣднюю мизерію, какъ она возможна только у насъ. Въ повѣсти западной (скажемъ такъ) для женщины иногда есть еще выходъ изъ извѣстнаго положенія, выходъ, правда, очень тяжелый, но который не лишенъ нѣкотораго блеска поэтическаго, какъ все, что̀ внушается героизмомъ, хотя бы этотъ героизмъ выходилъ изъ истощеннаго терпѣнія: я разумѣю бѣгство ея изъ дому своего патрона. Перемѣните мѣсто дѣйствія, поставьте на мѣсто *а, в, с* Россію, и вы увидите, что здѣсь, подъ позоромъ общественнаго мнѣнія [1]), долженъ стереться и послѣдній оттѣнокъ героизма, и вся попытка обратиться лишь въ рядъ самыхъ грубыхъ, самыхъ прозаическихъ мизерій, гдѣ если что̀ можетъ поддержать интересъ вашъ къ дѣйствующему лицу, такъ это развѣ его крайняя безпомощность. То, что̀ вы нашли «катастрофой», есть только намекъ на это положеніе. Мысль моя, очевидно, мнѣ не удалась: иначе я не имѣлъ бы нужды послѣ повѣсти передавать вамъ ее еще разъ въ письмѣ. Но во всякомъ случаѣ я долженъ былъ объяснить вамъ, почему, не любя катастрофической развязки, я однако употребилъ нѣчто въ родѣ ея въ послѣдней повѣсти.

«Что̀ Римъ, что̀ Римъ?» спрашиваете вы. Какъ будто вы не знаете, что Римъ совсѣмъ не городъ, а музей, имѣющій видъ города, если хотите—городъ-музей съ улицами вмѣсто корридоровъ, съ базиликами и палаццо вмѣсто отдѣльныхъ кабинетовъ. Даже вышедши за ворота городскіе, все еще кажется часто, что не вышелъ изъ музея. А я вѣдь, право, думалъ до сихъ поръ, что Римъ — городъ! И потому для

---

[1]) Что̀ мнѣ за дѣло до того, изъ какихъ голосовъ составляется у насъ общественное мнѣніе!

меня было особеннымъ удовольствіемъ ощутить себя середи огромнаго музея. Съ этого времени я ужь болѣе и не спрашиваю объ «удобствахъ жизни»: кто хочетъ ихъ, пусть ѣдетъ въ городъ, а въ музеѣ что̀ за удобства? Довольно, что позволяютъ жить въ немъ. Не даромъ коллегія кардиналовъ при прежнемъ папѣ хотѣла, говорятъ, брать съ каждаго иностранца, пріѣзжающаго въ Римъ, восемьдесятъ скудъ, и почти можно бы дать имъ, если бы приказали почистить корридоръ, то-есть, улицы и уничтожить всѣ эти негодныя immondizie. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлыя двѣ недѣли бродилъ я по Риму (по старому больше, чѣмъ по новому), какъ по обширному музею; лишь понедѣльникъ и четвергъ проводилъ я поочередно то въ Ватиканѣ, то въ Капитоліѣ, гдѣ каждый разъ находилъ новыя «дива» (впрочемъ не только «Аполлонъ», но и ни самъ «Лаокоонъ» не приводятъ меня въ восторгъ и умиленіе; въ отношеніи къ нимъ я какъ-то оказался тугъ—не то что̀ въ отношеніи къ «Юнонѣ», «Минервѣ», «Юпитеру», «Нилу», «Амазонкѣ», «Гладіатору» и проч. и проч.) Во время этихъ походовъ я успѣлъ узнать до половины римскихъ церквей (на «Моисея»—увы!—до сихъ поръ не могу иначе смотрѣть, какъ на произведеніе странное); о Петрѣ нечего и говорить. Мнѣ оставалось узнать частныя галереи палаццо: я началъ съ Боргезе, и только что воротился домой въ неумѣренно горячемъ удовольствіи, какъ сквозь этотъ жаръ началъ проступать холодъ... На другой день оказалось, что гдѣ-то на распутьи, если не въ самой галереѣ, гдѣ я оставался слишкомъ долго, зацѣпила меня негодная римская лихорадка и приказала мнѣ не переходить порога. Я сначала не хотѣлъ сдаваться, но потомъ былъ принужденъ, и такимъ образомъ пропали ни за mezzo-bajocco два драгоцѣнные дня. Но побѣда по крайней мѣрѣ, кажется, одержана. На слѣдующей недѣлѣ думаю ѣхать въ Неаполь, чтобъ, воротившись во-время оттуда, прожить еще нѣсколько времени въ музеѣ. Леонтьевъ здѣсь, бодръ и здоровъ и у меня по прежнему, и кланяется всѣмъ вамъ; жаль, скоро ѣдетъ въ Нѣмечію.

NB. Есть впрочемъ въ Римѣ и театръ. Я смотрѣлъ «Ме-

ропу» Альфьери. Этотъ вечеръ по новости впечатлѣній былъ для меня цѣлымъ приключеніемъ. Мимо самаго автора, пустого и холоднаго, я нашелъ, что это совершенно новый родъ представленій, въ которомъ больше жестовъ и мимики, чѣмъ словъ. Какая неумѣренность въ крикахъ, вообще въ напряженіяхъ голоса, въ движеніяхъ, какой ледъ подъ всѣмъ этимъ внѣшнимъ дѣйствіемъ, и какой неумѣренный восторгъ публики! Все это такъ тяжело и странно, что кто былъ разъ, тотъ я думаю, уже не скоро пойдетъ въ другой. Кланяйтесь вашимъ добрымъ сосѣдямъ, Я—мъ, Бакунину. Относительно Бреславля—отчего бы, мой другъ, не прислать вамъ вѣсть ко мнѣ въ Берлинъ, гдѣ я непремѣнно долженъ быть въ іюнѣ? Я бы справился на почтѣ. Вашъ К.

3.

(Москва. Сентябрь 1847 года). Урочище Моросейка.

Дайте сказать вамъ хоть два слова, дорогой Павелъ Васильевичъ. Пишу въ вамъ у В. П. Боткина тотчасъ послѣ вкуснаго обѣда по-московски, тотчасъ послѣ услады нашего разговора все о ней же, все объ Италіи, о которой впрочемъ давно бы пора перестать говорить. Поклонъ мой вамъ и Бакунинымъ, которыхъ доброты ко мнѣ забыть не могу. Живите тамъ весело и поминайте иногда о насъ. А между тѣмъ вотъ вамъ и маленькое порученіе: вы были когда-то такъ добры, что взяли на себя остатокъ хлопотъ по конторѣ, которой я поручилъ переправить книги мои въ Петербургъ. Я надѣялся, что по возвращеніи моемъ найду книги если уже не въ Москвѣ, то хотя въ Петербургѣ. Выходитъ, что ихъ нѣтъ ни тамъ, ни здѣсь, и что нѣтъ о нихъ ни слуху, ни духу. Сдѣлайте же милость, справьтесь въ конторѣ, были ли книги отправлены въ настоящее время, и что̀ могло бы задержать ихъ такъ долго. Неужто я долженъ думать о конечной гибели не столько книгъ, но и бумагъ, съ ними вложенныхъ? Впрочемъ, и то, и другое никуда негодно. Вы не забудьте, любезный другъ, въ слѣдующемъ вашемъ письмѣ Василію Петровичу сказать объ этомъ пунктѣ два-три слова

Да хорошо, если припишите и фирму конторы, потому что я не помню ея имени... Бакунинымъ напишу въ скорѣйшемъ времени; сегодня только узналъ, куда можно писать къ нимъ. Скажите отъ меня поклонъ Бѣлинскому, если онъ еще съ вами въ Парижѣ. Вашъ Кудрявцевъ.

(Приписка В. П. Боткина). Только сегодня увидѣлся я съ Кудрявцевымъ, между тѣмъ какъ онъ уже болѣе двухъ недѣль въ Москвѣ. Онъ пришелъ ко мнѣ, словно убитый. «Что̀ съ вами, Кудрявцевъ?» «Да такъ, разныя семейныя обстоятельства». Эти семейныя обстоятельства его ужасно отдѣлали: глаза впали, лицо цвѣта пергамента. Кудрявцевъ не сообщителенъ, я не могъ отъ него ничего узнать, по всячески старался развеселить его и часа черезъ два немного успѣлъ. Изъ Европы попасть въ сферу духовную! А силы воли нѣтъ, чтобъ рѣшительно отдѣлаться отъ нея. И за это онъ дорого заплатитъ. Поселился онъ съ сестрой, у которой четверо дѣтей, за Москвой-рѣкой, чтобъ быть поближе къ отцу. Въ такихъ положеніяхъ juste-milieu никуда негодится. Addio.

VI.

ПИСЬМА М. А. БАКУНИНА.

1.

28 décembre 1847. Bruxelles, 12,
Montagne de la Cour.

Наконецъ добрался и до васъ, любезный Анненковъ. Брюссель не то, что̀ Парижъ; до сихъ поръ мнѣ все еще здѣсь какъ-то дико и холодно, не смотря на самый радушный пріемъ, особенно со стороны бельгійцевъ. Жизнь совсѣмъ другая—тѣсная, частная; домино и фаро (брюссельское пиво) процвѣтаютъ, впрочемъ и политика также, да во всемъ этомъ движеніи нѣтъ того, что̀ бы насъ могло непосредственно интересовать, не говоря уже объ увлеченіи:

здѣсь увлеченья нѣтъ, да и быть не можетъ, потому что нѣтъ той невидимой среды, той невидимой силы, которая въ Парижѣ пронимаетъ и поддерживаетъ каждаго, соединяя его со всѣми, какъ бы уединенно онъ ни жилъ. Жаль Парижа, жаль васъ всѣхъ; я здѣсь только узналъ, какъ я васъ всѣхъ люблю. Богъ знаетъ когда и гдѣ мы съ вами увидимся, но вѣдь мы не потеряемъ другъ друга изъ виду, не перестанемъ знать другъ объ другѣ,— не правда ли, Анненковъ? Мы становимся стары, кругъ нашъ не будетъ уже такъ легко расширяться, какъ въ молодости, и уединенье страшно.

Изъ поляковъ видѣлъ я Лелевеля, Скржнецкаго, графа Тишкевича и еще двухъ, которыхъ и называть не стоитъ. Исключая Лелевеля, съ которымъ я знакомъ уже съ давнихъ лѣтъ, всѣ другіе мнѣ какъ-то не симпатичны; они составляютъ особенную партію подъ предводительствомъ Тишкевича и довели мелкую ненависть и сплетни, эту общую болѣзнь всѣхъ эмиграцій, особливо польской, до высшей степени развитія. И не смотря на это, я, вѣроятно, скоро долженъ буду снова ораторствовать; покамѣсть не говорите объ этомъ, кромѣ Тургенева, никому; я боюсь, чтобъ черезъ Сазонова не узнали объ этомъ славянщики, а дѣло еще не совсѣмъ рѣшено. Можетъ статься, что меня и отсюда также прогонятъ,— пусть себѣ гоняютъ, и я буду тѣмъ смѣлѣе, чутче и мѣтче говорить. Вся жизнь моя опредѣлялась до сихъ поръ почти невольными изгибами независимо отъ моихъ собственныхъ предположеній; куда она меня поведетъ—Богъ знаетъ! Чувствую только, что возвратиться назадъ я не могу, и что никогда не измѣню своимъ убѣжденіямъ. Въ этомъ вся моя сила и все мое достоинство; въ этомъ также вся дѣйствительность и вся истина моей жизни; въ этомъ моя вѣра и мой долгъ, а до остального мнѣ дѣла нѣтъ: будетъ, какъ будетъ. Вотъ вамъ моя исповѣдь, Анненковъ. Во всемъ этомъ много мистицизма — скажете вы,— да кто же не мистикъ? Можетъ ли быть капля жизни безъ мистицизма? Жизнь только тамъ, гдѣ есть строгій, безграничный и потому и нѣсколько неопредѣленный

мистическій горизонтъ; право, мы всѣ почти ничего не знаемъ, живемъ въ живой сферѣ, окруженные чудесами, силами жизни, и каждый шагъ нашъ можетъ ихъ вызвать наружу безъ нашего вѣдома и часто даже независимо отъ нашей воли.

Пріемъ, сдѣланный мнѣ поляками, наложилъ на меня огромную обязанность, но вмѣстѣ показалъ и далъ мнѣ возможность дѣйствовать. Я знаю, милый Анненковъ, что вы относитесь ко всему этому нѣсколько скептически, и вы съ своей стороны правы; и я также переношусь иногда на вашу точку зрѣнья, но что жь дѣлать! Природѣ не измѣнишь. Вы — скептикъ, я — вѣрующій; у каждаго изъ насъ свое дѣло, но въ сущности мы всегда будемъ другъ съ другомъ симпатизировать, потому что, не смотря на всѣ различья, дѣло наше — одно.

Но довольно объ этомъ. Gigot вамъ кланяется. Марксъ treibt hier dieselbe eitle Wirthschaft wie vorher, портитъ работниковъ, дѣлая изъ нихъ резонеровъ. То же самое теоретическое сумасшествіе и неудовлетворенное, недовольное собою самодовольствіе. Вы не можете себѣ вообразить, какъ мнѣ по Рейхелѣ грустно; ходите къ нему иногда? Были ли вы у М. Ив.? Что Сазоновъ? Видѣли ли Хоткевича? Онъ, кажется, на пути измѣнить славянскому. Жена его здѣсь и, кажется, стала лучше. Впрочемъ, я избѣгаю видѣться съ нею часто. Какъ только будутъ деньги, пришлю вамъ сигары; теперь же нѣтъ ни копѣйки. Не имѣете ли какихъ-нибудь извѣстій о Ел. П.? Я ужасно боюсь за нее; дай Богъ, чтобъ она пережила эту зиму... Врядъ ли я съ нею увижусь, cette pensée me rend tout-à-fait triste, я къ ней глубоко привязанъ. Напишите ей и намекните о моемъ изгнаніи. Прощайте, не позабывайте и пишите мнѣ. Вашъ М. Б.

Здѣшніе журналы встрѣтили меня очень привѣтливо; вообще мое положенье сдѣлано. Теперь должно много работать. Не позабудьте прислать мнѣ «Современникъ», Тургенева три части и Шницлера. Послѣдній особливо мнѣ очень нуженъ. Вчера получилъ отъ Béranger премилое письмо; сегодня же буду отвѣчать ему.

2.

Cöln. 17-го апрѣля 1848 года.

Любезный другъ Анненковъ, я такъ спѣшилъ и забѣгался въ послѣднiй день въ Парижѣ, что не успѣлъ даже проститься съ вами и съ Тургеневымъ. Вы не можете себѣ вообразить, какъ мнѣ это было грустно, но въ послѣднее время я былъ какъ сумасшедшiй, не могъ ни прiйти въ себя, ни вздохнуть свободно; только здѣсь въ Германiи и, еще опредѣленнѣе, здѣсь только въ Кёльнѣ опомнился. Во Франкфуртѣ я все еще былъ какъ въ лихорадкѣ; здѣсь лихорадка невозможна, потому что, не смотря на все мнимое, кажущееся движенiе, здѣсь царствуетъ филистерское спокойствiе. Странная вещь! Большая часть Германiи въ безпорядкѣ, но безъ собственной революцiи, что̀ не мѣшаетъ Нѣмцамъ говорить, запивая рейнвейномъ: «Innere Revolution». Впрочемъ въ Берлинѣ, говорятъ, живѣе, а въ Баденъ-Баденѣ, безъ всякаго сомнѣнья, уже дерутся. Отсутствiе всякой централизацiи теперь ощутительнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Въ Ахенѣ (6 часовъ ѣзды отъ Кёльна) вотъ уже два дня какъ работники отчаянно дерутся противъ bourgeoisie, а здѣсь мертвое спокойствiе; правда, что клубовъ и здѣсь много, гдѣ нѣмецъ съ гордостью пользуется безопасностью слова,— но революцiи здѣсь рѣшительно нѣтъ. Во Франкфуртѣ было гораздо живѣе и опять будетъ живо въ маѣ мѣсяцѣ, когда соберутся депутаты со всѣхъ сторонъ Германiи. Я познакомился тамъ, по крайней мѣрѣ, съ пятидесятью живыми, энергическими и влiятельными демократами и подружился особенно съ тремя: съ Jakobi изъ Кёнигсберга, съ графомъ Рейхенбахъ изъ Силезiи и съ отставнымъ поручикомъ артиллерiи Willich, выгнаннымъ изъ прусской службы за распространенiе коммунистическихъ мыслей. Послѣднему ввѣрено теперь начальство надъ соединенною революцiонерною армiей баденскихъ крестьянъ и нѣмецкихъ выходцевъ изъ Парижа и Швейцарiи; тамъ и нашъ другъ Гервегъ теперь дѣйствуетъ; объ немъ я ничего не слышалъ... Бѣда, если имъ не удастся, потому что реакцiя хотя

и сломана, но обломки ея еще являются вездѣ и грозятъ безпрестанно; теперь сильны не короли и не князья, но bourgeoisie, которая отчаянно отвергаетъ республику, какъ ведущую за собою соціальные вопросы и торжество демократіи. Впрочемъ, республика въ Германіи неминуема: старая власть вездѣ рушится, вездѣ лишена инициативы; анархія безъ революціи — вотъ положеніе Германіи, и только республика можетъ стать на мѣсто убитаго и обруганнаго Германскаго союза и дать единство, этотъ идеалъ всякаго нѣмца, Германіи. Deutsche Einheit — вы не можете себѣ вообразить, сколько глупостей наговорено уже на эту тему. Въ продолженіе этихъ четырнадцати дней нѣмецъ много говорилъ и хочетъ, чтобъ все, что онъ говоритъ, было напечатано. Что живо въ Германіи, это начинающій двигаться пролетаріатъ и крестьянское сословіе; здѣсь будетъ еще революція страшная, настоящій потокъ взрывовъ; потокъ этотъ смоетъ съ лица земли развалины стараго міра, и тогда доброму, говорливому Bürger'у будетъ плохо, очень плохо. Симптомы этой революціи уже вездѣ показываются: денегъ мало, покупателей еще менѣе, фабрики останавливаютъ работы, и работники безъ работы съ каждымъ днемъ умножаются. Демократическая революція начнется здѣсь никакъ не позже двухъ или трехъ мѣсяцевъ; теперь предводители ея организуютъ мало по малу свои силы и стараются ввести единство въ революціонерное движеніе цѣлой Германіи; есть умные, дѣльные люди, и они дѣйствуютъ хорошо. Филистеръ же теперь занимается тремя вещами: вопервыхъ, онъ готовится къ выборамъ въ германскій парламентъ, который долженъ открыться 1-го мая во Франкфуртѣ и долженъ рѣшить, какую форму правленья будетъ имѣть Германія: «Republik oder Monarchie»; вовторыхъ, принимаетъ всѣ возможныя мѣры противъ народа, вооружается со страхомъ пополамъ, и втретьихъ, высылаетъ молодыхъ людей противъ Даніи для спасенья нѣмецкихъ братьевъ in Schleswig und Holstein; это Schleswig-Holstein'ское движеніе совершенно реакціонное; во главѣ его Прусскій король: «Es soll bewissen werden das die Könige auch für

die deutsche Herrlichkeit und für die Würde der Deutschen grossen Nation sorgen!» И странная вещь! Нѣмецъ объявляетъ Шлезвигъ нѣмецкою землею, не смотря на то, что половина народонаселенія тамъ состоитъ изъ датчанъ; и въ Позенѣ, гдѣ нѣмецъ поселился насильственно, всякою неправдой и всѣми подлыми средствами, филистеръ не хочетъ признать . . . . права поляковъ. Вообще позенскіе нѣмцы ведутъ себя самымъ подлымъ образомъ, что̀ вамъ впрочемъ должно быть извѣстно изъ газетъ; для насъ это хорошо.

Теперь нѣсколько словъ обо мнѣ: я сижу здѣсь пять дней въ ожиданіи своихъ вещей изъ Брюсселя,— но вещи не пришли и сегодня вечеромъ отправляюсь въ Берлинъ. Въ Берлинѣ пробуду не болѣе двухъ дней и оттуда прямо въ Позенъ. Сказать ли вамъ, Анненковъ: чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ становится мнѣ грустнѣе и страшнѣе...

(Конецъ письма не сохранился).

VII.

ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА и Н. А. ГЕРЦЕНЪ.

1.

Римъ. 5-го марта 1848 года.

Наконецъ-то старуха проснулась и начала писать. Жду отъ тебя вѣстей; вѣроятно, ни ты, ни Гервегъ никуда не поѣдете; вѣроятно тоже, что къ осени переберусь и я. Революціи мѣняютъ ежедневно видъ Европы и мои планы путешествія; теперь я собираюсь опять въ апрѣлѣ въ Неаполь, оттуда въ Палермо и оттуда въ Марсель, когда будетъ жарко. Новости изъ Парижа здѣсь были приняты френетически; вчера въ театрѣ Apollo были горячія демонстраціи: «Viva la Francia liberata! Viva Parigi! Vivo il nuovo governo francese!» Доселѣ Франція была исключена изъ всѣхъ

демонстрацій. Поздравляю, поздравляю [1]) — разумѣется, съ предстоящимъ праздникомъ Свѣтлаго Воскресенья.

Твое письмо я нашелъ здѣсь. Я писалъ къ тебѣ изъ Неаполя о потерѣ портфеля; по милости того, что теперь тамъ нѣтъ полиціи, я его отыскалъ: пропалъ только кредитивъ, но Торлоніа увѣрилъ, что никто не займетъ по немъ; а потому это дѣло въ сторону. Скажи Гервегу, что я хорошо знакомъ съ редакторомъ «Italico» Spini, но ни онъ, ни другой редакторъ Pinto не слыхивали о клапдестинномъ журналѣ «Ibis» и говорятъ, что, вѣроятно, этотъ журналъ издавался въ Тосканѣ, а не здѣсь.

Теперь—къ общимъ дѣламъ.

Я въ Неаполѣ пробылъ 25 дней. Представь себѣ, что̀ изъ этого рая сдѣлали еще новыя событія! Одинъ вечеръ останется у меня въ памяти. Я пріѣхалъ до конституціи; народъ сомнѣвался, публика была мрачна; приходитъ день, назначенный королемъ: конституціи нѣтъ; все становится безпокойнѣе, вѣсти изъ Сициліи мрачны, въ театрѣ поютъ гимнъ, и все молчитъ. 11-го въ три часа подписалъ король конституцію, въ пять площадь передъ Francesco di Novlo покрылась народомъ: хотѣли знать подтвержденія. Король явился на балконѣ, и «Viva il re artifazionale!» было вопросомъ; онъ снялъ шляпу и поклонился въ поясъ, à la lettre—въ поясъ; тогда какой-то энтузіазмъ охватилъ весь городъ; еще не совсѣмъ смерклось, когда все явилось съ зажженными факелами. Незнакомые люди жали мнѣ руку на улицахъ, обнимались люди съ раскраснѣвшимся лицомъ; другіе, обливаясь слезами, кричали: «Viva la libertà!» Остальные дни были офиціально торжественны, но энтузіазма не было.

Вообще характеръ неаполитанцевъ какой-то растлѣнный, я сравниваю Неаполь съ куртизанкой, а Римъ — съ матроной; оттого-то въ Римѣ все величественнѣе и скучнѣе. Неаполитанцы до того изъерились, что пѣсню о Masaniello поютъ на голосъ «Jo ben ti voglio assai». Симпатіи къ Сициліи у нихъ нѣтъ, а между тѣмъ это — народъ героевъ, и

---

[1]) Слова «поздравляю, поздравляю» написаны рукой Н. А. Герценъ.

что̀ за твердость! Ружеръ Сеттиліо — государственный человѣкъ, не поддался Фердинанду ни на одну уловку: какъ временное правительство поставило вопросъ, не уступаетъ ни іоты: отдѣльный парламентъ, въ общихъ вопросахъ рѣшать равнымъ числомъ сицилійцевъ и неаполитанцевъ, не держать солдатъ неаполитанцевъ на островѣ, вице-короля, совершенно отдѣльное управленіе.

Минто въ Неаполѣ и серъ Паркеръ съ тремя чудовищными линейными кораблями стоитъ передъ носомъ у короля, каждую зорю напоминая о себѣ пушкой. Я видѣлъ въ Неаполѣ «Ромео». A propos, 5-го февраля были выпущены всѣ арестанты изъ Sant-Elmo и Castel del Oro (политическіе), имъ давали спландидный обѣдъ въ café Europa, потомъ водили по Толедѣ, потомъ въ San-Carlo, гдѣ имъ приготовили мѣста. Remue-mènage да и только. Здѣсь въ редакціи «Italico» былъ одинъ неаполитанецъ-refugié, который едва живъ, и котораго прежній префектъ хотѣлъ выслать изъ Рима за либерализмъ, но Чичероваккіо пошелъ къ префекту и сказалъ ему, что если онъ вышлетъ его, то онъ, Чичероваккіо, приведетъ его назадъ, а что въ антрактѣ префекта народъ уведетъ вонъ изъ Рима. Тотъ перепугался и оставилъ. Сей господинъ пріѣхалъ за день до меня въ Неаполь (à propos, дилижансы объявили, что они даромъ доставляютъ всѣхъ refugiés). Король предложилъ ему тотчасъ мѣсто губернатора въ Калабріи, но онъ сказалъ, что имѣетъ въ виду лучшее — мѣсто депутата въ оппозиціи.

Министерство въ Неаполѣ слабое и вялое, оно же пало. A propos, здѣсь теперь министромъ полиціи графъ Gaetano Teano, президентъ политическаго клуба Circolo Romano, молодой человѣкъ и литераторъ. Вслѣдствіе всего сего полиціи вовсе нѣтъ. Одушевленіе здѣсь серьезнѣе. Ждутъ послѣзавтра манифестъ о конституціи, на улицахъ уже кричатъ: «Viva la costituzia che sarà data!», «Viva la costituzia di Pio Nono!» Здѣсь даютъ ежедневно балетъ, въ которомъ является Австрійскій императоръ на сценѣ, а это сигналъ крику: «Corragio, Lombardia! Abbasso, Tedeschi!» и императора заставляютъ кланяться папской бандіерѣ въ

землю, при страшныхъ вociферацiяхъ: «Giù, giù!» Представь, какъ это больно для моихъ нервовъ, привыкнувшихъ къ порядку.

Италiанцы славные люди, и не такъ отталкиваютъ иностранцевъ, какъ французы 47 года, de l'ancien regime, то-есть, — ибо 48-хъ мы не знаемъ. A propos, Чичероваккiо меня спрашивалъ: сколько дней надобно ѣхать отъ Константинополя до Сибири? Его возили здѣсь въ колесницѣ съ Корсини и Боргезе. Онъ завелъ свой клубъ, болѣе демократическiй, нежели Circolo Romano. Я ничего не дѣлаю, въ душѣ какое-то безпокойство и радость съ тоской.

Ты, я думаю, знаешь, что наши москвичи подали въ отставку. Дѣло это хуже, нежели началось; я наконецъ узналъ, что Уваровъ сообщилъ графу Строганову бумагу, въ какомъ духѣ желаютъ измѣнить преподаванiе въ Московскомъ университетѣ. Графъ Строгановъ ее положилъ подъ сукно, и его отставили за это. Голохвастовъ публиковалъ сiю милую бумагу. О Костромѣ знаю, но объ агентахъ, кажется, пуфъ. Увидимъ реакцiю всего бывшаго. 30,000 войскъ нашихъ отправились (говорятъ здѣсь навѣрное) занимать Галицiю, пока австрiйцы будутъ заниматься въ Ломбардiи.

Скажи Гервегу, что стыдно ѣздить въ Андалузiю теперь, совсѣмъ напротивъ — всего лучше оставаться на мѣстѣ или проѣхать въ Палермо и вмѣстѣ отправиться въ Парижъ. Что-то Пруссiя? Даже есть датская конституцiя, чудеса! Нашъ вѣкъ на половинѣ хочетъ доказать, что и въ немъ не чортъ умъ съѣлъ.

6-го марта.

Вчера огромная демонстрацiя на улицахъ въ пользу fratellanza съ Францiей. Чудесно устраиваютъ римляне этого рода праздники! Во всемъ величавость, торжественность и сила. Между прочимъ несли адресъ папѣ, въ которомъ было сказано, что великiя событiя во Францiи не дозволяютъ медлить ни минуты, что пора объявить свободныя учрежденiя, достойныя народа. Говорятъ, завтра, то-есть, въ первый постный день, объявится.

Италіанцы ужасно близки къ республикѣ, и тосканцы съ римлянами впереди. Здѣсь республика будетъ иная—никакой централизаціи федералистско-муниципальной и демократической. Римъ — нравственный узелъ, но не столица; онъ даже по отсутствію торговли, жизненности, по положенію не можетъ быть столицей; Генуя, Палермо, Болонья, Неаполь, Ливорно и Флоренція — великіе граждане, но у нихъ слишкомъ много мѣстничества, имъ надобно почетнаго старѣйшину, и этотъ старѣйшина — Римъ. Сейчасъ услышалъ, что въ Неаполѣ король запертъ во дворцѣ; каждая минута приноситъ что-либо новое.

Напиши скорѣе о себѣ; спроси у Боне, гдѣ его убили; напиши, какъ на счетъ русскихъ, что̀ посольство, какъ паспорты; все это мнѣ очень нужно.

Пиши: «confiée aux soins de m-r Torlonia», потому что если я уѣду, онъ перешлетъ; я полагаю остаться здѣсь не долѣе 1-го апрѣля. Смотря по обстоятельствамъ, или въ Питеръ, или къ вамъ.

2.

(Парижъ. 12-го ноября 1848 года).

Дни три тому назадъ получили мы ваше посланіе, Анненковъ, и оно, какъ всѣ другія съ вашей стороны, легло густымъ туманомъ на грудь; и представилась глазамъ живая картина: двое, трое сидятъ за чайнымъ столомъ, и второй-то или третій — вы закуриваете зѣвая сигаретку, два, три слова скажутъ и замолкнутъ; тишина, темнота, а дождьто льетъ, льетъ.... Нельзя сказать, чтобы и у насъ погода была хороша, на сію минуту — 12 часовъ, то-есть, полдень 12-го ноября 1848 года — снѣгъ валитъ клочьями, снѣгъ бѣлый, а внизу грязь, черная грязь, а между верхомъ и низомъ бьютъ барабаны, бьютъ что есть силы, чтобъ заглушить горе и радость при появленіи на свѣтъ конституціи. Александръ забѣгалъ домой выпить коньяку и пошелъ опять смотрѣть на праздникъ, на которомъ, кромѣ мундировъ, ничего нѣтъ, что̀ приводитъ иныхъ въ негодованіе, какъ будто

оно не логично и какъ будто не хорошо. Что касается до меня, я, какъ Ной, спасаюсь отъ всѣхъ треволненій въ моемъ ковчегѣ, то-есть, дѣти и проч.... Пробовала и я море сѣчь—не слушается; ну, я и предоставила его на волю вѣтрамъ буйнымъ. Помните, какъ мы съ вами умирали пять дней къ ряду,—ну, что жь это помогло въ жизни?... Я дѣлаюсь страшною эгоисткой, Анненковъ, хотѣла бъ просто въ какомъ-нибудь уголкѣ Италіи жить и наслаждаться, и не думать ни о чемъ—ужь очень наболѣло! Съ семьей Гариса видаемся часто: то мы пойдемъ погрѣться у ихъ камина, то они придутъ погрѣться у нашего; знаете, диваны по обѣимъ сторонамъ, а по срединѣ у нихъ и у насъ лежитъ Тургеневъ на полу и полусоннымъ голосомъ спрашиваетъ: «А знаете еще вотъ эту игру?» На дняхъ какъ-то проговорили о васъ мы втроемъ—я, Тургеневъ и Emma—почти весь вечеръ, и мнѣ такъ что-то стало жаль, что васъ нѣтъ.

Такъ, пророчество ваше сбылось, и «Она погибла»! Жаль! Пишите, что̀ вы дѣлаете и что̀ будете дѣлать въ деревнѣ, и довольно ли у васъ денегъ. Сигаретки ваши у меня вышли, но я купила еще ящикъ въ память вамъ, и курю чаще, чѣмъ прежде, будто теплѣе—глядя на огонекъ. Если это письмо застанетъ васъ въ Москвѣ, поклонитесь всѣмъ друзьямъ, да напишите о всѣхъ. Ребятишки мои васъ цѣлуютъ. За что жь вы Тату называете капризной? Я обижаюсь. Къ занятіямъ Саши прибавилось еще столярное мастерство, которому онъ ходитъ учиться три раза въ недѣлю; скоро еще прибавится физика. Учитель его также добръ и также тупъ; онъ играетъ важную роль и не имѣетъ свободной минуты. Коля выговариваетъ много новыхъ словъ, они еще въ Champs-Elysées и проведутъ тамъ зиму; весной хотѣлось бы dahin, dahin, wo die Citronen blühen.... Ахъ, старый, добрый другъ! Много пустяковъ я вамъ наболтала; воображаю, что вамъ сдѣлаетъ это удовольствіе, а то бъ и не наболтала. Особенно поклонитесь Марьѣ Ѳедоровнѣ. Ну, прощайте жь, вашу руку. Nathalie.

6-го декабря.

Чувствую и понимаю, что не стоитъ посылать этотъ старый, заваленый листокъ, но не могу себя лишить наслажденья обвинить Александра въ томъ, что письмо провалялось и замаралось, обвинить его и доказать, что съ моей стороны все было сдѣлано. Да и лишній трудъ переписывать. Прибавлю только, Анненковъ, что наша Тата была очень больна, что мы перенесли съ Александромъ мучительныя сутки; теперь она выздоровѣла. Общество у насъ все то же. Emma все собиралась писать вамъ и все еще собирается. Тургеневъ бѣдный боленъ безпрестанно; и онъ хотѣлъ писать вамъ, и все еще хочетъ. Если вы будете въ Москвѣ во время представленія его комедіи «Нахлѣбникъ» (которая мнѣ ужасно нравится), напишите мнѣ эфектъ, слѣдствіе и проч., какъ на своихъ, такъ и на чужихъ. Да пишите къ намъ какъ можно больше, да пріѣзжайте къ намъ какъ можно скорѣе. Прощайте! В. П. Боткинъ такъ мало берегъ свое здоровье, что доктора обѣщаютъ ему двухлѣтнюю болѣзнь; братъ его все еще боленъ. Такъ что жь, сбылось пророчество? «Она погиб»—ла? Жму крѣпко вашу руку. Nathalie.

Городъ Лютеція. Девятнадцатое столѣтіе, шестыхъ декабрей 48 года.

Гнѣвный другъ!
Грозный другъ!
Не писалъ я къ тебѣ
И боюся писать....

потому именно, что разбранилъ меня въ твоемъ послѣднемъ письмѣ, отчего мало, отчего немного, отчего нѣтъ новостей, отчего нѣтъ древностей,— а самъ все знаетъ. Я вообще разучился писать письма и полагаю, что переписка больше нужна для магнитизма, для оживленія физіологической связи лицъ, безъ которой нѣтъ истинной дружбы. Гдѣ ты? Въ Москвѣ или въ Симбирскѣ, гдѣ бы ни былъ, но поздравь себя, что ты на пять тысячъ верстъ удаленъ отъ пошлыхъ выборовъ. Я живу теперь на Магдалиновскомъ бульварѣ

только шагъ за вороты—и толпы бонапартистовъ съ стихами и прозой, а возлѣ карикатуры на Луи Бонапарта. Оружія, на которыхъ сражаются кандидаты, презабавныя и дѣлаютъ большую честь деликатности и благородству. Къ концу декабря узнаемъ. Безъ драмъ и драки не обойдется.

У насъ дома все какъ слѣдуетъ. Тата было круто занемогла, но болѣзнь перервана; впрочемъ она еще не совсѣмъ здорова. Иванъ Сергѣевичъ крѣпко страдаетъ своею вѣчною болѣзнію. Я занимаюсь видимо немного, но внутренно мнѣ все яснѣе и яснѣе становится то литературное воззрѣніе, которое тебѣ несовсѣмъ нравилось, но которое измѣнить невозможно: такъ оно очевидно. Я не знаю, читалъ ли ты статейку «Новый годъ»—довольная удачная, это pendant къ «Передъ грозой»; таковая жь пишется—«Праздникъ», Philosophie юмора и Desperazio—съ дальними свѣтленькими надеждами. Прощай! Опять немного, а ты-то и побѣди да и напиши преграмотно...

Фредерику деньги сполна отданы. Сейчасъ пріѣхалъ Миллеръ и кланяется.

VIII.

ПИСЬМА Н. А. НЕКРАСОВА.

С.-Петербургъ. 30-го сентября 1850 года.

Любезнѣйшій и многоуважаемый Павелъ Васильевичъ! Пишу къ вамъ хоть и поздно, да за то теперь могу сказать не только, что получилъ съ благодарностію и напечаталъ съ радостію ваше «Письмо», но и прибавить, что «Письмо» это рѣшительно всѣмъ нравится и въ IX № «Современника» составляетъ вещь самую замѣтную. Оно и дѣйствительно хорошо по моему мнѣнію, и что еще важнѣе—всегда было бы хорошо, не только въ 1850 году. Форма, избранная вами, есть не только ваша настоящая, но притомъ она же теперь и самая—какъ бы сказать?—удобная. Выставьте въ заглавіи этой же вещи разсказъ или повѣсть... Да что много тол-

ковать! На IX № набрали мы двѣ повѣсти, одну—Сальясъ, другую—Дружинина, но отъ нихъ не осталось и слѣда,

Какъ отъ любви ребенка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной...

Вашъ ходебщикъ да еще два, три лица въ вашихъ прежнихъ «Письмахъ» есть нѣчто капитальное, что̀ останется отъ теперешней русской литературы, отъ которой, вообще говоря, останется крайне мало. Это настоящіе русскіе типы изъ народа, которымъ мелочныя погрѣшности въ народномъ языкѣ не помѣшаютъ жить долго. Чутье въ публикѣ на это имѣется, и мнѣ не одинъ человѣкъ уже говорилъ о послѣднемъ вашемъ «Письмѣ», что это и повѣсть, да и нѣчто лучше всякой повѣсти.

Новостей литературныхъ болѣе-то, кажется, и не имѣется. Въ той же IX-й книжкѣ замѣтили вы, вѣроятно, статью о Ѳеофрастѣ, въ своемъ родѣ прекрасную, а остальное, какъ сами видите, все обстоитъ благополучно. Того же ждите и впредь: очень хорошія «Записки объ Аварской экспедиціи на Кавказѣ» и тамъ же будетъ статья Галахова объ Измайловѣ-журналистѣ—хорошая. Повѣсти будутъ дрянныя. Лѣтомъ былъ у насъ Тургеневъ, чему я очень обрадовался; на мои глаза онъ нисколько не перемѣнился и все такой же милый человѣкъ, какъ былъ. Теперь онъ у себя въ деревнѣ. Слышалъ я, что онъ окончательно разсорился съ своею матушкой; скоро будетъ сюда. Написалъ онъ и прислалъ небольшую вещицу: хороша да неудобна. А вы скоро ли сюда будете? Если не скоро, то хоть присылайте еще «Писемъ». Объ этомъ прошу преусердно. Если будете скоро, то не поработаете ли для обозрѣнія литературнаго за 1850 годъ?

Тютчевъ и Языковъ здравы. Въ началѣ сентября прибылъ Панаевъ и привезъ изъ Москвы много анекдотовъ. Авдотья Яковлевна тоже недавно воротилась изъ-за границы. Больше на этотъ разъ писать не буду, а если что̀ явится интересное, то напишу. Будьте здоровы. Душевно вамъ преданный Н. Некрасовъ.

2.

С.-Петербургъ. 16-го ноября 1850 года.

Павелъ Васильевичъ! Ни слуху, ни духу отъ васъ и объ васъ; спрашиваютъ то и дѣло друзья ваши одинъ другого: нѣтъ ли вѣсточки? Нѣтъ и нѣтъ! Мы здѣсь поживаемъ по старому. Пріѣхалъ Тургеневъ (уже давно), написалъ два разсказа, которые найдете въ XI № «Современника». Одинъ изъ нихъ «Пѣвцы» — чудо! И вообще это отличная поправка бѣдному «Современнику», который въ нынѣшнемъ году не можетъ-таки похвалиться беллетристикой. Пишетъ Григоровичъ, что шлетъ мнѣ новую повѣсть, но какова—не знаю. Вотъ и всѣ наши литературныя новости. Да, еще! Противъ насъ сдѣлалъ сильную вылазку Краевскій въ X № «Отечественныхъ Записокъ» — статейка подловатая, нѣчто въ родѣ битья по карманамъ. Мы въ XI № «Современника» помѣстили посильное опроверженіе. Интересно бы знать, какъ такія вещи принимаются тамъ, у васъ, гдѣ вы теперь находитесь.

Поджидалъ я отъ васъ новаго «Провинціальнаго Письма»: нѣтъ и нѣтъ! Что, не разсердились ли вы? Впрочемъ, васъ разсердить трудно, да и «Письмо» послѣднее напечатано, кажется, хорошо. Пожалуйста, если не лѣнь, напишите «Письмо» на 1-ю книжку. Сроку еще довольно. Лишь бы поспѣло сюда хоть къ 15-му декабря.

Всѣ ваши друзья здоровы и кланяться вамъ велѣли. Масловъ не такъ давно задавалъ намъ обѣдъ великолѣпный... Да! Мы еще недавно провожали Краснокутскаго въ «Волынію» и очень изрядно напились на Средней Рогаткѣ, гдѣ происходилъ обѣдъ, при чемъ Языковъ произнесъ очень трогательно двустишіе:

Какой предались мы тоскѣ и унынію,
Узнавъ, что полковникъ нашъ ѣдетъ въ Волынію!

И вообще было много забавнаго,—только обѣдъ былъ вовсе незабавенъ: гадость неслыханная! Желаю вамъ никогда такъ не обѣдать и остаюсь душевно вамъ преданный Н. Некрасовъ.

3.

(С.-Петербургъ). 24-го января 1854 года.

Добрѣйшій Павелъ Васильевичъ! Разсчитавъ на вашу статью во 2-мъ № «Современника», я жажду имѣть ее въ рукахъ; въ понедѣльникъ она будетъ очень нужна. Желалъ бы до этого времени съ вами увидѣться; не будете ли такъ милы: не пожалуете ли къ намъ въ воскресенье обѣдать? Будетъ между прочимъ Тургеневъ. Вашъ Н. Некрасовъ.

4.

(С.-Петербургъ. Конецъ января 1854 года).

Любезный Павелъ Васильевичъ! Ваша статья очень хороша, и Тургеневъ долженъ вамъ въ ножки поклониться— не за то, что вы похвалили его, а за то, что написали о немъ статью, которую всѣ прочтутъ. Корректуру по прочтеніи пришлите ко мнѣ. Вашъ Некрасовъ.

5.

(С.-Петербургъ). 12-го января (1855 года).

Павелъ Васильевичъ! Приходите завтра ко мнѣ обѣдать; будутъ Бекетовъ, Писемскій и еще кое-кто; вы необходимы. Вотъ вамъ билетъ на «Современникъ». Завтра разочтемся въ деньгахъ за статьи. Вотъ вамъ два послѣдніе листа. Принесите мнѣ завтра полный экземпляръ біографіи Пушкина, я начну о ней писать. Вашъ Н. Некрасовъ.

6.

Римъ. $\frac{6\text{-го}}{18\text{-го}}$ декабря 1856 года.

Любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ! Въ затруднительномъ или непріятномъ случаѣ, гдѣ нужно пособіе другого, самъ собою рѣшается вопросъ: на кого можно положиться? Вы, и никто болѣе, пришли мнѣ на память, когда я подумалъ: кто мнѣ можетъ объяснить въ точномъ видѣ мѣру непріятностей, вызванныхъ моимъ стихотвореніемъ «Поэтъ и гра-

жданинъ». Согласитесь, что мнѣ это нужно знать въ отношеніи къ «Современнику»—(въ которомъ я—по убѣжденію своему и Тургенева — не нашелъ удобнымъ помѣстить это стихотвореніе, какъ и нѣкоторыя другія, явившіяся въ книгѣ; а зачѣмъ я его помѣстилъ въ книгѣ—это не касается никого, кромѣ меня, равно какъ зачѣмъ его перепечатали въ «Современникѣ»—касается другихъ,—спросите!), въ отношеніи къ дальнѣйшимъ моимъ писаніямъ и даже въ отношеніи ко мнѣ лично. Объясните же мнѣ — будьте другъ — весь ходъ дѣла съ его послѣдствіями, уже совершившимися и тѣми, которыя, можетъ быть, надо ждать. Я васъ объ этомъ прошу именемъ моего безпокойства, которое застигло меня очень не кстати—въ жару работы. 39 дней я трудился съ небывалою еще во мнѣ энергіей, постоянствомъ и, кажется, удачей; но теперь не знаю, хватитъ ли силъ и духу кончить вещь, которая, быть можетъ, заслужила бы ваше одобреніе. По крайней мѣрѣ не буду въ состояніи приняться, пока не выйду изъ неизвѣстности. Въ отдаленіи все принимаетъ большіе размѣры, и я же болѣлъ. Но хоть бы эти размѣры и точно были велики, я — не ребенокъ; я зналъ, что̀ дѣлалъ. Книга моя вся висѣла на волоскѣ, и мнѣ приходилось или сжечь ее, или поступить, какъ поступилъ я; выбору не было. Напишите мнѣ и о томъ, какъ ее приняла публика. Ваше слово для меня важно. Я пришлю вамъ свою поэму и тогда напишу больше. Будьте здоровы. Душевно васъ любящій Н. Некрасовъ.

Мой адресъ: Piazza di Spagna, № 32.

IX.

ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА.

I.

23-го ноября 1852 года.

Анненковъ! Посланный мой отдастъ вамъ при семъ 25 р. сер., за которые я васъ страшно благодарю. Дѣла мои идутъ благополучно. Сейчасъ ѣду въ Алатырь. Благодарю

васъ за наше знакомство. Я васъ люблю, Анненковъ. Веселитесь! Помните ее, мою idée fixe. Огаревъ.

2.

Тальская фабрика, Корсунскій уѣздъ. 6-го ноября 1853 года.

Любезный Анненковъ! Богъ васъ знаетъ, гдѣ вы и что̀ вы, а узнать бы хотѣлось! Что вы въ наши края не ѣдете и не пишете? Мы оба васъ ждемъ съ нетерпѣніемъ. Вотъ вамъ порученіе: справьтесь, гдѣ Соколовъ и что онъ? (Справиться можно въ домѣ министерства юстиціи: Караванная или Малая Садовая, въ квартирѣ Топильскаго). 1) Я хочу знать, что̀ сдѣлалось съ Соколовымъ, 2) я ему давалъ порученія очень нужныя, о которыхъ имѣю необходимость получить отвѣтъ. Анненковъ, умоляю васъ, исполните это порученіе, потому что оно для меня страшно нужно. Больше не имѣю времени ничего писать,—только ради Herr Gott, исполните мое порученіе. Оба мы искренно жмемъ вамъ руки. Вашъ Огаревъ.

Приписка Н. А. Огаревой. Вотъ вамъ ноты, которыя вы просили; пріѣзжайте къ намъ, tante Pauline; весело вспоминать съ вами прошлое, невозвратимое. Прощайте, дайте руку, только не будьте такимъ англичаниномъ.

3.

(Тальская фабрика). 15-го декабря 1853 года.

Любезный Анненковъ! Благодарю васъ за хлопоты и за милое письмо. Похлопочите еще разъ о Соколовѣ; уговорите его уѣхать къ намъ,—иначе вѣдь его положеніе будетъ не возможно. Мы теперь одни на фабрикѣ. Благодарю и за извѣстіе объ моемъ дѣлѣ; я уже подумалъ, что надо хлопотать не иначе, какъ лично. Когда рѣшите печатаніе Пушкина и поѣдете въ нашу сторону, гдѣ мы до весны, пріѣзжайте же. Я вамъ въ другой разъ и больше напишу, но справивъ величайшую корреспонденцію въ духѣ debet и cre-

dit, усталъ какъ собака; ergo не сѣтуйте на глупость сего письма или, лучше, записки. Кашперовъ уѣхалъ въ Петербургъ и поселяется на Невскомъ въ домѣ Петропавловской церкви въ квартирѣ Марціуса. Страшно жаль, что я съ нимъ не видѣлся; письма наши разошлись. Ну! Обнимаю васъ крѣпко. До слѣдующаго письма. Вашъ Огаревъ.

Приписка Н. А. Огаревой. Не сердитесь, Анненковъ, за то, что мы васъ такъ мучаемъ; вотъ еще письмо къ Соколову; заставьте его намъ отвѣчать, это очень нужно. Мы его уговариваемъ пріѣхать въ отпускъ къ намъ: онъ отдохнетъ, а можетъ, и займется здѣшними дѣлами; во всякомъ случаѣ можно безъ него хлопотать объ мѣстѣ; вы видите, что его двухлѣтнее пребываніе въ Петербургѣ ничего не подвинуло; напротивъ, съ каждымъ днемъ дѣла его запутываются больше и больше. Заведите какъ-нибудь разговоръ объ деревнѣ и, не говоря ни слова объ нашемъ письмѣ къ вамъ, старайтесь его уговорить, если найдете, что мы справедливы. Я назвала васъ англичаниномъ, потому что за вашимъ добродушіемъ скрывается большая гордость. Прощайте, напишите еще разъ объ Соколовѣ; очень мучительно знать его въ такихъ тискахъ. Ваша N.

4.

(Тальская фабрика). 16-го декабря 1853 года.

Я вамъ вчера такъ коротко написалъ, Анненковъ, и сегодня такъ живо васъ вспомнилъ, что мнѣ захотѣлось съ вами поговорить. Не имѣя никакихъ извѣстій отъ людей самыхъ близкихъ, я чувствую, что мнѣ становится больше грустно, чѣмъ когда-нибудь. Когда проходятъ часы индустріальныхъ занятій и настаютъ часы отдыха, мы страдаемъ a due, по крайней мѣрѣ большею частью страдаемъ. Жизнь идетъ неровно: иногда и расхохочешься надъ какою-нибудь глупостью, но вѣдь это не надолго, а тоска идетъ долго, долго и мучительно. Говорятъ, что грустить a due есть верхъ блаженства. Не спорю! Для романтическихъ изліяній, гдѣ грусть безотчетна, это и правда или, можетъ быть, правда.

А тамъ, гдѣ грусть отчетна, это становится горе. А горе a due, это, выражаясь математически, горе въ квадратѣ. Горько за нихъ, горько за нее, горько за себя etc... Формула эта представитъ такой безконечный рядъ данныхъ, что вѣкъ проживешь, не добившись уравненія. Жизнь проходитъ точно жизнь ученаго кота у лукоморья:

> Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
> Налѣво—сказку говоритъ.

А замѣтьте, что вѣдь онъ все ходитъ по цѣпи кругомъ. Гдѣ же выходъ?

Вотъ, напримѣръ, Турецкая война. Съ какою жадностью читаешь газеты! Какъ радуешься русскимъ побѣдамъ! Сердце русское трепещетъ отъ восторга! Это пѣснь. А вотъ сказка: надо отдать двухъ рекрутъ. Я пріѣхалъ въ деревню къ тѣмъ порамъ, какъ отсылать ихъ. Спрашиваю бурмистра: кто, что̀ и какъ, чтобъ не подвергнуть, знаете, рекрутству порядочнаго человѣка. «Вотъ», говоритъ бурмистръ,—«это воръ, мошенникъ — потому-то и потому-то, надо бы ихъ вонъ». Хорошо, бурмистръ человѣкъ хорошій, а я ихъ не знаю. Срокъ приходитъ. Послалъ—приняли. Результатъ: рекрутъ по справкамъ скорѣе дурной, чѣмъ хорошій человѣкъ. Но вѣдь и я скорѣе дурной, чѣмъ хорошій человѣкъ, и не въ укоръ будь вамъ сказано, и вы скорѣе дурной, чѣмъ хорошій человѣкъ, и всѣ такъ. А у него осталась жена съ маленькою дочерью, да отецъ-старикъ. Говорятъ, что они дурно жили вмѣстѣ: можетъ — да, а можетъ — нѣтъ! Во всякомъ случаѣ я сдѣлалъ варварство неумышленно. Ну, что жь? Проглотилъ я эту сказку ради пѣсни. Это маленькій кругъ ученаго кота, а дальше пойдешь по большему радіусу; все равно выходитъ что̀ пѣсня, что̀ сказка, что направо, что налѣво. А вѣдь надо же добиться выхода. Это круженіе у лукоморья около стараго дуба невыносимо.

Выходъ — богатство. Я вотъ весной самъ пріѣду хлопотать о моемъ дѣлѣ. Вы понимаете, что это о наслѣдствѣ послѣ моей покойной жены. Терять мнѣ не хочется. Надо бы покамѣсть узнать, къ кому адресоваться и какъ. Отсюда то очень мудрено. А вѣдь мнѣ, право, некогда. Надо за-

казывать машины въ Бельгіи; надо ознакомиться съ важнѣйшими иностранными конторами, чтобъ имѣть право на скупку и вывозъ за границу туземныхъ товаровъ, въ чемъ я надѣюсь сдѣлать большія пріобрѣтенія. На все надо время, разъѣзды, переговоры, хотя и скучные, да что жь изъ этого? Поскучаемъ, да и добьемся своего. Тогда можно удвоить фабрикацію или завести новую. Я до сихъ поръ считаю Россію не менѣе выгодною для спекуляціи, какъ Индія или Калифорнія, — лишь бы имѣть коммиссіи на вывозъ. Знаете, что на каждой заячьей шкуркѣ можно нажить франка 1,50? Слѣдственно, на 10 тысячахъ шкурокъ 15 тысячъ франковъ пользы. А если ихъ представить 100 тысячъ? Да что̀ говорить! Одна пшеница даетъ милліоны по обороту безъ употребленія капитала, только чтобъ устроить отношенія съ иностранными торговыми домами. Вотъ это пѣснь кота. А сказка—начать искъ по наслѣдству. Чтобъ пѣснь и сказка не были одно и то же, надо знать, куда подать искъ. Поговорите съ какимъ-нибудь повѣреннымъ, я въ юриспруденціи хотя не совсѣмъ невѣжда, но тутъ, можетъ быть, однихъ судебныхъ инстанцій мало,—надо приняться за административныя.

5-го января 1854 года.

Перечитывалъ письмо и рѣшаюсь послать его, надѣясь на вашу discrétion, savoir-comprendre et savoir-faire. Да! Узнайте только, гдѣ мнѣ начать искъ. Оно не то, чтобъ извѣстить меня тотчасъ же, а при свиданьи. Увидимся или у меня на фабрикѣ, или весной въ Питерѣ. Нужно мнѣ также имѣть тарифъ на вывозъ товаровъ за границу; потрудитесь мнѣ достать его. Прилагаемую записку доставьте Соколову. Ал. Ал. былъ у его двоюродныхъ, и дѣло шло, какъ я ему пишу. Окончательный раздѣлъ имѣнья отложенъ до.... Лучше бы ему самому пріѣхать. Ужасно хотѣлось бы васъ видѣть. Каншерову напишу недѣли черезъ полторы длинное музыкальное посланіе. Крѣпко жму вамъ руку. Nathalie дѣлаетъ idem.

Что это за чудеса печатаются въ «Отечественныхъ За-

пискахъ», напримѣръ, «Дорожныя сцены?». Вѣдь это изъ рукъ вонъ плохо! А что такое «Три поры жизни»? Если читали, скажите. Ну, addio! Некогда! Ваше здоровье — на новый годъ!

Анненковъ, письмо къ Соколову—о раздѣлѣ наслѣдства послѣ его дяди, то потрудитесь не замедлить доставленіемъ. Извините, что я васъ тормошу; такъ вѣрится, что вы потормошитесь дружелюбно.

5.

(Тальская фабрика). 9-го февраля 1854 года.

Давно собираюсь къ вамъ писать, Анненковъ, да такъ много дѣлъ, что просто жизнь въ тягость. И нѣтъ, не лежитъ сердце къ индустріи ради барыша. Становится невыносимо скучно. Если иногда и заинтересуетъ что-нибудь, такъ-сказать, сердечно, то это случается, когда есть какой-нибудь научный запросъ; а чаще всего его нѣтъ, и результатъ тотъ, что оный запросъ для фабрикаціи мало полезенъ, а то, что полезно, скверно и входитъ въ разрядъ мошенничества, къ чему я начинаю привыкать. Пожалуйте и освободите меня изъ этого положенія. Не могу я сжиться съ нимъ и едва ли на ономъ поприщѣ принесу какую-нибудь пользу. Пишите, что вы могли сдѣлать, но положительно, хладнокровно, чтобы ни въ чемъ не ошибиться.

Желалъ я послать Кашперову ноты и желаю, чтобъ вы ихъ у него прослушали. Это больше актъ самолюбія или пристрастія къ музыкѣ. Но что бы то ни было, пожалуйста исполните, ибо я желаю знать достовѣрно, что это=0, или—, или пойдетъ по плюсу. Знаете ли, что это становится для меня серьезнымъ вопросомъ—то ли по бездарности, то ли по игноранціи, а во всякомъ случаѣ по самолюбивой страсти къ музыкѣ.

Посылаю вамъ повѣсть, но это между нами секретъ. Написала ее одна сосѣдка, дѣвица Варвара Александровна Ушакова. Пишетъ она съ ошибками, такъ что Наташа переписывала послѣ моихъ орѳографическихъ поправокъ. Мнѣ это

нравится. Тутъ есть характеръ и жаръ сердечный. Языковъ (но вы ему не говорите объ этомъ) имѣлъ оную повѣсть и представлялъ ее—тамъ есть NB ценсора. Увидите, если можетъ теперь пройдти, то пустите въ «Отечественныя Записки». Я не думаю, чтобъ вамъ было скучно прочесть,—иначе бы не послалъ вамъ; а въ самомъ дѣлѣ есть тутъ что-то привлекательное. Посмотрите и напишите ваше мнѣніе. А если можно взять за оную штуку сколько-нибудь денегъ, тѣмъ лучше, ибо барышня, добрая барышня, имѣетъ въ нихъ большую нужду.

Благодарю васъ за стихи Тютчева—ей Богу хорошо! Хотя нельзя писать nocturno на совершенное diurno, но я постараюсь, ибо это меня занимаетъ.

Посылаю вамъ свои стихи старые. Мнѣ не нравятся, а другимъ нравятся. Напишите мнѣ о нихъ ваше мнѣніе и сдѣлайте изъ нихъ что̀ хотите, лишь бы не для «Современника», ибо личность мѣшаетъ. Кстати, я очень хорошо чувствую, что не могу писать какъ прежде, но послѣдніе мои стихи въ «Отечественныхъ Запискахъ» были не дурны. Панаевъ нашелъ, что мой голосъ ослабѣлъ. Если бы я это сказалъ, это была бы правда, а онъ это объявилъ только потому, что въ мой послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ онъ не слыхалъ моего голоса.

Вы говорите, что стихи Тютчева выше всей Лермонтовской поэзіи. Нѣтъ, Анненковъ! Нѣтъ того sui generis склада, никому иному не принадлежащаго, который есть у Лермонтова и составляетъ особенность, производящую сильное впечатлѣніе. А по мысли много выше. А вотъ какъ я прочелъ въ «Современникѣ» письмо Лермонтова съ стихами довольно плюсъ-минусъ, то подумалъ: что̀ за жалкое содержаніе въ человѣкѣ! Бояться не быть великимъ человѣкомъ! Да какъ по̀шло! У кого не бывало въ извѣстныя минуты высокомѣрія, а это просто раздраженіе самолюбія. Я бы никогда не опубликовалъ онаго письма, тѣмъ болѣе, что самъ его авторъ никогда о публикаціи не думалъ. Я нахожу, что это не хорошо со стороны издателей, ибо это спекуляція, падающая пятномъ на человѣка умершаго и слишкомъ даровитаго, чтобъ шутить имъ ради барышей.

Обнимаю васъ, Анненковъ, и жду отъ васъ скораго отвѣта. Снесите мои ноты поскорѣе къ Кашперову. Эта нелѣпость меня волнуетъ. Наташа крѣпко жметъ вамъ руку и засыпаетъ на сію минуту. Вашъ Огаревъ.

6.

(Тальская фабрика). 16-го марта 1854 года.

Спасибо вамъ за письмо, Анненковъ. Нѣтъ, мнѣ не надо фаты-морганы, но тѣмъ не менѣе страшно больно и страшно страшно. Время идетъ; не говорю о внутреннемъ страданіи, но развѣ смерть не прекращаетъ лучшихъ отношеній?.. Вдумайтесь въ эту тему и попробуйте подумать обо мнѣ съ участіемъ; тогда вамъ живо предстанетъ все положеніе, и... и что̀ же будетъ? Будетъ вамъ самому неловко; а тамъ жизнь развлечетъ, какъ бы ни была скудна радостью. Вотъ и все!

Спасибо вамъ за прочтеніе повѣсти. Я согласенъ, что положеніе горничной слишкомъ исключительно и потому идеально. Если и можетъ быть, то какъ случайность, а не выражаетъ общаго характера горничной. На счетъ графини я не совсѣмъ вашего мнѣнія; это не только нравственный уродъ и не только исключеніе, а случай, такъ часто повторяемый, что можетъ выразить жизнь людей извѣстнаго разряда; сами же вы нашли тутъ «варварскую ошибку чего-то». Я послалъ, надѣясь на случайность, и только, и полагая, что сколько ни неопытна рука, а впечатлѣніе было бы весьма moralisch. Разувѣрять г-жу Ушакову я не стану, но ваше мнѣніе скажу прямо, находя, что натура довольно здоровая, чтобъ не сконфузиться и продолжать работать, тѣмъ болѣе, что она уже сама собою дошла, какъ вы совѣтуете, до выбора предмета поздоровѣе и работаетъ.

Спасибо и за мнѣніе о моихъ произведеніяхъ, съ которымъ я вполнѣ согласенъ. Я бы желалъ, чтобъ послѣдняя вещь была напечатана, тѣмъ болѣе, что это былъ бы случай редактору отъ себя сдѣлать подстрочное примѣчаніе. Вотъ въ чемъ дѣло: Имя мое знакомѣе читателямъ, чѣмъ имя однофамильцевъ, и потому мнѣ у однофамильцевъ не хочется отнимать чести ихъ произведеній; а именно: въ ли-

тературномъ прибавленіи «Московскихъ Вѣдомостей» № 21-й, февраля 18-го, помѣщено превосходное, исполненное высокихъ чувствъ стихотвореніе подъ заглавіемъ «Россія и ея враги» и подписано: Николай Огаревъ. Къ сожалѣнію, это не мое стихотвореніе, и я не хотѣлъ бы отнять у моего тёзки честь онаго. Если можно, придумайте оговорку въ этомъ духѣ отъ лица редактора.

Я все былъ боленъ, Анненковъ, и шибко боленъ. Насилу всталъ съ постели и поправляюсь. Занятъ фабрикаціей до утомленія, счетами, экономіей и перестройками; томитъ это меня, но я тружусь для цѣли, для которой можно поустать,—для богатства! Не смотря на все индустріальное труженичество, я чуть было не послалъ вамъ стишки, но нашелъ ихъ скверными и отложилъ въ сторону. Теперь занятъ другими, которые, надѣюсь, будутъ хороши и посвящены вамъ; но такъ какъ вещь довольно объемистая, то ближе мѣсяца не дойдетъ до васъ. Будете ли вы еще въ Питерѣ? Если будете, то пришлю и попрошу напечатать дѣйствительно; меня увлекаетъ это занятіе, не смотря на всю урывочность. Потомъ еще начата задушевнѣйшая прозаическая вещь подъ заглавіемъ: «Письма деревенскаго медика». Лучше, если васъ поскорѣе не будетъ въ Питерѣ, а будете у насъ. Пора! Скоро захочется вамъ сказать:

> Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
> Разсказать, что солнце встало,
> Что оно горячимъ свѣтомъ
> По листамъ затрепетало.

Пріѣзжайте-ка и привозите экземпляръ «Пушкина» на мой счетъ. А я ничего не знаю лучше выше приведеннаго стихотворенія Фета, то-есть, первыхъ двухъ строфъ; остальныя можно и забыть.

Что̀ же Островскій сказалъ на счетъ моей неопытной руки въ музыкальномъ отношеніи? Меня это интересуетъ, какъ интересуетъ ребенка разыгравать роль большого человѣка. Жму руку Островскому. Кашперовъ въ Симбирскѣ и писалъ мнѣ. Я ему все еще не отвѣчалъ, потому что онъ хочетъ пріѣхать, а мы не одни, помѣщеніе плохое, и бу-

детъ ему невыносимо скучно; а хочется его видѣть, а дорога портится! Экая ералашь!

Говорятъ, что въ Пензу назначенъ губернаторомъ Игнатьевъ. Правда ли это? Ну, прощайте! Крѣпко жму вамъ руку.

Большой Тиберій въ Курскѣ, а маленькій пишетъ самъ.

Приписка Н. А. Огаревой. Отъ чего же я Тиберій, о премудрый Анненковъ, зачѣмъ вы опять меня укольнули? А я была такъ расположена тонуть въ сердечныхъ изліяніяхъ, хотѣла даже вамъ писать, что мнѣ очень хочется васъ видѣть, и не то чтобъ спорить съ вами, а такъ дружески пожать вашу руку; право не худо бы вамъ пріѣхать въ эту глушь; здѣсь не то чтобъ скучно, а скорѣе грустно, и я думаю, что тутъ мы бы меньше ссорились, чѣмъ въ Петербургѣ; но впрочемъ ручаться не хочу: вы такъ умѣете меня сердить или дразнить, хоть и не на долго. Огаревъ очень занятъ фабрикой, но еще больше занятъ ея улучшеніемъ; ваше письмо его очень сбило въ его надеждахъ; признаться, и на меня оно произвело нехорошее впечатлѣнье, но можетъ, скоро дѣла фабрики поправятся, и вы порадуетесь нашему счастью.

На Соколова я готова напасть съ вами; онъ нехорошо поступилъ и съ вами, и съ нами, но отчего? Я не могу этого понять. Онъ знаетъ однако, что намъ нужно знать, что̀ съ нимъ дѣлается, и хоть бы слово сказалъ! А противъ себя я не могу подать вамъ руку и увѣрена, что вы и не требуете такого самоотвеженія отъ меня. Чѣмъ я Тиберій? Жду отвѣта.

На счетъ тетради г-жи Ушаковой я съ вами во многомъ согласна: положеніе исключительное, обстановка слишкомъ проста, и вездѣ проглядываетъ неопытная рука автора.

До свиданья! Дайте вашу руку, и если будете писать, то пишите въ Корсунь на Тальскую фабрику, а то ваши письма долго лежатъ въ Саранскѣ. А я думаю, что имъ тамъ очень скучно, хотя почтмейстеръ самъ изъ Петербурга. N.

А вѣдь мы должны бы помириться; на то есть одна причина; если вы не догадаетесь, то я вамъ ее скажу, когда увидимся здѣсь втроемъ.

7.

(Тальская фабрика. Средина 1854 года).

Этотъ отрывокъ посылаю вамъ, потому что онъ мнѣ лично приходится по душѣ, и потому весьма желалъ бы знать о немъ ваше мнѣніе, а потомъ посылаю и потому, чтобы вы видѣли тонъ всего стихотворенія, то-есть, посланія къ вамъ, и сказали бы, можетъ ли оно быть напечатано съ пользой и удовольствіемъ для читателя. Тонъ русскій, то-есть, иронически-печальный. Можетъ, это и старо, а природно. Лица, которыя хочется тутъ вывесть,—гадкія, добродушныя, пустыя, и одно—порядочное, но безполезное. Можетъ быть, многіе послѣднюю мысль примутъ за ложь, но если вы сообразите всю обстановку, то невольно убѣдитесь, что это правда. Прощайте, Павелъ Васильевичъ, спать пора!

Если захотите напечатать «Охотника», то въ «Отечественныхъ Запискахъ». Есть ли устрицы въ Петербургѣ?

8.

Старое Акшино. 21-го декабря 1854 года.

Вотъ я и опять давно не отвѣчалъ вамъ, любезный Анненковъ, и опять я не виноватъ. Все время жилъ на фабрикѣ, гдѣ, не не увеличивая ни мало, четверть часа свободнаго не выищется, чтобъ заняться вещами, которыя были бы по сердцу, и время уходитъ на борьбу съ неаккуратностью русскаго работника и contre-maître въ фабричномъ дѣлѣ, въ которомъ единственное спасеніе — точность и уваженіе къ машинамъ. И все это дѣлается не ради стяжанія богатства, а ради удовлетворенія кредиторовъ. Не будь этого, я бы съ восторгомъ согласился на самое скудное достояніе, лишь бы имѣть свободу дѣлать, что̀ хочется. Вотъ я пріѣхалъ къ Сатину, у котораго только что родился третій сынъ. Пробуду здѣсь съ недѣлю. Въ это время стараюсь не думать о моихъ дѣлахъ и о фабрикѣ и потому спокойно могу писать къ вамъ. Кстати еще слово о моихъ дѣлахъ. Письмо Каролины Карловны, которое я сегодня прочелъ въ «Современ-

никѣ» (ноябрьская книжка), совершенно меня озадачило и привело почти въ отчаяніе. Ужь не написать ли мнѣ протестъ въ «Современникъ»? Какъ же она говоритъ, что она отдала свое послѣднее—свой стихъ. А мои-то 30 тысячъ серебромъ? А? Я-то чѣмъ тутъ виноватъ? Справьтесь хотя черезъ контору Языкова, точно ли ея стихъ—ея послѣднее? И не нужно ли мнѣ подать прошеніе въ С.-Петербургскій уѣздный судъ?

Спасибо вамъ за ваше милое письмо, Анненковъ. Впередъ пожалуйста не сердитесь на меня за долгія молчанія, въ которыхъ виноваты дѣла, а не я, и пишите, когда время есть. Вѣдь въ нашей сторонѣ живого слова не услышишь, и передъ глазами только трагикомическія явленія разныхъ добродушно и недобродушно уродливыхъ личностей. Можетъ быть, и въ большихъ городахъ то же, но наши типы мнѣ пріѣлись, и потому скучно. Впрочемъ и наши типы возсоздать въ какомъ-нибудь литературномъ произведеніи было бы дѣло хорошее, и подъ часъ я имѣю къ этому сильный позывъ, да некогда. Авось ли недолго помаюсь, и придетъ время отдыха, и тогда, можетъ, выйдетъ что-нибудь порядочное. Моего посланія къ вамъ, изъ котораго послалъ вамъ отрывокъ, еще не кончилъ, хотя и принимался нѣсколько разъ; но признаюсь, до такой степени урывчатая работа мнѣ не по силамъ.

Вы пишете, Анненковъ, что мысль убиваетъ искусство и женщину. Позвольте быть не совсѣмъ согласнымъ. Или вы не точно выразились, или это у васъ остатокъ теорій болѣе неопредѣленныхъ, чѣмъ онѣ могутъ казаться съ перваго взгляда, когда имъ не дѣлаешь серьезнаго запроса. Что̀ мы назовемъ мыслью? Если мысль есть логическій выводъ наблюденій, то она ничего не убьетъ—ни искусства, ни женщины; напротивъ того, послужитъ къ ихъ развитію. Если же художникъ въ композиціи или женщина въ жизни не совладаетъ съ мыслью, и произведеніе и жизнь выразятся въ формѣ натянутой, придуманной съ усиліемъ, холодной, не живой, то или мысль была не понята, или недоставало таланта или умѣнья совладать съ нею. Виновата не мысль, а ограниченность лица, или какія-нибудь патологическія дан-

ныя. Зачѣмъ же вы у художника и женщины, ради теоріи, хотите отнять право на умственное развитіе? Ну, такъ вычеркните «Фауста» изъ литературы: онъ первый мнѣ пришелъ въ сію минуту на память. Отсутствіе женственности у женщины происходитъ не отъ мысли, а отъ ложныхъ пониманій, ложныхъ страстей и т. д., а совсѣмъ не отъ мысли. Отсутствіе женственности (то-есть, доброты и граціи) бываетъ и при совершенномъ тупоуміи. А признайтесь, что большая часть непосредственностей (говоря языкомъ теорій) съ лѣтами изъ граціи переходятъ въ пошлость. Зачѣмъ же такъ воевать съ мыслью? Не лучше ли вину свалить на ограниченность талантовъ, то-есть, не гораздо ли это будетъ вѣрнѣе? Ломоносовъ очень умный чловѣвъ, но взять сюжетомъ пользу стекла показываетъ отсутствіе таланта. Такъ и со многими философскими одами. Въ одѣ Державина талантъ не совладалъ съ темой, а не мысль убила ее. А перечтите-ка «Die Macht des Gesanges», и вы не найдете, чтобы мысль убила произведеніе. Оно прекрасно, потому что талантъ совладалъ съ формой. Также и въ моемъ «Охотникѣ» не мысль убила его, а то, что я не совладалъ съ темой. Я думаю, Анненковъ, что этотъ взглядъ будетъ повѣрнѣе. Какъ вы найдете? Напишите.

Неужто вы думаете, что есть двойство между мыслью и сердцемъ? Послѣднее слово также трудно опредѣлить, но оно понимается. Опредѣлить трудно, потому что совмѣщаетъ очень много элементовъ. Двойство можно только найти между сердцемъ и плутовскимъ разчетомъ. Но мысль логическая, откровенная, слѣдовательно, совпадаетъ съ сердцемъ,— только умѣй найти ей настоящее выраженіе. Всякую тяжесть можно поднять, да не у всѣхъ одинаковая сила.

Пишите, Анненковъ, что̀ у васъ новаго; присылайте Пушкина, если напечатанъ. Пишите по прежнему въ Корсунь. У насъ мятель; вѣтеръ такъ и свищетъ въ окны; зябнется. Настроеніе какое-то печальное. Много хлопотъ, пока удается взглянуть на свѣтъ Божій. Наташа жметъ вамъ руку; цѣлый день нянчилась съ дѣтьми и теперь дремлетъ. Дѣти у Сатина славныя, только что шумъ и крикъ до сихъ

поръ преслѣдуетъ мои уши. Я нахожу, что дѣти какъ бубны — славны за горами.

Каковъ Соколовъ-то? Не отвѣчалъ. Отдалъ ли онъ мои книги Коршу? Тамъ есть два выпуска «Physiologisches Wörterbuch», принадлежащіе Өедору Владиміровичу Вешнякову, который теперь товарищъ предсѣдателя уголовной палаты въ Ярославлѣ. Пожалуйста кланяйтесь Коршу и попросите переслать ихъ по сему адресу. Мнѣ ужасно совѣстно передъ Вешняковымъ. Что это Коршъ не сошелся съ «Москвитяниномъ»? Это глупо. Я думаю, опасенія были фантастическія. А дѣло-то было бы и ему понутру. Прощайте, милый Анненковъ, будьте здоровы и пишите. Вашъ Огаревъ.

Кашперовъ въ Симбирскѣ проводитъ зиму. Да, онъ хорошій малый. Этого мало, Анненковъ, онъ чрезвычайно благородный человѣкъ. Это я вамъ скажу по опыту.

9.

(Тальская фабрика). 3-го іюня 1855 года.

Давно я къ вамъ не писалъ, любезный Анненковъ, а вы сами, конечно, не вздумаете написать. Впрочемъ, оба мы въ хлопотахъ: вы—съ наборщиками, а я—съ фабричными. Вамъ все же весело, честь вамъ и слава! Біографію я читаю съ увлеченіемъ. Это великое дѣло съ вашей стороны, Анненковъ! Будьте за это gesegnet. А я тружусь все съ одинаковою безплодною скукой на фабрикѣ. Дошло было дѣло до совершеннаго разоренія, то-есть, описи (это unter uns), и я какъ-то помолодѣлъ, предвидя, что скоро можно перестать быть индустріаломъ-мученикомъ. Но теперь — увы! — опять дѣла поправляются, и надо допить эту чашу до конца, то-есть, пока добрый человѣкъ купитъ. Если у кого есть 120 тысячъ сер. денегъ, тотъ смѣло можетъ купить за 100 тысячъ, оставить на фабричный расходъ 20 тысячъ и получить доходу 20 тысячъ серебромъ. Но этотъ человѣкъ какъ Абдель-Кадеръ: il faut savoir le prendre. Кашперовъ, который теперь у меня, сказывалъ, что вы въ концѣ іюня будете въ наши края. Вотъ отчего вмѣсто длиннаго посланія, которое

я намѣревался вамъ писать, пишу коротенькое,— лишь бы оно васъ застало. Я при длинномъ посланіи хотѣлъ послать вамъ давно начатое и недавно конченное, вамъ посвященное, стихотворное quasi-письмо, изъ котораго вы помѣстили отрывокъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Это большое, одно изъ любимыхъ чадъ моихъ, удерживаю теперь у себя до вашего пріѣзда, чтобы обсудить его во всѣхъ отношеніяхъ. Оно содержитъ 16 страницъ, ergo очень можетъ быть, что кое-что прійдется выкинуть или измѣнить. Меня это чадо очень утѣшаетъ; тѣмъ больше хочется вамъ показать его, да къ тому жь я вашему вкусу больше вѣрю, чѣмъ своему. Но какъ и когда мы увидимся? Вопервыхъ, отъ Промзина ко мнѣ 40 верстъ, и вы почти не сдѣлаете крюку по дорогѣ въ Симбирскъ. Но, вовторыхъ, я, вѣроятно, 18-го іюня уѣду въ Рязань и вернусь къ 5-му іюля на фабрику. Сообразите все это, Анненковъ. Какъ хочется увидѣть васъ, услышать живое слово, повѣрить свои мнѣнія о многомъ сильно занимающемъ, можетъ—поспорить. Во всякомъ случаѣ я и Nathalie призываемъ васъ на фабрику и ожидаемъ съ нетерпѣніемъ. Напишите что̀ и какъ, если только это письмо васъ застанетъ. Я посылаю его на махъ, оттого и кончаю его, не смотря на то, что хочется болтать. Да вдобавокъ говорятъ, что скоро часъ ночи, то-есть, утро, ergo спѣшу отправить и опочить.

Однако не терпится послать вамъ небольшую пьесу. Если захотите, напечатайте, если не по вкусу — оставьте. Вотъ она. Напишите, какъ вамъ покажется.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ вечернемъ сумракѣ долина
Синѣла тихо за ручьемъ,
И запахъ розы и ясмина
Благоухалъ въ саду твоемъ.
Въ кустахъ прибережныхъ влюбленно
Перекликались соловьи...
Я близъ тебя стоялъ смущенный,
Томимый трепетомъ любви.
Уста отъ полноты дыханья
Остались нѣмы и робкій;

А сердце жаждало признанья,
Рука—пожатія руки...
Пусть этотъ сонъ мнѣ жизнь смѣнила
Тревогой шумной пестроты,
Но память вѣрно сохранила
И образъ тихой красоты,
И садъ, и вечеръ, и свиданье,
И нѣгу смутную въ крови,
И сердца жаръ, и замиранье,
Всю эту музыку любви.

За симъ прощайте, Анненковъ; жму вамъ крѣпко руку, Наташа тоже. Авось ли до скораго свиданья? Вашъ Огаревъ.

10.

(Тальская фабрика). 24-го іюня 1855 года.

Благодарю васъ за письмо, Анненковъ. Но мнѣ все невзгода. 15-го іюня фабрика сгорѣла, то-есть, кромѣ дома и села. Тысячъ на 100 серебромъ убытку. Сегодня Nathalie заболѣваетъ, кажется, корью.

Тотъ жалокъ, кто подъ молотомъ судьбы
Поникъ испуганный безъ боя,—
Достойный мужъ выходитъ изъ борьбы
Въ сіяньи гордаго покоя...

Увѣдомьте, когда ѣдете. Я не знаю, гдѣ буду. А встрѣтиться надо. Вашъ Огаревъ.

11.

(Саранскъ). 15-го іюля 1855 года.

Любезный Анненковъ! Болѣзнь Nathalie оказалась, слава Богу, не важною: просто крапивная лихорадка, которую по силѣ припадка мы хотѣли было принять за корь. Теперь мы переѣхали къ Сатину. Пишите на мое имя въ Саранскъ (Пензенской губерніи). Очень хочется васъ видѣть. Гдѣ, какъ и когда — это мнѣ необходимо знать. Nathalie жметъ вамъ руку. Только и пишу сегодня. Отвѣчайте же поскорѣй. Tout à vous.

Говорятъ, Мельгуновъ ѣдетъ за границу. Когда и какими путями? Освѣдомьтесь для моего свѣдѣнія.

12.

(Старое Акшино). 10-го августа 1855 года.

Любезный Анненковъ! Уже изъ Москвы пишутъ, что вы поѣхали въ Симбирскъ. Анненковъ, умоляю васъ, отвѣчайте мнѣ въ городъ Саранскъ Пензенской губерніи, гдѣ я въ деревнѣ Сатина, въ 30 верстахъ отъ Саранска: гдѣ вы и гдѣ увидѣться съ вами? Сюда ли вы пріѣдете, въ Саранскъ ли пріѣдете, или какъ? Я прошу свиданья по тремъ причинамъ: 1) желаю васъ видѣть, 2) нужно о многомъ переговорить, 3) по возвращеніи Сатина, то-есть, около 10-го сентября, я уѣду въ Питеръ. Nathalie вамъ кланяется и хочетъ васъ видѣть. Жду вашего отвѣта съ нетерпѣніемъ. Вашъ Огаревъ.

Распечатываю—добавляю: всего лучше, если пріѣдете сюда въ Старое Акшино Сатина. Всѣ вамъ будутъ рады. Жизнь спокойная и независимая. Садъ—мое любимое мѣсто! Куда бы хорошо, еслибъ вы пріѣхали! А ну! Эдакъ пожалуй разъѣдемся, и Богъ вѣсть, свидимся ли. Мнѣ неловко ѣхать въ Симбирскъ по дѣловымъ причинамъ. Отвѣчайте мнѣ категорически: гдѣ и когда?

13.

Зайдете ль вы, зайду ли я—
Не знаю я. Стезя Господня
Осталась тайной для меня
Вчера и завтра и сегодня.
Но вмѣстѣ выпить завтра намъ
Не худо было бы нисколько,
На зло всѣмъ выспреннымъ судьбамъ
Хотя бы. Ну, и только!

Требуется отвѣтъ. Огаревъ.

14.

Анненковъ! Если вы спите, то прикажите себя разбудить и отвѣчайте мнѣ: кто здѣсь изъ медиковъ не скотъ? Я вчера поскользнулся и упалъ, и у меня свихъ или вывихъ

руки; самъ осматривалъ — не могу утвердительно сказать что; не ловко осматривать самому. Надо непремѣнно другого человѣка. Ergo рекомендуйте онаго. Да и сами заходите, когда время будетъ, ибо я едва ли выйду. Вашъ Огаревъ.

15.

КУПАНЬЕ.

Чьей легкой ножки при рѣкѣ
Слѣды остались на пескѣ?
Зачѣмъ раздвинутъ кустъ прибрежной?
Чья шаловливая рука
Листки цвѣтовъ его слегка
Щипала въ рѣзвости мятежной?
Чу!.. спрячься!.. (брызнула струя)
И стой, дыханье притая!
Смотри, какъ воды разсѣкая,
Встаетъ головка молодая
Съ улыбкой дѣтской на устахъ
И нѣгой южною въ очахъ!
А солнце утреннее блещетъ
На черный лоскъ ея волосъ;
Плечо изъ водъ приподнялось,
И грудь роскошная трепещетъ.
Вотъ косу бѣлою рукой
Она сжимаетъ надъ водой,
И влага, медленно стекая,
Звенитъ, по каплѣ упадая.
Вотъ повернулась и плыветъ,
Съ змѣиной ловкостію вьется,
То прячется въ прохладу водъ,
То, чуть касаясь ихъ, несется.
Остановилась и шутя
Волною плещетъ какъ дитя,
Потомъ задумалась, и видно,
Пора оставить ей потокъ;
Выходитъ робко на песокъ,
Какъ будто ей кого-то стыдно...
Уже одну изъ рѣзвыхъ ногъ
Сжимаетъ узкій башмачекъ;
Уже и ткань сорочки бѣлой
Легла на трепетное тѣло...
Не подходи теперь ты къ ней!
Она дика и боязлива
И серны вѣтреной быстрѣй
Отъ насъ умчится торопливо...

Но знаю я, предъ кѣмъ она
Всегда покорна и смирна;
Я знаю, кто рукой небрежной
Ласкаетъ станъ красотки нѣжной,
Кому на грудь во тьмѣ ночей
Разсыпанъ шелкъ ея кудрей...

Огаревъ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

*

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА

въ книжныхъ магазинахъ «НОВАГО ВРЕМЕНИ» А. С. Суворина: въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ: въ Сибири—въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина въ Томскѣ.

АВЕРКІЕВЪ, Д. В. Лихо. Историческая повѣсть. Ц. 1 р.

— Хмѣлевая ночь. Историческій романъ. Ц. 1 р.

— Драмы. Томъ I. Слобода Неволя.—Фролъ Скабѣевъ. — Каширская старина.—Темный и Шемяка. Ц. 3 р.

АЛАРКОНЪ, Н. Повѣсти и разсказы. Пер. съ исп. Ц. 75 к.

АНДРЕЕВСКІЙ, С. А. Стихотворенія. 1878 — 1885. Ц. 2 р.

— Литературныя чтенія (Баратынскій.— Достоевскій. — Гаршинъ.— Некрасовъ. — Лермонтовъ.—Л. Толстой). Изд. 2-е. Ц. 1 р.

— Защитительныя рѣчи. Ц. 2 р.

АНТОНОВЪ, А. Врачъ. Общедоступная гигіена. Ц. 75 к.

АРСЕНЬЕВЪ, А. В. Карта для нагляднаго обозрѣнія исторіи и хронологіи русской литературы, для класснаго употребленія. Къ картѣ прилагается особою книгою «Словарь писателей древняго періода русской литературы» (862—1700 г.). Изданъ подъ ред. О. Ѳ. Миллера, проф. Спб. унив. Ц. 2 р.

АХШАРУМОВЪ, Н. Д. Во что бы ни стало. Романъ. Ц. 2 р. 25 к.

БАРАНЕЦКІЙ, П. В. Лѣсоохраненіе. Книга для лѣсовладѣльцевъ, лѣсничихъ и слушателей учебн. лѣсн. зав. Ц. 2 р. 50 к.

БАРАНЦЕВИЧЪ, К. Старое и новое. Повѣсти и разсказы. Ц. 1 р

БАШИЛОВЪ, А. Русское торговое право. Практическій курсъ по наброскамъ лекцій, читанныхъ въ Имп. Училищѣ Правовѣдѣнія. Вып. I. Введеніе. Торговыя правоотношенія. Ихъ субъекты (до товариществъ). Ц. 2 р.

— Прибавленіе къ выпуску I-му Русскаго Торговаго права. Указатель измѣненій и дополненій, вызванныхъ новымъ изданіемъ Уставовъ Торговыхъ. Ц. 20 к.

БЕККЕРЪ, К. Древняя исторія, вновь обработанная В. Мюллеромъ, профессоромъ Тюбингенскаго университета. Части I и II. Съ 165 рис. и 2 раскр. картами. Ц. каждой 1 р.

БЕЛЛАМИ, ЭД. Будущій вѣкъ (looking backword). Романъ. Перев. съ англ. Л. Гей. Съ портретомъ и факсимиле автора. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

БИБИКОВЪ, В. Маруся.—Старый портретъ.— Первая побѣда.—Мыслитель. —Изъ дневника. — Литературный вечеръ.— Забытая тетрадь. Разсказы. Ц. 1 р.

БИЛЬРОТЪ, ТЕОДОРЪ, д-ръ. Общая хирургическая патологія и терапія. Руководство для учащихся и врачей, обработанное А. Виниwартеромъ, проф. хирургіи въ Люттихѣ. Со множ. рисунк. Изд. 5-е. Оставшіеся экз. продаются по пониженной цѣнѣ вмѣсто 4 р. 50 к. за 3 р.

БИНЕ и ФЕРЕ. Животный магнетизмъ. Перев. съ франц. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р.

БЛАГОВО, Д. Разсказы бабушки изъ воспоминаній пяти поколѣній. Съ портретомъ. Ц. 3 р.

БОГОСЛОВСКІЙ, Н. Аракчеевщина. Ц. 2 р.

БОГОСЛОВСКІЙ, В. Лечебныя мѣста Европы. Курорты съ мин. водами. климатич. станціи, морскія купанья, лиманы и грязелечебныя заведенія. Съ бальнеологическ. картою. Ц. 2 р. 50 к.

БОРОВИКОВСКІЙ, А и ГЕРАРДЪ, Н. Системат. сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассаціоннаго департ. правит. Сената за 1877 г. Т. I. Матеріальное право. Т. II. Судопроизводство. Ц. 6 р.

БОРОВИКОВСКІЙ, А. Л. Женская доля по малороссійскимъ пѣснямъ Ц. 60 к.

— Законы гражданск. (Сводъ законовъ т. X, ч. I). Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. Кассац. Д-та Пр. Сената Изд. 6-е, исправл. и дополн. (**съ текстомъ законовъ по новому офиціальн. изданію и съ этимъ текстомъ согласованы объясн.**). Спб. 1889 Ц. 6 р.

— Законы гражданск. (Сводъ законовъ т. X, ч. I). Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго кассаціон. департ. прав. Сената. Изд. 5-е, исправл. и дополн. Ц. 6 р.

— Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. кас. деп. пр. Сената. Вып. I-й (Общія положенія). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 2-й (Порядокъ производства въ мировыхъ судебн. установленіяхъ). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 3-й Порядокъ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Кн. II, разд. I. Гл. I—IX). Ц. 2 р. 25 к.

— То же. Вып. 4-й (Порядокъ производства въ судебн. мѣст. Прод. общ. ст. 566—791). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 5-й Порядокъ производства въ общ. суд. мѣстахъ. Прод. ст. 792—923). Ц. 1 р. 75 к.

— То же. Вып. 6-й (Прод. ст. 924—1281). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 7-й (Окончаніе: ст. 1282—1824 и приложенія). Ц. 2 р.

— Дополненія (рѣшенія, опубликованныя во время печатанія предыд. выпусковъ и «продолженіе» 1886 г.). Ц. 1 р.

— Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената. Изданіе переработанное: помѣщенныя въ I-мъ изданіи объясненія изложены въ болѣе сжатомъ видѣ и введены новыя объясненія. Ц. 6 р., съ перес. 7 р.

— Алфавитный указатель объясненій къ Уставу Гражд. Судопроизводства. (Общій для I и II изданій). Ц. 50 к.

— Отчетъ судьи. Т. I. (Чиншев. право.—Третьи лица въ процессѣ.— Законъ и судейская совѣсть). Ц. 1 р. 50 к.

БОРОДИНЪ, А. П. Его жизнь, переписка и музыкальныя статьи (1834—1887). Ц. 1 р. 50 к.

БРЕТЪ-ГАРТЪ. Безродный. Повѣсть. Перев. съ англ. (A waif of the plains). Ц. 60 к.

БОРОЗДИНЪ, К. А. Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 г. Съ 5 портретами. Ц. 2 р.

БУЛГАКОВЪ, Ѳ. И. Художественная энциклопедія (Иллюстрированный словарь искусствъ и художествъ). Т. I. Ц 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к.

— То же. Томъ II. Ц. 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к.

— Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Т. I. Съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII в. включительно. Ц. 3 р. 50 к.

БУРЕНИНЪ, В. Литературн. дѣятельн. Тургенева. Съ портрет. И. С. Тургенева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

— Критическіе очерки и памфлеты. Ц. 1 р. 25 к.

— Изъ соврем. жизни. Фельетонные разсказы Маститаго Беллетриста. Ц. 1 р. 50 к.

— Былое. Стихотворенія. Ц. 1 р. 75 к.

— Стрѣлы. Стихотворенія. Изд. 2-е, дополненное новыми стихотворен. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

— Пѣсни и шаржи. Новыя стиховотренія. Ц. 1 р. 50 к.

— Мертвая нога. Таинственный процессъ. — Романъ въ Кисловодскѣ. Разсказъ. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Критическіе этюды (Гоголь. — Гончаровъ. — Біографія и письма Достоевскаго. — «Власть тьмы» гр. Толстого. — Журнальный походъ противъ гр. Толстого. — Лермонтовъ. — Памяти Пушкина. — Глѣбъ Успенскій). Ц. 1 р. 50 к.

— Смерть Агриппины. Драма въ 5-ти дѣйств. Ц. 1 р.

— Хвостъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

БѢЖЕЦКІЙ, А. Н. Путевые наброски. Въ странѣ мантильи и кастаньетъ (За Пиринеями — Мадридъ — Севилья — Гренада — Біаррицъ — Парижъ). Ц. 1 р. 25 к.

— Военные на войнѣ. — Святочные разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

— На пути. Разсказы и очерки. Ц. 1 р. 50 к.

— Дѣтская любовь. Повѣсть. Ц. 1 р.

БѢЛЯЕВЪ, А. П. Записки декабриста (1803 — 1850). Ц. 2 р.

БЭКЕРЪ, САМУЭЛЬ. Выброшенные моремъ. Романъ для юношества. Переводъ съ англ. Съ иллюстраціями. На велен. бумагѣ. Ц. 2 р.

БЭРЪ, МИХ. Струэнзе. Тр. въ 5-ти д. въ стих. и прозѣ. Перев. съ нѣм А. Н. Плещеева. Ц. 1 руб.

ВАНЪ-ДЕНЪ-БЕРГЪ. Краткая исторія Востока (египтянъ, ассиріянъ, вавилонянъ, мидянъ, персовъ и финикіянъ). Съ 24 гравюрами и виньетками. Ц. 60 к.

ВЕРНЪ, ЖЮЛЬ. Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. Съ 55-ю рисунками. Ц. на вел. бум. 2 р. 50 к.

— Дѣти капитана Гранта. Путешествіе вокругъ свѣта. Въ 3-хъ частяхъ Съ 167 рисунк. Изд. 2-е. Ц. 3 р. На вел. бум. 5 р.

— Приключенія капитана Гаттераса. Съ 252 рисунками. Ц. на велен. бум. 4 р.

— Плавающій городъ. Съ 25 рис. Ц. 1 р. На велен. бум. 1 р. 50 к.

— Путешествіе вокругъ луны. Съ 43 рис. Ц. 1 р. 25 к. На велен. бум. 2 р.

— Восемьдесятъ тыс. верстъ подъ водой. Путешествіе подъ волнами океана. Въ 2 частяхъ, съ 107 рисунками. Ц. 3 р.

— Приключенія трехъ русскихъ и трехъ англичанъ. Съ 51 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ГЕЛЬВАЛЬДЪ, ФРИД. Естественная исторія племенъ и народовъ. Со множеств. иллюстрацій. Сочиненіе это, заключающее въ себѣ исторію развитія культуры племенъ и народовъ земного шара, иллюстрировано художникомъ Келлеръ-Лейцингеромъ: типы расъ, предметы ихъ домашняго быта, и пр. 2 большихъ тома, 1418 стр. Ц. 6 р.

ГЕКЕРЪ, ОСКАРЪ. Ганзейцы (Die Brüder der Hansa). Истор. ром. Съ иллюстрац. Ц. 1 р.

ГЕКСЛИ. Введеніе въ науку. Ц. 30 к.

ГЕТЕ, его жизнь и избранныя стихотворенія. 2-е дополн. изд. Ц. 1 р., въ изящн. перепл. 1 р. 60 к.

ГИЛЬДЕРЪ, Уильямъ. Во льдахъ и снѣгахъ. Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга. Съ 57-ю грав. Ц. въ переп. 2 р. 50 к.

ГЛИНКА, М. Записки и переписка его съ родными и друзьями. Ц. 3 р.

ГОМЕРЪ. Иліада. Переводъ Н. И. Гнѣдича. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к.

HOMERI ILIAS. Pars I. C. I—XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

— Pars II. C. XIII — XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

HOMERI ODYSSEA. Pars I. C. I — XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

— Pars II. C. XIII — XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

ГРЕЧЪ, Н. И. Записки о моей жизни. Съ портретомъ. Ц. 3 р. 50 к.

ГРИГОРОВИЧЪ, Д. В. Акробаты благотворительности. Пов. Ц. 1 р.

— Гуттаперчев. мальчикъ. — Карьеристъ. — Алексѣй Чемезовъ. Ц. 1 р.

ГРУНДВИГЪ, Свендъ. Датск. народ. сказ. Ц. 1 р.

ГЮЙО, М. Воспитаніе и наслѣдственность. Соціологическій этюдъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями переводч. (Education et hérédité). Ц. 1 р. 50 к.

ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. На Индію при Петрѣ I. — Потемкинъ на Дунаѣ. Историч. романы. Ц. 1 р. 50 к.

— Княжна Тараканова. Историч. романъ. — Уманская рѣзня (Послѣдн. Запорожцы). Историч. повѣсть. Ц. 1 р. 50 к.

— Мировичъ (1762 — 1764 г.). Историческій романъ. Ц. 2 р.

— Сожженная Москва. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

ДОДЭ, АЛЬФОНСЪ. Королева Фредерика (Les rois en éxil). Романъ Ц. 1 р. 50 к.

— Жены артистовъ. Очерки нравовъ. Ц. 40 к.

ДРУЖИНИНЪ, А. Полинька Саксъ. Повѣсть. Ц. 50 к.

ЕРШОВЪ. А. И. Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

ЕСИПОВЪ, Г. В. Люди стараго вѣка. Разсказы изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцел. Ц. 1 р. 50 к.

— Тяжелая память прошлаго. Разск. изъ дѣлъ Тайной канцеляр. и друг. архивовъ. Ц. 1 р. 50 к.

ЖЕНЕНЪ. Маленькій герой. Переводъ Е. Н. Ахматовой. Съ рисунк. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

ЖИТЕЛЬ. На отдыхѣ. Деревенскія письма. Ц. 1 р. 50 к.

— Сусальныя звѣзды. — Книга раздора. Ц. 1 р.

— Наши дамы. Ц. 1 р. 50 к.

ЗАГУЛЯЕВЪ, М. А. Русскій Якобинецъ. Романъ изъ франц. революціи. Ц. 1 р.

ЗАХАРЬИНЪ, И. Н. (Якунинъ). Тѣни прошлаго. Разсказы о былыхъ дѣлахъ. Ц. 1 р. 50 к.

ИБСЕНЪ, Г. Привидѣнія (Gjengangere). Драма въ 3-хъ дѣйств. (Пер. съ норвежск. Ц. 60 к.

ИВАНОВЪ-КЛАССИКЪ. Веселый попутчикъ. Письма съ дороги, замѣтки на лету, картинки изъ путевыхъ воспоминаній и дорожныя пѣсни. Ц. 1 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Текстъ А. Г. Брикнера, профессора Дерптск. университета. Гравюры на деревѣ: Панемакера и Маттэ въ Парижѣ, Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ, Клосса и Хельма въ Штутгартѣ, Зубчанинова, Рашевскаго, Шлипера и Винклера въ Петербургѣ, Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника Панова. Ц. 6 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ЕКАТЕРИНЫ II. Издана по тому же плану, какъ и «Ил. Исторія Петра Вел.» и заключаетъ въ себѣ до 300 портретовъ, типовъ, бытовыхъ сценъ и проч., воспроизведенныхъ преимущественно съ рѣдкихъ подлинниковъ Екатерининскаго времени. Текстъ А. Г. Брикнера, профес. Дерптскаго универс. 3 тома. Ц. 8 р.

ИСТОРИЧЕСКАЯ портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фототипія съ лучшихъ образцовъ. Изданіе выходитъ выпусками, по 8 портретовъ въ каждомъ. Цѣна каждому вып. 2 р.

ИСТОРИЧЕСКІЕ разсказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій. Изд. 2-е, дополн. Ц. 1 р. 50 к.

ИШИМОВА, А. Исторія Россія въ разсказахъ для дѣтей. 3 части. Изд. 6-е.

исправл. Ц. за 3 части 3 р. 50 коп.

КАЙГОРОДОВЪ, Д. Собиратель грибовъ. Карманная книжка, содержащая описаніе важнѣйш. съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительн. грибовъ, ростущихъ въ Россіи. Съ 14-ю раскраш. таблицами. Изд. 2-е, въ переплетѣ 1 р. 75 к.

— Изъ Зеленаго Царства. Популярн. очерки изъ міра растеній. Со многими рисунк. Ц. въ изящномъ переплетѣ 3 р. 50 к.

— Черная семья (Птицы вороньяго рода). Съ 3-мя хромолит. таблицами. Ц. 25 коп.

— Изъ царств. пернатыхъ. Популярн. очерки изъ міра русск. птицъ. Выходитъ выпусками. Ц. кажд. вып. 75 к.

КАРАТЫГИНЪ, П. Лѣтопись петербургскихъ заводненій. 1703—1879 гг. Ц. 50 коп.

КАРНОВИЧЪ, Е. П. Историческіе разсказы и бытовые очерки. Съ 50 гравюрами и портретами Ц. 3 р. 50 к.

— Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. 2-е исправлен. и дополн. издан. Ц. 2 р.

— Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ русскими. Ц. 1 р.

— Историческія повѣстя. I. Переполохъ въ Петербургѣ.—II. Лимонъ Ц. 1 р.

КАРТИНЫ ЖИЗНИ. Сборникъ очерковъ и разсказовъ Г. Андерсена, А. Доде, Э. Золя, Гюя де-Мопассана, Ж. Ришпена и Захеръ-Мазоха. Переводъ А. Н. Чудинова. Ц. 75 к.

КЕНИГЪ, Г. Карнавалъ короля Іеронима. Историч. романъ. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р.

КИНГСТОНЪ, У. Г. Д. Молодой раджа. Разсказъ изъ жизни и приключеній въ Индіи. Съ 44 рис. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

КЛЮЧЪ къ русскимъ упражненіямъ учебника французскаго языка. Д. Марго. Изд. 5-е, исправлен. Ц. 35 к.

КНАКФУСЪ. Рембрандтъ. Очеркъ его жизни и произведеній. Съ 155 снимками съ картинъ, гравюръ и рисунковъ Рембрандта. Пер. съ нѣм. Ц. 5 р.

КОЛОКОЛОВА, М. Письма матери къ матерямъ. Цѣна 40 к.

КОСТОМАРОВЪ, Н. И. Черниговка. Быль второй половины XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

— Кудеяръ. Историческая хроника. Ц. 2 р.

КРАМСКОЙ, И. Н. Его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи. 1837 — 1887. Съ факсимиле и 2 портретами. Ц. 3 р. 50 к.

КРЕНКЕ, В. О сельскомъ хозяйствѣ, 3-е исправл. и дополн. изданіе. Выпускъ I, II, III и IV. Ц. каждому 60 к.

— Азбука для народныхъ школъ. Ц. 7 к.

КРЕСТОВСКІЙ, ВСЕВОЛОДЪ. Дѣды. Историческая повѣсть изъ временъ Императора Павла I. Ц. 2 р.

— Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго. Съ 3-мя портретами. Ц. 2 р. 50 к.

КРЕСТОВСКІЙ, В. (Псевдонимъ). Обязанности. Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Повѣсти: Томъ I. Старыя дѣвы. — Стоячая вода. — Пансіонерка. — Братецъ. Ц. 2 р.

— Повѣсти: Томъ II. Матери. — Домашнее дѣло.—Два памятные дня.—Свиданіе. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ III Семьи. — Искушеніе. — Учительница. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ IV. Идеалы и фразы.—Деревенская исторія. — Дневникъ сельскаго учителя. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки Книга первая: За стѣною. — Вѣра. — На вечерѣ. — Недописанная тетрадь. — Старый портретъ, новый оригиналъ.—Старое горе. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга вторая: Нѣсколько лѣтнихъ дней. — Въ дорогѣ. — Разговоръ. — Доброе дѣло. Изъ связки писемъ, брошенной въ огонь. Сцены: I. Утренній визитъ. — II. У жениха и невѣсты. — III. Для дѣтскаго театра. Ц. 1 р. 50 к.

— Большая Медвѣдица. Романъ въ 5 частяхъ. Издан. 3-е, вновь просмотрѣнное авторомъ. Ц. 3 р.

— Испытаніе. Романъ въ 2-хъ част. Ц. 1 р. 50 к.

— Провинція въ старые годы. I. Свободное время. Романъ. Ц. 1 р.

— Провинція въ старые годы. II. Кто-жъ остался доволенъ? Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Провинція въ старые годы. III. Послѣднее дѣйств. комедіи. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

— На память 1850 — 1881 (Анна Михайловна.—Послѣ потопа.—Здоровье. — Прощаніе). Ц. 1 р. 50 к.

КРЕСТОВСКАЯ, М. В. I. Раннія грозы.—Испытаніе. Ц. 1 р. 50 к.

— II. Внѣ жизни. — Уголки театральнаго міръка. Ц. 1 р. 50 коп.

КРОТКОВЪ, В. Пыркинъ и Чепуркинъ.—Послѣдняя жертва катастрофы.— Во время войны—дома. Ц. 1 р

— Частный повѣренный.—Гладкія взятки.— Первобытное состояніе. Ц. 1 р.

ЛАУБЕ. Графиня Шатобріанъ. Истор. романъ. Ц. 2 р.

ЛЕББОКЪ, Д. Ж. Муравьи, пчелы и осы. Наблюденія надъ нравами общежительныхъ перепончатокрылыхъ. Переводъ съ 5-го англійскаго изданія Д. В. Аверкіева. Съ приложеніемъ статьи переводчика: «Муравьиные слѣды». Съ рисунками въ текстѣ и 5-ю хромолит. табл. Ц. 3 р.

ЛЕЙКСНЕРЪ, ОТТО. Нашъ вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности въ теченіе послѣдняго столѣтія. Со множ. портретовъ государей, полководцевъ, госуд. людей, ученыхъ, поэтовъ, литераторовъ, путешественниковъ, изобрѣтателей, рисунковъ, снимковъ съ картинъ извѣстныхъ, художниковъ, автографовъ и проч. Пер. съ нѣм. in-8. Два большихъ тома, 1520 стр. текста и 105 стр. указателей. Ц. за 2 т. 6 р.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Юношескія драмы. Изд. подъ ред. Н. Ефремова. Ц. 1 р. 50 к.

ЛѢСКОВЪ, Н. С. Собраніе сочиненій въ 10-ти томахъ. Ц. 25 р.

— То же, на вел. бум. Ц. 40 р.

— Сказъ о тульскомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ (Цеховая легенда). Ц. 40 к.

— Три праведника и одинъ Шерамуръ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

ЛѢСНАЯ волшебница (The Lady of the Forest). Повѣсть для юношества. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 75 коп.

ЛЮБКЕ. Иллюстрированн. исторія искусствъ. Архитектура. — Скульптура. — Живопись.—Музыка. (Для школъ, самообученія и справокъ). Съ 140 рис. и портретами композиторовъ XIX вѣка. 2-е дополненное изданіе. Переводъ Ѳ. Булгакова, съ очеркомъ исторіи музыки М. Иванова. Ц. 2 р. 50 к.

МАГАФФИ. Древне-греческая жизнь. Переводъ съ англійск. Съ примѣч. М. Стратилатова. Ц. 60 к.

МАЙКОВЪ, Л. Н. Очерки изъ исторіи русской литерат. XVII и XVIII столѣтій (Симеонъ Полоцкій. — Одна изъ русскихъ повѣстей Петровскаго времени. — Къ характеристикѣ Ломоносова какъ ученаго.— В. И. Майковъ. — Литературныя мелочи Екатерининскаго времени. — Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики). Ц. 2 р. 50 коп.

МАКСИМОВЪ, С. Крылатыя слова. Ц. 3 р.

МАРКОВЪ, В. В. Илья Муромецъ. Поэма. Ц. 60 к.

— Трилистникъ. Ц. 30 к.

МАСАЛЬСКІЙ, КОНС. Стрѣльцы. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

МАСЛОВЪ, А. Н. Завоеваніе Ахалъ-Теке. Изд. 2-е. Съ 2-мя портретами М. Скобелева и факсимиле, съ прил. «Матеріаловъ для біографіи М. Скобелева». Ц. 1 р. 50 к.

МЕЙЕРЪ, К. Святой (Der Heilige). Повѣсть. Переводъ съ нѣм. Ц. 75 к.

МЕРИМЕ, П. Варѳоломеевская ночь. Истор. ром. Ц. 1 р.

— Карменъ. Романъ. Ц. 40 к.

МИЛЮКОВЪ, А. П. Царская Свадьба. Историческая повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго Ц. 1 р.

— Литературныя встрѣчи и знакомства. Ц. 1 р.

— Разсказы изъ обыденнаго быта (3-е испр. и доп. изданіе). Ц. 1 р.

МЛЕКОПИТАЮЩІЯ въ описаніяхъ **КАРЛА ФОГТА** и картинахъ **ШПЕХТА**. Переводъ съ нѣм. Большой томъ in-folio. 454 стр. Съ 448 рис. въ текстѣ и 40 отдѣльн. рис. Ц. въ роскош. тиснен. золот. и краск. перепл. 23 р.

— То же. **РОСКОШН. ИЗДАНІЕ** на велен. бум. Ц. 30 р., въ роскош. тисн. золот. и краск. перепл. 34 р., съ зол. обрѣзомъ 35 р.

МОЛЧАНОВЪ, А. Н. Путевыя письма, повѣсти, разсказы и набр. Ц. 60 к.

— Между миромъ и конгрессомъ. Письма въ «Новое Время» изъ Константинополя, Измида, съ Принцевыхъ островоовъ, изъ Дарданеллъ, Галлиполи, Санъ-Стефано и Филиппополя. Ц. 2 р.

МОРДОВЦЕВЪ, Д. Л. Царь и Гетманъ. Истор. ром. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

— Авантюристы. Истор. пов. Ц. 80 к.

МОРСКОЙ, Н. Аристократія гостинаго двора. Картины нравовъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Содомъ. Ром. Ц. 1 р 50 к.

НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ. Сочиненіе автора «Современной Россіи». Изд. 2-е. Ц. 2 р.

НЕВѢДѢНСКІЙ, М. Н. Катковъ и его время. Ц. 3 р.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. Святыя горы (Русскій Аѳонъ). Очерки и впеч. Ц. 80 к.

— Годъ войны. Дневникъ рус. корреспондента (1877--78 г.). 3 тома. Ц. 4 р.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. Цари биржи (Каиново племя въ наши дни) Ром. Ц. 2 р.

— Кама и Уралъ. Очерки и впечатлѣнія. Ц. 3 р

—?—**О ЖЕНЩИНАХЪ** ымсли старыя и новыя Издан. 8-е. Ц. 1 р. 50 к.

ОСТРОВСКІЙ, А. и **СОЛОВЬЕВЪ**. Драматическія сочиненія: Счастливый день.—Женитьба Бѣлугина. — На порогѣ къ дѣлу.—Дикарка. Ц. 3 р.

ОСТРОВСКАЯ, Н. Разсказы для дѣтей. съ 10-ю рисунками. Ц. 2 р.

ОТКЛИКЪ. Литературный сборникъ, изданный студентами Спб. университета въ пользу нужд. студ. и слуш. выс. женск. курс. Ц. 1 р. 50 к.

ОХОТА И ОХОТНИКИ. Разсказы Псковича. Ц. 2 р.

ПАЛЬМЪ, А. Петербургская саранча. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

— Старый баринъ. Ком. Ц. 65 к.

— Гражданка. Сцены. Ц. 65 к.

ПАССЕКЪ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія. 2 тома, съ пятью портретами и видами храма Спасителя. Ц. 4 р.

ПЕЛЛИКО да САЛУЦЦО. Мои темницы. Воспоминанія. Переводъ съ итальянскаго. Съ 18 рис. Ц. 1 р

ПЕРВАНОГЛУ, І. Андроникъ Комненъ. Разсказъ изъ Визант. ист. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р.

ПЕШЕЛЬ, Оск. Народовѣдѣніе. Перев. подъ рэд. Э. Петри съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгоффомъ. Ц. 4 р.

ПИСЬМА графа П. Василія. Лондонское Общество.—Вѣнское Общество. Перев. съ франц. Ц 1 р. 50 к.

ПЛЕЩЕЕВЪ, А. Н. Подснѣжникъ. Стихотворенія для дѣтей и юношества. Ц. 1 р.

— Женщина въ XVIII вѣкѣ (по Гонкуру). Ц. 80 к.

ПОЛЕВОЙ КСЕН. М. В. Ломоносовъ. 2 т. Ц. 2 р.

— Записки. I т. 581 стр. Съ указателемъ личн. именъ и съ 2-мя портрет. Ц. 3 р.

ПОЛЕВОЙ, Н. Клятва при Гробѣ Господнемъ. Русская быль XV вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

ПОЛЕЖАЕВЪ А. Стихотворенія, съ біографическимъ очеркомъ, портретомъ и снимками съ рукописей. Изд. подъ ред. П. А. Ефремова. Ц. 2 р. 50.

ПОНОМАРЕВЪ, С. И. Москва въ родной поэзіи. Сборникъ стихотвореній и характеристикъ русскихъ и славянскихъ писателей, относящихся къ Москвѣ. Перечень русскихъ писателей, родившихся и умершихъ въ Москвѣ, и проч. Ц. 1 р. 25 к.

П—Ъ, С. Къ царскому юбилею, 1855—1880. Собраніе прозаическихъ и стихотворныхъ отрывковъ, относящихся къ Государю Императору Александру II, со дня Его рожденія до 19-го февраля 1880 г. Ц. 40 к.

ПОТѢХИНЪ, А. Послѣ освобожденія. Разсказы изъ крестьянскаго быта. 3 тома. Ц. 4 р.

ПОЭ, ЭДГАРЪ. Необыкновенные разсказы. Переводъ съ англійск., кн. I и II. Ц. каждой 60 к. Кн. III. Ц. 1 р.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССІИ. СѢВЕРЪ (Петербургъ. — С.-Петербургская губернія. —Эстляндская губ. —Финляндія.— Олонецкая губ. —Архангельская губ.). Съ 5-ю планами и 2-мя карт. Подъ ред. **Р. С. ПОПОВА**. Ц. въ пер. 3 р.

— Вып. II. **ЗАПАДЪ**. (Прибалтійскія губ.—Сѣверозападныя губ.—Привислянскія губ. Царство Польское). Съ планами Варшавы, Вильны и Риги. Ц. 2 р.

ПЫЛЯЕВЪ, М. И. Старый Петербургъ. Большой томъ въ 471 стр. 86 рис. въ текстѣ и 26 на отдѣльныхъ листахъ, и бытовыя сцены. Съ приложеніемъ указателя личныхъ именъ и мѣстностей, зданій и проч. Ц. 8 р., въ изящн. переплетѣ 9 р. 20 к.

— То же, удешевленное изданіе. Съ 122 грав. Ц. 3 р., въ перепл. 4 р.

— Старая Москва. Эта книга составлена авторомъ по тому же плану, какъ и «Старый Петербургъ». Она будетъ заключать въ себѣ 36 печ листовъ большого формата и 132 иллюстраціи Выходитъ выпусками, каждый объемомъ въ 2 печ. листа, съ нѣсколькими рисунками. Всѣхъ выпусковъ будетъ 18. Ц. каждаго выпуска 50 к.

— Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Съ 104 гравюрами Ц. 4 р., въ пер. 5 р.

— Драгоцѣнные камни, ихъ свойства, мѣстонахожденія и употребленіе. 2-е, значительно дополненное изд. Ц. 2 р. 50 к.

РАЗГОВОРЫ ГЕТЕ, собранные Эккерманномъ. Пер. съ нѣм. Д. В. Аверкіева. Ч. 1-я. Ц. 1 р. 50 к.

— Тоже. Часть II я. Ц. 1 р. 50 к.

РИШЕ, Ш. Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта. Ц. 1 р. 50 к.

РОЗЕНТАЛЬ. Общая мышечная и нервная физіологія. Пер. подъ ред. И. Р. Тарханова. Ц. 2 р.

РОСТОПЧИНСКІЯ афиши 1812 года. Библіографическое изданіе въ 300 экземпляровъ. Ц. 3 р.

РУММЕЛЬ, В. и **ГОЛУБЦОВЪ**, В. Родословный сборникъ русск. дворянскихъ фамилій. 2 большихъ тома. Ц. 10 р.

РУССКАЯ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ. Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія, съ краткими ихъ біографіями (фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ). Галлерея эта выходила всего въ количествѣ 500 экз., по мѣрѣ изготовленія портретовъ, выпусками, каждый изъ 6-ти портретовъ большого формата, съ краткими біографіями. Цѣна каждому выпуску 2 р. Вышло 19 выпусковъ. Полный экземпляръ въ роскошномъ перепл. 42 р., съ перес. 45 руб.

РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ изд. А. С. Суворина на 1892 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.

САЙМЪ, ДЖЕМСЪ. Краткая исторія нѣмецкой литературы. Ц. 60 к.

САЛІАСЪ (графъ). Петербургское дѣйство. Историч. ром. (1762 г.). Изд. 2-е. Ц. 4 р.

— На Москвѣ. Истор. ром. изъ временъ чумы 1771 г. Ц. за 2 т. 4 р.

— Атаманъ Устя. Поволжская быль. Ц. 2 р.

— Поэтъ-намѣстникъ. 1785—1788. Ц. 1 р.

— Свадебный бунтъ. Историческій ром. Ц. 2 р.

САМСОНОВЪ, Л. Н. Пережитое. Мечты и раз-

сказы русскаго актера (1860 — 1878). Изящное изданіе на цвѣтной бум. Ц. 2 р.

САХАРОВЪ, И. П. Сказанія русскаго народа. Русское народное чернокнижіе. — Русскія народ. игры, загадки, присловья и притчи. Ц. 75 к.

— То же. Сказанія русскаго народа. Народный дневникъ. — Праздники и обычаи. Ц. 75 к.

СЕНТСВЕРИ, Д. Краткая исторія французской литературы. Ц. 40 к.

СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ. Мѣсяцесловъ въ стихахъ (перепечатка изъ Псалтыря съ мѣсяцесловомъ), переложенный стихами іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ. Москва, въ Верхней типографіи, 1680 г., въ листъ. Съ заставками (заглавныя въ нѣсколько красокъ) и друг. украш. Печатано въ двѣ краски. Ц. 2 р.

СКАЛЬКОВСКІЙ, К. А. Новыя путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 25 к.

— У скандинавовъ и фламандцевъ. Путевыя впечатлѣнія по Швеціи, Даніи и Бельгіи. Ц. 1 р.

СМАЙЛЬСЪ, С. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта, жизнь въ Австраліи и переѣздъ черезъ Америку. Изд. 3-е, исправленное, съ 9 рис., картою и приложеніемъ статьи изъ путешествія БОВУАРА: Общество и природа въ Австраліи. Ц. 1 р. 75 к.

СМИРНОВА, С. У пристани. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Изд. 2-е, исправл. и дополнен. 2 тома. Ц. 2 р. 50 к.

СОЛОВЬЕВЪ, Н. Я. На порогѣ къ дѣлу. Деревенскія сцены. Ц. 75 к.

СОЛОГУБЪ, В. (графъ). Тарантасъ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р.

— Воспоминанія. Съ портретомъ. Ц. 1 р. 50 к.

СТИВЕНСОНЪ, Р. Л. Клубъ самоубійцъ. Разсказъ. Ц. 50 к.

— Странная исторія доктора Джикиля и Мистера Хайда (Strang Case of d-r Jekyll and m-r Hyde). Ц. 50 к.

СТИВЕНСОНЪ, Р. Л. Принцъ Отто. Повѣсть Prince Otto by R. L. Stevenson). Ц. 1 р.

— Черная стрѣла. Повѣсть для юношества временъ войны Алой и Бѣлой розы. Пер. съ англ. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. С. Татьяна Рѣпина. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. и В. БУРЕНИНЪ. Медея. Драма въ четырехъ дѣйств. въ стихахъ и прозѣ. Изд. 2-е Ц. 1 р.

СУХОМЛИНОВЪ, М И. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Т. I. Введеніе. — Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I. — А. Н. Радищевъ. Ц. 3 р.

— То же. Томъ II-й. (Н. И. Новиковъ, авторъ истор. словаря о русскихъ писателяхъ. — Приложеніе: указатель авторовъ, помѣщенныхъ въ словарѣ Новикова 1772 г. — Ф. Ц. Лагарпъ, воспитатель императора Александра I. — Приложенія. ИмператоръНиколайПавловичъ — критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина. Полемическія статьи Пушкина. — Появленіе въ печати сочиненій Гоголя. — Князь П. А. Вяземскій. — Н. А. Полевой и его журналъ «Московскій Телеграфъ». — Три повѣсти Павлова. — Снятіе опалы съ славянофиловъ. — И. С. Аксаковъ въ 40-хъ годахъ. Ц. 3 р.

— ? — ТАНЦЫ, балетъ, ихъ исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

ТАТИЩЕВЪ. Изъ прошлаго русской дипломатіи. Историческія изслѣдованія и полемическія статьи. Ц. 4 р.

ТВЭНЪ, МАРКЪ (Самуэль Клеменсъ). Принцъ и Нищій. Историч. ром. для юношества всѣхъ возрастовъ. Съ 150 рисун. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

— Приключенія Тома. Перев. съ англ., съ 109 рис. Ц. 2 р.

ТВЕНЪ, МАРКЪ Приключенія Финна. Съ 172 рис. въ текстѣ Пер. съ англ. Цѣна въ хромолитогр. папкѣ 3 р.

— Американскіе разсказы. Пер. съ англ. Ц 50 коп.

ТРИРОГОВЪ, В. Община и подать. Собраніе изслѣдованій. Ц. 2 р.

ТРУБАЧЕВЪ С. Пушкинъ въ русской критикѣ (1820—1880). Ц. 2 р.

ТЬЕРРИ, О. Месть Карбонаріевъ. Ром. изъ временъ второй Имперіи. Ц. 1 р.

УСПЕНСКІЙ, Н. Разсказы. Ц. 1 р.

УЭЛЬКЕНСЪ. Древнеримская жизнь. Пер. съ анг. (примѣч. М. Стратилатова). Съ 14-ю грав. Ц. 60 к.

ФЕДОРОВЪ. Абиссинія. Истор-географческій очеркъ. Съ картою. Ц. 75 к.

ФІОРЕНТИНИ, И. Изабелла Орсини герцогиня Браччіано. Историческій романъ. Съ 28 гравюрами. Ц. 1 р. 50 к.

ФЛОРИНСКІЙ, В. М. Домашняя медицина. Лечебникъ для народнаго употребленія. Изд. 4-е, испр. Ц. 3 р. 50 к.

ФОФАНОВЪ К. Стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

ФРЕНЦЕЛЬ. Въ золотомъ вѣкѣ. Ист. р. Ц. 2 р.

ФРИМАНЪ, Э. А. Очеркъ исторіи Европы. Перев. Стратилатова. Съ 6-ю карт. Ц. 60 к.

ФУРМАНЪ, П. Р. Дочь шута. Ром. изъ временъ Императрицы Анны Іоанновны. Ц. 1 р. 50 к.

— Русскій граверъ. Истор. пов. 1725 и 1726 гг. Ц. 75 к.

ХМЫРОВЪ, И. Азбука Икса. Задачникъ по алгебрѣ и геом. съ подр. рѣш. и отвѣтами. Ц. 2. р. 50 к.

ХРУЩОВЪ, И. И Къ исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II. Съ портретами, снимками и картами. Ц. 2 р. 50 к.

ЧЕРКАСОВЪ, А. Записки охотника Восточн. Сибири. Изд. 2-е, испр. и доп. Съ рисунк. Ц. 4 р.

ЧЕХОВЪ АН. Въ меркахъ. Очерки и разсказы. Изд. 5-е. Ц. 1 р.

— Разсказы. (Счастье. — Тифъ. — Ванька. — Свирѣль. — Перекати-поле. — Задача. — Степь. — Тина. — Тайный совѣтникъ. — Письмо. — Поцѣлуй). Изд. 5-е. Ц. 1 р.

— Хмурые люди. Разск зы. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Пестрые разсказы. Изд. 2-е, исправленное. Ц. 1 р.

ЧУЙКО, В. В. Шекспиръ его жизнь и произведенія. Съ 33 грав. Ц. 5 р.

ЧЮМИНА, О. (Михайлова). Стихотворенія. (1884—1888). Ц. 1 р. 50 к.

ШАШКОВЪ, С. С. Исторія русской женщины. Изданіе 2-е, испр. и доп. Ц. 1 р. 75 к.

ШИЛЛЕРЪ, его жизнь и избранныя стихотворенія. Съ 43 рисунками. Ц. 1 р. 50 к., въ изящн. переплетѣ 2 р. 10 к.

ШОПЕНГАУЭРЪ, А. Свобода воли и основы морали. Двѣ основныя проблемы этики. Ц. 2 р.

— Житейская мудрость. Афоризмы и максимы. Изд. 2-е, дополн. Ц. 2 р.

ШПАЖИНСКІЙ, И. В. Драматическія сочиненія. Томъ I (Маіорша. — Легкія средства. — Кручина. — Фофанъ. — Прахомъ пошло!). Ц. 1 р. 50 к.

ШТЕРНЪ, А. Всеобщая исторія литературы. Перев. съ нѣмец., допол. библіограф. указ. Ц. 2 р.

ШТИНДЕ, В. Госпожа Бухгольцъ на Востокѣ. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р.

ЩЕГЛОВЪ, И. Дачный мужъ, его похожденія, наблюденія и разочарованіе. — Въ горахъ Кавказа. Картинки минеральныхъ нравовъ. Ц. 1 р.

— Корделія. — Миньона. — Петербургская идилія. — Кожаный актеръ. — Миръ праху. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ЭБЕРСЪ. Дочь египетскаго царя. Истор. ром., разсказанный для юношества О. Шапиръ. Съ рис. Ц. въ переплетѣ 2 р.

ЭЛЬПЕ. Калейдоскопъ изъ области теоретиче-

скаго и прикладного знаній. Изд. 2-е, исправлен. и дополн. Ц. 1 р.

— Тоже. 2-я серія. Ц. 1 р. 20 к.

— Обиходная рецептура. Ц. 1 р. 50 к.

ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, А. Н. О хозяйствѣ въ сѣверной Россіи и примѣненіи въ немъ фосфоритовъ. Сборникъ сельско-хозяйственныхъ статей. 1872 — 1388. Ц. 2 р.

ЯКОВЛЕВЪ, П. (И. Я. Павловскій). Очерки современной Испаніи 1884—1885. Ц. 3 р.

— Маленькіе люди съ большимъ горемъ. Разсказы. Ц. 1 р.

ЯКОВЛЕВА, Н. В. Туда и обратно. Изъ заграничной поѣздки. Ц. 1 р. 25 коп.

ѲЕДОТОВЪ, А. Ѳ. Про бѣлаго бычка. Комедія въ 4-хъ дѣйст. Ц. 1 р.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА.

При выпискѣ книгъ „Дешевой Библіотеки" можно обозначать, вмѣсто названія книги, нумеръ, подъ которымъ она здѣсь обозначена.

1. ГРИБОѢДОВЪ, А. С. Горе отъ ума. Ком. въ 4 д. въ стихахъ. Съ біограф. и портр. автора. Изд. 10-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

2. ФОНВИЗИНЪ, Д. И. Двѣ комедіи: I. Бригадиръ. Въ 5 д. II. Недоросль. Въ 5 д. Съ біограф. и портретомъ автора и объяснительнымъ словаремъ. Изд. 6-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

3. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Повѣсти. Изд. 5-е. Ц. 20 коп., въ папкѣ 28 к. въ переплетѣ 40 коп.

4. МЕРЗЛЯКОВЪ и ЦЫГАНОВЪ. Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к., на вел. бум. 20 к.

5. НАРѢЖНЫЙ. Бурсакъ. Ром. Изд. 3-е. Ц. 35 к., въ папкѣ 43 к., въ перепл. 60 к., на велен. бум. 65 к.

6. ЛОМОНОСОВЪ, М. В. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портр. и біограф. М. В. Ломоносова. Изд. 2-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ перепл. 60 к.

7. КСАВЬЕ-де-МЕСТРЪ. Параша-Сибирячка. Разсказъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

8. АНЕКДОТЫ и остроумныя изреченія, выбранныя изъ сочиненій лучшихъ древнихъ писателей. 4-е изд. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переплетѣ 30 к.

9. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Историческія повѣсти. Кн. 1-я (Авдотья Лихончиха. — Купецъ Капустинъ. — Прокуроръ). Съ портрет. Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 23 к., на вел. бум. 30 к.

10. — То же. Кн. 2-я. (I. Сказаніе о синемъ и зеленомъ суднѣ.—II. Часовой). Съ портр. князя Я. Ѳ. Долгорукова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

11. — То же. Кн. 3-я. (Позументы. — Новый годъ). Съ гравюрой: Солдаты Петровскаго врем. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к., на вел. бум. 30 к.

12. ВЕНЕВИТИНОВЪ. Полное собраніе стихотвореній. Съ біограф. и портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

13. ХЕМНИЦЕРЪ, И. Полное собраніе басенъ и сказокъ. Съ біограф. съ портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

14. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Историческія повѣсти. Кн. 4-я (Чернигіевскій миръ.—Остапъ и Ульяна. —Старый хламъ). Изд. 2. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к., на вел. бум. 30 к.

15. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Великій кн. Димитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донской. Ц. въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к., на велен. бум. 20 к.

16. КАПНИСТЪ, В. Ябеда. Ком. въ 5 д. Съ портр. и біограф. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

17. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Царствованіе Ѳеодора Іоанновича (Правленіе Бориса Годунова.—Убіеніе царевича Димитрія—Состояніе Россіи въ концѣ XVI в.). Ц. въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

18. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Повѣсти. Кн. 5-я (Запорожцы. Историч. быль временъ Екатерины Великой). Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переплетѣ 30 к.

19. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Аммалатъ-Бекъ. Кавказ. быль. Съ портр. автора. 2-е изд. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

20. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Царствованія Бориса Ѳеодоровича и Лжедимитрія. Ц. въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

21. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Страшное гаданіе.—Два вечера на бивуакѣ.—Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

22. — Мулла-Нуръ. Быль. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

24. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго в междуцарствіе. Ц. въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

25. МАРЛИНСКІЙ, А (А. А. Бестужевъ). Фрегатъ Надежда. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

26. — Мореходъ Никитинъ.—Романъ и Ольга. — Замокъ Эйзенъ. — Шахъ Гуссейнъ. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

27. ПОЛЕВОЙ, Н. А Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ. Историч. пов. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

28. КОХАНОВСКАЯ. Кирила Петрова и Настасья Дмитрова. Пов. Изд. 2-е. Ц. 25 коп., въ папкѣ 33 к.

29. — Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Изд. 2. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

30. — Старина. Семейная память. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 коп., въ папкѣ 28 к.

32. МАРЛИНСКІЙ А. (А. А. Бестужевъ). Наѣзды. Повѣсть 1613 г.—Измѣнникъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., в папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

33. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Повѣсти. Кн. 6-я (Сержантъ Ивановъ, или всѣ за одно. — Вольный гетманъ Панъ Савва.—Староста Меланья). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

34 и 35. ДИККЕНСЪ, Ч. Оливеръ Твистъ. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. 3-е. Ц. 50 к., въ папкѣ 58 к., въ перепл. 80 к.

36. ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. Историческ. разсказы. I. Царь Алексѣй съ соколомъ. — II. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя. — III. Екатерина Великая на Днѣпрѣ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переп. 40 к.

37. ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. Украинскія сказки. 3-е изд. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переп. 40 к.

38. БОГДАНОВИЧЪ, И. Душенька. Древн. пов. въ вольн. стихахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

39. ШЕКСПИРЪ, В. Гамлетъ. Траг. въ 5-ти дѣйств. Перев. съ англ. Н. А. Полевого. Съ допол., варіантами по другимъ переводамъ. 2-е изд. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к., на вел. бум. 50 к.

40. ПОГОРЕЛЬСКІЙ, А. Монастырка. Ром. въ 2-хъ ч. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

41. СОЛОГУБЪ, В. А. (графъ). Повѣсти и разсказы. Кн. I. Аптекарша.— Метель. — Неоконченныя повѣсти. Съ портретомъ автора. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

42. — То же. Кн. II. Исторія двухъ калошъ.— Нечистая сила.— Воспитанница. Изд. 2. Ц. 25 к.

43.—Тоже. Повѣсти и разсказы. Кн. III. Большой свѣтъ. — Медвѣдь. Изд. 2-е. Ц. 25 к. Три книги въ одномъ перепл. 1 р.

44. ШЕКСПИРЪ, В. Король Лиръ. Траг. въ 5-ти дѣйств. Перев. А. В. Дружинина. Съ предисл. и замѣчан. о трагедіи и о характ. ея Кольриджа, Шлегеля, Вовилля, Джемисонъ, Дружинина. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к., на велен. бум. 50 к.

45 и 46. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Письма русскаго путешествен. Со статьею Ѳ. И. Буслаева, съ портр. автора и рисунк. 2 т. Ц. 1 р., на вел. бум. 2 р.

47. ШЕКСПИРЪ, В. Отелло, венеціан. мавръ. Тр. въ 5 д. Перев. П. И. Вейнберга. Съ предисловіемъ и мнѣніями о характерахъ трагедіи Фурнивала, Джонсона, Кольриджа, Шлегеля, Крейсига, Рюмелина, Мезьера. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к., на вел. бум. 50 к.

48. ДЕЛЬВИГЪ, А. баронъ. Полное собраніе стихотвореній. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к., на вел. бум. 40 к.

49. ОЗЕРОВЪ, В. Эдипъ въ Аѳинахъ. Траг. въ 5-ти дѣйст. въ стихахъ съ хорами. — Дмитрій Донской. Тр. въ 5-ти дѣйств., въ стихахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 коп.

50. ЛѢСКОВЪ, Н. Повѣсти и разсказы. Кн. I. Скоморохъ Памфалонъ. —Спасеніе погибавшаго). Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

51. — Кн. II. Очарованный странникъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

52. АБЛЕСИМОВЪ, А. О. Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ. Комич. опера въ 3 д. Изд. 2-е. Ц. 8 к., въ папкѣ 16 к., въ перепл. 28 к.

53. ШЕКСПИРЪ, В. «Макбетъ». Траг. въ 5 д. Пер. А. Кронеберга. Съ предислов. и мнѣніями о «Макбетѣ» Кольриджа, Галлама, Найта, Гензе, Мезьера, Рюмелина. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папк. 33 к., въ переп. 45 к., на вел. бум. 50 к.

54. ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. Семейная Старина Кн. I. Прабабушка. — Тѣнь прадѣда. Ц. 10 к.

55 — Тоже. Кн. II. Дѣдовъ лѣсъ. — Бабушкинъ рай. Ц. 15 к. за обѣ книги въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

56. ШИЛЛЕРЪ, Ф. Духовидецъ. Пер. М. Коршъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

56. ЛЬВОВА, А. Марина Мнишекъ. Историч. поэма въ 5 ч. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

57. ЛѢСКОВЪ, Н. С. Повѣсти. Кн. III. Запечатлѣнный ангелъ. Ц 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

58. ШЕКСПИРЪ, В. Король Ричардъ III. Др въ 5 д. Перев. А. Дружинина. Съ предисловіемъ и примѣч. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переп. 45 к

59. МОРДОВЦЕВЪ Д. Л. Кумъ Иванъ. Историч. быль. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

60. ДОСТОЕВСКІЙ, Ѳ. Бѣдные люди. Ром. Ц 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

61. ШИЛЛЕРЪ, Ф. Марія Стюартъ. Тр. въ 5 д Перев. А. Шишкова. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

62. ДМИТРІЕВЪ, И. Сказки, басни и апологи. Съ портр. и біограф. автора. Ц. 15 к., въ папкѣ. 23 к., въ перепл. 35 к.

63. ФЛОБЕРЪ, Г. Саламбо. Ром. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ пер. 60 к.

64. ПОГОРЕЛЬСКІЙ, А. Черная курица или подземные жители. Волшебная пов. для дѣтей. Ц. 5 к., въ папкѣ 13 к., въ перепл. 25 к.

66. ЛѢСКОВЪ, Н. С. Котинъ Доилецъ. Пов. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

67. ПОЛЕВОЙ, Н. А. Дѣдушка русскаго флота. — Параша Сибирячка. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

68. ЭЗОПЪ. Избранныя басни. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

69. ЛѢСКОВЪ, Н. С. Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ. Три очерка. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

70. КВИТКО - ОСНОВЬЯНЕНКО. Гр. Ѳ. Панъ Халявскій. Ц. за 2 части 50 к., въ папкѣ 58 к., въ перепл. 75 к.

71. БѢЖЕЦКІЙ А. Н. Сраженіе. — Разстрѣлянный. — Нарочный. — Испытаніе волонтеровъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

72. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. I. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

72. — То же. Т. II. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

73. ЛѢСКОВЪ, Н. С. Инженеры - Безсребренники. Изъ исторіи о трехъ праведникахъ. Ц. 15 к.. въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

74. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Лейтенантъ-Бѣлозоръ. Ц. 15 коп., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

75. — Латникъ. Разск. партизанскаго офицера. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

76. ЧЕХОВЪ, Ан. Дѣтвора. Ванька. — Событіе.—Кухарка женится — Бѣглецъ.—Дома. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к

77. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. III. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

77. — Тоже. Т. IV. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

78. ДАВЫДОВЪ, Д. В. Стихотворенія. Съ біогр. и портр. автора. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

79. КОЗЛОВЪ, И. Три поэмы. Чернецъ. — Княгиня Наталія Борисовна Долгорукая. — Безумная. Съ біограф. и портр. автора. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

80. БАЙРОНЪ, лордъ. Невѣста Абидосская. Турецкая повѣсть. Перев. И. И. Козлова. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30к.

81. ЕВРИПИДЪ. Медея. Траг. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переп. 30 к.

82. КОТЛЯРЕВСКІЙ, И. П. Москаль - Чаривныкъ. Малоросс. опера въ 1 д. Ц. 7 к., въ папкѣ 15 к., въ перепл. 27 к.

83. — Наталка Полтавка. Малорос. опера въ 2-хъ дѣйс. Ц. 7 к., въ папкѣ 15 к., въ перепл. 27 к.

84. — Енеида, перелицеванная на малоросс. языкъ. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

84. БОМАРШЕ, П. Севильскій Цирюльникъ или безполезная осторожность. Ком. въ 4 д. Перев. А. Чудинова. Съ біограф. автора. Ц. 15 к., въ папк. 23 к., въ пер. 35 к.

85. ДОЛГОРУКАЯ, Н. Б. Княгиня. Записки. Съ портретомъ и рисунками. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

86. ПОХОДЪ Аргонавтовъ. Древнія греческія сказанія. Съ рис. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30к.

87. БОМАРШЕ, П. Безумный день или женитьба Фигаро. Ком. въ 5 д. (1784). Пер. А. Чудинова. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

88. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. V. Ц. 20 коп., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

89. ШЕКСПИРЪ, В. Коріоланъ. Траг. въ 5 д. Перев. А. Дружинина. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

90. ОДОЕВСКІЙ, Ѳ. В. князь. Сказки и разсказы дѣдушки Иринея. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

91. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. VI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к. въ перепл. 40 к.

92. — То же. Т. VII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

94. — То же. Т. VIII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

95. — То же. Т. IX. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

96. — То же. Т. X. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

97. — То же. Т. XI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

98. — То же. Т. XII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

99. ЕВРИПИДЪ. Гипполитъ. Траг. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введ. и примѣч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переплетѣ 30 к.

100. ЛАМАРТИНЪ, А. Іоанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ перепл. 32 к.

101. ЕВРИПИДЪ. Ифигенія въ Авлидѣ. Др. Съ греческ. перев. В. Алексѣевъ. Съ введ. и примѣчан. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

102. — Ифигенія въ Тавридѣ. Др. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введ. и примѣч. Ц. 10 к., въ папк. 18 к., въ пер. 30 к.

103. ЭСХИЛЪ. Прикованный Прометей. Перев. съ греч., съ введ. и примѣч. В. Алексѣева. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

104. МОЛЬЕРЪ. Школа женъ. Ком. въ 5 д. Перев. въ стихахъ В. Лихачева. Ц. 15 коп., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

105. ЕКАТЕРИНА II. императрица. Избранныя сочиненія. Кн. I. Педагогическія сочиненія. I. Разговоръ и разсказы. — II. Гражданское начальное ученіе. — III. Сказка о царевичѣ Хлорѣ. — IV. Записки. — V. Сказка о царевичѣ Февеѣ. — VI. Инструкція князю Салтыкову. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

106. — То же. Кн. II. Были и небылицы. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

107. — То же. Кн. III. Драматич. сочиненія. О время! — Г-жа Вѣстникова съ семьею. — Передняя [illegible] борина. — Горе богатырь Косометовичъ. — Новгородскій богатырь Боеслаевичъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

109. ТЕРПИГОРЕВЪ, С. Н. (АТАВА). Разсказы. I. Въ раю. — II. Аверьянъ Михѣевъ и его жильцы. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

110. ОДОЕВСКІЙ, В. Ѳ. Повѣсти. Кн. I: Бригадиръ. — Балъ. — Насмѣшка мертвеца. — Послѣдній квартетъ Бетховена. — Импровизаторъ — Себастіанъ Бахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

111. — Кн. II: Княжна Мими. — Княжна Зизи. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

112. — Кн. III: Саламандра. — Эльса. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

113. Герои и Героини греческихъ трагедій въ разсказахъ для всѣхъ возрастовъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

114. ГЕТЕ, В. Фаустъ. Драматическая поэма. Перев. Н. Холодковскаго. Изданіе исправленное переводчикомъ. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 45 к

115 МОЛЬЕРЪ. Скупой. Комедія въ пяти актахъ. Переводъ В. С. Лихачева. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

ПУШКИНЪ, А. С. Собраніе сочин. въ 10-ти т. болѣе 4,100 с.). Съ біогр. А. С. Пушкина, съ портфаксим., видами мѣстностей, гдѣ жилъ поэтъ. Съ алфавитн. и хронолог. указ. ко всѣмъ его произв. Изданіе 3-е. Ц. за 10 том. 1 р. 50 к., въ изящномъ перепл. 3 р. 50 к., въ папкѣ 2 р. 30 к.

116. НЕМИРОВИЧЪ ДАНЧЕНКО, В. И. Лѣтомъ и зимою на Шипкѣ. 1877—1878. (Изъ воспоминаній военнаго корреспондента). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

123. ПУШКИНЪ, А. С. Поэмы и сказки. Съ прил. біографіи А. С. Пушкина, портретомъ его и рисунковъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

124 ПУШКИНЪ, А. С. Драматическія произведенія. Съ приложеніемъ портрета и рисунковъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 коп.

125 — Стихотворенія. Съ примѣчаніями къ нимъ и портретами Пушкина, его отца, матери и жены. Ч. I. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

126 — Стихотворенія. Съ примѣчаніями къ нимъ и двумя рисунками. Ч. II. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

127. — Евгеній Онѣгинъ. Съ дополненіями и варіантами. Ц. 15 к.

133. ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Герой нашего времени. Ром. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

134. — «Маскарадъ», драма въ 4-хъ дѣйств., въ стихахъ, и «Маскарадъ», драма въ 5-ти дѣйств., въ стихахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

135. — Стихотворенія. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к.

136. — Поэмы «Мцыпи» и «Демонъ». Ц. 8 к., въ папкѣ 16 к.

153. ВО ДНИ ОНЫ. (Бенъ-Гуръ). Повѣсть изъ первыхъ лѣтъ христіанства. (Ben-Hur by Lewis Wallace). Передѣлано съ англійскаго Е. Б... това. Ц. 25 к. въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

158. ПЛУТАРХЪ. Сравнительныя жизнеописанія. Т. I. Выпускъ 1-й Т вей и Ромулъ. Ц. 15 к.

Изящные коленкоровые переплеты отъ 20 до 50 коп. за томикъ; папки по 8 коп.

